

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

Исторический факультет
Кафедра вспомогательных
исторических дисциплин и
археографии

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт всеобщей истории

Отдел специальных
исторических дисциплин

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXV Всероссийской научной конференции
с международным участием

Москва, 6–7 апреля 2023 года

Москва
2023

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*М.Ю. Борисов (отв. секретарь), С.В. Зверев, Н.А. Комочев,
И.Г. Коновалова (отв. ред.), Е.В. Пчелов (отв. ред.),
Д.Н. Рамазанова, А.А. Фролов,
К.С. Худин (отв. секретарь), А.П. Черных*

Рецензенты:

*д.и.н., проф. Петрозаводского ГУ А.М. Пашков
д.и.н., проф., зав. каф. ИАИ РГГУ Т.И. Хорхордина*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Исторический ф-т, Каф. вспомогат. ист. дисциплин и археографии; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2023. – 433 с.

В материалах сборника рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география и картография, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественнонаучного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры, приказного делопроизводства.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

ISBN 978-5-94067-545-7

- © Институт всеобщей истории РАН, 2023
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2023
- © Редакция, составление, 2023
- © Коновалова И.Г., Пчелов Е.В., общая редакция, 2023
- © Коллектив авторов, 2023
- © Степанова Ю.В., оригинал-макет, 2023

*Памяти Бориса Львовича Фонкича
(1938–2021)*

Rodriguez

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная XXXV Всероссийская научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», которая традиционно проводится совместно Кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института РГГУ и Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, посвящена памяти выдающегося учёного с мировым именем — доктора исторических наук, главного научного сотрудника Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН Бориса Львовича Фонкича (1938–2021), которого связывали самые добрые и теплые отношения и с ИАИ РГГУ. Научные труды Бориса Львовича признаны классикой византиноведения и неозланистики не только в России, но и за рубежом. Он — иностранный член-корреспондент Афинской академии, почётный доктор Фессалоникийского университета им. Аристотеля, почётный доктор Фракийского университета им. Демокрита, кавалер высокой государственной награды Республики Греция — ордена Феникса степени «Командор».

Основным полем научной деятельности Б.Л. Фонкича была греческая палеография и кодикология: он работал с любыми рукописями и документами в широком диапазоне с IV по XIX век. Каждая его публикация в этой сфере всегда содержала какое-то научное открытие: пересмотр принятой датировки той или иной греческой рукописи, локализацию и установление её происхождения, определение автографа того или иного учёного, писателя или политического деятеля византийской и поствизантийской эпох. Фактически именно Борис Львович первым ввёл в отечественную науку современные принципы идентификации писцов по почерку. Его методологические приёмы создают основу, на которой можно и дальше развивать изучение греческой палеографии в России.

Борису Львовичу также принадлежит целый ряд описаний отечественных и зарубежных фондов греческих рукописей. Он уделял большое внимание и изучению деятельности собирателей и коллекционеров греческих рукописей, попавших потом в отечественные собрания. Его вклад в историю отечественной науки достаточно обширен и пока ещё недооценён в полной мере.

Борис Львович создал новое направление в исследованиях истории России, подробно изучив греческо-русские связи XIV–XVIII веков. Его работы всесторонне освещают все этапы культурных связей греческого мира и христианского Востока с Московской Русью и Российской империей. В истории греческо-русских связей он создал целую школу исследователей, которые продолжают разрабатывать эту проблематику.

Однако, как и обычно, конференция не ограничивается лишь вопросами палеографии, кодикологии и истории книжной культуры — на ней представлен весь спектр вспомогательных исторических дисциплин, отражающий многообразные научные интересы её участников в этой области.

О.А. Абеленцева
к.и.н., с.н.с. СПбИИ РАН

К вопросу о наименования документов в монастырском судебном делопроизводстве (по материалам архива Успенского Тихвинского монастыря конца 1640–1650-х годов)

Согласно жалованным грамотам, Успенский Тихвинский монастырь обладал правом суда в отношении жителей Тихвинского посада и монастырских вотчин по гражданским искам («опричь душегубства, и разбоя, и татьбы с поличным»). При описании судебных дел из архива монастыря возникает необходимость унифицировать терминологию в них содержащихся документов в зависимости от их функции в судопроизводстве. Традиционно судебное дело начиналось с подачи исковой челобитной. Ей могла предшествовать челобитная явочная, призванная в возможно более короткие сроки зафиксировать сам факт произошедшего инцидента. В отношении нее синонимично также употреблялось название — челобитная изветная (от слова извещать, то есть сообщать об имевшем место преступлении). Иногда оба эти термина использовались в одном документе. Например, тихвинский посадский человек Иван Юрьев, обращаясь к монастырским властям, писал, что «бьет челом и извещает» и просил «челобитье и явку записать» (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 4. № 99. Л. 1. 1655 г. июля 22). В судебном процессе обычно участвовали истец, ответчик и свидетели. В ходе разбирательства эти лица давали показания до или в процессе судебного заседания. Документы, фиксирующие показания сторон, могли по-разному называться участниками процесса. Эти названия могли указываться: 1) в тексте документа по окончании показаний свидетеля; 2) в конечном протоколе, где сам дьячок (писец) сообщал, какой именно документ он составил; 3) в рукоприкладной записи свидетеля истца / ответчика или лица, поставившего запись за него; 4) в рукоприкладной записи целовальника Тихвинского посада, участвовавшего в заседании вместе с монастырским тиуном или приказным слугой. Названия документов с показаниями истца и ответчика не отличаются разнообразием. При сходном формуляре состязательного спора они могли называться

просто «речами», «судными речами» или «очной ставкой»). Название показаний свидетелей отличало большее разнообразие. Судом на Тихвинском посаде занимался в основном монастырский тиун или приказной слуга, изредка старец. Совместно со слугой или тиуном заседал целовальник, со старцем — слуга. В преамбуле документа действия лица, ведущего процесс, в отношении свидетелей тяжущихся сторон чаще всего описывались выражением «ссылочных людей спрашивал и обыскивал» (реже встречающиеся варианты — «спрашивал», «спрашивал и сыскивал», «роспрашивал и сыскивал», «допрашивал», «допрашивал и обыскивал»). Сами свидетели, как правило, называли свои показания просто «речами», что фиксировалось в тексте, например, в конце выступления — «то мои и речи», или в рукоприкладных записях — «к своим речам руку приложил». Писцы на процессе (дьячки, реже монастырские слуги) при одинаковом формуляре документа употребляли в заключительном протоколе разные его названия — «роспросные речи», «спросные речи», «допросные речи», «обыскные речи», «обыск». Синонимичное употребление в делопроизводстве нескольких терминов для свидетельских показаний приводило к тому, что в одном и том же документе в заключительном протоколе и в рукоприкладствах фигурировали разные его названия. Например, в судебном деле о краже имущества дьячок церкви Преображения Господня на Тихвинском посаде Иван Васильев назвал показания свидетелей «обыском», а другой дьячок Сенка Фалелеев, ставя рукоприкладство за целовальника, «роспросными речами» (Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 4. № 291. Л. 2. 1657 г. апреля 17). В другом судебном деле о брани, наоборот, Иван Васильев назвал документ «роспросными речами», а целовальник Иван Федоров в рукоприкладстве «обыском» (Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 5. № 21. Л. 2. 1657 г. ноябрь). В судебном деле о неуплате денег за проданный товар показания свидетеля старца Мисаила дьячок Иван Иванов назвал просто «речами», сам старец в рукоприкладстве «сказкой», речи второго свидетеля «сказкой» назвал уже сам дьячок, а в приговоре собора старцев Успенского Тихвинского монастыря, написанном на обороте документа показания свидетелей названы «обыском» (Там же. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 5. № 69. Л. 2–5). У церковных дьячков не всегда были свои предпочтения в использовании терминологии. Ранее названный Иван Васильев употреблял в отношении показаний «ссылочных людей» названия и «допросные речи», и «обыск», а Иван Иванов — «обыск» и «обыскные речи». Важно отметить, что Иван Васильев начал служить дьячком в 1657 г., а Иван Иванов в 1650 г., то есть располагал уже значительным опытом. Проведенное нами исследование показало, что большинство дьячков

Тихвинского посада, принадлежавшего монастырю, исполняли свои обязанности достаточно продолжительное время — порядка 20 лет. Тем не менее, сколько-нибудь строгие делопроизводственные нормы в их деятельности отсутствовали, вероятно, как и сами представления о необходимости таковых. Это обстоятельство в некоторых случаях затрудняет унификацию документов при их описании. На наш взгляд, исходя из того, что самой употребительной формулой в свидетельских показаниях является вводящее их выражение о деятельности судьи — «спрашивал и обыскивал», то и документы этого вида следует называть обычными речами, помещая другие самоназвания в кавычках в скобки.

*Р.М. Абрамян
к.пед.н., отв. ред. альманаха «Армянская генеалогия»*

Генеалогия в Советской Армении

В XIX в. основные центры изучения армянской генеалогии находились в Венеции, Вене, Стамбуле, Париже, Санкт-Петербурге, Тифлисе, т.е. вне границ современной Республики Армения. Можно назвать немногочисленные генеалогические публикации, изданные в дореволюционный период в Эривани или Эчмиадзине (К. Тер-Мкртчяна о Допянах и Мелик-Шахназарянах, Г. Овсепяна об Азизбекянах и Орбелянах, Е. Лалаяна о меликах Дизака), а также несколько статей в официальном печатном органе ААЦ XIX в. — журнале «Арагат» (о князьях Тумановых, родословной католикоса Ованеса Карпеци, персидской династии Каджаров и др.).

Ситуация начинает меняться после установления в республике советской власти. В Армянской ССР были основаны специализированные исследовательские институты (в т.ч. Институт рукописей Матенадаран), организована система подготовки научных кадров, создан государственный архив. За советский период был издан обширный корпус исторических источников, включая сборники колофонов и своды эпиграфических надписей, каталоги рукописей, многотомный словарь армянских личных имен академика Р. Ачаряна и др.

По нашим подсчетам в 1920–1980-х гг. в АрмССР было опубликовано порядка 150 наименований книг и статей генеалогической направленности. При этом, если в 1920–1950-х гг. в среднем издавалось менее 10 публикаций в десятилетие, то в 1960-х гг. нами учтено 27, в 1970-х — 43 и в 1980-х — 47 публикаций по генеалогии.

Естественно, подавляющее большинство работ было посвящено армянской проблематике, но также затрагивались вопросы

генеалогии Византии (9), стран мусульманского Востока (8) и Европы (5), Кавказской Албании (3), Грузии (2) и др.

Большая часть работ касалась генеалогий правящих династий и аристократических домов: древнего периода и античности (4), эпохи царств Аршакидов (10) и Багратидов (15), княжествам Захаридского периода (33), меликствам Восточной Армении (3). 25 публикаций посвящено родословным деятелей культуры и искусства (в т.ч. Овнатянов (3), Х. Абовяна (4), Саят-Новы (2), Раффи (3) и др.). Изучалась генеалогия деятелей освободительного движения: Давид-бека, Исраэла Ори и др. (всего 7 статей) и крупных купеческих семей — Лазаревых (4) и других джюльфинцев (2). Наконец, следует выделить в целом немногочисленные работы, посвященные историям семей революционеров (например, Папянов) и «трудовым династиям» (всего 5 публикаций). Поддерживались научные контакты с иностранными специалистами. Были опубликованы развернутые рецензии на генеалогические труды К. Туманова и В. Рют-Колленберга, обзор арменоведческих трудов румынского генеалoga Г. Безвикони, статьи украинского арменоведа Я. Дашкевича и ряда историков из Румынии (о роде Вартиков, армянах в среде молдавского боярства) и др. В 1975 г. в Ереване издана монография А.П. Каждана, посвященная просопографии армянской аристократии в Византии.

Можно отметить, что общее развитие исторической науки в Советской Армении открыло новые возможности для активизации генеалогических исследований в республике, однако действовавшие в СССР идеологические установки тормозили развитие дисциплины, что выражалось в т.ч. в достаточно узком наборе тематик изданий.

Параллельно с развитием генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины в Армянской ССР, среди населения республики начинает расти интерес к родословным изысканиям. По мнению зафиксировавших данное явление этнографов, этот процесс зарождается в 1950-х и получает широкое распространение в 1960–1970-х гг. (период «оттепели» и национального пробуждения в Армении). В большей степени характерный для сельских жителей, он выражался в составлении обширных родословных деревьев (часто имеющих богатое художественное оформление), организации родовых сходов (юбилеев фамилии) (с печатанием родословных книг, пригласительных билетов, написанием приветственных речей и т.п.) (*Ераносян А.А.* Разлагающаяся модель традиционной семьи и генеалогическое древо: опыт визуального отображения родословной памяти в Советской Армении // Кунсткамера. СПб., 2019. № 2 (4). С. 63–71).

С обретением независимости в 90-е гг. XX в. интерес к генеалогии в Армении существенно возрос. Активизировались научные разработки в данной сфере. Фиксируется рост числа генеалогических публикаций, расширяется их тематика.

В этот период начинают издаваться работы по генеалогии дворянства и духовенства, деятелей Первой республики, появляются первые исследования методологического и источниковедческого плана. Зачастую авторами книг и статей выступают не профессиональные историки, а потомки соответствующих родов.

Однако, в отличие от ряда других бывших советских республик движущей силой процесса популяризации генеалогии выступили не сословные (дворянские) организации или генеалогические общества (их в Армении никогда не было), а многочисленные представители сельской интеллигенции, занимающиеся изучением истории родных сел и родословными их жителей. К настоящему времени ими опубликованы истории/генеалогии большинства населенных пунктов Республики.

А.Г. Авдеев
д.и.н., Православный Свято-Тихоновский ГУ
А.В. Энговатова
к.и.н., Институт археологии РАН
А.В. Яганов
вед. специалист, Институт археологии РАН

Редкая находка бронзовой пряжки на городище в г. Верее Московской области

В 2021 г. Подмосковной археологической экспедицией Института археологии РАН на городище г. Вереи Наро-Фоминского городского округа Московской области проводились крупномасштабные спасательные археологические раскопки. Работы были сосредоточены на одном из участков городища, предназначенном под благоустройство общественных территорий и создание пешеходной зоны. Раскопы общей площадью 623 м² были разбиты к юго-востоку и северо-востоку от здания Присутственных мест в центре и на южной оконечности городища.

Раскопки затронули интересную во многих отношениях зону памятника и позволили получить значимые научные результаты. В ходе исследований была выявлена представительная коллекция индивидуальных находок и массового керамического материала,

важная для понимания общего социокультурного и хозяйственного профиля средневековой Вереи.

Одной из заметных стала находка металлической пряжки от кафтана или пояса. Она обнаружена на раскопе 1 (уч. 4, кв. 137) в центре городища (в 7 м к юго-западу от юго-западного фасада здания Тюремного корпуса). Пряжка зафиксирована в сохранившемся стратифицированном культурном слое, сложенном черным гумусированным суглинком датирующимся XVI–XVII вв.

Щиток пряжки украшен рельефным изображением льва в профиль, привставшего на задних лапах в геральдической позе, окруженного растительным орнаментом. На бортике пряжки помещена сентенция «При славе буди смирен, при после буди мудр», но надпись частично выполнена с сокращениями: «ПРИ СЛА СМIREНЪ ПРИ ПОСЛЕ БУДИ МУДРЪ». Пряжка отливалась в форме, используемой длительное время и уже имевшей следы изношенности, хорошо заметные на предмете.

Источником этого изречения является «Пчела» — переведённый на русский язык сборник «Мелисса», составление которого приписывается прп. Максиму Исповеднику (582–662 гг.). Русский перевод «Пчелы» появился на рубеже XII–XIII вв., но не позднее 1219 г. и быстро завоевал популярность. В ранних списках этого произведения сентенция читается как «ПРИ СЛАВЕ БУДИ СМЪРЕН (умерен), ПРИ ПЕЧАЛИ МУДРЪ», в более поздних — «ПРИ СЛАВЕ БУДИ СМIREН (смирен), ПРИ ПЕЧАЛИ МУДРЪ». Но если в греческом оригинале сентенция приписана одному из семи греческих мудрецов — тирану Коринфа Кипселлу, то в русском переводе её «автором» оказался Александр Великий. Популярность этого изречения объясняется тем, что оно закрепляло вполне христианскую модель поведения в противоположных жизненных ситуациях.

Чаще всего это изречение встречается на металлических печатках-матрицах и нередко сопровождается изображением льва на оборотной стороне, что можно рассматривать как полисемантический символ. С одной стороны, в древнерусском бестиарии лев символизировал царя (что можно считать прямой отсылкой к образу Александра Македонского), с другой, — был символом стойкости, что уже взаимосвязано со смыслом сентенции.

Пряжка, найденная в Верее, с большой долей вероятности датируется второй половиной XVI в, что подтверждается стратиграфией раскопа и соотносится с историческими данными по истории верейского городища.

А.Г. Авдеев
д.и.н., проф. ПСТГУ, Ун-т Дм. Пожарского

Эпиграфическое «наследие» архимандрита Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосия III

*Исследование выполнено в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum /
Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ,
Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSDA*

Жизненный путь подавляющего большинства настоятелей русских монастырей XVI–XVII вв., да и более раннего времени, неизвестен. Однако, как показывает опыт работы над составлением «Свода русских надписей» (СРН), прочную основу для реконструкции жизненного пути настоятеля и его родственных и духовных связей даёт комплексный анализ источников, привлекающих ограниченное внимание исследователей, — эпиграфических памятников и синодичных записей, а также данные из иных источников.

Архимандрит Феодосий († 1692) был третьим с таким именем настоятелем Троицкого Ипатьевского монастыря. есть ряд источников, на основе которых можно восстановить отдельные эпизоды его биографии, круг его родственных связей и общения. Первое место среди них занимают два эпиграфических памятника — надпись о строительстве на его келейные деньги Троицкого собора с приделами Благовещения и Николая Чудотворца в селе Алексеевском (Алферьево тож), располагавшемся в Тейковом и Сактышском стана Суздальского уезда (СРН4089) (ныне — Тейковский р-н Ивановской обл.).

Вторым важнейшим свидетельством является белокаменная плита с синодиком, которая размещалась в построенной им церкви на северной стене алтаря напротив жертвенника (СРН4089) и являлась необходимым дополнением к строительной надписи.

Наиболее близкой архитектурной аналогией Благовещенскому храму в селе Алферьево представляется церковь апостола Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе, построенная в стиле костромской архитектурной школы конца XVII в. Строительство последнего храма, как явствует из строительной надписи за иконостасом, также связано с именем архимандрита Феодосия III.

Идентификация имён, внесённых в «каменный синодик», возможна при привлечении дополнительных источников — Писцовой книги Суздальского уезда 1627–1630 гг. и Переписной книги того же уезда 1645/46 г., а также записей «рода» архимандрита Феодосия в двух синодиках Ипатьевского монастыря.

Анализ эпитафических памятников и синодичных записей позволяет в общих чертах восстановить основные вехи биографии архимандрита Феодосия III. Он родился в селе Алексеевское (Алферьево тож) в семье крепостных крестьян. Не ранее 1652 г. Феодосий принял постриг в Ново-Иерусалимской обители от её настоятеля — архимандрита Стефана, позднее рукоположенного в архиепископы Суздальские. Вероятно, после Освященного Собора 1666–1667 гг., низложившего патриарха Никона, будущий настоятель Ипатьевского монастыря перебрался вначале в московский Златоустов монастырь, а затем — в Новоспасский. В 1671 г., с назначением Феодосия II в архимандриты Ипатьевской обители будущий архимандрит Феодосий III уехал вместе с ним. В 1684 г. он был рукоположен в архимандриты этого монастыря, в августе 1690 г. участвовал в хиротонии патриарха Московского Адриана. Умер Феодосий III в 1692 г. Место его захоронения неизвестно.

*А.Ю. Авчухов
(Волгоград)*

Акция пароходного общества «Новое Азовское пароходство»

Ценные бумаги пароходных обществ являются одними из наиболее редких в отечественной скриптофилии. Причин этому несколько. Среди первых отметим небольшие объемы эмиссий. Вторая не столь очевидна — в целях обеспечения безопасности страны российское законодательство запрещало иностранцам владеть пароходствами. Поэтому акции практически не попадали за границу (где могли бы сохраниться) и были уничтожены в соответствии с постановлением Комиссара финансов «Об аннулировании акций, облигаций и прочих процентных бумаг, на которые не было предоставлено описи или перечня в отделения Народного банка» (Известия ЦИК от 30 июня 1918 г.: Отечественная бонистика. Библиографический указатель книг, статей и законодательных актов (1699–2005 гг.) / Сост. А.Г. Баранов, др. М., 2006. С. 478).

Целью данной публикации является введение в научный оборот ранее неизвестного образца акции акционерного общества «Новое Азовское пароходство», обнаруженного в фондах отдела письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 36. Ед. хр. 26. Л. 45–46).

Устав акционерного пароходного общества «Новое Азовское пароходство» был утвержден императором Николаем II 28 февраля 1907 г. (Полное собрание законов Российской империи. 1907. Собр. 3, т. XXVII, отд. 1, № 28939. — С. 106–119). Основной капитал

определялся в 350 000 рублей, разделенных на 3500 именных акций по 100 рублей каждая с купонным листом на 10 лет. Владельцами акций могли быть только русские подданные (§ 23 устава).

§1 устава гласил: «Для перевозки пассажиров и грузов по реке Дон, а также между портами Азовского, Черного и других морей с их реками, учреждается акционерное общество под наименованием: «Акционерное пароходное Общество Новое Азовское пароходство».

Учредителями общества выступили:

потомственный дворянин отставной подполковник Георгий Маргаритович Сарандинаки;

потомственный дворянин Николай Савельевич Метелев;

казак Старочеркасской станицы Донской области Степан Семенович Греков;

азовский 2-й гильдии купец Тарас Васильевич Гальченко;

нахичеванский мещанин Сергей Михайлович Чайхалов;

азовский мещанин Петр Иванович Соколов и

константиновградский мещанин Николай Карлович Лейман.

Учредители передали в собственность вновь учрежденного общества принадлежавшие им пароходы, суда и другое движимое имущество, потребное для надобностей предприятия, получив взамен акции по нарицательной цене.

После опубликования устава в течение шести месяца должен был быть внесен первый взнос за акции в размере 50 рублей. В получении денег выдавались расписки за подписью учредителей, а впоследствии временные именные свидетельства. Сроки и размер последующих взносов определялся общим собранием акционеров по мере надобности, но не позднее двух лет со дня открытия обществом своих действий. Взносы отмечались на временных свидетельствах, которые при последнем взносе заменялись акциями. Акции, изготовленные Экспедицией заготовления государственных бумаг номиналом в 100 рублей, были напечатаны только в 1911 г.

Свои действия общество открыло в 1907 г. В Германии были приобретены товаро-пассажирские пароходы «Победа» и «Слава», осуществлявшие перевозку пассажиров и грузов на линии Ростов—Ейск. Правление общества находилось в посаде Азов Ростовского-на-Дону округа. Во главе его стоял председатель И.Т. Харин, имевший большой опыт работы — с 1872 г. он управлял Азовской конторой «Общества Азовского пароходства» братьев Поляковых. Члены правления: Е. Чижов, Н. Осокин, Ив. Ив. Ушаков. Обязанности кассира исполнял член правления И. Морозов («Азовское новое пароходство», акционерное пароходное общество. // Акционерно-паевые предприятия России / Сост. по офиц. данным. Изд. В.В. Лаврова. М.,

1912. С. 2). В 1915 г. Е. Чиждова сменил С. Каллига. В Ростове-на-Дону на Береговой улице у Соляного спуска располагалась контора пароходства (Г.А. Чеботарев. «Ростов-Нахичевань на Дону». Справочная книга. Ростов, 1911. С. 316–317).

Дивиденд по акциям за 1911 г. был выплачен в размере 8%, за 1912 и 1913 гг. по 10%, но уже в 1914 г. он снизился до 2 ½%. Баланс на 1 января 1915 г. составлял 499 542 рубля, стоимость имущества равнялась 353 215 руб. («Новое Азовское пароходство», акционерное пароходное общество. // Акционерно-паевые предприятия России. Под ред. И.М. Кованько. Русский торговый флот. 1915. С. 564).

С.Ю. Агшиев
к.и.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова

Генеалогическое планирование «в роду Сверрира»: к постановке проблемы

В Норвегии эпохи «гражданских войн» (1130–1240) и «величия» (1240–1319) самозванцы и отпрыски из королевского рода, а также служившие им интеллектуалы, составители саг и законов, сделали генеалогию средством борьбы за власть, отведя ей в этом деле роль *методологии*, на основе которой разрабатывалось *наследственное право*. Генеалогия стала средством доказательства и принадлежности того или иного претендента к древнему роду норвежских конунгов, и преимущества его притязаний на сан конунга. Удачливый самозванец Сверрир (1177–1202), захвативший престол и ставший фактическим основателем новой королевской династии («род Сверрира»), во многом заложил принципы символических ассоциаций, а также имянаречения, которыми впоследствии пользовались его потомки. В частности, именно посредством генеалогий, которые опрокидывали события настоящего и их участников в прошлое, проводились нужные параллели.

Принципы и способы создания генеалогий, как самим Сверриром, так и его преемниками, учитывали уже сложившуюся (ее можно назвать *перфектной*) и постоянно меняющуюся конъюнктуру. Последняя рассматривалась ими либо как развивающаяся относительно стабильно (*трендовая*), либо как потенциально весьма возможная (*перспективная*), либо только как желаемая (*эфмерная*). Охватывая их комплексно, можно постигнуть методику *генеалогического планирования* в «роду Сверрира», его удачи и неудачи.

В этом смысле интересны построения, возникшие в результате брака Сверрира с Маргаритой (ум. 1209), дочерью шведского короля

Эрика Святого (ок. 1156–ок. 1160). Мать Маргариты, Кристины, была прапраправнучкой основателя династии христианских королей Швеции Олава Шётконунга (ум. ок. 1022). Родной сестрой ее прапрадеда, шведского конунга Эмунда Старого (ум. ок. 1060), была Астрид — законная супруга Олава Святого (ум. 1030). Тем самым Сверрир связал себя с еще одним древним, в данном случае, со шведским, королевским родом и упрочил собственную связь с династией, к которой принадлежал святой патрон Норвегии, а связь с ним была для Сверрира очень важна.

От союза Сверрира и Маргариты на свет появилась их дочь Кристина (ум. 1213), получившая имя как в честь своей шведской бабки, так и, вероятно, в честь Кристины, дочери Сигурда Крестоносца, которая была первой законной женой конунга Сигурда Рта (ум. 1155). Последнего Сверрир, как известно, называл своим отцом.

От брака Сигурда Рта и Кристины, дочери Сигурда Крестоносца, родилась Сесилия (ум. 1186), которая была выдана своим «братом» Сверриром замуж за Барда Гутхормссона, родив от него будущего короля Норвегии Инги II (1204–1217). Сын Сверрира Сигурд (Унас) Лавард (ум. 1200) назвал своего отпрыска Гутхормом (ум. 1204) — тот в пятилетнем возрасте незадолго перед смертью успел даже побыть королем Норвегии — в честь мужа своей тетки по отцу, могущественного и родовитого мужа Гутхорма, сына Асольва из Рейна. Сей Гутхорм был праправнуком Сигурда Свиньи, отца конунга Харальда Сурового Правителя (1046–1066), ведя свое происхождение от сестры последнего Ингирид. Тем самым потомки Сверрира, рожденные в освященных церковью браках (а это было уже неперемное условие и примета времени), по этому основанию прочно связывались в один линияж внутри «рода Харальда Прекрасноволосого». Сигурд Лавард, в свою очередь, был назван как в честь своего деда конунга Сигурда Рта, так и Сигурда Крестоносца, также составив с ними своеобразный «именной линияж».

Королева Маргарита продолжила курс своего покойного мужа, в 1209 г. выдав их общую со Сверриром дочь Кристину за Филиппа, сына Симуна Карасона — одного из ярких оппозиционеров ее супруга. В браке Кристины и Филиппа родился мальчик, внук Сверрира, умерший во младенчестве и неизвестный по имени. Симун, в свою очередь, был женат на Маргарите, дочери Арне из Сторхейма, то есть на родной сестре другого оппозиционного Сверриру политика, главы «партии» посошников, епископа Николаса и внучке шведского короля Рёгнвальда Глупого (1125–1126), внуком которому приходился также Сигурд Рот. Ведь матерью этой Маргариты была дочь Рёгнвальда, Ингирид, которая первым браком была замужем за

конунгом Харальдом Гилли, дедом Сверрира. Маргарита, дочь Арне из Сторхейма, приходилась единоутробной сестрой королю Норвегии Инги I Горбуну (1136–1161) и сводной сестрой королям Сигурду Ргу и Эйстейну II (ок. 1142–1157).

Несмотря на заключение большого числа брачных альянсов даже при учете множества связей и манипуляций ими Сверриру и его супруге удалось достичь весьма скромных успехов, прежде всего, на поприще установления родства с могущественными норвежскими родами — ни один из союзов законных детей Сверрира не дал поросли. Проводимая Сверриром матримониальная политика провалилась, работая весьма эгоистически на его собственную легитимность и привязывая к королевским и магнатским родам лишь его самого. Тем самым вектор этой политики, по задумке должной быть устремленной в будущее, реализовывал сиюминутные задачи и оказывался направленным скорее в прошлое.

Потомки Сверрира учли это обстоятельство, и их генеалогическое планирование стало более разнообразным (это отразилось в практике создания «именных линияжей») и, что еще более важно, более фундированным, когда казусы из истории династии (например, обстоятельства рождения Хакона IV) были положены ими в основу новых законов о престолонаследии 1273 и 1302 гг. А, значит, консервативный подход, связанный с перфектной конъюнктурой, не был забыт. Но при этом последняя умело сочеталась ими прежде всего с конъюнктурой трендовой (реальным наличием наследника) и в меньшей степени с перспективной и эфемерной, которые проявлялись в даровании королевским отпрыскам, потенциальным претендентам на престол, своеобразных имен-аттантов, взятых как из древности (например, Олав — им были наречены старшие, но умершие в детстве, сыновья Хакона IV и Магнуса Исправителя Законов), так и из относительно недавнего прошлого (так, старший законный внук Хакона IV был наречен Сверриром).

Л.И. Акимова

д. иск., в.н.с. ГМИИ им. А.С. Пушкина

К пониманию образа Эрота в искусстве Южной Италии

Позднеклассическое искусство Греции, в италийском его варианте, представляет большие сложности для его толкования. Кроме терракот, это в основном огромное число расписных краснофигурных ваз (более двадцати тысяч), предназначенных для погребальных даров. Их украшают самые разные сцены — дионисийские,

мифологические типа гигантомахий или подвигов Геракла, псевдомифологические с неясными «брачными» фигурами, среди которых обычно является Эрот.

В Греции Эрот — сын Афродиты, исконной *Владычицы вод*, которую в патриархальной редакции мифов, отраженной Гомером, заменил Посейдон. Владычица и являлась тем творцом космоса из хаоса-вод, в которые все уходило по смерти и из которых затем вновь рождалось (Акимова Л.И. Искусство древней Греции. Геометрика. Архаика. СПб., 2007. С. 12–14). Итальянская иконография привержена древней материнской идее, и в вазах Апулии, например, такую Владычицу представляют не только сама Афродита, но и Амимона, Артемида, Лето, Персефона и другие фигуры. Символом среды творений выступают: источник-крена, гидрия (сосуд для воды), лутрофор (сосуд для брачных омовений), некий водный резервуар (*reserved basin*), грот, но чаще всего большая чаша на ножке — *лутерий* (ср. Trendall A.D., Cambitoglou A. The Red-Figured Vases of Alupia. Vol. II. Oxford, 1982. Pl. 353, 5 — далее: RVar). При лутерии нередко виден Эрот: он сидит над ним с *зеркалом* (главный символ Владычицы; первичное зеркало и есть водная гладь); держит над ним символы жизни — мяч, фиалу, венок; курирует омовения женщин и «переходы» мужчин; помогает снимать обувь мертвым перед уходом в среду трансформаций (RVar 2, 1982. Pl. 331, 3). Судя по тому, что Эрот нередко показан у *политого кровью алтаря*, с дарами жизни (ср. RVar 2, 1982. Pl. 317, 1), он есть вторая, мужская, половина мира, отделенная Владычицей от себя самой в процессе космогенеза. То есть, он — ее «сын-супруг», уже не шаловливый малыш (статус которого сохраняется лишь частично), а юноша во цвете лет вроде Адониса — другого, восточного паредра Афродиты.

Этот Эрот, будучи олимпийцем, вступает в тесные связи с оргиастическим богом *Дионисом*, получившим широкую популярность в Италии. Множество «простых vaz» (*plain vases*), в отличие от дорогих «нарядных» (*ornate vases*), украшены дионисийскими сценами, среди которых три основных сюжетных типа: «бег» как вариант оргиастического шествия; «брак» Диониса с Ариадной; «воскрешение» Диониса членами фиаса путем подношения даров. Эрот присутствует во всех: бежит за менадой с дионисийскими атрибутами (факел, тамбурин, ситула, виноградная гроздь и так далее); осеняет сверху союз новобрачных (RVar 2, 1982. Pl. 396, 5); носит, как силены и сатиры, тяжелые кратеры с вином (RVar 2, 1982. Pl. 296, 3), наделяет Диониса «кровью» (вином) и «плотью» (фиалой с печеньем — RVar 1, 1978. Pl. 24, 1). С теми же символами еды и питья (фиалой и ойнохоей) он сопровождает *пантерью колесницу*

Диониса и Ариадны (RVAp 2, 1982. Pl. 326, 3b) или выезд Диониса, под предводительством менады, на *льве* (RVAp 1, 1978. Pl. 86, 5). Он и сам, вполне заменяя Диониса, способен выезжать на его колеснице, запряженной пантерами.

Притом, что оргиазм и менадическое буйство в искусстве Италии отсутствуют, Эрот иногда появляется в странных сценах — так, он нападает со спины на менаду с тирсом (RVAp 2, 1982. Pl. 279, 1) или, подлетая, трогает стоящую женщину, тогда как его самого снизу грубо хватает другая, сидящая, в намерении его приземлить (RVAp I, 1978. Pl. 89, 3). Такие «игры» Эрота говорят о его претензиях «жениха» на смертных невест. В двухфигурных сценах с обменом даров женщина подносит ему, сидящему, символы спасения (ср. RVAp 2, 1982. Pl. 335, 1), или же, напротив, он — сидящей ей (Pl. 306, 2; сидение — признак переходности от смерти к жизни). Хотя, в отличие от искусства метрополии, в итальянских фиасах участвуют и юноши, Эрот имеет дело только с женщинами.

Эрот сопровождает ночные колесницы «похитителей душ» — Лая (RVAp 2, 1982. Pl. 331, 2a), Плутона, но он же и возносит на небесной повозке свою мать Афродиту и, что особенно важно, указывает путь колеснице Гелиоса в верхний мир (RVAp II, 1982. Pl. 384, 4) или сам выступает в роли Гелиоса (RVAp 2, 1982. Pl. 372, 1). Он — бог света, любви, соединений, созиданий. *Белый лебедь* — священная птица не только Афродиты, Аполлона и Артемиды, но и Эрота. Они появляются вместе как у лутерия, так и в дионисийском фиасе и в сценах символических браков (RVAp 2, 1982. Pl. 381, 2; Pl. 316, 3; Pl. 205, 5).

Принадлежность Эрота всем трем космическим сферам говорит о нем как о мужском партнере Владычицы вод. Его образ — женственного юноши с женской головой и прической, неотличимой от головы Афродиты, — знак того, что они исконная чета создателей космоса; Эрот — ее эманация и ипостась в мире действительной жизни.

Крылатый Эрот вместе с тем и прообраз *оперенной души* (ср. Plat. Phaidr. 246 b-c; 255 c-d), отходящей после смерти тела в среду творений. Он представляет весь многочисленный ряд итальянских «юношей», практически всегда обнаженных в противовес пышно одетым «женщинам». Он — *душа*, лишенная своей защитной оболочки, странствующая в поисках истоков космоса, где она встречает Владычицу, «мать», «материю», *тело* для нового рождения. В дальнейшем Эрот получил в супруги хрупкую Психею-мотылька (Waser O. Eros // Realencyclopädie des classischen Altertumswissenschaft. Bd. XI. Stuttgart, 1907. S. 531–542), но это был «патриархальный переворот» гендерных связей. Эрот считался еще Гесиодом прародителем

мира (Hes. Theog. 116–122). В Италии, судя по трудам Парменида из Элеи (V в. до н.э.), таковой была Афродита. Она создала всех богов и «наипервейшим» — Эрота. «И еще он говорил, — добавляет Симпликий, — что она посылает души то из видимого мира в невидимый, то наоборот» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. Изд. подг. А.В. Лебедев. М., 1989. С. 293). Возможно, в Италии, где вазы изготовлялись в основном для местной знати, Эрот стал посредником между италийской богиней-матерью «Аной Апродитой» и греческим Дионисом (*Smith H.R.W. Funerary Symbolism in Apulian Vase-Painting. Berkeley, 1976. P. 50, 156*).

Н.А. Алексеенко
dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
к.и.н., в.н.с., Институт археологии Крыма РАН (Симферополь)

Denier tournois крестоносцев французской Эллады из окрестностей Бахчисарая: Ещё раз об обращении иноземной монеты в средневековой Таврике

Уже не раз отмечалась специфика денежного обращения крымского полуострова в поздне- и поствизантийский периоды, характерная монетной пестротой и широким разнообразием эмитентов. В общей массе монет, присутствовавшей на рынках средневековой Таврики, кроме местных херсоно-византийских выпусков и официальной монеты Византийской или Трапезундской империй, аспров и фолери генуэзской Каффы, а также акче первых Крымских ханов нередко можно встретить и привозные иностранные монеты из Европы. Достаточно вспомнить обол лионского архиепископства XII в., кваргаро и динары Генуэзской республики, Неаполитанского, Арагонского и Сицилийского королевств XIII–XV вв. или мадьярскую стамену Белы III (1172–1196) и валашский дукат Владислава II (1448–1456) (*Букатов А.В., Алексеенко Н.А., Несколько новых находок в Крыму средневековых западно-европейских монет XII — начала XV в. // «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка». VI Международный нумизматический симпозиум. Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 29–36; Алексеенко Н.А. Мадыарская стамена и валашский дукат из Крыма // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2020. С. 142–144*).

Одним из хорошо известных монетных типов в денежном обращении Таврики являются латинские имитации крестоносцев. Они

достаточно часто встречаются при раскопках византийского Херсона в слоях начала XIII в. вместе с местными маломодульными монетами с монограммой «РΘ» (тип: Анохин 1977, № 472–480).

Сегодня нумизматика крестоносцев пополнилась ещё одной весьма редкой для Таврики находкой.

Летом 2022 г. в окрестностях села Красная Заря (Бахчисарайский район, Юго-западный Крым) была обнаружена биллонная европейская монета (диаметр — 16×17,5 мм; вес — 0,70 г; соотношение осей — 9 час.), выпущенная одним из малых государств, созданных крестоносцами на руинах Византийской империи после IV Крестового похода.

Аверс. В центре изображение латинского креста с слегка расширяющимися концами. По кругу между двух линейных ободков латинская надпись: +:G:DVX:ATEIIES: — *G(uillaume), dux At(h)enes.*

Реверс. Схематическое изображение рыцарского замка. По кругу латинская надпись: +:ThEBE:CIVIS: — *Thebe(s) civi(tati)s.*

Данный тип хорошо известен среди монет государств крестоносцев как денарий афинского герцогства (*Malloy A.G., Preston I.F., Seltman A.J. Coins of the Crusader States 1098–1291. New York, 1994, p. 385, 386, pp. 84–86*), чеканенный в конце XIII столетия на монетном дворе г. Фив, которые тогда считались столицей поскольку были более богатыми и многолюдными чем Афины, а также являлись административным и коммерческим центром региона.

Так называемый денье турнуа (*denier tournois*) с характерным схематизированным изображением рыцарского замка, хорошо известный в нумизматике Франции, стал образцом для монет некоторых основанных крестоносцами государств. Близкие по типу монеты чеканились князьями Ахеи, герцогами Афин, графами Салоны, деспотами Эпира и другими правителями.

Эмитентом рассматриваемого выпуска считают Гильома I де ла Роша (1280–1287). Хотя не исключено, что некоторые серии могли чеканиться и в самом начале правления его несовершеннолетнего сына Ги II де ла Роша в 1287–1294 гг. (*Schlumberger G. Numismatique de l’Orient Latin. Paris, 1887. P. 338, 339*).

Ф. Грегоровиус отмечает, что после реставрации Византии Михаилом VIII Палеологом Афинское герцогство по сравнению с другими греческими территориями в течение долгого времени оставалось самым благополучным и было мало затронуто военными бедствиями. В след за великим сеньором (мегаскиром) Жаном ла Рошем его брат Гильом, барон ливадийский, стал четвёртым представителем этого аристократического дома, занявшим афинский престол и первым «официальным» герцогом. Карл I Анжуйский

величал его «своим любезным рыцарем и верным слугой». После смерти последнего, в период арагонского плена его сына Карла II Хромого неаполитанским королевством управлял граф Роберт II д'Артуа, который назначил Гильома де ла Роша на должность байльи Ахейского княжества, тем самым подчёркивая его значимость и высокую степень доверия которых был удостоен герцог Афинский. Ф. Грегоровиус писал, что он управлял страной твёрдо и всемерно охранял её от вторжения византийцев для чего выстроил в Аркадии мощную крепость Диаматру (*Грегоровиус Ф. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания)*. М., 2009. С. 331–349). По свидетельству Морейской хроники этого незаурядного и даровитого человека оплакивали всё франки, когда он умер в 1287 г.

Источники сообщают, что Афинское герцогство было активно вовлечено в перипетии общеевропейской политики последней четверти XIII столетия. Очевидно, не малую роль в этом сыграли и его торгово-экономические интересы. Республика Св. Марка, потерявшая свое привилегированное положение в Византии, в связи с возвышением генуэзцев, в руках которых оказалась вся торговля на Чёрном море, теперь стремилась восстановить его путём дипломатических переговоров. По условиям десятилетнего перемирия Византийской империи с Венецией, последняя решительно требовала от нового императора Андроника II непременно включения в условия договора и интересов герцога Афин.

Так что в появлении эллинских монет франков в черноморском бассейне, видимо, нет ничего необычного. Они могли легко попасть на местные рынки вместе с товарами лигурийских или венецианских купцов.

Находка редкого для средневековой Таврики денье турнуа афинского герцогства крестоносцев вместе с монетами болгарских, валашских, добруджских и других правителей, оказавшиеся столь далеко за пределами ареала их традиционного обращения, судя по всему, не только свидетельство проникновения монет балканских и средиземноморских эмитентов на территорию Причерноморья, но и, как нам представляется, факт участия в XIII–XV вв. в местных рынках и иноземной монеты. Косвенным подтверждением является отсутствие на абсолютном большинстве монет этого периода каких бы то ни было признаков их вторичного использования, которые чётко фиксируются в регионе на многих европейских монетах начала Нового времени.

Э.И. Амерханова
к.и.н., НБ КФУ
А.Л. Лифшиц
к.ф.н., НИУ ВШЭ

Неизвестные пергаменные фрагменты, принадлежавшие В.И. Григоровичу

Роль В.И. Григоровича в изучении рукописного наследия славянских народов несомненна. Его знаменитый «Очерк путешествия по Европейской Турции», изданный впервые в Казани в 1848 г., является свидетельством непосредственного бытования славянской книжности, которое на Афоне, в Сербии или в Македонии почти не было еще знакомо с хищным любопытством историков и коллекционеров.

Григорович во многих случаях становится первым из огромного числа собирателей рукописных древностей, и мы можем проследить его путь по православным обителям Балканского полуострова. Как известно, Григорович охотно разделяет привезенные им рукописи на части и раздаривает их. Не приходится сомневаться, что до настоящего времени какие-то фрагменты все еще могут быть обнаружены.

Так, в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета оказались два отрывка пергаменных рукописей, не учтенные ни в «Предварительном списке», ни в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг». Один из них — фрагмент Евангелия тетр рубежа XIII–XIV вв., происходящее из Хиландарского монастыря; второй был привезен ученым из Слепченского монастыря Иоанна Предтечи, расположенного примерно в 30 км от Битола и немногим более — от Прилепа.

Хиландарский фрагмент удалось связать с еще четырьмя отрывками, которые в настоящее время хранятся в разных собраниях РНБ и РГБ. Три из этих отрывков были в разное время подарены Григоровичем разным лицам. Между частями есть лакуны, а значит части рукописи еще могут быть найдены, если не утрачены безвозвратно за прошедшие 150 лет.

Характер фрагментов, их сохранность позволяют говорить о том, что в XIX столетии до становления традиции научного изучения памятников древнего письма и языка отношение к ним имеет в себе много общего с религиозным поклонением мощам и реликвиям в Христианстве.

Рукописи так же разделяют на части и раздаривают, сообщая каждому новому владельцу чувство причастности к вызывающему

восхищение, великому и таинственному миру древней славянской письменности.

И одна из задач современного исследователя, не теряя восхищения, сопоставить фрагменты и по возможности соединить разрозненное.

О.В. Андреева
д.и.н., проф. МГУП им. Ивана Федорова

Материалы следственных дел 1930-х г. как источник по истории книги

Среди коллективных судебных процессов конца 1920-х — начала 1930-х гг., таких как дела академиков, краеведов, славистов, историков, геологов, военспецов, микробиологов, словарников и других, можно выделить дела книжников 1930–1931 гг. Архивно-следственные дела (далее — АСД) по ним хранятся в Центральном архиве ФСБ (Андреева О.В. О.Ю. Шмидт и Г.И. Поршнев: новые архивные документы // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: Материалы V Междунар. науч. конф. Т. 1. Ч. 2. М., 2012. С. 23–25).

Исключительный интерес в историко-книговедческом и источниковедческом плане представляют АСД работников Госиздата РСФСР (Ф. Р-37206. В 5 т.) и издательства «Работник просвещения» (Ф. Р-33449). Следствие было, по сути, «ретроспективным», поскольку привлекались бывшие работники уже не существующих к тому времени советских издательств. По Госиздату проходило 19 человек, по «Работнику просвещения» — 5 человек. Всё это были руководители отделов, секторов, экономисты. Дела развивались практически параллельно; были задействованы в основном одни и те же следователи.

В отличие от времени «большого террора», в начале 1930-х гг. следствие велось масштабно, систематично. Перед ОГПУ стояла задача наполнить процесс более или менее реальным содержанием и создать выглядящую достоверной базу обвинения. В отдельных случаях страницы АСД напоминают отчеты или материалы ревизии деятельности издательств. Приводятся цифры, библиографические списки выпущенных или запланированных к выпуску книг, даются сведения о тиражах, листаже продукции, о работе различных отделов; прилагаются справки, таблицы. Обвиняемые на допросах подробно рассказывали о своей работе, с готовностью отвечали на вопросы. В качестве свидетелей привлекались эксперты, консультанты, которые

разъясняли суть производственных процессов, давали оценку работы подследственных. По ходу следствия вскрывались всё новые подробности, запрашивались детали. В некоторых случаях сами фигуранты выступали в качестве консультантов, раскрывая тонкости деятельности издательств. (Некоторую аналогию можно обнаружить в записке члена Правления Госбанка СССР А.А. Блюма, находившегося в заключении по делу финансистов: «Банковский ликбез» для сценаристов ОГПУ / Публ. М.Г. Николаева // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 3–19.)

Стремясь выработать формулу обвинения, следователи «творчески» подходили к составлению протоколов, жонглируя словами и заимствуя друг у друга формулировки. Так, ярким примером могут служить протоколы допросов основных авторов пятилетнего плана печати С.Г. Сбитникова и Б.Д. Удинцева, которые в финальном варианте были обвинены в том, что в основе плана лежали минималистские установки, отрицательное отношение к коллективизации, ориентация на потребности кулака, игнорирование нужд коллективного потребителя в пользу индивидуального и даже «национально-шовинистический» характер плана.

Документальные и личные материалы этих АСД убедительно и в деталях показывают картину издательского дела на сломе эпох. В результате реформы 1930 г. оформились господствующие тенденции и характеристики системы: её этатизация, тотальная централизация, обюрокрачивание всех её элементов, крайняя идеологизация и политизация. Обвиняемые, сами того не желая, свидетельствовали о том, что глубинные причины реальных недостатков в деятельности издательств базировались именно на этих особенностях. Государственный статус освобождал предприятия от финансовой ответственности за результаты работы; полиграфическое оборудование использовалось нерационально. При централизованном снабжении отсутствовала самостоятельность поиска более выгодных материалов. Спускаемые планы были нереальными и противоречивыми, сроки — заведомо невыполнимыми. Затоваривание «кампанейской» литературой из-за частой смены политических установок приводило к снятию с производства еще не вышедшей книги как уже устаревшей или к необходимости её коренной переработки. Огромные тиражи списывались и «омакулатуривались».

Следственные материалы являются ценнейшим биографическим источником. Персональные данные работников книжного дела имеются в анкетной части протоколов допросов, причем это относится не только к подследственным, но и к свидетелям, в качестве

которых привлекались руководители и рядовые работники издательств, родственники арестованных.

В числе биографических сведений не только формулярно-анкетные данные, но и собственноручно написанные автобиографии подследственных. Мы располагаем подобными жизнеописаниями Г.И. Поршнева, Н.В. Здобнова, других книжников.

Из следственных дел можно почерпнуть также побочную информацию о людях, связанных служебными отношениями с арестованными. Так, из протоколов допросов заведующего Могизом В.Р. Барановского вычлняются объективные биографические данные руководителей Могиза и Когиза Н.С. Токарева, В.И. Вольпина, Д.В. Шварца.

Примечательной биографической характеристикой являются поведенческие особенности арестованных и свидетелей. Некоторые подследственные активно сотрудничали со следствием, участвуя в «изобличении» своих бывших коллег. Иные же проявляли стойкость, настаивая на своей невинности и отказываясь расширять круг обвиняемых за счет своих показаний.

Несомненно, важным иконографическим источником являются фотографии подследственных, которые делались после их ареста. В частности, в делах имеются фотоизображения Б.Д. Удинцева, С.Г. Сбитникова, С.А. Клепикова, С.В. Чефранова, В.Ф. Кагана и др.

*Е.В. Антонец
д.ф.н., доц. МГУ*

Письмо глосс в позднеантичных латинских рукописях

К концу античности в латинской письменности сложилась система развитых, каллиграфически выверенных типов письма, принятых для написания книг и документов: капитальное письмо, новый римский курсив, унциал и полуунциал. Помимо этого существовали разнообразные смешанные почерки, среди которых отдельное место занимает письмо глосс, исправлений и подписей, представленных в позднеантичных рукописях. Для большинства глосс условием отнесения к тому или иному виду письма является каллиграфичность и изящество исполнения. В то же время глоссы являются примечательным примером индивидуальных почерков образованных людей. Задача настоящего сообщения состоит в обзоре и систематизации видов письма, которыми выполнены глоссы в позднеантичных рукописях IV–VI вв. При этом речь идет

о глоссах, схолиях и правке, современной основному тексту или близкой к нему по времени.

В некоторых рукописях имеются глоссы, выполненные унциалом. К ним относятся, в частности, рукопись сатир Ювенала и Персия (Vat. Lat. 5750; CLA I, 30; нач. V в.), корректуры, написанные Дулкицием (Dulcitius) в рукописи сочинений Илария Пиктавийского (ÖNB L 2160; Vat. Barb. Lat. 9916; Sankt Florian Stiftsbibl. III.15.B; CLA X, 1507; VI в.), глоссы рукописи Нового Завета, написанной для Виктора, епископа Капуи (Fulda Landesbibl. Bonifatianus 1; CLA VIII, 1196; 546–547 гг.).

Древнейшей рукописью, содержащей пространный комплекс маргиналий, выполненных курсивным письмом, является знаменитый кодекс Terentius Bembinus (Vat. Lat. 3226; CLA I, 12; 351–450 гг.). Курсивом исполнены также глоссы ряда других рукописей, например, глоссы в рукописи сочинения Проба (Vat. Urb. Lat. 1154; CLA I, 117; 476–500 гг.), в рукописи произведений Илария Пиктавийского, Амвросия и Максимиана (BnF Lat. 8901; CLA V, 572; первая пол. V в.), в рукописи codex Bezae (Cambridge Univ. Libr. Nn. 2.41; CLA II, 140; нач. V в.) и др. Это письмо, с умеренным числом лигатур, используется также в основном тексте ряда рукописей грамматического содержания.

Однако наиболее распространенным письмом глосс является полуунциал. Важное место здесь занимает Флорентийский кодекс Дигест, написанный около 533 г. в Византии (BML, ms. Pandette s.n.; CLA III, 295). Полуунциалом выполнено предисловие (ff. 11v–19) и маргиналии. В глоссах этой рукописи представлены разнообразные другие почерки, среди которых есть старый (наклонный) полуунциал. Старый полуунциал был письмом латинских юридических рукописей и школьных текстов, и имел распространение в грекоязычной части империи, будучи специфическим латинским письмом греческой языковой среды. Старым полуунциалом (который иначе называют *bd*-унциалом) выполнены глоссы в рукописи, содержащей «Хронику» Иеронима (Oxf. Bodl. Libr. Ms. Auct. T.2.26 (ff. 33–145); CLA II, 233a; 436–475 гг.). Полуунциал встречаем в глоссах рукописи «De Trinitate» Илария Пиктавийского (Vat. Arch. Cap. S. Pietro. D. 182; CLA I, 1a; до 509–510 гг.). Маргиналии некоторых рукописей V–VI вв. демонстрируют случаи использования сокращений (*notae antiquae*).

П.Н. Антонюк
к.ф.-м.н., доц. механико-математического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова ассоц. н.с. ИИЕТ РАН
Р.А. Симонов
д.и.н., проф., г.н.с. НИЦ «Наука» РАН

Новые (математические) данные, устанавливающие точность хронологических расчетов Кирика

Хронологические расчеты Кирика Новгородца (1100 — после 1156) представлены в его сочинении «Учение им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.). В начальной части данного произведения приводятся расчеты количества единиц счета времени в 6644 года, прошедших от Сотворения Мира до момента выполнения хронологических вычислений Кириком. Кроме числа самих годов, Кирик рассчитывает в этом числе — (6644) — количество месяцев, недель, дней и часов. «Все приводимые результаты вычислены точно» (Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 года. М.: Наука, 1969. С. 19–20). В.В. Мильков независимо от А.П. Юшкевича уже в наше время аналогично оценил, что расчетная работа Кириком «исполнена безукоризненно» (Мильков В.В. Кирик Новгородец — ученый инок и его «университет» (о значении Антониева монастыря в творческой судьбе древнерусского книжника) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 10). Однако ни Юшкевич, ни Мильков не сообщают на основе чего они пришли к выводу о точности математических расчетов Кирика, но самое главное: зачем Кирику была нужна такая точность? Между тем ответ на этот вопрос вытекает из работы А.А. Турилова о «семи-тысячниках». Они были кириллической рецепцией глаголического протографа, а так как числовые системы в этих письменностях были различными (в деталях), то «семи-тысячники» могли казаться крайне неточными хронологическими текстами, каковые Кирик решил исправить: «Кирик самостоятелен в расчетах, которые он делал применительно к своему времени (т.е. к 6644 году — Авт.). Семи-тысячники послужили ему лишь образцом и схемой, к тому же наиболее оригинальная часть «Учения» — о дробном делении часа — в них не представлена» (Турилов А.А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов — «семи-тысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 38). От себя добавим, что сама ситуация, в которой оказался Кирик, заставляла его с особой тщательностью относиться к производимым в «Учении о числах» расчетам. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос: что служит **маркером** надежности расчетов Кирика и можно ли им руководствоваться современному ученому-источниковеду при решении проблемы

достоверности работы с древнерусскими числовыми источниками. Переходим к изложению такой возможности.

На основе элементарных (школьных) сведений известно, что числа делятся на простые и составные, причем составные числа можно делить на простые числа. Например, составное число 12 делится на простые числа так: $12 = 2 \cdot 2 \cdot 3$ или «2 в квадрате умножить на 3». Число 12 (в буквенной нумерации) встречается в «Учении о числах» Кирика. Оно здесь фиксирует часы астрономического явления, которое называется равноденствием (весенним или осенним): «все ведають и азъ поведаю, яко въ дни единомъ 12 есть часа, а тако же и нощи» (*Кирик. Учение...// Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6. С. 186*). Далее у Кирика речь идет о числе 60, которое выражает количество «дробных»: «яко егда будет их 60 день исполняют» (*Кирик. Ук. соч. С. 186*). Число 60 можно разложить на простые множители так: $60 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5$. Если рассмотреть приводимые Кириком данные о всех семи «дробных» (60, 300, 1500, 7500, 37500, 187500, 937500), то в качестве **маркера** будет выступать число 60, которое присутствует во всех семи случаях «дробных». Интересно сравнить, согласуются ли это разбиение с числами Кирика о временных единицах (6644, 79728, 2426721, 29120652). Легко заметить, что в этом случае **маркером** будет число $11 \cdot 151$, которое повторяется во всех четырех случаях. Это может свидетельствовать о том, что первоначально текст о «дробных» не входил в учение Кирика, каким оно сформировалось позже, что подтверждает предположение К.В. Вершинина о том, что название трактата Кирика относилось не ко всему сочинению, а к его части: «...Заголовок «Учение им же ведати человеку числа всех лет», хотя и прижился в историографии в качестве названия всего сочинения, обозначает лишь его часть...» (*Вершинин К.В. Неизвестный фрагмент «Учения о числах» Кирика Новгородца // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2022. 1 (87). С. 38*). Недельное число («346673 недели и 3 дни») не является целочисленным, поэтому выпадает из состава анализируемых числовых значений.

$$\begin{array}{l}
 12 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \qquad 6644 \text{ (года)} = 2 \cdot 2 \cdot 11 \cdot 151 \\
 60 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \qquad 79728 \text{ (месяцы)} = 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 11 \cdot 151 \\
 300 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \qquad 2426721 \text{ (дни)} = 3 \cdot 11 \cdot 151 \cdot 487 \\
 1500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \qquad 29120652 \text{ (часы)} = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 3 \cdot 11 \cdot 151 \cdot 487 \\
 7500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \\
 37500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \\
 187500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \\
 937500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5
 \end{array}$$

В результате вопрос о точности вычислений Кирика получил окончательное решение. Выяснилось, что правильность числовых результатов может быть установлена посредством выявления общего **маркера**, представляющего собой наибольший общий делитель. Для начальной части «Учения» Кирика это число — $11 \cdot 151$, то есть 1661. Для пятеричных «дроблений» это — $2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5$, то есть 60. Это легко проверить на примере изучения длительности предельно малой частицы времени, которая в историографии интерпретируется (в частности) величиной седьмого дробного «часца» Кирика. Кирик утверждал, что более краткого времени не бывает: «Боле же сего не бывает рекше не ражаются от седьмых дробных» (*Кирик*. Ук. соч. С. 188). В распределении Кирика «дробных» важную роль играют начальное значение ($12 = 2 \cdot 2 \cdot 3$), с которого начинается счет «дробных», и последнее ($937500 = 2 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5 \cdot 5$), которым счет завершается. Их отношение $12/937500$ точно равно (в современной терминологии) 46,08 миллисекунд (частица времени). Этот результат соответствует указываемому в историографии значению, равному «примерно 46 миллисекундам» (*Мурьянов М.Ф.* История книжной культуры России. Очерки: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: «Мир», 2007. С. 144). Из этого следует, что предложенный метод с опорой на понятие **маркера**, имеет применение к ситуациям, изучаемым в древнерусской исторической хронологии и исторической метрологии.

Ю.А. Артамонов
к.и.н, доцент Московского ун-та МВД РФ;
н.с. ИВИ РАН, н.с. ИРИ РАН

К вопросу о городах во владении древнерусской церкви

Основу материального благосостояния древнерусской церкви составляла десятина, которая на первых порах представляла собой ежегодное отчисление в размере $1/10$ части от совокупного дохода княжеской казны. Десятину получали не только архиерейские кафедры, но и отдельные храмы, монастыри. Со временем церковь стала обзаводиться недвижимостью, получая в управление села и города. Так, уже к третьей четверти XI в. относятся первые документальные известия о «монастырских селах». В дальнейшем количество таких свидетельств возрастает. О городах, принадлежащих церковным институтам, источники сообщают значительно реже. К числу древнейших упоминаний такого рода, как представляется, может быть отнесено показание Жалованной записи князя Ростислава Смоленской епископии 30 сентября 1150 г.: «[А] се и еще и Холмъ даю с(вя)

тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу, яко ж(е) дано дедом моим Володи[М] ером Семеонови преж(е) еп(и)ск(о)пу строит(и) наряд ц(е)рк(о)вныи и утвѣржен(ѣ)е. В лѣто 6659, индик(та) 14, м(е)с(я)ц(а) сен(тября) 30» (*Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 147).

Запись принадлежит к числу так называемых Смоленских грамот кафедральной церкви Богородицы, приобретенных в 1838 г. профессором русского языка и литературы С.В. Соловьевым в Швеции. Кроме указанной Записи, к этому комплексу относятся Уставная и жалованная грамота князя Ростислава Смоленской епископии (1136 г.), Подтвердительная грамота смоленского епископа Мануила (1136 г.) и Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли (конец XII — первая половина XIII в.). Смоленские грамоты написаны белорусским полууставом, переходящим в скоропись. Список датируется первой половиной XVI века. Обозначенные документы не имеют заголовков, но выделяются на письме прописными буквами и абзацами.

Относительно предмета пожалования Записи в литературе существуют две точки зрения. По мнению Я.Н. Щапова, которое утвердилось в историографии, князь передал в собственность соборного клира и правящего архиерея участок земли (холм), на котором стоял главный храм Смоленской земли — церковь Успения Богородицы. Однако эта интерпретация вызывает вопросы, которые ставят ее под сомнение. Во-первых, почему в Записи отсутствует указание на местонахождение холма. Например, к Уставной грамоте Смоленской епископии различные объекты пожалования (земли, озера, луга и пр.) имеют свои топонимические определения. Во-вторых, почему земельное пожалование участка осуществлялось задним числом, когда собор уже был отстроен и освящен?

Более убедительной представляется точка зрения тех исследователей, которые считали «холм» названием конкретного населенного пункта. Попытки его локализации уже предпринимались в науке. Так, согласно М.Д. Приселкову, Ростислав передал Смоленской кафедре Холм на Воляни (*Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 184); а, по мнению П.В. Голубовского, объектом княжеского пожалования был Брагин Холм — городок, лежащий на пути из Смоленска в Ростовскую землю (*Голубовский В.П.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895. С. 76–77). Однако ни та, ни другая локализации не имеют опоры в источниках.

Есть основания полагать, что кафедральному собору Смоленской земли был передан приграничный город Холм, расположенный

к северу от Смоленска (267 км) при слиянии рек Ловати и Куньи. Хотя в литературе этот город принято считать частью владений средневекового Новгорода, в домонгольский период он, несомненно, тяготел к Торопцу — крупнейшему административно-территориальному центру Смоленской земли. Приграничное положение Холма на Ловати сближает его с Гороховцом на Клязьме. Последний фигурирует в Лаврентьевской летописи под 6747 (1239) г. как город, принадлежащий кафедральному Успенскому собору Владимиро-Суздальской земли: «Того же лѣта на зиму взяша татарове Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязмѣ воеваша, и град святыя Богородица Гороховецъ пожгоша» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 470). Этот город, располагавшийся на правом берегу реки Клязьмы, недалеко от места ее впадения в Оку, строился князем Андреем Боголюбским (1057–1074) как крепость для защиты от вторжений соседей — мордвы и болгар. Известно также, что в 1130 г. новгородский Юрьев монастырь получил во владение погост Буицы, находившийся на южной границе Новгородской земли. Перед нами если не закономерность, то, по крайней мере, интересное совпадение: передача во владение церковным институтам Древней Руси приграничных территорий.

О.В. Ауров

к.и.н., доц. РГГУ;

в.н.с., зав. каф. ШАГИ ИОН РАНХиГС

Годы правления римских и византийских императоров в хронологии «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого

«История Испании» Альфонсо X (1252–1284), короля Кастилии и Леона, — выдающийся памятник средневековой историографии, одна из первых хроник, созданных в Западной Европе на разговорном (старокастильском) языке. Ставшая одной из мер исторической политики Мудрого Короля, хроника должна была способствовать формированию новой, общеиспанской, политической идентичности аристократии, принадлежавший к разным средневековым иберийским политиям — Кастилии и Леону, Португалии, Наварре и землям Арагонской Короны. Мечтавший о гегемонии своего королевства в Испании, Альфонсо X видел создаваемую им общеиспанскую политику как империю, сравнимую по значению с величайшими политиями прошлого — от Римской империи до арабского халифата Омейядов. Именно поэтому в содержании хроники отразилась практически вся история Рима, начиная с эпохи основания Города, значительная часть истории королевств Мервингов и Каролингской империи, отдельные

сюжеты из истории Римской империи Оттонов и арабо-мусульманского мира.

Хронологическая организация столь обширного материала потребовала значительных усилий и стала одной из основных причин появления только в XIII в. трех редакций, две из которых — т.н. Изначальная (1270–1274) (*Primera Crónica General de España editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 tt. Madrid: Gredos, 1977. P. 1–358*) и Критическая (1282–1284) (*Versión Crítica de Estoria de España. Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II por I. Fernández Ordoñez. Madrid: Fundación R. Menéndez Pidal; Universidad Autónoma de Madrid, 1993; Campa Gutiérrez M. La Estoria de España de Alfonso X. Estudio y edición de la Versión Crítica desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II. Málaga: Universidad de Málaga, 2009*), — вышли из «историографической мастерской» Альфонсо X, а третья, — Пространная редакция (ок. 1289) (*Bautista Pérez F. La “Estoria de España” en la época de Sancho IV: sobre los reyes de Asturias. London: Department of Hispanic Studies, Queen Mary, University of London, 2006*), — появилась при Санчо IV (1284–1295), сыне и наследнике Альфонсо X. В Изначальной редакции (доведенной до начала IX в.) история Испании интерпретировалась как история завоеваний полуострова — мифическими альмухусами, карфагенянами, римлянами, готами, вандалами и свевами и, наконец, мусульманами. Критическая редакция (сохранившаяся фрагментарно) представляла испанское прошлое как историю королей. Ее переработка и продолжение привели к появлению Пространной редакции (также сохранившейся не полностью).

Объем и многообразии привлекаемого материала объясняет сложность временной шкалы хроники, которая, в зависимости от характера излагаемого материала, использует разные (подчас параллельные) датировки: от основания Рима, от Рождества Христова, по понтификатам, хиджре, т.н. «испанской эре», годам правления варварских королей, халифов Омейядов, правителей отдельных мусульманских княжеств (таиф) и др. Особое место занимают датировки по годам царствований римских императоров, начиная с Октавиана Августа (*Primera Crónica General de España editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 tt. Madrid: Gredos, 1977. P. 121ff*). С момента разделения Империи годы правления императоров Запада и Востока представлены параллельно (ЕЕ. Prim. 350ff), вплоть до конца правления на Западе Валентиниана III (*Primera Crónica General de España editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 tt. Madrid: Gredos, 1977. P. 412*); о падении Западной Римской империи сообщается вскользь (*Primera Crónica General de España editada por R. Menéndez Pidal con*

un estudio actualizador de D. Catalán / 2 tt. Madrid: Gredos, 1977. P. 427). Затем следует датировка по годам царствования императоров Византии, причем время от времени включается рассказ о событиях в Восточной империи. Эта датировка доводится до начала IX в. (совместное правление Ирины (780–790, 797–802) и ее сына Константина VI (790–797)). Затем появляется подробный рассказ о коронации Карла Великого (800–814), сопровождающийся уничижительными характеристиками «женского правления» Ирины (Primera Crónica General de España editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán / 2 tt. Madrid: Gredos, 1977. P. 427). С этого момента Византия в хронике более не фигурирует, если не считать эпизодических упоминаний, в основном относящихся к эпохе Латинской империи (*Bautista Pérez F. La “Estoria de España” en la época de Sancho IV: sobre los reyes de Asturias. London: Department of Hispanic Studies, Queen Mary, University of London, 2006. Cap. 616, 798, 969, 997).*

Внимание Альфонсо X к имперскому прошлому Западного и Восточного Рима, отразившееся в датировках «Истории Испании», выглядит совсем не случайным и вполне соотносится со стремлением Мудрого Короля к императорской власти. Штауфен по линии матери, Беатрисы Швабской, боровшийся за престол Священной Римской империи в 1256–1275 гг., Альфонсо X выстраивал генеалогию императорских царствований как предысторию своего собственного правления.

Не был случайностью и резкий отказ от датировок по годам правления византийских императоров. Прежде всего, он объясняется содержанием ряда источников хроники, отразивших разрыв между католицизмом и православием. Особо следует выделить хронику, написанную Сигибертом из Жамблу (ум. в 1112 г.) и впитавшую дух Грегорианской реформы. Из нее и были заимствованы уничижительные замечания о «женском правлении» императрицы Ирины и об императорской власти в Византии вообще (*Chronica domni Sigeberti Gemblacensis monachi // MGH. SS. T. 6. Stuttgart, 1844. P. 336*). Эти замечания в полной мере соотносятся с априори негативными характеристиками «греков» в «Истории Испании. Все они в полной мере отразили то восприятие Византии и православия, которое достигло своего пика в период IV Крестового похода, последовавших за ним крестовых походов в Прибалтику и иных известных событий, следствием которых стал окончательный и бесповоротный раскол Церкви. Как младший современник этих событий (строго говоря, никак не затрагивавших Кастилии и Леона), Альфонсо X не мог не разделять общего духа времени, восторжествовавшего на Латинском Западе.

Г.А. Афонин
д.м.н., с.н.с. Казахского научно-исследовательского института
онкологии и радиологии
(Алма-Ата, Республика Казахстан)

История и современное состояние некрополистики в Республике Казахстан

Традиционное восприятие некрополистики как «вспомогательной» исторической дисциплины уступило место пониманию ее как специального направления со своим предметом, объектом и методологией исследования. Интенсивное развитие теоретико-методологического и прикладного разделов некрополистики особенно плодотворно в области просопографических, археологических, историко-генеалогических и искусствоведческих исследований. Комплексный подход к изучению некрополя в целом, а не только отдельных захоронений, дает дополнительную информацию из области социально-демографической и коммунальной истории, исторической демографии. Включение историко-мемориальных кладбищ в общее «поле» культуры актуально и потому, что некрополистические исследования вызывают живой интерес, запрос общества на них выражается в популярности экскурсий и литературы соответствующей тематики.

В Казахстане работы, по изучению некрополей, ограничены в основном древней и средневековой историей. Эти исследования были начаты в конце XIX в. российскими пионерами (*Пантусов Н.Н.* Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного // ПТКЛА. 25.IX.1899. С. 105–117; Он же. Кладбище на реке Кунгей-Аксу. Ташкент, 1906. 30 с.) и к началу 1960-х гг. оформились в виде авторитетной научной школы (*Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. А., 1963). Работы в данном направлении продолжают в настоящее время (*Смагулов Е.А.* и соавт. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан: Археологические работы в 2000 г. на могильнике Шербай // Отечественная история. 2004. № 3–4. С. 75–88; *Байпаков К.М.* и соавт. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. А., 2005. 236 с.). Работ, описывающих современные некрополи, в казахстанских научных изданиях практически нет.

Публицистика, как и академическая наука, сосредоточена на памятниках археологии — курганах и могильниках (*Гербер В.* Некрополь степняков // Экспресс-К. 2006. 8 июля. № 125. С. 6–7; *Сисекенова Ж.* Некрополь Абат-Байтак может не войти в список ЮНЕСКО // Актюбинский вестник. 2014. 16 января. № 5–6. С. 3).

В 2007 г. опубликован опыт анализа и систематизации резных надгробий (1879–1906 гг.) в Восточном Казахстане, представленный областным архитектурно-этнографическим и природно-ландшафтным музеем-заповедником (*Крутова Н.* Из истории еврейских захоронений на территории Восточного Казахстана // Еврейская старина. 2007. № 3 (50).

Публикации более позднего времени (2010–2020 гг.) не содержат поисковых и описательных данных и являются реакцией на вопиющие случаи вандализма и бесхозьяйственности на кладбищах.

Ряд новых материалов по описанию некрополей (*Афонин Г.А.* Центральное кладбище Алма-Аты как историко-мемориальный некрополь // Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: мат. IV Всероссийской научно-практ. конф. М., 2019. С. 94–112; *Он же.* Некрополь мастеров искусств на Центральном кладбище Алма-Аты // Искусство и дизайн: история и практика: мат. VII Всероссийской научно-практ. конф. СПб, 2022. С. 26–46) и мемориальной скульптуры (*Он же.* История развития и основные характерологические черты казахстанской мемориальной скульптуры // Месмахеровские чтения-2022: мат. международной научно-практ. конф. СПб, 2022. С. 210–223) опубликован по итогам 15-летнего исследования историко-мемориальных кладбищ Алма-Аты.

В Казахстане систематическое изучение современных кладбищ, основанное на методологии комплексного исследования как памятника истории и культуры, осуществляется единичными энтузиастами. Поисковые и восстановительные работы на кладбищах, проводимые государственными органами, являются частью реализации более масштабных программ и не затрагивают вопросов изучения и охраны собственно некрополей. В 2009 г. в Алма-Ате в рамках программы «Культурное наследие» расширен перечень подлежащих охране исторических захоронений и художественных надгробий на исторических кладбищах Центральном, Кен сай-1 и Кен сай-2, составлены паспорта и оформлены охранные документы. В 2013 г. в Астане начаты исследования мусульманского кладбища «Караоткель», идентифицированы и описаны 2169 надгробий, самое раннее из которых датируется 1805 г. Исследования микрорельефа установили наличие около 10000 захоронений более раннего времени, что позволило сделать вывод о «многослойности» кладбища, формировавшегося на протяжении нескольких столетий (http://www.inform.kz/ru/musul-manskoe-kladbische-v-centre-astany-skrывaet-poryadka-10-tys-zahoroneniy_a2550072).

При очевидной не разработанности источникового и исторического ресурса некрополей, в Казахстане отсутствуют организации,

занимающиеся изучением и сохранением исторических кладбищ и в виде некоммерческого партнерства («Общества некрополистов») и в составе государственных структур. Определенная работа ведется в виртуальном пространстве — на тематическом сайте billiongraves.com, но она не основана на методологии комплексного изучения некрополя и сводится к поиску захоронений и пополнению коллекции сайта. При этом за обнаружением отдельного захоронения не следует публикация биографического или генеалогического исследования.

Перечисленные частные проблемы по существу связаны с отсутствием в Республике Казахстан Закона о погребении и похоронном деле (<https://tengrinews.kz/news/zakon-soderjaniyu-kladbishch-predlozili-gazratat-kazahstane-453627/>). Без законодательного регламента придания кладбищам статуса историко-мемориальных некрополей на уровне национального закона и подзаконных муниципальных нормативно-правовых актов, очень сложно осуществлять и комплексную работу по изучению кладбищ: поиск захоронений, инвентаризацию и размещение информации о них на сайтах и представление в соответствующие органы предложений о сохранении надгробий, как объектов культурного наследия.

Т.А. Базарова
к.и.н., с.н.с. СПБИИ РАН

Рукописная копия трактата «О коронах» из библиотеки Феофана Прокоповича

Библиотека Феофана Прокоповича состояла из 4000 книг и, по мнению С.П. Луппова, «была уникальным явлением как по числу книг, так и по своему составу» (*Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л., 1976. С. 265.). В этом собрании находились не только богословские сочинения, но и труды по истории, философии, юриспруденции на различных европейских языках. Исследователи полагают, что в библиотеке Феофана Прокоповича также имелось и значительно число рукописей (летописи, хронографы и др.). Состав и дальнейшая судьба рукописной части собрания выдающегося просветителя и сподвижника Петра Великого остаются наименее изученными.

Библиотека Феофана Прокоповича не сохранилась как единый комплекс. После его смерти основную часть книг передали Новгородской духовной семинарии (*Верховской П.В.* Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища (о необходимости спасти

библиотеку Феофана Прокоповича). Варшава, 1913). После закрытия семинарии (1918) наиболее ценная часть ее книжного собрания, в том числе и книги, ранее принадлежавшие Феофану Прокоповичу, были переданы ГПБ. В 1947 г. из-за пожара значительная часть книг Новгородской духовной семинарии серьезно пострадала. В настоящее время уцелевшие книги рассредоточены по разным отделам РНБ (*Григорьева И.Л., Салонилов Н.В.* Библиотека Новгородской духовной семинарии: 1706–1925 гг. // Чело. 2000. № 1. С. 76–83). Еще в XVIII в. книги из собрания Феофана Прокоповича пополнили библиотеку Новгородского софийского собора. В 1859 г. часть этого книжного собрания (1570 рукописных и 585 печатных книг) передали Санкт-Петербургской Духовной Академии. Сохранившийся рукописный каталог библиотеки Новгородского Софийского собора был составлен уже после передачи книг — в 1865 г.

Рукописи из библиотеки Феофана Прокоповича также хранятся в Библиотеке Российской академии наук (Подробнее см.: *Моисеева Г.Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1978. Л., 1979. С. 37–48).

Вне поля зрения исследователей библиотеки Феофана Прокоповича оставалась принадлежавшая ему рукописная книга, которая отложилась в Архиве СПбИИ РАН в собрании выдающегося коллекционера и палеографа Н.П. Лихачева (Колл. 238. Оп. 1. № 553). Это копия трактата М. Шмейцеля «О коронах» («*Commentatio historica de coronis tam antiquis quam modernis, iisque regiis, speciatim de origine et fatis sacrae, angelicae et apostolicae regni Hungariae coronae, cum figuris aeneis, indiceque ac allegatis necessariis auctore Martino Schmeizel. Janae, apud Joh. Martin. Gollnerum. MDCCXII*»). На титуле рукописи дано заглавие с неверной датой — «Мартына Схмейзеля «История о коронах, древних и нынешний, а наипаче с владетельских; и начале Венгерской короны и о приключениях оной короне собственных. Напечатана в Ене лета 1713».

На нижнем поле титульного листа рукописи из Архива СПбИИ РАН имеются две записи: «*Ex libris Theophanis Archiepiscopi Novogrodensis. № 23*» («Из книг новгородского архиепископа Феофана») и «Библиотеки Новгородского Софийского собора. 1857 года» (повторяется на нижнем поле л. 10 и 20). Поскольку нет более поздних владельческих записей, не представляется возможным установить, как и когда эта книга попала в собрание Н.П. Лихачева.

В книге 68 листов (водяной знак: Герб Амстердама на постаменте, корона без намета, контрамарка «VC»), что значительно меньше, чем в опубликованном в Йене трактате (237 стр.). Рукописная

копия, так же как и печатный трактат, состоит из двух частей со своей нумерацией глав (1–45 и 1–6). Первая часть посвящена символическим головным уборам от древности до Нового времени, вторая — истории венгерской короны. Однако в нее не вошли вступление и пространные рассуждения М. Шмейцеля, касающиеся различных исторических сюжетов. Текст написан скорописью первой четверти XVIII в. и заключен в двойную рамку. Изображения корон выполнены на отдельных небольших листах и приклеены на оставленные для них пустые места. Рукопись имеет коричневый кожаный переплет с тиснением («Звучат лишь письма...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки. СПб.: ГЭ, 2012. № 258).

В 2013 г. увидела свет другая рукописная копия данного сочинения, хранившаяся в Научной библиотеке Казанского университета им. Н.И. Лобачевского (Рукописный трактат «О коронах» начала XVIII в.: Памятник русско-венгерских культурных связей / Сост. М. Алёшин, Э.И. Амерханова, Т. Ботор, М. Фонт, О.И. Хоруженко, Э. Шашхалими; Отв. ред. М.Е. Бычкова. М.; Печ, 2013). По мнению публикаторов, перевод на русский язык был осуществлен для «практических целей» после 1722 г.

Надо полагать, что в архивах и библиотеках сохранились и другие выполненные в первой четверти XVIII в. копии трактата М. Шмейцеля. Их выявление и изучение даст новые факты, касающиеся историю перевода и бытования рукописной книги в Петровскую эпоху.

А.Г. Баранов
к.и.н., председатель правления Союза бонистов,
эксперт аукциона «Гермес»

Бумажные заменители монет в России в 1915–1919 гг. К истории выпуска

Во время первой мировой войны в Российской империи были выпущены бумажные заменители монет в виде марок-денег и казначейских билетов. История выпуска марок-денег давно привлекает внимание исследователей (*Максимов М.* Марки — деньги // Бонистика-4. Приложение к газете «Миниатюра». Сентябрь 1996 г. С. 4–5) и уже имеет обширную библиографию, чего нельзя сказать о казначейских билетах (*Баранов А.Г.* Отечественная бонистика. Библиографический указатель. 2-е изд., испр. и доп. М., 2022. С. 340).

Эти две эмиссии не рассматривались в комплексе, чтобы ответить на вопросы о том, для чего и почему они выпускались, как они

взаимодействовали, что послужило причиной не выпуска или изъятия из обращения тех или иных номиналов в период 1915–1917 гг.

Уже 30 сентября 1915 г., во время «Великого отступления» русской армии, в обращение в качестве временной меры были выпущены марки-деньги разных достоинств, для изготовления которых не требовалось больших усилий. Скорее всего, локальный опыт использования разменных марок-денег показал их большое неудобство, связанное с малыми размерами и путаницей потертых коричневых марок в 1 и 15 копеек и зеленых марок в 2 копейки с марками в 20 копеек. (Новое время. 1915. 2/15 октября. С. 5).

Этот недостаток был исправлен путем нанесения на лицевой стороне разменных марок-денег достоинством 1 и 2 коп. крупной надпечатки соответствующей цифры номинала (циркулярное распоряжение Государственного Банка от 18 ноября 1915 г. № 191). Что касается неудобства, связанного с малым форматом, то его решили кардинально, путем замены марок-денег более удобными казначейскими билетами.

Указом от 6 декабря 1915 г. в обращение были введены бумажные казначейские знаки достоинством 1, 2, 3, 5 и 50 копеек. (СУ-1915, отдел 1, № 362 от 17 декабря, ст. 2722). Кроме этих достоинств были подготовлены к выпуску и отпечатаны казначейские знаки в 10, 15 и 20 коп., которые по какой-то причине не выпущены в обращение. В бонистической литературе без ссылок на источник информации сообщается, что готовый тираж не выпущенных в обращение казначейских знаков достоинством 10, 15 и 20 коп. был уничтожен. Что послужило этому причиной?

Возможно, что некие злоумышленники похитили часть тиража этих дензнаков. Разменные казначейские знаки не имели нумерации и отличить украденные купюры было невозможно. Поэтому для воспрепятствования наживе на украденных у государства купюрах, их не выпустили в обращение. В пользу этой версии свидетельствует появление на коллекционном рынке примерно в 2009–2010 гг. клада в виде крупной партии казначейских знаков достоинством в 20 коп. Якобы на чердаке старого дома, то ли в Костроме, то ли в Калуге была обнаружена пачка, содержащая более 2000 экз. этих казначейских знаков. Все они были без следов обращения, но с явными следами длительного хранения в ненадлежащих условиях с воздействием грызунов и сырости. Особой редкостью казначейские билеты в 10, 15 и 20 копеек не являлись и до находки этого клада, что так же свидетельствует об отпечатанном тираже и рассылке его в подотчетные учреждения Государственного банка и казначейств.

Вместо не выпущенных казначейских билетов в 10, 15 и 20 копеек продолжали тиражироваться разменные марки-деньги соответствующих номиналов. Выпущенные в обращение марки достоинством 1 и 2 коп. в количестве по 4 млн. шт., и 3 коп. в количестве 5 млн. шт. довольно быстро пришли в негодность и изымались из оборота. Их тиражирование ранее было прекращено, а уже отпечатанный тираж временно, до особого распоряжения хранился в Государственном банке и Казначействах.

Именно эти марки были вновь выпущены в обращение на фронте весной 1917 г. о чем сообщил С.В. Зверев в своем докладе «О времени выпуска в обращение марок-денег Романовской серии младших номиналов 1, 2 и 3 копейки» (Круглый стол «Актуальные проблемы бонистики» 27 сентября 2015 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=WztCY5xXzY0>). Тем самым были уточнены сведения Л.Г. Ратнера о том, что марки-деньги 1, 2 и 3 коп. появились в обращении только в октябре 1917 г. (*Ратнер Л.* Разменные денежные знаки в виде юбилейных марок романовской серии // Коллекционер. 2013. № 48–50. С. 58–81).

Всем финансовым учреждениям — Конторам, Отделениям и Казначействам — 6 октября 1917 г. был разослан циркуляр Государственного банка № 167 «О выпуске в обращение разменных марок в 1, 2 и 3 коп.», в котором сообщалось: «В настоящее время, в виду затруднений для Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг изготовлять названные знаки в потребном для сего количестве, за недостатком бумажной массы, признано необходимым прекратить выпуск в обращение казначейских знаков в 1, 2 и 3 коп., и вместо них выпускать разменные марки тех же достоинств. (Государственный архив Курганской области. Ф. 175. Оп. 2. Д. 1257. Л. 106.)

Это были разменные марки третьего выпуска, отличающиеся оформлением оборотной стороны. Был убран государственный герб — двуглавый орел. Вместо него помещена соответствующая цифра номинала. На лицевой стороне марок достоинствами в 1 и 2 коп. также были сделаны надпечатки черною краской цифр номинала, как и на марках-деньгах 1915 г.

Бумажные заменители монет исчезли из обращения в середине 1919 г., однако формально они окончательно изымались из оборота по декретам Совета Народных Комиссаров РСФСР от 8 и 28 сентября 1922 г. Последним сроком обмена их на новые денежные знаки кассами Наркомата Финансов и Госбанка было 31 октября 1922 г.

**«Волшебный ирис цвел под лягушачьей стражей»:
о происхождении французских геральдических лилий**

Схематически изображаемая лилия была широко распространенным знаком средневековой геральдики. Она весьма часто встречается в личных, родовых, городских и, конечно же, королевских гербах. В качестве королевского герба наибольшую известность получили французские геральдические лилии.

Герб короля Франции с золотыми лилиями в лазурном поле возник во времена правления Людовика VII (1137–1180) и Филиппа II Августа (1180–1223). Начиная с царствования Филиппа лилии присутствовали и на королевской печати. К середине XIV в. формируется легенда об их сверхъестественном происхождении, по которой ангел, посланник Господа, передал основателю Франкского королевства Хлодвигу (486–511) щит с тремя золотыми лилиями в лазурном поле взамен его прежнего, языческого герба. Свое литературное выражение эта легенда впервые получила в латинской поэме, написанной около 1350 г. монахом аббатства Жуайенваль. Автор повествует о двух королях-язычниках во Франции — Конфлате и Хлодвиге, которые постоянно враждовали друг с другом. Как-то Конфлат прислал своему сопернику вызов на поединок. Хлодвиг приказал щитоносцу принести доспехи и обнаружил, что вместо полумесяцев на них красуются три лилии в лазурном поле. Хлодвиг потребовал новое оружие, но оно оказалось с той же эмблемой. Четыре раза Хлодвиг отвергал принесённые ему доспехи и четыре раза получал взамен лилии, которые в итоге согласился надеть. Оказалось, что накануне поединка жена Хлодвига, христианка Клотильда, посетила старца, жившего рядом с монастырем. Когда они вместе молились, святому явился ангел, который держал в руках лазурный щит с тремя золотыми геральдическими лилиями. «Герб сей принесёт Хлодвигу победу», — сказал он. Королева возвратилась домой и в отсутствие мужа свела с его доспехов полумесяцы и начертала лилии. Хлодвиг одержал победу и, узнав от жены подоплеку дела, обратился в христианство.

Несмотря на то, что «творцом» чуда с лилиями некоторые авторы считали св. Дионисия, именно жуайенвальская версия с отшельником утвердилась с XV в. в литературе. Единственной поправкой к ней стали три жабы вместо полумесяцев, которые, по мнению автора «Сновидения садовника», украшали языческий щит Хлодвига.

В историографии до сих пор нет единого мнения о том, откуда на самом деле появился цветок на гербе Франции, и что, собственно, это был за цветок. Существует предположение, что изначально лилия могла быть не лилией, что у нее был другой цветочный «прототип», не случайно во французских хрониках до XII в. нет никаких упоминаний о «королевской лилии». В раннесредневековых текстах в связи с именем Хлодвига фигурирует ирис (*iris*). С древнейших времен этот цветок символизировал власть и силу. Его стилизованное изображение в качестве узора можно встретить в Древнем Вавилоне, Ассирии, Египте, Греции и Риме. В геральдику Западной Европы ирис вошел на рубеже V и VI вв., причем это был самый обычный желтый болотный ирис. Он стал героем легенды о битве франков с вестготами и их предводителем Аларихом у селения Вуйе неподалеку от Пуатье, где протекала река Вьенна. Согласно легенде, франки были вынуждены уступить вестготам и отойти к болотам и реке. Там Хлодвиг увидел лань, которая от испуга кинулась прочь через глубокие воды Вьенны. Она преодолела реку по броду, вдоль которого росли желтые ирисы. Хлодвиг со своим войском переправился через реку вслед за ланью. Воодушевленные франки ринулись в бой с новой силой. Они уничтожили остатки вестготов, Аларих пал от руки Хлодвига, а ирис, как символ победы, стал любимым цветком короля.

Помимо упоминания об ирисе в письменных источниках, сохранился скипетр первых французских королей, увенчанный цветком ириса, и его изображение на серебряной печати Изабеллы де Эно, королевы Франции (1180–1190). На печати в полный рост изображена женщина в короне, в ее правой руке ирис, а в левой — скипетр с геральдическим изображением этого цветка. Ирис в руке королевы, конечно, условен, но несколько не похож на лилию.

Каким же образом ирис превратился в лилию? После того, как Людовик VII (1119–1180) поместил знак Хлодвига в свой герб, он стал называться «цветком Людовика» («*fleur de Louis*»). Попробуем предположить, что стилизованное изображение обоих цветков, а также языковые неточности и совпадения привели к «превращению» ириса из «*fleur de Louis*» во «*fleur de lis*», «цветок лилии». Этой трансформации, безусловно, способствовал и тот факт, что лилия была одним из известных христианских символов. В Библейском тексте она уподобляется невесте и в этом качестве выступает как символ любви и красоты, понимается как голубь, то есть символ святого Духа, и так далее.

Начиная с XI в. лилия становится знаком непорочности, что было связано с упрочением и распространением во Франции этого

времени культа Девы Марии. Большую роль в данном процессе играли Сугерий, советник Людовика VI и аббат Сен-Дени, и Бернард Клервоский, аббат Клерво и вдохновитель Второго Крестового похода. К концу XII в. этот культ приобрел куртуазную окраску и проник в королевскую символику, что должно было подчеркнуть особое благоволение французских монархов перед Богородицею. Почти все церкви королевского домена, в том числе Реймский собор, где совершались церемонии инаугурации, с правления Людовика VI Толстого (1108–1137) посвящались Богородице. После того, как Людовик поддержал папу Римского в его борьбе с германским императором, Капетинги стали именоваться «наихристианнейшими королями», а Французская монархия провозгласила себя находящейся под покровительством Девы Марии. Лилии, как символ Богородицы, приобрели политическое значение и звучание, этот цветок стал королевской эмблемой, перейдя на щит, знамя, одежду и корону. Так эмблема Мервинга утвердилась в качестве геральдической «лилии» французских королей, символа власти, знатности и божественного покровительства.

*Д.В. Безверхий
студент МГЛУ*

Новые сведения о генеалогии семьи архитектора В.И. Баженова

До недавнего времени генеалогия семьи архитектора В.И. Баженова была малоизучена, полна неточностей и ложных представлений. Немногие отрывочные и не всегда точные сведения о детях и внуках зодчего были представлены в работах Е.И. Илизаровой, Ю.Я. Герчука. Однако до сих пор не были известны, к примеру, точные даты жизни представителей семьи архитектора и места их упокоения.

Автор настоящего исследования изучил материалы периодики в РГБ, метрические книги, исповедные росписи и др. архивные документы в ЦГА г. Москвы, в РГИА и ЦГИА г. Санкт-Петербурга, в ГАНО г. Арзамаса, в ЦАНО г. Нижнего Новгорода и в ГАТО г. Тулы, где он обнаружил множество новых сведений о детях Василия Баженова и его супруги Аграфены Лукиничны — Константине, Владимире, Ольге, Всеволоде, Воине 1-м, Надежде, Мстиславе, Вере и Воине 2-м.

Старший сын архитектора, генерал-майор и кавалер Константин Баженов, родился в 1771 г. Женится на дочери боцмана Марье Львовне Карандышевой. Первый их сын Николай родился в 1802 г.

до их брака, а значит был незаконнорожденным. В 1818 г. Николаю было дозволено принять фамилию отца и вступить во все права. Константин жил со своей семьей в родовом имении Корино Арзамасского уезда в приходе с. Хирина. В имении жила и его теща, Гликерия Ивановна Карандышева. В метрических книгах с. Хирина и Кардавилль за 1812 и 1816 гг. автор обнаружил упоминания второго сына Константина — Елеферия, который, видимо, умер в раннем возрасте. Константин Баженов умер 3 сентября 1826 г. в возрасте 55 лет. Гликерия Ивановна умерла 8 апреля 1827 г. в возрасте 80 лет. Марья Львовна умерла 25 мая 1834 г. в возрасте 52 лет. Все трое были отпеты в церкви с. Хирина и похоронены на его приходском кладбище. Николай Баженов дослужился до штабс-капитана. Ок. 1847 г. женился на Варваре Борисовне (урожд. кн. Голицына, по первому браку Ахматова). Николай умер после 1865 г. Варвара умерла 19 ноября 1878 г. в возрасте 73 лет. Потомства они не оставили.

Генерал-майор Владимир Баженов родился в 1772 г. Женился на Анне Христофоровне (девич. фамилия неизвестна). Ок. 1798 г. у них родился единственный сын Мстислав, но до их брака, а значит также был незаконнорожденным. В 1820 г. Мстиславу было дозволено принять фамилию отца и вступить во все права. Семья проживала в родовом имении Понетаевка Арзамасского уезда. 5 мая 1820 г. Владимир Баженов умер. Его сын Мстислав дослужился до подпоручика. 14 октября 1823 г. он обвенчался в церкви с. Понетаевка с Натальей Сергеевной Языковой (ум. в 1847 г.). Мстислав умер 22 июня 1824 г. бездетным. Анна Христофоровна умерла 29 мая 1843 г. в возрасте 66 лет. Владимир, Мстислав и Анна были похоронены у церкви с. Понетаевки.

Ольга Баженова родилась 23 ноября 1773 г. 14 июля 1801 г. в Николо-Богоявленском Морском соборе в Петербурге обвенчалась с полковником Карлом Ивановичем Гетте (лютеранского вероисповедания, 1771–1808). Потомства они не оставили. Ольга проживала в Петербурге, умерла не ранее 1825 г.

Полковник Всеволод Баженов родился в 1774 г. Женился на дворянке Марии Федоровне (ок. 1780 — не ранее 1832, девич. фамилия неизвестна). Их дети: Василий (1803 — 20 апреля 1846, дослужился до майора), Аполлон (1806 — не ранее 1829, дослужился до корнета), Аграфена (1809 — не ранее 1847), Всеволод (1811 — не ранее 1827, умер в раннем возрасте), Лука (28 октября 1814–1844, служил канцеляристом). Семья проживала в родовом имении Кардавилль Арзамасского уезда. Всеволод умер 8 февраля 1843 г. в возрасте 69 лет, его отпевали в церкви с. Кардавилль, затем он был погребен в Высокогорской пустыни в Арзамасе. Канцелярист Лука

Баженов 15 января 1841 г. обвенчался в церкви с. Кардавилль с вдовой прапорщицей Ксенией Артемьевной Константиновой (1819 — не ранее 1876). Лука умер в марте 1844 г. и был похоронен в с. Хирине. Потомства он не оставил. Аграфена Баженова 30 апреля 1828 г. в церкви с. Выездное под Арзамасом обвенчалась с вольноотпущенным дворовым Сергеем Кудашкиным (впоследствии мещанин, ок. 1805 — не ранее 1858) без благословления родителей. Ее отец тщетно пытался расторгнуть этот брак. Аграфена была изгнана из семьи и проживала с мужем в Нижнем Новгороде. О её потомстве сведений пока нет. Майор Василий Баженов 3 мая 1838 г. обвенчался в Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах в Москве с дочерью коллежского советника Ольгой Александровной Струниной (ок. 1821–1855). Их дети: Мария (в замуж. за арзамасским 2-й гильдии купеческим сыном Фадеевым), Ольга (р. 1 ноября 1844), Александр (22 апреля 1841 — 8 ноября 1908), Всеволод (р. 28 декабря 1845), Софья (в замуж. Богодурова). Ольга Александровна была застрелена своим крепостным 14 сентября 1855 г. Она, ее муж Василий, их сын Всеволод (умер в раннем возрасте) и сын Александр были похоронены у церкви с. Кардавилль.

Воин Баженов (1-й) родился 27 сентября 1776 г. Умер в раннем возрасте.

Надежда Баженова родилась в 1778 г. Исследователь Лев Иванович Марков ложно приписывал себя к потомкам архитектора Баженова и утверждал, что Надежда вышла замуж за Алексея Ивановича Маркова, однако это неверно. 10 февраля 1805 г. в Николо-Богоявленском Морском соборе в Петербурге Надежда обвенчалась с коммерц-коллегии экзекутором надворным советником Алексеем Сергеевичем Марковым (1773–1814). Потомства они не оставили. В 1820–1830-х гг. она проживала в имении Кардавилль у брата Всеволода. Умерла не ранее 1837 г.

Мстислав Баженов родился 4 декабря 1782 г. и умер 6 февраля 1783 г. Погребен в Донском монастыре.

Вера Баженова родилась в 1784 г. 30 января 1814 г. в Николо-Богоявленском Морском соборе в Петербурге обвенчалась со штаб-лекарем резервного экипажа Федором Федоровичем Гольцгаузенем (Фридрих-Вильгельм Гольцгаузен, лютеранского вероисповедания, дослужился до коллежского советника и кавалера, 4 марта 1773 — 1 октября 1832, похоронен на Волковом лютеранском кладбище). Потомства они не оставили. Вера проживала в Петербурге. Умерла не ранее 1834 г.

Воин Баженов (2-й) родился 13 октября 1785 г. 28 октября того же года он умер. Погребен в Донском монастыре.

Таким образом, удалось достаточно полно реконструировать картину генеалогии семьи архитектора В.И. Баженова и его потомков, хотя некоторые вопросы еще требуют дополнительных изысканий.

М.Р. Белоусов
к.и.н., доц., с.н.с. ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Опыт реконструкции комплекса делопроизводственных документов конного смотра служилых людей московских чинов Государева двора июня 7161/1653 г.

Известно, что с 13 по 28 июня 7161/1653 г. проходил конный смотр служилых людей московских чинов: «Июня в 13 день государь ... за городом, на Девичье поле, изволил смотреть ... столников, и стряпчих, и дворян московских, и жилцов со всею их службою. . . Июня в 28 день ... пошел государь с Девичья поля к Москве» (Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м С. Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1852. Т. III. Стб. 355–357).

В научной литературе этот смотр упоминается в связи с подготовкой России к «борьбе за Украину» (*Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 327, 334). Однако до сих пор не осуществлялась реконструкция комплекса делопроизводственных документов, относящихся к проведению и результатам конного смотра. Между тем указанные материалы сохранились в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

В «половинном» боярском списке середины (между 15 и 17) июня 1653 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 233) в виде позднейших (то есть сделанных позже составления основного текста документа) помет, исправлений и вставок нашли отражение результаты июньского конного смотра. В частности, при именах 49 дворян московских были сделаны пометы об их «отставлении» «от дальней службы». Затем, в соответствии с «государевым указом» (Дворцовые разряды ... Стб. 356, прим. 1), во всех чиновных перечнях «половинного» боярского списка, кроме перечней думных и дворцовых чинов, отставных дворян московских и дьяков, при именах служилых людей были сделаны «четвертные» пометы «1», «2», «3» или «4» (иными словами, служилых людей «росписали» «по четвертям на четыре чети» для службы в Москве). При именах же дворян московских, отставленных от дальней службы, «четвертные» пометы не были сделаны.

На смотре служилые люди подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о числе «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствии у них поместий и вотчин, о «кормовом» обеспечении (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 234. Л. 1–454; Д. 1081. Столп. 5, 7). Всего сохранилось 416 «сказок» 415-и дворян московских, 33 «сказки» иноземцев, служащих по московскому списку, и 58 «сказок» стряпчих. Общая численность дворян московских в середине июня 1653 г. (на начало проведения конного смотра) на основании данных «подлинного» боярского списка 7161 г. (Там же. Д. 1133. Столп. 3) и «половинных» списков мая (Там же. Д. 234. Л. 458–579) и июня 7161 г. составляет 1155 чел. (без отставных дворян). Общая численность иноземцев, служащих по московскому списку, — 72 чел. «Сказки» дворян московских и иноземцев, служащих по московскому списку, в сохранившемся столбце расположены в основном в соответствии с порядком перечисления дворян и иноземцев в июньском «половинном» боярском списке. Общая же численность стряпчих на начало проведения конного смотра на основании тех же источников определяется в 338 чел.

Основной текст смотренного списка — списка «бояр, и околничих, думных людей, и столников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков, по которому смотрел великий государь на конех со всякою службою во 161-м году в июне месяце» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. текста и вступ. статья К.В. Петрова. СПб., 2001. С. 126; видимо, частью именно этого списка, дошедшей к тому же со значительными лакунами, является смотренный список стольников, стряпчих, дворян московских, иноземцев, жильцов, голов стрелецких, дворовых людей и дьяков — РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1135. Столп. 1), — был составлен по результатам конного смотра в конце (не ранее 23) июня 1653 г. В основу текста смотренного списка, в том числе порядка перечисления имён стольников, стряпчих, дворян московских, иноземцев, голов стрелецких и дьяков, очевидно, были положены текст «сказок» служилых людей июня 1653 г. и порядок следования «сказок» в комплексе этих документов.

Кроме того, на основании поданных служилыми людьми «сказок» был составлен список стряпчих и дворян московских, за которыми в поместьях и вотчинах по их «сказкам» крестьянских и бобыльских по 30 дворов и меньше и за которыми поместий и вотчин нет (Там же. Д. 1081. Столп. 1).

Проверка достоверности сведений о количестве крепостных дворов либо отсутствии поместий и вотчин в поданных стряпчими на конном смотре «сказках» на основе их сопоставления

с количеством дворов, «сысканных» за каждым стряпчим в переписных, отказных и отдельных книгах, проводилась в Поместном приказе и нашла отражение в росписи крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах стряпчих по переписным и прочим книгам и по «сказкам» (Там же. Д. 1088. Столп. 2), составленной в Поместном приказе и датируемой по содержанию серединой (между 10 и, видимо, 21) июля 1653 г.

Таким образом, реконструированный комплекс документов конного смотря служилых людей московских чинов Государева двора июня 1653 г. позволяет изучить делопроизводственную практику Разрядного и Поместного приказов, а также различные аспекты социально-политической истории Московского государства середины XVII в.

Л.А. Беляев
д.и.н., зав. Отделом археологии Московской Руси
Института археологии РАН
С.И. Баранова
д.и.н., г.н.с. РГГУ

Изучение деревянного дворца в Коломенском П.Д. Барановским: неизвестные материалы

Выдающийся архитектор П.Д. Барановский (1982–1984), 130-летие со дня рождения которого отмечено в 2022 г., известен в основном как реставратор и защитник памятников архитектуры. О нем как об ученом написано немного. По странному стечению обстоятельств, менее всего известны его исследования Коломенского, где в 1923 г. он создал музей, оставаясь директором до ссылки в 1933 году. Здесь П.Д. Барановский вел натурную архитектурно-археологическую и музееведческую работу. Позже, в 1940–1950-х гг., он исследовал историю Государева двора, анализируя письменные, картографические и археологические источники.

Все это осталось вне поля науки до 2021 г., когда мы, работая над книгой о дворце (*Баранова С.И., Беляев Л.А., Топычканов А.В.* Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022), обнаружили в фонде П.Д. Барановского (ГНИМА им. А.В. Щусева) неопубликованные материалы. Отчасти они отражены в книге, но ее направленность иная, и мы продолжаем работу с документами. Это позволяет восстановить ход мысли, методику П.Д. Барановского как полевого исследователя, археолога и аналитика.

В составе фонда записки, выписки, зарисовки и чертежи по истории дворца; описание вещественных источников; аналитическая графика и др. Особо значимы материалы, связанные с первыми археологическими раскопками 1930-х гг., ранее неизвестными. Нами обнаружены описания работ; серия кроки, сделанных для совмещения планов дворца и раскопов (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 45.); описания остатков дворца (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 43); многочисленные авторские рисунки найденных во время раскопок изразцов (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 57.); их фотографии (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 58). Выделяется описание результатов работ, включающее данные о сборах находок при реставрации 1923–1929 гг. и о раскопе, который провел сам Петр Дмитриевич на месте угловой палаты царских хором (севернее Садовых ворот, западнее «солнечных часов»). Это авторское описание, хотя и выполненное спустя годы после завершения работ.

Основной текстовый документ — записки на клетчатых тетради, с многочисленными правками. Они имеют заголовок «Изучение и раскопки Коломенского дворца» (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 56. Л. 5–16 об.) и представляют наброски к сочинению типа пояснительной записки или доклада (сам автор называет его «сообщением»), имеющим целью обосновать важность возобновления археологических исследований на месте дворца XVII в. в Коломенском. В сообщении включен обзор работ, которые проводил сам Петр Дмитриевич как реставратор и директор музея в 1923–1929 гг., затем как археолог в 1930 г. Упомянуты работы археологов А.П. Смирнова и К.Я. Виноградова (1933, 1935 гг. соответственно). Отмечено, что автор не участвовал в раскопках 1933 г. (был занят на других работах) и в 1935 г. (с октября 1933 до мая 1936 г. он находился в ссылке). То есть сообщение написано после освобождения, не ранее лета 1936 г., а возможно, и позднее, в начале 1940-х гг. или после войны, когда П.Д. Барановский работал над реконструкцией деревянного дворца совместно с И.В. Маковецким.

В сообщении дана зрелая, самостоятельная оценка археологии как ключа к открытию дворца в Коломенском. Приведен очерк состояния дворища в 1920-х гг. Описаны итоги раскопок — для 1930 г. со значительными подробностями о находках и конструкциях. Сформулированы задачи и перспективы новых исследований для науки и практики музейного дела. Этот краткий, но точный и осмысленный отчет выделен в особый раздел записки. Раскопки представлены как «пробные», призванные «установить, оправдаются ли предположения о возможности установки точных границ фундамента дворца, находок керамики и т.п.». Четко

сформулированы методические задачи: «1) Определение точного места дворца. 2) Планировка и музейное использование дворца после раскопок. 3) Находки керамики и возможность определения цельных печных комплексов. 4) Находки других предметов материальной культуры. 5) Определение по находкам местоположения Коломенского дворца XVI века» (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 56. Л. 13 об.). Отмечены и случайные находки: «...кроме находок изразцов, одновременно должны были находиться и другие предметы из построенного дворца (в 1925 г. мною найдена прямо на земле на территории дворца ржавая петля с гравировкой XVII в.), а также другие предметы материальной культуры» (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 56. Л. 16–16 об.).

Описанный подход близок современному: «1) был сделан межвым инженером Плотниковым крупный план местности Коломенского дворца, увязанный со всеми сохранившимися данными, разбитый на квадраты, а на месте были сделаны реперы. С этого плана найденные на месте после раскопок фундаменты дворца могли быть точно нанесены на план и связаны с остальными постройками. 2) Для выкладки угловых столбиков фундамента было заготовлено близ места раскопок значительные количества кирпича половняка... 3) Проработан вопрос о печах ... Коломенского дворца, определено их место в плане. Раскопки производились одним рабочим, непосредственным участником, ...научным сотрудником. Для раскопки была выбрана одна палата в хоромах царя, которая по плану опубликована Забелиным, и значится в нижнем житье под номером 85, и в верхнем житье под номером 6» (ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 56. Л. 16–16 об.).

Есть в записке сведения и о работах 1933 г. Подчеркнуто, что работы вели аспиранты ГИМ, и шли они под руководством А.П. Смирнова в сентябре (незадолго до ареста 04.10.1933 г.). О раскопках 1935 г. Петр Дмитриевич Барановский высказался кратко и критично.

Дальнейший анализ архивных материалов П.Д. Барановского, связанных с его работой по виртуальной реконструкции дворца, изучению и архитектурному анализу письменных, картографических и археологических источников, позволит внести новое в его биографию как ученого, в историю становления московской школы археологии, и, разумеется, в историю памятников выдающегося архитектурного ансамбля Коломенского.

К созданию большой государственной печати 1667 г.

В РГАДА сохранился документ, получивший название «Роспись всем государственным печатям» (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1) и датированный 1627 г. По первым его строкам («В Посольском приказе в переписной книге 135-го году написано») возникает ощущение, что перед нами выпись из описи архива 1626 г. На самом деле этот документ состоит из двух частей. Первая часть (Л. 1–3) действительно представляет собой выпись из описи архива Посольского приказа и содержит сведения о хранившихся во внешнеполитическом ведомстве печатях. Вторая часть не имеет ничего общего с описью и является краткой справкой о больших и малых польских и литовских печатях периода правления Владислава IV Вазы.

Разберемся с датировкой документа. В первой его части упоминаются большая государственная печать, отпавшие от грамот серебряные казанские и ливонские печати, кормленная печать Федора Ивановича (матрица), печать Новгородского государства (матрица), 12 оловянных властелинских печатей в особом мешочке, печати (оттиски?) 10 российских городов (территорий) с их описанием: новгородская, псковская, казанская, астраханская, сибирская, нижегородская, смоленская, рязанская, тверская, вятская. Обратим внимание на властелинские печати. Они принадлежали 11 иерархам русской православной церкви. 10 из них умерли до создания описи. Но один, архиепископ астраханский и терский Макарий, хиротонисан только 13 января 1629 г. Хотя встречается и иная дата — 8 января 1627 г. В любом случае к моменту составления описи грамота с печатью от его имени была уже получена в Посольском приказе, и успела по тем или иным причинам, отсоединиться от шнура, на котором ее привесили. Тем самым возникает вопрос о том, как следует датировать приказную опись или же отдельные ее части.

Вторая часть рассматриваемого документа датируется по правлению Владислава в Речи Посполитой — 1632–1648 гг.

По какому поводу была составлена рассматриваемая Роспись? В нашем распоряжении отсутствуют прямые указания на это. Однако следует остановиться на том, что при описании больших польской и литовской печатей дается их описание: «орел одноглавой с коруною, а около ево воеводства з городами»; «человек на коне, а над ним коруна, а около его воеводства з городами». Упоминание польских и литовских воеводств и городов и одновременное описание гербов

ряда территорий, входящих в титул московского государя, позволяют предположить, что они каким-то образом взаимосвязаны. На русской государственной печати 1667 г. также появляются «города». Однако здесь они символизируют три России (Великая, Малая и Белая) и три части света (Восток, Запад и Север). Только на петровских печатях появляются гербы трех царств (Сибирское, Астраханское, Казанское) и трех городов (Владимир, Киев, Новгород). В таком виде печать будет существовать в течение всего XVIII в. По-видимому, гербы Речи Посполитой оказали самое прямое влияние на развитие отечественной государственной геральдики.

Однако между датой смерти короля Владислава и возникновением нового типа печати лежит 19 лет. Если рассматриваемая Роспись создавалась как справочный материал перед созданием печати 1667 г., то в ней логичнее было бы видеть отсылку к печатям эпохи Яна II Казимира (1648–1668 гг.). Таким образом, рассматриваемый документ все же был создан не позднее 1648 г. По-видимому, идея изменения изображения на печати, которой скреплялись дипломатические документы, появилась в первые годы правления царя Алексея Михайловича, однако по неизвестным причинам от нее на время отказались.

Но «гербы» городов отмечены и на печати Ивана IV, созданной в конце 1570-х гг. На лицевой и оборотной стороне печати вокруг центрального изображения двуглавого орла под короной помещены по 13 круглых медальонов. На 24 из них видны реальные или же условные печати тех или иных русских городов, на 2 дополнительных религиозная символика (гогофские кресты). Подобная композиция явно навеяна довольно распространенным типом панагий, на которых вокруг Богородицы / Христа помещались изображения 12 апостолов / пророков. Матрица печати (как минимум ее лицевая часть) была цела в 1605–1606 гг. Далее ее следы теряются. Оттисков этой печати в России неизвестно. Помнили ли об этой печати при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче — вопрос открытый. Возможно, какие-то воспоминания о ней сохранялись. Но прямых упоминаний обнаружить не удастся. В анализируемом нами документе приводится описание гербов только 10 русских городов (царств). Среди них, как и на печати Ивана IV, отсутствуют Москва и Владимир. Гербы этих городов появятся только на так называемом гербе из дневника Я. Корба. При этом печать Корба имеет явные параллели с печатью Ивана IV. Однако его создатели, похоже, имели перед собой только примерное описание большой государевой печати XVI в. На это указывает наличие по краю печати 26 медальонов с изображением гербов российских городов (в XVI в. мы видим 24 городские печати и 2 дополнительных символа). Кроме этого, семь гербов размещено

непосредственно на теле и крыльях двуглавого орла. Отметим, что в Титулярнике 1672 г. имеются изображения, символизирующие все 33 географические объекта из титула московского царя, но какой-либо попытки объединить их в единую схему нет.

Таким образом, можно говорить о существовании нескольких взаимосвязанных пересекающихся направлений в развитии государственной символики России на протяжении XVI–XVII вв. При этом создать единую схему, показывающую их преемственность и взаимодействие, на настоящий момент довольно проблематично, в нашем распоряжении слишком мало сведений. Однако подготовительные материалы к созданию новой государственной печати (именно так следует рассматривать так называемую роспись всем государственным печатям) являются одним их элементов этого процесса. Возможно, благодаря новым находкам, со временем логика становления государственной символики России станет для нас более понятной.

М.В. Бибииков
д.и.н., ИВИ РАН

Вспоминая Б.Л. Фонкича

Как приятно сознавать, что у ученых, студентов и аспирантов, всех почитателей таланта и личности Бориса Львовича Фонкича, чей славный полу-юбилей отмечается, появился повод вновь вспомнить о юбиляре.

Действительно, недавно отмечалось 60-летие первой публикации ученого: во втором номере «Вестника древней истории» в 1960 г. выходит статья Б.Л. Фонкича «Из новых работ по греческой эпиграфике» — это и есть первая его печатная работа. Показательно, что сразу определяется интерес и тяга автора к живому воплощению слова — в конкретных «осязаемых» визуальными памятниках — надписях, затем — рукописях, актах, первопечатных книгах и т.д. Характерно, что каждая следующая публикация как бы намечает весь круг исследовательских тем, которым автор будет предан всю свою жизнь. Так, следующие статьи Б.Л. Фонкича посвящены рукописям, на основе которых создавалась альдина Софокла (в 24-м томе «Византийского временника») и рецензии на Каталог писем западноевропейских ученых и писателей и др. материалов XVI–XVIII вв. из собрания П.П. Дубровского (№ 2 ВДИ за 1964 г.). Через год он пишет о греческих писцах эпохи Возрождения (т. 26 ВВ), а затем — «О судьбе знаменитой рукописи Гомера» (ВДИ № 1 за 1966 г.). Далее следуют статьи о Библиотеке Лавры св. Афанасия на Афоне в X–XIII вв. (в вып. 17/80

«Палестинского сборника») и о греческих рукописях Библиотеки Московского университета (ВДИ № 4 за 1967 г.) – работы достаточно объемные, содержащие сводные сведения по предмету исследования. Сразу вырабатывается и особенность научного творческого метода ученого — эвристичность его находок, наблюдений, доказательств, превращающих каждую его работу в открытие, проясняющее или меняющее взгляд на то или иное явление в мире книжности, письменности в целом, палеографии, кодикологии и дипломатики.

Его кандидатская диссертация — «Греческая кодикология» (М., 1969, рук. — Е.Э. Гранстрем) фактически во весь голос заявила в отечественной традиции о становлении и важных результатах новой для СССР отрасли — греческой кодикологии. Докторская же — «Греческо-русские связи XIV–XVII вв. Результаты палеографического и кодикологического исследования» (М., 1992) — как бы сублимирует изучение ярких следов связей Византии и Руси, Греции и России в области письменности, рукописной книжности и актов.

Борис Львович родился и учился на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Там он специализировался в изучении греческого языка и истории (как древней, так и византийской), а также в области вспомогательных историко-филологических дисциплин — греческой эпиграфики, папирологии, греческой, латинской и русской палеографии и др. Его учителями были Е.Б. Веселаго, К.К. Зельин, Е.Э. Гранстрем.

По окончании университета Б.Л. Фонкич работал зав. отделом рукописей Научной библиотеки МГУ (1961–1971), а затем — в Институте всеобщей истории РАН: в секторе истории Византии (1971–1998), а затем (с 1998) возглавлял Центр «Палеография, кодикология, дипломатика». Работа Б.Л. Фонкича в РАН стала плодотворной страницей жизни, подчас полной борьбы, но не меньшую радость она принесла и его друзьям и коллегам, многочисленным ученикам и последователям, счастливым возможностью постоянного личного общения с выдающимся ученым и прекрасным человеком, воспитателем и другом.

Когда в МГУ им. М.В. Ломоносова на филологическом факультете возникла кафедра и отделение византийской и новогреческой филологии (1995), он стал зав. кафедрой и с 1996 г. оставался ее профессором, под руководством которого создавались и защищались дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации.

Творческая жизнь Б.Л. Фонкича была необычайно активной. Практически каждая его статья, не говоря уж о книгах, — это каждый раз научное открытие: уточняются, подчас радикально пересматриваются приятные было датировки рукописей, устанавливается их происхождение, определяются автографы виднейших византийских

и поствизантийских писцов, ученых, писателей, реконструируется судьба рукописной книги. Борис Львович фактически ввел в нашу науку и обосновал принципы идентификации писцов по почерку. Так были выявлены автографы Максима Грека, Феодоры Раулены, Исидора Киевского, Максима Маргуния, Иоанна Евгеника и Марка Евгеника, Мелетия Пигаса, Виссариона Никейского, Критовула, митрополита Фотия, Никифора Григоры, Филофея Коккина, Георгия Клонцаса, Иоанна Хортасмена и многих других выдающихся деятелей византийской, греческой и русской культуры. Благодаря открытиям Б.Л. Фонкича устанавливается связь между авторским текстом, его дальнейшей судьбой и читательской и редакторской аудиторией. Так «ожили» списки творений Софокла и Гомера, Фукидида и Ксенофонта, Гесиода и Аристотеля, определены условия создания уникальных рукописных книг — «Стратегикона» Кекавмена, киевского списка «Варлаама и Иоасафа», мадридской замечательно иллюминированной рукописи «Хроники Иоанна Скилицы», гомилий и «Лексикона» патриарха Фотия, сочинений Симеона Солунского, жития Евфимия Ивира, «Хроники» Михаила Глики, «Хроники» (Псевдо-) Дорофея Монеувасийского, венского списка романа Константина Манасси «Об Аристандре и Каллифее», оксфордской рукописи гомилий Льва Мудрого, парижского кодекса «Хронографии» Феофана Исповедника и мн. др.

Основополагающим полем исследования рукописей остается палеография, которой Б.Л. Фонкич отдал немало сил и времени. Именно этой проблематике посвящена и его последняя монография — «Византийский маюскул VIII–IX вв.» (2020, 2-е изд. 2021). Она является многолетним исследованием одного из самых трудных периодов истории византийского книжного письма — завершения жизни греческого унциала и передачи его функций новому, собственно средневековому книжному письму — византийскому минускулу. До последнего времени в изучении почерков VIII–IX вв. имелись наибольшие трудности, которые были связаны с датировкой как позднего унциала, так и первоначального минускула. Весь дошедший до нас материал по причине его плохой сохранности и почти полного отсутствия датированных и локализованных образцов, не имел надежных, доказанных датировок и не позволял изучать историю византийской культуры указанного времени на твердой основе. Новые находки греческих манускриптов последних десятилетий, прежде всего — синайская находка 1975 г., а также оценка в свете их данных известных фондов (прежде всего — Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), постоянное изучение наиболее важных рукописей основных хранилищ Европы

позволили автору книги собрать весь разрозненный материал позднего греческого маюскула и раннего минускула, найти новые возможности его понимания и хронологической оценки, создать методику палеографического анализа как важнейших стилей унциального письма указанного периода, так и наиболее ранних образцов минускула, пересмотреть многие традиционные атрибуты и предложить абсолютно новую шкалу оценки рукописного материала.

Близкой, но самостоятельной сферой исследований Б.Л. Фонкича является реконструкция состава и истории средневековых библиотек, монастырских собраний рукописей, библиотек отдельных лиц (в т.ч. Иоанна Хортасмена, Максима Маргуния, Досифея Иерусалимского, братьев Лихудов). Библиотека и скрипторий — категории, теснейшим образом связанные между собой.

Б.Л. Фонкич создал описания ряда отечественных и зарубежных фондов греческих рукописей, им внесены существенные поправки в датировки и атрибуты старых каталогов. Речь идет о собраниях ГИМ и Научной библиотеки МГУ в Москве, Метенадарана в Ереване, коллекциях книг Санкт-Петербурга, Тбилиси, Одессы (чему посвящена последняя из вышедших книг — «Греческие рукописи Одессы. Каталог» (2021), а также Ватикана, Австрии, Англии, Италии, Германии, Франции и Греции, включая Афон (книги «Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу арх. Владимира (Филантропова)», 1993 — в соавт. с Ф.Б. Поляковым; «Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг.», 1999; «Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV–XIX вв.», 2014; «О современных методах исследования греческих и русских документов XVII в.», 2012 и др.).

Объект специального исследования ученого — коллекционеры греческих рукописей, палеографы прошлого (в числе недавних — книга «Н.Н. Бантыш-Каменский: Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел», 2001). Им изучена и восстановлена собирательская и научная деятельность П.П. Дубровского, А.С. Норова, В.П. Орлова-Давыдова, В.И. Григоровича, о. Антонина (Капустина), А.Н. Муравьева, арх. Порфирия (Успенского), А.А. Дмитриевского, Н.П. Кондакова и др.

Б.Л. Фонкича по праву можно назвать создателем новой исторической дисциплины — истории греческо-русских связей XVI–XVIII вв. (начиная с его первой монографии «Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. Греческие рукописи в России», 1977, вплоть до недавней книги «Греческие рукописи и документы

в России в XIV — начале XVIII в.», 2003 и серий статей). Базируясь на результатах трудов Н.Н. Бантыша-Каменского, А.В. Горского, А.Н. Муравьева, П. Николаевского, Н.Ф. Каптерева, С.А. Белокурова и др. замечательных исследователей, Б.Л. Фонкич не только проработал сохранившийся славянский материал российских архивов по истории связей греческого мира с Московской Русью, но и впервые привлек для изучения весь дошедший до нас фонд греческих документов, рукописных и старопечатных книг отечественных и зарубежных собраний, имеющих отношение к культурным контактам Христианского Востока и России. Итогом этой многолетней работы явились его исследования, посвященные греческим школам в Москве в XVII в. (монография «Греко-славянские школы в Москве в XVII в.», 2016), открытие и изучение греческих документов по «Делу патриарха Никона», издание материалов, касающихся перенесения в Россию чудотворных икон и священных реликвий православного Востока, а также публикация грамот и других источников истории связей России с восточными патриархатами, с отдельными церковными деятелями — Кириллом Лукарисом, иерусалимскими патриархами Феофаном, Досифеем и Хрисанфом, Афанасием Пателаром, Герасимом Влахом, Иоанном Кариофиллисом и др. Благодаря этой деятельности Б.Л. Фонкича открыта новая перспектива в изучении греческой истории эпохи турецкого владычества путем привлечения большой массы неосвоенных пока русских и греческих документов.

Труды Б.Л. Фонкича признаны во всем мире. Он член-корреспондент Афинской Академии, почетный доктор Салоникского университета им. Аристотеля, лауреат Фонда А. Онассиса, кавалер греческого ордена Феникса. Его приглашали с лекциями в ведущие университеты Европы — Греции, Австрии, Германии, Англии, Италии, Франции, Грузии, Армении и др. стран.

Requiescat in pace!

О.Н. Блескина

к.и.н., с.н.с., Российская национальная библиотека

Каролингский Сакраментарий из собрания Залуских: кодикология, палеография, история

Рукописный Сакраментарий (*Sacramentarium Gregorianum*. РНБ, Lat.Q.v.I.41) привезен в Санкт-Петербург в июне 1795 г. в составе библиотеки польских государственных и церковных деятелей Залуских. В настоящее время это самый ранний из уцелевших кодексов знаменитого собрания, погибшего в годы Второй мировой войны.

Сакраментарий Lat.Q.v.I.41 принадлежит к числу лучших литургических кодексов, созданных во Франции в каролингскую эпоху. Кодекс написан на пергамене и роскошно декорирован в островном «зверином» стиле. Начальные страницы рукописи заключены в рамки из золотых и серебряных прямоугольников с плетенкой и медальонами с пальметами. Инициалы украшены стилизованными головками птиц и зверей. В декоре рукописи прослеживаются элементы ирландского и англосаксонского искусства, привнесенного в континентальные скриптории переселенцами с островов.

Текст Сакраментария переписан несколькими типами письма в традициях франко-саксонской школы. Начальные страницы рукописи выполнены золотыми чернилами, крупным унциалом. Для инципитов, эксплицитов и рубрик использованы красные и зеленые чернила, унциальное, капитальное квадратное и рустичное письмо. Основной текст рукописи написан каллиграфическим каролингским минускулом. В письме применена античная система пунктуации в виде высокой, средней и низкой точки в местах пауз. Текст разделен на слова частично; сокращений не много.

Роскошное художественное убранство и письмо Сакраментария с использованием золота и серебра позволяют считать местом его создания крупную монастырскую или придворную мастерскую на северо-востоке современной Франции. Локализацию кодекса подтверждает анализ имен региональных святых, перечисленных в календаре и в составе молитвенного цикла. По декоративному стилю Сакраментарий Залуских близок рукописям, выполненным в скрипториях бенедиктинских монастырей Сент-Аман (совр. регион О-де-Франс, основан в 633–639 гг.) и Сент-Вааст (Аррас, основан в 658 г.). Как удалось установить, ближайшими параллелями кодексу РНБ, Lat.Q.v.I.41 являются Сакраментарий G. 57 из Библиотеки и музея Моргана в Нью-Йорке, созданный ок. 860 г., и фрагмент Сакраментария 958 (Theol. C. 992) из Национальной библиотеки Австрии, датируемый ок. 870 г. Местом переписки этих рукописей называют скрипторий аббатства Сент-Аман. С учетом этих данных и гипотез предшественников, можно не сомневаться в том, что Сакраментарий РНБ, Lat.Q.v.I.41 изготовлен в третьей четверти IX в. в скриптории Сент-Амана, производившем дорогие иллюминированные литургические книги по заказу двора и крупных монастырей.

Как следует из владельческих записей, в эпоху средневековья рукопись находилась в Перреси (диоцез Бурж), где в IX в. была выстроена церковь в честь святых Петра и Бенедикта, принадлежащая аббатству святого Бенедикта у Луары. В 1756 г. кодекс приобрел в

Париже за 40 лудиров польский ученый-библиограф, епископ Киевский Юзеф Анджей Залуский (1702–1774). С 1795 г. Сакраментарий хранится в Петербурге в Императорской Публичной (с 1992 г. Российской национальной) библиотеке.

*А.А. Богданов
к.и.н., начальник отдела выставочно-экскурсионной
деятельности выставочного комплекса АО «Гознак»
(Санкт-Петербург)*

Использование дореволюционных работок при создании советских банкнот в 1920-е гг.

Российские бумажные денежные знаки с 1818 г. выпускались в Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). За первое столетие ее существования в ЭЗГБ накопилось большое количество проектных материалов, образцов, инструментов для печати банкнот. На него закономерно смотрели как на производственный архив, служащий необходимым подспорьем для текущих проектных работ.

Известны примеры, когда старые работки использовались при создании новых проектов и до революции. Так, в 1895 г. для 100-рублевого билета нового образца была использована старая форма для металлографской печати с портретом Екатерины II. При изготовлении ценных бумаг неоднократно использовались старые формы — например, для акций страхового общества «Якорь» был использован вид Московского Кремля, первоначально выполненный для кредитных билетов в 1860 г. Известны эскизы банкнот рубежа XIX–XX вв., при создании которых использовались проекты, сделанные гораздо раньше. Однако это были отдельные эпизоды, и осуществлены эти проекты не были.

Собрание проектных материалов и печатных форм особенно пригодилось в годы Первой мировой войны и революционных потрясений. Как известно, денежные знаки этого периода — деньги-марки, «думки» и «керенки» сделаны на основе других изделий ЭЗГБ 1910-х гг. (соответственно, почтовых марок, неосуществленного заказа Монгольского национального банка и консульских марок). В 1917–1918 гг. были разработаны новые кредитные билеты с символикой Временного правительства номиналом от 1 до 1000 рублей, в документах того времени получившие название «республиканский кредит». В обращение они выйти так и не успели, но в 1922 г. готовые стереотипы «республиканского кредита» использовали для государственных денежных знаков РСФСР, изменив лишь тексты и убрав

эмблему Временного правительства. Заведующий стереотипным подотделом Гознака (ЭЗГБ была реорганизована в Гознак в 1919 г., и проектные работы переместились из Петрограда в Москву) М.Г. Алахов на некоторое время стал ключевой фигурой в проектной работе. В конце 1919 г. в крайне сжатые сроки был налажен выпуск кредитных билетов образца 1918 г. номиналом 5000 и 10 000 рублей. Они были «собраны отчасти из элементов ранее уже бывших в употреблении и из некоторых новых деталей, изготовленных в чрезвычайно короткий срок» (Отчет по Управлению фабриками изготовления государственных знаков за 1920 год. М., 1922. С. 4). За основу были взяты элементы «думских» банкнот, восходящих к монгольскому заказу. В ноябре 1919 г. по идее М.Г. Алахова были сконструированы расчетные знаки РСФСР номиналом от 100 до 1000 рублей, изначально задуманные как банкноты «пролетарского кредита» с портретом К. Маркса, но в итоге ставшие гораздо менее помпезными. При их изготовлении использовались стереотипы орловской печати оборотных сторон кредитных билетов образца 1898 г. номиналом 100 и 500 рублей с цифрами номинала и розетки с «узлами бесконечности» «думок» номиналом 250 и 1000 рублей. Символическая составляющая в данном случае никого не волновала, а важно было запустить печать расчетных знаков в самое краткое время и снабдив их сколько-нибудь серьезной защитой. Эскизы расчетных знаков выполнил Г.Г. Рейндорф, выпущены они были в течение нескольких месяцев в конце 1919 — начале 1920 г.

При выпуске денежных знаков образца 1922 и 1923 гг. готовые стереотипы также использовались. В 1921–1922 гг. было выполнено множество эскизов новых банкнот. В отдельных случаях переделывались эскизы кредитных билетов Сибирской ЭЗГБ, поступившие в Гознак. Однако в итоге было решено использовать стереотипы «революционного кредита», а для подложечных сеток лицевых сторон — кредитных билетов более ранних образцов. К той же эмиссии готовился проект по эскизу лицевой стороны 10-рублевого билета «императорской серии», выполненного в 1895 г. художником Р. Рёслером. По эскизу были сделаны формы и отпечатаны пробные оттиски. Тексты при этом были изменены, а номинал повышен до 1000 рублей.

При разработке денежных знаков образца 1923 г. использовались рамки, применявшиеся ранее на билетах Государственного казначейства и розетки с цифрами номинала, помещавшиеся на денежных знаках образца 1922 г., восходящих к неосуществленному «республиканскому кредиту» 1917–1918 гг. Рассматривались варианты помещения виньеток орловской печати лицевой стороны

500-рублевых кредитных билетов образца 1912 г. (причем верхняя и нижняя виньетки отдельно), но они не были приняты, хотя сохранились печатные проекты. Однако наиболее известный пример использования старых наработок — государственный денежный знак СССР образца 1923 г. номиналом 10 000 рублей. Эскиз этой купюры был выполнен в 1922 г. художником В.К. Куприяновым. В центр он поместил вид Московского Кремля по эскизу А.И. Дютака 1860 г. Несмотря на то, что эскиз Дютака предназначался для металлографской печати, в итоге на денежном знаке 1923 г. использовалась типографская печать. Изображение вырезал на дереве гравер Гознака А.П. Троицкий (в собрании Гознака сохранилась доска с мемориальной надписью). При этом вид Каменного моста на проекте (и на денежном знаке) не соответствовал действительности, поскольку мост был перестроен еще в 1858 г. Обратная сторона денежных знаков образца 1923 г. крупных достоинств также печаталась с использованием старых цифр номинала.

Другой вид Кремля, выполненный в 1860-е гг., в 1924 г. был использован для неосуществленного эскиза банковского билета номиналом 1 червонец работы П. Иванова и И. Горского. Ранее этот вид использовался на закладных листах Московского земельного банка. Проект червонца был выполнен после того, как вследствие появления подделок Гознаку было дано задание разработать банковские билеты нового образца, существенно усилив их защитные свойства.

Характерно, что последняя работа, в ходе которой массово привлекались старые стереотипы — это изготовление казначейских билетов образца 1924 г. Затем денежное обращение было стабилизировано, и художественная составляющая работы Гознака была вновь поднята на высокий уровень.

*Н.А. Болдырева
к.и.н., н.с. ИВИ РАН*

Книжная деятельность духовника царя Алексея Михайловича Андрея Савинова Постникова

Духовные наставники великих князей и царей занимали особое положение не только в частной жизни русских правителей. Среди них были известные деятели, оставившие значительный след в политической и культурной жизни Русского государства.

Фигура протопопа Благовещенского собора Московского Кремля Андрея Савинова Постникова в большей степени

интересовала историков XIX — начала XX вв. с точки зрения его участия в жизни Алексея Михайловича и его семьи, а также отношений с приближенными государя: например, конфликт протопопа с патриархом Иоакимом. Последний сразу после смерти царя в 1676 г. созвал собор, осудивший протопопа и сославший его в Кожеезерский монастырь. Лишь в отдельных работах прослеживаются упоминания об Андрее Савинове как о ценителе книг, способствовавшем распространению книжного знания в России во второй половине XVII ст. (Белоброва О.А. Андрей Савинов Постников // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 3. XVII в. Т. 1. СПб, 1992. С. 86). Однако за прошедшие десятилетия появились новые сведения, которые внесли коррективы в опубликованную ранее информацию (Болдырева Н.А. Атлас царского духовника. О чем может рассказать уникальный экспонат Исторического музея // «Родина». 2016. № 2. С. 100–101).

Цель доклада — проанализировать книжную деятельность Андрея Савинова Постникова с учетом новых архивных данных в свете того, что предпочтения царского духовника, имевшего огромное влияние на государя, могли трансформировать и книжные интересы царя Алексея Михайловича.

Андрей Савинов был личностью противоречивой. С одной стороны — священнослужитель, сильная, волевая натура, которому, тем не менее, не чуждо ничто человеческое (участие в пирах, слушании органа и прочих царских увеселениях). С другой стороны, он являлся одним из самых образованных людей своего времени. Имея доступ к лучшим книжным собраниям, протопоп активно этим пользовался. Известно, что он брал книги из Образной казны государя, а также из Патриаршей библиотеки. Царский духовник не только читал эти книги. С некоторых из них им были заказаны роскошные списки специально, как полагают исследователи, для пользования царя.

Основная часть заимствованных протопопом Андреем фолиантов церковного содержания: толкование на евангелие, изречения святых отцов, патерики, поучительные рассказы и т.п. В число копировавшихся по его распоряжению книг входили напрестольное Евангелие, для которого писали миниатюры царские иконописцы; Псалтырь толковая (Яр. 918), а также «Олимпиодора Дякона Александрийского кнize праведнаго и многострадальнаго Иова» (до нас дошел список из библиотеки архиепископа Александра Устюжского — БАН. Уст. 6). Особняком стоит копия «Книги изложение на Люторы» (РНБ. СПДА № 79) — полемического трактата,

составленного справщиком Московского Печатного двора Иваном Наседкой в 1622 г.

Однако благовещенского протопопа интересовала также литература светская, причем содержащая новейшие западноевропейские знания — космографии, переведенные на русский в разное время с европейских языков. Сохранились либо сами богатые списки, либо упоминания о таковых. Самый ранний из известных сегодня был сделан с «Космографии» Меркатора (ГИМ. Единовер. 84), в латинском оригинале знаменитого Атласа Меркатора-Хондия. Несколько позже изготавливается богатая копия с не менее растиражированной в Европе польской «Хроники всего света Марцина Бельского» (входила в библиотеку профессора Ф.Г. Баузе, погибла в 1812 г. в московском пожаре). Наконец, протопоп Андрей стал одним из немногих русских интеллектуалов, ознакомившихся с четырехтомным «Новым Атласом» Блау. Этот перевод был закончен малороссийским книжником Епифанием Славинецким и его «товарищами» буквально за несколько лет до назначения Андрея Савинова царским духовником и разительно отличался от переводов других космографий: ученый церковно-славянский язык, подстрочник, текст с большим количеством транслитераций был довольно тяжелый для восприятия. Известны списки, заказанные благовещенским протопопом с первого (РГАДА. Ф. Мазурина. 196. Оп. 1. Д. 1617) и второго (входил в библиотеку профессора Ф.Г. Баузе, не сохранился) томов. Таким образом, царский духовник не только ознакомился с этим новейшим переводом, но высоко оценил его и оказался заинтересован в распространении заключенных в нем сведений.

Наконец, Андрей Савинов принял участие в создании нового литературного памятника, весьма популярного в России второй половины XVII — начала XVIII вв. Это сборник религиозных назидательных рассказов, впервые частично переведенный с польского на русский в Посольском приказе при Алексее Михайловиче и известный как «Великое зеркало». «Основные отличия связаны с желанием русских переводчиков освободить текст от католических реалий: исключены имена собственные, ссылки на источники и список авторов, исключено упоминание Римского папы, замененного «Вселенским Патриархом», «святым отцом», «Римская церковь» названа «святой соборной восточной и апостольской» и т.п.» (Е.К. Ромодановская. Великое Зерцало. Интернет-ресурс: <https://www.pravenc.ru/text/150123.html>. Обращение 20.11.2022). Подобные теологические замены требовали хороших знаний церковных реалий, и переводчикам Посольского приказа, скорее всего, требовался

консультант. Андрей Савинов Постников прекрасно подходил на эту роль. Он поддерживал европейские увлечения Алексея Михайловича, читал европейские светские книги, копировал их и мог выступить интерпретатором католических и протестантских терминов для русского читателя (случайно ли дьякон Благовещенского собора Федор Иванов называл его «унеятом»?) И хотя огромной популярностью у русской аудитории пользовался второй перевод «Великого зеркала» (выполнен не позднее 1689 г.), основа интереса читателей к этому известному европейскому компилятивному сочинению была заложена ранее, при непосредственном участии протопопа Андрея.

А.Г. Бондач
РГАДА, с.н.с. РГБ,
м.н.с. ИФЛ СО РАН

Грамматика или грамота? О судьбе одной «греческой рукописи»

В настоящее время исследователь, интересующийся греческими рукописями Российского государственного архива древних актов, может при помощи справочников узнать, что в ф. 181 РГАДА, где хранится одна из основных коллекций греческих манускриптов этого архива (она входит в состав рукописного собрания библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел), имеется рукописная грамматика, датированная 1841 г. (РГАДА. Ф. 181. Оп. 14. Ед. хр. 1294). Такая информация содержится в Pinakes — базе данных о греческих рукописях (URL: <https://pinakes.irht.cnrs.fr/notices/cote/44437/> [дата обращения: 15.01.2023]), а также в 3-м издании знаменитого «Репертуара» М. Ришара (*Richard M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 3-me éd. entièrement refondue / par J.-M. Olivier. Turnhout, 1995. P. 568, 570, cf. p. 65–66*), где уточняется, что речь идет о *греческой* грамматике. Эти данные воспроизведены и в недавно изданных дополнениях к «Репертуару» (*Olivier J.-M. Supplément au Répertoire des bibliothèques... Turnhout, 2018. [Vol.] II. P. 837, 841*).

Однако обращение к хранящемуся в РГАДА описанию греческих рукописей МГАМИД приводит к неожиданным результатам. В описи, составленной В.М. Ундольским в середине 1840-х гг. и впоследствии дополненной другими сотрудниками МГАМИД, ед. хр. 1294 охарактеризована так: «Грамота на новогреческом языке, содержит жалобы православных турецких подданных Константинопольскому

патриарху на различные от турок притеснения, за подписью митрополитов Неофита и Кирилла и многих других лиц (1841 г.). Находится между греческими грамотами» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 14. Л. 134). На поле же сделана помета (рукой В.Н. Шумилова): «Выбыла. См. акт о недостатке от 10/VII 1960 г.».

Что же представляла собой эта «единица хранения»: рукописную грамматику или грамоту? Каким образом и когда она выбыла из фондов РГАДА и где находится теперь? Проведенное нами изучение внутренней документации РГАДА позволяет ответить на эти вопросы.

В реестрах, фиксировавших поступление рукописей в библиотеку МГАМИД, наша «рукопись» помещена среди поступивших в 1856 г. Она имеет № 1248 и снабжена таким описанием: «Рукопись (грамота) на новогреческом языке, на большом листе, содержит жалобы... (далее — как в оп. 14. — А. Б.)» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 19. Л. 89 об., 96–96 об.). Указанный номер был воспроизведен и при внесении сведений о «рукописи» в опись Ундольского: «По старому каталогу № 1248» (РГАДА. Ф. 181. Оп. 14. Л. 134). Уточнение же «находится между греческими грамотами» означает, скорее всего, что новая грамота была включена в собрание подлинных греческих грамот Посольского приказа (ныне — оп. 2. ф. 52 РГАДА).

В 1920-х гг. фонды МГАМИД и нескольких других архивов были объединены в рамках Государственного архива феодально-крепостнической эпохи, переименованного затем в Центральный государственный архив древних актов. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД получает здесь привычный нам шифр «фонд 181».

В деле ф. 181 имеется акт о недостатке документальных материалов № 181-1 от 10.07.1960, составленный и подписанный В.Н. Шумиловым (на тот момент — заместителем начальника ЦГАДА), где указано, что ед. хр. 1294 «отсутствовала по ревизии 1947 г. (передана в Архив внешней политики МИД СССР)» (РГАДА. Дело фонда 181. Т. 1. Л. 22–22 об.). Это перемещение «рукописи» произошло в ходе передачи документов Коллегии иностранных дел (начиная с 1720 г.) из ЦГАДА в Архив внешней политики России (впоследствии переименован в Архив внешней политики Российской империи). Так, в начале 1946 г. был передан большой массив дел, включавший ряд греческих грамот из ф. 52 «Сношения России с Грецией» (ЦГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 723–745 [1722–1841 гг.]); грамота под № 745 и являлась интересующей нас «рукописью».

В настоящее время грамота по-прежнему хранится в АВПРИ (Ф. 52. Оп. 2. № 745), где мы имели возможность изучать ее в 2020 г. Грамота представляет собой бифолий (это, видимо, и было

основанием для ее формального причисления к рукописным книгам) большого формата (557×397), помещенный в бумажную архивную обложку XIX в. Текст на новогреческом языке писан черными чернилами. В конце, на л. 2 об., указана дата (25.07.1841); там же имеются подписи — автографы? — митр. Элассонского Неофита и митр. Кирилла (прочсть название его кафедрального города не удалось). Адресована грамота тогдашнему Константинопольскому патриарху Анфиму V.

Почему же *греческая грамота*, более 70 лет назад выбывшая из фондов ЦГАДА/РГАДА и хранящаяся в АВПР/АВПРИ, до сих пор учитывается в справочниках как *рукописная греческая грамматика*, которая якобы продолжает находиться в РГАДА?

Заметим, что во 2-м издании «Репертуара» М. Ришара сведений о ней еще не было (*Richard M. Répertoire des bibliothèques... 2-me éd. P., 1958. P. 167*). Осенью 1960 г. Ришар отправился в СССР для изучения советских коллекций греческих манускриптов. 31 октября он посетил ЦГАДА, где В.Н. Шумилов, незадолго до этого ставший и. о. начальника архива, предоставил ему возможность ознакомиться с греческими рукописями (правда, лишь с теми, которые хранились в ф. 181 и 201).

В отчете о поездке Ришар отметил, что в ЦГАДА имеется 29 греческих рукописей — или, вернее, 30, если считать «греческую грамматику 1841 года, пропущенную Белокуровым (фонд 181, № 1294)» (*Richard M. Rapport sur une mission d'étude en U.R.S.S. (5 octobre — 3 novembre 1960) // Bulletin d'information de l'Institut de recherche et d'histoire des textes. № 10 (1961). 1962. P. 48, 51*). (Ришар имел в виду издание С.А. Белокуровым описи Ундольского [*Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Прилож. С. СXXXVI–CLXXXIX*]; описание «рукописи»-граммоты Белокуров опустил — вероятно, потому что предметом его исследования были только рукописные книги). Отсылка к этой публикации была сделана Ришаром в дополнении к «Репертуару», изданном в 1964 г. (*Richard M. Répertoire des bibliothèques... Suppl. I. P., 1964. P. 41, cf. p. 6*). С тех пор информация о «грамматике» и воспроизводится без какой-либо проверки.

Остается предположить, что во время беседы Ришара с Шумиловым последний, хорошо знавший о судьбе «рукописи», зачем-то ввел в заблуждение французского ученого. Доказать это, впрочем, теперь вряд ли возможно.

Опыт реконструкции бытования московских Евангелий 1630–1640-х гг. на базе маргиналий и документов архива Приказа книгопечатного дела

Главным этапом в жизни книги является ее бытование, в ходе которого она реализует свою основную функцию. Поэтому крайне важно реконструировать пути и механизмы попадания той или иной книги в общество. Основными источниками истории бытования кириллических старопечатных книг могут выступать маргиналии и архивные документы: в данном случае — Архив Приказа книгопечатного дела, хранящийся в РГАДА (Ф. 1182). В настоящее время исследователями апробируются разные подходы к реконструированию бытования старопечатных книг и истории конкретных экземпляров (*Шустова Ю.Э.* Записи в изданиях типографии Львовского братства 1591–1644 годов из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. 2011. Вып. 2. С. 44–80; *Дадыкин А.В.* О производстве и распространении первых двух изданий Пролога на Московском Печатном дворе (по данным архива Приказа книгопечатного дела) // Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. М. 2001. С. 117–156).

Евангелие традиционно было популярной книгой в России со времен ее крещения. Оно играло центральную роль в литургии, использовались эти книги и для домашнего (келейного) богоугодного чтения. В 1630–1640-х гг. на Московском Печатном дворе было выпущено 5 изданий этой книги. К этому времени при типографии активно функционировала книжная лавка, через которую в розницу была продана большая часть тиражей. Например, издание Евангелия 1644 г. было распродано на 91,2% от общей суммы (*Борисов М.Ю.* Приходные книги Приказа книгопечатного дела как источник для изучения состава покупателей Евангелия на престольного в Москве в 1640-х гг. // Отечественные архивы. 2022. № 2. С. 50). Дошедшие до нас продажные списки Приходных книг (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 16, 20, 29, 35, 39), которые содержат сведения о всех покупателях, дают нам широкие возможности по изучению судьбы дошедших до нас экземпляров.

Всего удалось таким образом реконструировать судьбу 9 экз. из 94 изученных. Владельцы определены исключительно благодаря вкладным записям на книгах — это особенность московских

Евангелий. Они были сделаны представителями черного духовенства, торгового слоя и светской аристократией. Среди последних были такие известные люди, как князь Ю.А. Сицкий (купил три Евангелия 10.01.1634, одно (ИГНИ УрФУ. Инв. № 10п/2221) вложила его вдова не позднее 07.08.1644), боярин Г.И. Морозов (19.06.1640 купил одну книгу, вложил (МК РГБ. Инв. № 4706) 23.06.1643), боярин В.И. Стрешнев (купил три книги 28, 30 ноября 1633 г. и 10.01.1634, одну (МК РГБ. Инв. № 3733) вложил после пожалования его в окольниковичие, т.е. после января 1634 г.). В продажных списках отметились и представители дворянства: Борис Семенович Дворянинов (купил 3 книги 09.11. и 05.12.1633, одну (МК РГБ. Инв. № 8 445) вложил вместе с дочкой в январе 1643 г.) и Иван Федорович Леонтьев (купил 4 книги 22, 24 февраля и 02.03.1640, одну (НБ МГУ. Инв. № 142-8-59) вложил его сын Федор Иванович Леонтьев после смерти отца 25.09.1665). Два Евангелия были куплены 07.08.1640 и 03.09.1640 известным торговцем Сурожского ряда Тимофеем Спиридоновым, вероятно на одном (Библиотека РГАДА. Инв. № СПК926) из этих экз. имеется запись о вкладе книги «Никиты Иванова сына Спиридонова москвитина Соуровского ряду» — возможно родственника посетителя книжной лавки МПД. Из духовных людей отметились игумен Троице-Макарьева монастыря Иона (купил книгу 19.03.1634 и вложил ее (ТГОМ. Инв. № КОФ-194) в том же году в свой монастырь), старец Тихон (вклад (ТГОМ. Инв. № КОФ-4201) совершен в 1648 г.) и строитель Феофил (вложил (МК РГБ. Инв. № 4339) в свою обитель) из Кирилло-Белозерского монастыря купили по одной книге 25.02.1637.

В 7 из 9 записях можно определить дату вклада. Они указывают на то, что покупатели не торопились вкладывать купленную книгу, а делали это по определенным случаям (даже 10–20 лет спустя). Люди побогаче покупали сразу несколько Евангелий впрок. Четыре изученные книги были вложены в монастыри, 5 — в церкви, в дальнейшем они имели разную судьбу. Ее мы можем проследить только благодаря рукописным записям, экслибрисам, печатям и владельческим знакам, которые сохранились на экземплярах.

Посмотрим на дальнейшую судьбу неизученных ранее Евангелий из собрания НИО редких книг (Музей книги) РГБ. Евангелие (№ 4339), купленное строителем Феофилом, после Кирилло-Белозерского монастыря, в XIX в. сначала оказалось в некой церкви Святого Владимира, в 1874 г. числилось в библиотеке СПбДА, а затем попало в собрание Московского Публичного и Румянцевского музея. Боярин Г.И. Морозов вложил свое Евангелие (№ 4706) в 1643 г. в Пречистенскую церковь Сырковой пустыни. В XIX в. эту книгу приобрел известный коллекционер Е.Е. Егоров, после смерти которого

собрание в 1921 г. было передано в Государственный Румянцевский музей. Евангелие (№ 8445), вложенное Борисом Семеновичем Дворяниновым в Никольскую церковь «Змеева» в 1643 г., в какой-то момент вошло в состав Синодальной библиотеки (на ярлыке стоит «№ 4»). Этот экз. попал в число переданных книг в библиотеку МДА, где хранился вплоть до перемещения ее фондов в здание ГБЛ в 1933 г. В этой же библиотеке (ярлык Доп. Собрания с № 28) хранилось еще одно Евангелие (№ 3733), которое было вложено боярином В.И. Стрешневым в свою домовую церковь («храму Семіону Іерусалимскому і Чюдтворцу»).

Продажные списки являются уникальным источником, позволяющим установить начальную точку бытования книги, ее первого владельца. Именно от его воли во многом зависела судьба книги (с учетом ее специфики). Использование этих источников вместе с другими, например, с описаниями имуществ монастырей и дворцовых церквей, а также со «следами» бытования на старопечатных книгах позволит намного точнее детализировать судьбу и историю каждого экземпляра. Тем самым это сильнее приблизит историческую науку к понимаю особенностей развития отечественной читательской культуры.

*Б.Н. Бочарников
магистр искусств, аспирант МГАХИ при РАХ*

Геральдический декор в творчестве архитектора Бернхарда Симона на примере дворцов Нарышкиных на Фонтанке и Воронцовых-Дашковых в Быкове

С начала 1840-х гг. в русской архитектуре, как и в западноевропейской, происходит смена стиля — от ампира к неоренессансу. Новый стиль вводит в качестве ведущих элементов художественного декора зданий гербы, эмблемы и другие атрибуты. Наиболее характерным образом это отражают дворцы по проектам Бернхарда Симона (1816–1900), созданные для лиц ближайшего круга Николая I.

Фасады и дворцовые интерьеры, спроектированные Б. Симонем, показывают очевидное своеобразие почерка архитектора, значительно отличающегося по своему методу от работ его современников. Герб или его детали становятся ведущим смысловым элементом в оформлении дворцовых зданий, тем самым фиксируя изменение, произошедшее с отношением к геральдике в архитектуре в эпоху романтизма. Герб становится ведущим мотивом всего убранства, подобно дворцам ренессансных государей, нежели ранее,

когда помещались лишь в особых местах — в парадных вестибюлях и в больших залах домов и дворцов высших лиц государства.

Первым из известных нам примеров введения геральдики Б. Симоном в архитектуру стало убранство дворца Нарышкиных. Его интерьеры были созданы при реконструкции здания в 1844–1849-х гг. по заказу Л.А. Нарышкина и завершены при его дочери С.Л. Нарышкиной, с 1846 г. бывшей замужем за графом П.П. Шуваловым, по фамилии которых дворец по обыкновению именуется. Несмотря на это, в отличие от герба Нарышкиных, герб Шуваловых и его элементы в убранстве дворца не присутствуют.

Непосредственно герб Нарышкиных и его гербовые фигуры введены в убранство двух залов — красной и золотой гостиных, включающих также атрибуты охотничьих трофеев и образующих анфиладу со стилистически и тематически отличающейся от них голубой гостиной (по преобладающим в её декоре фигурам тритонов, отсылающих к тематике грота и непосредственной причастности рода Нарышкиных к истории основания Петербурга).

Гербы в обеих гостиных представлены по-разному. В красной гостиной гербы Нарышкиных со львами-щитодержателями помещены без каких-либо изменений в поля кессонов цилиндрического свода, подобно нашивному декору шатра. В золотой гостиной Симон гораздо шире использует возможности использования геральдики в убранстве. Сомкнутый свод с подбалочниками, трактованными наподобие скульптурных консолей, украшают массивные фигуры львов — щитодержателей нарышкинского герба, стоящих в характерных геральдических позах. Подобно атлантам они «поддерживают» свод, украшенный изображениями женских фигур, заключёнными в орнаментальный геометрический узор вместе с пустыми медальонами. В их композицию, также поддерживаемые женскими фигурами, введены неизвестные гербовые щиты с изображениями орла, пчёл и шпаги. Они лишь отчасти находят некоторые параллели в более ранних версиях герба Нарышкиных.

В лепных композициях торцевых стен зала Б. Симоном творчески перерабатывается герб Нарышкиных, изображение которого вписывается в форму фигурного картуша в виде вазы. Обращает внимание и изменение цвета изображения гербового орла с чёрного на золотой. Картуш фланкируют фигуры орлов (взятые из нарышкинского герба) и дев с кувшинами, заключённые в акантовый орнамент. Герб вплетается в новую декоративную структуру, не нарушающую его индивидуальной узнаваемости. Зрительно дополняет общую картину фриз, в котором в числе прочих помещены изображения женских фигур с незаполненными двухчастными гербовыми щитами.

Ренессансный вкус во дворце Нарышкиных подчёркивается введением гербовых фигур в ткань художественного декора интерьера, но в фасадах, осуществлённых совместно с Н.Е. Ефимовым, Б. Симон ограничивается только архитектурным и фигуративным декором. В сравнении с этим «замок Марьино» графа И.И. Воронцова-Дашкова в подмосковном селе Быково (1845–1851 гг.) стал редчайшим образцом стиля. Это подчёркивает его архитектура, в которой зодчий в большей мере опирался на итальянские образцы Флоренции и Рима XV–XVI вв. Отметим, что супруга графа, Александра Кирилловна, также происходила из рода Нарышкиных и приходилась двоюродной сестрой графине С.Л. Шуваловой. Это говорит о роли Симона в качестве «семейного архитектора» их общего круга и указывает на общность художественных вкусов.

В облике дворца-замка с башней-кампанилой центральным декоративным элементом убранства является герб во фризе центральных ризалитов северного и южного фасадов. Конские головы, представляющие собой фигуры щитодержателей, которые утвердились в гербе Воронцовых с XVIII в., поначалу должны были быть симметрично вписаны в тондо.

В сравнении с чертежами более ранних и близких воплощённому проекту из собрания семьи потомков архитектора в Швейцарии, нам очевидно, что Симон хотел избрать в качестве формы гербового щита известную ренессансную форму теста-ди-кавалли. Само изображение на щите представляет собой совмещенные гербы — двухчастный Воронцовых и четырёхчастный с центральным щитком князей Дашковых. При этом герб Воронцовых помещён в оконечность герба, занимая как бы подчинённое положение по отношению к гербу более древнего рода. Отметим, что в более поздней версии герба Воронцовых-Дашковых, утверждённой в 1893 г., оба родовых герба скомпонованы иначе.

Стилевая целостность раскрывалась и в интерьерах дворца, в убранстве двух главных залов — большого салона графини и библиотеки. Согласно ренессансной традиции, во фризах, наряду с портретами рода Воронцовых, помещались гербы. Ныне эти детали утрачены, как и каминные, также включавшие гербовые щиты формы теста-ди-кавалли.

Подводя итог, можно сказать, что в работах Б. Симона на примере рассмотренных нами дворцов Нарышкиных и Воронцовых-Дашковых выявляется активное использование стилем неоренессанс языка геральдики.

Надписи об аренде священных земель в Афинах второй половины IV в. до н.э. как источник для изучения правовых отношений в древнегреческом полисе

В истории Древней Греции существует немало вопросов, изучение которых сопряжено с определёнными трудностями. Одной из таких проблем являются правовые отношения в древнегреческом полисе. В Древней Греции в отличие, например, от Древнего Рима не существовало специальных законодательных памятников (*Jones J.W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxford, 1956. P. 5*). Как правило, в греческих полисах различные постановления принимались во время заседаний Народных собраний. Они касались прежде всего вопросов, связанных с социально-политической жизнью общества. После принятия эти решения записывались на специальных каменных стелах, которые сохранились до нашего времени (*Jones J.W. Op.cit. P. 9–12*). Кроме того, в полисах Древней Греции весьма распространёнными были различные земельные сделки (аренда, продажа недвижимости), условия которых записывались на специальных мраморных стелах (*Булычева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М., 2018. С. 12–15*). Благодаря их сведениям можно составить некоторое представление о правовых аспектах земельных отношений в Афинах второй половины IV в. до н.э. Практически это единственные сообщения по данному вопросу. До нашего времени также сохранились некоторые речи Демосфена, в которых рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся сдачи в аренду частных земель, но их материал не позволяет судить о характере правовых отношений на священных территориях. В связи с этим в данной работе предпринимается попытка представить характер правовых отношений в сделках по аренде священных земель (теменосов) в Афинах второй половины IV в. до н. э. До нашего времени сохранились каменные стелы, как правило, выполненные из пентеликского мрамора, содержащие договоры о сдаче в аренду земельных участков различных святилищ, которые находились в распоряжении демов (территориально-административных единиц афинского полиса), а также религиозных сообществ. Большинство из текстов этих договоров было опубликовано в сборнике эпиграфических материалов под названием *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. 2nd ed. Parts I–III, изданном под редакцией Дж. Кирхнера в 1913–1924 гг. В историографии

существует общепринятое сокращение IG.Π2., которое будет использовано в данной работе. Большинство надписей, как правило, сохранилось полностью или имеет лишь отдельные лакуны. В ряде случаев текст договора начинается с традиционной фразы: «При демархе... Постановлено жителями дема» (IG.Π2. 2492, 1–2; 2496, 1–2; 2497, 1–2). Эта вводная фраза, скорее всего, свидетельствует о том, что решение о сдаче в аренду земельного участка принимается на общем собрании дема и имеет силу законного постановления. Далее в договоре, как правило, сказано, что земля и всё находящееся на ней сдаётся в аренду «на следующих условиях» (*Булычева Е.В.* Указ. соч. С. 67–78). Эти условия содержат требования, адресованные арендодателями (демами или религиозными сообществами) к арендаторам (физическим лицам), в соответствии с которыми необходимо проводить определённые работы на земле. Как правило, это посадка зерновых культур и плодовых деревьев (IG.Π2. 2492, 5–10; 2494, 7–12), уход за садом (IG.Π2. 2492, 25–40; 2494, 10–15; 2501, 5–10). При этом в тексте договоров говорится о том, какие права и обязанности имеют участники соглашения. Арендодатели получали особые права, связанные с распоряжением имущества. В частности, в надписях речь идет о том, что, если земельный участок пострадает в случае каких-либо разрушений, вызванных стихийными бедствиями или войной, сдающим его в аренду предоставляется право на часть продукции, выращенной арендатором (IG.Π2. 2492, 16–17; 2496, 10–12). В договорах также говорится, что, если арендатор не вносит своевременно плату за аренду, арендодатель имеет право отказать ему в продолжении сделки и передать имущество в аренду другому гражданину (IG. Π2. 2492, 30–31).

Арендодатели не только имели права, но и несли определённые обязанности. В частности, в договорах предусмотрено, что они должны выплачивать в полисную казну чрезвычайный налог — эйсфору (*Булычева Е.В.* Эйсфора в договорах об аренде священной земли в Аттике (IV в. до н. э.) // Экономика, право, власть в древнем мире. СПб., 2021). Важно то, что в соответствии с условиями аренды теменосов правами и обязанностями были наделены обе стороны, участвующие в соглашении. Арендаторы обязывались выполнять своевременно требования по уходу за земельным участком и вносить арендную плату. В ряде случаев им предписывалось не рубить деревья, не производить выпасы скота без специального разрешения арендодателей (IG.Π2. 2501, 15–20). Многие работы они должны были проводить за свой счёт (IG.Π2. 2493, 20). Кроме того, им предписывалось совершать жертвоприношения (IG.Π2. 2499, 30–35). При этом арендаторы не были бесправны. В некоторых случаях для

них предусматривалась возможность посадки тех деревьев, которые они сами выберут (IG.Π2. 2492. 2–4). С момента внесения арендной платы арендаторам предоставлялась своеобразная льгота, они освобождались от выплаты различных пошлин (IG.Π2. 2497, 5–10). В качестве гарантов выполнения правовых обязательств сторон выступали должностные лица полиса — демархи (*Булычева Е.В.* Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н.э.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 10 (31). С. 9–16). Кроме того, практически в каждом договоре сказано о необходимости постановки каменной стелы на территории святилища (IG.Π2. 2492, 36–38). Интересно, что в ряде случаев в надписи содержится предписание о том, что никто не имеет права стирать со стелы записанный текст, а нарушителя ждёт штраф (*Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н.э. Распоряжение общественной землёй в полисе. М., 2018. С. 25). Это, скорее всего, свидетельствует о том, что запись приобретала силу законного акта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что благодаря эпиграфическому материалу мы можем составить представление о правовых отношениях, связанных с распоряжением священной земли. Фактически это единственный источник по данному вопросу, поскольку в античной историографии не встречается сведений, касающихся данной проблемы.

Н.Т. Валеева
к.филол.н., доцент РГГУ

Проблема удвоения согласных в написании иноязычных слов: история и современное состояние

Всякое заимствованное слово проходит в языке период освоения, который включает в себя и стабилизацию значения, не обязательно в точности совпадающего с его значением в языке-источнике, и встраивание в грамматическую систему нового языка (установление частиречной принадлежности, формирование словоизменительной парадигмы и т.п.), и адаптацию к соответствующей фонетической системе, т.е. установление правил произношения и ударения, и, конечно, нормализацию графического и орфографического облика.

В русском языке последний пункт осложняется тем, что мы используем сравнительно редкий, кириллический алфавит, поэтому в подавляющем большинстве случаев освоение заимствованных слов связано с транслитерацией их написания. Впрочем, если говорить

о сохранении или несохранении удвоенной согласной, имевшейся в заимствуемом слове, то алфавит тут не имеет принципиального значения, более важную роль играют те общие принципы, на которых базируется орфографическая система данного языка. Так, при заимствовании латинизмов французский язык, например, в норме сохраняет удвоения, а испанский или польский нет: *missio* (лат.) — *mission* (фр.) — *misión* (исп.) — *misja* (польск.); сравним с кириллическими *миссия* (русск.) — *мисија* (серб.).

В целом же правописание заимствованных слов — это отдельная и многоаспектная орфографическая проблема, рефлексия над которой в России началась достаточно давно, и первое системное обобщение накопленных идей, а также концепцию решения данной проблемы в разных ее аспектах мы, как и во многих других случаях, находим у Я.К. Грота. В частности, в работе «Спорные вопросы русского правописания» (*Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. М., 2010. С. 291–293) он предлагает в решении вопроса об удвоении согласных в иноязычных словах руководствоваться следующими принципами и логикой:

1. Время заимствования — чем дольше иноязычное слово живёт в русском языке, тем больше вероятность утери в нём удвоения;

2. Соответствие произношению (фонетический принцип) — в некоторых случаях, и прежде всего после ударного гласного, удвоение маркирует реальную долготу согласного звука;

3. Соответствие правописанию в языке-источнике — прежде всего, для различения на письме омофонов типа *метал* (глагол) — *металл*;

4. Следование общеевропейским традициям — например, усечение последней согласной приставки перед такой же согласной в начале корня;

5. Фонематический принцип — сохранение удвоения во всех формах слова, даже если в слабых позициях оно не маркирует долготу согласного.

Как видим, вполне понимая невозможность навязывать языку искусственные правила и поэтому в целом следуя за сложившейся правописательной практикой, Я.К. Грот предлагает нам не прескриптивную, а дескриптивную модель; по факту, решая вопрос об удвоении или неудвоении, нам предлагается использовать все принципы русской графики и орфографии. При этом позиция Я.К. Грота на тот момент не являлась ни доминирующей, ни единственной; на практике наблюдалась широкая вариативность — от скрупулёзного сохранения удвоений из языка-источника до полного их отсутствия плюс разнообразные промежуточные случаи.

Двадцатый век, привнесший в русскую орфографию жёсткую унификацию правил и почти полный запрет на вариативность, в вопросе удвоения не предложил, однако, никакого радикального решения; в каких-то заимствованных словах оно сохранялось, в каких-то нет, все без исключения справочники по правописанию рекомендовали в данном случае руководствоваться не правилами, а словарями, а нормативисты-орфографисты при внесении нового заимствования в словарь каждый раз должны были принимать решение, руководствуясь логикой или аналогиями, то есть, по сути, теми же гротовскими принципами.

В XXI веке ситуация тоже принципиально не изменилась, однако большой поток заимствований, с одной стороны, и ослабление и децентрализация нормативистского контроля — с другой, стали провоцировать случаи вариативности с точки зрения удвоения/неудвоения согласных в написании иноязычных слов как в СМИ и печатных изданиях, так и в словарях.

О.А. Валькова
д.и.н., г.н.с. ИИЕТ РАН

К вопросу о палеографическом анализе русскоязычной рукописи середины — второй половины XX в.

Большая часть палеографических исследований традиционно посвящена рукописям средневековым или относящимся к раннему новому времени. Тем не менее историки, специализирующиеся на изучении истории новейшего времени, при определенных обстоятельствах также сталкиваются с необходимостью палеографического анализа текстов. Именно к такому анализу нам пришлось прибегнуть при подготовке к печати рукописи монографии В.А. Варсанюфьевой «Печоро-Ильчский государственный заповедник». Особенности анализа текста рукописи посвящен настоящий доклад.

В.А. Варсанюфьева (1889–1976) — первая в СССР женщина — доктор геолого-минералогических наук — оставила после себя значительное научное наследие, большая часть которого была опубликована при жизни автора. Однако одна из написанных ею книг остается не опубликованной до настоящего времени. Это монография «Печоро-Ильчский государственный заповедник», в которой всесторонне и во взаимосвязи описана природа одного из самых северных и самых больших по размеру занимаемой территории заповедников нашей страны. Рукопись представляет собой обширный по объему

(не менее 40 а.л.) монографический труд, над которым автор работала начиная с 1945 г., и который в настоящее время одновременно содержит актуальную научную информацию, и представляет собой памятник научной мысли.

Первоначальный вариант рукописи был сдан в издательство осенью 1949 г. (Архив РАН. Оп. 4. Д. 316. Л. 40, 40 об.), однако тогда издание не состоялось, а переданный экземпляр рукописи пропал. Последующие, сделанные предположительно уже в 1960-е гг. попытки издания также успеха не имели. Поскольку, по свидетельству современников В.А. Варсанюфьева продолжала работу над книгой вплоть до 1970-х гг., образовалось большое количество разновременных редакций, а также их копий, содержащих многочисленную редакторскую правку. После смерти автора рукопись считалась утерянной.

Нам удалось обнаружить ее в личном фонде В.А. Варсанюфьевой в РГАЭ (РГАЭ. Ф. 3), и, учитывая научный интерес к этой книге, а также к личности В.А. Варсанюфьевой, коллектив авторов взялся подготовить ее к изданию. Однако при начале работы, выяснилось, что первоначальная, датированная 1945–1946 гг. рукопись, написанная от руки, чернилами, почерком В.А. Варсанюфьевой, содержащая правку, многочисленные вставки, подклеенные листы и другие следы авторской работы (РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16, 17), неполна и содержит многочисленные пробелы. При этом параллельно с ней в РГАЭ находится комплекс машинописных текстов указанной рукописи, представляющих собой несколько разрозненных машинописных редакций и копий этих редакций, которые также содержат значительные пробелы и, местами, правку различных неустановленных лиц (РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 12–15), а также разрозненные листы из различных машинописных редакций, хранящиеся в россыпи и описанные в архивной описи как «подготовительные материалы» (РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 61–64). Ни один из обнаруженных вариантов текста не содержит законченного текста книги.

Нашей главной задачей стало восстановление полного текста рукописи в ее наиболее полном варианте. Мы взяли за основу первоначальный рукописный текст и начали сверку с фрагментарными машинописными текстами в надежде восполнить пробелы. Тем не менее, различные редакции рукописи расходились иногда так сильно по содержанию, что возникла необходимость в археографических комментариях. Для их создания следовало определить хронологический порядок написания различных редакций книги. Это удалось сделать с помощью анализа бумаги, на которой напечатаны

различные редакции и их копии. Цвет бумаги отличается от сильно пожелтевшего, немного желтого, до белого; физическая сохранность бумажных листов — от хрупких, ломающихся при прикосновении, до листов хорошей сохранности; формат бумаги также оказался различным: от стандартного А4, до совершенно нестандартных листов, большего чем А4 размера.

Восстановив таким образом примерную хронологическую последовательность создания различных редакций рукописи, для более точной датировки мы провели анализ правописания, а также написания географических названий и таксонов. Реформа русского языка 1956 г. достаточно сильно изменила правила орфографии и пунктуации, что позволяет датировать тексты с достаточной точностью. Особенно хорошо это видно при анализе написания географических названий, например, названия заповедника: «Печорско-Ыльчский» — в первоначальном варианте рукописи и «Печорско-Ильчский» начиная с конца 1950-х гг. (впервые сборник научных трудов заповедника, с названием «Печоро-Ильчский» опубликован в 1957 г.). Таким образом, нам удалось примерно установить время, когда велась работа над той или иной редакцией рукописи.

Отдельные сохранившиеся машинописные фрагменты содержат рукописную правку на полях, написанную разноцветными чернилами и карандашами, разными почерками. При подготовке рукописи к изданию встал вопрос о внесении данной правки в текст, создании специальных примечаний и/или игнорировании ее. Анализ почерка позволил выделить из общего массива правки исправления, внесенные автором. В отдельных фрагментах эта правка носила ярко выраженные возрастные изменения, что также позволило уточнить хронологию написания и исправления фрагментов рукописи, поскольку в нашем распоряжении имелся большой объем разновременных образцов почерка В.А. Варсанофьевой.

В настоящее время работа по подготовке рукописи к печати продолжается. Мы планируем восстановить хотя бы частично авторство других лиц, оставивших правку на полях книги. Например, желательно установление исправлений, внесенных ответственным редактором книги, д.б.н. А.Н. Формозовым (1899–1973), для определения доли его участия в работе над книгой, для чего проводится поиск образцов почерка для сравнения.

Греческие рукописи Арсения Суханова в библейской справе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского

Предисловие к переведенному Епифанием Славинецким и исправленному Евфимием Чудовским в 1670–1680-е гг. Новому Завету (НЗЕ), в двух списках дошедшему до нас в виде греческо-славянской диглотты, содержит указания на использованные печатные греческие источники, тогда как из «многих древних книг рукописных» упомянута лишь одна пергаменная рукопись, написанная «прежде пятого Селенского Синода за два лета». Идентификация этой рукописи стала возможной благодаря маргинальным пометам в тексте «чернового» греческого источника НЗЕ — Четвероевангелия XIV в. ГИМ, Син.гр. 274 (19).

Син.гр. 274 содержит в себе очевидные указания на активное использование в процессе подготовки НЗЕ. В рукописи множество киноварных помет и глосс на полях, принадлежащих Евфимию Чудовскому. На полях киноварью вписаны номера зачал по-гречески, а также арабскими цифрами или кириллицей — евангельских глав (непоследовательно). Отмечены пропуски фрагментов, вклеены чистые листы с пометами о лакунах текста, а в нескольких местах мельчайшим почерком на полях и подстрочно вписан славянский перевод.

По-видимому, эта рукопись использовалась справщиками с самого начала работы над переводом НЗЕ. Об этом можно судить исходя из славянского текста, вписанного киноварью убористым мелким почерком на полях лл. 128–128 об. и соответствующего размещенному на этих листах греческому тексту Ин 1:1–27. Орфография текста свидетельствует о том, что он написан не великорусским писцом, но книжником, начитанным в текстах киевской традиции и хорошо знакомым с польским языком. Текст имеет несколько различий в сравнении с Библией 1663 г., по-видимому, он писался по памяти и с опорой на греческий оригинал. Возможно, славянский перевод был вписан в греческий текст еще в 1650-х гг., что могло бы объяснять киевскую орфографию писца: Епифаний Славинецкий приехал в Москву в 1649 г., Евфимий Чудовский работал справщиком на Печатном дворе с 1652 г. Не исключено, что маргинальный текст представляет собой фрагмент изначального перевода Епифания Славинецкого.

Киноварные глоссы на полях Син.гр. 274, часть из которых написана рукой Евфимия Чудовского, нередко сопровождаются

пометой **хар. греч.** В двух случаях славянские пометы отмечают древность греческой пергаменной рукописи — источника глосс. Глоссы свидетельствуют, что Син.гр. 274 активно правилась и сверялась с каким-то древним «харатейным» текстом. В описи книг Книгохранительной палаты по списку 1679 г. среди книг, переданных на Печатный двор, указано **ев^ллие писменое харате^нное старое а какъ писано томъ арке лѣт** (РГБ, ф. 344, № 232, л. 13). Названная дата (1125 лет до даты составления описи в 1677 г., т.е. 552 г.) совпадает с той, что указана для пергаменной рукописи в предисловии к НЗЕ («за два года до пятого Вселенского Собора»). Судьбу этой рукописи можно проследить и по более поздним описям греческих рукописей: каталогам Типографской библиотеки 1718 г. и 1725 г.

Издатель описи 1725 г. А.А. Покровский предположил, что под этим манускриптом скрывается рукопись ГИМ, Син.гр. 399 (9). Син.гр. 399 — Евангелие-тетр, состоящее из двух частей: первая часть (лл. 1–179 об.) датируется рубежом IX–X вв., вторая (лл. 180–220) — XIV в. (*Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 24). Манускрипт был привезен в Россию Арсением Сухановым, как свидетельствует помета **арсенин** на нижнем поле л. 1, а ранее рукопись принадлежала монастырю Ватопед. По правым полям листов рукописи идет подпись-скрепа дьяка Ивана Арбенева.

Архимандрит Владимир, описавший содержание рукописи и отметивший в ней греческие и русские записи, тем не менее не упоминает именно ту запись, на основании которой все описатели рукописей Синодальной библиотеки XVII–XVIII вв. относили этот манускрипт к VI в. Между тем такая запись о создании текста в 6058 г. от сотворения мира (550 г.) была приведена в исследовании Х.Ф. Маттеи: *ἐγύραφ δὲ ἐτὺς κτήσεως (sic) κόσμου ἐξακισχίλιοςϛ πεντηκοστῆ ὀγδόω ἐντυχθῆϊώς (sic) τρισκαδεκάτης (Matthaei Ch. F. D. Pauli Epistolae ad Thessalonicenses et ad Timotheum Graece et Latine. Rigae, 1785. P. 269).* Маттеи указывал на наличие этой записи в конце Евангелия от Иоанна на л. 224, который отсутствует в современной пагинации Син.гр. 399. Исходя из того, что Маттеи читал русскую запись 1680 г. на л. 225 об., а в нынешней пагинации она находится на 220 об., следует полагать, что за более чем сто лет, разделяющих описания Маттеи и архимандрита Владимира, предшествующий лист был утрачен: сохранность рукописи оставляет желать лучшего, многие листы ветхи и отделены от переплета. Утраты коснулись также листов между нынешними лл. 15 и 16, 21 и 22, 48 и 49.

Еще одним неожиданным доказательством изначального существования этой записи в Син.гр. 399, подтверждающим, что рукопись и есть тот самый древний пергаменный текст, о котором говорится в предисловии к НЗЕ, стала копия записи, обнаруженная в Син.гр. 274 на л. 164 об. Она выполнена также в конце евангельских книг, но не вполне точно воспроизводит орфографию оригинала, опубликованного Маттеи. Совершенно очевидно, что запись скопирована славянским писцом и перенесена в Син.гр. 274 из ветхой Син.гр. 399 ввиду особой ценности последней рукописи.

Сличение с Син.гр. 399 указаний славянских справщиков в Син.гр. 274 на дописанные в «харатейном» тексте фрагменты подтверждает наличие этих добавлений, а анализ глосс в Син.гр. 274 без пометы **хар. греч.** показал, что их источником также была рукопись Син.гр. 399.

Возможно, именно Син.гр. 399 была упомянута Епифанием Славинецким в предисловии к Служебнику 1655 г. среди книг Арсения Суханова как Евангелие, писанное 1050 лет назад. «Черновая» же рукопись Син.гр. 274 вряд ли связана с Арсением. В ней нет помет о принадлежности какому-либо греческому монастырю, а в глоссах НЗЕ справщики ссылаются на нее как на «греческую чудовскую» рукопись и используют как рабочий черновой список греческого текста.

*М.А. Виноградов
к.и.н., ГБОУ Школа № 1797 «Богородская» (Москва)*

Топонимия одной можайской деревни: Заполье или Шкули?

Деревня Заполье (Шкули) в XVIII–XIX вв. относилась к вотчине графов Разумовских и Уваровых. Она находилась на границе Можайского и Гжатского уездов, Московской и Смоленской губерний.

Первое упоминание деревни Заполье относится к началу правления Екатерины II. 12 января 1763 г. у крестьянина Петра Тихонова родилась дочь Татьяна, а 21 января того же года у крестьянина Павла Иванова родился сын Максим (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 616а. Л. 38). Первые жители деревни происходили из соседней деревни Астафьево, в которой проживали еще в 1758 г. В период 1759–1762 гг. по велению вотчинной администрации они были выселены на границу астафьевских земель с деревней Замошье, бывшей в то время во владении можайского Лужецкого монастыря. Поле между деревнями Астафьево и Заполье сохранилось до сего дня. Название новой деревни, таким образом, происходит от местных

географических условий, указывая на определенный маршрут расселения крепостных крестьян А.Г. Разумовского.

Это название деревни встречается во всех источниках XVIII–XIX вв.: метрических книгах сёл Поречье и Острицы, исповедных ведомостях, ревизских сказках, материалах вотчинного архива, делопроизводственной документации волостного правления, бумагах уездных и губернских учреждений. Второе название деревни (Шкули), приравненное к первому, встречается на страницах метрических книг церкви Рождества Богородицы в селе Поречье в конце 1870-х гг. Если в метрической книге 1877 г. в записях о рождениях и браках указывалось только Заполье, то в отметках о смертях встречается двойное название деревни (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1151. Л. 273 об., 278 об.). 1 июня 1877 г. скончался сын крестьянина деревни «Шкулей-Заполья тож» Парфена Петрова Павел, родившийся в Заполье 8 января того же года. 10 августа 1877 г. скончались близнецы Акилина и Анна, дочери крестьянина «Заполья-Шкулей тож» Федора Ермолаева (запись об их рождении в Заполье 6 июня того же года была сделана в селе Острицы). В этих трёх записях даны оба названия деревни: в первом случае Шкули на первом месте, в двух других — Заполье. Следует отметить, что в указанных записях речь шла о семьях, относящихся к роду Куликовых. П.П. Куликов (1821–1878) и Ф.Е. Куликов (1842–1889) в 1870–1880-е гг. были волостными старшинами в Поречье. В остальных метрических записях 1877 г., относящихся к представителям других семей (Ивану Маркелову, Афанасию Емельянову, Потапу Елисееву, Владимиру Егорову), дано только первоначальное название деревни — Заполье. Метрическая книга 1878 г. свидетельствует, что двойное название деревни могло указываться и для представителей других семей: 25 сентября у крестьянина «Шкули-Заполье тож» Потапа Елисеева Шувалова (1858–1913) родилась дочь Прасковья (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1154. Л. 341 об.). В той же книге встречается запись только с «новым» названием деревни: 27 июня скончался сын крестьянина деревни «Шкулей» Мирона Феокистова (1828–1897) Сергей (Там же. Л. 376 об.). Запись о рождении Сергея Миронова 30 сентября 1877 г. была сделана в острицком храме с указанием «старого» названия деревни.

Изучение метрических записей всего порецкого прихода позволило выявить наиболее раннее упоминание деревни Шкули ещё в период крепостничества. Эта запись, старше приведенных выше на сорок лет, сохранилась в двух экземплярах: приходском и консисторском (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1453. Л. 705 об.; Ф. 592. Оп. 1. Д. 2021. Л. 397). 1 августа 1837 г.

у крестьян деревни Глядково Павла Нестерова и Александры Давыдовой родился сын Евстигней. Его крестным отцом стал крестьянин деревни Межутино Артемий Исаев, а «восприемницею деревни Шкулей крестьянская девка Праскева Давыдова». У крестьянина деревни Заполье (Шкули) Давыда Проклова Куликова (1784–1848) и его жены Пелагеи Антоновой было 13 детей, из которых 5 дочерей вышли замуж в другие деревни вотчины С.С. Уварова: Наречино (Афанасия, 1827 г.), Глядково (Мария, 1829 г.; Александра, 1834 г.; Прасковья, 1839 г.) и Заслонино (Татьяна, 1845 г.) В метрических записях об их браках по традиции указывалось, что дочери Давыда Проклова являлись уроженками деревни Заполье. Интерес представляет не только запись о рождении Евстигнея Павлова в 1837 г., но также и регистрация его смерти в Глядково 13 ноября 1916 г.: внук Давыда Проклова по материнской линии указан как носитель фамилии Куликовых (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 4826. Л. 229 об.–230).

Первоначальное употребление более позднего названия деревни (Шкули) связано с фамилией Куликовых. Помимо метрических записей на это указывает и этимология топонима. Первым в деревню Заполье в 1789 г. переселился Тимофей Александров Куликов (1739–1806) со своим семейством. Куликовы не только превратились в доминирующий род деревни, но и жили по соседству. Семейные предания свидетельствуют, что на местах современных домов №№ 6 и 7 в XIX в. стояли три избы Куликовых. Исторические источники в целом подтверждают факт компактного проживания родственников. По данным 8-й ревизии 1834 г., в деревне Заполье проживало восемь семей. Большую часть населения деревни (53%) составляли семьи Куликовых: Афанасия Ефимова (№ 3 — 6 человек), Петра Андреева (№ 4 — 19 человек), Давыда и Евдокима Прокловых (№ 5 — 17 человек) (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8. Д. 270. Л. 763 об.–766). В исповедной ведомости за 1834 г. семь семей крестьян деревни Заполье даны в обратном порядке и с единой нумерацией по приходу: Давыд и Евдоким Прокловы (№ 103), Петр Андреев (№ 104), Афанасий Ефимов (№ 105) (ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1248. Л. 335). В то время Куликовы точно определяли родственные связи между собой. Братья Прокловы были внуками Тимофея Александрова, Петр Андреев был его племянником, а Афанасий Ефимов приходился племянником Петру.

Таким образом, Шкулями в XIX веке (может быть, и в конце XVIII в.) могли называть часть деревни, в которой компактно располагались дворы Куликовых. Со временем этот топоним был отождествлен с официальным названием деревни и использовался наравне с ним.

**Переводы толкований молитвы «Отче наш...»
начала XVIII в.**

Древнерусская традиция толкований молитвы «Отче наш...» восходит как к греческим толкованиям, так и к смешанным компиляциям, появившимся на Руси из оригинальных текстов поучений (*Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. М., 2012. С. 137.*). Однако с середины XVII в. эта традиция уходит в старообрядческую среду. Можно сказать, что в результате церковной реформы патриарха Никона возникает потребность в новых переводах толкований на «Отче наш...».

Одним из авторитетных авторов периода реформ становится митрополит Навпакта и Арты Дамаскин Студит (1520-е — ок. 1580). Слово «На поклонение честного и животворящего креста» было напечатано в Скрижали 1656 г., что демонстрирует знакомство русских переводчиков середины XVII в. с текстами Дамаскина Студита. Особенно широко были известны его проповеди, несколько раз издававшиеся в Венеции (первое издание — в 1528 г., последнее — в 1844 г.) под названием «Сокровище» (*Θησαυρὸς Δαμασκηνοῦ ὑποδιακόνου καὶ Στουδίτου τοῦ Θεσσαλονικέως, μετὰ τῆς προσθήκης ἐν τῷ τέλει καὶ ἐτέρων ἐπτὰ λόγων ψυχωφελεστάτων καὶ τῆς ἐξηγήσεως τοῦ Πάτερ ἡμῶν*). К этому тексту добавлялось изъяснение или толкование на «Отче наш...». (*Лавров П.А. Сокровище Дамаскина Студита. В новом русском переводе. Одесса, 1901.*)

В библиотеке царевича Алексея Петровича, хранящейся в БАН, находится 20 рукописных книг, которые были присланы Алексею Петровичу из Новгорода после смерти митрополита Иова в 1716 г. Три рукописи из присланных содержат переводы Федора Герасимова, ученика братьев Лихудов и переводчика, который до своего приезда в Новгород в 1706 г. был чтецом на Печатном дворе в Москве. «Сокровище» Дамаскина Студита переведено Федором Герасимовым в 1715 г. Текст рукописи (БАН. П.1.В.16.) написан скорописью рукой Федора Герасимова. На л. 4–12 — запись: «Сия книга прислана из Новаграда от казначея Феодосия 1716 года февраля 7». Перевод сделан с венецианского издания 1683 г. Печатного оригинала или списка с него в 1716 г. в библиотеке митрополита Иова не было.

За два года до окончания перевода «Сокровища» 14 сентября 1713 г. в письме к Алексею Петровичу Иов писал: «С сим посланием препослах до вашего царского пресветлейшаго лица

толкование Господняя молитвы, еже есть Отче наш, в сих числах септемврия месяца, преведенная». Скорее всего, в этом письме речь идет о финальной части перевода «Сокровища», так как в конце этой книги помещены семь душеполезных слов и толкование на «Отче наш...». М.Н. Сменцовский считал, что перевод толкования принадлежит Иоанникию Лихуду (*Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 363*). Однако можно предположить, что Федор Герасимов Полетаев как автор перевода «Сокровища» перевел и заключительную часть этого текста.

В составе библиотеки Петра I хранится еще один перевод толкования Господней молитвы, напечатанной в Венеции в 1723 г. Антонио Вортоли. Перевод был сделан переводчиком коллегии иностранных дел Андреем Васильевым 7 февраля 1724 г. Считается, что Андрей Васильев был переводчиком с итальянского языка и кроме упомянутого текста перевел еще «Житие Флавия Веспасиана» и «Ведомости Парнаские» Т. Боккалини (*Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 1. Л., 1988*). В списке переводчиков Посольского приказа Васильев Андрей Михайлов сын является переводчиком латинского и греческого языков (*Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) //Переводчики и переводы в России конца XVII — начала XVIII столетия. М., 2019. С. 208*). Скорее всего, это один и тот же человек и, возможно, он так же как и Федор Герасимов учился у братьев Лихудов.

Таким образом, в 1713 и 1724 гг. в России (в Новгороде и Петербурге) было подготовлено два перевода толкования молитвы «Отче наш...». Первый — Дамаскина Студита — с новогреческого языка, а второй — с древнегреческого — неизвестного автора.

У.М. Волкова
с.н.с. отдела нумизматики, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Образ столицы Российской империи на медалях XVIII — начала XX в.

Доклад посвящен изображениям Санкт-Петербурга на памятных медалях Российской империи, истории их появления, а также тем изменениям интересующих нас элементов медальных композиций, что происходили в течение двух столетий.

Можно выделить несколько типов изображения города. Больше всего медалей, отчеканенных в память событий, происходивших в столице, не нуждались в каких-либо особенных способах ее

представления. Санкт-Петербург в таком случае символизировали портреты императоров и государственные символы, а также щит с гербом самого города.

Часто встречаются медали, на которых город изображен либо посредством архитектурных и скульптурных памятников, до сих пор являющихся его символами, либо их чертежами. Первой медалью, в композиции которой можно разглядеть аксонометрический план (или проекцию) будущей Петропавловской крепости, стало произведение из серии Ф.Г. Мюллера, созданное в начале XVIII в. в память основания города. На лицевой стороне медали, посвященной заключению Ништадтского мира в 1721 г., крепость уже имеет практически законченный вид. В последующие века именно она станет одним из популярных элементов композиций. Второй «визитной карточкой» Санкт-Петербурга на памятных медалях вплоть до революции 1917 г. оставался конный монумент императора Петра I, или «Медный всадник», открытый в правление императрицы Екатерины II. Третьим сооружением, чаще всего используемым медальерами в качестве символа города, стал Исаакиевский собор, освященный в 1858 г. Такие элементы композиции можно увидеть на медалях, посвященных различным государственным структурам, организациям или мероприятиям. Выбор наиболее известных достопримечательностей позволял легче понять смысл медали.

Эти памятники были хорошо известны за рубежом, они изображались и иностранными медальерами, работавшими по заказу из России или создававшими произведения на российские события, но адресованные европейским ценителям этого искусства. Например, на лицевой стороне медали Главного общества российских железных дорог, отчеканенной в 1858 г. парижской мастерской «Стерн», изображены сразу три достопримечательности Санкт-Петербурга — памятник Петру I на Сенатской площади, Исаакиевский собор и арка, соединяющая здания Сената и Синода. Медаль предназначалась членам совета директоров Общества, которыми были банкиры из Франции, Нидерландов, Великобритании и Российской империи. Несмотря на то, что все надписи на лицевой стороне выполнены на русском языке, основные элементы композиции позволяли владельцам медали через образ столицы безошибочно определить страну, которая основала Общество, и в которой планировалось строительство сети железных дорог.

Еще одним типом изображения был персонифицированный образ города. Всего на нескольких медалях начала XX в. можно увидеть женщин, символизирующих собой Санкт-Петербург, а позднее и Петроград. Интересно, что образы Москвы встречаются на памятных медалях гораздо чаще, и появились они намного раньше.

Первая персонификация города появилась на медальоне «Освобождение Москвы» из серии в память Отечественной войны 1812 года, созданной графом Ф.П. Толстым в 1816 г. Медаль была отчеканена в 1834 г. На оборотной стороне изображена женщина в модном «офранцузенном» сарафане и градской короне, характерной для городских персонификаций. При этом корона напоминает стилизованные кокошники, что носили женщины в первой трети XIX века. Автор создал образ, отражающий и модные тенденции, и настроения в обществе, и культурную ориентацию страны того времени. Однако если Москва символизировала древность истории страны и ориентированность культуры на традиции допетровского периода, то Санкт-Петербург представлял собой современный европейский город. И тем не менее, персонификации города на медалях были созданы в той же стилистике, что и образы древней столицы. Для медальеров, работавших во второй половине XIX в., было характерно обращение к историческим источникам и серьезное отношение ко всем изображаемым ими элементам композиций. По сложившейся за это столетие традиции, на медали 1903 г., посвященной 200-летию города, изображена женщина в этнографически верном костюме царицы XVII в. Она символизирует собой и страну, и ее столицу. Другой, но не менее интересной, является персонификация Санкт-Петербурга на медали в память 50-летия Петроградского городского общества взаимного страхования от огня, отчеканенной в 1915 г. Ее образ, в отличие от предыдущего, соединяет в себе элементы европейского и русского медальерного искусства, и включает элементы, отсылающие к античной мифологии, что может объясняться, к примеру, художественным вкусом заказчиков.

Естественно, рассматривать те или иные медальные сюжеты невозможно в отрыве от исторического и культурного контекста. На появление и трансформацию образов также влияли изменения стилей и художественных направлений в отечественном искусстве, характерные и для искусства медали.

*Н.А. Вревская
м.н.с., ВИМАИВиВС*

Потенциал технологического исследования русской бумаги первой четверти XVIII в. для локализации ее производства на материале «петровской» книги

В петровское время в России появляются типографии, начинает активно развиваться гражданская и кириллическая печать, в т.ч. начинает выходить газета «Ведомости». Эти издания находятся

в различных архивах и библиотеках страны и еще полностью не изучены. Книга является одной из конечных точек бумажного производства. Эти издания выступают в качестве перспективного материала по выявлению и изучению русской бумаги с помощью технологического анализа.

Мы можем утверждать, что часть бумаги в печатных изданиях, особенно в 20-х гг., является продуктом двух петербургских мельниц: Дудерговской водяной и Санкт-Петербургской ветряной (*Вревская Н.А.* История производства бумаги в России. Военные потребности Северной войны стали импульсом создания бумажной промышленности Санкт-Петербурга // Военно-исторический журнал. 2021. № 6. С. 68–73). На это указывают некоторые маркировочные знаки, а также архивные документы о закупках русской бумаги на нужды типографий (Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 234. Оп. 1. Д. 54. Л. 17 об.).

К сожалению, привычная атрибуция по филиграммам не всегда возможна и точна. Из-за формата издания большинство листов могут оказываться без знака, а если он есть, он может быть «контрафактом». Возникает вопрос, можем ли мы выделять русскую бумагу среди таких листов? Да, можем. Благодаря ее специфическим технологическим характеристикам можно датировать и иногда даже локализовать ее производство.

Первым о таких технологических маркерах заговорил великий русский технолог Н.А. Резцов (*Резцов Н.А.* Бумага в России до XIX столетия. III А. Писчебумажная промышленность // Писчебумажное дело. 1913. № 8. С. 86). Он выделил следы применения технологического новшества в производстве бумаги, голландера. Это важнейший технический индикатор: «двойные узлы», которые отличаются от длинных непересекающихся между собой волокон, характерных для использования ступ с пестами. Позже в статье «Об одной историографической легенде...» (*Цыпкин Д.О.* Об одной историографической легенде: начало изучения русского бумажного штемпеля // Фотография. Изображение. Документ. 2013. № 4. С. 41–62) был дан скомпонованный в единый алгоритм технологического исследования исторических бумаг ручного отлива. С применением этой методики были изучены некоторые петровские издания, хранящиеся в РНБ. Сравнивались характеристика как голландской, так и русской бумаг. В качестве примеров гражданской печати были взяты Морские уставы за 1720 г. (голландская бумага) и за 1723 г. (русская), кириллические издания: «Духовный регламент» 1722 г. (голландская) и «Грамматика Славенская в кратце» 1723 г. (русская).

В результате можно сказать, что в основном русская бумага чуть толще иностранной, часто не видны понтюзо и вержеры, практически всегда есть кастра сильной интенсивности. Ее также отличает звонкость и серо-белый цвет. Следует отметить, что в отличие от иностранной бумаги в ней практически нет желтизны. Более детальный анализ широкого ряда изданий (тетрадей и переплетов) подтвердит эти наблюдения. Дополним, что рукописная бумага также обладает этими же характеристиками (*Вревская Н.А.* Петербургская бумага первой четверти XVIII века в собрании Архива ВИМАИВиВС: технологический анализ // Сохранность культурного наследия: наука и практика. Вып. 15. Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории: материалы секции «Актуальные вопросы современного музейного дела» Десятой международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы», 12–14 мая 2021 года, Санкт-Петербург. СПб., 2022. С. 113–122).

Проведя анализ комплекта «Ведомостей» с 1720 по 1725 гг., т.е. повторив опыт Н.А. Резцова, нами были обнаружены вышеописанные характерные черты, а также «двойные узлы». Это совпадает со временем появления первого голландера в России. Высказана гипотеза, которую еще предстоит проверить, что мы увидим различия между помолом разных голландеров, стоящих на двух мельницах.

Зная локальные изменения в производствах и датирующие признаки можно выявить не только русскую бумагу, но и бумагу конкретного производства. Они однозначно будут иметь как одинаковые, так и различные технологические черты, т.к. продукция вышеуказанных мельниц шла на различные нужды. Все это даст понимание, что такое русская бумага и как ее выявлять, не имея маркировочного знака на листе.

Т.Б. Гвоздева
к.и.н., доц. каф. всеобщей истории РУДН,
доц. каф. зарубежной литературы
Литературного ин-та им. А.М. Горького

Панафинейские игры в Афинах по данным эпиграфики

Одним из важнейших явлений культурной жизни Эллады были общественные праздники, в программу которых входили состязания. Программа панэллинских игр, таких как Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские Игры, состояла из атлетических, конных и мусических состязаний, а наградой победителю был священный

венок. Тогда как на местных играх программа могла быть более разнообразной, и награды могли предназначаться не только для атлета, занявшего первое место. Главным государственным праздником Афин были Великие Панафинеи, в программу которых входили Панафинейские игры. Начиная с 566/5 г. до н. э., этот праздник, подобно Олимпийским играм, проводился раз в четыре года. Восстановить программу Панафинейских игр не просто, ибо данные, особенно VI–IV вв. до н.э. крайне фрагментарны. Поэтому, надпись на мраморной стеле, датируемая ок. 380 г. до н.э. (IG.II².2311), которая, является самой ранней панафинейской призовой надписью, представляет нам важную информацию как о программе Панафинейских игр, включавших в себя командные и индивидуальные состязания, так и о наградах в них (*Гвоздева Т.Б.* Награды на Панафинейских играх // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., 2013. № 3. С. 85–95).

Надпись начинается с перечня состязаний мусического агона. На Панафинейских играх были известны состязания рапсодов, исполнителей гомеровского эпоса, кифаристов и кифародов, авлетов и авлодов. Начало надписи не сохранилось, но большинство ученых предполагает, что в ней речь идет о рапсодах, среди которых выделяют три призовых места (*Tracy S.V., Habicht C.* New and Old Panathenaic Victor Lists // *Hesperia*. 1991. 60. № 2. P. 189–237). После рапсодов перечисляются состязания певцов под аккомпанемент кифары и флейты-авлоса (кифародов и авлодов) и музыкантов (кифаристов и авлетов). Причем, у кифаристов и авлодов отдельно выделено состязание для старшей возрастной группы (*andres* — «мужчины»). Вероятно, в той части надписи, которая не сохранилась, были перечислены соревнования для категории *paides* («мальчики»). Победители в мусическом агоне получали в награду золотой венки и денежное вознаграждение (победитель среди кифародов получал золотой венок, стоимостью в 1000 драхм и 500 драхм серебра, а победитель среди кифаристов-«мужчин» — венок, стоимостью в 500 драхм и денежный приз в 500 драхм). Кроме того, в надписи указанные награды не только победителей, но и призеров: три призовых места среди рапсодов, кифаристов «мужчин» и кифаристов «мальчиков», и пять призовых мест для кифародов. Далее в надписи идет перечень состязаний и наград в гимнастическом агоне для возрастных категорий «мальчики» (*paides*) и «юноши» (букв. «безбородые» — *agepeiōi*). За ними должны были следовать состязания и награды для «мужчин» (*andres*), но они не сохранились. Из надписи видно, что на Панафинейских играх использовалась та классификация атлетов, в рамках которой выделялись три возрастные группы — *paides*,

ageanoi, andres («мальчики», «безбородые юноши», «мужчины») (Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. 2022. С. 243–256). Наградами победителей в беге, пятиборье и единоборствах были определенное количество призовых панафинейских амфор, наполненных священным оливковым маслом (morgiai). На лицевой стороне призовой панафинейской амфоры, расписанной в чернофигурной технике, была изображена Афина Промакхос в шлеме, с копьем в правой руке и со щитом в левой руке, а на оборотной стороне — состязания Панафинейских игр. Такая амфора могла вмещать около 36 л оливкового масла.

Из гимнических состязаний в надписи упомянуты только короткий бег, пятиборье, борьба, кулачный бой и панкратион. Победитель в коротком беге среди «мальчиков» получал 50 амфор, занявший 2 место — 10 амфор, победитель среди «юношей» — 60 амфор, 2 место — 12 амфор. Призы среди «мужчин» в надписи не сохранились, но согласно другим источникам победитель среди «мужчин» в коротком беге мог получить награду из 100 амфор (Shear J.L. Prizes from Athens: The List of Panathenaic Prizes and the Sacred Oil // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 142. 2003. P. 87–105). Из конного агона в надписи упомянуты только гонки на колесницах, запряженных двумя взрослыми лошадьми (1 место — 140 амфор, 2 место — 40 амфор) и гонки на колесницах, запряженных двумя молодыми лошадьми (1 место — 40 амфор, 2 место — 8 амфор). Однако, данные панафинейских амфор дают возможность предположить, что уже в IV в. до н.э. программа агона Панафиней была более разнообразная. Далее в надписи отдельно выделены т.н. «военные» состязания, к которым, предположительно, были допущены только афиняне: скачки на взрослых лошадях (1 место — 16 амфор, 2 место — 4 амфоры), гонки на военных колесницах (1 место — 30 амфор, 2 место — 6 амфор), гонки на парадных колесницах (1 место — 4 амфоры, 2 место — 1 амфора) и метание копья с лошади (1 место — 5 амфор, 2 место — 1 амфора). В конце надписи перечислены командные состязания, которые проводились только среди афинян (команды формировались по филам) — пирриха (три возрастные группы), эвандрии, бег с факелами (и в команде, и индивидуальный), состязание кораблей. В командных состязаниях наградой были жертвенные быки и денежные призы, которые предназначались для всей команды.

Таким образом, панафинейская призовая надпись 380 г. до н.э. (IG.II².2311) содержит уникальную информацию по программе Панафинейских игр, которые включали в себя как командные, так и индивидуальные состязания, как общеэллинские, так и особые

соревнования, только для афинских атлетов. По надписи можно проследить количество призовых амфор в разных состязаниях Панафинейских игр для разных возрастных групп, а также награды для атлетов, занявших второе место.

П. Гёзалов
доктор философии по истории (Ph.D.)

Понятие знамени и различие государственного и национального знамени

Знамя как одно из исторических и геральдических понятий представляет собой одно из важнейших понятий государственности. Однако, следует отметить, что знамя как атрибут государственности по-разному трактуется в научной литературе. В различные исторические периоды предпринимались многочисленные попытки концептуально теоретической разработки понятия «знамя».

При исследовании любого вида исторических памятников важно определить терминологию. Существует целый ряд названий на русском языке для обозначения того или иного типа знамени: знамя, штандарт, флаг, хоругвь, стяг, прапор, вымпел, значок, флюгер, бунчук; на английском языке — colours, banner, standard, ensign, flag; на французском — enseigne, drapeau, oriflamme, banniere, etendard, pavilion, pennon, fanion; на немецком — Fahne, Banner, Panier (*Бычкова М.Е.* Генеалогия в советской исторической литературе, // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. VII. Л., «Наука», 1976. С. 43–56).

В русскоязычной литературе используется термин знамя, исходя из этимологии слова — знамение, знак (*Зайцева Л.П.* Междисциплинарный подход к изучению знамени как исторического источника // *Источниковедение XX столетия.* М., 1993. С. 31–38).

Основатель русской знамёноведческой науки П.И. Белавенец определил «знамя», как исторический памятник, являющийся особой разновидностью письменности, часто заключающей в себе девизы, даты и эмблемы, появляющиеся не сразу в законченном виде, а постепенно зарождающиеся под влиянием различных течений и изменений психологии правящего класса страны (*Симкин М.П.* Знамена как исторический источник и музейные экспонаты // *Труды научно-исследовательского института музееведения.* М., 1963. Вып. 10. С. 275). Он, определяя знамя, видит в нем прежде всего исторический памятник, причем внешняя сторона знамени в его определении остается в тени.

Наиболее удачно и полно определение знамени сформулировано в вышедшем в 1952 г. 17 томе второго издания Большой Советской Энциклопедии: «Знамя» (стяг, флаг) — одноцветное или многоцветное полотнище, прикрепленное одной стороной к древку, часто украшенное кистями, орденскими лентами, эмблематическими изображениями. Знамя — символ национального, воинского, партийного или профессионального объединения людей» (*Темин. Знамя // БСЭ. Изд. 2. Москва, 1952. Т. 17. С. 631*). Следует лишь добавить, что в настоящее время имеются знамёна, символизирующие международные объединения (например, знамёна Организации Объединённых Наций и различных ее объединений и учреждений).

С точки зрения символизма знамёна условно делятся на две группы:

1. Знамёна как символ объединения — национальное, государственное, морское знамя, знамя организаций (в том числе международных), знамя воинских частей.

2. Знамёна как символ власти — личные или временно выдаваемые штандарты наследственного или избираемого правителя, значок или вымпел должностного лица.

В литературе встречаются случаи смешивания понятий государственного и национального знамени (см. например, *Симкин М.П. Знамёна как исторический источник и музейные экспонаты // Труды научно-исследовательского института музееведения. М., 1963. Вып. 10. С. 3–275*, где на с. 6, автор использует термин «государственный национальный флаг»). Следует различать понятия государственного и национального флага. Первый — символ государственного суверенитета. Второй приобретает конкретный смысл в зависимости от историко-правовых условий складывания той или иной нации. Понятия «национальный» и «государственный» совмещаются для определения флагов тех стран, где население в основном однородно по своему национальному составу (Австрия, Бельгия, Греция, Дания и другие), или же национальные особенности страны получили отражение на самом полотнище государственного флага (Флаги рассказывают. Л., 1972. 124 с.).

Функции знамён: от условного знака к атрибуту государственности. Исследователи едины в мнении, что знамя появилось как условный знак, обозначающий место сбора воинов племени (*Шатунов Г. Символ воинской чести, доблести и славы. Изд. ДОСААФ, М., 1975. 55 с.*; Флаги рассказывают. Л., 1972. 124 с.; *Курочкин Н. Знамя части. Киев: Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1970. 31 с.*; *Маковеев М. О знамени, которому присягаем. Воен. изд. МО, М., 1974.*

64 с.; Знамя / *Габеев Г.С.* // Военная энциклопедия. СПб. Тип. Т-ва И.Д. Сытина. 1912. Т. 10. С. 532–543).

Естественно, этот знак должен быть понятен для всех воинов племени, и в то же время отличаться от условного знака враждебной стороны. Таким образом, первая функция знамени — быть условным знаком места сбора, следующая функция — в бою указать место объединения своих воинов.

Развитие военного дела привело к возникновению такой функции знамени как обозначение места командующего.

В азербайджанском дастане (жанр устного народного творчества) «Китаби Деде Коргут» полководец указывается как человек, имеющий право нести знамя государства; в то же время указывается, что воины старались в бою подрубить знамя врага (*Kitabi-Dədə Qorqud. Сост., транскрипция F. Zeynalov, S. Əlizadə, прим. S. Əliyarov. В., 1988. S. 33, 50.*)

О.И. Голованова
к. филол. н., доц.,

Тюменский индустриальный университет

Деловая письменность как отражение регионального управления и проблемы эффективности власти в России (на материале документов Тюменской воеводской канцелярии в период бунта Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.)

Имперская политика Екатерины II является яркой страницей в истории России и характеризуется многогранностью, сложностью и противоречивостью. Однако ее концепция государственного управления менялась, где главным событием, повлиявшим на переосмотр, явился крупнейший социальный протест 1773–1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева. Народным движением был охвачен Урал, Оренбургский край, Среднее и Нижнее Поволжье, часть Сибири. В числе неблагонадежных округов тобольским губернатором был назван и Тюменский уезд. Территория уезда не была вовлечена в военную орбиту событий, но очаги повстанческого движения имели место.

Актуальность статьи заключается в обращении к материалам Государственного архива Тюменской области, представляющим собой документы одного из «пограничных» районов. Архивные источники демонстрируют проблемы организации управления власти, как центральной, так и местной, в период выхода части подданных из ее

подчинения. Последствия восстания сказались на дельнейшем ходе истории, проявлением которого явилась, прежде всего, новая модель взаимоотношения центра и регионов.

Тематический комплекс представлен скорописными текстами двух фондов: И-47 «Тюменская воеводская канцелярия» и И-6 «Тюменская комендантская канцелярия». Общий объем — 970 листов. Состав документов следующий: 1) внешние документы (оригиналы): а) входящие: распорядительная документация из Тобольской губернии — ордера, приказы, указы; отчетно-исполнительная документация из станов уезда — рапорты, донесения; уведомительная документация из присутственных мест губернии и близлежащих территорий — промемории, донесения; б) исходящие (черновики, копии): распорядительная документация — инструкции, предписания, приказы, ордера; отчетно-исполнительная документация — рапорты; уведомительно-просительная — промемории; 2) внутренние документы для служебного пользования.

В ходе сплошной выборки источников установлено, что первая информация о Пугачеве (Манифест от 29 ноября 1773 г. «О государственном злodeе и его сообщниках»), инициирующая весь тематический комплекс документов, поступила в Тюменскую воеводскую канцелярию из центра (через Тобольск) 10 января 1774 г. Интенсивность информационного потока «исчезает» к декабрю 1774 г.

Результатом сопоставительного анализа, с одной стороны, изменяющегося имперского отношения к ходу восстания, его трансформацией посредством губернского правления, с другой стороны, — периодизацией «тюменского» противостояния, является вывод о недооценке масштаба восстания на начальном этапе, отставании в донесениях оперативных сводок в «центр» и принятии соответствующих мер, и, как следствие, — информационный «вакуум» на периферии. Обеспеченность имперской безопасности ложилась на «плечи» региональных присутственных мест. Предполагаем, что опасность дальнейшего расширения границ восстания за счет включения Урала и части Сибири способствовала изменению представления центральной власти к феномену «пугачевщина», его характеру и социальной базе. Это определило общий план и методы борьбы.

До поражения правительственного отряда под руководством В.А. Кара (ноябрь 1773 г.) у Екатерины II не было серьезных опасений. С назначением нового командующего А.И. Бибикова у нее появилась уверенность в скорейшем подавлении бунта. Напротив, период с января по февраль 1774 г. характеризуется как самый опасный для Тюменского уезда, и был связан с приближением пугачевцев

к его границам. Задачей местной власти являлась организация народного ополчения и исключение возможности оппозиционных элементов поднять повстанческое движение внутри уезда.

Документы свидетельствуют, что: 1) информация о продвижении восставших поступала не «сверху», а из близлежащих присутственных мест (Исетск, Шадринск, Верхотурье и др.): «неприятельская сила состоит в одной версте от Беляковского ведомства», «в деревне Килах злодейская толпа» и т.д.; 2) информация о численности восставших отсутствует: «в какомъ числе злодеи движение имеют достоверно известия получить невозможно»; 3) контингент военных отсутствует. На просьбу о помощи губернатор сообщает, что «въ Тюмень салдаты послать неково».

Тюмень в силу сложившейся обстановки была переведена губернским правлением на военное положение, а после эвакуации воеводы в Тобольск, руководство взял на себя военный комендант. Так, уже в феврале 1774 г. был организован караул и введен пропускной режим, отлиты пушечные дробы и изготовлены копья, дороги завалены снегом и срубленными деревьями и т.д.

Лишь в марте 1774 г. императрица была встревожена событиями, связанными с «Екатерининским ведомством» и Сибирью. Она признала, что «сей край опасень».

С марта по май 1774 г. в крае наметился «коренной перелом». В этот период зафиксировано увеличение документопотока из губернского правления, за счет сообщений о значимых победах правительственных войск под руководством И.А. Деколонга, П.М. Голицина, Д.П. Мансурова, И.И. Михельсона (взятие Татищевой и Троицкой крепостей, освобождение Оренбурга и т.д.).

Начиная с мая 1774 г. в стране начинается постепенный спад напряжения и переход к относительной стабилизации. Хотя были моменты опасения у центра (взятие Пугачевым Саранска, Пензы, Саратова), но в Сибири было уже спокойно. В ноябре–декабре 1774 г. тюменская администрация подключилась к общероссийским карательным мероприятиям: на выездах из «неблагонадежных» населенных пунктах были установлены «по одной веселице для колесования по одному колесу к вешению за ребро по одному глаголю».

Вынесенные «уроки» бунта стали основой последующих реформ Екатерины II, проводником которых явилась обновленная региональная власть со значительным увеличением числа чиновников.

Титулованное дворянство в «подлинных» боярских списках 1626–1633 гг.

В процессе объединения русских княжеств вокруг Москвы утратили свой статус правители этих областей, удельные князья. Вначале они получили статус служилых князей при дворе великого князя московского, а затем слились с основной массой дворянства. Некоторые из них утратили свои родовые вотчины. Часть из них служило в составе уездного дворянства. Вопрос о численности титулованного дворянства уездных корпораций до сих пор не выяснен. В этом докладе речь коснется представителей княжеских фамилий, служивших в чине стольников, патриарших стольников, стряпчих и московских дворян в 20–30-е гг. XVII в. Имена их записывались в так называемые боярские списки.

Боярские списки являются основным источником по истории личного состава государева двора. Самые ранние из них встречаются с середины XVI в. Однако не исключено, что они существовали и раньше. В XVII в. существовало несколько разновидностей боярских списков, но только «подлинные» отражали весь состав двора за исключением жильцов. За период царствования Михаила Федоровича (1613–1645) сохранилось всего 16 «подлинных» боярских списков (1626–1633 и 1637/38–1645 гг.), из которых значительную утрату текста имеет лишь один (1632/33 г.). Это обстоятельство позволяет детально изучить состав двора и произошедшие в нем изменения за указанный период.

В «подлинных» боярских списках 1626–1633 гг. упоминается всего 396 человек с княжеским титулом в чине стольников, патриарших стольников, стряпчих и дворян московских.

Это представители 71 княжеского рода: князя Альбертус, Бабичевы (2), Барятинские (19), Белосельские (3), Бельские (2), Болховские (6), Вадбольские (3), Великогагин, Великопермский, Вишневецкий, Волконские (31), Воротынский, Вяземские (13), Гагарины (15), Голицыны (2), Горчаковы (6), Гундоровы (4), Дашковы (2), Деевы (2), Долгоруковы (13), Елецкие (5), Жеряпины (2), Засекины (14), Звенигородские (8), Кашины (2), Ковровы (3), Козловские (20), Коркодиновы (4), Кропоткины (2), Лыковы (4), Львовы (29), Мамаев, Мезецкие (5), Мещерские (14), Морткины (7), Мосальские (9), Несвижские (2), Оболенские (3), Одоевский, Пожарские (7), Прозоровские (2), Пронские (5), Репнины (2), Ромодановские (5),

Ростовские (18), Сеитовы (2), Селеховские (3), Сицкие (3), Смайлевы (3), Татевы (3), Телятевский, Тростенский, Трубецкой, Тюменский, Тюфякины (2), Урмаметевы (2), Урусов, Ухтомские (6), Хворостинин, Хилковы (7), Хованские (3), Хотетовский, Черкасские (4), Шаховские (20), Шейдяковы (5), Шейсуповы (2), Шелешпанские (3), Шехонские (5), Щербатовы (11), Щетинины (2), Юсупов.

Из них 86 человек были стольниками, 23 стали ими в течении этого периода. Восемь стольников ранее были жильцами, 13 — патриаршими стольниками, восемь — стряпчими. Предыдущая служба 74 стольников не выяснена. 101 человек служил в чине патриаршего стольника. Из них 31 был жильцом до пожалования. Предыдущая служба 70 патриарших стольников не выяснена, либо они были пожалованы из неслуживших. 15 человек служили в чине стряпчего. Из них 12 до пожалования были в жильцах, о предыдущей службе трех стряпчих сведений не обнаружено. 193 князя имели чин московского дворянина, а пятеро получили этот чин в течение этого периода. По имеющимся сведениям, до пожалования 21 князь был стольником, двое — патриаршими стольниками, 14 человек служили в стряпчих, 63 человека — в жильцах, из них трое затем перешли на службу с городом, вместе с ними пожалованных князей в московские дворяне из городских дворян — 19 человек. Предыдущая служба 88 титулованных московских дворян не выяснена. Один человек служил в чине иноземца по московскому списку.

Таким образом, практически все титулованные дворяне в боярских списках проходили службу в придворных чинах, функции которых заключались в непосредственном обслуживании церемоний с участием монарха.

При сравнении с данными жилецких списков этого времени, обнаруживается, что в жильцах совсем не упоминаются князья Альбертус, Великогагины, Великопермские, Вишневецкие, Воротынские, Голицыны, Дашковы, Звенигородские, Кашины, Ковровы, Мамаевы, Мезецкие, Мосальские, Одоевские, Прозоровские, Репнины, Ромодановские, Сицкие, Смайлевы, Татевы, Телятевские, Тростенские, Трубецкие, Тюфякины, Урмаметевы, Урусовы, Хворостинины, Хилковы, Хованские, Черкасские, Шейдяковы и Юсуповы. Судя по тому, что значительная часть из вышеперечисленных родов относится к боярским, можно утверждать, что служба в жильцах была уделом представителей менее значимых фамилий.

В то же время наблюдается существенная разница в количестве князей из одного рода, служивших в жильцах и более высоких чинах. Например, Барятинские — 15 и 19 соответственно, Волконские — 12 и 31, Вяземские — 17 и 13, Гагины — 4 и 15, Долгоруковы — 1

и 13, Засекины — 6 и 14, Козловские 12 и 20, Львовы — 9 и 29, Мещерские — 14 и 14, Ростовские — 8 и 18, Ухтомские — 12 и 6, Шаховские — 11 и 20 и Щербатовы — 8 и 11. Если в случае с Бярятинскими, Волконскими, Гагариными, Долгоруковыми, Засекиными, Козловскими, Львовыми, Ростовскими, Шаховскими и Щербатовыми видно, что большая их часть проходила службу в высоких чинах, то относительно Вяземских, Мещерских и Ухтомских можно говорить, что в указанный период времени большая их часть служила в жильцах, что свидетельствует о захудалом положении их семей в сравнении с другими представителями титулованного дворянства.

Сравнивая количество всех княжеских фамилий, встречающихся в боярских и жилецких списках этого периода, обнаруживается подавляющее преимущество князей, служивших в чинах стольников, патриарших стольников, стряпчих и московских дворян. В период с 1616 по 1636 гг. в жилецких списках зафиксировано 207 персон с княжеским титулом. Это говорит о том, что основная часть титулованного дворянства служила по московскому списку. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что эта часть дворянства имела относительное преимущество перед остальными. В дальнейшем требуется изучить изменения состава двора по спискам 1638–1645 гг. и привлечь данные по уездному дворянству.

*Е.С. Гришин
зав. редакцией ист. картографии БРЭ
Д.А. Крутов
картограф-корректор БРЭ*

Способы построения дазиметрических карт населенности региона по исторических источникам

Карты населенности — один из важнейших блоков тематических исторических карт, поскольку они не только дают представление о развитии и освоении рассматриваемого региона, но и лежат в основе большинства других карт исторической тематики, будь то картографирование этнических групп, промышленности, торговли. Построение карт населенности выдвигает определенные требования к источниковой базе: без наличия достаточных сведений работа над картами подобной тематики едва ли будет возможной. Однако есть и обратная проблема: как осуществить картографический анализ данных о населении, если источники обладают достаточной детальностью и позволяют проследить динамику населенности региона.

Обычная практика визуализации населенности региона по административным областям в формате обычной картограммы представлялась недостаточной уже географам начала XX в., когда и возникла идея построения дазиметрических карт. Укажем на некоторые очевидные недостатки использования картограмм. Одинаковый показатель применяется для большой территории, что далеко от действительности; тем самым игнорируются повышенные скопления населения, агломерации. Обратная ситуация — игнорирование малообитаемых территорий: показатели на картограммах распространяются на всю территорию административного региона, включая, высокогорные районы, пустыни и другие практически незаселенные территории. Кроме того, в случае использования картограмм на основе административно-территориального деления, морфология картографируемых объектов остается неизменной, варьируется только их числовые показатели, следовательно, не представляется возможным выделение отдельных районов, установление пространственной дифференциации по картографируемому показателю. Особенно отчетливо указанные недостатки проявляются в тех регионах, где административное деление имеет укрупненный характер.

При выборе способа картографирования важно исходить из самого объекта, его качеств и особенностей пространственного распространения. Для показателя населенности, который может рассматриваться как топологическая, непрерывная характеристика пространства, подходит способ построения изометрических карт. Объекты, полученные на дазиметрических картах, гораздо ближе к действительности и опираются на реальную географию картографируемого пространства, а не на произвольную мозаику административных единиц.

Среди способов построения дазиметрических карт выделяются следующие подходы. Простейший вариант состоит в оконтуривании наиболее заселенных территорий, а также тех, которые наименее обитаемы; промежутки между ними заполняются интерполированными изолиниями, что приводит к заметному упрощению реального положения дел. Более продвинутый вариант состоит в том, чтобы после выделения контуров площадей с различной густотой населения заполнить их значениями плотности. Серьезный недостаток оконтуривания плотных скоплений населенных пунктов состоит в том, что остальные пространства остаются за пределами рассмотрения и представляются однородными.

Следующий способ построения дазиметрических карт состоит в разделении изучаемого пространства на равные ячейки, для каждой из которых вычисляется показатель плотности. Подобный способ

был бы близок к той же картограмме, разве что с большим числом объектов, если бы его нельзя было модернизировать путем перевода в изометрическую карту. Вместо того, чтобы остановиться на регулярной сетке с установленными значениями, следует присвоить центроидам каждой ячейки вычисленные значения плотности. Затем, на основе полученного набора точек строится карта изометрических значений плотности населения. Подобный способ позволяет сделать следующий шаг в сторону картографирования динамики населенности: центроидам присваивается разность населенности по определенному хронологическому интервалу. Полученный результат может рассматриваться как интегральная карта естественного и механического движения населения региона.

К некоторым сложностям приведенного подхода следует отнести проблему выбора размерности ячеек, а также искусственность самого построения сетки для региона: в ходе ее построения географические объекты механически разделяются элементами сетки. Неудачный выбор размерности ячеек может привести к некорректным результатам. Если сетка слишком дробная, то пространство будет выглядеть мозаично: заселенные ячейки будут чередоваться с пустыми, общая морфология заселенности региона не будет складываться в единую картину. Использование крупных ячеек может привести к чрезмерному упрощению, пропуску значимых пространственных неоднородностей.

Исходя из приведенных методологических соображений была осуществлена попытка дазиметрического картографирования Крыма в составе Российской империи по отдельным опорным годам, на которые присутствуют статистические сведения по населенности полуострова (1805, 1859, 1887, 1897, 1913 гг.). Крым в представленный исторический период наиболее репрезентативен для построения дазиметрических карт в силу высокой внутренней и внешней миграции населения, которая позволяет проследить пространственную динамику, и по причине ярко выраженного географического ландшафта, благодаря которому можно лучше провести районирование для выделения базовой размерности ячеек изометрического картографирования. Кроме того, по Крыму, как правило, составлялись картограммы населенности на основе крупных административно-территориальных единиц, тем самым игнорировались пространственная морфология и динамика населения, преимущественно, проживающего в небольших сельских поселениях.

Для построения дазиметрических карт по Крыму на первом этапе были собраны сведения по населенным пунктам, которые были ассоциированы с соответствующими объектами на карте. Территория

карты была разделена по сетке на ячейки, соответственно которым были выделены центроиды. Каждому центроиду были присвоены значения плотности населения. Затем на основе полученного массива точек со значениями было осуществлено построение изолиний с установленными значениями.

*А.Л. Грязнов
с.н.с. НИЦ «Древности»*

Состав судебных и писцовых комиссий в XV — начале XVI в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-09-00360.*

Источники XVII в. достаточно подробно освещают как состав писцовых коллегий, так и порядок их формирования. Судя по ним, главой комиссии предписывалось быть служилому человеку по отечеству (из московских чинов), а в помощь к нему назначался кто-либо из приказных (дьяк или подьячий). Для XV — начала XVI в. текстов писцовых наказов не сохранилось, а в источниках этого периода не раскрывается чиновный статус членов писцовых комиссий. Тем не менее, тот порядок, который мы видим в сложившемся виде в XVII в., в историографии, как правило, переносится на более ранние периоды, а упоминание о работе в составе писцовой комиссии считается хоть и не очень статусной, но дворянской службой.

За XV в. в источниках сохранились единичные упоминания о писцах и системные сведения о деятельности писцовых комиссий появляются только на рубеже XV–XVI вв. Непосредственно материалы писцовых описаний конца XV в. (за исключением Новгородских земель) сохранились в виде небольших выдержек или упоминаний. Известны имена некоторых писцов, а во многих случаях в составе комиссии называется два человека. Служебные биографии писцов, упомянутых в этих случаях первыми, восстанавливаются с разной полнотой, но ясно, что они являлись представителями Государева двора, родословными людьми (например, Василий Голенин, Яков Морозов, Константин Заболоцкий, Федор Липятин), а в ряде случаев, позднее получали думные чины. Тем не менее, вопрос состава писцовых комиссий, принципов их формирования и функций их членов может быть рассмотрен более подробно.

Кроме собственно писцовых описаний от деятельности писцовых комиссий конца XV — начала XVI в. сохранился большой пласт документов (около сотни) — правые грамоты и судные списки,

оформлявшиеся при разборе земельных споров на территории, подведомственной писцам. В них состав писцовых комиссий раскрыт полнее, указывается, что «суд судил» писец соответствующего уезда по грамоте или слову великого князя. Затем указывались его товарищи (один или два). В конце судебных документов помещалась клаузула «А на суде были», в которой перечислялось несколько имен (как правило, два—четыре), явно невысокого статуса. Важным обстоятельством является то, что часто применительно к этим лицам указывается что они подьячие, а в большинстве других случаев этот статус выясняется для них по другим источникам.

Меньше ясности с товарищами писцов, которые по статусу и именованию были явно ближе к старшему писцу или судье, чем к подьячим. Анализ биографических сведений о них показал, что, скорее всего, это были представители великокняжеской канцелярии в чине дьяка. В отдельных случаях они прямо названы дьяками (например, Захар Гавинский, Андрей Харламов, Суморок Путятин). В других — в статусе дьяков эти лица фигурируют в более ранних или более поздних источниках (Василий Долматов, Иван Голова Семенов, Иван Ухтомский, Семен Племянников).

Таким образом, писцовая комиссия, по крайней мере с середины 1480-х гг. состояла из трех частей: главного писца (представителя Государева двора), дьяков или опытных подьячих (одного-двух) и нескольких подьячих.

А.А. Фролов предположил, что руководители писцовых комиссий (называемые писцами) «лишь контролировали работу двух или более комиссий, которые параллельно выезжали на несколько маршрутов». Сведения сохранившихся источников о составе писцовых и судебных комиссий убеждают в правильности этого предположения. Судя по наличию в комиссиях нескольких подьячих, непосредственными исполнителями описательных работ были именно они. Старший член комиссии, по имени которого она, как правило, и называлась, выполнял судебные и представительские функции. Его товарищи (один или два человека) представляли великокняжескую канцелярию. На них лежала забота по правильному оформлению итоговых документов — писцовых книг, правых грамот и судных списков.

В более раннее время (до 1470-х гг.) представители страты канцелярских служащих (дьяки и подьячие) играли ведущую роль в поземельных делах. В актах сохранились прямые указания на то, что именно они проводили писцовые работы (например, сохранились упоминания книг Стефана Бородатого, Алексея Полуектова, Федора Мячкова, Якова Кочергина), совершали от лица князя

поземельные сделки (покупка, продажа, обмен), производили размежевание и отвод земли.

На изменения, произошедшие в правление Ивана III в практике поземельных описаний, обратил внимание еще С.Б. Веселовский. Объяснить их можно следующим образом. Непосредственно описательные работы первоначально проводились специалистами в делопроизводственной сфере, дьяками княжеской казны. Они же отвечали и за хранение писцовых книг. Изменения в этой сфере произошли, когда после присоединения новых земель (Белоозера, Ярославля, Ростова, Твери, Новгорода) потребовалось не только проведение землеописательных работ, но и ревизия владельческой документации, решение на этих территориях земельных споров, перераспределение земельных владений. Эта деятельность уже выходила за рамки традиционно сложившихся полномочий канцелярских служащих и была в большей части политическим действием. Вероятно, именно поэтому в состав писцовых коллегий начали включаться представители великокняжеского двора. В дальнейшем эта практика была закреплена в первой главе великокняжеского судебника 1497 г., которая предписывала обязательное присутствие дьяков на суде бояр и окольничих, а, значит, и ведущую роль политической элиты в решении поземельных вопросов.

Оттеснение в сфере контроля за землевладением на второй план сотрудников княжеской канцелярии, судя по всему, было в значительной степени формальным, поскольку старшие писцы, очевидно, не занимались ни черновой, ни белой работой по составлению писцовых книг. Назначение на писцовые работы представителей аристократических родов и упоминание вместе с ними канцелярских служащих можно расценивать как один из маркеров встраивания канцелярских служащих в формирующуюся местническую иерархию.

А.Г. Гуськов
к.и.н., в.н.с. ИРИ РАН

Толмач Посольского приказа Данила Леншин

Толмач Данила Борисов сын Леншин, служивший в Посольском приказе между 1684 и 1706 гг., не избалован вниманием историков. Упоминания о нем приводятся лишь в специализированной статье (Гуськов А.Г., Шамин С.М. Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы междунаро. науч. конф. Вып. 2. М., 2021. С. 299)

и недавно защищенной диссертации (*Севостьянов А.С.* Посольский приказ в начале XVIII в.: институциональные изменения в условиях преобразований Петра I: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2022. С. 170, 282). Однако отдельные стороны его биографии обращают на себя внимание своей неординарностью. Во-первых, согласно сведениям источников, он мог переводить устную речь с нескольких языков — греческого, турецкого, татарского, возможно, еще и итальянского (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.). Во-вторых, стаж его работы в Посольском приказе насчитывал почти четверть века (24 года), чему предшествовал не менее длительный период «полонного терпения» на турецких галерах (20 лет).

Первоначально Данила Леншин проживал в Ливенском уезде, где в конце 1650-х гг. («в прошлых... годах как выходил крымской хан на украинные города с крымскими татары») был захвачен в плен «со всюю роднею» и вывезен в Крым. Оттуда его продали в Турцию на галеры («на каторгу») на Средиземное («Белое») море. Здесь он провел 20 лет: «...бедной свой живот мучил... всякую нужду и бедность терпел». В 1677/78 г. во время одного из походов его перевели с галер «в работники» под Чигирин, где он смог бежать из плена в «государевы полки». Добравшись до Москвы, Данила «явился» в Посольский приказ. Между 1682 и 1684 гг. за «полонное терпение» он был пожалован в толмачи «турецкого языка и греческого», прослужив до 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 28; 1706 г. Д. 22. Л. 1 об.).

Из «многих посылок» Данилы Леншина пока удалось выявить лишь три эпизода. Летом 1688 г. толмач сопровождал по дороге из Москвы до границы епископа Червенского Хрисанфа (Хризанфа), который приехал в Россию «за милостынею» еще в декабре 1687 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1688/7196 г. Д. 9). Информация о работе сотрудника Посольского приказа в качестве пристава доступна из списка «подорожной» (по указу от 2 июня 1688 г.), согласно которой Леншин получил на проезд от Москвы до Севска (через Калугу и Болхов) и обратно прогонных денег 1 руб. 38 коп. Одновременно епископ получил в тот же день на проезд до Севска и далее до малороссийских городов на 8 подвод — 5 руб. 52 коп. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 21. Л. 4–5).

1 ноября — 16 декабря 1692 г. Леншин ездил к донским казакам для передачи им государевой грамоты. По возвращении он рассказал о нападении 26 октября на Черкасский городок отрядов азовцев во главе с Кубеком-агой, которые были успешно разгромлены казаками с захватом большого числа пленных (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 107–109).

В 1695 г. толмач сопровождал посланного в Вологду «за раскол церковной для исправления в вере» донского казака Афоньку Леншина, который далее должен был отправиться «под начал» в «Кирилов монастырь». Там Афоньку предполагалось содержать в земляной тюрьме до указа. 15 августа 1695 г. Данила Леншин с колодником прибыли в Вологду, откуда в обитель была отправлена грамота вологодского архиепископа Гаврилы. 19 августа сопровождающий доставил скованного однофамильца в Кирилло-Белозерский монастырь, где бывшего казака в «тех же кондолах, в которых он с Москвы послан» посадили в земляную тюрьму (Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 31. С. 22–23).

К 1706 г. Данила, по собственной оценке, служил в толмачах 24 года «и болши», активно выполняя все работы: «...и во многих посылках был, и в приказе дневал и ночевал» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 22. Л. 1 об.). В феврале–марте 1706 г. он отправлен в отставку в числе 8 толмачей по решению («розбору») главы Посольского приказа боярина Ф.А.Головина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13). В апреле Леншин в связи увольнением («а ныне имянишко мое явилось в отставных толмачах») подал челобитную с просьбой определить его в больницу какого-нибудь монастыря на содержание за прежние службы и «полонное терпение». В прошении он апеллировал к своему возрасту, состоянию здоровья и отсутствию средств к существованию: «...а я... человекно старой и увешной и левою ногою охrameл, а прокормитьца мне стало нечем, помираю голодною смертию». Просьба толмача была исполнена: по указу царя ему разрешалось принять постриг в одном из московских монастырей («где пристойно») в ведении Монастырского приказа. Дополнительно было выделено 3 руб. на приобретение «чернечского платья» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 22. Л. 1 об.–2).

Леншин был неграмотным. В документах за него подписывались другие лица: в 1683 г. в «ево места росписался» переводчик Кутломамет Устокасимов, в 1688 г. — площадной подьячий Посольского приказа Алешка Андреянов, а в 1706 г. к челобитной за толмача «по ево велению руку приложил» Михайло Власов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 28 об.; 1688 г. Д. 21. Л. 4 об.; 1706 г. Д. 22. Л. 1). Аналогичные «рукоприкладства» встречаются еще в нескольких документах на получение денег.

За время работы в Посольском приказе размер жалования толмача был фактически неизменным: 9 руб. (с 1689 г. — 10 руб.) годового оклада и 5 коп. (на год — 18 руб. 25 коп.) поденного корма. С 1701 г. выплачивался единый оклад в 28 руб. 25 коп. на год (РГАДА. Ф. 138.

Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 29 об.–30). Лишь в последние годы работы, согласно указу от 30 декабря 1704 г. в связи с экономией средств на ведение Северной («Свейской») войны, для подавляющей части служащих Посольского приказа выплаты были уменьшены вдвое (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 25. Л. 1, 6, 6 об.).

А.О. Денисов

Готы на средневековых картах

На целом ряде средневековых карт упомянуты племена готов, *gothi*, а также названная по их наименованию область *Gothia*. Они занимают положение между Черным морем, Дунаем и Океаном на севере. Средневековая карта отображала все эпохи истории на своем едином пространстве, подобно тому, как несколько моментов времени соседствовали на одном средневековом изображении. Судя по расположению готов, они запечатлены примерно на момент II–III вв., когда в ходе Великого переселения народов они двигались от Балтийского к Черному морю.

Отсутствие готов на Певтингеровой карте (*Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 287–378; *Tabvla-Pevtingeriana.de*), копия которой была изготовлена в Средние века, может свидетельствовать о том, что её предполагаемый античный оригинал был изготовлен до поселения этого племени в качестве федератов на землях Римской империи и Готской войны 377–382 гг.

Готы и Готия почти не упоминаются на схематичных Т-О картах, исключение составляет разве что карта из Страсбурга IX в. (*Strasbourg, Bibliothèque de l'Université, C. IV.15, fol. 20*). *Gotia* отмечена на карте из Альби второй половины VIII в. (*Albi, Bibliothèque municipale, 29, fol. 57v*), на Псевдоисидоровой карте из Ватикана, созданной, вероятно, между 762 и 777 гг. (*Vatican City, Biblioteca Apostolica Vaticana, Vat. Lat. 6018, fols 63v–64*), на карте Европы Гиральда Камбрийского конца XII — начала XIII в. (*Dublin, National Library of Ireland, 700, fol. 48*). На списковой Псалтырной карте 1262–1265 гг. (*London, the British Library, Add MS 28681, f. 9v*) после Дакии и Саксонии следует *Gocia*. С таким же написанием эта область упомянута на севере Европы на Рипольской карте 1055/ 1056 г. (*Vatican City, Biblioteca Apostolica Vaticana, Reg. Lat. 123, fols 143v–144*).

На группе карт из «Комментария на Апокалипсис» Беата Лиебанского со спрямленным Дунаем X — начала XII в. (*Chekin L.S.*

Northern Eurasia in Medieval Cartography. Inventory, Texts, Translation, and Commentary. Turnhout. 2006. P. 171–174). «Готия, откуда готы» (*Gotia unde goti*) показана вместе с Рифейскими горами на треугольном участке земли в северо-восточной Европе между Танаисом, Океаном и Дунаем (который изображен как пролив между первыми двумя). Рифейские горы традиционно располагались на крайнем севере ойкумены, и связь с ними готов, вероятно, должна была подчеркнуть, что это северный народ. На группе карт Беата с рекой Эвсис конца X — начала XIII в., а также на карте из Сен-Севера, созданной между 1028 и 1072 гг. (*Chekin L.S. Northern Eurasia*. P. 174–175, 177–178), на северо-востоке Европы обозначена Дакия в связке с готами — «*Dacia (Tacia, Tarcia* — возможно, смешение названий Дакия и Фракия) *ubi et goti (gotti, gothi,* на карте из Сен-Севера *ubi et gothi* почти не читаемо)», также между Танаисом, Океаном и Дунаем. Между Дунаем и Океаном «*Daria ubi et gothia*» обозначены на Англо-Саксонской карте второй четверти XI в. (London, the British Library, Cotton Tiberius B.v, f. 56v), «*Gothia et Dacia*» — на карте из исторической компиляции Гвидо Пизанского середины или второй половины XII в. (Bruxelles, Bibliothèque Royale, 3897–3918, fol. 53v). В связке Дакия и Готия упоминаются Орозием в «Истории против язычников» (1.2.53): «*Dacia ubi et Gothia*». Исидор в «Этимологиях» (14.4.3) называет Аланию, Дакию и Готию частями Нижней Скифии, первой с востока области Европы — первая часто соседствует на картах с последующими двумя (*Chekin L.S. Lower Scythia in Western European Geographical Tradition at the Time of the Crusades // Harvard Ukrainian Studies*. 1991. Vol. 15. P. 289–339). При этом в отношении Дакии и Готии Исидор употребляет ту же формулировку, что и Орозий. Также вместе эти области упоминают Гонорий Августодунский в «Образе мира» (1.22) и Гервасий Тильберийский в «Императорских досугах» (2.7).

На картах Т-О из «Цветистой книги» Ламберта из Сент-Омера со списками народов готы указаны первыми среди народов Европы. На двух из четырех карт из «Цветистой книги» с царствами мира обычно связанные Готия и Дакия отделяются Скандзией, (*Scanzia*), которая обычно представлялась как остров (Скандинавский полуостров). При этом Скандза считалась прародиной готов (Иордан «Гетика» 25–26). Для карт этой группы свойственно более северное, чем обычно, расположение ряда наименований в Европе в целом. Однако в сочетании со Скандзой эти названия могли начать восприниматься уже иначе: Дакия как Дания, а Готия, возможно даже, как как Готланд или Гёталанд (собственно *Gautland* обозначен на Эбсторфской карте). На карте Европы Ламберта из Сент-Омера готы, как обычно, обозначенные

вблизи Океана на севере, отделены от Дакии словом *Septentrion*, север. Это лишь подчеркивает, что они воспринимались как северный народ. Под Дакией же в данном случае понимается Дания, так как обозначение находится у подножия полуострова с наименованиями *Scanzia* и *Norvuega*. На списковой Псалтырной карте Дакия и Готия разделены Саксонией. Таким образом, на ряде карт связь между ними нарушается.

На первой карте из Турнэ XII в. готы отождествляются с гетами, видимо, из-за созвучия наименований: «*gothi qui gete*» (London, the British Library, Add. MS 10049, f. 64r). Такое отождествление восходит к Орозию (1.16.2), который сильно повлиял на средневековые карты, а также к Иордану (40, 58).

На Эбсторфской карте (ок. 1300 г.) готы упоминаются в медальоне, обозначающем ветер Септентрион: «*Quos algore ferit Gotos septentrio querit*». Этот медальон располагается прямо напротив Каспийского моря, поэтому появилось предположение, что в стихотворной строке могли иметься в виду не готы, а Гог и Магог, обозначаемые на картах как раз у Каспийского моря. Однако положение Аквилона и Септентриона на карте перепутано, так как последний должен находиться строго на севере, а первый к востоку от него. В свою очередь, с восточной Готией на Эбсторфской карте не просто связана, как на других картах, а отождествляется Дакия: «*Dacia regio que et Gotia orientalis*». И эти наименования обозначены не у Каспийского моря, а на побережье Океана к северу от Дуная, расположение которого на карте также весьма необычно. При этом западная Готия отсутствует. Область Готия, как известно, находилась в Крыму, и, хотя на карте и не обозначен собственно этот полуостров, рядом с надписью о Дакии — восточной Готии — отмечена Феодосия, город, также расположенный в Крыму. Недалеко друг от друга Готия и Феодосия отображены и на карте Европы Гиральда Камбийского, и на первой карте из Турнэ — готы и Феодосия соответственно.

Т.Н. Джаксон
д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН

Где жили великаны? Исландские саги об обитателях Крайнего Севера

Как отмечал десятилетия назад австрийский саговед и специалист по исторической географии Рудольф Зимек, за которым это повторили многие ученые, в описаниях стран на окраине северного полушария в большинстве саг о древних временах «действительные

географические факты, с которыми сталкивались путешественники, странным образом смешиваются с более мифически-литературной географией» (Simek 1986; ср.: Ваггаслаугх 2020). Из представителей мифической географии в данном докладе выбраны великаны, и речь пойдет о двух Странах Великанов, *Рисаланде* и *Ётунхеймах*, и о том, какое место они занимают на текстуальной карте Севера в сагах о древних временах и в рыцарских сагах (XIII–XV вв.).

Великаны упоминаются в северных энциклопедических перечнях диковинных народов. Из небольшого сочинения такого рода, основанного на ученой латиноязычной литературе, следует, что «великаны были как до Ноева потопа, так и после», что этот народ всех сильнее и что «некоторые из них хорошо взаимодействуют с людьми, а некоторые опасны для человека» (Нб 1892–96: 165; АÍ 1908. I: 34). В ряде саговых текстов проводится различие между *Рисаландом* (*Risaland* от *risi*, т «великан») и *Ётунхеймами* (*Jötunheimar*, мн.ч. от *jötunn*, т «великан»). Противопоставлены эти две страны в «Саге о Самсоне Прекрасном» и в «Пряди о Торстейне Силе Хуторов». По мнению Е.А. Гуревич, различие между двумя Странами Великанов «отражает представление о разных племенах великанов» (Гуревич 2016: 756–757, прим. 29). Действительно, в «Саге о Барде Асе Снежной Горы» сказано, что великаны, называемые *risar*, красивы собой, выше ростом, чем «другие люди», и покладисты нравом (Bárð 1953: кар. 1; ср.: Ármann Jakobsson 2005: 1), а в «Саге об Одде-Стреле» об обитателях *Рисаланда* говорится, что «народ этот так устроен, что он гораздо выше ростом и сильнее, чем любой другой вид; они также красивее большинства других людей, но не разумнее» (Qrv 1888: 122).

В изложении саги об Одде-Стреле, выходе с острова Рамста на севере Трёнделага в Норвегии, к северным территориям относятся *Финнмёрк* и хорошо известный сагам *Бьярмаланд*, лежащий в Беломорье, а также области обитания великанов-ётунов и троллей, Страна Великанов *Рисаланд*, рядом с которой расположены ни в одном более источнике не встречающиеся Волчьи Острова *Варгейяр*; кроме того, в саге повествуется о плавании Одда к незаселенным областям *Хеллуланда*, который известен как одна из трех земель, открытых исландцами в Северной Америке, а здесь выступает в качестве места обитания Эгмунда, характеризуемого сагой как «самого великого тролля и злого духа, родившегося в северной части света». В этой совокупной картине более точная локализация обитания великанов не прослеживается.

«Сага о Хервёре и конунге Хейдрекке» уточняет, где живут великаны-ётуны, и тоже связывает *Ётунхеймы* с Финнмарком — хорошо

знакомыми северным норвежцам местами обитания саамов, прозываемых в сагах *finnar*. Со ссылкой на устную информацию (в старшей редакции) или на «древние книги» (в младшей) сообщается, что *Ётунхеймами* звалась «земля на севере Финнмёрка» или «земля на севере по всему Гандвику» (Heiðr 1924: 1 [H], 89 [U]). Хотя *Гандвик* нередко отождествляют с Белым морем, источники демонстрируют, что в пространственных представлениях конца XII — начала XIII в. *Гандвик* — это залив внешнего океана, омывающий на севере Норвегию и Финнмарк. Значит, великаны-*ётуны* этой саги располагаются на севере в непосредственной близости от норвежцев и саамов.

«Сага о Самсоне Прекрасном» предлагает еще более любопытную текстуальную карту. За «отправную точку» здесь берется не Норвегия с Финнмарком, а *Аустрвег* («Восточный путь»). Этот весьма частотный хороним претерпел, насколько можно судить по древнескандинавским источникам, существенные изменения. Возникнув как обозначение маршрутов, ведущих из Скандинавии в восточном направлении, он к XIII в. превратился в обозначение земель по берегам Балтийского моря (Джаксон 1995). В данной саге говорится, что «Рисаланд лежит к востоку и северу от Аустрвега и оттуда на северо-восток. Там лежит та земля, которая зовется Ётунхеймар, и живут тролли и злые духи. А оттуда навстречу незаселенным землям Гренланда идет та земля, которая зовется Свальбарди. Ее населяют различные народы» (Sams 1953: 31–32). Итак, между вполне реальным «Восточным путем» и столь же реальными незаселенными пространствами Гренландии (*Grænlanz óbyggðir*), начинающимися от *Свальбарди*, лежат мифические *Рисаланд*, *Глэсисвеллир* и *Ётунхеймар*, где жили великаны. *Свальбарди* является отнюдь не обозначением Шпицбергена или острова Ян-Майен (что нередко предлагается в литературе), а названием части восточного берега Гренландии в районе залива Скорсби (Джаксон 2022), откуда действительно до скандинавских колоний на юго-западной оконечности Гренландии тянутся незаселенные земли. Однако стоит подчеркнуть, что топоним не был широко распространен, употреблялся в источниках нечасто, да и служил обозначением таких труднодоступных земель, что оказался в легендарном контексте саги местом обитания других диковинных народов.

В этом последнем описании отразилось весьма любопытное древнескандинавское представление о пространстве, согласно которому европейский северо-восток был соединен с североамериканскими землями словно бы мостом суши, который протянулся из района Белого моря вплоть до Африки. В первую очередь сюда входила Гренландия со своими заселенными и незаселенными территориями,

Хеллуланд (тоже заселенный и незаселенный), *Маркланд* и *Винланд* на атлантическом побережье Северной Америки, но также целый ряд земель, выступавших обиталищем диковинных существ и мифических персонажей, в частности великанов. Как видим, возрастание объема географических знаний не приводило к исчезновению с ментальной карты враждебных сил и мифических персонажей: они лишь смещались еще дальше в северном направлении по мере того, как новооткрытые земли обретали на ней свое место.

А.Р. Джюева
к.и.н., н.с. Отдела рукописей БАН

Филигрань «Двуглавый орел» на материалах рукописных карт БАН первой четверти XVIII века

В Собрании Петра I в БАН есть группа карт, которые имеют идентичный водяной знак «Двуглавый орел» без корон и регалий, схожий по абрису с образцом из Каталога филиграней ГИМ № 1016 из источника, датированного 1698 г. (Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ: Каталог / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. М., 1988. С. 30, 197).

На сегодняшний день в Собрании выявлено 9 листов с этим знаком, из них 5 имеют подпись голландского морехода Питера Бергмана, служившего в России при царе Петре Алексеевиче. Карты Бергмана, в основном, изображают Азовское море и детализацию его берегов (БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 23–26). Он же составил План Таганрога с гаванью (Там же. Осн. оп. 27) и План рек Дона и Воронежа при их слиянии (Там же. Осн. оп. 174). Большая часть этих карт и планов, многоцветных и без краски, великолепно оформлена, украшена условной растительностью берегов, строениями и кораблями, картушами с гирляндами цветов и фруктов и многофигурными аллегорическими композициями (Там же. Осн. оп. 23–29, 86, 174, 190). Некоторые из чертежей не имеют помпезного декора, но рука Бергмана-художника, а как известно, ему принадлежит потрясающе точный и подробный рисунок торжественного спуска на воду корабля «Гото Предестинация» в Воронеже (*Иванов А.В. Уникальный рисунок первого русского линейного корабля «Гото Предестинация» // Меншиковские чтения. 2010. № 1. С. 55–75*), остается узнаваемой даже в условных изображениях рельефа местности. Также несложно отличить его почерк в обозначениях скорописью на голландском, в надписях крупным шрифтом и в русских текстах печатными буквами с характерными гротескными транслитерациями

с германского «акцента»: «Здиелоит Пиотер Бергман» (БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 174). Схожи также карты и планы Бергмана набором красок, чернил и туши, а различаются сюжетом, качеством бумаги и водяными знаками бумаги.

С учетом особенностей подписанных Бергманом работ, ему атрибутирована еще одна карта без подписи на двух листах все с тем же водяным знаком: карта Каспийского моря (Там же. Осн. оп. 86) времени открытия его настоящих очертаний экспедициями князя Александра Бековича-Черкасского, то есть примерно 1714–1716 гг. (см.: Подносные экземпляры из библиотеки Петра I: отражение культурной парадигмы Петровской эпохи. Исследование, каталог / Авт.-сост. И.А. Вознесенская, М.Ю. Гордеева и др. Санкт-Петербург, 2022. С. 98–99).

Итак, из указанных 10 карт Бергмана на 11 листах (карта Каспия занимает 2 л.) 7 имеют идентичную филигрань, закрепленную на трех понтюзо, среднее из которых проходит посередине искусно спаянной фигурки орла между двумя головами и вдоль среднего пера длинного хвоста. Другие два понтюзо по сторонам проходят, симметрично пересекая плечи и расставленные лапы орла (БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 25–28, 190, 86). При сличении отпечатков, невольно восхищает великолепная форма филигрании, благородные пропорции и передача характера образа. Посадка голов на высоких шеях, имеющих в сочленении две симметричные складки, аккуратный изгиб слегка раскрытого хищного клюва и как бы суровый взгляд под обозначенным выступом надбровных дуг, хохолок на затылке, острые завитки перьев с изгибом расправленных веером крыльев, мощная грудь с волнами оперения, изящная высокая цевка, когтистая лапка и элегантно распушенный хвост, — все выдает незаурядное мастерство ювелира. Расстояние между понтюзо 29 мм, вержеров в 1 см насчитывается 9 линий.

Карты с водяным знаком орла раннего «азовского периода» работы Бергмана датируются в основном 1702 г., и карта Каспийского моря 1714–1716 гг. указывает на большой срок залежности этой бумаги, которая, правда, находилась с 1702 г. в использовании у одного лица.

В Собрании были обнаружены еще 2 карты с этим же водяным знаком: Карта местности по течению реки Сож между Мстиславлем и Кричевым с показом расположения войск (БАН. Рукоп.отд. Осн. оп. 680), которую М.Н. Мурзанова датировала 1708 г. (*Боброва Е.И., Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф.* Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела библиотеки Академии наук. Карты планы, чертежи и гравюры собрания Петра I / Отв. ред. А.И. Андреев. М.; Л.,

1961. С. 174, № 355) и «Чертеж части Аланта и острова Зундскер...», который «измерял и начертил артиллерии поруччик Иван Унковский 1719 году» (БАН. Рукоп. отд. Осн. оп. 6).

Первая из них не подписана, но похожа на работу Бергмана и уверенной изобразительной манерой, и ошибками в обозначениях: например, на карте вместо рек Белой и Черной Натопы, впадающих в Сож, указаны знакомым почерком «Белая Напа» и «Черная Напа».

Карта Аландских островов была составлена в шведских фьордах Иваном Унковским, конечно, не в одиночку, так что бумага могла принадлежать кому-то из морских офицеров его команды. Собственно-ручной подписи Унковского на карте нет, сделана она с прекрасной тщательностью, а кораблики, роза ветров и диакритические знаки над русскими буквами вновь наводят на мысль о причастности к изготовлению карты известного нам голландца. Но, оставив догадки, отметим, что карта имеет дату 1719 г. и, таким образом, срок залежности исследуемой бумаги увеличивается до 18 лет. Это в свою очередь дает основания, на наш взгляд, говорить об уникальном пути бытования одной и той же долго сохранявшейся стопки бумаги.

Подводя итог, отметим, что все указанные листы обрезаны, и замеры свидетельствуют о том, что отливочная форма была не менее $52,5 \times 74$ см (см.: Там же. Осн. оп. 27). Отливкой листов такого большого картографического формата занимались, как известно, преимущественно голландцы.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемая в данной публикации бумага, точнее, стопка бумаги, скорее всего, голландского происхождения, с идентичной филигранью «Двуглавый орел», использовалась в течение минимум 18 лет с 1702 по 1719 гг. и, похоже, принадлежала одному лицу или передавалась от одного владельца другому, постепенно тая.

*А.А. Евдокимова
к. филол.н., с.н.с, ИЯ РАН*

Особенности палеографии граффити из Каппадокии. Предварительные замечания

Спасибо Б.Л. Фонкичу, который когда-то посмотрел черновики моей статьи «Палеография греческих граффити Софии Константинопольской, Софии Киевской и Софии Новгородской: сравнительный анализ.» (Аристей VII. Москва: 2013. С. 132–180), одобрил представленную там методику описания и палеографического анализа и рекомендовал мне сделать серию таких статей по другим регионам.

Выполняя его рекомендацию, предлагаю вашему вниманию тезисы, которые являются продолжением того материала, однако, представлены лишь с описаниями, соотносящимися с предложенной в указанной статье классификацией начертаний букв.

Для сравнения с опубликованным ранее материалом была сделана небольшая выборка граффити из разных памятников Каппадокии, а также отдельно для сопоставления собрана коллекция букв из надписей, найденных в Актепе в окрестностях Ортахисара.

1) Группа α , δ , λ .

В этом памятнике представлена α двух видов: маюскульная округлой формы сверху, близкий к типу IXc из Константинополя, и разные вариации типов II–III с вертикальной гастой и петлей, присоединенной к ней. Гаста чаще короткая, может быть прямая или с небольшим наклоном влево, петля большая. Два типа маюскульной δ : треугольная (I) и на ножках с апиксом на верхней гасте (V). λ представлены 4 типами, одна минускульная (I), у первой маюскульной левая гаста почти в два раза короче правой (IIIa). Две другие имеют слегка округлое начертание соединения гаст, у одна из них внизу апиксы у обеих гаст (V).

Если посмотреть на более широкую выборку граффити и дипинти из других храмов Каппадокии, то можно выделить следующие тенденции: α , (I) минускульная буква с высоко загнутым вверх хвостом представлен в разных вариациях, с наклоном влево или вправо, с разной длиной хвоста. II тип — примерно посередине вертикальной гасты, наклоненной под углом 45 градусов, вытянутая петля, маюскульная. Дельта треугольная (I), горизонтальная гаста в ряде примеров выходит влево или вправо за границы треугольника (VI), как в Константинополе. Некоторые из них имеют небольшой наклон вправо или влево (VIa). Одна из треугольных δ имеет апиксы на конце горизонтальной гасты (V). Лямбда классическая греческая по начертаниям (I), левая вертикальная гаста округлой формы. А также II тип — обе вертикальные гасты прямые, левая из них короткая и противоположная ей, VI типа с правой короткой гастой в двух вариациях.

2) Буквы с полукружиями β , ρ , ϕ .

Три варианта беты с полукружиями немного треугольной заостренной формы, IV типа, и один с разомкнутым нижним полукружием. Фи имеет небольших два полукружия ровно посередине вертикальной гасты. Ро аккуратные, с небольшим полукружием, II и III типа (с небольшим наклоном влево). Такие типы могут встречаться, как в маюскульных, так и в минускульных текстах. Ф маюскульная, с полукружиями посередине вертикальной гасты (IIIa).

В общей группе по Каппадокии представлена бета IV типа, оба полукружия несколько треугольной формы, которая встречается также в Константинополе, Киеве и Новгороде. Три ро принадлежат к разным типам, минускульный I типа, как в Константинополе и Киеве, II и III типа, которые могут встречаться, как в маюскульных, так и в минускульных текстах. Ф минускульного типа с петлей, в Киеве и Константинополе не представлен.

3) Группа — ε, σ

Эпсилон лунарная, разных вариаций начертания (II_d, III), а также узкие с наклоном вправо (V), узкие с небольшим наклоном влево (III_c), с двойной обводкой контура (в Киеве и Константинополе не встречается), с апиксом на горизонтальной гасте в середине (IV), несколько вариантов нелунарного эпсилона с более длинными двумя верхними гастами (IX) или из двух полукружий (VIII_b).

В общей выборке эпсилон широко представлен типом с длинной горизонтальной гастой, выходящей за пределы полукружия (II_d), с наклоном влево (III_a), узкие с наклоном вправо (V), две сигмы минускульные (I_b и I_e), лунарные тоже двух вариантов узкие (II_b) и с небольшим наклоном (II_c).

4) Буквы с вертикальными гастами в основе (γ, η, ν, π, τ).

Ню (III–IV типов) и эты только маюскульные, широкие (III) и узкие (V), как и гамма с небольшим наклоном и без апиксов (V). Пи также маюскульная по начертаниям, одна из букв узкая (II), другая довольно широкая (II_b), третья является частью лигатуры с ро. Тау с длинной горизонтальной гастой, с небольшой вертикальной, частый тип для минускульных надписей (I_b).

В выборке из других памятников Каппадокии одна минускульная η (I_c), остальные маюскульные, есть как широкие (III), так и узкие (V). Гаммы двух видов, оба минускульные, один с четкой петлей внизу (I), другой более острый (II), как в Киеве.

5) Буквы с кругом или овалом в основе (ο, θ).

θ узкие с длинными горизонтальными гастами (I), а ο двух типов, небольшой круглый (I тип) и с небольшим наклоном узкий (II). В общей выборке кроме указанных типов встречаются встречаются для ο вариации III и IV типов и III и VI типов для θ.

6) Не вошли в указанные группы (κ, μ, υ, χ, ω).

Несколько κ, у которых усы отстают от вертикальной гасты (V и VII типов). Часть начертаний наклонены вправо. Длина усов варьируется, те, у которых усы почти равны друг другу и заканчиваются там же, где границы вертикальной гасты (V, VI типы) и неравны (VIII). Такие начертания имеют небольшой наклон вправо (III).

Мю только в выборке из разных памятников Каппадокии: минускульные (I и с наклоном Ib) и маюскульные: классический (III), с наклоном вправо (IIIb) и непредставленные в Киеве и Константинополе с наклоном влево и узкое начертание.

У юпсилона только тип IIb, а в общей выборке также IIa, IIд и III типы.

X представлены только общей выборке 3 типами: широким вариантом (Ib), узким (Ic) и с небольшим наклоном вправо и округлыми концами (V).

Единственная ω минускульного типа (II), а в общей выборке этот же тип в разных вариантах с наклоном (IIa, IIд, IIIb) и классическая III типа.

Таким образом, сравнение показало, что часть типов разных букв представлена также в Киеве и Константинополе и Новгороде, но другие встречаются только в Каппадокии. По этим начертаниям, к сожалению, на данном этапе исследования нельзя датировать памятники или сузить их датировку, в дальнейшем для выполнения этой задачи планируется создать палеографический атлас на базе датированных надписей из разных регионов.

К.А. Елохин
к.и.н., н. с. ИВИ РАН

Восприятие изобразительных девизов итальянскими интеллектуалами в XVI–XVII веках

Как известно, в раннее Новое время в странах Южной Европы, и в Англии наблюдался кризис геральдики (*Pastoureau M. Aux origines de l'emblème: la crise de l'héraldique européenne aux XVe et XVIe siècles // Pastoureau M. L'Hermine et le Sinople. Etudes d'héraldique médiévale. Paris: Le Léopard d'or, 1982. P. 327–334; Cheesman C. Some aspects of the 'Crisis of Heraldry' // The Coat of Arms 3rd ser. 6 (2010). № 220. P. 65*). Она становилась всё более элитарной, отдаляясь от простого народа, которому ранее была полностью доступна. Ценность её в глазах общества падала. Среди интеллектуалов велись дискуссии о новых каналах коммуникаций в обществе, которые могли быть и должны были быть выражены посредством новых знаков, например, героглифико, ровеччио (*Цыганова Л.А., Елохин К.А. Идея Джованни Ферро (1582–1630) о внедрении нового вида знаков ровеччио // VII Международная научная конференция, посвящённая 85-летию Донецкого национального университета. Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы*

современности. Донецк 27–28 октября 2022 г. Донецк: Издательство ДонНУ, 2022. С. 54–56) и других. Однако и старые знаки никуда не пропали.

В Италии в раннее Новое время почётными дополнениями к гербам изобразительными девизами обладала каждая семья, каждый город или корпорация (*Tribolati F. Grammatica araldica ad uso degli italiani*. Milano: Hoepli, 1904. P. 28), а также ими пользовались и люди, не имевшие герба, поэтому они были так важны. В начале XVI в. некоторыми интеллектуалами они стали считаться знаками благородного происхождения (*Ferro G. Teatro d'impresе di Giouanni Ferro all'ill[ustrisi]mo e r[everendissi]mo cardinal Barberino. Parte prima [-Seconda]*. Venetia, 1623. P. 7).

П. Джовио придумал пять правил составления изобразительных девизов, второе из которых гласило, что он «не должен быть слишком тёмным и непонятным, чтобы для его понимания требовалась Сивилла, но и не настолько ясным, чтобы его понимал каждый плебей» (*Govio P. Dialogo dell'impresе militari et amorose di monsignor Giovio Vescouo di Nocera; Con vn Ragionamento di Messer Lodouico Domenichi, nel medesimo soggetto. Con la tavola*. Lione: Appresso Gvglielmo Roviglio, 1559. P. 9). Эту мысль поддерживали другие интеллектуалы в Испании, Италии, Франции и иных регионах. Тем самым концепция изобразительных девизов изменилась. Однако иногда и интеллектуалы не могли этого сделать. Так, Дж.Ч. Капаччио писал, что «изобразительные девизы не настолько наглядны и не настолько естественны, чтобы можно было их понять» (*Capaccio G.C. Delle impresе trattato di Giulio Cesare Capaccio in tre libri diuiso Napoli*, 1592. P. 71).

Отметим, что и эмблемы (особый вид знаков, введённый в обиход А. Альчати, сочетающий изображение, словесный девиз, как правило, на латыни, и расшифровку всей композиции в текстовом виде — то есть, буквально, это изобразительный девиз с эпиграммой (*Miedema H. The Term Emblema in Alciati // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 31. 1968. P. 249), в том числе размещаемые на монетах (без расшифровки), по мысли теоретиков, также должны были быть непонятны профанам (*Avant-propos du translateur sur ceste nouvelle version des Emblemes d'Alciat // Andreae Alciati Emblemata. Les emblems latin-francois du seigneur Andre Alciat excellent Jurisconsulte. La version Françoise non encor veuë cy devant*. A Paris Chez Jean Richer, 1584. Fol. 8r).

Учитывая, что множество монет с изобразительными девизами были отчеканены в меди и биллоне, и рассчитаны на обращение среди простонародья, возникает вопрос — для чего на этих монетах помещали изобразительные девизы, если простолюдины и не должны

были понимать их значение? Практика чеканки монет с изобразительными девизами для простонародья, существовавшая с позднего Средневековья, говорит о том, что действительность отличалась от того, что предлагали и обсуждали интеллектуалы на протяжении большей части Нового времени.

Изображения и легенды на монетах появлялись в соответствии с политической целесообразностью, являясь частью пропаганды. Религиозно-политическая имперская и испанская пропаганда первой половины XVI в. во второй половине этого же века работала как внутри Испании, так и во вне её, и принесла свои плоды, что выражалось в изображении тех или иных легко узнаваемых изобразительных девизов (Геркулесовых колонн Карла V), имевших совокупную смысловую наполненность актуальным на тот момент религиозно-политическим содержанием.

Используя изобразительные девизы в Неаполитанском королевстве лишь на медных монетах, Карл V, вероятно, стремился сообщить самым широким слоям населения, в первую очередь неграмотным и бедным, то, что он — правитель-победитель (монета с изображением груды трофейного оружия), и одновременно объединитель (изобразительный девиз «Plus Ultra»), при этом — верный католик (иерусалимский крест) и борец за веру с турками (под властью которых находился Иерусалим). Серебряной монетой небольшого веса (1,47 г.) достоинством в половину карлино (*mezzo carlino*) и бургундским девизом Карл V, предположительно, мог сообщать свою принадлежность и поддержку дому Габсбургов, возглавлявшему Священную Римскую империю, также воевавшую с турками, как и Испания под властью Карла I и его потомков.

Интеллектуалы слагали вокруг изобразительных девизов Карла V (и других) мифы и легенды, и даже сами верили в них, и отчаянно спорили между собой об истинном происхождении изобразительных девизов, как, например, Ж. Рушелли и Э. Тезауро (*Tezavro E. Il cannocchiale aristotelico o sia idea delle argutezze heroiche vulgarmente chiamate Imprese*. Torino: Per Gio. Sinibaldo, Stampator Regio, e Camerale, 1654. P. 139).

Таким образом, политическая необходимость превалировала над интеллектуальными размышлениями об изобразительных девизах. Итальянские интеллектуалы оказывали большее воздействие на общество, изобретая и рассуждая об эмблемах, но не о настоящих изобразительных девизах. Именно эмблемы стали важнейшим коммуникационным каналом, а изобразительные девизы вместе с гербами, как знаки, подчёркивающие благородство по мнению некоторых интеллектуалов, потихоньку стали уходить в прошлое.

Герб Череповца: происхождение и символика

Герб города Череповца утверждён в 2002 г.: *Герб представляет собой прямоугольный с закругленными нижними углами, заостренный в оконечности геральдический щит. В верхнем серебряном поле изображен — стул, обитый малиновым бархатом, на котором расположены крестообразно державный жезл и длинный крест. Над стулом тройной подсвечник с горящими свечами. По сторонам стула два черных медведя, стоящих на задних лапах. Внизу видны рыбы, плавающие в воде. В нижнем правом красном поле расположена каменная гора. В нижнем левом голубом поле изображены солнечные лучи и руль. Весь щит окаймлен черной полосой* (Постановление Череповецкой городской Думы от 28 октября 2002 г. № 128).

Этим же положением установлено официальное толкование основных элементов герба города. Стул и жезл — символы власти, крест — веры, свеча — света, ясности и истины. Рыбы — знак рыболовства, Гора — символ возвышенного места, Солнце — источник жизни, Руль — символ Мариинской системы. Медведи символизируют тотем древнейшего этнического состава местного населения. Свои значения имеют и цвета: золотой — верховенство, богатство, величие; красный — силу, мужество, храбрость; серебряный — чистоту, мудрость, радость; голубой — скромность, покой; черный — постоянство, самодостаточность.

Очевидно, что это толкование не соответствует происхождению герба. Свеча явно не является символом истины, а является частью новгородского герба, который означает принадлежность Череповца к Новгородской губернии. То же и со значением цветов, вода в гербе синяя не потому, что она «скромная», а потому что воду принято изображать синим.

Это официальная символика. Есть ещё неофициальная. Солнце связывают с преданием об иноках Афанасии и Феодосии, основавших Череповецкий Воскресенский монастырь (Телецикл Гербы России: Герб Череповца. ООО ВТВ-сервис 2003. Сценарий и реж. И. Галкина). Сама легенда об основании монастыря существует, но там не упоминался герб.

Чтобы узнать о символике герба обратимся к историческим документам. 29 марта 1811 г. Сенат слушал рапорт Новгородского, Тверского и Ярославского губернатора принца Георгия

Голштейн-Ольденбургского с приложенным утверждённым на три дня раньше рисунком герба городу Череповцу:

В верхней серебряной половине находится Новгородский Губернского города герб, то есть: стул, обитый малиновым бархатом, на коем означены крестообразно державный жезл и длинный крест, над стулом тройный подсвечник с горящими свечами, по сторонам стула два черные медведя, стоящие на задних лапах, а в низу видны рыбы, плавающие в воде; в нижней половине: в правом красном поле видна каменная гора, а в левом голубом поле изображены солнечные лучи и руль (ПСЗРИ-1. Т. XXXI. № 23572).

В верхнем поле — герб Новгорода в знак принадлежности к губернии. Про остальную символику не сказано.

Загадку руля и солнца разгадал О.Н. Наумов. Он предположил, что в герб Череповца вошли две части герба Боровичей, то есть руль и солнце. Поводом, по его мнению, послужило открытие Мариинского канала. Основываясь на описании, он предполагает, что источником второй части стала часть герба Валдая, где также изображена гора. Автор считает такое заимствование нетрадиционным для российской геральдики, произошедшим потому, что герб составлялся в обход Герольдмейстерской канторы (*Наумов О.Н. Очерки по русской геральдике: Избранные труды. М. 2014. С. 348–354*).

Мы напротив, считаем, что случаи заимствования одними городами гербов других городов достаточно типичны для российской геральдики и на этом основании позволим себе не согласиться с тем, что источником второй части стал герб Валдая.

Когда Повенецкий уезд был создан из земель Паданского уезда, герб Паданска несколько лет исполнял роль герба Повенца. Земли Балаганского вошли в состав Нижнеудинского уезда. Поэтому герб Нижнеудинска создан на основе герба Балаганска (*Емелин И.Б. Под чужим гербом //Золотые соты: Сборник статей в честь Евгения Владимировича Пчелова. М., 2022. С. 108–115*).

Череповецкий уезд был создан из земель Устюжно-Железнопольского уезда. Герб Устюжны: *В красном поле накладенные кучею железные крицы, которыми сего города обыватели торгуют и достают оное железо из гнездовой руды, которою все окрестности сего города избыльно наполнены* (ПСЗРИ-1. Т. XXI. № 15209). Описание другое, но картинка идентичная. Получается, что герб Череповца собран из гербов Новгорода, Устюжны и Боровичей.

Если с Устюжной понятно, то с Боровичским уездом такого пересечения не было. Почему же там герб Боровичей? Ответ даёт архив его Величества императорской канцелярии, где сохранился

документ — донесение Новгородского, Тверского и Ярославского губернатора Принца Георгия Голштейн-Ольденбургского:

14 декабря 1810 года Новгородской губернии город Череповец, с самого начала существования своего доселе, не имеет никакого герба. Новгородский гражданский губернатор (речь о князе Васильчикове Алексее Васильевиче) представил мне в двух рисунках, одном простом, а другом иллюминированном красками, проект герба, по мнению его, сему городу наиболее соответствующего, основывая идею того герба на общем гербе Новгородской губернии и гербах городов и уездов Устюжского и Боровичского; поелику местные преимущества Череповца и его уезда состоят в изобилии железною рудой, наравне с городом Устюжною и в прикосновенности к реке Шексне, по которой возрастающее судоходство подаёт сему городу надежды, если не превосходнейшие, то по крайней мере на равные с городом Боровичами выгоды. Приемля в уважение, что недостаток у города Череповца герба не соответствует общему порядку, и тамошние присутственные места, не имея казённых печатей, употребляют партикулярные, я долгом поставлю представить о сём Вашему Императорскому Величеству и осмеливаясь испрашивать Высочайшего Вашего Величества соизволения на дарование уездному городу Череповцу герба (Сборник исторических материалов, извлечённых из архива собственной его императорского величества канцелярии. Т. 11 СПб. 1902. С. 430–431).

Таким герб Череповца действительно собран из гербов Устюжны и Боровичей. Современное же официальное толкование герба не имеет никакого отношения к действительному.

*И.Е. Ермолова
к.и.н., доц. ИАИ РГГУ*

О Рифейских горах в поздней античности

В экскурсе о Северном Причерноморье в «Деяниях» Аммиана Марцеллина есть упоминание о Рифейских горах: «В самом начале этого материка, там, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи (Ergo in ipso huius compagis exordio, ubi Riphæi deficiunt montes, habitant Aremphaei)» (*Амм. Марс.* XXII.8.38. Пер. Ю.А. Кулаковского). Известию о Рифеях в сочинении Аммиана Марцеллина непосредственно предшествует рассказ о Таврическом полуострове и прилежащих к нему местностях. Выражение «в начале материка» указывает направление на север от Скифии. Таким образом,

автор *Res gestae* присоединяется к многочисленным античным писателям, локализовавшим Рифейские горы на северо-востоке Европы.

Традиция о Рипеях (в древнегреческих источниках так, а в латинских — *Riphaei*) уходит в глубокую древность. Древнейшее упоминание о них относится к VII в. до н.э., встречается в стихах Алкмана (*Kiessling F.L. Rhipaia ore // Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike /bearb. und herausgegeben von K. Ziegler und W. Sontheimer. Bd. IV. Stuttgart, 1964. Sp. 1417; Денисов А.О., Подосинов А.В. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. Вып. XIV. С. 57*). В дальнейшем представление о существовании на далеком севере неприступных гор прочно закрепилось в древнегреческой литературе. Только некоторые авторы не верили в то, что они есть. Страбон, например, считал, что Рипейские горы выдумали из-за незнакомства с северными странами (*Strabo VII.3.1*). Современные исследователи также полагают, что «мифологическое представление о Рипеях зарождалось из-за желания объяснить мир и отсутствия точных сведений о северном регионе» (*Денисов А.О., Подосинов А.В. Рипейские горы. С. 156*). Эти горы стали прочным и устойчивым элементом картины мира древних, традиции, передававшейся из века в век (*Подосинов А.В. К вопросу о локализации Рипейских гор // Ладога и религиозное сознание. III чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб., 1997. С. 91; Пьянков И.В. Рифеи — миф и реальность // Уральский следопыт. 1978. № 8. С. 48; Панченко Д.В. Рипейские горы и Арктика: о происхождении одного влиятельного представления // Новый Гермес. 2021. № 13–14. С. 54*). Ряд ученых считают, что первоначально Рипейскими называли северные горные хребты, ближайšie к территории, занятой греками, Родопы, Пангей, Гем, за которыми, как думали поселенцы, находился Северный океан; по мере освоения периферии ойкумены и расширения географического кругозора Рипеи отодвигались все дальше на север, сохранив свое соседство с холодным океаном (*Денисов А.О., Подосинов А.В. Рипейские горы. С. 54–55; Панченко Д.В. Рипейские горы. С. 54*).

Упрочению мифа о Рипейских горах, вероятно, способствовало широко распространенное в античной географии мнение, что все большие реки берут свое начало в горах, так как многие писатели связывали с ними Танаис (*Kiessling F.L. Rhipaia ore. Sp. 1417–1418; Томсон Дж.О. История древней географии. М., 1953. С. 99; Шишова И.А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1980. С. 18; Денисов А.О.,*

Подосинов А.В. Рипейские горы. С. 75–76; Панченко Д.В. Рипейские горы. С. 51).

Опираясь на древнегреческие сочинения, исследователи с какими только горами не отождествляли Рипеи: Кавказом, Карпатами, Алтаем, Тянь-Шанем, Альпами (*Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 60–62; *Пьянков И.В.* Рифеи. С. 47; *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 176–179; *Подосинов А.В.* К вопросу о локализации. С. 91; *Денисов А.О., Подосинов А.В.* Рипейские горы. С. 68), но более всего — с Уральским хребтом (*Пьянков И.В.* Рифеи. С. 48; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Комментарий // Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 249; *Подосинов А.В.* К вопросу о локализации. С. 94; *Скржинская Е.Ч.* Комментарий // *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997. С. 199).

Латинские авторы самостоятельными сведениями о Рифейских горах не обладали, а переписывали рассказы о них у греков (*Пьянков И.В.* Рифеи. С. 44). Тем более это относится к позднеантичным писателям. Но представление об их существовании так широко было распространено и так долго передавалось из поколения в поколение, что память о них сохранялась не только в античности, но и в средневековье.

Аммиан Марцеллин не приводит никаких географических деталей, связанных в предании с Рифеями. Мнение о том, что они тянутся к северу от Скифии, вероятно, восходит к древнеионийской традиции, Гекатею Милетскому или даже Аристею из Проконнеса (*Думмар А.Б.* География в античное время (Очерки развития физико-географических идей). М., 1980. С. 106; *Денисов А.О., Подосинов А.В.* Рипейские горы. С. 69). В более поздних произведениях встречаются подробности, которых нет в «Деяниях». Многие позднеантичные авторы пишут, что Танаис берет свое начало в Рифейских горах (*Oros.* I.2.4; 52; *Sid. Apoll. Carm.* II.243–244; *Proc. Goth.* IV.6.5; *Jord. Get.* 32; *Rav. An.* IV.46); что вместе с этой рекой они являются границей Европы и Азии (*Oros.* I.2.52; *Jord. Get.* 45; *Rav. An.* IV.46; *Proc. Goth.* IV.6.1; 7 — Прокопий передает эту информацию, но не считает ее правильной); что находятся они на далеком севере у холодного океана (*Oros.* I.2.4; *Sid. Apoll. Carm.* II.244; *Rav. An.* IV.1). Идею о соединении всех горных хребтов с востока на запад на общую систему, высказанную Плинием Старшим (*Денисов А.О., Подосинов А.В.* Рипейские горы. С. 78), воспроизводят Иордан (*Jord. Get.* 53) и Равеннский Аноним, но последний считает ее ошибочной: «hoc omnimodo fallunt dicentes» (*Rav. An.* II.20).

Сохранение сведений о Рифейских горах вплоть до Нового времени еще раз свидетельствует о том, что античная традиция является одной из основ европейской культуры.

*К.Ю. Ерусалимский
д.и.н., СЗИУ РАНХиГС*

Итинерарий Ивана Грозного: реляции европейских путешественников о посольских приемах в России

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда,
грант № 21-18-00181*

Записки иностранных дипломатов, торговых и иных агентов и путешественников содержат ценную информацию о местонахождении царя, в которой документальная составляющая, как и в документации Посольского приказа, смешана с намеренной и непредумышленной дезинформацией, не всегда точными датировками и весьма ценными для истории миграций власти личными впечатлениями. В этой работе нас будет интересовать комплекс иностранных свидетельств об аудиенциях у Ивана IV, содержащих данные и личные мнения этих авторов о местонахождении царя, степени его участия в церемониях, его эмоциональном мире и планах на будущее.

Уникальные данные о приемах у царя в Москве содержат записки Томаса Рандольфа. Он прибыл в конце сентября 1568 г., «17 недель» прождал аудиенции. Впервые был принят в конце февраля 1569 г. В его записках говорится, что прием состоялся «во вторник 20 февраля». Это ошибка: 20 февраля в 1569 г. приходилось на воскресенье. Возможно, Рандольф подразумевает сразу две даты — момент приглашения к царю 20 февраля и сам прием 22 февраля (это был действительно вторник). Из других источников известно, что не позднее 23 февраля царь уехал в Александровскую слободу. После этого через 6 недель состоялся новый прием у царя в Москве. И действительно, в воскресенье 20 марта царь вернулся в Москву и в начале апреля мог принять английского агента (Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / ed. by L.E. Berry and R.O. Crummeу. The UWP, 1968. P. 68–70).

Павел Юстен в своих записках описывает приемы в Москве 1, 3, 6, 11 июня 1570 г., на которые так ни разу и не появился царь («великий князь»). Эти данные находят прямые параллели во Второй шведской посольской книге и отражают тревожное восприятие переговоров шведской стороной. Особый интерес представляют рассказы

еп. Павла о будто бы январских (8, 9, 12 января) событиях 1572 г. Изложенное в записках касается приезда послов из Муром в Клин и единственной аудиенции у царя в этом городе. Из ряда источников известно, что царь действительно проезжал Клин на пути из с. Братошино в Великий Новгород, но не в январе, а примерно в те же дни в декабре, что позволяет отнести рассказ к 8, 9 и 12 декабря 1571 г. (*Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572 гг. / пер. с фин. Л.Э. Николаева. СПб., 2000. С. 140–141).

К событиям 1570 г. обращается и анонимный составитель «Краткого достоверного известия» (Франкфурт-на-Майне, 1572 г.). Говоря о возвращении царя в Александровскую слободу в 1570 г., составитель сообщает, что это случилось за неделю до Пасхи. Следовательно, речь идет о приезде царя в Слободу приблизительно 19 марта. Не менее точное сообщение анонима относится к моменту возвращения царя из Слободы в Москву. В Слободу царь оставался «почти до самой Троицы» (*de facto* — до 3 или 4 мая 1570 г.). Другой комплекс информации в той же повести происходит из окружения герцога Магнуса. «Описание» доносит и известие об уходе царя из охваченной чумой Москвы сразу после казней 24 июля на подмосковное «поле», откуда царь, как мы знаем из других источников, вскоре направится в Александровскую слободу (Истинно правдивое описание (Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного) / подг. А. Каппелер, Р.Г. Скрынников // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–144).

Благодаря Энтони Дженкинсону мы знаем, что царь 23 марта 1572 г. находился в Александровской слободе, а 13 и 14 мая — в Старице. Известно, что 21 января Иван IV приехал из Великого Новгорода в подмосковное с. Братошино, где находился, по меньшей мере, до 7 февраля. 4 марта 1572 г. царь находился уже в Александровской слободе и оставался там, вероятно, не ранее чем до 23 марта. Затем в мае царь пишет из Твери послание Юхану III, и, тем самым, нахождение царя 13 и 14 мая в Старице подсказывает, что ряд распоряжений этого времени исходил из Великого княжества Тверского. А уже 8 июня царь вновь в Великом Новгороде, откуда направляет новое письмо шведскому королю (*Толстой Ю.В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 128–145).

Представитель Панов рады Великого княжества Литовского Михаил Гарбурда 23 февраля 1573 г. приехал к царю в Великий Новгород и с 24 февраля по 1 марта вел переговоры о перспективе восхождения «великого князя» на литовский престол, после чего 3 марта выехал в обратный путь. Данные о жизни царя за январь—март 1573 г. не противоречат этим сообщениям. Еще 11 января царь был

на пути из-под Пайды в Великий Новгород, а уже 18 февраля «шведская» посольская книга сообщает о нахождении Ивана IV в Великом Новгороде (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. 1. С. 237–242).

Приезд послов И. Кобенцля и Д. Принца на рубеже 1575–1576 гг. сопровождался переговорами о дате и месте аудиенции. Послы ожидали в Дорогобуже окончания Филиппова поста. Прием и отпуск имперских послов царем в Можайске 22–29 января 1576 г. отразился как в российских посольских книгах, так и в свидетельствах Д. Принца, И. Кобенцля, И. Пернштейна (Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана при московском дворе в 1575 году / пер. М.Д. Бутурлина. М., 1876. С. 8–9).

Не содержит точных дат жалоба на прием в Москве английского посланника Джерома Боуса, застигнувшего последние месяцы и дни жизни Ивана IV. В посольской книге под 17 февраля 1584 г. говорится о вызове Боуса на «отпуск» на 20 февраля. О самой церемонии не говорится, тогда как Боус подробно ее освещает, поясняя, что выпросил ее, будучи едва ли не в заточении. Вслед за посольской книгой описанные им события можно отнести к 20 февраля 1584 г. (РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 1. Л. 230; Толстой Ю.В. Первые сорок лет... С. 233–235, 238–240).

Как мы видим, источники иностранного происхождения содержат весьма ценную и во многих случаях уникальную информацию по изучаемой теме. Несмотря на многочисленные исследования, этот источниковедческий аспект обычно выпадает из оптики, поскольку основным «жанровым» или «видовым» компонентом данных источников по различным причинам считается отнюдь не такие (основные для дипломатического или торгового агента) вопросы, а вырванные из делового контекста высказывания «заезжих иностранцев» о «жизни Московского государства».

А.Е. Жуков
к.и.н., с.н.с. НИОР БАН, доц. СЗИУ РАНХиГС

Второе южнославянское влияние как революция славянской письменности (к постановке проблемы)

Вопрос о революциях в истории славянской письменности поднимался в историографии неоднократно. Впервые к нему обратился В.Н. Щепкин. Исследователь обозначил три основных события, которые существенно изменили природу и облик славянского письма:

переход от глаголицы к кириллице (X–XII вв.), второе южнославянское влияние (рубеж XIV–XV вв.) и введение гражданской азбуки (нач. XVIII в.) (*Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1967. С. 14). Более детально проблема была рассмотрена В. Мошиным. Исследователь выделил семь таких переломов (*Мошин В.А.* Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973. С. 43–44). Как и В.Н. Щепкин, В. Мошин указывает в качестве одного из событий, изменивших облик славянской письменности, второе южнославянское влияние. Однако корректно ли рассматривать данный процесс как самостоятельную революцию в истории славянского письма? В настоящей работе мы попытаемся ответить на данный вопрос. Предметом нашего интереса, прежде всего, станут изменения в области каллиграфии. Прочие аспекты второго южнославянского влияния затрагиваться не будут.

Прежде всего, следует договориться об определениях. Понятие «второе южнославянское влияние» было введено в науку А.И. Соболевским. Исследователь подразумевал под этим термином комплекс изменений в русской письменности и литературе в сторону их сближения с культурой балканских славян (прежде всего, болгар). В частности, в области каллиграфии рассматриваемый процесс проявился в возникновении нового типа письма — полуустава южнославянского типа (*Соболевский А.И.* Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб., 1894. С. 3–4). Представляется, что рассматривать второе южнославянское влияние как самостоятельную революцию в истории славянского письма не корректно. Оно является завершением определенной цепочки изменений, а не ее началом.

На наш взгляд, подлинный переворот в истории каллиграфии связан с появлением нового типа канцелярского письма — скорописи. Древнейшим документом, выполненным в рамках данной каллиграфической системы, является грамота Иоанна Асеня II на торговые привилегии г. Дубровнику (БАН, 4.5.5). Точная датировка данного документа не известна, однако исследователи по ряду признаков относят его создание к периоду после 1230 г. (*Драгић М. Живојиновић.* Хоризма Бугарског цара Јована Асена II Дубровнику // Иницијал. Часопис за средњовековне студије. 1. 2013. С. 234–238). Грамота Иоанна Асеня содержит ряд переходных особенностей, однако обилие закругленных начертаний, свободный взмах пера и регулярное нарушение верхней и нижней границ строки позволяют считать ее каллиграфию скорописной. Возможно, что появление нового типа

письма тесно связано с внедрением нового писчего материала — бумаги, которое началось на Балканском полуострове уже в XIII в. В частности, грамота Иоанна Асеня написана на бомбицине. Закрепившись в делопроизводстве, скоропись стала оказывать влияние на рукописную книжность. С одной стороны, появляется ее особая разновидность, применявшаяся для написания манускриптов (книжная скоропись). С другой, — ее элементы начинают проникать в первоначальное книжное письмо (устав). В начале XIV в. появляется болгарское полууставное письмо различных разновидностей. На Руси эти новшества не были восприняты. Лишь в конце XIV в. отдельные элементы графики южных славян начинают проникать в восточнославянские земли.

Таким образом, переломные события в области славянской каллиграфии начались на Балканском полуострове в XIII в. На наш взгляд, данный процесс был весьма продолжительным. На первом этапе сформировался новый тип письма, предназначенный для решения канцелярских задач — скоропись. На втором элементы скорописи начали проникать в книжное письмо. На третьем этапе нововведения в письме распространились на всем пространстве *Slavia Orthodoxa*. Таким образом, в области каллиграфии второе южнославянское влияние стало завершением процесса, продолжавшегося более полутора столетий.

П.А. Захарчук
к.и.н., н.с. ИИЕТ РАН

Реализация отечественных археографических проектов по публикации научных сочинений эпохи Нового времени по истории металлургии в первой половине XX века

В первой половине XX в. в СССР была сделана попытка публикации научных сочинений Нового времени, которые являлись важными источниками для исследований по истории металлургической техники и технологии. Наиболее ценным из отечественных сочинений является работа В.Г. де Генинна «Описание Уральских и Сибирских железных заводов». В трудах «О начале, перемене и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» В.И. Крамаренкова и «Российской горной истории» А.С. Ярцова технического материала по истории черной металлургии XVIII в. не так много по сравнению с первым сочинением. Тем не менее, они могут служить ценными источниками для описания общего развития металлургии. Однако не все планы по публикации источников удалось реализовать.

В 1735 г. военный инженер, генерал-лейтенант Г.В. де Геннин представил императрице Анне Иоанновне рукопись своего труда, которую для краткости мы будем называть «Абрисы...». Книга при жизни автора не издавалась. В советский период начался новый этап изучения этой работы. Первый план издания был подготовлен Комиссией по истории знаний АН СССР (КИЗ) в 1928 г. В 1929 г. собрание КИЗ приняло решение о передаче работы по подготовке к публикации рукописи в Историко-археографическую комиссию при АН СССР с привлечением к ее выполнению Ю.И. Гессена и О.Е. Звягинцева. Но публикация так и не состоялась. В 1936 г., в Институте истории науки и техники АН СССР (далее — ИИИТ), подготовка «Абрисов...» публикации была продолжена. Ответственными за издание были назначены В.А. Каменский и Н.Б. Бакланов, а в редколлегию вошли А.И. Гамбаров и Д.А. Кашинцев. Однако планы эти снова остались не реализованными. Д.А. Кашинцев был арестован и расстрелян, и по неизвестным причинам покинул проект Н.Б. Бакланов. На их место пригласили Ю.И. Гессена (АРАН. Ф. 485. Оп. 1. Д. 20. Л. 8), а издание «Абрисов...» Г.В. де Геннина стало осуществляться по новому плану, уже совместно с Историко-археографическим институтом (ИАИ) (АРАН. Ф. 485. Оп. 1. Д. 20. Л. 12). Однако в конце 1936 г. вновь произошли трагические события, повлиявшие на работу ученых. В феврале 1936 г. ИАИ был ликвидирован. 27 февраля 1937 г. арестовали директора ИИИТ Н.И. Бухарина, и судьба института также оказалась предрешена. Тем не менее, на этот раз политические перипетии не смогли полностью сорвать планы историков: в 1937 г. трактат де Геннина наконец вышел в свет, правда, в сильно урезанном по сравнению с первоначальными планами виде (*Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. М.: История заводов, 1937. 656 с.*).

Если «Абрисы...» де Геннина были опубликованы без комментариев и учета существующих разночтений разных списков, но полностью, то другие научные сочинения XVIII в. либо оставались и остаются не опубликованными, либо опубликованы выборочно. Например, в 1920-х гг. Комиссия по истории труда в России заинтересовалась изучением рукописи В.И. Крамаренкова. Формально возглавлял Комиссию по истории труда в России историк С.Ф. Платонов. Однако одним из реальных руководителей был Ю.И. Гессен. Комиссия издавала сборник «Архив истории труда», в первом выпуске которого был опубликован отрывок из рукописи В.И. Крамаренкова «О начале, перемене и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» (1777 г.). Публикацию подготовил А.В. Шебалов (Материалы для истории рабочих на горных заводах. Из записок В. Крамаренкова / Публ. А.В. Шебалов // Архив истории труда.

Кн. 1. Петроград: Государственное издательство, 1921. С. 97–112). В кратком предисловии он дал краткую историю и описание рукописи. К сожалению, публикатор не объяснил, чем привлек его внимание именно этот конкретный исторический источник и чем объяснялся выбор его конкретных частей для публикации. Рукопись В.И. Крамаренкова остается не опубликованной до настоящего времени.

Так же интересна история опубликования еще одного научного сочинения — «Российской горной истории». Оно было написано в начале XIX в. директором главным начальником канцелярии Главного заводов правления А.С. Ярцовым и уже после смерти автора в 1820 г. была предоставлена в департамент Берг-коллегии. В конце 1930-х гг. с рукописью ознакомился историк техники В.В. Данилевский. Он стал вести переговоры с созданным в 1936 г. Институтом истории АН СССР по вопросам издания рукописи А.С. Ярцова (СПбФ АРАН. Ф. 911. Оп. 3. Д. 15) В результате был составлен план издания и финансовая смета работ, а также подготовлена машинописная расшифровка нескольких томов (СПбФ АРАН. Ф. 911. Оп. 3. Д. 89). Однако по неизвестным причинам публикация тогда не состоялась.

Таким образом, ни один из проектов по публикации научных сочинений эпохи Нового времени — исторических источников по истории черной металлургии — задумывавшихся в первой половине XX в., полностью реализован не был. Академическое издание «Абрисов...» В.Г. де Геннина не состоялось. Вышедшая книга представляла собою публикацию только одного из списков рукописи. Из сочинения «О начале, перемене и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» В.И. Крамаренкова были опубликованы всего три главы. Издание «Российской горной истории» А.С. Ярцова осталось только в планах. Основной причиной неудач стала политическая ситуация в стране. Политические репрессии в отношении как отдельных ученых, так и целых институтов, постоянное реформирование научных учреждений помешали реализации издательских проектов. Тем не менее необходимо отметить тот факт, что на протяжении I половины XX в., особенно в 20–30-е гг. XX в. исследователи снова и снова пытались опубликовать наиболее фундаментальные сочинения, содержащие сведения, важные для изучения истории развития черной металлургии в России, считая эту работу приоритетной.

Особенности изображения Страшного суда в картинах нидерландских живописцев XVI века «Святой Иероним в келье»

В XVI столетии нидерландские живописцы привносят в сцену, представляющую святого Иеронима в келье, свои особенности. Если в предшествующее столетие и в первой половине XVI в. западноевропейские мастера показывали Иеронима в келье в первую очередь как ученого, посвятившего свою жизнь Богу и работе с текстами, то в Нидерландах трактовка этой сцены приобрела свои особенности.

Маринус ван Реймерсвале, Ян Массейс, Питер Кук ван Алст Старший, а также их последователи нередко изображали святого Иеронима сидящим за столом и опирающимся (или указывающим) на череп, перед Библией, раскрытой на книге Откровения Иоанна Богослова. Это определяется по миниатюре, представляющей сцену Страшного суда. Святой иногда смотрит в раскрытую книгу, иногда словно застывает перед ней в глубокой задумчивости и печали.

Примечательно, что миниатюра может быть изображена как «сцена в сцене» особенным образом: то ярко, с тщательно разработанными деталями, не оставляющими сомнения в значимости этой смысловой детали, а то — туманно, но так, чтобы вызвать интерес у зрителя и побудить его угадать рисунок в книге. Смысл детали, несомненно, соответствует весьма распространенному в тот период размышлению о «последних вещах», тесно связанному как с общим назиданием, повествующим о путях гибели грешников и спасению праведных душ, так и с широко распространенной темой «Суеты сует».

Некоторые художники не изображали миниатюру рядом со святым Иеронимом, ограничиваясь назидательным и надписями на стенах и листах бумаги, книги же показывали закрытыми. Этот прием демонстрируют композиции Йоса ван Клеве и его последователей. В таких случаях усиливалось декларирование темы, а угадывание тех или иных деталей зрителем упрощалось — в композициях присутствуют предметы, прочтение символики которых не вызывает сомнений (если только у нынешнего посетителя музея, утратившего характерный для XVI–XVII столетий традиционный набор наиболее общих назидательных предметов-знаков).

Рассматриваемая композиция остается в живописи XVI столетия, однако интересно заглянуть и в следующий век, когда бурно

развиваются такие жанры живописи, как пейзаж, натюрморт. Распространяются так называемые «ученые» «Vanitas» лейденской школы или композиции с черепом и цветами, иллюстрирующие строки Священного писания, в которых человеческая жизнь сравнивается с травой, цветком, сеном (Пс. 102, 16; Ив. 14, 2). Остается ли что-нибудь от миниатюры со Страшным судом рядом с фигурой Иова?

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает натюрморт середины XVII в. французского живописца Ренара де Сен Андре, представляющий раскрытую на гравюре со сценой Страшного суда Библию (хранится в собрании Моте в Нарбонне). Здесь представлены и реалистично трактованные, традиционные для натюрмортов, трактующих тему Суеты сует, книги, раковины, ноты, скрипка, лист с соответствующим текстом, напоминающий о краткости бытия. Однако есть и странные детали, явившиеся скорее из маньеристических аллегорий прошлого столетия — крылья огромной пестрой бабочки по сторонам песочных часов. Большую часть композиции занимает раскрытая книга с гравюрой во весь разворот. Это не что иное, как сцена Страшного суда. Но не в виде красочной миниатюры, а помещенная в самом центре монохромная, и оттого еще более пугающая иллюстрация, соседствующая с большим черепом, как будто опирающимся о край книги. Череп показан перевернутым, как будто готовым скатиться со стола — его удерживают лишь скрипка и мягкие страницы книги. Примечательно, что череп показан с той стороны гравюры, где представлены грешники, обреченные на вечные мучения в аду.

По сравнению с миниатюрами в книге из кельи святого Иеронима, композиция французского мастера более мрачна и дидактична. Ей вторят и некоторые произведения испанской живописи того же времени, например, «Vanitas» около 1670 г. с изображением ангела, опирающегося на земной шар, кисти Антонио де Переды из собрания Уффици. За правым плечом ангела занавес откинут, открывая «картину в картине» — сцену Страшного суда, написанную яркими красками. Перед этой живописной деталью — черепа, ветхие книги, оружие и доспехи.

Картина Антонио де Переды содержит детали (огнестрельное оружие, миниатюрные портреты), относящиеся к современным реалиям и указывающие на трагические события, близкие по времени к созданию произведения. Натюрморт Ренара де Сен Андре представляется более вневременным, но вместе с тем и более мрачным. Продолжает ли художник тему размышления о превратности мира и краткости бытия вслед за персонажем, медитировавшим на картинах нидерландских живописцев предшествующего столетия? Во всяком

случае, гравюра в книге еще более демонстративна, чем миниатюра, а мысли о бренности жизни пронизывают культуру того времени, отражаясь в произведениях разных видов литературы и искусства — пьесах, лирической поэзии, живописи, музыки.

С.В. Зверев
к.и.н., зав. отделом Нумизматики и археологии
Музеев Московского Кремля

Московский кружок нумизматов (1884–1888)

Московский кружок нумизматов (МКН), организованный в 1884 г. сыграл важную роль в объединении любителей старинных монет. В 1888 г. на его основе было создано Московское нумизматическое общество (МНО). Однако исследований, посвящённых истории МКН, очень немного (*Трутовский В.К.* Московский кружок нумизматов, как предшественник Московского нумизматического общества // Труды МНО. М., 1898. Т. I. С. 3–11; *Горнунг М.Б.* К столетию Московского кружка нумизматов. Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Ч. 9. (Труды ГИМ. Вып. 61). М., 1986. С. 164–171).

О некоторых членам МКН крайне мало биографических сведений, а у некоторых даже не были расшифрованы инициалы.

Следует выделить тех членов МКН, чьи биографии опубликованы:

Акинфов Владимир Николаевич (1841–1914), Симбирск, 1885 г. Председатель Покровской уездной земской управы. В 1890–1893 гг. Владимирский вице-губернатор, в 1893–1902 гг. — Симбирский губернатор (Альманах современных русских государственных деятелей. СПб. 1897. С. 619).

Бурылин Дмитрий Геннадьевич (1852–1924), Иваново-Вознесенск, МКН 1885 г. Фабрикант, меценат и коллекционер широкого профиля. Создал музей промышленности и искусства в Иваново-Вознесенске (*Додонова А.А.* Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Иваново, 1997).

Гиль Христиан Христианович (1837–1908), С.-Петербург, МКН 1885 г. Автор «Таблиц русских монет» XVIII–XIX вв. Был одним из главных сотрудников издания «Корпуса русских монет» вел. князя Георгия Михайловича (Христиан Христианович Гиль: [Некролог]: 15 (28) сент. 1908 г. / [М. Деммени]. СПб., 1909).

Горнунг Иосиф Иванович (1827–1905), Москва, МКН в числе учредителей. Нумизмат и филателист, вместе в В.Я. Рошфором

участвовал в незавершенном издании «Атласа монет Петра Великого» (*Горнунг М.Б.* Московские нумизматы XIX в.: И.И. Горнунг // Третья Всероссийская нумизматическая конференция в г. Владимире 17–21 апреля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 111–113).

Нечаев Александр Дмитриевич (1842–1905), Москва, МКН 1884 г. Член правления Московско-Рязанского торгового банка (*Заворотная Л.А.* О некоторых членах Московского нумизматического общества (1888–1924) // Нумизматический сборник. МНО. М., 2008. Вып. 15. С. 52–66).

Орешников Алексей Васильевич (1855–1933), Москва, МКН в числе учредителей. Специалист по русской и античной нумизматике. Хранитель Исторического музея в 1887–1933 гг. Член-корреспондент АН СССР с 1928 г. Автор книг и статей по античной и российской нумизматике (*Арциховский А.В.* Памяти А.В. Орешникова // Нумизматический сборник. Ч. 1. М., 1955. (Труды ГИМ. Вып. XXV). С. 13–20).

Салтыков Александр Александрович (1833–1885), Москва, МКН 1885 г. Представитель знаменитого дворянского рода, ставший московским ростовщиком, а затем антикваром (*Зверев С.В.* Российские нумизматы конца XIX — начала XX в.: А.А. Салтыков (1833–1885) // Петербургский коллекционер. 2018. № 4 (108). С. 36–40).

Третьяков Алексей Антонович (1864–1899), Москва, МКН 1885 г. Автор брошюр по российской истории (*Зверев С.В.* Российские нумизматы конца XIX — начала XX в.: А.А. Третьяков (1864–1899) // Петербургский коллекционер. 2019. № 3 (112). С. 42–46).

Трутовский Владимир Константинович (1862–1932), Москва, МКН 1884 г. Востоковед, нумизмат и эксибрисист. В 1887–1898 гг. служил в Московском главном архиве, в 1898–1924 гг. был хранителем Оружейной палаты. В 1889–1898, 1904–1919 гг. являлся председателем МНО. В 1921–1924 гг. был проректором Института востоковедения, в 1924–1930 гг. — профессором МГУ. Автор работ по восточной и российской истории, искусствоведению и нумизматике (*Зверев С.В.* Владимир Константинович Трутовский. История жизни и творчества (1862–1932) // МНА «Монета». Вологда, 1995. Вып. 2. С. 40–68).

Турбин Николай Матвеевич (1832–1913), Москва, МКН 1884 г. Генерал-майор, с 1902 г. — генерал от инфантерии. В 1885–1888 гг. председатель МКН, в 1888–1889 гг. председатель МНО. В 1889–1894 гг. комендант Выборской крепости, затем занимал ряд должностей в армии, в 1905–1906 гг. был и.о. Финляндского генерал-губернатора. Нумизмат и археолог-любитель (Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб., 1907. С. 776–778).

Ещё ожидают исследования биографии других членов МНК. Но уже можно указать некоторые сведения:

Благово Владимир Степанович (1834–1905), Калуга, МКН 1885 г. Мировой судья, позднее — предводитель дворянства Мещевского уезда Калужской губ.

Брун Людвиг Филиппович (1841–1905), Одесса, МКН 1885 г. Библиотекарь Малороссийского университета, автор статей по античной нумизматике.

Гуськов Павел Александрович (1857–1930), Москва, МКН 1884 г. Сын торговца мехами А.П. Гуськова, впоследствии продолживший дело отца. Библиофил и нумизмат. В 1896–1904 гг. казначей МНО.

Коснерский Эдмунд Николаевич (1849–1890), Москва, МКН 1885 г. Австрийский подданный, владелец антикварного магазина в Москве.

Мирзоев Клавдий Соломонович (1854–1887), Москва, МКН 1884 г. Секретарь МКН, имел познания в разных разделах нумизматики, что подтверждает его переписка с Д.Г. Бурлыным (ГАИО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 25. Л. 3–6; Д. 148. Л. 713).

Подшивалов Алексей Матвеевич (1855–1918), Москва, МКН в числе учредителей. Бухгалтер Московской Гос. сберегательной кассы. Автор книг и статей по нумизматике и археологии Сев. Причерноморья. Секретарь МНО в 1888–1889 гг. Сохранился его архив (РГБ НИОР. Ф. 529).

Подшивалов Михаил Николаевич (1844 — после 1915), Орел, 1885 г. — Купец 2-й гильдии, коллекционер.

Рошфор Адольф Яковлевич (1830 — не ранее 1884), МКН 1884 г. Старший сын московского купца 1-й гильдии и владельца шелкоткацких фабрик Я.П. Рошфора.

Рошфор Виктор Яковлевич (1840–1910), Москва, МКН 1885 г. Второй сын Я.П. Рошфора. В 1861–1884 гг. владел текстильными фабриками в Москве и Подмоскowie. Был собирателем старинных гравюр и монет. С середины 1880-х гг. жил во Франции.

Селецкий Оттон Иванович (1842 — после 1915), Москва, МКН 1884 г. Отставной штаб-ротмистр, один из учредителей Русского гимнастического общества; служил в конторе пароходства братьев Каменских, затем заместителем заведующего станции казённых железных дорог (трамвая).

Синицын Петр Васильевич (1844–1904), Москва, МКН 1885 г. Антиквар, в своём доме в Преображенском создал музей, где собрал гравюры, картины, книги, предметы утвари.

Третьяков Лев Алексеевич (?–1886), Москва, МКН в числе учредителей. Собиратель русских монет. Являлся членом совета братства при Богоявленской церкви в Елохове.

Ушаков Дмитрий Алексеевич (?–1896), Москва, 1885 г. Служил в Московском оружейном арсенале в Московском Кремле. Казначей МНО в 1888–1896 гг.

Чельцов Николай Егорович (? — после 1889), Москва, 1885 г. Штабс-капитан, заседатель от дворян в Приказе общественного призрения. К 1889 г. переехал в С.-Петербург. В ГХЛМЗ «Абрамцево» сохранилось фото офицера (№ 8768355).

*В.И. Иванов
д.и.н., проф. Краснодарского
социально-экономического института*

**Карта благочиний Кавказской епархии 1858 г.,
составленная по инициативе
святителю Игнатия (Брянчанинова)**

Эта рукописная карта из Ставропольского государственного историко-культурного музея-заповедника имеет заголовок: «Генеральная карта Ставропольской губернии и Черноморья, с показанием всех благочиний епархии Кавказской». Масштаб: в английском дюйме 25 верст. Имеет специальные обозначения: 1. казенные селения и черноморские станицы; 2. помещичьи селения, деревни; 3. уездные и заштатные города; 4. губернские города; 5. станицы Кавказского линейного войска (не принадлежащие к епархии Кавказской). Примечание: «Земли, входящая в общий состав Кавказской епархии, илюминированы фиолетовою краской».

В дате на карте почти полностью стерта третья цифра, фрагменты которой допускают прочтение ее и как 1858 г., и как 1868 г. Данные по 8 благочинным указывают на то, что на карте зафиксировано состояние 1858 г., причем изменения даже 1859 г. и позднейшего времени не получили отражения. В это время во главе епархии стоял епископ Игнатий (Брянчанинов). Официально он возглавлял Кавказскую епархию с 1857 г. (хиротонисан в епископа Кавказского и Черноморского 30 октября) по 1861 г. (5 августа). Прибыл он в г. Ставрополь, где располагалась кафедра, 4 января 1858 г. Есть данные о том, что в этом же году к преосвященному в Ставрополь призывались благочинные Черноморского войска Иоанн Потеряхин и Лев Алексеев. Преосвященный с самого начала своего служения

вел политику укрепления роли и значения благочинных в системе епархиального управления.

На карте обозначены границы благочиний и указаны сокращенно сан благочинного, его имя и фамилия, например: «Бл. св. Алексея Замятина», то есть Благочиние священника Алексея Замятина.

Благочиния Черномории (Область Черноморского казачьего войска): 1. прот. Николая Белюстина; 2. свящ. Феодора Снидока; 3. свящ. Иоанна Потеряхина; 4. свщ. Никифора Романова; 5. свящ. Стефана Главенка; 6. свщ. Петра Климентова; 7. свящ. Федора Маковского; 8. свящ. Льва Алексеева.

Благочиния Ставропольской губернии: 1. свящ. Дмитрия Попова; 2. свящ. Симеона Микилядзева; 3. свящ. Дмитрия Невтонова; 4. свящ. Кузьмы Легинского; 5. свящ. Алексея Замятина; 6. прот. Александра Миловидова; 7. прот. Василия Попова; 8. ... (Ростовановка); 9. прот. Орлова (Моздок); 10. свящ. Алексея Иосификолова (Кизляр).

Всего на карте обозначены 18 благочиний. Согласно годовому отчету о состоянии епархии за 1858 г., именно столько благочиний стало при епископе Игнатии после добавления к прежним 16-ти еще двух (см.: Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002. С. 225).

Следует отметить несколько ошибок в именах и написании фамилий: Феодор Снидок — правильное написание Феодор Скидан; Стефан Главенко в действительности — Стефан Гливенко; Петр Климентов — Андрей Климентов. Картографы, вероятно, не смогли правильно прочитать рукописный перечень благочинных, который им был предоставлен.

Упоминание именно об этой, как нам представляется, карте встречается в письме самого епископа Игнатия (Брянчанинова) командующему Правому крылу Кавказской линии генерал-лейтенанту Г.И. Филипсону от 3 октября 1858 г. В частности, там говорится: «Пишу это, имея под рукою карту Кавказского края, на которой изображено разбросанное по краю епархиальное ведомство. Оно подобно разбитому сосуду, которого составные части все налицо, но находятся в отдельном состоянии ...». Здесь же упомянуты как островки — Ставрополь, Пятигорск, Георгиевск, Ростовановка, Моздок, Кизляр с Таруновкою и Черным Рынком, благочиния Миловидова и Замятина. Картой этой святитель, очевидно, пользовался и во время своих поездок по епархии.

Отображение межи на русском географическом чертеже в XVII веке

О русском географическом чертеже уже писали, хотя и не слишком много. Его больше разглядывали: недоумевая, удивляясь и улыбаясь. Строгая академическая перцепция рассыпалась при взгляде на эти, как лирично выразилась В. Кивельсон, «нарисованные красивыми цветами осени... мгновенно очаровывающие зрителя прелестные деревья, растущие вверх, вниз или поперек и вдоль дорог и рек» (*Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 19). Книга Кивельсон, написанная в возвышенном стиле не столько научного аналитика, сколько вдохновенного интерпретатора загадочного и диковинного для нее мироощущения обитателей Московского царства, обладает многими достоинствами; однако ей присуща одна устойчивая абберрация, уводящая взор автора от вещей, буквально бросающихся в глаза.

Даже беглое знакомство с русскими чертежами убеждает нас в том, что Кивельсон допускает в вышеприведенном утверждении, как минимум, две неточности. Во-первых, деревья, о которых она пишет, изображались отнюдь не «вдоль дорог и рек», а главным образом вдоль межевых линий. Во-вторых, они были не просто «прелестны»; изображения тех деревьев, которые располагались на меже, были строго индивидуализированы. Например, часто встречаются изображения деревьев, растущих из одного корня, одно из которых когда-то обломилось, либо было намеренно срублено. Многие из них подписаны (дуб, ель, ольха, вяз и т.д.), для некоторых охарактеризовано их окружение («на холме ель»), некоторые помечены черным как сажа косым крестом, «гранью». Чертежи с несомненностью свидетельствуют о том, что деревья использовались в качестве знаков, обозначающих положение межи, а затем отображались на чертежах с буквальным воспроизведением их индивидуальных особенностей.

Указанная абберрация встречается не только у Кивельсон. Нечто подобное мы находим и в работах авторитетнейшего автора, выявившего и классифицировавшего более тысячи чертежей, введшего само понятие «русский географический чертеж», равно как его аббревиатуру (РГЧ) — В.С. Кусова (*Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М., 1993. С. 3). Анализируя топонимику РГЧ, Кусов

выявляет 70 типов номенклатур объектов природы и 121 тип номенклатур социально-экономических объектов. Можно понять Кусова в том, что он не выделяет в качестве отдельного элемента топографической номенклатуры «дерево»; вместо этого в его номенклатуре присутствуют понятия «лес», «лесок» и «роща». Сложнее понять то, почему он не выделяет в качестве самостоятельного топографического элемента такой важный разграничительный знак, как «межа», а также сопутствующие ему элементы: «приметное дерево», «яма», «копец» и т.д. Все сведения об объектах такого рода суммируются у него в одной строке таблицы с обобщающим названием «границы, межевые (геодезич.) знаки» с вероятностью появления на чертежах 2,26% (*Кусов В.С.* Русский географический чертеж XVI–XVII вв.: закономерности развития начального этапа отечественного картографирования. Дисс. в виде науч. докл. на соискание ученой степени докт. геогр. наук. М., 1996. С. 40) — число явно заниженное, поскольку термин «межа» присутствует фактически на каждом чертеже Поместного приказа, а их в совокупности 492, то есть чуть меньше половины от всех выявленных чертежей.

Восполняя этот недостаток, отметим, что межа являлась предметом приоритетного внимания тех, кто изготавливал чертежи для Поместного приказа; для ее правильного отображения собирались десятки, а иногда и сотни «послухов» (свидетелей); на ней произносились клятвы и ритуальные формулы, выражавшие степень мотивированности тяжущихся сторон в ее отстаивании; она выполняла функцию барьера, до которого простиралась сфера административных посягательств государственных чиновников.

Помимо уже приведенных в монохромной номенклатуре типов условных знаков Кусова (*Кусов В.С.* Чертежи. С. 56–58) пунктирной линии и двойной линии с толстыми поперечными штрихами внутри (как на верстовом столбе), которые он, противореча надписям на чертежах, называет знаками не межи, а «границы», существовала и очень часто применялась техника, предполагающая использование цветовых тонов и оттенков. Например, на линию (сплошную или пунктирную), обозначающую межу, часто накладывалась полоса густого кофейного цвета. Причем такая манера изображения использовалась только для межи. Применялись и более сложные цветовые решения, представлявшие собой узкую линию темного оттенка, к которой добавлялась широкая растушевка (с одной из сторон) светлого оттенка и иной краской (характерные сочетания: кофейный и хаки; шоколад и цинк). Вне зависимости от используемых цветов код изображения задавался, по всей видимости, сочетанием темного оттенка

со строгой, жесткой прорисовкой и светлого оттенка с варьирующей и не строгой шириной растушевки.

Однако самыми характерными знаками межи являются размещенные на ней столбы (небольшие вытянутые прямоугольники, часть которых как правило помечалась гранью), ямы (жирные черные точки), насыпи (курганчики «копцов») и пресловутые деревья, также зачастую помечаемые гранями. И если с отображением столбов, ям, копцов и других рукотворных объектов, поддающихся унификации, все было более или менее просто, то превращение в топографический знак природного объекта «дерево» представляло незаурядную задачу, которую современная семиология трактует как отношение произвольного и мотивированного в знаке. Изображение конкретного дерева на меже являлось знаком, но для того, чтобы быть опознанным в качестве такового, оно наделялось не унифицированными конвенциональными качествами, а строго индивидуализированными отличительными признаками. На наш взгляд, такая особенность, по всей видимости, автохтонной картографии Московского царства заслуживает внимания и подробного изучения.

Н.П. Иванова
к.и.н., доц. АлтГУ

Историография хронологии древнерусского летописания

История изучения хронологии древнерусского летописания рассматривалась рядом авторов (П.В. Хавский, Л.В. Черепнин, С.М. Каштанов, Б.М. Свердлов, И.Н. Данилевский, С.В. Цыб, Е.Л. Наек, Т.В. Кайгородова, Н.П. Иванова), однако в этих работах историография хронологии летописания либо была второстепенной задачей, либо ограничивалась определенным хронологическим периодом. Попытаемся выделить основные этапы развития историографии хронологии древнерусского летописания, выявив изменение теоретико-методологических подходов в ней.

Первый этап (XVIII — середина XIX в.) в истории изучения хронологии древнерусского летописания можно охарактеризовать как «моногенный». Представление исследователей о древнерусском времяисчислении было как о статичном явлении, заимствованном в момент принятия Русью христианства, и существовавшем неизменно весь период ведения летописания в России. По их мнению, на Руси использовалась одна эра летосчисления (константинопольская), один календарный стиль (сначала мартовский, потом

сентябрьский), одна схема расчета Пасхи и т.д. Задача исследования заключалась в редукации древних дат на современную систему счета времени. Таким образом, получался только один вариант датировки, считавшейся предельно точной. Такой же точки зрения они придерживались и относительно месяцесловных летописных показаний, и в отношении древнерусского пасхального календаря. Сторонники этой позиции считали хронологические элементы «неизменными» на протяжении всего периода существования (*Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1962. Т. 1; *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 6). Можно отметить односторонность представлений о древнерусской хронологии, что приводило к ошибкам и невозможности объяснить наличие асинхронных дат одних и тех же событий в летописях. Предметом их внимания были сами древние даты, что значительно сужало поле зрения.

С середины XIX в. начинается новый этап в историографии хронологии древнерусского летописания, когда на страницах научной периодики разворачивается несколько дискуссий, связанных с древними датами. В этот период стараниями упорного любителя хронологии П.В. Хавского в научное сообщество проникает мысль о параллельном употреблении на Руси в X–XV вв. как минимум трех вариантов календарного стиля (ультрамартовский, мартовский и сентябрьский) (*Хавский П.В.* Сентября 1 число или Древнее московское летопроедание. М., 1850; *Он же.* Хронологические таблицы: в трех книгах. М., 1848). Недостаток научных знаний не позволил ему доказать правильность своего мнения, но ему удалось пошатнуть представления о «моногенности» древнерусской хронологии. Вслед за работами П.В. Хавского, начинают появляться работы, посягнувшие на пасхально-математическую систему Кирика, долгое время считавшуюся единственной и универсальной, и оказавшейся лишь одной из множества разновидностей пасхалистики (*Степанов Н.В.* Календарно-хронологический справочник: Пособие при решении летописных задач на время // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260)). Ставится под сомнение и «неизменность» месяцесловов, использовавшихся летописцами (*Степанов Н.В.* Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // ИОРЯС ИАН. 1915. Т. 20. Кн. 2. С. 1–87).

Появление работ А.А. Шахматова, дававших представление о сложносоставном характере текстов древнерусских летописей (*Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. Ч. XXX. 1897. С. 463–482) позволило исследователям

устанавливать совмещение различных времяисчислительных систем не только на страницах одной летописи, но и в границах более мелких комплексов, в отдельных летописных статьях (*Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // *ЧОИДР.* 1909. Кн. 4 (231). С. 1–74; Он же. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века; *Он же.* К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // *ЧОИДР.* 1910. Кн. 4 (235). С. 1–87).

За счет новых археографических открытий и совершенствования методики историко-хронологического исследования расширились границы предмета исследования хронологии древнерусского летописания. В арсенал хронологов входят не только методы собственно хронологии, но и перекрестно-сравнительные источниковедческие методы, а также методы других наук (астрономии и математики). Таким образом, этап (середина XIX в. — начало XX в.) можно охарактеризовать как смену методологического подхода к изучению хронологии древнерусского летописания. Впервые формируется представление о существовании разнообразия времяисчислительных систем Древней Руси, в том числе о наличии оригинальных древнерусских разработок (ультрамартовский стиль, криамартовское новогодие, пасхальные элементы, графические «руки Иоанна Богослова», Вруцелето (*Медынцева А.А.* Эпиграфические находки из Старой Рязани // *Древности славян и Руси.* М., 1988. С. 254; *Симонов Р.А.* «Учение» Кирика Новгородца и календарно-пасхальные граффити // *Труды VI международного конгресса славянской археологии.* М., 1999. С. 142–153). Меняется главная задача древнерусской хронологии — необходимость выявления, системного описания и анализа всех древнерусских способов учета времени, отразившиеся на страницах древнерусских письменных источников, в том числе и летописей (*Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям).

По сути с того времени в методологическом подходе принципиально ничего не поменялось, предметом хронологии стали и остаются времяисчислительные системы, продолжается разработка новых методов работы с историко-хронологическими данными, окончательно утвердилось представление о многообразии хронологических систем Древней Руси.

С.С. Илизаров
д.и.н., проф., г.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН,
зав. отд. историографии и источниковедения
истории науки и техники

Отец и сын Арендты в Московском археологическом институте

Поиски следов жизни и творчества Всеволода Викторовича Арендта (1891–1937) — выдающегося историка-оружиеведа, известного новаторскими методами изучения техники и технологии изготовления древнего оружия, привели к архивному фонду № 376 Московского археологического института (МАИ), хранящемуся в ЦГА Москвы. Выявленные там документы позволили не только прояснить важные обстоятельства, касающиеся В.В. Арендта, но и узнать примечательные факты жизни его отца — Виктора Болеславовича.

Арендты — потомки древнего рыцарского рода, известного с XII века. В России Арендты обосновались, очевидно, в XVIII веке. Преимущественно это были врачи и военные. Отец Всеволода Арендта — Виктор Болеславович, также с молодых лет посвятил себя воинской службе. Он родился 12 декабря 1854 года. Получив военное образование в Варшавском пехотном юнкерском училище, с 1870 г. служил в армии, неоднократно участвовал в боевых действиях. В чине поручика в 1883 г. В.В. Арендт перешел в Отдельный корпус жандармов, проходя службу в разных местах Российской империи (Орле, Кишиневе и т.д.). В 1900 г. в чине подполковника вышел отставку «с мундиром и пенсией», но принимал участие в кампаниях 1904–1905 г. и в 1914 г. в составе подразделений государственного ополчения.

Во многом дорогу своего отца поначалу повторял и Всеволод Арендт, который родился 14 февраля 1891 г. (после 1917 г. в документах дата рождения указывалась 1887 г.). В июне–августе 1904 г. он добровольцем участвовал в русско-японской войне; можно предположить, что несколько месяцев в японской кампании провел вместе со своим отцом. В 1907 г. Всеволод прошел обучение в 1-м Московском кадетском корпусе и 30 августа 1908 г. стал юнкером рядового звания Московского Александровского военного училища.

Осенью 1907 г. в Москве открылся Археологический институт (МАИ) для подготовки ученых археологов и архивистов. Обучаться за обязательную полугодовую плату в 80 рублей в нем могли те, кто уже имел высшее образование или проходил обучение в каком-либо высшем учебном заведении. В этот институт и поступил

вольнослушателем старший Арендт; одновременно с 4 февраля 1908 г. он стал его почетным членом. 28 января 1909 г. Международная академия искусств, наук и словесности в Тулузе (Франция) приняла решение о выдаче жандармскому подполковнику Виктору Арендту диплома на звание профессора и корреспондента. За особые заслуги перед МАИ он был награжден в 1909 г. орденом св. Владимира 4 ст.

10 марта 1909 г. Виктор Арендт обратился в Совет МАИ с заявлением о желании представить к защите свою диссертацию на тему «Было ли Римское право основанием Литовских и Польских прав», для чего ходатайствовал о поддержке его намерения работать в Государственном тайном архиве г. Кенигсберга для снятия копий с документов XIV–XV вв., которые, по его убеждению, доказывают самостоятельность Польского права. В 1910 г. по окончании полного курса старший Арендт защитил диссертацию на тему «Доисторические памятники Западных королевских пруссов» и получил звание «Ученого археолога». Полученные в МАИ знания находили применение в дальнейшем: в работе в качестве постоянного эксперта при уголовном суде по экспертизе почерков, в исследовании поддельных документов, печатей и т.п. К 1916 г. он дослужился до статского советника (со старшинством от февраля 1911 г.), а накануне падения империи добился Сенатского решения об утверждении родового герба по представленному им эскизному рисунку.

Младший Арендт с октября 1907 г. также стал вольнослушателем в только что открытом МАИ. Так случилось, что оба Арендта — отец и сын — одновременно проходили обучение в Московском археологическом университете, где слушали курсы и сдавали экзамены по греческой палеографии, первобытной археологии, дипломатике, исторической географии, истории искусства, юридическим древностям, геральдике и нумизматике, библиотековедению и др.

Жизнь Арендтов 1907–1909 гг. невероятно насыщена: практически одномоментно, если следовать информации, содержащейся в имеющихся документах, они и служили, и учились, и пребывали в самых разных местах. Так, например, 26 апреля 1908 г. вольнослушатель Всеволод Аренд-сын подал заявление в Совет МАИ о том, что, получив среднее образование в Кадетском корпусе, он не изучал греческий язык и потому просил освободить его от экзамена по данному предмету. 28 мая 1908 г. директор МАИ подписал документ о направлении Арендта-сына в город Гродно с целью научного изучения местных старинных замков, архивов и храмов и ходатайствовал перед гродненской администрацией, руководителями тамошних архивов и настоятелями церквей об оказании ему полного содействия.

Примерно в это же время Виктору Арндту-отцу директор МАИ написал письмо к настоятелю Костромского Ипатьевского монастыря с просьбой оказать содействие в его историко-археологических занятиях по изучению архивов и старинных вещественных памятников. 12 июня 1908 г. директор МАИ А.И. Успенский направил в Иностранное отделение Канцелярии генерал-губернатора Москвы прошение о выдаче Всеволоду Арндту льготного паспорта для поездки за границу с научной целью, прилагая при этом удостоверение пристава Сушевской части о неимении препятствий к выезду за пределы империи. Обнаружение последнего документа до некоторой степени проливает свет на повторяемую несколько раз в анкетных материалах Всеволода Арндта запись о том, что в 1908 г. он окончил «историко-археологический факультет Академии наук в Тулузе (Франция), где по защите диссертации удостоен звания профессора-корреспондента и члена Академии». Никаких иных источников, подтверждающих это, обнаружить пока не удалось, если не считать того факта, что в 1909, 1910 и в 1911 гг. В.В. Арндт опубликовал в Бюллетене Академии Тулузы три статьи по истории старинного холодного оружия.

События 1917 г. резко изменили жизнь воинов и ученых археологов Арндтов и в конечном итоге оба они стали одними из неисчислимых жертв сталинского террора. Историко-археологическое и историко-архивное наследие отца и сына Арндтов требует дальнейшего изучения.

Л.И. Илларионова
гл. библиограф РГБ

Карта Палестины 1893 года: инструмент реализации задач ИППО

В 1891 г. по поручению Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) была осуществлена самая масштабная экспедиция по Сирии и Палестине под руководством известного ученого Н.П. Кондакова. Ее целью было изучение христианских древностей, «вещественных» памятников и сохранившихся письменных источников, находящихся на территории Бейрута, Дамаска, Гаурана, Иерусалима (маршрут был изменен из-за эпидемии холеры и крайне тяжелой ситуации в регионе). В состав экспедиции входило 27 человек, в том числе профессора А.А. Олесницкий, Я.И. Смирнов, художники А.Д. Кившенко и Н.А. Околович, фотограф И.Ф. Барцевский. На экспедицию было выделено более 20 тыс. руб. — самая большая сумма в истории экспедиций ИППО.

Как вся деятельность общества, так и работа ее членов в экспедиции включала в себя научную, просветительскую, религиозную деятельность, которая тесно сплелась с дипломатическими и военными интересами. Палестинское общество всегда было ценным источником информации для дипломатического ведомства России. В 1913 г. обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер писал «Православное общество является для России незаменимым источником осведомленности в делах Православного Востока» (*Смирнов А.С. Неизвестный Н.П. Кондаков: Из истории изучения Палестины и Македонии // Проблемы сохранения, изучения и популяризации культурного наследия Русской православной церкви // Труды Государственного исторического музея. М., 2017. Вып. 206. С. 272*). Так, в деятельности общества с самого начала его существования отмечается наличие «второго плана» в его функционировании, то есть оно имело в перечне задач секретные поручения, которые выражались в сборе сведений о числе православных жителей, положении церквей и школ. Следует отметить, что «сбор подробной информации о православных жителях множества арабских селений, список которых прилагался, посетить которые было необходимо даже в ущерб экспедиционному маршруту» (*Бутырский М.Н. Экспедиция Императорского Православного общества в Сирию и Палестину (1891 г.): след в истории науки // Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. М., 2017. С. 10*).

К началу экспедиции Н.П. Кондаковым был разработан первоначальный ее план (впоследствии программа экспедиции была значительно расширена, детализирована и она стала состоять из двух инструкций — «общей» и «секретной») и подобраны материалы для карты «Карта Палестины. Обработанная И. Фишером и Г. Гуте. Спб., Православное палестинское общество, 1893. 1 л., многокрас.; 1 кор. — IX, 18 с. Текст и указатель». Так как к тому времени не существовало научно изданной карты современной Палестины, в основу будущей карты были положены: 1. Тригонометрическая съемка западной Палестины, исполненная по поручению Английского Палестинского общества и изданная в 1888 г.; 2. Тригонометрическая съемка части восточной Палестины, исполненная в 1881 г. Кондером и Мэнтеллом по поручению того же общества; 3. Съемка, произведенная инженером Г. Шумахером в 1885–1886 гг.; 4. Съемка Сирийских берегов была произведена в 1859–1861 гг. г. Мэнзеллем; 5. Топографическая карта Ливана, снятая в 1860–1861 гг. офицерами генерального штаба французского оккупационного корпуса; 6. Материалы французских миссионеров и русских паломников («Карта Палестины. С. II–IV»). Карта была переведена на русский язык.

В результате на карте показаны уточненные сведения об озерах, водах, источниках, приводятся «отметки высот и глубин, территорий ниже уровня моря», пески, болота. «Населенные пункты даны с границей по количеству жителей, показаны христианские монастыри, мусульманские места почитания, замки, развалины»; «границы — внутренних административных единиц, оседлости»; показано расселение арабских племен. Подготовлены и напечатаны карты: 1. Иудейская горная возвышенность, 2. Страны между Назаретом и Тивериадою, 3. Иерусалим.

Результатом экспедиции стал отчет («Археологическое путешествие по Сирии и Палестине Н.П. Кондакова. СПб., 1904»), массив фотографий И.Ф. Барщевского и карта Палестины, которые хранятся в фонде архива ИППО.

Е.В. Казбекова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Палеография экземпляра Библии Гутенберга в РГБ

Раннепечатные книги содержат достаточно много рукописных элементов. В знаменитой 42-строчной Библии Гутенберга к ним относятся, помимо иллюминации, красные рубрики, маркирующие границы книг и глав: только в двух местах текста первого тиража Гутенберг дал печатные рубрики, во всех остальных местах под них оставлено место, и Гутенберг напечатал специальную подсказку с текстом для художников-рубрикаторов — т.н. *Tabula rubricatum*. В докладе речь пойдет о характеристике письма рукописных рубрик экземпляра Библии Гутенберга в Российской государственной библиотеке (РГБ. МК. Л1 и Л2).

Из предусмотренных Гутенбергом почти полтысячи рубрик в экземпляре пропущено лишь около 2–3%. Следование тексту-образцу в *Tabula rubricatum* достаточно точное, отдельные отклонения носят преимущественно орфографический характер. Рубрики являются самым ранним этапом иллюминации экземпляра, они выполнены до врисовывания инициалов и декоративной разлиновки. Цвет чернил варьируется только в Псалтири, там он показывает последовательность работы писца.

Рубрики вписаны одной рукой, письмо — книжное готическое, близкое к каллиграфическому (*Textualis libraria* по классификации Лифтинка — Дероле), датировка и локализация — Фландрия, середина XV в., что соответствует данным об иллюминации экземпляра (Брюгге, третья четверть XV в. — см.: *Казбекова Е.В.* Новое об

иллюминации экземпляра Библии Гутенберга в РГБ // История книжной культуры XV–XX веков: К 100-летию научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ / Отв. ред. и сост. Д.Н. Рамазанова. В 2-х ч. М., 2018. Ч. 2. С. 39–49).

Изучение особенностей письма показало его близость к нескольким часовникам, иллюминированным в мастерской Виллема Фрелана: писцы в большинстве случаев разные, но стиль письма — единый. В качестве примера в докладе будут рассмотрены два из этих часовников (датировки и локализация рукописей указываются по сведениям на сайтах Getty Museum и Британской библиотеки):

Часовник барона Ллангаттока (Llangattock; Виллем Фрелан, Брюгге, 1450-е гг. — Лос Анжелес. Getty Museum. Ms. Ludwig IX 7 (83.ML.103));

Часовник (третья четверть XV в., Южные Нидерланды — Лондон. BL. Harley 2985).

Палеографические данные предоставляют, таким образом, дополнительное доказательство в пользу гипотезы Э. Кёнига о принадлежности миниатюр XV в. кругу Виллема Фрелана.

*Г.А. Казимова
ст. преп. МГУ им. М.В. Ломоносова*

К вопросу о сербском компоненте в рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113 собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 659)

Сборник из собрания рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113, № 659), созданный в 1536 г. по повелению игумена Нифонта Кормилицына (запись на л. 2 об.) состоит из нескольких тетрадей, одна из которых (лл. 352–367 об.), написанная отдельным почерком, содержит ряд статей, связь между которыми представляет особый интерес для исследователей. На первый взгляд странное соединение «новгородских повестей» (лл. 352–360) с «афонскими» (лл. 360 об.–367 об.) получило наиболее полное на сегодняшний день объяснение в работе А.Г. Боброва (*Бобров А.Г. «Повести древних лет» // ТОДРЛ. Т. 54. СПб, 2003. С. 136–171*). В результате проведенного исследования, его автор пришел к выводу, что «новгородские» и «афонские» повести, представленные в указанном Волоколамском сборнике на лл. 352–367 об., принадлежат перу Пахомия Сербя (Логофета), прибывшего в Новгород с Афона по приглашению новгородского архиепископа Евфимия II около 1438 г. (Там же. С. 152–153). А.Г. Бобров в качестве стилистической характеристики языка рассматриваемых

повестей отмечает частотность употребления «абие», никак не комментируя при этом присутствующий в названии одной из «афонских» повестей сербизм «шума» («лес»). На данную языковую черту обратил внимание Д.М. Буланин, опубликовавший в 2012 г. работу под названием «Опыт комплексного описания. Афон в древнерусской письменности до конца XVI в. (Из истории образа по памятникам, учтенным в Словаре книжников и книжности Древней Руси, а также пропущенным при его подготовке) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая четверть XIV–XVI вв.). Ч. 3. Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012. С. 564). Д.М. Буланин отмечает, что упоминание деспота Юрия Бранковича в повести о Павле Ксиропотамском также свидетельствует о сербском происхождении «афонских» повестей. Исследователь указывает, что в XIV–XVI вв. сербское присутствие на Афоне было весьма значительным. Соответственно, связи русских монахов-книжников с Афоном осуществлялись во многом через сербоязычных афонских насельников. При этом Д.М. Буланин отвергает причастность Максима Грека к созданию таких «афонских» повестей, как «Сказание о иконе Богоматери Иверской», «Повесть о Ватопедском монастыре», «Воспоминание отчасти Святыя горы Афонския...» (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 362–363, 227–230), склоняясь, вслед за С.О. Шмидтом, к мысли о том, что они представляют собой письменную фиксацию устных рассказов посещавших Россию афонских иноков, выполненную русскими книжниками (Буланин Д.М. Указ. соч. С. 564). Известно, что в конце XV в. существовали связи между Афоном и Новгородской епархией. С момента своего основания в 1479 г. до 1507 г. Иосифо-Волоколамский монастырь находился под властью Новгородского архиепископа, а в 1507 г. Иосиф Волоцкий переводит монастырь под власть великого князя Московского. Как указано в Описи фонда Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113, опись фонда, с. 152), наличие в составе монастырского собрания рукописей большого количества списков южнославянских оригинальных и переводных сочинений является одной из его особенностей. Например, старейшие русские списки житий Параскевы-Петки и Стефана Дечанского обнаруживаются в рукописях Иосифо-Волоколамского монастыря № 644 (лл. 224–244) и № 655 (лл. 263–367). По мнению А.А. Турилова, у Иосифо-Волоколамского монастыря в последней четверти XV — первой четверти XVI в. могли быть собственные контакты с афонскими монастырями, посредством которых в монастырь могли поступать южнославянские (сербские) по происхождению тексты (Турилов А.А. К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии» // Турилов

А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источнославянское ведение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012. С. 596–611).

Между тем, на наш взгляд, стоит обратить внимание на упоминание в начале повести о архиепископе Ионе Новгородском, сыгравшей значительную роль в жизни святителя бабушки известного книжника к. XV — первой трети XVI в. Михаила Медоварцева. На лл. 357 об.–358 читается: «Поведа намъ самъ г(с)нь архиеп(с)кпъ иона. егда рече бе(х) еще мла(д)нецъ. оставшу ми сиротою о(т) о(т)ца седми ле(т). а о(т) матери треи летъ и положилъ Богъ на ср(д)це жене вдовице. именемъ натальи. матери якова дмитреевича медоварцове. а михаилове бабе. и взя мя в домъ к себе. и нача(т) кормити и одевати. яко истинная мати родная. та(ж) вда мя на учение грамоте дяку.» Н.В. Сеницына, занимавшаяся изучением деятельности Михаила Медоварцева, пишет по поводу целиком переписанной им в 1505 г. сентябрьской служебной Минеи (РГБ, ф. 304, Троицк. 466), что т.к. его искусство писца предстает в этой рукописи вполне зрелым, можно считать, что «обучение книжному письму и начало деятельности переписчика «Михаила Иаковля сына Медоварцова, новоградца», происходило в Новгороде еще в XV в.» (*Сеницына Н.В.* Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., Наука, 1972. С. 287). В свой московский период Михаил Медоварцев известен, в частности, сотрудничеством с Максимом Греком. В качестве переписчика он принимал участие в создании перевода Цветной Триоди (ГИМ, Щук. 329, 1525 г.), Толковой Псалтыри (РГБ, ф. 209, Овчин., № 63 (с 75-го псалма, 20-е годы XVI в.) и сборника РНБ, Софийское собрание, № 1498, по которому Н.В. Сеницына опубликовала одно из первых написанных Максимом Греком в России сочинений — послание Василию III об афонских монастырях (Там же. С. 314–315). В 1531 г. Михаил Медоварцев был осужден по делу Максима Грека и сослан в Коломну.

Несмотря на то, что Максим Грек провел несколько лет в заточении в Иосифо-Волоколамском монастыре после первого осуждения в 1525 г., многие приписываемые ему переводы из Ветхого Завета и Отцов Церкви находятся в волоколамских рукописях. Кроме рукописей РГБ, ф. 113 № 508 и № 428, в состав которых входит славянский перевод гомилий Василия Великого на псалмы, можно указать, например, № 488, № 489 и № 522, в которые входят славянский перевод Послания патриарха Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу и некоторые сочинения Василия Великого, а также предположительно волоколамский по происхождению сборник РНБ Q.1.214, содержащий перевод из четвертой книги Маккавеев. Как и в славянском переводе

гомилий Василия Великого на псалмы, в некоторых из указанных переводов были выявлены немногочисленные случаи падежной мены генитива и локатива множественного числа существительных, которые могут быть отражением знакомства переписчика или переводчика со средневековыми сербскими говорами (*Казимова Г.А.* О возможном сербском компоненте в связи с меной генитива и локатива мн. ч. существительных в славянском тексте гомилий Василия Великого на псалмы и некоторых других святоотеческих текстах (ГИМ, Син. 238, лл. 456–789), считающихся переводами Максима Грека // *Црквене Студије.* № 16/II. Ниш, 2019. С. 659–673).

Полученные в последнее время сведения позволяют предположить, что Максим Грек прибыл в Москву, будучи знаком с разговорным и письменным славянским языком, чему он, с высокой степенью вероятности, мог научиться, находясь до приезда в Россию в греческо-южнославянской контактной зоне (*Казимова Г.А.* Некоторые наблюдения над русским почерком Максима Грека в греческой Псалтыри РНБ, Соф. 78 // *Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике.* Вып. 8. М., 2022. С. 242–243). Учитывая все вышесказанное, представляется возможным предположить, что случаи мены генитива и локатива множественного числа существительных в текстах рукописей, содержащих переводные сочинения, переведенные при возможном участии Максима Грека, могут отражать его знание средневековых сербских говоров, которое проявилось после его приезда в Москву в ситуации, когда он, вероятно, переводил напрямую с греческого на церковнославянский без промежуточного перевода на латынь. В качестве важного аргумента обратим внимание на значение глагола «изъявляти», традиционно понимаемого исследователями наследия Максима Грека в значении «переводить». В конце текста Толковой Псалтыри в переводе Максима Грека по списку ГИМ, Щук. 4 (середина XVI в., переписана в Иосифо-Волоколамском монастыре писцом Дмитрием Лапшиным) на л. 798 об. читается: «споспешници же Максиму Греку сущу и латынским гласо(м) греческыи языкъ изъявляюще власие и димитрии беша руси достоверни мужие. и латынскаго гласа зело искусни толмачи великого князя и самодержца всеа руси василиа ивановича. писатели еже беша михаиль медоварцовъ, и селиванъ инокъ иже оу того(ж) максима учился художне еллинскому учению». В Словаре русского языка XI–XVII вв. приводятся следующие значения этого глагола: 1. Явить, обнаружить, 2. Показать, объяснить, потолковать, 3. Сообщить, объявить (Вып. 6. М.: Наука, 1979. С. 214). Представляется, что второе выделенное значение наиболее верно определяет суть процесса перевода с участием Максима Грека — при несомненном знании им в какой-то степени

славянского (сербского) языка не было смысла в последовательном переводе с греческого на латинский и далее с латыни на славянский, при этом уточнение значения того или иного слова при помощи латыни представляется вполне разумным. Принимая во внимание вышесказанное, можно констатировать, что вопрос о возможном авторстве Максима Грека «афонских» повестей заслуживает дальнейшего изучения, поскольку, как выясняется, Максим Грек был хорошо знаком не только с греческим и латинским языками, но и в достаточной степени со славянским (сербским) языком, а помогавший ему русский книжник Михаил Медоварцев, новгородец по происхождению, мог быть тем человеком, благодаря которому «новгородские» повести оказались объединены с «афонскими» в отдельной тетради в рукописном сборнике из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря.

Т.В. Кайгородова

к.и.н., доц. Алтайский филиал РАНХиГС

С.В. Цыб

д.и.н., проф. Алтайский филиал РАНХиГС

О дате погребения князя Александра Невского

Любой эпизод биографии святого благоверного князя Александра Ярославича Невского вызывает непреходящий интерес исследователей, старающихся с максимальной точностью восстановить все детали жизни этого великого деятеля нашей истории. Хронология основных вех жизни князя сейчас реконструирована относительно надежно (например: *Кучкин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // *Отечественная история.* 1996. № 5. С. 18–33), но датирование одного из последних ее фрагментов требует специального уточнения.

Все летописи, описавшие успение Александра, согласно излагают такой рассказ. Возвращаясь во Владимир после многомесячного пребывания в Орде, в Нижнем Новгороде Ярославич почувствовал недомогание, «...и приде на Городец, и пострижесе въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Тое же ноци и преставися...». Из Городца покойника доставили в стольный город, где «...положиша тело его въ Володимири въ церкви Рожества святаго Богородица, ноемвриа 23... на память святого Анфилофья» (НПЛ. С. 83–84, 312–313; ПСРЛ. Т. 5. С. 238–239; Т. 7. С. 148).

Ту же хронологическую версию повторяет и агиографический цикл сочинений об Александре: «И так богови дух свой предасть,

с миром скончася месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа... Положено же бысть тѣло его в Рожестве святыя богородица... месяца ноября в 23 день, на память святого отца Амфилохия» (Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 341–342). Правда, один из списков «Жития...» открывался такой заглавной фразой: «Мѣсяца Ноября в 23 преставися князь Александръ Ярославичъ», что, вероятно, и повлияло на выбор этой календарной даты для фиксации княжеской памяти в месяцеслове Русской православной церкви, но далее следует уточнение в «летописном» стиле: «...скочася мѣсяца Ноября въ 14 день на память св. апостола Филипа... и положено бысть честное тѣло его въ Рожествѣ святыя Богородицы мѣсяца ноября в 23 день, на память св. Филофея епископа» (Сказание о подвигах и жизни святого благоверного и великого князя Александра Ярославича Невского (по списку 13 в.) / Сообщил наместник Свято-Троицкой Сергиев. лавры архим. Леонид. СПб., 1882. С. 4, 11–12).

Однако в списках так называемой Особой редакции «Жития...» содержится оригинальная дата погребения князя: «...месяца ноября в 20 день, на память св. отца (нашего) Григорья Декаполита» (цит. по: *Лихачев Д.С.*, 1962, с. 61). Данная группа списков произведения хотя и уступает по древности так называемой Первоначальной редакции, но, по мнению специалистов, также восходит к архетипному дружинному сказанию о жизни и заслугах князя Александра (Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363), в связи с чем можно подозревать наличие в ее тексте относительно древних и достоверных сведений. Современная историческая наука вслед за церковной традицией без каких-либо сомнений выбрала дату 23 ноября, но только потому, что она количественно преобладает в сохранившихся источниках. Понятно все же, что необычное показание Особой редакции «Жития...» требует объяснения, тем более, что оно отразилось-таки в некоторых хронологических справочниках XIX в. (например: *Соловьев И.* Настольная хронология [замечательных происшествий, полезных открытий, рождения и смерти знаменитых людей от сотворения мира по настоящее время]. СПб., 1852. С. 144; *Гумтис Ю.* Хронология русской истории. Одесса, 1877. С. 21).

По нашему мнению, необычная дата Особой редакции появилась в результате типичной для древнерусской письменности ошибки переписки текста протографов. Первоначальная календарная дата захоронения князя в Богородичном соборе Владимира выглядела как «кѣ· ноября» (23 ноября). Цифра «глаголь» под титлом (гѣ) в рукописном воспроизведении имела форму ·ѣ̆, и когда

буква писалась с удлинением конечных элементов и с наклоном вправо, то могла превратиться в *·ѣ̄*. Известен случай, когда особое написание цифры *·ѣ̄* (3) превратило ее даже в *·ӣ* (8). Во всех летописных источниках смерть князя Всеволода Большое Гнездо датируется «мѣсяца априля въ 13 день на память святаго Мартина папы Римьскаго» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426), что действительно соответствует расписанию святцев, но в Симеоновской летописи встречаем: «...мѣсяца Априля 18 день, в память святого Мартына, папы Римскаго» (ПСРЛ. Т. 18. С. 47).

Трансформированное календарное показание *·кѣ̄* (25) подверглось затем типичной для древнерусской письменности подмене. Последняя цифра помещенного под короткое титло двузначного числа нередко воспринималась переписчиками как окончание, в нашем случае *·кѣ̄е* (20-е). Такие случаи неоднократно отмечаются на страницах древнерусской письменности. Например, все летописи крещение Руси относят к *·ѣ̄сѣ̄* (6495) году, но в Сильвестровском списке несторовского «Жития Бориса и Глеба» это событие датировалось «въ лѣто *·ѣ̄с̄* и *·ѣ̄* и *·ѣ̄*» (6000 и 400 и 90) (Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860. С. 8). На каком-то промежуточном этапе переписки, не отраженном в сохранившихся списках, первоначальный номер года *·ѣ̄сѣ̄* был записан как *·ѣ̄сѣ̄е*, что и привело к «передатировке» исторического события. Таким же образом, по мнению А.В. Карташова (*Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. С. 38*), в одном из списков Устава Ярослава появилась дата «в лето от создания мира *·ѣ̄сѣ̄м̄*» (Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 38), получившаяся в результате потери цифры *·ѣ̄* в числе *·ѣ̄сѣ̄ме̄*, которое присутствует во всех других списках памятника.

Составитель первоначального текста Особой редакции «Жития...», вставив в рукопись искаженную, как мы знаем, календарную дату погребения князя Александра (20 ноября), следуя агиографической традиции, дополнил ее месяцесловным показанием («на память св. отца (нашего) Григорья Декаполита»). Этот преподобный под такой юлианской датой действительно отмечался в древнерусских святцах (*Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 206*). Таким образом, палеографическое и историко-хронологическое изучение оригинального календарного показания погребения князя Александра Невского из Особой редакции посвященного ему агиографического произведения не дает оснований для пересмотра привычной даты этого события.

Вкладные и данные грамоты: сходства и различия

Чем отличаются данные и вкладные грамоты? Традиционно в словарях и учебных пособиях данные грамоты определяются как документы, оформлявшие передачу во владение монастырям и частным лицам сел, земель, промысловых угодий и др. (Краткий словарь видов и разновидностей документов / Отв. ред. А.С. Малитиков. М., 1974. С. 49). Вкладные же в свою очередь описываются как подвид данных грамот (Капитанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 151). Краткий словарь видов и разновидностей документов под редакцией А.С. Малитикова различает вкладные и данные грамоты, указывая на то, что вкладные были разновидностью данных, в которых передача имущества монастырю оформлялась в обмен на помин души: «Вкладная — документ, которым оформлялся вклад в монастырь, дарение частным лицом земли, имущества, денег и т.п. с целью «помина души» (с XII в.); разновидность «данной» (Краткий словарь видов и разновидностей документов / Отв. ред. А.С. Малитиков. М., 1974. С. 49).

Н.Н. Покровский обратил внимание на то, что данные грамоты оформляли не просто передачу земель, а широкий круг сделок с недвижимым имуществом. Так, некоторые данные предусматривали денежную компенсацию вкладчику за землю, уплату его долгов или оговаривали право пожизненного пользования передаваемой землей (Покровский Н.Н. Купчие, данные и меновые грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV — первой четверти XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 80).

Л.В. Черепнин, описывая формуляр данных грамот, выделял следующую структуру: 1) имена владельца недвижимой собственности и наименование той духовной корпорации, которой предназначен вклад; если вклад делают душеприказчики, то их имена; если данная пишется по чьему-то приказу, то имя того, кто приказал, и того, кто писал документ; 2) объект дарения и иногда сведения о том, какими путями оно попало к владельцу (вотчина, купля, выменная земля); 3) перечень тех лиц, «на помин души» которых дается вклад; 4) иногда обозначение границ, иногда формула: «куда ходила соха и топор и коса»; 5) в удостоверительной части содержатся имена послухов и писца (Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. 2. М., 1951. С. 65). Таким образом, Л.В. Черепнин считал «помин души» атрибутом всех данных грамот, а не только вкладных.

Мы провели формулярный анализ актов XV–XVII вв., опубликованных в «Актах Юридических» и озаглавленных как данные (№ 110–119) и как вкладные (№ 120–131). И в данных, и в так называемых вкладных грамотах упоминаются вклады по душе, различия в формуляре выявить не удастся (Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1839. С. 156–168).

Мы проанализировали также формуляр 111 данных грамот конца XIV — начала XVI в. из архива Троице-Сергиева монастыря, опубликованных в Т. 1. «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (АСЭИ). В XV веке еще не выработана устойчивая формула, описывающая передачу земель или имущества монастырю в обмен «на помин души». Это упоминание может находиться в начале грамоты после имени дарителя и названия монастыря (Я такой-то дал такому-то на помин души). Или ближе к концу грамоты: после описания границ передаваемых земель и перед удостоверительной частью. Желание передать землю в обмен на помин души может формулироваться совершенно по-разному: имена родственников могут перечисляться: «по своем брате по Ионе по Кумгане, и по себе, и по своем сыну Фоме» (АСЭИ. Т. 1. № 186), а могут и не указываться вовсе: «по своих родителей да и по своей душе» (№ 206); может упоминаться синодик: «А дал есми по душе отца своего Германа. А им написати его в сенаник да поминати его душу» (№ 66); «А мой господин игумен Сава написал в сенаник отца моего Данила, да мать мою Ефросинью, да брата моего Алексея да и меня» (№ 65). Варьируется и форма формулы: «даю по душе своего мужа Петра и по своей и по своих детях» (№ 210), «и по своем отце, и по матери, и по своих прадедах, и по своей душе» (№ 213).

В исследованных грамотах используется самоназвание «данная»: «А дали есмя данную грамоту без печати» (№ 490). В заголовках к опубликованным в АСЭИ грамотам термин «вкладная» также не используется, все грамоты, вне зависимости от того, упоминается в них «помин души» или нет, классифицированы как данные. Как правило, данные грамоты упоминают о «помине души» как об условии передачи земли или имущества монастырю: из 111 грамот только 30 не содержат таких упоминаний, и большая их часть относится к первой половине XV в.

По-видимому, термин «вкладная» более широко использовался в дореволюционной литературе. Так, в описи коллекции П.М. Строева, хранящейся в Архиве СПбИИ РАН, и опубликованной в начале XX в., грамота 1567 г. (Д. 42) классифицирована как вкладная (ЛЗАК за 1904 г. Вып. 17. СПб., 1907). Так же она названа при публикации в «Актах юридических» (№ 125). Начальный формуляр грамоты не

отличается от данных грамот: «Се яз Савин Борисов сын Ступишин дал есми в дом Пречистые Богородици в Осифов монастырь игумену Лаврентью з братьею в наследие вечных благ по своей братье по Ондреяне да по Иеве по Борисовых детех Ступишина свой починок вотчинной...» (Архив СПбИИ РАН. РС. Колл. 12. Оп. 1. Д. 42. Л. 1). В грамоте использовано самоназвание «данная»: «А сю даную яз Савин сам писал своею рукою лета 7000 семдесят пятово» (Там же).

Итак, в некоторых классификациях актов выделяются вкладные грамоты, упоминающие «помин души», как разновидность данных грамот. Однако, как видно из анализа комплекса документов Троице-Сергиева монастыря, большинство грамот, закрепляющих передачу земель или имущества монастырю, содержат пункт о поминовении как условие передачи, а самоназвание «вкладная» не встречается. Таким образом, выделение вкладных как отдельного подтипа данных грамот представляется нецелесообразным.

Т.М. Калинина

Румийа — город в Ираке

Византию арабы называли *ар-Румом* (El Cheikh: 601–602). Городом или страной *ар-Румийа* арабские писатели называли Рим, в ряде случаев Римскую империю (например, Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kâsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah Ibn Khordâdhbeh... / de Goeje M.J. Lugduni Batavorum, 1889. PP. 104, 155; Kitâb at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdi... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 122, 245 etc.; Traini R. Rumiya // EI New ed. Vol. VIII. P. 612–613 и многие другие). Слово «ар-румийа» еще использовалось как прилагательное от названия *Рум*, т.е. «византийский» или «итальянский» (например, Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik... P. 112, 153 и др.), а также как этноним для обозначения римлян или византийцев (например, Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik... P. 92; Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni... / M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. P. 6, 145 etc.; Kitâb al-A'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. P. 126; Kitâb at-tanbih wa'l-ischrâf auctore al-Masûdi... P. 182 etc. и др.). В значении «Византия» или «византийцы» употреблял это слово и ал-Йакуби, писатель IX в. (Kitâb al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakûb ibn Wadhîh al-Katib al-Jakûbi / M.J. de Goeje. Leiden, 1892. P. 324).

Именно ал-Йакуби упомянул город *Румийа*, «который следует за ал-Мада'ином и о котором говорят, что румийцы построили его,

когда одержали победу над персидским царем» (Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakûb ibn Wadhîh al-Katîb al-Jakûbî... P. 321). Мада'ином (т.е. «городá») — мн. ч. от слова *мадина*, город) арабы именовали богатейшую столицу Сасанидского (а ранее Парфянского) государства Ктесифон с предместьями. Ктесифон был разрушен в 637 г. арабскими войсками (Liber expugnationis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beladsori, quem e codice leidensi et codice Musei Britannici / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866. P. 262 etc., Abu Hanifa ad-Dinaweri. Kitab al-ahbar at-tiwal. Publié par V. Guirgass. Leide, 1888. P. 133; Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ubn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M.J. de Goeje. Series I–III. Lugduni Batavorum, 1879–1901. I, 2431 etc.; Ibn Wadhîh qui dicitur al-Ja'qûbi. Historiae / M. Th. Houtsma. Leiden, 1883. T. II: 165; Kröger J. CTESIPHON // Encyclopædia Iranica, VI/4, pp. 446–448. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ctesiphon> (дата обращения 15.01.2022). Ал-Йа'куби перечислил несколько городов, расположенных по обоим берегам Тигра, из которых некогда состоял ал-Мада'ин: на восточном берегу Старый город и Асбанбур, на расстоянии часа пути от них — город Румийа (Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakûb ibn Wadhîh al-Katîb al-Jakûbî... P. 321).

Ал-Йа'куби отметил, что город построили румийцы после победы над неким персидским царем. Румийа имеет сложную историю, а его точное местоположение пока не ясно. По данным других историков, после разгрома Антиохии в 540 г. Хосров I Ануширван (531–570) построил вблизи Ктесифона город, возведенный по плану разрушенной Антиохии для взятых в плен горожан, подданных Византии [Streck–[Moroni]: 945], который называли Вех-аз-Андив Хосров («Лучше Антиохии [сделал] Хосров»), или Арумиган («поселение Ромеев»), или Шахристан-и-Ног («Поселение Ромеев») (*Мишин Д.Е.* Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и получение в «Истории» Мискавейха. М., 2014. С. 513). Арабы впоследствии назвали его *Румийа* (Табари: I, 898, 959; Динавари 1888: 70); ал-Мас'уди назвал его *Румийа ал-Мада'ин* (Maçoudi. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1871. T. VIII. P. 178).

Разгромленный Ктесифон (Мада'ин) со временем терял свое значение, его жители переселялись в предместья, образуя новые города. По данным Хамдаллаха Казвини (XIV в.), на месте бывшей великолепной столицы Сасанидов возникло семь городов: Мада'ин (малая часть бывшего Ктесифона), Кадисийа, Хира, Бабил, Нахраван, Хулван и Румийа, находившаяся ближе всех к Мада'ину (*Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1971. С. 194).

Откуда же были получены сведения ал-Йа'куби о противоположной акции, т.е. о постройке города не персидским царем, а румийцами? Недаром автор предварил свои данные словами: «...Говорят, что...».

С одной стороны, не исключено, что наш автор использовал византийские источники о событиях парфянской истории, когда город побывал под властью римлян (например, Септимий Север переселил часть населения Ктесифона, но куда — неизвестно); в сасанидский период город был ненадолго захвачен императором Аврелием Каром (Kröger J. CTESIPHON. P. 446–448). Возможно, именно поэтому ал-Йа'куби вынес впечатление об устройстве города Румийа пленниками-византийцами.

С другой стороны, возможно, что автор-араб из патриотических соображений не пожелал привести сведения о положительных действиях персидского владыки Хосрова I Ануширвана. При этом наш автор заключил фрагмент словами: «В нем [городе Румийа — Т.К.] находился эмир верующих ал-Мансур, когда убил Абу Муслима» (Kitab al-boldan auctore Ahmed ibn abi Jakûb ibn Wadhîh al-Katib al-Jakûbi... P. 321), подчеркнув тем самым особое значение города с названием Румийа для арабов.

А.Л. Каретников
зав. археологическим сектором
Гос. музея заповедника «Ростовский кремль»

Сара или Гда? Об историческом названии главного притока озера Неро

В связи со сложностью изучения финно-угорского субстрата в топонимии Ростовской земли перспективным представляется создание подробных каталогов потапонимов речных бассейнов с указанием на упоминания названий в письменных источниках XV–XX веков. Рассмотрим один из сюжетов, связанный с именем главного притока озера Неро.

Долгое время считалось, что р. Сара, соединяясь с р. Печегдой в районе г. Петровска, образует новую реку под названием Гда, которая впадает в оз. Неро. Причины такого представления непонятны. С географической точки зрения Сара и Гда — это одна и та же река, так как Печегда значительно уступает Саре по ширине и не может считаться равноценной рекой. Протяженность рек Сары, Гды и Печегды — 50, 25 и 14 км соответственно.

В 2016 г. А. Альквист опубликовала статью (Альквист А. «Дебольский городец на реке Саре»: К этимологии двух топонимических

гнезд // Археология: история и перспективы. Седьмая межрегиональная конф. Ярославль, 2016. С. 5–27), где сделала вывод о том, что Сарское городище могло называться *Сара или *Саара («остров; островной»), и отметила, что «природный объект, рассматриваемый древним населением как остров (полуостров) на реке, вполне мог дать наименование и самой реке Сара». Судя по тексту, А. Альквист посчитала потамоним Гда второстепенным фактом для ее исследования.

Нами выявлено и проанализировано более ста письменных и картографических источников XVI — начала ХХI в. с упоминанием рек Сара и Гда. Среди источников имеются как рукописные материалы (в т.ч. карты), так и тиражные (книги, карты). Изученные источники мы рассматриваем как репрезентативную выборку.

Первое упоминание р. Сары содержится в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1216 г.: «И быша на городище на реце Сарре у святой Марине». Летописный пункт надежно локализован в верховьях р. Сары у с. Филимоново Ростовского р-на в урочище Гора Святой Марии.

Река Гда впервые упоминается в так называемом Тверском летописном сборнике, который был составлен автором «отъ веси Ростовскихъ областей» около 1534 года. Городище на р. Где автор сборника связал с Александром Поповичем: «И съзываетъ ихъ къ себе въ городъ, обрыть подь Гремячимъ колодеземъ на реце Где, иже и ныне той сопъ стоять пусть». Как установил еще в 1974 г. А.Е. Леонтьев, это первое упоминание Сарского городища. Река Гда указана в грамоте Ивана Грозного ростовскому архиепископу Никандру 1555 г.: «ловят... да в реке во Где».

В списке с писцовой книги 1592/1593 г. потамоним фигурирует 8 раз («на р. Где», «за р. за Гдою»). На левом и частично на правом берегу реки находилась вотчина Троице-Сергиева монастыря с центром в с. Дебала (совр. Деболовское): сц. Новое, пустошь, припущенная к д. Огарева, слободка Потоповка «у государева... села у Поречья». Другая часть вотчины с центром в с. Новое (совр. Новотроицкое) находилась в верховьях р. Сары. Последняя упомянута в тексте 13 раз.

Наиболее подробным источником по рассматриваемому вопросу является писцовая книга Ростовского уезда 1629–1631 годов. Река Гда в ней упоминается 50 раз. Она указана как географический ориентир для следующих поселений: д. Техново (совр. Теханово), д. Зиновьево, д. Левина Гора, с. Дебалы, сц. Новое (совр. д. Ново в р-не с. Поречье), слоб. Потаповка, с. Подлесное, с. Скнетиново. Все они, за исключением Потаповки, сохранились до настоящего времени.

Городище, позднее вошедшее в научный оборот как «Сарское», упомянуто в книге следующим образом: «Пустошь, что была деревня Слободка зь Городцом на реке на Где, а в ней шесть мест дворовых». Точное отождествление этой пустоши с территорией Сарского городища стало возможным благодаря материалам Генерального межевания, где пустошь фигурирует под тем же именем, что и в писцовой книге.

Река Сара упомянута в писцовой книге 45 раз, Сарское болото — 5 раз. К реке Саре выходили угодья следующих населенных пунктов Троице-Сергиева монастыря: с. Новое, д. Микиткино (совр. д. Никитино-Троицкое), д. Чопурово (совр. д. Чепорово), пустошь Рухлево (совр. д. Рухлево). Поселениями вотчины Кирилло-Белозерского монастыря на р. Саре были с. Спаское, Смертино тож (совр. Спас-Смердино), д. Федорково, д. Лазорево. Среди помещичьих поселений на Саре названы д. Тарасава (совр. Тарасово) и д. Филимоново (совр. с. Филимоново). Все поселения на Саре находились на левом берегу реки, правый берег относился к Переславскому уезду.

На чертеже конца XVII в. (РГАДА) указаны как река Сара, так и река Га. Последняя подписана ниже с. Горки Переславского уезда (совр. д. Горки) и выше с. Деревни, то есть в районе совр. г. Петровска.

Материалы Генерального межевания (1770-е гг.) хорошо согласуются с более ранними сведениями. Нами просмотрены сводные уездные карты, экономические примечания и планы отдельных дач Ростовского и Петровского уездов.

С конца XVIII в. в печатных изданиях начинают появляться неточности, которые впоследствии способствовали вытеснению названия Га названием Сара. Так, в пятом томе Нового и полного географического словаря Российского государства (1789 г.) написано, что река Сара вытекает из Сарского болота и впадает в Ростовское озеро. В Топографическом описании Ярославского наместничества (1794 г.) указано, что в Неро «впадают реки Га и Сара». Хотя в приложенной к изданию карте, составленной губернским землемером И. Корневым, обе реки подписаны правильно.

В 1820 г. в Вестнике Европы вышла заметка купца Н.И. Бояркина, в которой тот безосновательно соотнес осмотренное им городище у с. Деболы с упомянутой выше летописной статьей 1216 года. В 1854 г. он передал сведения о памятнике археологу П.С. Савельеву. В 1871 г. граф А.С. Уваров опубликовал материалы последнего по раскопкам городища. Так в научной литературе появилось название Сарское городище.

Различные источники XIX–XX вв. показывают, что постепенно к 1941 г. название Сара вытеснило название Га.

Погон архимандрита Исаакия (Виноградова)

В Музее Русского Зарубежья представлен погон капитана стрелкового полка Дроздовской дивизии Ивана Васильевича Виноградова (архимандрита Исаакия). Интересен он не только тем, что изготовлен уже на чужбине, но и тем, что его владелец ко времени построения погон готовился принять монашеский сан или уже принял его.

Иван Виноградов с детства мечтал стать священником, окончил Санкт-Петербургское 1-е реальное училище, поступил в Императорскую Санкт-Петербургскую Духовную академию, но со второго курса был призван в армию. Окончив ускоренные курсы Владимирского пехотного юнкерского училища, произведен в офицеры и в 1916 г. отправлен на Румынский фронт, где командовал ротой. Вместе с отрядом генерала Дроздовского пришел из Ясс в Новочеркасск и прошел с Дроздовским полком весь его трудный, героический и трагический путь. Был трижды ранен. О чем вспоминает и генерал-майор А.В. Туркул в книге «Дроздовцы в огне»: «Этот бой (бой под Гейдельбергом, где дроздовцы наголову разбили превосходящие силы противника — Д.К.) звался у дроздовцев «боем адъютантов». Все полковые адъютанты были переранены или убиты... мой штабной адъютант штабс-капитан Виноградов — теперь, в изгнании, принявший монашество, — ранен...» (Туркул А.В. Дроздовцы в огне. М.: Вече, 2018. С. 214). И.В. Виноградов писал стихи; в 1919 г. родилось стихотворение «Я рыцарь и монах», в котором автор очень проникновенно и образно писал о своей мечте — служить Богу, но пока идет война за Россию — он должен сражаться:

Я рыцарь и монах. Такое сочетание
Необычайно в наш практичный век,
Когда монахом быть нет у людей желанья,
От рыцарства далек наш человек.

(Окунева А.В. Весна моего монашества: Жизнеописание и духовное наследие архимандрита Исаакия (Виноградова) 1895–1981. М.: Паломник, 2011. С. 478).

Эвакуировался вместе с Русской Армией из Крыма в Турцию, с 1921 г. — в Обществе Галлиполийцев, вместе с Дроздовским полком, переехал в Болгарию, потом в Сербию, Грецию. И.В. Виноградов работал на щеточной фабрике, продавал газеты, нанимался на тяжелые сельскохозяйственные работы. В 1926 г. он был принят на второй курс Свято-Сергиевского богословского института в Париже. И уже

через год митрополитом Евлогием (Георгиевским) был пострижен в монахи — сбывлась, наконец, его юношеская мечта. Возведен в сан иеродиакона, в 1928 г. — в сан иеромонаха. В июне 1928 г., в день десятилетнего юбилея присоединения отряда полковника М.Г. Дроздовского к Добровольческой армии служит свою первую поминальную панихиду по убитой императорской семье, по павшим генералам Добровольческой армии, по всем погибшим русским воинам. В 1928 г. иеромонах Исаакий переехал в Прагу, где служил в Свято-Никольском Соборе в церкви Пресвятой Богородицы. В 1932 г. получил сан игумена, в 1936 — 14 января 1936 года, в Рождественские праздники, пришла из Парижа телеграмма: «Поздравляю Исаакия — Архимандритом — Евлогий» (*Окунева А.В.* Указ. соч. С. 80). Был ближайшим помощником архиепископа Сергия (Королева). Преподавал на Русских курсах в Русской Академической группе Закон Божий, организовывал летние лагеря организации «Витязь», сам выезжал туда и много времени проводил с детьми: служил молебны, рассказывал о России, шутил и играл с юными «витязями». С 1927 г. — член Русского Общевоинского Союза, с 1944 — главный священник РОВС. После вступления Красной Армии в Прагу был арестован, вывезен в СССР и приговорен к 10 годам лагерей. Но в 1946 г. по ходатайству архиепископа Сергия (Королева) и патриарха Алексия I был освобожден из лагеря и отправлен в город Актюбинск, под надзор. В 1947 г. переезжает в Алма-Ату настоятелем Казанского храма, с 1947 г. он — настоятель Никольского кафедрального собора и секретарь Алма-Атинского епархиального управления при митрополите Николае (Могилевском). В 1958 г. архимандрит Исаакий переехал в город Елец и стал настоятелем Вознесенского собора, где и служил до последних дней.

Дроздовцы — одна из самых известных «цветных» воинских частей Добровольческой Армии, затем Вооруженных Сил Юга России, Русской Армии. Полковник Михаил Гордеевич Дроздовский сформировал Бригаду Русских добровольцев и привел ее с разваливающегося фронта на соединение с Добровольческой армией. Из Ясс (Румыния), пройдя 1200 верст, они пришли в Новочеркасск. В июне 1918 г. Бригада Русских добровольцев под командованием полковника М.Г. Дроздовского вошла в состав Добровольческой армии. Дроздовцы были одним из самых надежных, боеспособных и отважных подразделений Добровольческой армии. Для них была характерна спокойная храбрость и высокий воинский дух. На гимнастерках, кителях и шинелях они носили яркие малиновые погоны — свой отличительный знак.

В эмиграции И.В. Виноградов построил погон Дроздовского полка. Мы можем определить этот погон как сувенирный, памятный по материалу (бархат, материал мягкий, и, если бы его активно носили, то были бы следы потертостей), и по фигурной букве «Д» — знаку Дроздовцев, который появляется на погонах только после гибели М.Г. Дроздовского, когда полку было присвоено его шефство, и по цветам (малиновый — цвет Дроздовцев, черный — вечный траур по почившему генералу М.Г. Дроздовскому), и по двойной выпушке. Во время боевых действий такой погон вряд ли носился бы, там все было проще. По состоянию самого погона видно, что его не носили, хранили как память. И самое главное — живя на чужбине, готовясь принять монашеский сан, или уже приняв его, архимандрит Исаакий продолжал считать себя русским воином и русским офицером. И хранил он этот погон всю жизнь.

*И.А. Кирпичников
к.и.н., с.н.с. Института истории СПбГУ*

Трансформация рязанского выборного дворянства в первой трети XVII века

*Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ),
проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты
Русского государства в переломные периоды российской истории
в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования
Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)»*

Исследование выборного дворянства имеет большое значение для изучения истории социальной элиты Московского государства. Особый интерес представляют процессы трансформации данной чиновной группы в первой трети XVII в., которые являлись элементом масштабной перестройки «государева двора» и региональных служилых сообществ по итогам Смутного времени (*Павлов А.П. Государев двор в первой половине XVII в. (1613–1645) // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII века. СПб., 2006. С. 308–373*). Эти изменения обсуждаются в настоящей работе применительно к верхушке рязанского служилого «города», принимавшего активное участие в событиях кризисной эпохи.

Полный состав рязанского выборного дворянства представлен в двух «боярских списках» начала XVII в. (1602/03 и 1606/07 гг.), а также в серии послесмутных «боярских книг» и «подлинных» «боярских списков» (1626–1629 гг.). Динамика «выбора» в период между этими памятниками может быть прослежена лишь

фрагментарно. В частично сохранившейся копии рязанской разборной десятни 1621/22 г. перечень данной чиновной группы утрачен. Большое значение имеют пять списков рязанских служилых людей первого послесмутного десятилетия, в конце XVII в. представленные в Палату родословных дел (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18: 1) Д. 82. Л. 10–13, 25, 37; 2) Д. 48. Л. 14–16; 3) Д. 82. Л. 16–20, 35; 4) Д. 82. Л. 24, 26; 5) Д. 133. Л. 12–15). Информация для реконструкции чиновных траекторий отдельных служилых людей содержится также в ряде других источников, сохранившихся в архиве Разрядного приказа.

Ключевой тенденцией, которая характеризует рязанское выборное дворянство в рассматриваемый период, является замещение старой уездной элиты, постепенно закреплявшейся в «московских» чинах, выходцами из новых фамилий. Сравнение «боярских списков» 1602/03 и 1606/07 гг. показывает ранний этап данной трансформации (применительно к «государеву двору» в целом см.: *Киртичников И.А.* Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа боярских списков 1602–03 и 1606–07 гг.) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 589–593*). В первые годы Смуты в «выбор» были пожалованы три представителя семейств, которые были новыми для данной чиновной группы. Дальнейшее развитие этого процесса привело к тому, что за два десятилетия генеалогический состав рязанского выборного дворянства обновился более чем наполовину. Главным источником пополнения рязанского «выбора» стала прежняя верхушка дворовых детей боярских. Многие новопожалованные получали вотчинную землю за «осадные сидения», что может указывать на один из критериев определения служебной выслуги. Характерно, что большинство новых выборных дворян принадлежали к фамилиям нетитулованных переселенцев опричной эпохи, в то время как из старых рязанских вотчинных родов в «выбор» продвинулись лишь единицы.

Численность рязанского выборного дворянства, снизившаяся в начале Смуты (ввиду перехода ряда служилых людей в «московские» чины), к 1627 г. вернулась на прежний уровень (1602/03 — 36 чел.; 1606/07 — 24; 1627 — 37). При этом значительно изменилась структура «выбора». В результате верстания Лжедмитрия I все выборные дворяне получили высокие оклады (500–700 четей), и новая иерархия заметно отличалась от равномерной «лестничей» окладов (250–600 ч.) досмутной эпохи. К 1627 г. оклады снова обрели вид «лестницы» (300–900 ч.), однако их верхний показатель существенно повысился: половина выборных дворян имели оклады 700–900 ч., причём сразу четверо — наибольший оклад 900 ч. В этот период средняя величина окладов рязанского «выбора» достигла

максимального значения за всю историю данной чиновной группы. Однако реальное обеспечение служилых людей поместной землёй выросло весьма незначительно.

Систематическое исследование назначений рязанских выборных дворян показывает падение статуса данной чиновной группы. Многие члены «выбора» несли службу исключительно «с городом», а редкие «разрядные» посылки ограничивались должностями второго плана главным образом в рамках Рязанского уезда. Такое положение контрастировало с ситуацией досмутной эпохи, когда местные выборные дворяне были включены в систему ротации командного состава на обширной территории южного пограничья, а также были задействованы на дальних «именных» службах. В то же время «рязанский разряд» стал пространством активных местнических столкновений, в которых «неродословные» выдвигенцы не только били челом друг на друга, но и пытались (впрочем, без успеха) местничать с представителями видных столичных фамилий.

Таким образом, за первую треть XVII в. произошла значительная трансформация генеалогического и персонального состава, а также структуры и статусного положения рязанского выборного дворянства. Процесс инфляции чина продолжался в следующие десятилетия, когда выборные дворяне окончательно утратили связь с иерархией «государева двора», а их численность стремительно увеличилась.

*А.Л. Клейтман
д.и.н., в.н.с. ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН,
начальник отдела ГБУ «Волгоградский
областной научно-производственный центр
по охране памятников истории и культуры»*

Европейские карты XVII–XVIII вв. как источник по истории Волго-Донского канала Селима II

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект № 22-28-20016) и Администрации Волгоградской области*

В 1569 г. во время похода турецкого и крымского войска на Астрахань была предпринята первая попытка строительства канала между Волгой и Доном. В различных источниках содержатся противоречивые сведения о месте его строительства. В районе г. Петров Вал Камышинского района Волгоградской области находятся два объекта археологического наследия, связанных с попытками соединения

Волги и Дона судоходным каналом. С конца XVIII в., сначала в устных исторических преданиях, а затем и в историографии, утвердились представления о том, что во время турецкого похода на Астрахань канал строился именно здесь, через приток Волги Камышинку и приток Дона Иловлю. С 1780-х гг. один из сохранившихся рвов стал называться местными жителями «Турецкий вал». С 1840-х гг. многие исследователи сходились во мнении, что сохранившиеся в данном месте остатки гидротехнических сооружений были связаны с работами по проведению канала между Камышинкой и Иловлей, которые велись в 1690-х — начале 1700-х гг. 1697 г. под руководством И. Бреккеля и Дж. Перри. В силу скудости источниковой базы, исследователи обосновывали свою позицию, главным образом, путем анализа природного ландшафта и здравым смыслом: для турецкого войска не было необходимости двигаться дополнительные несколько десятков верст вверх по мелкой и извилистой речке Иловле, а логичнее было бы постараться прорыть канал на месте существовавших волоков между Доном и Волгой в районе г. Царицына.

Рукописные и печатные карты XVII–XVIII вв. в качестве исторического источника при изучении данного сюжета до настоящего времени не привлекались. Как показало знакомство с данными картами, в последние годы размещенными в интернет, на многих картах еще в допетровскую эпоху отображался канал Селима II. В связи с этим в настоящее время есть возможность более детально проанализировать, как европейские ученые локализовывали место строительство канала Селима II.

На карте *Novissima Russiae Tabula* Исаака Массы издания Яна Янсонниуса в месте наибольшего сближения Волги и Дона, немного ниже г. Царицына была приведена надпись: *Fosa Kamouz* и проведена сплошная линия, обозначающая соединение Волги и Дона, под этой линией указано: *Pereuolok* (<https://geoportal.rgo.ru/iipview/167>). Также показана ситуация на Волго-Донской переволоке в «Большом атласе, или Космографии Блау» 1667 г. (<https://web.archive.org/web/20100722112221/http://www.library.ucla.edu/yr1/reference/maps/blaueu/russia.jpg>). На карте *Moscoviae seu Russia Magnae Generalis Tabula...* издания Николаса Висхера водоем, соединяющий Волгу и Дон, показан на этом же месте, но надпись *Kamouz* уже отсутствует (<https://geoportal.rgo.ru/record/110>). На карте *Nova Tabula Imperii Russici, ex omnium accuratissimis* Ф. Халма первых лет XVIII в. речка, соединяющая Волгу и Дон, показана выше г. Царицына, но ниже речки Камышинки, и подписана *Lowa*. Направления и протяженность притоков Волги и Дона на этой карте не соответствуют реальным, эти речки были обозначены схематически (<https://geoportal.rgo.ru/iipview/128>).

На карте *La Russie Blanche ou Moscovie divisée suivant l'estendue des Royaumes, duchés...* французского картографа Сансона Гийома (1633–1703), составленной в конце XVII в., между Голубым (*Coloebeja*) и Паньшиным (*Pansien*) казачьими городками на Дону и немного ниже Царицынской крепости на Волге был отмечен водоем, соединяющий Волгу и Дон, подписанный *Communication de la Mer Noira la Mer Caspienne* (https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b_531921368/fl.item.zoom). На данную карту была нанесена речка Камышинка, но не были указаны притоки Дона Иловля и Медведица. На карте Гийома Делиля, названной *Imperii Moscovitici pars Australis*, опубликованной в 1730 г., были приведены уже гораздо более детальные сведения о междуречье Волги и Дона. Были схематически отмечены притоки Дона и Волги. Более точно были показаны течения речек Камышинка и Иловля. Их верховья практически сходились между собой, были разделены небольшим участком суши. Речка Царица показана как доходящая практически до Дона, но в непосредственной близости от него разделенная небольшим участком суши. Выше Царицына, на местности, названной *Pere Volock* указан еще один водоем, соединяющий Волгу и Дон, подписанный *Canalis incoeptus* (<https://uu.georeferencer.com/maps/50d1486a-4ee8-5afb-af67-bbada367cb55/view>). В 1768 г. на страницах журнала *Philosophical Transactions* была опубликована составленная английским путешественником И.Р. Форстером, направленным для инспектирования новозаведенных в Поволжье немецких колоний, карта Астраханской губернии, на которой был отмечен «канал Перри, 1697–1701 гг.» в междуречье Иловли и Камышинки, и вблизи от станицы Качалинской, в устье речки Тишанки — «канал, сделанный султаном Селимом II в 1568 г.» (*Philosophical Transactions*. 1768. Vol. LVIII. P. 216.).

Как показывает проведенный нами анализ, на протяжении XVII — начала XVIII в. шел процесс постепенного накопления достоверных географических знаний о междуречье Волги и Дона. На протяжении долгого времени ученые знали, что в районе Царицына была местность называемая Переволока, откуда можно было через небольшие протоки попасть из Волги в Дон, однако они не знали названия и места расположения всех этих речек. В последние годы XVII – начале XVIII в., после публикации атласа К. Крюйса, вероятно, после передачи во Францию карт России Ж.Н. Делилем, у европейских картографов появилась более детальная информация об этом регионе. Помимо речки Царицы, которая «почти» соединяла Волгу и Дон (до настоящего времени существуют речки Донская Царица и Царица, впадающая в Волгу), отдельно стал отмечаться запроектованный, но не законченный канал. Канал этот наносился не на

речках Камышинка и Иловля, а в районе г. Царицына. Таким образом, европейские ученые считали, что канал для соединения Волги и Дона строился не там, где сейчас находится памятник археологии «Селимов вал», а значительно южнее.

А.Ю. Козлова
к.ф.н., доц., ГОУ ВО МО ГСГУ

К вопросу о сокращенных списках Толковой Палеи

В начале XXI в. произошел прорыв в археографическом изучении Палеи: благодаря исследованиям Т. Славовой, Б.А. Успенского, Т.В. Анисимовой к настоящему времени стало известно около 90 палейных списков. И, кроме рукописей, в которых представлен полный текст памятника, выявлено большое количество неполных списков, которые определяются исследователями как отрывки, неполные, сокращенные, фрагментарные списки, извлечения из Палеи и т.д.

Проблему бытования неполных палейных списков впервые поднял А.Н. Попов, который опубликовал сокращенный текст Палеи по сборнику РНБ, Софийское собр., № 1448 (*Попов А.Н.* Книга бытия небеси и земли: (Палея историческая с приложением Сокращенной Палеи русской редакции) // ЧОИДРЛ. М., 1881. Январь–март. Кн. 1. С. 1–92) и назвал его *Сокращенной палеей русской редакцией*. Е.Г. Водолазкин отметил, что название *Сокращенная Палея* может внести путаницу, поэтому предложил назвать список по имени предполагаемого составителя или владельца сборника – *Палеей Гурия Рукинца* (*Водолазкин Е.Г.* Ефросиновская Палея: до и после (на материале апокрифа о мыши в Ноевом ковчеге // *Russica romana*. 2007. Vol.14. С. 21–22).

Татьяна Славова в монографии «Тълковната палея в контекста на старобългарската книжнина» указала 25 отрывков из Толковой Палеи в составе различных сборников (*Славова Т.* Тълковната палея в контекста на старобългарската книжнина. София, 2002. С. 36–37).

Непосредственный анализ неполных или сокращенных палейных списков позволил наметить среди них несколько групп.

1. Списки, в которых были утрачены начало, конец, первая или вторая половина текста памятника. Таких рукописей очень много: ГИМ, Барс.621 (XV в.), НГОМЗ (г. Великий Новгород) КП 30056-27/КР 52 (кон. XVII — нач. XVIII в.) и т.д. Недавно Т.В. Анисимова высказала мнение, что две рукописи: РНБ, Q.1.325 (60-е гг. XV в.) и РГБ, ф. 304. I (Главное собрание Троице-Сергиевой Лавры) № 731 (нач. XVI в.) – представляют части одного списка (*Анисимова Т.В.*

Неизвестное обращение к жидовину в окончании Толковой Палеи конца XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. Вып. 1. С. 39). Исследование первой части этого списка (РНБ, Q.I.325) затруднено не только тем, что он неполный, с лакунами, но тем, что листы перепутаны и подшиты абсолютно бессистемно.

Особо отметим случай, когда рукопись представлена в виде фрагментов – ИРЛИ, Пинежское собр. 505, но эти фрагменты складываются в неучтенный список Палеи XV в. (*Савельева Н.В.* Принципы и особенности описания рукописных территориальных собраний (к описанию Пинежского собрания Дрeвлекранилища ИРЛИ РАН) // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Архангельск, 29–30 июня 2001 года). Архангельск, 2001. С. 38–47).

2. Палея — компилятивный памятник энциклопедического характера, поэтому наряду с передачей или пересказом текстов Ветхого Завета в нем присутствуют различные толкования и комментарии. Нам удалось обнаружить интересную подборку естественнонаучных сведений из Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, вошедших в Толковую Палею, – Сборник (Кормчая, Русская Правда, Палея) (ГИМ, Муз. 1009 (XV в.)). Причем эти фрагменты представляют не буквальные выписки из Шестоднева, а уже отредактированный и русифицированный текст. Это не извлечения из Палеи, а так называемые допалейные, «подготовительные материалы».

К текстам подобного типа относится так называемая «Статья о природе», которая вошла состав не только Толковой Палеи, но и Златой Матицы (*Водолазкин Е.Г.* О Толковой Палее, Златой Матице и «естественнонаучных» компиляциях // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 80–90).

3. Наибольший интерес представляют извлечения и компиляция сведений из Толковой Палеи монаха Ефросина из Кирилло-Белозерского монастыря. В палеистике даже существует термин Ефросиновская Палея (*Дмитриева Р.П.* Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины») // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского циаала. М.; Л.: Наука, 1966. С. 273–276; *Водолазкин Е.Г.* Из истории Кирилло-Белозерских Палей // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2014. С. 286–309).

Важно отметить, что большое количество сокращенных списков стало появляться с начала XVI века – в эпоху борьбы с ересью жидовствующих. Сокращенные списки входили в сборники,

вышедшие из Геннадиевского книжного кружка. Так, в сборник РГБ, ф. 304. I (Главное собрание Троице-Сергиевой Лавры) № 779 включены, кроме других произведений, русская переработка Слова Козмы Пресвитера, послание Дмитрия Траханиота архиепископу Геннадию и сокращенный вариант Толковой Палеи. Несмотря на полемическую направленность сборника, его редактор-составитель выписывает из Палеи описания природы и животного мира, географические сведения, исторические материалы.

4. Наконец, множество сокращенных списков обнаруживается среди палейных рукописей XVIII в. Среди них чаще всего встречается сокращенная передача Палеи в составе сборников: например, ГИМ, Забел. 316.

Особый интерес вызывает рукопись ГИМ, собр. Е.В. Барсова, № 628 (XVII в.), представляющая выписки из Палеи. Её назначение не очень понятно: какой-то человек с устоявшимся бисерным почерком, очень аккуратно делал выписки из Палеи, но почему-то не по порядку. Такое своеобразное изложение палейного материала наталкивает на мысль, что эта рукопись представляет собой выписки для личного использования или подготовительные материалы для какого-то другого произведения.

Энциклопедичность, объемность, содержательная сложность обусловили такую особенность бытования текста Палеи, которая заключается в извлечении в разные эпохи из этого памятника отдельных фрагментов, в создании сокращенных списков в соответствии с интеллектуальными запросами читателя. Анализ извлечений из Палеи позволит прояснить аспекты бытования текста в книжности Древней Руси.

В.И. Колесов
независимый исследователь (Краснодар)

Через генеалогию к семейным историям и сетевым акторным связям джегонасских горских евреев

*Доклад подготовлен при поддержке РФФ (проект № 23-28-00106),
организация — Южный федеральный университет*

Группообразование было определено Бруно Латуром как перманентный процесс (*Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 43*) и, в этом контексте, истории семей и семейно-сетевые связи индивидов способствуют пониманию границ группы, включенность в группу, выбор идентичности и т.д. Понятие «горские евреи Кавказа» объединяет

совокупность разнообразных общин, обладающих лингвистической, культурной, хозяйственной спецификой, и как считает Дан Шапира, только в XVIII–XIX вв. начавших оформляться в новую общность (*Шапира Д.* Общины евреев Востока на территории Российской империи и СССР // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени. Т. 1. М., 2010. С. 83). Тем самым, в каждом случае община (группа семей) уникальна, в том числе, и по своей истории: уникален контекст взаимодействия с окружающим горским населением, сетевые отношения с другими горско-еврейскими общинами. Изучение каждой такой общины способствует определению границ общности «горские евреи», раскрывает локальные особенности, наполняет культурную палитру новыми «красками», но, в то же самое время, демонстрирует сетевые-акторные связи между группами на уровне семей, брачные контакты, совместную профессиональную деятельность, что и позволяет утверждать о наличии таковой общности в целом. В этом смысле внимание к джегонасским горским евреям Северо-Западного Кавказа не только оправдан, но и научно обоснован, как к самой западной (географически) локальной группе семей из всех кавказских горских евреев. В докладе использованы документы, выявленные в Гос. архиве Краснодарского края (ГАКК), ГАРФ, а также размещенные на порталах obd-memorial.ru, podvignaroda.ru, pamyat-naroda.ru документы Центр. архива Мин. обороны РФ. Горские евреи, проживавшие в Джегонасско-Еврейском поселке Баталпашинского уезда (отдела) Кубанской области (ныне — территория Карачаево-Черкесии), занимались кожевенным ремеслом и меновой торговлей среди окружающего населения, помимо своего «парского» (татский, один из иранских) языка владели в разной степени местными «горскими» языками (ногайским, карачаевским, возможно и абазинским). Поселок образовали в 1863 г. две группы семей, уже к тому времени жившие в том районе: к оставшимся на месте евреям после ухода ногайцев Тохтамышевской «орды» присоединились евреи, ранее жившие вместе с абазинами. Первые посемейные списки 1863–1864 гг. стали отправной точкой генеалогических исследований, позволивших проанализировать жизнедеятельность некоторых семей в данном поселке на протяжении 3–5 поколений (1863–1920-е гг.): Абрамовы, Кишеевы, Бельхияевы, Инотаевы, Израевы, Матаевы, Мели(е)ховы, Мурзахановы, Пе(и)нх(г)асовы, Э(Е, И)лизаровы, А(Э)мерджиевы, Якубовы. С другой стороны, изучение разнообразных архивных документов, созданных по различным поводам (выборы, полицейское дознание и т.д.), газетных публикаций и иных источников на протяжении более 60-летнего периода второй половины XIX — начала XX вв.,

позволило выявить семьи, пополнившие население поселка и включившиеся в семейно-брачные отношения с «коренными» жителями Джегонаса: Ашуровых, Богатыревых, Дармановых, Рабаевых, Разииловых, Худоинатовых, Хампулиевых, Бесераевых, Шамилевых, Амаевых, Шауловых, И(Э)фраимовых, Я(И,Е)шегияевых. Достоверно известно, что Амаевы, Хампулиевы и Бесераевы до поселения в Джегонасе были мещанами г. Грозного, что демонстрирует направление миграции с востока на запад Кавказа и сетевые отношения внутри т.н. «кайтагской» общности горских евреев. В то же время некоторые фамилии из первых перечней жителей поселка 1863–1864 гг. или прервались, и мы не можем выстроить генеалогическую преемственность, либо исчезли вовсе со страниц исторических документов (Авадеевы, Андреевы, Эльдаровы, Шыхевы). Таким образом, генеалогические исследования позволили увидеть групповую трансформацию (видоизменение), взаимодействия «коренных» и «пришлых» семей: от конфликтов до брачных связей, и совместной профессиональной деятельности (например, торговли среди окружающего населения). Более того, анализ документов продемонстрировал процесс инкорпорации «пришлых» вплоть до занятия в некотором смысле «лидирующих» позиций. Например, грознец Иммануил Амаев стал старшиной поселка в ноябре 1886 г. (ГАКК. Ф. 454. Оп. 8. Д. 74. Л. 115), Шим Рабаевич Разилов в апреле 1906 г. был выбран Уполномоченным от селения для выбора выборщиков в областное избирательное собрание по выборам в Государственную Думу (ГАКК. Ф. 467. Оп. 1. Д. 11. Л. 172, 263), а в марте 1911 г. баллотировался на должность сельского старшины (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5447. Л. 1 б, 2) и в 1914–1915 гг. был Почетным блюстителем Джегонасско-Еврейского 1-го классного смешанного начального училища (ГАКК. Ф. 476. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

Генеалогические построения способствовали уточнению семейных историй — стратегий поведения и моделей выживания даже после исчезновения Джегонасско-Еврейского поселка на рубеже 1910–1920-х гг. Многие семьи рассеялись — мигрировали в города и селения Северо-Кавказского края. Кишеевы, Шамилевы, Матаевы, Израевы, Ашуровы, Шауловы, Давыдовы, Инотаевы, Пинхасовы, Мурзахановы Эмерджиевы (Амерзиевы), Дармановы оказались в с. Богдановке (ныне — Ставропольский край), где погибли в страшные дни 1942 г. (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 10. Л. 158 об.–161), Рабаевы, Мурзахановы, Мелиховы — в ст. Петропавловской (Чечня), Инотаевы, Матаевы — в Нальчике, Мелиховы, Пинхасовы, Инотаевы — в Грозном, Бельхияевы — в Мин.Воды, Кишеевы — в ст. Невиномысской. Другие же семьи (их части) остались

в Карачаево-Черкесии, в районе бывшего поселка: Пенхасовы, Матаевы. Таким образом, генеалогические изыскания дают возможности проанализировать процесс функционирования данной группы (самоназвание — гьубонигьо) даже после исчезновения поселка.

Н.А. Комочев
к.и.н., Исл РАН, РГГУ

Источники по истории преподавания дипломатики в собрании кафедры ВИДиА ИАИ РГГУ

На кафедре вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института РГГУ хранится небольшая коллекция документов, отражающих разные этапы преподавания профильных курсов. Среди них заметное место занимает дипломатика, входившая в учебные планы института с 1930-х гг. Наряду с палеографией она рассматривалась первоначально в широком смысле, как дисциплина, формирующая профессиональные навыки работы с документами будущих архивистов. Поэтому первое время, еще до образования специализированной кафедры (1939), дипломатика в основном изучалась вместе с палеографией.

Отражением данного подхода являются лекции А.Н. Сперанского (1891–1943), ставшего первым заведующим кафедрой. Машинописная стенограмма лекций по палеографии, прочитанных им в осеннем семестре 1937/1938 уч. года, сохранилась с некоторыми пропусками. Присутствуют лекции: № 2 от 4.09.1937, № 3 от 5.09.1937, № 4 от 7.09.1937, № 6 от 16.09.1937, № 7 от 17.09.1937, № 8 от 19.09.1937, № 10 от 28.09.1937, № 11 от 29.09.1937, № 12 от 1.10.1937, № 13 от 4.10.1937, № 15 от 17.10.1937, № 16 от 5.11. 1937, № 17 от 17.11.1937, № 18 от 29.11. 1937, № 19 от 17.12. 1937, № 20 от 29.12. 1937, № 21 от 1.01.1938 г. Вторую лекцию открывает историографический обзор трудов по дипломатике. В дальнейшем изложение переходит исключительно на палеографические сюжеты.

В условиях резкого дефицита написанных в советское время учебных пособий и исследовательских работ по дипломатике возникла идея составления хрестоматии для студентов. Этот вопрос фигурирует в протоколах заседания кафедры с 1942 г. (*Простолова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 20*). Хрестоматия должна была включать подборку актов, отражающую формуляры различных видов документов. Ключевой задачей стала разработка структуры хрестоматии, что оказалось тесно связано с вопросами классификации

русских средневековых грамот. Для решения задачи был приглашен крупный специалист по актовым источникам, архивист и археограф И.А. Голубцов (1887–1966), разработавший в 1946–1947 гг. на основе оригинальной тематико-видовой классификации грамот проект структуры сборника «Форма актов Московского государства», им же была составлена программа курса палеографии и дипломатики (1946). Однако окончательная реализация идеи составления хрестоматии постоянно откладывалась.

На кафедре сохранились машинописные тексты двухтомной хрестоматии, относящиеся к первой половине 1950-х гг. Тексты включенных в хрестоматию документов приводились в основном по академическим изданиям конца 1940-х — начала 1950-х гг. (ГВНП, ДДГ, АФЗХ и др.). Первый том представлен двумя редакциями. Более ранняя (1952) озаглавлена: «Сборник актов для лабораторных занятий по дипломатике. Т. I. Русские акты с древнейших времен до конца XVIII века». Титульный лист и предисловие написаны от руки, далее следуют набранные на печатной машинке тексты актов, расположенные по смешанному тематико-видовому принципу: Новгород (внутри раздела отдельно данные, духовные, договорные, межевые, рядные и др. грамоты); Псков; Северо-Восточная Русь (духовные и договорные грамоты), дипломатические акты (московских великих князей), судебные акты, жалованные грамоты; Тверское княжество; Рязанское княжество; Белозерское княжество; Суздальско-Нижегородское княжество. Хронологически документы вопреки заглавию доходят до конца XV в. В общей сложности текст на 544 лл. (нумерация отсутствует). По всему тексту многочисленны рукописные правки и исправления разными почерками, документы переложены бумагой с названиями разделов. От руки в основном дополнялись заголовки и легенды к документам: обоснования датировок, библиография, в некоторых случаях приводилось подробное описание подлинника. Очевидно, что перед нами черновая редакция. В качестве составителей в предисловии обозначены: А.Ц. Мерзон, А.А. Зимин, Е.И. Каменцева, О.М. Медушевская.

Вторая редакция первого тома (1954) представляет собой черновую машинопись того же коллектива составителей, озаглавленную: «Акты Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности (X — начала XV вв.)». Тексты документов на 334 лл. (карандашная нумерация) дополнены титульным листом, предисловием, указателем разновидностей актов, списком сокращений, терминологическим словарем (в общей сложности еще на 31 лл.), а также рукописным оглавлением на 15 лл., содержащим краткие заголовки включенных в хрестоматию 142 актов. Структура второй редакции

более строгая, том включает разделы: «Акты Древней Руси» и «Акты периода феодальной раздробленности» (с подразделами: Юго-Западная Русь, Смоленск, Новгород, Псков, Северо-Восточная Русь), в конце помещены подложные акты. На листах присутствует многочисленная рукописная правка, касающаяся дополнений заголовков, легенд и транскрипций текстов документов.

Характерно, что если в первой редакции сборник рассматривается как пособие по дипломатике, то во второй редакции выступает первым томом в трехтомном пособии по источниковедению феодального и капиталистического периодов. Насколько известно, названное издание так и не было подготовлено, дело ограничилось ранней частью.

Второй том хрестоматии представлен в незавершенном виде, машинописные листы с минимумом правки не были окончательно структурированы. Титульный лист, оглавление и предисловие отсутствуют. Приведены тексты документов конца XV–XVII вв., набранные в основном по дореволюционным изданиям. Разделы носят предварительный характер — по видам документов, а два раздела соответствуют тематическому принципу: акты о ремесле, промыслах, мелком товарном производстве и торговле; акты верховной власти, центрального и местного управления и суда и др. Очевидно, второй том хрестоматии в первой половине 1950-х гг. только собирался.

Сохранившиеся тексты хрестоматии свидетельствует о большой и длительной работе, проводившейся на кафедре, но так и не реализованной. Влияние этой работы можно найти в документальной серии «Памятники русского права», выходившей в те же годы. Обращает на себя внимание то, что хотя все включенные в хрестоматию документы ранее публиковались, текст передавался полностью, без сокращений, снабжался обстоятельным научным аппаратом. Для своего времени хрестоматия могла стать значимым историографическим явлением.

К близкому времени относится хранящаяся на кафедре машинописная программа курса дипломатики, также представленная несколькими редакциями. Наиболее ранний вариант (1951) под названием «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи» (26 л.) весь испещрен рукописными исправлениями и правками. По всей видимости, прослеживаются записи А.Ц. Мерзона, А.А. Зимина и других лиц. Характерно, что правка сглаживала многие идеологические аспекты — исключала слова о «буржуазной ограниченности методологии В.О. Ключевского», «реакционном характере методологии» А.С. Лаппо-Данилевского, обращалось внимание на включение трудов Н.П. Лихачева в список литературы и др. Источник показывает, какие длительные (не менее полугода) и непростые

согласования претерпевала программа курса. На титульном листе имеется виза тогдашнего заведующего кафедры: «Печатать 5 экз. для Совета. В. Самойлов. 29.12.51 г.». Два чистовых машинописных вариантов той же программы с внесенной правкой датированы на обложке 1953 г., причем один из них озаглавлен «Программа по актовому источниковедению».

Сохранение и возрождение курса дипломатики в Историко-архивном институте стало возможно благодаря усилиям А.А. Зимина и С.М. Каштанова, разработавшим свои авторские курсы. В настоящее время дипломатику в институте ожидает новый этап развития, связанный с переменами в системе высшего историко-архивного образования. В таких условиях сохранившиеся на кафедре документы приобретают особое значение для исследования и сохранения традиции преподавания в институте вспомогательных исторических дисциплин.

И.Г. Коновалова
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН

Исламские карты Каспийского моря X–XI веков

Бассейн Каспийского моря входил в сферу экономических и политических интересов халифата, по крайней мере, с IX века. Тогда по Каспию проходил важнейший путь, связывавший исламский мир с Восточной Европой. Именно в это время в арабской средневековой географии появляются первые фрагментарные сведения о Каспийском море — о прибрежных городах и связывавших их маршрутах, а также о впадающих в море реках (*Bibliotheca geographorum arabicorum* / Ed. M.J. de Goeje (далее — BGA). *Lugduni Batavorum*, 1889. Т. VI. Р. 124, 154–155). Концептуализация же Каспийского моря как единого водного пространства приходится уже на середину — вторую половину X в., когда в сочинения ученых так называемой «классической школы» арабских географов ал-Истахри и Ибн Хаукаля стали включаться описания морей (в том числе Каспийского) и их картографические изображения (BGA. 1870. Т. I. Р. 218; BGA. 1873. Т. II. Р. 276–277).

Сочинения географов «классической школы» сопровождалось стандартизированным комплектом карт, который получил в историографии название «Атлас ислама». Карты «Атласа ислама», в том числе и карта Каспийского моря, предельно схематичны: градусная сетка и масштаб отсутствуют, моря и острова представлены в виде геометрически правильных кругов или эллипсов, береговые линии

условны, а реки нанесены прямыми линиями (*Tibbets G.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II/1. P. 112–129*).

Совершенно иную картографическую традицию представляли карты, сохранившиеся в составе космографии под названием «Книга чудес», написанной веком позже, в 1020–1050-х гг., в фатимидском Египте (*An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe: The Book of Curiosities / Ed. by Y. Rapoport and E. Savage-Smith. Leiden; Boston, 2014; Rapoport Y., Savage-Smith E. Lost Maps of the Caliphs: Drawing the World in Eleventh-Century Cairo. Chicago; London, 2018*). В наборе карт «Книги чудес» среди прочих имеется и карта Каспийского моря (ее репродукцию см.: *An Eleventh-Century Egyptian Guide. P. 146*), стилистика которой совершенно необычна по сравнению с другими картами этого сочинения, поскольку изображение Каспийского моря выглядит как прямое заимствование из альбома карт географов «классической школы», что уже отмечалось в историографии (*Rapoport Y., Savage-Smith E. Lost Maps. P. 233*).

Действительно, карта Каспийского моря в «Книге чудес» имеет большое сходство с картой этого моря в одной из рукописей сочинения Ибн Хаукаля (*Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Ahmet III MS 3346*). На обеих картах Каспийское море представлено в форме круга, внутри которого помещены изображения двух островов (*Суйах-Кух* и *Баб ал-Абваб*, отождествляемые с полуостровом Мангышлак и полуостровом, на котором расположен г. Баку, соответственно); вокруг моря помечены страны света — юг, север, восток и запад; показаны три реки, впадающие в море (Кура, Аракс и Атил/Волга); у южного побережья моря отмечена гористая провинция Дайлам; к югу от р. Аракс указана Муганская степь; названы некоторые страны и города (Хазаран, страна гузов, Джурджан, Итиль, Дербенд, Чалус). В то же время на карте из «Книги чудес» есть признаки того, что ее автор скопировал изображение Ибн Хаукаля не слепо, а подверг его некоторой переработке, направления которой мы и попытаемся установить.

Если сравнивать между собой топонимическую номенклатуру карт крупных водных бассейнов в «Книге чудес» (Средиземного моря, Индийского океана и Каспийского моря), то в количественном отношении карта Каспийского моря сильно уступает двум прочим: на карте Каспийского моря показаны лишь 35 наименований, в то время как на карте Индийского океана — 93, а на карте Средиземного моря — 241. Совершенно очевидно, что составитель «Книги чудес» владел лишь отрывочной информацией о побережьях Каспийского моря, что и не позволило ему радикально переработать карту Ибн Хаукаля.

Написание топонимов, фигурирующих на карте Каспийского моря из «Книги чудес», с одной стороны, и карте Ибн Хаукаля, с другой, по большей части совпадает, но в ряде случаев имеет отличия. Так, на карте Ибн Хаукаля обозначены две части города Итиля, лежавшие по обеим сторонам Волги (собственно Итиль и Хазаран), а в «Книге чудес» не только не показана пространственная структура города, но и отсутствует название самой хазарской столицы, которая названа просто «городом хазар». Несмотря на то, что гидроним *Атил* был известен автору «Книги чудес» (о чем свидетельствует помещенная на карте в виде легенды цитата из Ибн Хаукаля), низовья Волги автор «Книги чудес» обозначил как «Река русов», также заимствовав это утверждение из книги Ибн Хаукаля, который прямо говорит, что река Атил — это река русов (BGA. Т. II. P. 276). А указанный на карте Ибн Хаукаля иранский город Айн ал-Хумм (совр. Ахлам в Мазандаране) на карте в «Книге чудес» фигурирует как Айн ал-Фам.

Еще одно отличие обеих карт заключается в том, что автор «Книги чудес» нанес на свою карту несколько топонимов, отсутствующих на карте Каспийского моря Ибн Хаукаля, но показанных на других картах последнего, посвященных Дайламу и Табаристану (это Амоль и ряд других иранских городов, лежавших на пути из Амолья в Джурджан). Значки для этих пунктов нанесены на карту в той же технике, что и наименования на картах Средиземного моря и Индийского океана в «Книге чудес», — на равном расстоянии друг от друга, цепочкой вдоль береговой линии и на некотором расстоянии от побережий. Возможно, расширяя перечень топонимов по сравнению с взятой им за образец картой Ибн Хаукаля, автор «Книги чудес» намеревался приблизить оформление карты Каспийского моря к двум другим своим «морским» картам — картам Средиземного моря и Индийского океана.

*Т.Ю. Конякина, И.В. Крамарева
Самарский областной историко-краеведческий
музей им. П.В. Алабина*

Опыт генеалогического исследования рода Журавлевых из с. Утевка Нефтегорского района Самарской области

В середине 1960-х гг. появились первые публикации об удивительном самоучке художнике-иконописце, крестьянине Григории Николаевиче Журавлеве (1860–1916) из самарского села Утевка, родившемся с «сохлыми» руками и ногами и писавшем иконы, зажав кисть в зубах. С тех пор жизнь и творчество этого уникального

самарского живописца вызывает интерес у исследователей, выявляющих новые документы, уточняющие многие факты его биографии. На смену легендам приходят научные сведения, раскрывающие реальный образ исторической личности.

Современный этап изучения биографии «иконного писателя» Г.Н. Журавлева связан с необходимостью глубокого генеалогического исследования утевского рода Журавлевых. Обнаружение человеческих останков в ограде Свято-Троицкой церкви в с. Утевка, во время реставрации этого храма, потребовало проведения генетической экспертизы. Следовательно, необходимо выявить ныне живущих потомков иконописца.

Нефтегорскими краеведами было установлено, что истоки утевского рода Журавлевых связаны с селом Введенское, Селище тож, Краснослободского уезда Пензенской губернии, основанном дворцовыми крестьянами царя Алексея Михайловича Романова в 1645 г. Краеведы Пензенской области считают, что дворцовые крестьяне рода бояр Шестовых достались царю Алексею Михайловичу по женской линии в начале его царствования. «Новозаведенная» на самарской земле деревня Утевка, Селезни тож, ведет свое начало с 1793 г. пожары. В 1801 г. пожар уничтожил большую часть с. Введенское, в том числе и местную церковь, названную во имя святого Дмитрия Солунского. После этого пожара 78 семей дворцовых крестьян-погорельцев переехали к своим землякам в деревню Утёвку, тем самым продолжили её массовое заселение. В 6-й ревизии 1811 г. по деревне Утёвка о том имеется запись. В этой второй волне переселенцев были предки знаменитого художника-иконописца. В процессе изучения Ревизских сказок прослежена его родословная от Ревизской сказки 1782 г. (село Введенское Краснослободского уезда Пензенской губернии) до последней 10-й ревизии 1857 г. (село Утёвка Бузулукского уезда Самарской губернии).

Пра-прапрадедом значится Семен Петров (1723–1796), его сын Василий Семенов (1763–1843), затем — Павел Васильев (1788–1846), у него сын Иван Павлов (1813–?), и, наконец, отец — Николай Иванов Журавлев (1834–?). В 1857 г. с ним записана жена Авдотья Павлова и дочь Настасья. Метрическая запись о рождении Г.Н. Журавлева до сих пор не найдена. Дата рождения иконописца была установлена из первого сообщения о Григории Николаевиче Журавлеве в газете «Казанские губернские ведомости» (1883 г.). Здесь была помещена большая статья под названием «Безрукий и безногий самоучка-живописец». Написана она почтенным автором, оставшимся безымянным, но бывшим, судя по всему, весьма осведомленным в событиях жизненного пути художника. А поведал он следующее.

30 января (11 февраля по нов. ст.) 1860 г. (подчеркиваем: не 1858 г., как заявляют современные авторы биографии иконописца, в день Собора Трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, в селе Утевка, Самарской губернии, Бузулукского уезда, Утевской волости, в избе крестьянина Николая Журавлева происходили крестины незадолго перед тем, в пятницу, накануне, так называемой в просторечии «всеедной недели», родившегося у него сына, которого нарекли Григорием.

По Православному календарю на 1860 г. Неделя о мытаре и фарисее или в просторечии «всеедная неделя» начиналась в воскресенье 24 января (5 февраля по нов. ст.), значит пятница накануне приходилась на 22 января (3 февраля по нов. ст.). Этот день и является днем рождения Григория Николаевича Журавлева.

В «Казанских губернских ведомостях» также писалось, что Журавлев начал свою поездку «на показ», оставив дома отца и мать с пятерыми детьми, из которых старшая его сестра выдана замуж, а остальные — все малолетки.

По метрическим книгам было установлено, что в семье Журавлевых было еще двое сыновей: Федор (1871–1910) и Афанасий (1873–1919), а также две дочери: Наталья (1875–?) и Матрена.

Исследование линии Федора Николаевича Журавлева, который с первой женой Харитиной Алексеевной (?–1901) имел двух сыновей (Павел и Афанасий) и двух дочерей (Марфа и Надежда), позволило выявить ныне живущих потомков. Сыновья умерли в младенчестве в 1891 и 1897 гг., дочь Марфа — в 1915 г. Лишь Надежда (1894 г.р.) в 1913 г. вышла замуж за крестьянина с. Утевки Сергея Федоровича Малахова. В том же году родился у Малаховых сын Дмитрий, а в 1916 г. — дочь Мария. Лейтенант Дмитрий Сергеевич Малахов с ноября 1935 по декабрь 1945 г. служил в рядах Красной (Советской) Армии.

Исследование линии Афанасия Николаевича Журавлева, имевшего с женой Параскевой Васильевной (урожденной Барякиной) пятерых дочерей и трех сыновей, положительного результата не дало. Тоже можно сказать и о потомках Натальи Николаевны Журавлевой (в замужестве Линьковой). Сын ее Николай Давидович Линьков работал агрономом в с. Утевке, его дочь Вера (в замужестве Горчакова), вместе с мужем кочевала по воинским частям, последний адрес проживания имела в Коломне Московской области. Дочь живет на Украине.

Перспективной для цели исследования стала линия Матрены Николаевны Журавлевой (в замужестве Макаровой). Ее праправнучка живет в Самаре. Это — Екатерина Викторовна Жукова. Ее

прапрадедом был крестьянин с. Утевка Фаддей Сергеевич Макаров, чей сын Петр Фаддевич репрессирован и расстрелян в 1937 г. Его дочь Евдокия, после гибели отца переехала в Самару. Ее дочь Анна Николаевна (в замужестве Соловьева) является матерью Е.В. Жуковой.

*А.Л. Корзинин
д.и.н., гл.н.с. СЗИУ РАНХиГС;
вед.н.с. СПбГУ; проф. РГПУ им. А.И. Герцена*

О датировке «Списка дворовых, приказных и служилых людей разных чинов» последней четверти XVI в.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00151

зучение состава правящей элиты Русского государства в послеопричный период продолжает оставаться дискуссионной темой научных исследований. Для более углубленного раскрытия данного сюжета требуется расширить источниковую базу, привлечь ранее не привлекавшиеся свидетельства источников. После ликвидации опричнины в 1572 г. сохранилось разделение Государева двора на Земский и удельный (Особый) двор. Имена лиц из Земского и Особого двора Ивана Грозного содержатся в так называемом «Списке дворовых, приказных и служилых людей разных чинов» (далее — Список) (*Корзинин А.Л.* Динамика изменений состава Особого двора Ивана Грозного в 1573–1584 гг. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 3 (69). С. 57). Источник до революции был опубликован В.Н. Сторожевым, который датировал его 1582 г. (*Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 55–63). Подлинник документа недавно удалось обнаружить в фонде Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. «Столбцы Московского стола». Д. 918. Столпик 14. Л. 1–17).

Любопытно, что в начале архивного дела помещен лист без номера с записью, очевидно, сделанной рукой публикатора источника В.Н. Сторожева: «Отрывокъ из списка служилых и приказных людей, бывших при встрече послов в московском дворце (едва ли не литовских в 1582-м г.); во всяком случае относится к 1582 или 1583 году. Изданъ. В. Сторожев. 15.IV.29».

В.Н. Сторожев умер 18 июня 1924 г., поэтому дату написания им записки, включенной в архивное дело, следует читать не слева направо (15 апреля 1929 г.), а наоборот, справа налево: 29 апреля 15 г.

(1915 г.). Так историк своеобразно «зашифровал» дату составления заметки в деле, с которым он продолжал работать и позже издания им источника.

Документ представляет собой столбец, состоящий из 17 расклеившихся листов. Он не имеет заголовка и начала, не содержит даты. На бумаге встречаются фрагменты филигрانی Кувшин разного типа. Филигрань Кувшин с буквами на тулове «ВО» очень близка водяному знаку на бумаге сборника из Ф. 196 (Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина). Оп. 1. № 561 («Златоуст Пятидесятный» и «Измарагд») РГАДА, датированного Л.В. Мошковой не позднее 1589 г. (Каталог славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Под ред. Л.В. Мошковой. Вып. 2. Лествица–Пчела. М., 2014. С. 356), и водяному знаку в кодексе из Ф. 396 РГАДА (Московской Оружейной палаты). Оп. 2. № 198 («Расходная книга по выдачѣ изъ Казеннаго приказа товаровъ для царскаго обихода, на жалованье разнаго чина людемъ и по отпуску въ разныя церкви и въ монастыри, а также въ Государевы хоромы, ладану, за 7093 (1584–1585) г.»). Анализ филигрانی Кувшин и ее сопоставление с однотипными водяными знаками свидетельствует о том, что бумага, на которой написан Список, относится к 1580-м гг.

На оборотной стороне документа, на склейках отсутствуют какие-либо делопроизводственные пометы, скрепы дьяков. Однако мы имеем дело с черновым делопроизводственным источником. В пользу этого говорит имя Григория Яркова, внесенного в список подьячих и позже вычеркнутого составителем документа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 918. Столпик 14. Л. 13). В издание В.Н. Сторожева имя Г. Яркова не попало. Вероятно, вследствие зачеркивания имени в основном тексте публикатор не посчитал нужным включить его в публикацию.

Когда был составлен Список? Ответ на этот вопрос подразумевает анализ внесенных в источник лиц. Полагаем вслед за В.Н. Сторожевым, что Список не отражает состав придворных, присутствовавших на приеме литовских послов. Из крупных дипломатических приемов польско-литовских послов, имевших место в 1582–1584 гг., подходит только посольство князя Я.М. Збаражского, Н. Талвоша и М. Гарабурды, прибывшее в Москву в июне 1582 г. В другое время столицу Русского государства посещали литовские гонцы и посланники, в честь которых организовывали весьма скромный прием. 16 июня 1582 г. большие послы во главе с князем Я.М. Збаражским прибыли в Москву. 18 июня состоялась их первая аудиенция у Ивана Грозного в Кремле. Послы покинули столицу 17 июля 1582 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 14. Л. 125, 139–145 об., 290). Однако в Списке отсутствуют имена придворных, участвовавших в переговорах

с литовскими послами 18, 21 и 28 июня, 1, 3, 4, 6, 8, 6, 12 и 13 июля 1582 г.: боярин князь И.Ф. Мстиславский, дворецкий князь Ф.И. Хворостинин, А.Ф. Нагой, Д.И. Годунов, князь И.М. Глинский, дьяки В.Я. Щелкалов, А. Шеремединов, А. Демьянов, И. Андреев и др. Значит, документ не имеет отношения к визиту литовских дипломатов.

Полагаем, что Список содержит имена членов двора, встречавших английского посла Джерома (Еремея) Бауса, прибывшего в Москву 15 октября 1583 г. (Сборник РИО. Т. 38. С. 80). Практически все придворные и приказные люди, которые были на приеме Бауса по данным посольской книги по взаимоотношениям России с Англией, есть в Списке. Некоторые персонажи отсутствуют из-за неполноты дошедшего до нас текста источника, который не имеет начала.

Список лиц на посольском приеме Д. Бауса, по-видимому, был составлен, в конце октября–ноябре 1583 г.: не раньше 24 октября, первой встречи английского посла с царем, на которой присутствовал цвет московской знати (Сборник РИО. Т. 38. С. 81–83) и до начала декабря 1583 г., поскольку окольничий Ф.В. Шереметев, участвовавший в переговорах с английским дипломатом, должен был явиться в Муром уже к 25 декабря 1583 г. и возглавить там войско (Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 201). В январе 1584 г. рать под предводительством Шереметева ходила на Казань воевать луговую черемису (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 229).

Приношу сердечную благодарность Н.Е. Домрачеву, отыскавшего в фонах РГАДА подлинник документа, и Л.В. Мошковой, оказавшей помощь в атрибуции филигрانی Кувшин.

*А.В. Королева
аспирантка РГГУ*

Просопографическое изучение мемуаров в истории семьи: мемуары Ф.П. Рысь как источник по истории семьи

Ведение дневников и написание мемуаров полезно для изучения того или иного исторического события, родословной и быта людей. На примере мемуаров одной из родственниц удалось восстановить род деятельности наших предков, живших в конце XIX в., причины изменения фамилии, каким образом они переехали из г. Лынтупы в Московскую область (д. Румянцево), где до сих пор живут их потомки.

В 1980-х гг. Феоктиста Петровна Рысь решила записать историю семьи, частично рассказанную ей ее матерью, частично — двоюродной сестрой, дополненную ее собственными воспоминаниями.

Ф.П. Рысь начала свой текст со следующих слов: «Наши предки ничем не выделялись из общей трудовой семьи России. “Мы не Гонимбаллы, но мы и не Пушкины“».

Согласно тексту, род Рысевых жил в XIX в., в Виленской губернии г. Лынтупы. Анисим Рысев был мещанином, имел свой дом, где подрастали трое сыновей. Чем конкретно он занимался, неизвестно, но ходили слухи, что промысел был опасный — конокрадство. Младший из сыновей, Петр, красть лошадей боялся, поэтому занимался домашним хозяйством и позже был призван в армию в кавалерийские войска. Как отмечает Ф.П. Рысь, отец ее во время службы любил быструю езду, поэтому его однополчане и дали ему кличку «Рысь». Впоследствии Петр Анисимович стал использовать свое прозвище как фамилию. До сегодняшнего дня его потомки носят фамилию Рысь, а не Рысев, как это было изначально. В 1895 г. П.А. Рысь овдовел, от первого брака у него осталась дочь. Вскоре ему приглянулась девушка младше его на 14 лет, Ефимия Михайловна Колесова из д. Качанишки, Виленской губернии. Феоктиста Петровна описывала свою маму следующими словами: «Она была красивая, смелая, веселая 17-ти летняя девушка...». Колесовы были крестьянами, в зимний период времени ткали и пекли хлеб из собственной ржи, тем самым зарабатывая деньги. Отец Е.М. Колесовой был против ее брака с П.А. Рысем, однако Петр Анисимович и Ефимия Михайловна в 1900 г. во время масленичных гуляний сбежали в Ригу. Там они устроились работать на стекло-надувную фабрику, а в 1902 г. переехали в Литву, где работали на станции «Стендень». Ефимия Михайловна была сторожихой на станции, а Петр Анисимович — путевым обходчиком. Там у них родилось 6 детей.

С началом Первой мировой войны Рысей как семью железнодорожников эвакуировали в Великие Луки. Как пишет Феоктиста Петровна, детей с матерью разместили в школе. Позже к ним приехал отец, который сообщил, что пути взрывают и их переводят в д. Румянцево, Московской губернии. Родственников Ефимии Михайловны эвакуировали в Сибирь.

В Румянцево у Рысей родилось еще двое детей. Всех десятирех человек разместили в маленькой будке с двумя комнатами, где стояло три кровати, два стола и лавочки вдоль стен. В комнате была печь. Петр Анисимович и Ефимия Михайловна продолжили свою работу при железной дороге, позже по их стопам пошли и дети. Один из сыновей, Фома, получил профессиональное образование в Ленинградском железнодорожном техникуме, где познакомился со своей супругой Анной Михайловной. В 1934 г. они поженились, а в 1937 г. Фому Петровича арестовали и исключили из партии. После амнистии

Ф.П. Рысь с семьей из Иркутска переехал в д. Манихино, Московской области, «построил в Манихине дом, посадил сад. Фома был хороший хозяин, трудолюбивый, экономный, расчетливый. Завели с женой Анной Михайловной корову и др. домашнюю скотину...».

В юношеском возрасте Феоктиста Петровна вступила в комсомол, а через 3 года вступила в члены КПСС. На протяжении всего текста прослеживается ее верность партии. Так, например, про детей родственников она говорила, что они воспитываются в правильной семье с коммунистическими взглядами. В своем тексте Феоктиста Петровна четко обозначает биографические факты, касающиеся семьи, сообщает, кто когда родился или умер, тщательно описывает события времен Второй мировой войны.

Благодаря таким источникам удается узнать много нового о живших ранее людях, восполнить пробелы в их биографии, обнаружить информацию об их роде деятельности, выявить, по каким причинам им приходилось переезжать, а главное — как в эти исторические вехи менялся строй и понимание мира. Написание мемуаров и ведение дневников помогают генеалогам восстанавливать пробелы в истории семьи, а историкам — изучать и анализировать прошлое.

*А.С. Кручинин
зав. отделом военно-исторического наследия
Дома Русского Зарубежья*

Флаг, герб или игра фантазии?

Военно-морской флаг с крестом Святого Апостола Андрея Первозванного, учрежденный еще Петром I, не только в течение более чем двух столетий осеял корабли императорского флота в славные и в тяжелые часы их боевой службы, но и стал основой или, наоборот, элементом ряда других флагов, использовавшихся на кораблях и зданиях морского и военного ведомств. К началу XX в., согласно Морскому уставу (Свод морских постановлений. Кн. 10: Морской устав. Пг., 1914. С. 200–219), насчитывалось около двух десятков таких флагов, присвоенных определенным должностным лицам (наместник или главнокомандующий, морской министр и его товарищ, начальники Морского генерального штаба, Главного штаба, Главного гидрографического управления, командующие морскими силами Балтийского и Черного морей и Сибирской флотилией, флагманы — отдельно по чинам для «полного» адмирала, вице- и контр-адмирала и др.), категориям кораблей, судов и плавучих средств (транспортные, портовые, гидрографические, суда и плавучие средства морских

крепостей, «комплектуемые военнотружущим личным составом или состоящие под командой офицера»), а также морским собраниям. Среди такого разнообразия продолжают, впрочем, встречаться и изображения, ставящие в тупик и если и поддающиеся интерпретации, то весьма гипотетической.

Одно из них мы видим на небольшом (18×12 см) блюде овальной формы, впервые экспонированном на выставке «Военное застолье дома и на чужбине» (Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, Москва, декабрь 2022 — февраль 2023; инв. ВХ-3230/69; дар Русского исторического общества в Австралии). Основу изображенной на блюде композиции составляет Андреевский флаг, являющийся полем гербового щита «французской» формы (в геральдических терминах — «в серебряном поле две лазоревые перевязи, образующие Андреевский крест»); в центре креста — красный круглый щиток («круглый Византийский», по официальной русской терминологии: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. СПб, 1858. С. 306; № 31720) с золотой каймой и полустершимся рисунком, в котором скорее угадывается Святой Георгий; щиток наложен на якорь, вертикально поставленный рымом («кольцом») вверх, и скрещенные мечи клинками вниз, якорь и мечи — золотые, как и кайма центрального щитка; большой щит увенчан золотой короной, напоминающей Императорскую (насколько вообще можно рассмотреть ее детали и структуру) с красным «подбоем».

Сочетание Андреевского флага с московским гербом (в красном поле Святой Георгий, поражающий змия) хорошо известно, представляя собою Георгиевский кормовой флаг — коллективную награду «кораблям за оказанные в сражении подвиги». Однако, помимо крайней малочисленности таких награждений («Азов» и «Меркурий» и называемые в их память), эти флаги отличаются от интересующего нас изображения формой щита, — согласно официальному рисунку в Морском уставе, внешняя его кайма соответствует «французской» форме («четвероугольная с острою внизу оконечностию» по ПСЗРИ), а собственно красный щит отличается и от нее, будучи прямоугольным с закругленными углами и «острыми оконечностями» как на верхней, так и на нижней сторонах, — не говоря уж об отсутствии мечей и якоря. Загадывает свою загадку и императорская корона, которая в русской геральдике была элементом государственного герба, гербов столиц, губерний и губернских городов; все они, разумеется, известны наперечет, и подобного описанному среди них заведомо нет. В то же время высокий «статус» как флажных, так и геральдических элементов композиции должен был бы соответствовать и столь же высокому статусу владельца, и, пожалуй, можно было бы

предположить принадлежность сервиза (к которому, вероятно, относилось сохранившееся блюдо) разве что какой-либо из императорских яхт или приморских императорских же резиденций, с меньшей вероятностью — одному из флотских экипажей (поскольку корона вообще была частым элементом полковых знаков, а рисунок, аналогичный Георгиевскому флагу, присутствовал на вымпелах кораблей Гвардейского экипажа или комплектуемых из экипажей, которые имели «Георгиевские знаменные флаги», пожалованные за защиту Севастополя).

Однако возможно и гораздо более прозаическое толкование. Согласно надписи на доньшке, блюдо было плодом французского производства («Theodore Haviland / Limoges / France / Patent applied for / Agents / Marcerou, Schreter et C-ie / Port Arthur»), — а ведь хорошо известен ажиотаж, охватывавший французское общество на рубеже XIX–XX вв. в связи с франко-русским союзом. Так, в дни визита в Париж русской императорской четы осенью 1896 г. «все стало русским или псевдо-русским: мыло «Le Tsar», конфеты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображавшие русского медведя, а также Государя, Государыню и даже [десятимесячную] Великую Княжну Ольгу; Царя изображали масленичные «прыгающие чертики», известная игрушка «мужик и медведь» превратилась в Царя и [президента Франции] Феликса Форэ... [...] Во всем этом было немало безвкусицы, но увлечение было несомненно искренним» (*Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 68*). Один из сохранившихся памятников тогдашнего безудержного буйства фантазии ныне выставлен в Государственном Эрмитаже (экспозиция «Министерство иностранных дел России» в здании Главного штаба): дамский корсет (!), покрытый миниатюрными изображениями перекрещенных французского и русского государственных флагов.

На таком фоне решение неизвестного художника, сочетавшего в своей композиции Андреевский флаг, московский герб, императорскую корону и военно-морскую атрибутику следует признать хотя и слишком смелым в своем произволе (изобретении несуществующего герба), однако до некоторой степени мотивированным, отличающимся известным вкусом и не противоречащим общей стилистике подобных изображений. Не имея достаточных оснований для определенного вывода, мы склоняемся все же к версии о неофициальном характере рисунка — игры творческого воображения, воодушевленного франко-русским союзом.

О достоверности источников о происхождении и времени выезда на службу в Москву предков рода Загряжских

На лл. 96–96 об. Архивского XII списка III-го извода Разрядной редакции родословных книг конца первой четверти XVII в. (РГАДА. Ф. 181. № 636/1147) есть приписка. Обратив внимание на оглавление, М.Е. Бычкова охарактеризовала эту часть книги как подробную роспись Загряжских. Не вникая в ее текст, она предположила, что вся книга, «возможно», заказ Загряжских 60-х гг. XVII в. (*Бычкова М.Е.* 1975. С. 100).

Обращение к т.н. росписи Загряжских показывает, что речь идет всего лишь о фрагменте; он охватывает первые поколения этого рода. В росписи следует видеть выписку из генеалогического пасквиля. В нем отразились два источника: семейная версия Загряжских об иноземном происхождении и полученных владениях за выезд на службу в Москву, а также откровенный «чёрный пиар», который первой половине — середине XVII в. недруги Загряжских искусно приписали их предку:

«Лета шесть семьсот девеноста первого году к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому из Золотья Орды [выехал] муж честен именем Сахар от царского роду, а во крещения имя ему Гаврил. И велики князь дал за него сестру свою по материну свойству, и дать ему на корм Боравского и Верейскаго уездов Вышегород. И великого князя Дмитрея Ивановича спустя восемь лет не стало. А Сахар вотчины свои проиграл на зерни [его] сыну великому князю Василью, и в Орду збежал, а жену оставил беременну, от нея родися сын Антон. Князь велики дать ему деревню с матерью Загрязья на прокормления; и от того пошли Загряжския» (РГАДА. Ф. 181. № 636/1147. Л. 96–96 об.).

Содержание источника показывает, что в его заказчиках вряд ли следует видеть кого-либо из Загряжских, хотя отдельные элементы их легенды искусно использованы при сочинении этого пасквиля (Ср.: Там же. Ф. 286. Оп. 1. № 241. Л. 188, 198; Ф. 394. Оп. 1. № 327. Л. 364; и др.). В связи с этим волнуют следующие вопросы: насколько достоверна информация об этническом и социальном происхождении Загряжских и их вотчинах?

Версия об иноземном происхождении этого рода хорошо известна и имеет некоторую поддержку в историографии. Однако она не подтверждается данными каких-либо источников, кроме как

ссылками исследователей на легенду Загряжских, чего, конечно, недостаточно.

В разрядно-родословных сборниках можно найти указание на определенную связь Загряжских с Поочьем и их удельными правителями. На этот факт при изучении т.н. Буслаевского сборника (РНБ. Ф. 550. ОСПК. F.IV.762) обратил внимание В.И. Буганов. В нем на л. 779 он выявил редкую вставку в текст разряда 1493 г. о службе дворянина Ф.Д. Мосола Загряжского.

В ней отмечается «о посылке... по указу великого князя из Посольского приказа Федора Загряжского в Новосиль»; «велено ему судить о спорных землях о Новосильских, Воротынских князей с Одоевскими», причем «на отводе были земли и межи отводили люди их пашенные Фетка Соковня да Ивашко Пронча» (*Буганов В.И.* 1962. С. 77).

С помощью этого текста Загряжские надеялись в местнических спорах приукрасить служебный статус одного из своих предков, который в конце XV в. якобы разбирал межевые дела верховских князей; а также принизить происхождение предков дворян Соковниных и Прончищевых. Однако в XVI — первой половине XVII в. назначения лиц этих двух фамилий не сильно отличались от тех, которых получали Загряжские. С 90-х гг. XV в. в основном они служили в московских и выборных дворянах, не достигая при этом думных чинов. В годы правления царя Михаила Федоровича служебный статус Загряжских, Соковниных и Прончищевых сравнился. Этот казус мог стать одной из причин заказа Загряжскими вставки о службе предка в 1493 г.

Несмотря на сложность проверки достоверности назначения Федора Мосола в 1493 г., информация об определенной связи представителей его рода с потомками новосильских князей не представляется случайной. В ноябре–декабре 1492 г. из ВКЛ произошел выезд группы верховских князей во главе с С.Ф. Воротынским на службу к великому князю Ивану III. В связи с этим событием 5. I. 1493 г. из Москвы «с отказом» в Литву к великому князю Александру Ягеллончику отправился дворянин Д.Д. Загряжский. 13. I. 1495 г. его сын Федор Мосол был в числе дворовых детей боярских, которые «поѣхали княжны (Елены Ивановны. — *А.К.*) провожати въ Литву»; а Д.Д. Загряжский, будучи записан ближе к концу дворового списка детей боярских, с 20. X. 1495 г. сопровождал великого князя Ивана III во время его поездки в Великий Новгород. Из-за этого назначения Д.Д. Загряжского В.Д. Назаров сделал вывод, что он входил в «группу второстепенной нетитулованной знати», чьи представители «не замечены в тесных отношениях с хозяйственно-бытовой жизнью двorca

и двора» (*Назаров В.Д.* 2002. С. 581). Насколько верен этот вывод исследователя?

Обращение к актам подтверждает связь Загряжских с Поочьем не только в 90-е гг. XV в., но и в более раннее время. Это наблюдение позволяет наметить время их перехода на службу в Москву.

Благодаря тексту dokonчания новосильских и одоевских князей с польским королем Казимиром IV Ягеллончиком можно установить, что 21. IV. 1459 г. в Троках его подтвердили четверо княжеских бояр. Первым из них записан Протасий Антонович (ДДГ. № 60. С. 193). Учитывая его статус, нет сомнений, что он служил князю Ивану Юрьевичу. Этот случай характеризует видное положение Протасия Антоновича среди местных бояр. Он также упоминается в росписях Загряжских, а ближайшие родственники Протасия — младший брат Давыд и племянник Дмитрий, — в ранней редакции семейного помянника в синодике ТСМ (РГБ. Ф. 304/1. № 817. Л. 29). Ясно, что в акте 1459 г. и родословной росписи речь идет об одном и том же боярине. Опираясь на упоминания Протасия, можно сделать вывод, что его дед Гавриил Сахар вряд ли мог быть ордынцем; но он, действительно, жил в эпоху великого князя Дмитрия Донского. Не Гавриил, а его потомки в последней трети XV в. оказались в Москве. Таким образом, они не входили в круг звенигородских землевладельцев, как ошибочно предполагал В.Б. Кобрин. Для Подмосковья конца XV — первой половины XVI в. Загряжские — пришлый род.

По-видимому, фамильное прозвище могло появиться у них еще в ВКЛ, т.е. еще до их выезда на службу в Москву. Так, например, в верховьях р. Болвы (левый приток р. Десна) в 17 верстах от Серпейска известна деревня Загряжская (*Соймонов П.А.* 1785. С. 8).

Возможно, учитывая социальные связи в Поочье Д.Д. Загряжского, «Мита Загразскои» по приказу правителя Москвы после 1486 г. «садил» на льготных условиях людей в одной из новых великокняжеских слобод в Малоярославецком у. (ДДГ. № 89. С. 355). Таким образом, вывод В.Д. Назарова о не вовлеченности Д.Д. Загряжского в решение хозяйственно-бытовых вопросов в жизни двора следует признать ошибочным.

Сделанные наблюдения прямо не подтверждают вовлеченность Федора Мосола в решение межевых проблем потомков новосильских князей, но и не отрицают такой возможности. Статус и назначения его родственников в конце XV — первой четверти XVI в. в целом были высокими, чтобы Федор мог войти в состав писцовой комиссии. Упоминание во вставке о Посольском приказе ошибочно и является примером незнания в первой половине XVII в. одним из

Загряжских реалий 1493 г., когда ведомство с таким названием еще не существовало.

Благодаря сведениям актов, можно выяснить, что до последней четверти XV в. предки Загряжских служили потомкам новосильских князей. Установив это, а также время жизни их предков, можно вернуться к критике достоверности данных пасквиля и легенды о Загряжских. Оказывается, что последняя также не имеет исторической основы, является обычным шаблоном, встречающимся в легендах семей, чья служба связана с южнорусскими уездами. В этих легендах их предки нередко выезжают в Москву из Орды (*Кузьмин А.В.* 2014. Т. 1. С. 323; 2015. Т. 2. С. 277).

А.В. Кузьмин
ИИЕТ РАН

Дополнения к истории «О вращениях небесных сфер» (К 550-летию юбилею Н. Коперника в 2023 году)

«Наедине сам с собой я долго размышлял, до какой степени нелепой моя *αὐράαα* (концепция — *А.К.*) покажется тем, которые на основании суждения многих веков считают твёрдо установленным, что Земля неподвижно расположена в середине неба, являясь как бы его центром, лишь только они узнают, что я, вопреки этому мнению, утверждаю о движении Земли» (*Коперник Н.* О вращениях небесных сфер. М.: Наука, 1964. С. 11). Этими словами, согласно традиции, адресованными главе Римско-католической церкви Павлу III, Николай Коперник начинает вести читателя в мир истины, где Земля в пространстве Неба–Космоса лишается своего привилегированного — центрального и неподвижного положения.

О жизни Коперника достоверных сведений крайне мало. В основе всех биографических исследований: первая «официальная» биография Н. Коперника, опубликованная Пьером Гассенди (1592–1655) в Гааге в 1654 г. Многие достоверные свидетельства различных периодов его жизни, в том числе — все документы, свидетельствующие о его рождении утрачены. Наступивший 550-летний юбилей — хороший повод для размышлений о феномене европейской цивилизации, о феномене учёного, о феномене книги.

В отличие от Кеплера, скрупулёзно фиксировавшем практически все события своего жизненного пути (рукописи, которого идеально сохранены; изданы, доступны исследователям), Коперник ничего подобного не фиксировал и, в частности, к дате своего рождения интереса не проявлял и вероятнее всего, точными сведениями

о ней не обладал и не стремился их реконструировать. Рукописное наследие Коперника сводится к многочисленным служебным документам и письмам преимущественно административно-хозяйственного и финансового содержания, а также завершённым, достаточно хорошо изученным рукописям (за малым исключением относящимся к областям экономических наук, математики, астрономии), многие из которых в своё время были изданы.

«Можно считать твёрдо установленным, что будущий учёный родился в Торуне на Висле 19 февраля 1473 года» (*Белый Ю.А.* Коперник, коперниканизм и развитие естествознания // Историко-астрономические исследования. Вып. XII. М.: Наука, 1975. С. 16). Принято считать, что достоверные данные о дате рождения Коперника зафиксированы в небольшом прижизненном (ок. 1540) биографическом исследовании (Баварская Национальная Библиотека: BSB MS Clm 27003), отнюдь не лестного содержания, поскольку его автор (или авторы?), остающийся неизвестным, по-видимому оставался приверженцем теории К. Птолемея и таким образом выступал в защиту последнего. В этой рукописи Коперник назван «выдающимся философом и математиком» и вместе с этим: «лицемером, еретиком, великим обманщиком, лжепрорицателем и мистификатором» (*Goddu A.* Copernicus and Aristotelian Tradition: Education, Reading, and Philosophy in Copernicus's Path to Heliocentrism. Leiden: Brill, 2010. P. 6; *Szperkowicz J.* Nicolaus Copernicus, 1473–1973. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1978. P. 6–8). Этот документ отнюдь не случаен и был создан при определённых обстоятельствах с определённой целью.

«Первым среди величайших астрономов» Н. Коперник впервые назван в книге Франческо Джунтини (1523–1590). (*Giuntini F.* Speculum astrologiae: universam mathematicam scientiam, in ceras classes digestam, complectens... Lugduni: Beraud, 1581. P. 550).

Коперник обладал исключительным математическим талантом, в том числе, редкой способностью к стереометрическим построениям, которая ещё в самом начале его творческого пути просто и изящно позволяла ему преобразовывать наблюдаемую сферическую «картину неба» в ту или иную стереометрическую модель Космоса.

Коперник просто и ясно формулировал мысли; в совершенстве владел древнегреческим и латинским языками: ему были доступны подлинные античные тексты (практически вся античная литература); исключительно владел словом. В отличие от Кеплера, который «прячет» «драгоценные» предложения в пространственных текстах больших объёмов, где обнаружить их достаточно сложно, Коперник начинает

своё главное произведение с ясного перечня чётко выверенных аксиом, которые он чаще всего называет «требованиями», но иногда «предпосылками», которые ясно представляют отличную от общепринятой модель Космоса.

Доказательства частных элементов гелиоцентрической теории Коперник основывает на анализе противоречий, которые присутствуют в Альмагесте. Одно из наиболее простых: несоответствие достаточно адекватного математического описания геоцентрического движения Луны видимой физической картине этого движения: «Больше всего в неправильности этого предположения (модели движения Луны Птолемея — *А.К.*) убеждает нас вид диска Луны, который точно также должен был бы казаться имеющим вдвое больший или вдвое меньший диаметр. Поскольку круги находятся в двойном отношении своих диаметров, то в квадратурах Луна, находясь ближе к Земле, должна была бы казаться вчетверо большей, чем в противостоянии с Солнцем, если бы, конечно, она и тогда бы была полной. Но так как в квадратурах она светит только половиной, то всё же она должна была бы давать вдвое больше света, чем в том же положении при полнолунии. Однако в действительности мы наблюдаем как раз противоположное <...> Поэтому Менелай и Тимохар при исследовании неподвижных звёзд при помощи положения Луны не колебались всегда пользоваться лунным диаметром как половиной одного градуса, сколько Луна в большинстве случаев и кажется занимающей». (*Коперник Н. О вращениях... С. 229*).

Коперник осуществлял астрономические наблюдения и со своими учителями и самостоятельно. Точность этих наблюдений была весьма скромна и мало отличалась от точности позднеантичных наблюдений.

В частности, Копернику удалось наблюдать лунное затмение в Риме 6 ноября 1500 года, результаты измерений параметров которого, вместе с аналогичными наблюдениями, выполненными в том числе во времена античности, стали одной из практических основ одного из его рассуждений (*Коперник Н. О вращениях... С. 260*).

На страницах «О вращениях небесных сфер» постепенно разбирая отдельные теории, объясняющие видимые движения Солнца, Луны, планет, а также явление прецессии, Коперник показывает возможность их более простого, с меньшим количеством противоречий объяснения, если рассматривать их с точки зрения наблюдателя гелиоцентрического Космоса, находящегося на поверхности подвижной Земли, представляющей центр только одной — лунной орбиты.

*О.Ю. Кулаковская
к.п.н., доц. ПетрГУ,
рук. Центра генеалогии
и истории семей ПетрГУ*

Генеалогия в контексте фамилистики

Фамилистика как наука о семье, имеет большие перспективы теоретического развития и практического преломления во взаимосвязи с вспомогательной исторической дисциплиной — генеалогией. Генеалогия в свою очередь может и должна обогатить содержание фамилистики, поскольку сама тесно связана с ономастикой, биографикой, геральдикой, краеведением, т.е. теми научными дисциплинами, которые, так или иначе, изучают институт семьи, судьбы людей.

Введение в научный оборот термина «Генеалогический метод воспитания» неоднократно обосновывался и публиковался автором статьи в научных публикациях и на научных конференциях (*Кулаковская О.Ю. Генеалогический метод в семейной педагогике // Научный аспект. 2013. № 2. Самара, 2013. Т. 1. С. 65–68; Она же. Генеалогия как метод семейной терапии // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: материалы международной научно-практической конференции 5–6 октября 2010 года. Пенза, Ереван, Прага, 2010, С. 59–61).*

Актуальность применения метода генеалогии в воспитании обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, очевидным становится осознание того, что будущее человечества во многом зависит от стратегии в сфере воспитания и образования. Во-вторых, важнейшей проблемой стал тот факт, что происходящий в настоящее время быстрый рост преобразования и трансформации системы образования нередко проявляется в несоответствии существующей системы воспитания природе жизнедеятельности человека. В-третьих, что для нас особенно важно, наблюдается отрыв воспитания от семейных исторических корней, и это делает особенно актуальным возрождение родового самосознания, осознание связи между личностью человека и его родом.

Ключевыми понятиями данной темы выступают: ценность — важность, значимость, польза, полезность чего-либо; семейные ценности — это обычаи и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Сохранение и воспитание семейных ценностей, неполный список которых включает в себя любовь, доброту по отношению

друг к другу; воспитание семейных ценностей – процесс сохранения и культивирование семейных традиций.

Между тем, в нашей стране выросло несколько поколений граждан (особенно это относится к молодежи), которые, как правило, лишены знаний о своей семейной истории и, что самое грустное, не проявляют к ней интереса.

Смысл генеалогии в контексте фамилистики в том и состоит, что в процесс воспитания молодого поколения внедряется комплекс представлений о неразрывной связи каждого человека со своим родственным окружением, со своими близкими и далекими предками. Умелое применение генеалогического метода в рамках фамилистики не оставит людей равнодушными — ведь речь идет о своей собственной семье, о кровных узах, о родовых традициях, то есть о весьма дорогой для каждого нормального человека позиции. Внедрение в умы и души подрастающего поколения понимания значимости понятия малой родины, понятия семейной истории как неразрывной части истории народа, истории Отечества представляет собой эффективный инструмент воспитания подлинного патриотизма.

Многолетний опыт автора статьи в преподавании курсов «Социология семьи», «Психология семейных отношений», «Семьеведение» (*Кулаковская О.Ю.* Семьеведение. Программа курса и методические материалы для студентов специальности «Социальная работа» факультета политических и социальных наук / Учебное пособие. ГОУ высшего профессионального образования Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, 2007. 28 с.), «Семейная педагогика» и «Психология семьи» в Петрозаводском государственном университете, в руководстве научной студенческой лабораторией ПетрГУ «Семейный летописец», деятельности в качестве президента Генеалогического общества Карелии, свидетельствуют о плодотворности, эффективности использования генеалогии в деле воспитания молодежи.

Россия издревле является многонациональной страной. Так и Республику Карелия населяют люди самой разной этноязыковой, культурной, конфессиональной принадлежности. Такая разнородность может спровоцировать раздор, а может стать основой благосостояния общества и даже украсить собою мир. Жить в мире и согласии — идеальная модель разнородного общества. Сохранение исторической памяти, воспитание патриотизма и укрепление института семьи — кроется в изучении родословной и может стать объединяющим фактором и отдельным разделом науки «Фамилистика».

Одним из способов восстановления семейных ценностей выступает практическая генеалогия, родословная. Стало очевидным, что именно с ее помощью можно восстановить корневую систему человека, что именно она помогает вписать каждого в определенный родственный круг, укореняет его в определенной родственной среде, дает понять каждому, что он представляет собой неразрывное звено в череде сменяющихся друг друга поколений. История своей фамилии, своего рода увлекает почти каждого человека, позволяет в масштабах страны формировать генеалогическую культуру населения, воспитывать индивидуальность каждой личности, укреплять институт семьи.

Целью фамилистики является подготовка человека к семейной роли, формирование позитивного отношения к институту семьи. Генеалогия является стержнем семьи и если в стране будет больше крепких, сильных и дружных семей, станет крепче само государство. Если человек знает и помнит о малой родине своих предков, он ею станет дорожить, а значит, любить и беречь. Отсюда и начинается любовь к своей Родине, достоинство патриота и чувство патриотизма. Без вопросов генеалогии и истории семьи содержание фамилистики будет неполноценным.

Н.П. Курусканова
к.и.н., доц., РОИИ (Краснодар)

Нелегальные журналы сибирских учащихся-эсеров (дофевральский период)

В изданной сибирскими формированиями Партии социалистов-революционеров (ПСР) в дофевральский период разнообразной нелегальной литературе имелись журналы, выпущенные ученическими группами и кружками, члены которых разделяли взгляды и являлись сторонниками этой партии. Отметим, что эсеровские ученические фракции сформировались, в основном, в составе Союзов учащейся молодежи (СУМ) в период Первой российской революции в ряде городов Сибири — в Томске, Омске, Иркутске, Барнауле и др. В них функционировали средние и средние специальные учебные заведения (гимназии, училища, семинарии и т.д.), учащиеся которых принимали активное участие в общественно-политических событиях, происходивших в революционные годы в этих городах.

Так, в течение 1906–1907 гг. в Барнауле в ходе бурных революционных событий издавался на гектографе журнал кружка

учащихся-эсеров, который распространялся по городу (*Шамахов Ф.Ф.* Ученические волнения в средних учебных заведениях Западной Сибири в годы первой русской революции 1905–1907 гг. // 50 лет первой русской революции. Томск, 1958. С. 157).

В Омске в первой половине 1907 г. учащимися социалистами-революционерами на гектографе местного комитета ПСР печатался журнал «Простор». Известен № 1 этого журнала. Он распространялся среди учащихся средних учебных заведений города (Исторический архив Омской области (ИсА ОО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 58. Л. 99–99 об.; *Курусканова Н.П.* Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов в период первой российской революции (1905–1907 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 190).

После поражения Первой российской революции формирования учащихся-эсеров продолжали действовать в некоторых городах региона. Одним из направлений их деятельности являлось издание нелегальной литературы, в том числе журналов. Так, члены Союза учащихся эсеров Иркутска в марте 1908 г. изготовили на гектографе местного комитета ПСР № 1 своего «Журнала Союза учащихся г. Иркутска». Данный номер распространялся в городских учебных заведениях (*Курусканова Н.П.* Нелегальные издания сибирских эсеров (1901 — февраль 1917 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 117).

В 1908 г. при помощи множительной техники Барнаульской группы ПСР учащимися-эсерами был выпущен «Журнал учащихся», получивший распространение в городе (*Курусканова Н.П.* Барнаульские эсеры: страницы истории // Мир Евразии. Научный журнал. Сер. История. Археология. Этнография. № 2 (21). Апрель–июнь 2013. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2013. С. 48).

Членами эсеровской группы учащихся Якутской фельдшерской школы рукописным способом был изготовлен в сентябре 1908 г. журнал «Светоч». В журнальных статьях, по словам местных жандармов, содержались «резкое порицание действий правительства и оскорбительные по отношению к Особе Государя выражения». Журнал получил распространение в Якутске (*Курусканова Н.П.* Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. — февраль 1917 г.). Краснодар: Изд-во Краснодар. ЦНТИ, 2012. С. 273; *Курусканова Н.П.* Дополнения к хроникам нелегальных изданий сибирских социал-демократов и эсеров (1901 г. — февраль 1917 г.) // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. Вып. 23. Краснодар: Изд-во Краснодар. ЦНТИ, 2018. С. 116).

В период нового революционного подъема учащиеся-эсеры Сибирского региона своих журналов, видимо, не издавали.

Накануне Первой мировой войны происходила активизация эсеро-вского движения в регионе, выразившаяся также и в стремлении эсеров возобновить свою нелегальную издательскую деятельность. Так, ранее 1 августа 1914 г. члены подпольного кружка социалистов-революционеров в землемерном училище в Красноярске рукописным способом изготовили журнал «Свободное творчество». Он получил распространение по городу (*Курусканова Н.П.* Красноярская организация ПСР: из истории нелегальной издательской деятельности (1904–1916 гг.) // *Кубанские исторические чтения: мат-лы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 июня 2021 г.). Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021. С. 73).*

Отметим, что указанные выше журналы ученических объединений эсеров имели партийную окраску, в отличие от большинства нелегальных ученических журналов, выпущенных в Сибири в дофевральский период. Судя по способу изготовления данных журналов (гектограф, рукописный), их тиражи были незначительными — от 10 до 100 экз. Появившись в условиях подполья, эти журналы имели небольшой формат и объем.

Специфика выявленных журналов заключалась в том, что они являлись социально ориентированными, т.е. адресовались определенной, довольно узкой читательской аудитории, преимущественно, учащимся конкретного учебного заведения. Поэтому эти журналы распространялись в этой социальной среде, представителям которой они предназначались. В отличие от эсеровских листовок, газет и брошюр, отпечатанных подпольно в дофевральский период, указанные журналы включали в себя тематически подобранный материал. Публикации в них были разнопланового характера. Формат данных изданий позволял помещать статьи теоретического и эмпирического характера, заметки, хронику, стихотворения, рисунки и т.д. В журнальных номерах, как правило, был подобран разнообразный материал, освещавший борьбу учащихся средних заведений региона за демократизацию учебного процесса, за удовлетворение академических требований учащихся. Авторами помещенных материалов являлись, преимущественно, члены ученических эсеровских групп и кружков. Поскольку для подготовки журнального номера требовалось время, уходившее на сбор и обработку материалов, то журналы проигрывали в оперативности прокламациям и газетам. Однако можно констатировать, что нелегальные журналы учащихся-эсеров успешно справлялись с задачей политического просвещения молодежи, из рядов которой вышли впоследствии известные политические деятели Сибирского региона.

Отметим, что автором данной статьи пока выявлено 6 наименований нелегальных журналов учащихся-эсеров, выпущенных в дофевральский период в Сибири, хотя в действительности их могло быть и больше.

М.А. Курышева
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Б.Л. Фонкич и датирование греческих рукописей

Со второй половины XX столетия современная греческая палеография строится на методике идентификации по почеркам писцов рукописных книг и документов, с помощью которых выделяются группы писцов, их скриптории или школы. Такой подход сейчас позволяет датировать византийские и пост-византийские рукописи с высокой степенью точности. В соответствии с этим подходом Борис Львович Фонкич (1938–2021) видел главную задачу палеографии рукописной книги или документа, прежде всего, в определении *времени и места* их написания. Палеографическое и кодикологическое изучение особенностей письма и технологии изготовления того или иного памятника письменности было для него, прежде всего, средством установления его *датировки и локализации* (Фонкич Б.Л. Греческая палеография среди специальных дисциплин в конце XX столетия // Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М.: Индрик, 1999. С. 9–17).

У исследователей, которым требовалось получить информацию о той или иной греческой рукописи, зачастую складывалось ложное впечатление, что Б.Л. Фонкич использовал какую-то свою уникальную методику, которую невозможно повторить и воспроизвести. Складывался своего рода миф о греческой палеографии, что это некая «*disciplina arcani*» — своего рода «тайное учение». Это было вызвано тем, что большинство византинистов и неоэллинистов, когда обращались к Б.Л. Фонкичу за консультациями и получали от него идентификацию почерка и дату рукописи, потом уже не интересовались тем, каким способом они были им получены. Между тем, научность того или иного исследовательского вывода определяется не угадыванием формально «правильного ответа», а корректностью процедур его получения. Ссылки на авторитет консультанта не могут заменить понимание того, как он получил свои выводы. И для этого Б.Л. Фонкич оставил нам все необходимые «ключи» в виде нескольких своих опорных работ о роли палеографии и ее методах (Фонкич Б.Л.

Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М.: Индрик, 1999; *Фонкич Б.Л.* Византийский маюскул VIII–IX вв.: К вопросу о датировке рукописей / Отв. ред. М.А. Курышева. М.: ЯСК Рукописные памятники Древней Руси, 2020).

Кроме Б.Л. Фонкича в мировой византистике работали и работают несколько крупных специалистов в греческой палеографии и кодикологии. Это — А. Турин, О. Диллер, М. Мануссакас, Л. Политис, Л. Перриа, П. Канар, Н. Вильсон, Д. Харлфингер, И. Перс-Мартин. Благодаря этому мы имеем главный критерий проверки научности методик Б.Л. Фонкича — *независимую воспроизводимость результатов*. Классический пример этого — идентификация почерка и кодикологических особенностей рукописей знаменитого константинопольского писца X в. монаха Ефрема, которую параллельно сделали О. Дилер и Б.Л. Фонкич (*Diller A.* Codex T of Plato // *Classical Philology*. Vol. 75. 1980. № 4. P. 322–324; *Фонкич Б.Л.* Палеографические заметки о греческих рукописях итальянских библиотек / *Cod. Marc. gr. IV, 1 (coll. 542)*). Новый автограф константинопольского писца Ефрема // *Византийский временник*. Т. 41. 1980. С. 213. Рис. 3–4). На основе их работ я отождествила писца монаха Ефрема с монахом Ефремом из переписки т. н. «Анонимного учителя» (*Курышева М.А.* Анонимный учитель и монах Ефрем: малая группа византийских интеллектуалов X столетия // *Вестник Пермского университета*. История. № 1. М., 2020. С. 110–114).

Б.Л. Фонкич работал с греческими рукописями с IV по XIX в. Это позволило ему и освоить все имеющиеся в историографии, и выработать самому свои методики датирования всех основных стилей почерков греческого письма этого протяженного периода (*Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV–XIX вв. / Отв. ред. М.А. Курышева. М.: ЯСК Рукописные памятники Древней Руси, 2014). Он пришел к важнейшему выводу о временных ограничениях существования отдельных стилей и повторяющихся ритмах их смены, которые зависели от историко-культурных факторов, которые можно назвать «меняющимися системами мод» (*Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры / Сост. и пер. С. Зенкина. М.: Издательство им Сабашниковых, 2003). На этой основе я подробно изучила историю смены почерков периода Македонского Ренессанса от т. н. «Пурпурного лекционария» императора Василия I Македонянина второй половины IX в. до «жемчужного письма» второй половины X–XI в. (*Курышева М.А.* Палеография и кодикология греческих рукописей X в.: методы атрибуции

и датировки // ЭНОЖ История. 2022. Том 13. Выпуск 5 (115) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/S207987840021544-7-1> (дата обращения: 13.01.2023).

В своей последней монографии Б.Л. Фонкич предложил принципиально новый метод датирования маюскульных рукописей IV–IX вв. (*Фонкич Б.Л.* Византийский маюскул VIII–IX вв.: К вопросу о датировке рукописей / Отв. ред. М.А. Курышева. М.: ЯСК Рукописные памятники Древней Руси, 2020). Используя разработанную им методику, Э. Н. Добрынина передатиговала знаменитый *Codex N* Посланий апостола Павла (Там же. С. 88–97). Я же, также используя эту методику, обосновала новые датировки древнейшей рукописи «Альмагеста» Клавдия Птолемея и знаменитого иллюминированного манускрипта Христианской Топографии Козмы Индикоплова (Там же. С. 98–115).

Наконец, важнейшим навыком любого палеографа является идентификация индивидуальных почерков отдельных писцов и известных исторических лиц по их «динамическим стереотипам» и другим уникальным особенностям их письма. В Византии расцвет индивидуальных почерков приходится на XIII–XIV вв. Например, И. Шевченко, а затем Б.Л. Фонкич определили автографы знаменитого византийского ученого энциклопедиста первой половины XIV в. Никифора Григоры (*Ševčenko I.* Études sur la polémique Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962; *Фонкич Б.Л.* Новые автографы Никифора Григоры // Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М.: Индрик, 1999. С. 62–77). Последний его автограф на основе их наблюдений был выявлен мной (*Курышева М.А.* Новый автограф Никифора Григоры // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, сост. М.А. Курышева. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 119–125).

Борис Львович Фонкич, был, без сомнения, выдающимся палеографом, сделавшим огромный вклад в датирование греческих рукописей, но, самое главное, он создал все возможности, чтобы его работа продолжалась.

М.А. Курышева
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН
Д.О. Цыпкин
к.и.н., зав. каф. истории западноевропейской
и русской культуры Института истории СПбГУ,
директор по особо ценным фондам РНБ

К вопросу о древнерусских монокондильных композициях

Письмо монокондиллом (*греч.* μονοκόνδυλος), т.е. написание слова, синтагмы или предложения реализованное так, что оно *воспринимается как выполненное одним движением, без отрыва калама или пера от пергамента или бумаги*, – один из ярких феноменов книжной культуры Византии и пост-византийского мира. В рамках византийской дипломатики и палеографии его изучение до сих пор еще не вышло за пределы предварительных наблюдений и накопления примеров, которые пока не получили должного обобщения (основные работы: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956. S. 247–248, n. 4; *Politis L.* Paléographie et littérature byzantine et néo-grecque. London, 1975. V (1957). P. 318–320; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 36; *Kazhdan A.P.* Monocondyle // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 2. New York-Oxford, 1991. P. 1396; *Oikonomidès N.* Réflexions sur le monocondyle épiscopal du 16e s. // *Η ελληνική γραφή κατά τους 15ο και 16ο αιώνες / The Greek script in the 15th and 16th centuries (Διεθνής συμπόσια / International Symposium 7)*. Αθήνα, 2000. P. 53–63; *Förstel Ch.* Le monocondyle: un délire graphique // *Dossiers d'Archéologie*. Naissance des premières écritures. No. 402, Nov. / Déc. 20. 2020. P. 46–47). Изучение подписей византийских документов дало основания Н. Икономидесу сделать вывод, что о греческом монокондиле в строгом смысле нельзя говорить до XI в. Исследователь выводил его из нотариальной практики конца X в., когда подпись единым росчерком должна была дополнительно гарантировать подлинность и подписи, и документа. Икономидес делил греческие монокондилы на два типа: 1) обычная подпись под документом, заканчивающаяся именем в виде единого росчерка, она известна с XI в. и особенное распространение получила в XIII–XIV в.; 2) полная подпись с именем, титулами и званиями оформлявшаяся в виде непрерывной записи, она засвидетельствована с XII в. и широкое распространение получила в XIV–XV вв. Для XV в. исследователь констатировал постоянное использование монокондиллов в светской и церковной практике.

В поствизантийский период в XVI в. и позже мода меняется в сторону подражания практике османских чиновников, так со 2-й пол. XVI в., монокондилы становятся как бы «многоэтажными».

В свою очередь Х. Фюрстель обратил внимание на выход монокондила за пределы области документального письма. По его мнению, монокондил появился примерно в XV в., распространившись в последующие века. Проникнув в мир книжного письма, он утратил свою основную функцию удостоверения подлинности написанного, превратившись исключительно в декоративный элемент византийских кодексов. Лишь расположение монокондила в рукописной книге напоминает о его прежнем положении: монокондиллом обычно писался колофон писца или его имя, а также другие элементы маркировки финала текста (например, слова «конец» или «аминь»). При этом, колофон уже не имел удостоверяюще-перформативной функции, а позволял писцу выразить свою индивидуальность и показать профессиональный класс каллиграфа.

В докладе рассматриваются древнерусские монокондилные композиции XVI–XVII вв. Такие композиции – это каллиграфические этюды, представляющие собой законченные тексты (литургические, афористические и т.п.), выполненные в технике скорописи с установкой на создание визуального эффекта непрерывности движения пишущего инструмента по бумаге. В «чистом виде» эти композиции в письменности Московской Руси известны нам только в составе каллиграфических пособий XVII в., начиная от самых ранних (1604 г.) и фактически до конца этого столетия. Однако, древнейшим древнерусским каллиграфическим этюдом, графически (но не технически) близким к рассматриваемым композициям, является образец «связного» письма на л. 477 об. Библии Матфея Десятого, выполненной в 1507 г. в Великом княжестве Литовском.

Впервые на эти композиции обратил внимание М.Н. Сперанский, справедливо видя их источник в византийской традиции монокондиллов (*Сперанский М.Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.3. Л., 1929. С. 47–49, 143–149). Однако, ученый смешивал такие композиции, с «лигатурным письмом», относя все это к условной «тайнописи». В конечном итоге, возникло искусственное объединение различных по функциональности и по графике явлений (из области южнославянской и древнерусской письменности XIV–XVII вв.), в рамках которого интересующие нас композиции не могли получить адекватной интерпретации. Нами была предпринята попытка специального рассмотрения древнерусских монокондилных композиций, позволившая интерпретировать их в качестве способа выработки

навыков чтения скорописи (*Цыпкин Д.О.* Древнерусская каллиграфия в контексте проблемы когнитивных трансформаций (некоторые замечания о монокондильных композициях раннего Нового Времени) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 12. СПб.; М., 2022. С. 688–704).

Представляемое в настоящем докладе исследование показывает, что, отличаясь от византийских монокондиллов функционально, древнерусские монокондильные композиции развивались по той же модели, что и современный им греческий монокондил. Если для «связного» письма из библии Матфея Десятого основой послужили монокондилы, характерные для XIV–XV вв., то композиции древнерусских каллиграфических пособий XVII в. ориентируются уже на «многоэтажные» монокондилы, известные со 2-й пол. XVI в. Это показывает, что древнерусские мастера письма не просто «единовременно» заимствовали восходящую к Византии традицию, а интересовались развитием греческой монокондильной каллиграфии. Важно, что речь идет именно о каллиграфии, поскольку с функциональной точки зрения монокондильные композиции азбук-прописей имеют мало общего с византийскими монокондилами. Особенно, если учесть, что в светской письменной среде Московской Руси (а азбуки создавались именно для нее) подпись в XVII в. развивалась по западноевропейской модели (*Цыпкин Д.О.* Становление современной русской подписи в Раннее Новое время. Предварительные наблюдения // Мавродинские чтения 2018. СПб., 2018. С. 135–139).

В.И. Лавренов
к.и.н., дир. музея Козла в Твери

«О тверских козлах и рязанских косопузах...».
Региональные прозвища как культурный ресурс
для создания музея

В современном мире музеи воспринимаются не только как хранилища исторических и культурных ценностей. Современный музей — важный компонент национальной идеи, часть образовательного и воспитательного пространства (См. об этом: *Лавренов В.И.* Зарубежное памятниковедение и музееведение. Часть I. Введение в зарубежное музееведение. Тверь, 2005. С. 2–4). Музеи стали ключевым элементом туристической инфраструктуры, которая заинтересована в «добротном музейном продукте». В настоящее время в России происходит «музейный бум», причём темы для создания музеев, главным образом частных, возникают самые разные, от музея

лягушки, до музея транспорта, монет и фарфора (Частные музеи России. Хранители памяти и пространства. М., 2022). Создание Ассоциации народных музеев, Союза частных музеев России, прошедшая в сентябре 2019 г. масштабная выставка в Сокольниках (Москва) коллекций ста лучших частных музеев России, тому явное подтверждение (Частные музеи России. Самородки России. Каталог выставки. М., 2019). Музеи являются важным элементом воспитания, особенно патриотического. Поиск новаций в области патриотического воспитания идёт и «сверху», и «снизу». В этом поиске особое значение придаётся региональной символике. Однако местными гербами, флагами понятие «региональная символика» не исчерпывается. Региональная идентичность, почти утраченная в советское время, включает в себя нечто такое, что до сих пор вызывает споры и даже отторжение. Речь идёт о региональных прозвищах, которые на протяжении столетий составляли важнейший пласт традиционной народной культуры. Коллективные прозвища, или микроэтнонимы — наименования жителей какой-нибудь местности, не связанные с топонимом, а реализованные в одном из жанров фольклора, дают весьма неожиданную оценку местному сообществу. Жителей Перми называют «солёные уши», архангелогородцев — «трескоедами», псковичей — «скобарями», новгородцев — «долбёжниками» (Про козлов... / Сост. В.И. Лавренев. Тверь, 2015. С. 3). Это наследие символично, тесно связано с народной культурой и при исчезновении носителей культуры (народа), воспринимается как абсолютно фантастическое явление, которого никогда не существовало. Именно в России прозвища стали частью утраченного прошлого, ибо региональные особенности, которые отличали тверичей от вятичей, почти исчезли. Но память о прозвищах сохранялась на протяжении столетий (Например, оформление тверского вокзала, построенного в середине XIX в., на чугунном щите пограничного столба из села Куженкино, или тонко выделенный сафьян (сапоги), который стал «визитной карточкой Тверской губернии уже в XVIII век» (См. об этом: Любовь зла — полюбишь и... // Переплёт. 2015. № 24 (декабрь), С. 20). Филологи и историки редко обращались к происхождению этих названий-символов, ибо востребованность в них была крайне низкой. Надо сказать, что в советское время, некоторым прозвищам, в частности «тверские козлы», была объявлена настоящая война. Упоминание о региональных прозвищах тщательно фильтровалось, а носители этой традиции (знаки, памятники, изделия мастеров) уничтожались. Тем не менее, в этой борьбе советская власть потерпела поражение, а прозвище «тверские козлы» упоминается практически в каждом современном путеводителе по области или городу Твери (Тверская область. Путеводитель. М., 2015.

С. 31; 15 увлекательных маршрутов по Твери: путеводитель. Тверь, 2015. С. 45 и др.). К этому наследию можно относиться по-разному. Или как к давнему чудачеству, или как к культурному ресурсу, который может стимулировать развитие местных брендов, сувенирной и иной продукции, вплоть до элементов официальной региональной символики, предложив довольно оригинальный срез местной истории (Музеи Тверской области. Тверь, 2018. С. 8; *Денисов Р.* Кто ответит за козла? // Красивая Жизнь. Стильный журнал о жизни в Эстонии и мире. 2019. № 35. С. 76–79; *Лавренов В.* Возмутитель спокойствия, или у нас за козла не ответишь! // Реноме. Тверской регион. Журнал элиты. 2022. № 1 (163). С. 34–37; *Нефёдов А.* За козла в ответе // Чудеса и приключения. 2022. № 12. С. 42–43). Жителей Тверского края издавна называют козлами. Кому-то это непривычно, даже обидно, а у кого-то вызывает смех и веселье (*Ахметова М.В.* Функционирование локально-групповых прозвищ: история и современность (на примере Тверской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2015. № 3; Тверской краевед из С.-Петербурга А.И. Сенин крайне негативно относится к региональным прозвищам (особенно — «тверские козлы»), считая его вымышленным. См.: *Сенин С.И.* Прозвища тверитян: вымысел и реальность. Тверь, 2017). Козёл как животное — образ сложный, и прозвище «козёл» не всегда было ругательным. Произнося слово — «козёл», мы даже не задумываемся о его многозначности, ибо «козлом» может называться не только рогатое животное, но и десятки самых разных предметов, явлений и даже действий (Возмутитель спокойствия. Правдивые истории и историческая правда про козлов / Сост. В.И. Лавренов. Тверь, 2020). Поэтому, вопрос о козлах — это вопрос о многообразии мира, в котором мы живём, о поразительной насыщенности и виртуозности русского языка и, конечно, об истории происхождения названий, таких, как например, «тверской козёл». Музей Козла в Твери был основан в 2008 г. (Музей Козла в Твери. Материал из Википедии — свободной энциклопедии). Поначалу открытие музея было встречено критикой со стороны чиновников, местных активистов и краеведов, однако со временем он стал одним из ярчайших музейных и туристических проектов Твери, участвуя в федеральных и международных музейных событиях. Концепция музея довольно необычна. Как выразился один известный человек: «я думал, что здесь они (козлы) на полочках стоят. А тебя — философия». В залах музея выставлены экспонаты, возраст которых колеблется от XIV в. до н.э. до современных дизайнерских интерпретаций образа козла. Среди подлинных предметов — фигурка римского козла IV в. н.э., древние статуэтки, заколки, элементы диадем, печати,

греческие монеты, монеты Древнего Рима, столовые приборы, табакерка, запонки и трости XIX–XX вв., фарфоровые и бронзовые статуэтки и композиции с козами, игрушки, монеты великого княжества Тверского. В экспозиции также представлены копии предметов с козлами из крупнейших музеев мира. Общая численность коллекции — более 6000 экспонатов. Три зала музея имеют тематические названия: первый — козёл как явление мировой цивилизации, второй — история тверских козлов, третий — музей необычных коллекций. Именно в третьем зале на примере козлов показан мир собирательства с названиями областей и видов коллекционирования (Музей необычных коллекций. Буклет. Тверь, 2021). Экспозиция музея через нескучный рассказ позволяет не только обратить внимание на забытые региональные прозвища, но через образ козла рассмотреть сложнейшие вопросы истории, культуры, философии, религии и литературы. И даже воспитания через песенку «жил-был у бабушки серенький козлик». Ежегодная посещаемость музея до 30 тысяч человек в год, что является хорошим показателем для небольшого частного музея.

*А.В. Лаврентьев
НИУ ВШЭ*

К истории речных и сухопутных путей юга Руси в XIV веке

Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 23-28-01491

Старейшей торговой водной магистралью, связывавшей Русь с Причерноморьем и Византией, долгое время был днепровский «путь из варяг в греки», и о том, что до Батыева нашествия для достижения Черного моря пользовались также и Доном, как будто бы ничего неизвестно (А.Л. Монгайт допускал существование Донского пути «в раннее время», но полагал, что к XII в. он уже не действовал: *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 311–312).

После катастрофы 1237–1240 гг. днепровский речной путь пришел в упадок, уступив первенство донскому (*Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910. С. 204, 206, 217; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 49; *Колызин А.М.* Торговля древней Москвы. М., 2001. С. 78). Верховья Дона в послемонгольское время — начальная точка «великой черноморско-донской торговой артерии», а сам Дон — путь «постоянных и оживленных сношений Руси с Византийской империей» (*Тихомиров М.Н.* Исторические связи. С. 17, 27). Река связывала княжества и земли

Северо-Восточной Руси с расположенными в устье Дона венецианской Таной (*Скржинская Е.Ч.* История Таны (XIV–XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. К истории русско-итальянских связей XV в. / Ред. и сост. Е.Ч. Скржинская. Л., 1971. С. 11–20) и золотоордынским Азаком (*Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых норм в Золотой Орде) // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 109). Отсюда, Азовским и Черным морями, он вел далее, в Крым и Византию. Донской путь, подчеркивал Д.И. Иловайский, имел общерусское значение (*Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1884. С. 198–199). Земли Руси для Византии «были крупнейшим поставщиком пушнины, моржовых клыков... воска и меда» (*Тихомиров М.Н.* Исторические связи. С. 33), и неслучайно византийский хронист XIV в. в самых восторженных тонах пишет о материальных ресурсах Руси (*Никифор Григора.* История ромеев. СПб., 2017. Т. 2. Кн. 24–36. С. 94, 165), строя свои выводы на, надо понимать, изобилии русских товаров на рынке Константинополя.

Верхнее течение Дона, как до Батыева нашествия, так и после, входило в состав владений великих князей рязанских (*Иловайский Д.И.* История. С. 176; *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 202–203; *Хорошкевич А.Л.* О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 97–98), и всеми выгодами контроля над русской торговлей по Дону пользовалась Рязань. По московско-рязанскому договору мая 1381 г., заключенному после Куликовской битвы победителем Орды великим князем Дмитрием Ивановичем и его рязанским визави Олегом Ивановичем на условиях Москвы, Рязань, кроме потери суверенитета (рязанский князь признавал «старейшинство» московского и обещал действовать исключительно в русле политики Москвы) лишалась еще и двух владений в Окско-Донском междуречье, «места Тула» и «мест Талица, Выползовь, Такасовь» (*Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 344). Очевидно, располагавшиеся на юг от Оки «места» были связаны с двумя путями на юг. Первое, «Тула», располагалось на сухопутной дороге через степи в Крым, позднее, в XVI в. известной как Муравский шлях. Второе, «Талица, Выползовь, Такасовь», было связано с водными путями от Оки на Дон через притоки рек, соединявшиеся в верховьях волоками; московское владение «местами» предполагало переход к Москве доходов от контроля за торговыми операциями по сухопутному и речному путям на юг (*Лаврентьев А.В.* После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней

четверти XIV — первой четверти XVI в. М., 2011. С. 21–26). Контроль этот, впрочем, продолжался недолго, буквально несколько лет, после примирения Москвы и Рязани в 1385–1386 гг. оба «места» вернулись Рязани.

О существовании сухопутной и речной дорог на юг известно из литературных памятников второй половины XIV в., Повести о Митяе (*Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 252–253) и Хожения в Царьград Игнатия Смольнянина (*Белоброва О.А.* Игнатий (Смольнянин) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 395–397).

Согласно первому, в мае 1378 г. претендент на митрополичий стол, Михаил-Митяй предпринял поездку из Москвы в Царьград на так и не состоявшееся поставление (Митяй скончался, едва достигнув столицы Византии). Русская делегация добралась, надо думать на судах, до Коломны, «а с Коломны за Оку на Рязань». Далее делегация продолжила путешествие посуху, через земли Рязанского княжества и контролировавшиеся Ордой степи, «и проидоша всю землю Татарскую и приидоша к морю Кафиньскому», где «внидоша на корабль» (ПСРЛ. М., 2001. Т. 15. Стб. 128–129) для продолжения пути Черным морем в Царьград.

Речной путь гораздо более подробно описан в Хожении в Царьград Игнатия Смольнянина, в 1389 г. сопровождавшего из Москвы в Константинополь главу русской церкви, митрополита Пимена. Первоиерарх и его спутники добрались до Коломны, далее проследовали судами по Оке до рязанского г. Перевитска, затем сухопутной дорогой от Перевитска до Переяславля-Рязанского, откуда великий князь Олег Иванович «отпусти боярина своего... с доволною дружиною, повелѣ насъ проводитьи до рѣки до Дону съ великымъ опасеніемъ розбоя дѣля». За церковной делегацией следовали четыре судна, «три струги да насадъ», транспортировавшиеся «на колесахъ». Путники достигли Дона, «спустихомъ суды на рѣку... И въ вторый день приидохомъ до Чюръ Михайловыхъ... нѣкогда бо тамо... градъ былъ бяше». Здесь, у «Чюръ Михайловыхъ» Пимен и рязанская дружина расстались, последние «отъ того мѣста возвратишася въ свояси», церковная же делегация «влѣзше в суды и поплыхомъ рѣкою Дономъ на низъ» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 11. С. 95–96). Путешествие делегации завершилось в Константинополе.

Речной и сухопутный пути на юг хорошо известны по русским источникам второй половины XV — начала XVI века. Ими пользовались торговцы, дипломаты и не только они (например, преп. Максим Грек). «Хожения» русских церковных иерархов XIV в. подтверждают,

что оба пути существовали и ранее, в эпоху Куликовской битвы и, надо думать, использовались не только для церковных контактов Руси с Причерноморьем и Византией.

М.В. Леонов
к.б.н., доц. факультета вычислительной математики
и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова

О некоторых цифровых коллекциях архивных артефактов Московского университета

В последние двенадцать лет на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова выполняется ряд проектов, цель которых — разработка программного обеспечения, предназначенного для историко-архивных исследований. В основном это информационные системы с базами данных по студентам Императорского Московского университета (*Леонов М.В. Опыт автоматизации поиска персональных данных студентов Московского университета за 1813–1917 гг. по документам ЦГА Москвы // Отечественные архивы. 2020. № 4. С. 37–43*). В некотором смысле, эти базы данных также можно считать коллекциями сведений о дореволюционных студентах, основанными на раритетных справочниках и делах, хранящихся в фонде 418 «Московский университет» Центрального государственного архива Москвы.

Термин «цифровая (электронная) коллекция», в отличие от «базы данных» не имеет строгих определений, но все чаще используется для обозначения виртуальных аналогов печатных каталогов и справочников реальных коллекций. Кроме содержательной информации, это понятие включает в себя и программное обеспечение для удобной визуализации элементов коллекции. Достоинством таких электронных каталогов, особенно иллюстрированных, является их доступность через сеть Интернет. Впечатляющим примером печатного каталога является 50-томное собрание Петера Мортцфельда, в котором описаны 28623 портрета из собрания библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (*Katalog der graphischen Porträts in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel 1500–1850. Bd. 1–50. Reihe A: Die Porträtsammlung / bearb. von Peter Mortzfeld. München; London; New York; Oxford; Paris, 1986–2008*). Нам удалось воспользоваться как печатной, так и электронной версией этого каталога: *Die Porträtsammlung der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel*. [Электр. ресурс]. URL: <http://portraits.hab.de/>). Именно этот источник позволил идентифицировать многие гравюры из коллекции портретов

естествоиспытателей и врачей, хранящуюся в МОИП. Эту коллекцию ботаник и историк науки С.Ю. Липшиц (1905–1983) называл «замечательной, единственной в своем роде в СССР» (Липшиц С.Ю., Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940). М., 1940. С. 29). Оцифрованные портреты стали элементами нашей цифровой портретной коллекции (*Леонов М.В.* Опыт оцифровки и идентификации портретов из коллекции И.Я. Геннинга // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 111. Ч. 1: Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года: мат-лы междунар. научн. кон., СПб., 2022. С. 272–280).

В этой коллекции представлены портреты как отечественных, так и зарубежных деятелей науки и культуры: И.Г. Гмелина (1709–1755), Н.М. Максимовича-Амбодика (1744–1812), И.А. Гейма (1758–1821); Н.М. Карамзина (1766–1826), А.Г. Разумовского (1707–1771), Д.С. Самойловича (1707–1805), Н.С. Турчанинова (1796–1863), Г.И. Фишера фон Вальдгейма (1771–1853), А.Л. Шлёцера (1735–1809), И. Бернулли (1667–1748), Р. Бэкона (ок. 1214–1292), К. Гесснера (1516–1565), Д. Бернулли (1700–1782), У. Гарвейна (1578–1657), А. фон Гумбольдта (1769–1859), А.-Л. Лавуазье (1743–1794), К. Линнея (1707–1778), Г.К. Лихтенберга (1742–1799), Ж.П. Марата (1743–1793), И. Ньютона (1643–1727), Теофраста (ок. 371–ок. 287), Б. Франклина (1706–1790), А. Цельсия (1701–1744), М. Фарадея (1719–1867) и других. Список гравюров состоит из 48 фамилий. Всего в настоящее время в коллекции пятьсот гравированных и литографических портретов. Разработана специальная программа для просмотра портретов и связанной с ними информации по изображенным персонам и авторам.

В 2021 году к 250-летию основателя Московского общества испытателей природы был разработан программно-информационный комплекс с цифровым архивом (*Леонов М.В., Зеленухина Е.А.* Цифровой архив «Г. И. Фишер фон Вальдгейм»: портреты и другие артефакты // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. 2021. Т. 96, № 4. С. 35–44). Архив содержит оцифрованные книги и статьи как самого Г.И. Фишера фон Вальдгейма, так и цифровые копии материалов о нем, библиографию, а также сведения, найденные при наших архивных и библиотечных поисках. Составной частью архива стала коллекция портретов этого выдающегося естествоиспытателя, частично атрибутированная с помощью сотрудника Отдела редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ Е.В. Зименко. Реконструкция личной библиотеки Г.И. Фишера фон Вальдгейма, а также найденные при этом экслибрисы, штемпели, дарственные надписи привели нас к идее

оформления цифровой коллекции книжных знаков и автографов на книгах библиотеки МОИП.

Основа этой коллекции — сделанные нами фотокопии титульных, а также некоторых других страниц, в основном с дарственными надписями и книжными знаками. Разработана специальная программа с функциями поиска по шифру книги, автору, а также по содержимому поля с фамилиями владельца книги и автору надписи. Для просмотра гипертекстовой таблицы можно использовать интернет-браузер, например, Firefox. Планируется возможность генерации каталога коллекции в стиле справочника С.Н. Богомолова (*Богомолов С.И. Русский книжный знак 1700–1918 гг. М., изд-во «Минувшее», 2010*). Заметим, что в указанном справочнике большая часть книжных знаков, входящих в нашу коллекцию, отсутствует. Количество виртуальных экспонатов коллекции постепенно увеличивается, в настоящее время их около четырехсот.

А.Ф. Литвина

к.ф.н., в.н.с. НИУ ВШЭ

Ф.Б. Успенский

д.филол.н., чл.-корр. РАН, директор ИРЯ РАН

К реконструкции логики имянаречения в XVI в. Два имени окольного Головина

Исследователь, сталкивающийся с феноменом светской христианской двуимённости — мощной традицией позднего русского Средневековья, в соответствии с которой человек в миру мог носить одновременно два имени, почерпнутых из церковного календаря — зачастую испытывает острый дефицит сведений для реконструкции обстоятельств и релевантных параметров того или иного антропонимического решения, некогда принятого в ситуации имянаречения. Какими дополнительными соображениями могли руководствоваться те, кто задумали дать ребёнку сразу два, а не одно христианское имя, каковы были причины и предпочтения, побудившие нарекающих остановить свой выбор именно на этих двух антропонимах, вправе ли мы оценивать связь между двумя именами одного и того же лица как окказиональную или даже спонтанную, или за ней все же стоит определённая «мотивировочная часть», скрытая от глаз современного историка?

Два имени давали ребёнку, в первую очередь, для того, чтобы обеспечить ему защиту и покровительство сразу двух святых тёзок, которые будут сопровождать его при жизни и после кончины, ввести

в целый мир личного благочестия, где его будут окружать особо почитаемые иконы, сугубо отмечаемые праздники, реликвии и священные артефакты, хранящиеся в доме на протяжении многих лет, жертвуемые в церковь, передаваемые по наследству потомкам. Нет сомнений, что церковный календарь в целом, как и выбор конкретных имён, был очень важным параметром, с первых дней жизни задающим координаты этого благочестивого обихода. Как именно, однако, это воздействие было устроено? Дабы приблизиться к ответам на эти вопросы, мы обратимся к антропонимическому досье одного из носителей светской христианской двуимённости в XVI в. и попытаемся воссоздать логику, обусловившую выбор двух мирских антропонимов, публичного и крестильного, для члена знатного рода Головиных.

28 июля 1597 г. скончался Владимир Васильевич Головин, быть может, не самый яркий, но в чем-то весьма типичный представитель придворной элиты. Постигшая его обширную семью в начале царствования Фёдора Ивановича опала сказала и на нем — в 1584 г. В.В. Головин, по всей видимости, перестал быть казначеем и окольничим и упоминается лишь как воевода, сперва в Черкасах, а затем на Тереке. Где он умер, доподлинно неизвестно, но хоронить его привозят в московской Симонов монастырь, в родовую усыпальницу клана Головиных. Поминать Владимира Васильевича предписывалось на день кончины и на 1 августа: «...по Володимери на память его августа в 1 день да на преставление июля в 28».

Вкладная книга Симонова монастыря, в сущности, не оставляет нам сомнений в том, почему именно 1 августа было выбрано в качестве второй поминальной даты: «...Феодор да Иван Васильевичи Головины... прислали в монастырь на Симаново погresti тело брата своего Володимера Василиевича Головина, а крестное ему имя Елиазар». Память Елеазара Священника, наставника Маккавеев, отмечается как раз 1 августа, по всей видимости, именно в этот день наш Головин в своё время и появился на свет.

Замечательно, однако, что крестильное имя — вовсе не единственная примета, по которой мы можем судить о дне рождения Владимира Васильевича, и не единственный благочестивый атрибут, вошедший в его жизнь благодаря этой дате. Вместе с телом покойного брата привозят в монастырь икону: «Божие милосердие образ Спасов, обложен серебром басебным, позолочен», а 1 августа в церковном календаре — это не что иное, как празднование Всемилоствому Спасу. Судя по всему, при жизни эта икона принадлежала усопшему, и именно она воспринималась как нечто наиболее личное, что должно было последовать в монастырь за его телом. Таким образом, исследователь получает двойную маркировку календарной даты

рождения Головина, сам же он в своё время, благодаря появлению на свет в большой праздник, приобрёл не только имя и небесного патрона св. Елеазара, но и особое покровительство Всемилоственного Спаса.

Однако и этим влияние 1 августа на наречение Головина и его церковную жизнь, по-видимому, не ограничивалось. Здесь впрямую задаться вопросом, как ему подбиралось некрестильное публичное имя *Владимир*, под которым он известен в светских документах. В месяцеслове имелся всего лишь один святой с таким именем и всего лишь одна дата посвящённого ему празднования — память св. Владимира отмечается 15 июля. Таким образом, для младенца мужского пола, чьё рождение выпало на 1 августа, имя равноапостольного князя подходило вполне — обыкновенно два христианских антропонима выбирали так, чтобы имя публичное устраивало семью, а празднования двум святым тезкам ребёнка не слишком далеко отстояли друг от друга в календаре. 15 июля и 1 августа полностью удовлетворяли подобной тенденции.

В обычной ситуации нам пришлось бы на этом в наших рассуждениях и остановиться, попросту не имея возможности пойти дальше констатации приемлемости имени *Владимир*, достаточно распространённого и престижного для любой знатной семьи. При этом столь же приемлемыми, скажем, являются и имена *Борис* и *Глеб* (24 июля) — так, родившегося 2 августа Годунова, жестокого гонителя Головиных, будущего царя, нарекут *Борисом* по празднику 24 июля; вполне подходило бы и имя *Андрей* — в честь Андрея Стратилата, чья память отмечается 19 августа. Строго говоря, наш Елеазар Головин мог бы сделаться в публичной жизни *Степаном* (2 августа) или *Никитой* (12 августа), правда, среди его ближайших предков и родичей *Андреев*, *Степанов* или *Никит* мы не знаем. Однако и имя *Владимир* не является здесь столь уж частотным — насколько мы можем судить по дошедшим до нас текстам, давным-давно у Головиных так звали лишь отца Ивана Владимировича Головы, а сам Иван традиционно считался основателем этого рода.

Казус Головина отличается тем, что мы можем сделать следующий шаг и предположить, почему из всех возможных вариантов нарекающие обратились к имени *Владимир*. По-видимому, мы сталкиваемся здесь с более прочной и жёсткой календарной связью между двумя христианскими именами. Дело в том, что в XV, а в особенности в XVI столетии 1 августа трактовалось не только как празднование Всемилоственному Спасу и день поминовения мучеников Маккавеев и их учителя Елеазара — как показали Н.В. Шляков и А.А. Шахматов, к этому дню церковное предание в ту эпоху настойчиво приурочивало

крещение киевского князя Владимира в 988 г. Иначе говоря, вполне вероятно, что современники воспринимали дело так, что наш Головин родился на «Владимирово крещение», и в такой ситуации более чем естественно было выбрать публичное имя *Владимир*, не смещая, так сказать, благочестивого фокуса со столь удачно выпавшей даты появления на свет.

А.С. Литвинов
магистрант исторического факультета ГАУГН

Гербы XII–XIII веков (по данным печатей средневековой Вестфалии)

Зарождение герба — один из самых сложных и интересных процессов в средневековом социуме, который вызывает множество вопросов до сих пор. Главные вопросы в отношении первых гербов это: кто и когда ими обзаводился? Насколько широкой была эта практика? На печатях какого типа мы можем их встретить? Какому сословию принадлежали владельцы первых печатей с изображением герба? Почему это происходило и как? Какие сословия и когда начали ими обзаводиться? Каковы были тенденции в изображении герба в первые столетия геральдики? Один из самых интересных вопросов к гербу — это при каких обстоятельствах и почему происходила смена герба? Всё это комплексные вопросы, на которые зачастую трудно ответить из-за недостатка источников по геральдике того периода, когда она лишь формировалась. Но существуют и исключения. Как пример — средневековая Вестфалия, один из германоговорящих регионов Священной Римской империи. Мы можем узнать многое о первых столетиях существования гербов и геральдики именно благодаря сохранившемуся сфрагистическому материалу.

Печати широко использовались жителями средневековой Вестфалии; до нас дошло более 4000 печатей из этого региона. В конце XIX в. немецкий историк и архивист Фридрих Филиппи собрал вестфальские средневековые печати в 4 тома — уникальное собрание германского сфрагистического материала (*Die Westfälischen Siegel des Mittelalters*. Н. 1–4 Bearb. von Friedrich Philippi. Münster, 1882. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL.: <https://sammlungen.ulb.uni-muenster.de/hd/content/titleinfo/979261> (дата обращения 16.12.2022)). Разделение томов сделано не по хронологическому признаку, а по статусу владельца печати. Данный источник охватывает несколько столетий жизни Вестфалии и её жителей, содержит в себе бесценную информацию как о гербах, так и о других сторонах жизни людей.

Как известно, геральдические изображения практически с самого момента своего появления, стали одними из самых частых на средневековых европейских печатях. Это связано с тем, что герб является эффективным изобразительным инструментом репрезентации своего владельца. Печать же, в свою очередь, как инструмент подтверждения личности владельца и заверения подлинности документа, который она скрепляла, взяла на вооружение изображение герба, превращая его в своеобразную подпись обладателя. Герб вместе с текстовым обозначением владельца в виде легенды репрезентировал своего владельца в достаточной степени, чтобы владельцы печати активно использовали такое сочетание. И несмотря на то, что герб на своих печатях использовали все сословия, именно благородные пользовались им как одним из основных изображений на своих печатях. Благородные стали использовать его первыми, начиная с XII–XIII вв., когда герб как изображение на печати мы можем наблюдать прежде всего на печатях «конного типа». На таких печатях благородные использовали изображения как своего герба, так отчасти и самих себя. То есть сохранялась традиция изображать владельца печати, которая предшествовала изображению герба на печатях. Эта традиция была особенно распространена в среде знати и духовенства. Представители церкви на своих печатях достаточно редко использовали только герб, отдавая предпочтение либо изображениям, которые напрямую связаны с церковью либо же сочетанию таковых с гербом. Прочие сословия обзавелись гербом позже. Хорошим примером является духовенство, конкретно епископы. Князья церкви обладали большой политической властью в средневековой Германии. И эта власть имела как духовный характер, так и светский, так как епископы являлись сеньорами в обеих этих сферах жизни. Епископы зачастую происходили из благородных, так что нет ничего удивительного в том, что они принесли некоторые способы репрезентации, которые были характерны для сословия, из которого они происходили. Но епископы, в отличие от благородных, намного чаще использовали не герб собственный или своего рода, а герб, связанный с их службой церкви. Обычно это герб города, где находилась их епископская кафедра. Хотя порой на печатях епископ использовал и изображения герба семьи, из которой происходил.

Среди сложностей в изучении ранних гербов по сфрагистическому материалу выступает проблема, состоящая в том, что далеко не каждое изображение, похожее на герб, является таковым. Речь идет о периоде, когда геральдика лишь формировалась и распространялась в средневековом мире и на своих печатях люди вполне могли использовать различные изображения, которые позже станут частью их личного или родового герба. Таким образом, существует проблема

определения, чем именно являлось изображение на печати — гербом или же иной родовой или личной эмблемой, которую владелец печати мог использовать для собственной репрезентации.

Не менее интересным является вопрос полноты герба, который изображен на печати.

Так, гербы на печатях благородных Вестфалии изображались с разной степенью полноты. На печатях «конного типа» закономерно присутствует щит как составляющая герба — ведь здесь он также является и частью воинского снаряжения своего владельца. И на этом щите изображается и герб. Но, как правило, без различных иных составляющих, присутствуют лишь щит и гербовая фигура (или фигуры) в нём.

Часть гербов представляют собой только гербовую фигуру — зачастую отсутствует даже щит. Но при этом мы располагаем и большим количеством печатей, на которых есть и изображение гербовых фигуры на щите. По своей сути такая же полнота герба сохраняется и на изображениях, которые мы можем встретить на дамских печатях. На них может быть изображена владелица печати, которая держит герб своего супруга, причем герб представляет собой изображение именно щита, а не отдельной фигуры. Также существуют дамские печати, где изображена владелица печати вместе не только с гербом супруга, но и с гербом своего отца.

Таким образом, в XII–XIII вв. и то, что считалось гербом, и полнота его независимо от гендерной принадлежности могли быть разными.

Е.В. Литовских
к.и.н., н.с., ИВИ РАН

Палеографические особенности рукописи AM 107 fol

Рукопись AM 107 fol из Арнамагнеанского собрания содержит самую старшую сохранившуюся редакцию средневекового исландского исторического произведения «Книги о занятии земли» *Sturlubók* («Книгу Стурль»), которая была написана ок. 1275–1280 гг. Стурлой Тордарсоном (о рукописях, содержащих «Книгу о занятии земли», и стемму редакций см.: *Jón Jóhannesson. Gerðir Landnámabókar. Reykjavík: Félagsprentsmiðjan, 1941. Bls. 56–58*).

Список *Sturlubók* был сделан по заказу исландского епископа Бриньюльвиора Свейнссона в середине XVII в. (так он датирован в каталоге Арнамагнеанского собрания К. Колунда) (*Kålund K. Katalog over den Arnarnagæanske Handskriftsamling. 2 vols (Kommissionen*

for det Arnamagnæanske Legat). Copenhagen, 1889–1894. Vol. I. S. 72. № 126) известным исландским переписчиком Йоуном Эрлендссоном (1600/10–1.08.1672), по пергаменной рукописи примерно 1400 г. Последняя не сохранилась, поэтому AM 107 fol — единственный дошедший до нас манускрипт с редакцией *Sturlubók*, и значение качества данного списка чрезвычайно велико.

Рукопись состоит из 80 листов (лл. 76v–80v — чистые). В начале и конце кодекса имеются по 10 добавочных листов, не включенных в основную нумерацию. Они были приплетены к блоку в начале XVIII в. Арни Магнуссоном. Общий формат рукописи — *in folio*, два типа обрезки (лл. 1–10 — 310×203 мм, лл. 11–80 — 323×207 мм) получились за счет частичной вторичной обрезки полей под датский переплет первой трети XVIII в. Медианная высота букв основного текста — 2 мм, что явно свидетельствует о принадлежности Йоуна к «южной» (скаульхольтской) писцовой школе, в традициях которой такие форматы были распространены.

Высота букв снижается по мере продвижения по тексту. При этом относительная плотность наполнения строк повышается. Это явно свидетельствует о накапливающейся «усталости руки» Йоуна. С л. 33v идет уменьшение шрифта, особенно явное оно на последних листах, начиная с л. 74r. На л. 11r, 22r, 53v, 64r видны границы: высота шрифта временно повышается до 3 мм, плотность наполнения понижается. И если лл. 11r, 53v и 64r обозначают начала крупных смысловых разделов (частей), то на л. 22r можно предположить временной разрыв в переписывании.

Рукопись AM 107 fol выполнена облегченной фрактурой (*Derolez A. The Palaeography of Gothic Manuscript Books. Cambridge, 2003 (Cambridge Studies in Palaeography and Codicology; 9). P. 73–81*). Исландские палеографы определяют отраженный в ней тип письма как *blendingsskrift* («смешанный»: <https://handrit.is/manuscript/view/is/AM02-0107/0#mode/2up>. Обращение 02.11.2022), поскольку фрактура начальных листов сильно упрощается к середине рукописи. В AM 107 fol это особенно заметно, начиная с л. 50v.

Йоун использует лигатуры, как правило, для слов *maðr* (и вводного оборота *hét maðr*), *dóttir*, *sonr*, *ok*, *hann*, *þeir*, *fára*. При этом лигатура *prestr* на л. 1r является единичной. Количество лигатур на листе колеблется в интервале от 0 до 12 и увеличивается, начиная с л. 18v. Меньше всего их на листах, открывающих новые смысловые разделы. Однако содержание текста на количество лигатур не влияет, одни и те же слова могут как писаться полностью, так и сокращаться, что особенно четко видно на примере частотного вводного оборота *hét maðr*.

Та же тенденция наблюдается и с выносными буквами: при медианном значении 15 их число увеличивается, начиная с л. 18r (резкое увеличение с л. 33v одновременно с уменьшением высоты шрифта и затем с л. 44r). При этом начала новых частей никак не отображаются на динамике числа выносных букв. Минимум (5 выносных — л. 22r) наблюдается после выброса (в рамках которого расположен и максимум — 34 выносных знака, л. 20v). Параллельно с увеличением числа выносных букв идет увеличение числа лигатур. Это можно рассматривать также как аргумент, свидетельствующий в пользу некоторого, хотя бы непродолжительного перерыва в работе Йоуна.

На л. 6v, 16v, 23r, 24r, 28r–29r, 30v, 34v, 37v, 40v, 44r, 46r, 50v–51v, 52v, 62v, 66v, 72v оставлены пропуски в несколько слов, вероятнее всего, нечитабельных или поврежденных в оригинале. Как видим, чаще всего Йоун пропускал слова в середине рукописи, на лл. 23r–52v. На лл. 27r, 52v, 57v, 72v–74v присутствуют помарки и исправления, что в целом нетипично для работы Йоуна. Уменьшение количества строк на листе с одновременным увеличением количества помарок, дописок и исправлений может свидетельствовать о снижении концентрации переписчика на последней трети текста.

При этом наиболее характерное для Йоуна написание отдельных букв, по которым его рука легко идентифицируется (это прописные *A, E, F, J, N, S* и *V* и строчные *gg, f, v* и *x*), сохраняется на всем протяжении рукописи.

Как и прочим спискам Йоуна, AM 107 fol свойственна простота оформления, она заметно выделяется на фоне манускриптов, сделанных другими синхронными Йоуну переписчиками. Можно предположить, что эти особенности были вызваны даже не его личными предпочтениями, а большим объемом работы, возложенной на него епископом Бриньюльвюром. Отсюда и упрощенное письмо, и множество сокращений во внутренних частях текстов, и отсутствие инициалов и прочих украшающих текст вставок.

Д.В. Лобанов
методист по музейно-образовательной деятельности
ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.

Усыпальница Первушиных в Донском монастыре

Церковь св. Иоанна Златоуста и св. вмч. Екатерины в Донском монастыре, построенная по проекту Альфонса Гекторовича Венсана (1844–1888) (после его смерти достраивал церковь архитектор М.П. Иванов) (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6621. Л. 77–77 об.)

на месте фруктового монастырского сада и бывшей настоятельской усадьбы, вдовой коммерции советника Ивана Андреевича Первушина (1807–1878) Екатериной Александровной Первушиной с детьми, изначально была задумана как «усыпальница рода Ивана Андреевича Первушина» (в дальнейшем для захоронений было отведено треть храма вмч. Екатерины («к алтарю», близ иконостаса). За отданную под храм землю Первушины должны были дать 26 800 р., за постройку же всего храма 35 000 р., погребение в храме предполагалось «без платы». Постройка была начата в 1887 г. и «вчерне» окончена в 1891 г., усыпальница еще доделывалась Николаем Ивановичем Первушиным после 1906 г. (РГИА. Ф. 1293. Оп. 170. Д. 47. Л. 41–41 об.; ОР РГБ. Ф. 881. Д. 13. Л. 52; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6621. Л. 2–2 об., 8 об., 10, 25 об., 39; *Забелин И.Е.* Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. М., 1893. С. 70).

В решении объема храма архитектор отталкивался от форм византийской архитектуры, что отразилось в плане здания (представляет собой равноконечный крест), восьмигранном барабане, арочных проемах, рисунке деталей и в имитации древней каменной резьбы. Верхний Златоустовский храм стоит на двухъярусном основании, состоящем из подклета, предназначенного для храма вмч. Екатерины, и нижней части, предназначенной для усыпальницы. Стены завершаются полукуполами с большим куполом посередине. С западной стороны храма, над притвором, поместилась позднее утраченная колокольня, в стили своем повторяющая черты храма. Могильные места, сделанные «из бетона», были расположены под плитами итальянского белого мрамора, покрывающими пол церкви вмч. Екатерины (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7336. Л. 152 об.; *Доброумов С.И.* Донской монастырь в Москве М., 1913. С. 31; Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века (От Земляного до Камер-Коллежского вала). М., 2000. С. 286).

Род Первушиных происходил из посадских Александровской слободы. Отец И.А. Первушина А.А. Первушин перешел в 1822 г. из мещан в купечество г. Александрова (с 1854 — потомственные почетные граждане) (ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 416. Л. 612 об.–613; Ревякин В.Н. Александровское купечество // Александровский голос труда. № 6 (15110). 6 февраля 2019 года. С. 23). Прах И.А. Первушина, погребенного ранее на внехрамовой части монастырского некрополя, после освящения нижнего храма вмч. Екатерины 22 апреля 1897 г. епископом Гурием «в сослужении старшего монастырского духовенства», был перенесен и помещен в нижней части фамильной

усыпальницы «против храмовой иконы близ иконостаса» (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6621. Ф. 421. Л. 98; Московский некрополь / Сост. В.И. Сайтов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб., 1908. С. 408; Московские церковные ведомости. 1897. Оф. отд. № 16–17. С. 230).

В литературе, посвященной истории формирования храмового комплекса Донского монастыря, вплоть до нашего времени утверждалось, что церковь как усыпальница использована не была (Памятники архитектуры Москвы... С. 286; Православная энциклопедия. Т. XV в. М., 2007. С. 688 и др.).

Однако, помимо перенесения праха И.А. Первушина, в фамильном склепе, находящимся в северной части храма, были погребены: жена И.А. Первушина Е.А. Первушина (ум. 1901) (Московский листок. 9.02.1901. № 40. С. 1), сын — потомственный почетный гражданин, инженер-технолог — Николай Иванович Первушин (1852–1914) (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 2. Д. 149. Л. 171 об.–172; Московский листок. 12.11. 1914. № 261. С. 1, 4); дочь — Мария Ивановна Каханова (ум. 1914), урожденная Первушина (Московский листок. 6.02. 1914. № 30. С. 1).

Последним в фамильной усыпальнице был погребен сын И.А. и Е.А. Первушиных — потомственный почетный гражданин, инженер-технолог Дмитрий Иванович Первушин (1856–1916). Отпевал Д.И. Первушина 17 мая 1916 г. епископ Ковенский и Литовский Елевферий с братией Донского монастыря) (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 149. Л. 234 об.–235; ОР РГБ. Ф. 881. Д. 18. Л. 21 об.; Московский листок. 1916. № 112. С. 1).

Всего в усыпальнице Первушина было 5 захоронений. Склеп в храме-усыпальнице был уничтожен (до 1926 г.) при устройстве нового подвала в храме, приспособленного под фондохранилище музея XVIII в. (Донской монастырь) (Бойко. Т.В. Московские музейно-монастыри в контексте культурно-просветительской политики Советского государства в 1917–1920-е гг. Дисс ... к. и. н. М., 2006. С. 146).

М.Г. Логотова
к.и.н., с.н.с. ОР РНБ

**Рукописный молитвенник конца XV в.
(шифр: Lat.O.v.I.206) в собрании Российской Национальной
библиотеки, Санкт-Петербург**

В отделе рукописей Российской Национальной библиотеки хранится пергаменный иллюминированный молитвенник с циклами молитв и миниатюр *Vita Christi*. Молитвенник издан факсимильно:

Liber precum. Vollständige Facsimile-Ausgabe der Handschrift Ms. Lat.O.v.I.206 der Russischen National Bibliothek in St. Petersburg. Graz, Akad. Dr.- u.Verl.-Anst., 2003. Kommentar, S. 1–99. Поскольку в России имеются только два экземпляра этого факсимильного издания (СПб, Российская Национальная библиотека, Отдел рукописей), то представляется желательным дать краткую информацию об этой рукописи.

Земная жизнь Христа представлена в молитвеннике Ms. Lat.O.v.I.206 41 миниатюрой в лист, начиная со сцены Благовещения и заканчивая Страшным судом. Молитвам предпослано небольшое введение. Литании святым позволяют определить время и место изготовления кодекса: 1480-е гг., Кельн. Иллюминация кодекса включает 40 миниатюр в лист цикла *Vita Christi*, и один лист с изображением *Мессы св. Григория*. Миниатюры с изображениями евангельских сцен расположены на левых сторонах разворотов книги, относящиеся к ним молитвы — на правых. Такая композиция основана на привычном движении взгляда. Зрительный импульс на левой стороне разворота предоставлял молящемуся тему молитвы, затем взгляд обращался направо к текстам молитв.

Текстологический анализ показывает, что составитель цикла молитв *Vita Christi* проделал большую работу с сочинениями картузианца Людольфа Саксонского (1300–1377) *Vita Christi*, и францисканца Иордана Кведлинбургского (1299–1370/80) *Meditationes de passione Chrisit*, из которых и были вычленины молитвы, составившие молитвенный цикл *Vita Christi* в петербургском молитвеннике. Дополнительным свидетельством знакомства составителя молитвенника с *Vita Christi* Людольфа Саксонского служит миниатюра на л. 57 об. со сценой обнажения Христа перед распятием. В главе 63 второй части *Vita Christi* Людольф описывает это событие следующим образом: «Сколь велика была твоя скорбь, святейшая мать, когда глаза твои увидели это? <...> Опечаленная сверх меры, потому что видит его при таких обстоятельствах обнаженным, поспешила мать, приближается к сыну и покрывалом со своей головы опоясывает его и прикрывает» («O quantus dolor erat tibi mater sanctissima, cum oculis tuis aspiceres istas?... Tristatur autem supra modum, quia eum videt sic nudatum. Accelerat igitur mater, et filio approximatur, ac velo capitis sui eum cingit et velat». Ludolphi de Saxonia Vita Jesu Christi. Lugduni, 1641. P. 620).

Большинство молитв имеют одинаковую «рамочную» схему построения. После обращения: «O domine Ihesu Christe qui... » («О Господи Иисусе Христе, ты, который...») следует краткая экспозиция евангельского эпизода. Так, на л. 53v (левая сторона разворота

молитвенника) изображен суд Пилата, на л. 54 (правая сторона разворота) молитва: «О господи Иисусе Христе, Ты, который ради спасения нашего пожелал быть приведенным на суд к Пилату и предстать перед судом. Даруй же и мне предстать пред судом духа моего, и меня самого сурово судить свидетельством совести о моих прегрешениях». Употребление формы мужского рода на л. 96 об. («*famulum tuum*») показывает, что заказчиком молитвенника был мужчина, а богатство иллюминации — что этот мужчина обладал достаточно высоким церковным или светским статусом.

В XIV–XV вв. на тему *Vita Christi* был написан целый ряд произведений, что говорит о насущной потребности у людей позднего средневековья в осмыслении земного и посмертного пути Христа. В Германии и в Нидерландах наибольшей известностью пользовались книги августинского уставного каноника Фомы Кемпийского (1379/80–1471) *De imitatione Christi* и *Orationes et meditationes de vita Christi*. В Петербургском кодексе молитвам предшествует введение, составленное из нескольких фраз, вычлененных из первой и второй глав книги *О подражании Христу* Фомы Кемпийского. Составитель введения опустил все, что мешало сосредоточиться на молитвах, убрав характерные для стиля Фомы Кемпийского повторы. Так, он сохранил только один парафраз из шести о тщете всего земного, и опустил всю аргументацию, направленную против схоластической университетской учености, оставив лишь четыре ключевые фразы об истинном знании. Введение к циклу молитв *Vita Christi* подготавливало читателя к напряженной работе по приведению своего духовного облика в соответствие с образцом, который явил людям своей земной жизнью Христос. Об этом же просит молящийся в одной из молитв: «*O domine Ihesu Criste qui ad crucifigendum in Golgotha deduci voluisti. Deduc me in semita mandatorum tuorum ut cum sanctis mulieribus sequar vestigia tuae sanctae passionis*» (О Господи Иисусе Христе, ты, который пожелал, чтобы тебя отвели для распятия на Голгофу. Выведи меня на тропу твоих распоряжений, чтобы я со святыми женами держал путь по следам твоего святого страдания) (Lat.O.v.I.206, f. 53v). Подбор молитв в Кельнском молитвеннике объединяет стремление соотносить человеческую жизнь с земным путем Христа. Той же цели служит введение, скомпонованное из двух глав книги «О подражании Христу»

До 1929 г. рукопись хранилась в бывшей резиденции семьи Романовых Павловском дворце в окрестностях Петербурга. В 1929 г. молитвенник поступил из Павловского дворца-музея в Государственную Публичную библиотеку в Ленинграде (Краткий отчет рукописного отдела за 1914–1938 гг. Л., 1940, С. 244).

Имена и виды. Особенности наименования владельцами из обеспеченных слоев общества своих домашних питомцев (XIX — начало XX вв.)

Несмотря на то, что в России рубежа XIX–XX веков степень урбанизации была крайне низкой, к началу двадцатого столетия можно говорить о том, что в стране, среди обеспеченных слоев населения появилась мода, а затем и институт домашнего питомца. Среди этих питомцев можно выделить несколько различных видов животных: певчие птицы, обезьяны, белки и мелкие хищники, крупные хищники, кошки и собаки.

В том, как владельцы и окружающие называли этих животных, можно выделить несколько заметных трендов: наименование пород было хаотичным, базировалось на сложившемся в той или иной части общества культурном дискурсе, имена же собственные имел только очень ограниченный ряд животных категории домашний питомец, являвшихся «значимым другим» для владельца. В подавляющем большинстве это были собаки.

Если говорить об окружающих обеспеченного горожанина животных категории домашних питомцев, то самой распространенной в ней были птицы. «Птицы» или «птички», либо «красивые», либо «красиво поют». Если упоминается порода, то это снегири, чижики, попугаи (какаду, неразлучники, нимфы), японские соловьи, кардиналы, ткачи, рисовки, дрозды шамо и американские пересмешники, вдовушки, монашки, астрильды, японские чайки, канарейки тирольские и местного развода, русские соловьи, жаворонки, дрозды, перепелки, скворцы, щеглы, зяблики, малиновки, черноголовки.

Обезьяны всегда названы только одним этим словом, имен не имеют, хотя считаются полезными, чтобы развлекать детей. Только в начале XX в. журнал «Столица и усадьба» публикует фото обезьяны Дуни.

Белки были также весьма популярны; зверька, принадлежавшего Ф.Ф. Юсупову-мл. звали Тинти. Кролики — питомцы для девочек (И.Д. Голицына, В. Духовская) тоже без имени. А вот заяц вел. кн. Ольги Александровны звался Куку. Соболь, подаренный парой сибирских крестьян детям Николая II, так и остался безымянным.

Медведи в качестве домашних питомцев могли жить в доме только первые несколько месяцев своей жизни, поэтому, по всей

видимости, они не успевали получить имя, даже если их портрет публиковался в «Столице и усадьбе».

Разведение породистых домашних кошек не получило популярности в дореволюционной России, возможно, поэтому, те немногие из них, кто имел имена собственные, назывались простыми русскими словами: Мурзик, Пушок. В усадьбе Б.М. Кустодиева «Терем» был кот Рыжик, любимцев детей Николая II звали Котка и Зубровка, в семье гоф-медика Берса была кошка Машка.

К дочери Александра II Марии в Нижнем Новгороде для компании приходили родственницы губернатора и их кошка, которую они приводили с собой каждый день. «Ты не увезешь нашего кота!». Отсюда споры, «окончившиеся раз даже дракой», но имени кота мы не знаем, не знали его и владелицы, раз назвали его просто котом. Вел. кн. Александр Михайлович указывает, что его брат Николай во время расстрела большевиками продолжал держать на руках своего любимого персидского кота, но имени мы не знаем.

Наибольшая вариативность наблюдается в кличках и названиях пород собак. Изначально породистыми в России назывались только охотничьи собаки, а остальные считались беспородными или местной породы.

В начале XIX в. источники упоминают помимо охотничьих гончих и борзых, пуделей, мопсов, левреток, дворняжек и мосек. К концу столетия с развитием собаководства в категорию домашних питомцев причисляются и некоторые сеттеры, фокстерьеры, спаниели, которые уже не выполняют функцию охотничьих собак. Самой популярной породой становятся бульдоги, а также дамские собачки: шпицы, болонки, японские хины.

Упоминание собаки только словом «собака» без породы и имени указывает на то, что для автора источника она мало важна, но все же важна для повествования: со старушкой была «большая собака английской породы, которую ее сиятельство откормила как кормную свинушку».

Очень часто в источниках личного происхождения порода собаки не указывается, а только ее имя. Эти клички условно можно разделить на две группы: англицизмы и уменьшительно-ласкательные имена.

Иностранные имена: Сеттер Л.Н. Толстого Дора, сеттер Милорд Александра II и его же две левретки Мок и Fly, левретка Гризи С.В. Ковалевской, ульмский дог В. Духовской Тигр, фокстерьер М. Тенишевой Бобби, колли Ворон и Иман Николая II, терьеры Скотти, Эйра и Шилка Александры Фёдоровны, фокстерьер Цезарь вел. кн. Михаила Александровича, бульдог Ортипо вел. кн. Татьяны

Николаевны, немецкая овчарка Джек и доберман-пинчер Леди княжны И.Д. Голицыной.

Бульдоги: Тра-та-та-та, Пиерро, Кинг Морицович Нигер и Клоун Морицович Нигер, Молли (фотографии их в «Столице и усадьбе»).

Бульдоги, как их называли в источниках личного происхождения, Гюгюс и Панч Ф.Ф. Юсупова-мл., Бубуль Н.С. Брасовой, Булька Ф.И. Шаляпина, фокстерьеры вел. кн. Михаила Александровича Буль, Джакушка (от Jack) и Бойка.

Имена без указания породы (с указанием биологического вида и без): «Собачка Топси», «собака Дэнди»; Нептун и Драгун Николая I, Beauty княжны Е. Долгоруковой, Камчатка Александра III, Тип, Мопс, Мира и Фокс императрицы Марии Фёдоровны, Мюсти вел. кн. Георгия Александровича.

Уменьшительно-ласкательные клички обычно указывают на важное место такой собаки в семье: Бибишка, Розка, Мельчик, Мося, Милка.

*В.И. Мажуга
с.н.с., СПбИИ РАН*

О рисунках, иллюминации и глоссах в Петербургском списке комментария Бартоло да Сассоферрато к *Digestum novum* (Научный архив СПбИИ РАН, карт. 590, п. 1)

В Научном архиве СПбИИ РАН хранится самый ранний список комментария выдающегося правоведа XIV в., которому принадлежит, в частности, первая теория межгосударственного гражданского права, Бартоло да Сассоферрато. В переписке текста приняли участие пять писцов, но участие трех из них было не столь значительным. Одному из двух основных писцов, Карло де Бассакомари, принадлежавшему болонскому патрицианскому роду Бассакомари, лицензиату римского права, который, однако, зарабатывал на жизнь ремеслом нотариуса и перепиской книг, принадлежит множество рисунков и изысканных орнаментальных украшений в тех частях рукописи, которые он сам переписал. Именно этот писец и иллюстратор оставил запись о том, что работа над основной частью кодекса была закончена в такой-то день 1370 г. В то же время ему принадлежат лишь немногие краткие глоссы, лишенные сколь-нибудь значительного содержания. Еще один писец, как удалось установить в ходе нашего исследования, был никем иным, как педелем Болонского университета Томазо де Мала-такис. Он организовывал работу по переписке кодекса в целом и оставил множество интереснейших глосс. В кодексе есть и безыскусные,

но любопытные рисунки с текстом, выполненным его рукой, либо рисунки в том же стиле.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы вернее определить авторство названных рисунков, так как и оценить их достоинство не так просто из-за их соседства с довольно совершенной иллюминацией двух последующих столетий, тоже представленной в нашем кодексе. Изучение самих рисунков сопрягается с разбором текстов, которые они иллюстрируют. Так удалось, например, установить, что всюду, где появляются изображения разного рода птиц и существ с птичьими признаками, речь идет о темах покровительства, совести, о формах дарения, причем оба названных иллюминатора применяют эти образы. Анализируются таким же образом и частые в рукописях женские силуэты, особые типы лиц и масок. Но важно подчеркнуть, что изучение иллюминации в кодексе дает новый важный материал и для более верной атрибуции словесных глосс. Ведь почерк Томазо де Малатакис бывает трудно отличить от почерка авторов других глосс, внесенных в кодекс в близкое Томазо время.

В.В. Майко

д.и.н., директор Института археологии Крыма РАН

Генеалогические исследования феномена «сахарных королей» российской промышленности конца XIX — начала XX в.

Персонализация феномена развития промышленности в Российской империи в конце XIX — начале XX в. невозможна без проведения генеалогических исследований. Сказанное в полной мере справедливо и для сахарной промышленности, «мозговым» центром которой справедливо считался город Киев, где с мая 1897 г. располагалось Правление Всероссийского общества сахарозаводчиков, издавалась еженедельная газета, публиковались протоколы собраний и ежегодные отчеты о деятельности.

Одним из наиболее известных было «Товарищество сахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко», объединявшее в начале XX в. 11 сахарных и рафинадных заводов. Данное Товарищество для всей российской промышленности рассматриваемого периода стало одним из ярких примеров предпринимательства «семейного типа», что уже отмечалось в литературе. Генеалогия семьи Терещенко неоднократно становилась предметом специальных исследований. Другие семьи, объединенные с ними родственными отношениями, изучены гораздо хуже. В первую очередь это касается семей Шестаковых

и Толли. Основным источником этой работы стали сохранившиеся фрагменты семейных архивов, переданные автору Татьяной Владимировной Толли (1927–2018). Только небольшая их часть публиковалась на просторах Интернета (*Алешина Т.* Из России в Советский Союз // <http://www.world-war.ru/iz-rossii-v-sovetskij-soyuz/> 2013 (дата обращения 08.01.2023 г.)), но с научной точки зрения не изучалась. Объединение этих источников с устными семейными воспоминаниями и другими архивными материалами, частично представленными на генеалогическом сайте <https://www.geni.com/people/>, позволяет значительно дополнить и понять сложный механизм семейных взаимосвязей киевских сахарозаводчиков в начале XX в.

Самым известным представителем семьи Шестаковых стал сын Петра Иоахимовича Шестакова (1825–1869) и Александры Федоровны Шемиот-Романовой (1835–1902) Михаил (1856–1926). Помимо Михаила в семье было два брата и три сестры. Самой младшей была Лидия (1869–1941), прабабушка автора этих строк. Наиболее известные вехи биографии Михаила Петровича Шестакова кратко освещалась в литературе (*Друг О., Малаков Д.* Особняки Киева. Київ, 2004. С. 169) и на страницах интернет-изданий (<https://m-a-d-m-a-x.livejournal.com/347599.html>, дата обращения 10.01.2023 г.), что избавляет от повторов.

Важно подчеркнуть, что, вероятно, уже к середине 1880-х гг. по рекомендации известного российского волынского землевладельца Александра Ивановича Угримова (1850–1905), у которого Михаил Петрович работал управляющим имением, Шестаков становится директором-распорядителем заводов Федора Артемьевича Терещенко (1832–1894) и, по сути дела, его правой рукой. Скорее всего, после смерти Федора Артемьевича Михаил Петрович ими и руководил вплоть до 1917 г. Сын Федора Артемьевича Федор Федорович (1888–1950) с юности увлекся авиацией и посвятил ей всю свою жизнь, став известным авиаконструктором, а две дочери Надежда Фёдоровна Терещенко (Муравьёва-Апостол-Коробьина) (1887–1967) и Наталья Фёдоровна Терещенко (Уварова, де Гвидон) (1890–1987), выйдя замуж за представителей российской аристократии, тем более производством не интересовались.

Полное доверие к М.П. Шестакову со стороны Ф.А. Терещенко проявилось в том, что в 1885 г. он выдает за него замуж Софью Семеновну Куксину (1870–1943). Во всех доступных немногочисленных источниках она значится, как дочь Мариамны Артемьевны Терещенко (1821–1868) и Семена Лукича Куксина (1802–1871). Однако, взглянув на даты жизни, выбитые на могильных памятниках, легко убедиться в явной ошибке. Согласно нашему семейному преданию,

она являлась незаконной дочерью Федора Артемьевича, удочеренной Семеном Лукичем незадолго до смерти. Таким образом, Михаил Петрович по праву входит в семейный бизнес Терещенко и занимает в нем одно из главных мест.

В браке у Михаила Петровича и Софьи Семеновны родилось четыре дочери. Важно отметить, что две из них были замужем за людьми, которые так же укрепляли бизнес «семейного типа». Так Надежда (1887 — после 1950 г. Париж), была замужем за Георгием Николаевичем Логачевым, руководящим работником правления Всероссийского общества сахарозаводчиков, а София (1889 — после 1950 г.) — за Александром Леонидовичем Пятаковым (1884–1937?), сыном Леонида Тимофеевича Пятакова (1847–1915) директора Марьинского сахарного завода в Киевской губернии и совладельца компании «*Мусатов, Пятаков, Сиротин* и Ко». Надо отметить, что среди всех пятерых сыновей Л.Т. Пятакова именно он, и в некоторой степени его брат Иван, продолжали семейное дело, поскольку двое других братьев Леонид и Георгий стали профессиональными революционерами, еще один Михаил так же ушел в политику и только тратили, а не накапливали семейный капитал. Обстоятельства смерти Александра Леонидовича, да и сама точная дата, остаются до конца не выясненными и требуют специального архивного изучения. Согласно семейному преданию, он, будучи директором сахарного завода в Киеве, отправившись в командировку в Сибирь, заболел там и умер. Сама фирма «*Мусатов, Пятаков, Сиротин* и Ко», в рамках рассматриваемого феномена российской промышленности так же примечательна. Сам Леонид Тимофеевич был женат на Александре Ивановне Мусатовой (?–1917), дочери компаньона, а Александра Сиротина была близкой подругой дочери Михаила Петровича Шестакова — Веры.

Вера Михайловна Шестакова (1894–1973), как Надежда и Наталья Терещенко, была примером родственных связей промышленников с представителями российской творческой интеллигенции и аристократии. Замуж она вышла в Киеве в 1919 г. в период нахождения там войск А.И. Деникина за Владимира Владимировича Толли (1889–1980), внука Киевского городского головы, а познакомились они значительно раньше, поскольку имения их отцов находились по соседству. Там же находилось и одно из имений другого киевлянина штаб-ротмистра Василия Варфоломеевича Глобы (1833–1871), дочь которого Ольга (?–1915) вышла замуж за Владимира Ивановича Толли, отца Владимира Владимировича. Родственные связи семей Толли и Глоб, безусловно, заслуживают отдельного изучения и должны стать темой специальной работы.

К биографии археографа Сергея Александровича Шумакова

Фактически любому исследователю, занимающемуся историей Русского государства и работающему при этом с архивными материалами, знакомо имя Сергея Александровича Шумакова. Он является автором множества важных публикаций источников и справочных изданий, среди которых наиболее известны «Обзор грамот Коллегии экономии» (М., 1899–1917. Вып. 1–4), «Сотницы, грамоты и записи» (М., 1902–1913. Вып. 1–7), «Губные и земские грамоты Московского государства» (М., 1895). Ряд его работ связан с региональной историей: «Тверские акты» (Тверь, 1896–1897. Вып. 1–2), «Материалы для истории Нижегородского края» (Н. Новгород, 1898. Вып. 1), «Материалы для истории Рязанского края» (Рязань, 1898. Вып. 1), «Угличские акты (1400–1749 гг.)» (М., 1899) и др.

Гораздо хуже известна биография С.А. Шумакова. Мне не удалось найти ни одной публикации о нем, все исчерпывается краткой биографической справкой в Интернете на сайте «Руниверс» — в несколько предложений, без указания источников. Настоящий материал призван несколько исправить сложившуюся ситуацию.

Сергей Александрович Шумаков родился 25 апреля 1865 г. в дворянской семье. В России известны несколько дворянских родов Шумаковых. Два наиболее старинных принадлежали к курскому дворянству, причем герб одного из них внесен в 6-ю часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1904. Т. XL. С. 14). Представителем какого из этих дворянских родов был Сергей Александрович, пока не известно.

Согласно данным формулярных списков, Шумаков получил образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил с дипломом 1-й степени. В 1892 г. он поступил в Московский архив Министерства юстиции (ММЮ), где и служил вплоть до смерти. С самого начала его работа в архиве была связана с публикаторской деятельностью. С 1894 г. он занимал должность помощника младшего редактора описей и изданий ММЮ, с 1911 г. — младшего делопроизводителя, с 1912 г. — старшего делопроизводителя архива. В ходе служебной деятельности он последовательно получал классные чины: наиболее высоким для

Шумакова стал чин коллежского советника, в который он был произведен в 1913 г. В том же году он был пожалован в кавалеры ордена Св. Анны 3-й степени. С.А. Шумаков был женат на дочери статского советника Зинаиде Константиновне Шимановской (брак заключен в 1891 г.) и имел сына Михаила (родился в 1905 г.) (РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1307. Л. 36–37; Ф. 1405. Оп. 545. Д. 15246. Л. 25–27. Автор признателен А.А. Шумкову, сообщившему данные из формулярных списков С.А. Шумакова).

С 1896 г. археограф был членом-соревнователем Императорского общества истории и древностей Российских, а позднее стал членом нескольких губернских ученых архивных комиссий.

В Москве С.А. Шумаков проживал по разным адресам (в 1917 г., незадолго перед смертью — в Мерзляковском переулке в доме графа Дмитрия Адамовича Олсуфьева (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. М., 1917. Отд. III. С. 556. Отд. IV. С. 332)).

Как было отмечено, публикация и обработка источников входила в круг служебных обязанностей Шумакова. Так, в 1901 г. управляющий МАМЮ Д.Я. Самоквасов указал Шумакову: «1. Приступить немедленно к описанию столбцов Поместного приказа по прилагаемой инструкции. 2. Посвящать сказанному описанию все служебное время от 11 до 3 часов. 3. Результаты работы за каждую неделю передавать старшему делопроизводителю для передачи управляющему Архивом. 4. Переписку грамот Коллегии экономии для проектируемого академического издания разрешаю производить ежедневно (в присутственные дни) от 9 часов до 11 часов утра и по субботам с 9 до 3 часов...» (Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) [Электронный ресурс] / сост., вст. ст. и коммент. С.П. Щавелёва. М., 2021, 4-е изд. С. 297–298).

Вместе с тем, не только публикация, но и изучение документов по русской истории были подлинным призванием Сергея Александровича. Об этом прямо свидетельствует сохранившаяся переписка Шумакова с его начальником — Д.Я. Самоквасовым. Из этих материалов следует, что Шумаков всячески стремился задержаться в архиве после окончания рабочего дня, чтобы как можно дольше работать с документами. Более того, вероятно, он даже несколько пренебрегал своими непосредственными должностными обязанностями, будучи совершенно увлечен исследовательской деятельностью. Это вызвало недовольство со стороны Самоквасова, который писал: «Вы упускаете из виду, что архивная служба предназначена прежде всего для хранения, приведения в порядок и описания архивных документов, а не для ученых работ, как бы ни были эти работы важны и интересны,

и я обязан следить за точным исполнением установленного порядка деятельности архивных чиновников». Дальше больше: «Архив — департамент министерства юстиции, а не университет и не археографическая комиссия, а потому в Архиве требуется исполнять распоряжения начальника, а не работать по усмотрению чиновников. Если Вам не угодно [подчиняться] моим распоряжениям, то я Вас попрошу оставить Архив немедленно» (Там же. С. 475). К счастью, компромисс, вероятно, был найден, чему свидетельство то, что Шумаков проработал в МАМЮ еще долгие годы (хотя и получил повышение в должности только через несколько дней после смерти Самоковасова в 1911 г.).

Сергей Александрович Шумаков совсем ненадолго пережил крушение Российской империи и умер в Москве в 1918 г. («Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели»). Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918–1928 гг. (1918–1919 гг.) (публикация О.Н. Копыловой, Т.И. Хорхординой) // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 85, 89).

М.Ю. Медведев
Государственный академический институт
живописи, скульптуры и архитектуры при РАХ

Аугментации в геральдике: исследовательские проблемы

Гербовые аугментации (элементы, служащие наградами за заслуги и/или знаками внимания со стороны тех, кто их дарует) представляют собой дискуссионный феномен: его границы, определения, конкретные примеры являются предметом споров, приобретающих особенную остроту в прикладном плане и, можно сказать, в апофатическом аспекте, ввиду необходимости избегать эффекта претензии на аугментацию при создании самобытного герба.

Стоит заметить, что феномен аугментации глубоко традиционен для культуры жалованных гербов (начиная со старейшей известной грамоты на герб, дарованной Людовиком IV Баварским графам Карбонези в 1338 году) и, в частности, для практики российского геральдического ведомства. Помимо вариаций на тему государственного орла (иногда весьма творческих, с изменением расцветки, атрибутов, частичным воспроизведением и прочим, иногда же банальных или подвергнутых банализации, подобно потерявшему ветви из клювов орлу князей Кочубеев) и регалий (корона, скипетр и прочее), мы встречаем региональные и местные аугментации (ранние примеры — пермский медведь и сибирские соболи у баронов Строгановых, среди

более поздних — севастопольский грифон у графа Тотлебена), ведомственные (сенатский столп у А.А. Жандра) и, наконец, всяческие символы достижений и добродетелей.

Акцентируя различные особенности явления, можно говорить, в частности, об аугментациях, проявляющих себя ситуативно (элементы, при внесении которых в гербы декларируется их похвальный или почётный характер), являющихся таковыми сущностно (элементы чужой символики, которые нельзя присвоить самостоятельно) или типологически (что выясняется в соотношении с вышеупомянутыми случаями). В теории понятие аугментации затрагивает также и некоторые ранговые атрибуты, служащие для отдельных владельцев знаками различия по категориям, но присвоенные соответствующим категориям как знаки отличия: нагляднейшим примером служат атрибуты в гербах крепостей, введенные в 1857 г. Александром II по проекту Б.В. Кёне.

Обсуждаемый феномен окружён множеством вопросов и споров прикладного и теоретического характера. Становится ли аугментация предметом дарения, или же обладатель герба является её условным держателем? Насколько корректно воспроизведение исходного герба без аугментации и — наоборот — поля с аугментацией в качестве отдельного герба?

Одной из довольно сложных исследовательских проблем, касающихся аугментаций, является их вычленение при рассмотрении тех порождённых геральдическим ведомством жалованных гербов, которые лишены собственно фамильного ядра и целиком состоят из не вполне поддающихся разграничению почётных, комплиментарных и позитивных элементов. Корректно ли в таких случаях говорить об аугментациях вообще, если не было исходной версии, удостоившейся наградного дополнения? На мой взгляд, да, корректно: сущностные аугментации, как и наиболее очевидные типологические, в этом случае проявляются точно так же, как и при их даровании к уже состоявшемуся гербу.

Следует заметить, что на отнесение тех или иных элементов герба к аугментациям влияют как их собственные геральдические, инсигниологические и семантические качества, так и контекст: процедура утверждения, сопровождающие тексты (блазона, утверждающего акта, проектного обоснования и так далее).

Насколько это возможно в формате тезисов, упомяну один наглядный пример: ставший предметом недавней дискуссии штандарт в гербе Охотска, пожалованном в 1790 году с формулировкой «в голубом поле положенные два якоря и над ними штандарт, в знак

того, что в сем городе находится порт». Под штандартом здесь понимается золотой флаг с имперским орлом. Монаршая инсигния, несущая государственный герб, в символике уездного города — очевидная аугментация. Между тем И.Б. Емелин оценил ситуацию иначе: значение штандарта, по его мнению, ясно определено законодателем, фигура указывает на портовую роль Охотска и ни на что более, а потому мы не вправе приписывать ему дополнительные функции почётного элемента, знака монаршего внимания и так далее. Однако значения аугментации это не отменяет. Пояснения в текстах описаний не являются исчерпывающими толкованиями и зачастую не так однозначны, как хотелось бы: упоминание порта здесь раскрывает как символическое содержание фигуры, так и причину выраженного ей монаршего благосклонного внимания к городу. Казалось бы, позицию И.Б. Емелина подкрепляет и точное наблюдение А.А. Аксёнова, указавшего, что герб Охотска следовал прецедентам помещения штандарта в портовых гербах (Балтийский Порт, Лодейное Поле): штандарт, таким образом, сближается с нарицательным обозначением порта. Но это никоим образом не может исключить почётный характер жалованного дополнения: хорошо известны и коллективные (для Лейб-компаний, брига «Меркурий»), и визуально типовые, как будто подражающие друг другу, аугментации (крыло со звездой в XI части ОГ), и, наконец, почётные ранговые знаки, о которых речь шла выше. Как носитель герба империи и сам по себе знак верховной власти, штандарт особым, индивидуальным характером визуализирует связь этой власти с Охотском: это и есть предназначение аугментации.

Особое ответвление обсуждаемого феномена — неутверждённые аугментации. Конечно, в плане гербового права это оксюморон, но фактически такие элементы занимают место в общем ряду (таковы, например, визуализация смоленского прибавления к титулу в самобытном княжеском нашлаемнике Кутузова, российские орлы во главах щитов у светлейших князей Волконских или графов Рибопьеров, фигуры иркутского герба в самобытной версии герба графа Сперанского).

Но едва ли не самый своеобразный эффект развития культуры аугментаций — гербы родственников, иногда внесившиеся в жалованные гербы польско-литовской и шведской титулованной знати вопреки патрилинейному принципу (в первом случае речь шла о переводе личного генеалогического герба в категорию родовых, происхождение шведских обычаев менее наглядно). Это не аугментации, но предельно близкий к ним феномен.

Надписи на шитых палицах, находившихся в Новоторжском Борисоглебском монастыре

Вопрос о времени основания Новоторжского Борисоглебского монастыря остается открытым. Считается, что он был основан св. Ефремом Новоторжским. Согласно Житию Ефрема, это произошло до его смерти, последовавшей в 1053 г. Но данное Житие — слишком ненадежный источник по рассматриваемому вопросу, поскольку возникло более чем через 500 лет после первых из описанных в нем событий. Делу не помогает Новгородская III летопись, упоминавшая Ефрема под 1015 г., поскольку была составлена в конце XVII в. Сведения о святых нередко вставлялись задним числом в летописи XVI–XVII вв. Именно такой поздней вставкой является это указание на Ефрема.

А.К. Жизневский опубликовал следующую надпись, имевшуюся на шитой палице, которая, по его словам, хранилась в упомянутом монастыре: «Сия полица положена бысть въ церковь Святыхъ великихъ новоявленныхъ мученикъ Бориса и Глеба благовернымъ христолюбивымъ Княземъ Егорьемъ Васильевичемъ» (*Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888. С. 6).

П.Д. Малыгин полагал, что эта надпись подтверждает существование Борисоглебского монастыря в Торжке в первой половине XII в., аргументировав свое предположение таким образом: «Егорий Васильевич — это христианское имя Юрия Владимировича Долгорукого. Скорее всего, эта палица была пожертвована в 1148 г.» (*Малыгин П.Д.* К топографии Торжка XII–XIII вв. // История и археология Новгородской земли: Тезисы. Новгород, 1987. С. 40).

До публикации цитированной работы Жизневского вышла в свет книга иеромонаха Илиодора о названном монастыре (*Илиодор, иером.* Историко-статистическое описание Новоторжского Борисоглебского монастыря. Тверь, 1861). А через два года после публикации книги Жизневского была издана книга И. Колосова о той же обители. В книгах Илиодора и Колосова уделено особое внимание описанию предметов «времени преподобного Ефрема», других ценных для истории вещей, в том числе шитых палиц. По поводу одной из них Колосов вслед за Илиодором писал: «Должно полагать, что эта палица та самая, которая значится в описании Нарбекова. Это утверждается подписом на ней, вышитым буквами серебряными и золотыми:

«сия палица положена въ церковь новоявленныхъ чудотворцевъ и мученикъ Благоверныхъ Князей Бориса и Глеба». Следовательно, это палица сооружена была вскоре после открытия и прославления Св. мощей Бориса и Глеба» (*Колосов И.* Новоторжский Борисоглебский монастырь. СПб., 1890. С. 74). Сохранилась ли данная палица — остается только гадать. Но палица, описанная Жизневским, в книгах Илиодора и Колосова не значилась. А была ли палица?

Так или иначе, но, по мнению указанных авторов, в Борисоглебском монастыре имелись две палицы, якобы подтверждавшие его существование в XI или XII вв. Сразу надо сказать, что определение «новоявленные» по отношению к святым Борису и Глебу употреблялось в XVI в., а не только в более раннее время (*Иларий, Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 224; 1879. Ч. 3. С. 113, 220). Поэтому наличие такого определения не может свидетельствовать о древности интересующих нас палиц.

По наблюдениям Н.Д. Маясовой, старейшая сохранившаяся шитая палица относится к XV в. Остальные известные палицы датируются XVI–XVII вв., что ставит под сомнение датировки палиц из Борисоглебского монастыря XI или первой половиной XII в. Но дело даже и не в этом.

Когда интересующие нас палицы жертвовали в Борисоглебский монастырь, то, надо думать, считали, что они будут использоваться по своему назначению, то есть — в качестве церковного облачения. Но до конца XV в. палица входила в состав лишь архиерейского облачения. И только начиная с XVI в. палица в России стала частью облачения архимандритов. Первым архимандритом Борисоглебского монастыря в Торжке был Мисаил (1572–1588) (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей российских церкви. СПб., 1877. Стб. 454).

Следовательно, палицы в этот монастырь не могли вложить ранее 1572 г., и они в принципе не могут свидетельствовать о существовании данной обители с домонгольского времени. Нельзя исключать, что приведенная Жизневским надпись на палице являлась фальсификацией. Косвенно об этом говорит следующее: А.К. Жизневский писал: «Сосуды, найденные в стене древнего Собора, в том же монастыре (Борисоглебском — А.М.), а также древняя митра из шелковой материи с горностаевою опушкой. Предание утверждает, что эти предметы принадлежали преподобному Ефрему, скончавшемуся в 1053 году» (*Жизневский А.К.* Указ. соч. С. 6). Но известно, что митры в виде шапки с меховой опушкой вошли в обиход Русской церкви лишь в XVI в. Такие шапки в XVI–XVII вв. имели право носить архиереи и архимандриты. Значит, никакой монастырский

настоятель в XI–XV вв., и Ефрем в том числе, не мог носить митру. Существует фотография 1901 г., на которой представлены упомянутая митра (шапка) и церковная утварь, которыми, по преданию, пользовался св. Ефрем. Все эти предметы по стилю не могут быть датированы временем ранее XVI–XVII вв. Сходным образом Житие Ефрема проникнуто анахронизмами. В частности, преп. Ефрем в Житии называется архимандритом, тогда как архимандритию Борисоглебский монастырь получил лишь между 1572 и 1588 гг. (*Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 454).

Из всего сказанного следует, что Борисоглебский монастырь в лице своих представителей силялся посредством ложных реликвий и позднего Жития Ефрема подтвердить свою древность, а также повысить значимость культа своего святого.

Между прочим, до архимандрита Мисаила Борисоглебский монастырь возглавляли игумены. Первый такой игумен отмечен документами 1534–1536 гг. (*Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 454). Возникает резонный вопрос: если данный монастырь существовал с XI или XII в., то почему он не фигурирует ни в одном достоверном источнике до 1534 г.?

Н.А. Мининков
д.и.н., проф., Южный Федеральный университет
Е.В. Кринко
ст. преп, Южный Федеральный университет

Рукопись, не ставшая книгой: из творческого наследия донского историка П.П. Сахарова

В рукописном фонде Ростовского областного музея краеведения среди материалов, сданных донским историком П.П. Сахаровым, хранится рукопись подготовленной им книги по историографии происхождения донского казачества. На сорока листах мелкого аккуратного почерка содержится анализ этого вопроса от высказываний В.Н. Татищева до концепций советского периода.

За пределами Дона П.П. Сахаров известен мало. Родился он в 1884 г. в семье станичного священника неказачьего происхождения. Выпускник Харьковского университета 1911 г. и ученик профессора Д.И. Багалея, он подготовил работу по истории происхождения казачества на Дону, за которую получил золотую медаль университета. Он сформулировал теорию трудового, промыслового происхождения казачества, решительно отвергая при этом популярные среди части казаков теории их происхождения в эпоху раннего средневековья

и даже в древности. По его мнению, начало донского казачества относится к периоду не более раннему, чем середина XVI в. В соответствии с характерным для отечественной историографии рубежа XIX–XX вв. вниманием к социально-экономической истории, он связывал появление казачества с движением промысловиков из южных русских и украинских земель. Для них мирный хозяйственный промысел в условиях постоянной военной опасности в Дикое Поле сочетался с военными действиями против азовцев, ногаев крымских татар. В то же время в ряды формировавшегося донского казачества принимались выходцы из тюркоязычных сообществ, в том числе из упоминаемых в источниках азовских казаков. Не случайно поэтому имя первого из известных донских атаманов было Сары Азман, упомянутый под 1549 г. По этой теме ему удалось до революции издать несколько статей в газете «Донские областные ведомости» и в научном журнале, издававшемся в Ростове.

В период гражданской войны воевал в 1919 г. в составе Добровольческой, а затем Донской армии, был как историк направлен на ведение в казачьих частях пропагандистской работы, но с начала 1920 г. был демобилизован и работал учителем, в том числе и в первые годы советской власти. Но в 1927 г. был арестован за службу в белой армии, получил 3 года ссылки в Среднюю Азию (без уточнения в следственном деле), но находился в ссылке не более года. Вскоре после освобождения он уехал из Ростова в Майкоп, осознавая, как и многие другие, что в случае переезда легче избежать репрессий. Вернулся он в Ростов в 1957 г., когда опасность репрессий миновала. В этом же году он написал свой труд по историографии происхождения донского казачества. Незадолго до своей кончины в начале 1960-х годов он сдал все свои материалы, в том числе и эту рукопись, в Ростовский областной краеведческий музей.

Характерной чертой этого труда П.П. Сахарова была критика разного рода теорий происхождения донского казачества, не связанных с русскими и украинскими землями и рассматривавшие казачество как особый этнос, не связанный с русским этносом. По его словам, В.Н. Татищев, «сановный историк-генерал», «положил начало флирту с донской историей», когда предложил сложную миграционную схему происхождения казачества от «черкас от Бештау» и от запорожских казаков-черкас. Он при этом указывал на общность этнонимов и географических наименований: черкесы (горские) — черкасы (украинцы) — Черкасы (город) — Черкасск (казачий городок, столица донского казачества в 1644–1805 гг.), используя тем самым распространенную в XVIII в. символическую этимологию,

когда на основании сходства (обычно мнимого) этнонимов и имен собственных делались далеко идущие выводы.

Высоко Сахаров оценивал труд генерала А.И. Ригельмана «История о донских казаках» 1778 г. Особенно подчеркивал он важность записи рассказа самих казаков на Верхнем Дону о своем происхождении от некого промысловика-зверобоя. Он, по этому рассказу, спустился вниз по Дону из русских земель для своего промысла. Вскоре вокруг него стала собираться целая артель таких же промысловиков из русских земель, которые становились в скором времени казаками. В этом повествовании он видел выражение исторической памяти казаков значительно более поздних поколений, в которой нашло в своеобразной форме проявилось представление о начальной стадии истории казачества. Для Сахарова этот рассказ был важен в связи с тем, что он соответствовал теории трудового промыслового происхождения казачества и выступал в качестве аргумента в дискуссиях с ее противниками. Также положительно он оценивал труд донского автора есаула Е.Н. Кательникова (1818 г.), в котором верховые казаки связываются происхождением с Мещерой и Рязанью, а низовые — с «исходящими из России Малыя».

Высоко оценивая труд донского историка В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли войска Донского», сосланного на Кавказ в 1827 г. за связь с декабристами, он при этом критически указал, что Сухоруков не учитывал экономических связей населения южной русской окраины и формировавшегося во второй половине XVI в. донского казачества. Но допускал, что после ссылки Сухорукова его труд редактировался, и в нем нет некоторых авторских положений.

Особенно резко выступал против попыток новочеркасского чиновника Е.П. Савельева, который в своей «Древней истории казачества» (1915 г.) начала казачества связывал с историей не только раннего средневековья, но и даже древности, и видел в казачестве особый небольшой воинственный этнос со славной боевой историей. Также критически он оценивал вывод донского историка-эмигранта И.Ф. Быкадорова, который видел в казаках потомков особого древнеславянского племени. Не принимал он вывод советского историка Н.М. Волынкина, рассматривавшего в качестве предшественников казачества бродников. Он отмечал, что роль бродников в исторических событиях XI–XII вв. была очень невелика.

Для историков донского казачества и историографии его происхождения эта рукопись представляет интерес как анализ одного из самых сложных вопросов казачьей истории. Поэтому публикация рукописи в форме книги найдет своего читателя.

Иконоборчество в эмблематическом пространстве Франции в эпоху Реставрации

Иконоборчество Французской революции было частью политического и культурного процесса начиная с 1789 г. По мере развития Революции старые знаки и эмблемы уничтожались, вначале стихийно, затем в рамках новой государственной политики. Переломными были 1792 и 1793 гг. (*Clay R. Iconoclasm in revolutionary Paris. The transformations of signs. Oxford, 2012; Mazeau G. Révolution et construction de l'espace public. L'iconoclasmе à Paris en 1790 // Iconoclasmе et révolutions de 1789 à nos jours. Cezyérieu, 2014. P. 81–93; Митрофанов А.А. Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789–1794) // Signum. Вып. 9. М., 2016. С. 177–196*). Геральдическая система Франции Старого порядка была рыхлой (*Черных А.П. Ордонанс 1760 года // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 182–197*), а потому весь этот процесс происходил достаточно быстро, подогреваемый энтузиазмом «протагонистов» Революции (*Burstin H. Révolutionnaires. Pour une anthropologie politique de la Révolution française. Paris, 2013*).

Новая эмблематическая культура формировалась и в периоды Директории, Консульства и Империи. Несмотря на несходство этих политических режимов, административные элиты, пришедшие на смену революционерам, с одной стороны продолжали начатое в 1789 г., с другой, в русле наполеоновской политики создания новой имперской знати, положили начало новым геральдическим традициям, которые должны были охватить все сферы социума. Этот проект оказался недолговечным. Но и новый режим Реставрации действовал практически теми же методами, что и революционеры в 1793 г. Латентное сопротивление элит было связано с общей нестабильностью политической системы и неверием в то, что вернувшиеся Бурбоны смогут надолго удержаться на троне (*Goujon B. Les monarchies postrévolutionnaires. 1815–1848. Paris, 2012*). По сложной проблематике визуальных признаков написано мало. Только два общих труда — Э. Пиното и Э. Фюрекса служат опорой при их исследовании (*Pinoteau H. Le chaos français et ses signes. Etude sur la symbolique de l'Etat français depuis la Révolution de 1789. La Roche-Rigault, 1998. P. 215–284; Фюрекс Э. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции. М., 2022*).

Геральдическая система дореволюционной Франции восставливалась в два этапа — до и после Ста дней: возвращалось белое

знамя, белая кокарда и королевские лилии как основной элемент герба королевства (*Pinoteau H.* Op. cit. P. 217, 223, 226, 232). События, связанные с уничтожением визуальных признаков периода 1789–1814 гг., привлекали всеобщее внимание. В 1814–1815 гг. монополии власти на легитимное насилие оспаривали непримиримые ультрароялисты. Это был своеобразный способ продолжить циклы взаимной мести, начало которым положила Революция. Наибольшего размаха эксцессы достигли в Монпелье и Тулузе (эти регионы отмечены роялистской активностью еще в конце XVIII в.) (*Lucas C.* Themes in Southern Violence after 9 Thermidor // Beyond the Terror. Cambridge, 1983. P. 152–194; *Triomphe P.* La symbolique à fleur de peau. Dessus de la politique et dessous de la politisation dans le Midi de la France (1814–1851) // Annales du Midi. 2012. Oct.-Déc. P. 473–488).

После 1814 г. при режиме Реставрации оформляется новое иконоборчество, которое ближе к современному пониманию этого термина. Речь идет о мемориальном иконоборчестве (См. *Фюрекс Э.* Указ. соч. С. 270), которое уничтожает не только память об определенном режиме или персоне, но все следы целого исторического периода. Это иконоборчество отличается от революционного, которое целилось в социальные и религиозные знаки, но не стремилось к уничтожению пластов памяти об эпохе в целом.

Очищение от запрещенных знаков происходило везде, от публичного пространства до частного. Государство предъявляло монопольное право на знаки во всех сферах, кроме домашней. Принцип неприкосновенности частной собственности гарантировался Хартией 4 июня 1814 г., но нарушался в селах и малых коммунах (*Фюрекс Э.* Указ. соч. С. 272). Это не похоже на ситуацию II года республики, но в отдельных регионах такие действия власти вполне вписывались в политику «белого террора» (*Triomphe P.* 1815. La Terreur blanche. Toulouse, 2017. P. 109–260). Запрещенные знаки приравнивались к инструментам мятежа, что оправдывало их уничтожение даже в частном пространстве. Наибольшее внимание местных властей сосредотачивалось на трехцветных знаменах и кокардах, в которых усматривали призыв к «собранию», что уничтожало границу между публичным и частным. Иконоборчество также служило для проверки лояльности самих местных властей, которым и поручалось изъятие запрещенных предметов (*Fontaine P.F.L.* Journal 1799–1853. Paris, 1987. P. 624).

Спорные знаки после изъятия подвергались публичному уничтожению (*Lyons M.* Fires of expiation book-burnings and catholic missions in Restoration France // France History. 1996. Vol. 10. № 2. P. 240–266). Иконоборческие костры 1815–1816 гг. — это не столько подражание

религиозным обрядам, сколько выворачивание наизнанку революционной практики, как это происходило, например, в Орлеане (*Lottin D. Recherches historiques sur la ville d'Orleans. Pt. 3. T. 1. Orleans, 1842. P. 395.*). Эти акты были повсеместны, несмотря на объявленный правительством курс на примирение. По подсчетам Э. Фюрекса испугательные костры пылали по всей Франции зимой и весной 1816 г., численность их достигала нескольких тысяч (*Фюрекс Э. Указ. соч. С. 282.*). Уничтожению подвергались также бюсты и картины, печати, знамена, пуговицы, орлы, фригийские колпаки, барельефы, медальоны и даже листы гербовой бумаги. Иконоборчество порой походило на празднество, более гражданское, чем религиозное, так как духовенство в нем участия не принимало. В регионах, где контрреволюционные тенденции были сильнее, в 1816 г. организованные властями костры наблюдались реже, так как большая часть подлежащих уничтожению знаков была сожжена еще в 1815 г. В более «республиканских» департаментах власти действовали осторожнее, уничтожая знаки и эмблемы без шума и праздничных церемоний. Это Юра, Сона и Луара, Верхняя Марна, Рона, сам Лион, департамент Верхний Рейн (Там же. С. 285–286). В Париже аутодафе не проводились. Аутодафе было метафорой окончательной победы над Революцией, победы, без которой, как полагали творцы и адепты нового режима, невозможно сколь-нибудь прочное «гражданское согласие». Ритуал не выполнил поставленной перед ним цели. Параллельно с этим частыми были акты протестного иконоборчества, коренившегося в сомнениях касательно прочности и легитимности действующей власти.

В процессе конструирования постреволюционного визуального порядка иконоборчество проникало из публичной сферы в область повседневных взаимоотношений. Итогом борьбы, столь ожесточенной в 1814–1816 гг., стало то, что иконоборчество обернулось против самих официальных иконоборцев.

М.В. Моисеев
к.и.н., зав. сектором ГБУК «Музейное объединение
«Музей Москвы», доц. МПГУ

Источники по генеалогии и просопографии знати Крымского ханства и Ногайской Орды в XVI веке

Изучение элиты постордынских государств является актуальной задачей, которая пока еще далека от своего решения. В отечественной науке существует традиция при изучении этой проблематики привлекать материалы русских посольских книг. Начало этой традиции

заложил В.Е. Сыроечковский, а творчески она была развита в работах А.В. Виноградова (например: *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2016. № 5. С. 25–41). Вместе с тем потенциал посольской документации для изучения генеалогии и просопографии крымской и ногайской знати далеко еще не исчерпан, и у нас есть возможность углубить наши знания по этому вопросу. Именно этому и посвящен мой доклад.

Как правило, в ходе генеалогических и просопографических исследований привлекают прямые указания на родственные отношения, которые встречаются в дипломатических посланиях, а также отчетах русских дипломатов. Однако это далеко не единственные источники наших знаний. Весьма информативным источником являются росписи поминкам. Этот вид специфического источника сохранился в виде столбцов, при чем только за период за 70–80 гг. XVI в. Это «...книга денежного жалования мурзам и татарам...» 1578/79 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 215). Этот документ сохранился не полностью. Начало листа оборвано, но основное содержание документа позволяет с высокой степенью уверенности утверждать, что в нем зафиксированы «поминки» для Ногайской Орды. Интересной особенностью этой «книги денежного жалования» можно считать указание на дачи послам. Следующим документом из этого ряда и тоже связанным с Ногайской Ордой, является выписка из «книги лета 7092-го государева жалования...» 1584 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1584)). Единственным документом этого типа от отношений с Крымским ханством, является «Имянная роспись посыланным в Крым с послом князь Михайлом Борятинским подаркам к царю, его матери, жонам, родственникам и всем его мурзам» 1582 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1582)).

Отличительная черта этого вида документа заключается в том, что в них перечислены все живые члены как правящего двора, так и их окружение. В этих росписях фиксировались даже новорожденные дети, во всяком случае бий Ногайской Орды требовал этого и отслеживал соблюдение этой практики. Еще одной особенностью была полная поименная фиксация гаремов правящей верхушки, хотя это соблюдалось не всегда. Но при изучении генеалогии крымского и ногайского правящего домов эти сведения довольно важны, так как из состава посольских книг постепенно сведения о переписке с женщинами исключались (*Моисеев М.В., Ерусалимский К.Ю.* Женские голоса в дипломатической переписке Ивана Грозного // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* М., 2017. № 25. С. 120–141). Таким

образом, при изучении росписей «поминок» мы получаем аннотированный поименный список представителей правящих домов и знати Крымского ханства и Ногайской Орды. А учитывая, что эти списки соблюдали иерархический принцип составления, не только социальный и гендерный, но и возрастной, то мы получаем возможность и распределить этих персонажей по старшинству.

Еще одним важным источником генетически связанным с росписями «поминкам» являются реестры шертовавших, то есть принесших присягу русскому царю. К сожалению, этот тип документов сохранился у нас только от русско-крымских отношений (см., например: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 36–36 об., 37–38, 47 об.–48 и др.). Хотя у нас есть сведения, что подобные реестры были и в русско-казанских отношениях (Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 18, 19, 22). Эти документы дают нам представления о составе двора постордынской элиты и позволяют не только уточнять генеалогическую информацию, но и предоставляют необходимые сведения для просопографических исследований. Так, именно реестры шертовавших позволяют прояснить биографию известного персонажа истории Казанского ханства: Кошак улана. При обращении к этим документам, мы узнаем, что это Козучак-улан: оглан двора Сафа-Гирея с начала 1534 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 47 об., 99). Ко двору Сафы относился и сподвижник Кошака (Козучака) — Ак-Мухаммед, при чем оба они очевидно входили в ближайшее окружение Сафа-Гирея и последовали за ним в Казань, возможно, и весь двор покинул Крым, вместе со своим господином.

Состав двора Гиреев был довольно аристократичным. Так, двор Ислам-Гирея I в начале 1534 г. состоял из двух сейиидов (потомков пророка Мухаммеда), 7 огланов (потомки Чингисхана), верхушки племенной аристократии, а также своей канцелярии, казначея и значительного числа батыров. У Сафа-Гирея было 7 огланов, сыновья верхушки племенной аристократии, был у него и свой ходжи, которого он аттестовал как своего богомольца. Указывается и племенная принадлежность, что позволяет более точно определять роль трайбалистских структур в постордынских сообществах. В целом, этот вид источника играет большую роль при изучении элиты Крымского ханства.

Подводя итог нашему краткому обзору, можем отметить следующее. Посольские книги, будучи сами по себе локальным архивом, сохранили значительное разнообразие документации, имеющей учетный характер. К сожалению, эти документы не входили в число дипломатических документов, обладавших высоким статусом для их сохранения (послания монархов, наказания послам и их отчеты, и пр.)

именно поэтому их сохранение в составе посольских книг скорее случайность, чем закономерность. Вместе с тем они обладают весьма высоким потенциалом для изучения генеалогии и просопографии постордынских элит.

*Е.Ю. Мокерова
к.и.н., доц., Вятский ГУ (Киров)*

Печать игумена Агафангела конца XIX — начала XX в.

На данный момент ежегодно пополняется фонд средневековых сфрагистических материалов. Они зрегулярно становятся предметом исследования ученых. Однако печати более позднего времени изучены намного меньше. Кроме того, среди проведенных исследований совсем незначительное место занимают именные печати священнослужителей XVIII–XIX вв., которые хранятся в музеях нашей страны.

Коллекция сфрагистики Кировского областного краеведческого музея имени П.В. Алабина формируется почти 160 лет. Она небольшая по объему, но содержит достаточно любопытные материалы. Среди них выделяется часть, связанная с церковной сфрагистикой: именные печати, печати церквей, членов попечительского совета церквей, документы с оттисками церковных печатей и т.п.

Своеобразной доминантой среди именных печатей духовенства является хрустальная двусторонняя печать игумена Агафангела (КОМК 1938), переданная в 1955 г. из художественного музея. Центральная часть ручки печати — параллелепипед с усеченными боковыми ребрами, основания которого с двух сторон переходят в клише: с одной стороны — овальное клише с зеркально-вогнутым изображением религиозных символов и кириллической легендой в две строки «Игумень АГАФАНГЕЛЬ» (2,8×2,4 см), с другой — прямоугольное клише с усеченными углами, в центре которого под «всевидящим оком» располагаются буквы «И.А.» (1,2×1,8 см).

Печать находится в прямоугольном деревянном футляре; внутри которого имеется ложемент с контурами печати (длина печати 7,8 см), отделанный красным бархатом. Кроме того, имеются сургучные оттиски печати.

Имя «Агафангел» в церковной истории Вятского края встречается не часто, но и не один раз. Это имя носил епископ Вятский и Слободской (1860–1866 гг.), настоятели монастырей и другие священнослужители. При анализе ряда биографий, выяснилось, что печать принадлежала Агафангелу, носившего в миру имя Александр

Красноперов. Он родился около 1841 г. в семье псаломщика; по окончании Сарапульского духовного училища определен псаломщиком Вятской Сретенской церкви. В 1870 г. вследствие вдовства по прошению принят в число братства Вятского Успенского Трифонова монастыря, где и был пострижен в монашество. В монастыре Агафангел исправлял должности ризничего, библиотекаря и эконома. В 1877–1886 гг. находился в Слободской Крестовоздвиженском монастыре, где с 1880 г. был исполняющим должность наместника монастыря. Здесь же 29.10.1883 г. возведен в сан игумена. В дальнейшем Агафангел продолжил служение в разных церквях и монастырях Енисейской (1888–1889 гг.) и Астраханской (1896–1898 гг.) епархий, периодически возвращаясь в вятские монастыри. Был экономом, казначеем, духовником, настоятелем. Неоднократно получал награждения от Святейшего Синода, в том числе был награжден орденом Св. Анны III степени. Считался «качеств очень хороших, к послушаниям способен», «резвнен, молчалив, к богослужению ревностен». Последний раз упоминался в должности настоятеля Орловского монастыря Вятской губернии в ведомости за 1913 г. (*Кустова Е.В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря: в 2 томах / Киров, 2012. Т. 2. Справочные материалы. С. 143–144).

Изображения на печати носит эпиграфический и эмблематический характер, что характерно для недворян. Христианская символика печати Агафангела практически не повторяет изображения на других церковных печатях, хранящихся в фондах Кировского краеведческого музея. В целом символика здесь более разнообразна. На овальном клише в верхней половине на облаках (символе вездесущности Бога) находятся Библия и Скрижали Завета — Священное Писание и 10 заповедей. Между ними находится самый узнаваемый символ православия — крест в лучах. Однако крест имеет латинскую форму, имеющую неоднозначную репутацию в православии. Хотя, казалось бы, на личной печати настоятеля православного монастыря должен быть традиционный православный крест.

На малом клише элементом христианской символики является всевидящее око в лучах — аллегорическое изображение, символизирующее Всеведение Божие. Это один из самых популярных символов; именно он является общим элементом, который располагался на известных именных печатях 2-й степени священства, описанных И.А. Вознесенской (*Вознесенская И.А.* Личные печати в Российской империи XVIII–XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах) // Вестник РГГУ. 2011, № 12 (74) / 11. С. 242). Также он имеется на некоторых церковных личных печатях Кубани (*Иванов В.И.* Церковные печати Кубани первой половины XIX века //

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017. С.153–155; *Иванов В.И.* Печати церквей и священнослужителей Черноморского казачьего войска первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. М, 2018. С. 170–172).

Насколько обширной была сфера применения печати игумена Агафангела, мы можем пока только предположить. Несомненно, она использовалась в личной переписке и, вероятно, отчасти в сфере государственного делопроизводства (например, некоторые финансовые документы Вятской епархии, хранящиеся в фондах Кировского краеведческого музея, подтверждены личными печатями и т.п.). Хронологические рамки ее использования с 1883 по 1913 г.; география же ее употребления была довольно обширной исходя из перемещений Агафангела по территории Российской империи.

Введение в научный оборот печати игумена Агафангела поможет определить подлинность, время и место создания документов не только из монастырей Вятской губернии конца XIX — начала XX в., но и церквей и монастырей Енисейской и Астраханской епархий.

В.В. Мурзин-Гундоров
н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова

Бытование княжеского титула на отрезке XVII–XVIII веков в роду дворян Волынских, потомков Дмитрия Михайловича Боброка

Прежде чем рассмотреть курьез употребления в XVII–XVIII вв. отдельными членами нетитулованного рода дворян Волынских княжеского титула, необходимо пояснить истоки возникновения самого этого рода. Существует ряд версий относительно происхождения Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского (ум. 1389/1411), как и о титулования его князем. По одной из них, он потерявший удел мелкий владетель местечка Боброка из Волынских земель. Согласно другой, изначально Галицко-Волынский князь Любарт, чье крестильное имя Дмитрий. Его называют и сыном великого князя литовского Гедимина и его внуком, как и сыном Кориата-Михаила князя Новгородского и Волковысского. Можно допустить, что он князь Любарт (Дмитрий) Кориатович (Михайлович), ставший князем Волынским через брак с последней княжной Волынского удела. На отрезке 1366–1368 гг. он служит Москве, а в 1371 г. наместник в Рязани. Именно он

среди московских бояр занимал ведущее место, а в 1380 г. в Куликовской битве проявил себя, как выдающийся стратег (*Думин С.В., Гребельский П.Х.* Дворянские роды Российской империи: в 4 т., Т. 2. Князья / Под ред. С.В. Думина. СПб., 1995. С. 28–30). Косвенно версию о его княжеском происхождении от рода Гедимины подтверждает его второй брак, когда супругой стала великая княжна Анна Ивановна, дочь князя московского Ивана II Ивановича Красного и сестра Дмитрия Ивановича Донского князя Московского и великого князя Владимирского. Сыновья Боброка от первого брака бояре: Борис — предок Волынских и Давыд Вороной родоначальник Вороных-Волынских. Единственный сын от второго брака Василий Дмитриевич, двоюродный брат великого князя Василия I Дмитриевича, умер в пятнадцатилетнем возрасте (*Семевский М.И.* Русская родословная книга. С. 141–147). Согласно известным источниками, кроме князя Д.М. Боброка никто из его трех детей и их потомков княжеским титулом не пользовался. Между тем, с первой четверти XVII столетия, потомки его сына Бориса начали употреблять княжеский титул. Первым был князь Иван Иванович Волынский, представитель VIII колена от Боброка-Волынского. Также зафиксировано, что его супруга княгиня Улияния, умершая 14.11.1645 г. названа по титулу. На тот же 1645 г. приходится смерть их единственного сына стольника Никиты Ивановича Волынского, представителя IX колена рода, не оставившего потомства (*Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 40, 45).

На данный момент факта титулования его князем не зафиксировано. Практически сразу после смерти Волынских VIII–IX колен, представитель того же рода, но уже второй ветви и следующего за ними X колена — стольник Михаил Петрович Волынский наименован князем (*Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 261). Генеалогически его дед Василий Яковлевич Волынский приходился князю Ивану Ивановичу Волынскому шестиродным братом. Трудно утверждать, чем была вызвана динамика поколенного преемства княжеского титула другой ветвью. Нельзя исключить, что существовал неизвестный нам принцип семейной традиции, учитывающий старшинство в данной исторической дворянской династии. Нет никаких свидетельств, что после стольника князя Михаила Петровича Волынского, умершего 28.03.1683 г., кто-либо из его сыновей, представителей XI колена Ивана и Алексея Михайловичей Волынских писались с употреблением княжеского титула. Они оба умерли, не оставив потомства. Из обширного рода Волынских XI колена более никто на рубеже конца XVII — начала XVIII вв. князем не величался.

С их смертью следующее лицо, относящееся к третьей ветви рода и неофициально употребляющее княжеский титул уже в XVIII в., это представитель XII колена, действительный статский советник князь (?) Михаил Васильевич Волынский (08.10.1746–02.12.1799), не оставивший потомства (*Зеленская Г.М., Святославский А.В.* Некрополь Нового Иерусалима Историко-семиотическое исследование. М., 2006. С. 166–167, 280, 300, 378). Его дед Иван Михайлович Волынский приходился восьмьюродным братом стольнику князю Михаилу Петровичу Волынскому.

Надгробные памятники М.В. Волынского и его супруги Анастасии (Натальи) Петровны, урождённой Приклонской (06.12.1755–17.05.1812) в некрополе Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря не фиксируют княжеского титула. Это можно списать на семью их наследников Приклонских, или на волю монастыря. Последний уже имел опыт фильтрации данных, где степень родства не имела значения. Известно, что в 1740 г. дело и последующая казнь кабинет-министра А.П. Волынского предопределила изъятие из монастырского архива и уничтожение всех бумаг, связанных с их родом.

Помимо титулования князьями, родословная роспись фамилии имеет целый ряд генеалогических несоответствий. Например, упоминаемый выше князь Михаил Васильевич Волынский является той персоной, у кого крайне спорны в росписи два предшествующих поколения. Через 38 лет после его смерти в 1837 г., род полностью пресекается со смертью его двоюродного брата генерал-майора, действительного статского советника Михаила Михайловича Волынского. Оставшиеся вопросы о роде Волынских остаются полем деятельности для дальнейших исследований.

В.В. Незговорова
с.н.с., хранитель Военно-исторического музея
артиллерии, инженерных войск и войск связи

«Шильдеровский отдел» в музее лейб-гвардии Сапёрного батальона

Создание музея лейб-гвардии Сапёрного батальона связано с именем Георгия Соломоновича Габаева (1877–1956), военного историка, одного из основателей Императорского русского военно-исторического общества, офицера и последнего командира гвардии Сапёрного полка. В 1907 г., с целью подготовки к празднованию в 1912 г. столетия батальона. Г.С. Габаев составил проект Положения о Юбилейном комитете Лейб-гвардии Сапёрного батальона.

Проект был принят постановлением офицерского собрания (АВИ-МАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2А. Д. 26–7. Л. 300–304), Габаев избран в состав Юбилейного комитета «заведующим собиранием материалов для истории и музея гвардейских сапёр» (Отчёт перед Родиной о работе и жизни и об испытаниях военного историка Георгия Габаева // ОР РНБ, Ф. 1001, Оп. 1, Д. 33, Л. 8 об.–9). К юбилею батальона «был полностью развёрнут музей, напечатан I том подробной истории и краткая история и готовы в рукописи ещё 2 тома подробной истории...» (Там же, Л. 9).

Один из разделов музея назывался «Шильдеровский отдел» (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 23) и по сути являлся персональным фондом Карла Андреевича Шильдера (1785–1854), выдающегося инженера-изобретателя, командира лейб-гвардии Сапёрного батальона с 1826 по 1836 гг. «Шильдер командовал гвардейскими сапёрами 10 лет, и под талантливым руководством своего бесстрашного командира лейб-гвардии Сапёрный батальон принял боевое крещение и заслужил своё Георгиевское знамя за взятие Варны в 1828 г. и свои Георгиевские трубы за штурм Варшавы в 1831 году» (Габаев Г.С. Памяти генерал-адъютанта К.А. Шильдера // «Русский инвалид». № 232, 1911, октябрь, 29. С. 4).

К заслугам К.А. Шильдера как инженера-изобретателя относятся первые испытания гальванических мин, создание первой пусковой установки фугасных ракет и подводной лодки с цельнометаллическим корпусом собственного изобретения.

В 1854 г., с началом военных действий против турок, генерал-адъютант Шильдер, Начальник инженеров действующей армии, прибыл на Дунай. При осаде крепости Силистрии он лично наблюдал за ходом работ, часто проводя ночи в траншеях. 1 июня 1854 г. генерал был ранен осколком гранаты в ступню правой ноги. 11 июня 1854 г. Карл Андреевич Шильдер скончался и был похоронен в г. Калараше, на кладбище церкви святого Николая. В 1911 г. прах К.А. Шильдера был перевезён в Петербург и захоронен в церкви лейб-гвардии Сапёрного батальона во имя святых Косьмы и Дамиана.

«Шильдеровский отдел» составляли закупленные у антикваров литографии и гравюры; живописные работы и рисунки, выполненные художниками по заданию Г.С. Габаева; фотографии и документы о перевезении праха К.А. Шильдера; переданные в дар музею мемориальные предметы, хранившиеся в семье внука прославленного генерала, директора императорского Александровского лицея, генерал-лейтенанта Владимира Александровича Шильдера (1855–1925). Материалы «Шильдеровского отдела» хранятся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Первоначальные описи собрания батальонного музея не сохранились. В «Описи имущества бывшего музея лейб-гвардии Сапёрного батальона», составленной в начале 1920-х гг. в Суворовском музее, использовавшемся как хранилище военного отдела Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР, по «Шильдеровскому отделу» значится 112 пунктов (АВИМАИВиВС. Ф. 51. Оп. 96/2Б. Д. 1. Л. 23–38). В опись, кроме собственно музейных предметов, включены фотографии этих предметов, выполненные в ателье К.А. Фишера в 1911 г. по заказу Г.С. Габаева.

Материалы отдела разделены на четыре группы. К первой отнесены портреты К.А. Шильдера. Часть из них — копии, выполненные для батальонного музея с оригиналов, принадлежавших В.А. Шильдеру, с которыми он не пожелал расстаться. Так, у него хранился автопортрет деда 1821 г., в чине полковника 2 пионерного батальона. В батальонном музее находилась фотография этого автопортрета. (ВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 832/3). Он же послужил основой для живописной работы О.В. Обольяниновой (1882 — после 1947). Художница отступила от оригинала: К.А. Шильдер изображён в форме лейб-гвардии Сапёрного батальона на 1828 г., с эполетами генерал-майора; на лацкане мундира — пожалованный за Варну знак ордена св. Георгия 4 степени (1828), св. Анны 3 степени (1811), две медали в память войны 1812 года (ВИМАИВиВС. ИДФ НВФ 1325).

Вторую группу составляют изображения событий из жизни К.А. Шильдера и истории лейб-гвардии Сапёрного батальона. Четыре акварели О.А. Шарлеманя (1880–1957) 1912 г. посвящены эпизодам осады и взятия Варны в 1828 г., штурму укрепления Воля, аванпоста Варшавы, в 1831 г. Стоит отметить две лубочные гравюры с изображением великого князя Михаила Павловича, посвящённые покорению Браилова (1828) и вступлению гвардии в Варшаву (1831).

Третья группа — личные вещи, документы и рисунки К.А. Шильдера, дар В.А. Шильдера батальонному музею: два подлинных пейзажных рисунка Карла Андреевича; самодельный альбом с 13 рисунками — иллюстрациями к басням Эзопа; записные книжки; альбом-бювар с чертежами и зарисовками, пробитый турецкой пулей в 1828 г. Как и в первой группе, часть рисунков была скопирована с оставшихся у В.А. Шильдера оригиналов. В настоящее время известны только эти сохранившиеся копии: в 1925 г. В.А. Шильдер, его жена и сын были репрессированы, судьба оригинальных портретов и рисунков неизвестна.

Среди личных вещей представляет интерес оттиск печати К.А. Шильдера в красном сургуче, на листе бумаги с конгревным тиснением фамильного герба Шильдеров и подписью В.А. Шильдера.

(ВИМАИВиВС. ИДФ 22–24). Прорисовка печати отличается от герба формой щита (треугольный английский, тогда как на тиснёном гербе — немецкий фигурный щит); под щитом изображена шпага с подвешенными на лентах двумя медалями и орденом св. Анны. Это позволяет определить крайние даты изготовления печати от 1814 до 1828 гг., от награждения медалью памяти 1812 г. до пожалования орденом св. Георгия 4 степени.

*С.Я. Нисенбаум
магистрант ФАД ИАИ РГГУ*

Штетл. Культурно-географический феномен еврейского местечка

Любой культурный феномен, нашедший свою географическую специфику, представляет собой исключительное явление, в котором сочетаются естественная среда и антропогенная природа, образующие под влиянием человека уникальный объект историко-географического исследования. Изучая феномен еврейского местечка в рамках исторической географии, мы переносимся в Восточную Европу, в различных государствах которой существовали особые виды поселений городского типа, где в определенный период времени преобладало еврейское население, что находило свое отражение, в первую очередь, в социальной, этнографической, архитектурной, экономической и, конечно, историко-географической сфере. Кроме того, со временем «штетл» (еврейское местечко на идише) стал «заложником» стойкой ассоциации не только с чертой оседлости в рамках Российской империи, но и с абсолютно специфическим образом жизни его жителей.

Штетл как явление начал формироваться в XV–XVI вв. на территории Польши и Великого княжества Литовского, чтобы было обусловлено экономическим развитием маленьких и средних городов. После разделов Речи Посполитой Российская империя пополнилась такими городками. Стоит также отметить, что золотым веком еврейских общин Восточной Европы и расцветом местечка как географической единицы принято считать столетие с середины XVI в. и вплоть до «хмельнитчины». В то же время расцветом еврейского местечка как феномена исторической памяти, на который пришелся золотой век ашкеназской и идишистской культуры, ставшего практически легендой своего времени, выделяют все-таки середину XIX в. с особым акцентом на 1820–1830-х годах. Также стоит упомянуть, что впервые еврейским местечком как феноменом заинтересовался

С.А. Ан-ский, отправившийся в этнографические экспедиции по Вольни и Подолью в 1910-х гг., однако штетл оставался непервостепенным объектом исследования и в целом не рассматривался как явление.

До XX в. еврейское местечко было практически закрытым местом, где циркулировала особая, замкнутая община, которая определяла жизнь в рамках иудейского права и еврейских традиций. В данном случае географическая привязка была важна не только физически в качестве ощущения дома, но и как основу для создания бытовых условий для жизни по-еврейски. Евреи — народ книги, поэтому в каждом местечке обязательно были синагоги, хедеры (младшие учебные школы). Была выстроена целая кагальная система общины. Для создания и поддержания религиозных условий существовали ряд ремесленных организаций, присутствовал шойхет, занимающийся правильным с точки зрения иудаизма забоем животных, пригодных в пищу.

Местечко как культурно-историческое явления представляет собой вполне сформировавшийся стереотип с конкретными визуальными образами. Чаще всего, источником визуализации еврейского местечка являются различные воспоминания, литературные произведения, травелоги, а также картины (в широком смысле), созданные Марком Шагалом, Шолом-Алейхемом, Ицхоком Башевис-Зингером. Представляется, что штетл был феноменальным памятником культуры восточноевропейского еврейства: на формирование его пространственной среды и природно-архитектурного ландшафта оказывал влияние плавный переход нукlearной функции от замка и крепости к рынку и площади вокруг него. Кроме того, доминантой городского ландшафта штетла можно считать здание главной синагоги местечка (даже при наличии мелких общих и молельных домов, такое строение было не только особенным, но жизненноспасительным в случае угрозы жизни) и другой, не менее притягивающий внимание субъект его культурной реальности — еврейское кладбище.

Формирование планировки шло естественным образом, однако соблюдались определенные принципы, в частности, местечко от села отличало наличие укреплений у городка и наличие расширенной рыночной площади. Торговую часть города формировали одно- или двухэтажные дома с высоким цоколем для размещения различных складов. Также были организованы заезды, для простоя на ночлег купцов на лошадях и с грузами. Еврейское кладбище же обычно располагалось на вершине холма либо на его склоне с желательным отделением от жилой среды водоемом, большой дорогой или чем-либо другим.

В настоящее время шtetл как явление является предметом исследования исторической и культурной памяти, так как привычная окружающая среда настолько важна для человека, что он ее начинаем реконструировать вокруг себя. В случае с еврейским местечком эти процессы происходят уже не в Восточной Европе, однако заинтересованными людьми такое «местечка» переносится вместе с привычными визуальными образами и предметами быта и традиции на новое место, где руками человека создаётся благополучная среда. Здесь можно привести пример Бруклина и его пригородов, Южной Америки, а также ультраортодоксальных религиозных кварталов в Израиле, где удивительно точно воссоздано еврейское местечко как культурный феномен и культурно-географическая единица.

Е.И. Носова
к.и.н., зав. Лабораторией комплексного исследования
рукописных памятников СПбИИ РАН
А.В. Корчилава
м.н.с. Лаборатории комплексного исследования
рукописных памятников СПбИИ РАН

База данных как инструмент для изучения истории бумаги: задачи, структура и разработка

Бумага известна как наиболее часто употребляющийся носитель для записи текста. Со времен появления бумаги до наших дней технологии изготовления бумаги прошла длинный путь развития: менялось сырье, способы формования листа, финишная отделка. Это многообразие технологий составляет материаловедение исторической бумаги, которое ценно не только как источник информации для датировки и локализации рукописей, но и как отражение развития общества, его навыков, бытового ландшафта, и достойно отдельного изучения.

Проведение исследований в области материаловедения требует применения естественнонаучных методов, так как лишь малое количество признаков можно оценить на глаз. Использование этих методов с самого начала формирования научного интереса к истории бумаги давало ответы на самые важные вопросы (*Wiesner J. Die mikroskopische Untersuchung des Papiers mit besonderer Berücksichtigung der ältesten orientalischen und europäischen Papiere. Wien, 1887*). Поскольку бумага по-прежнему производится как промышленный продукт, разработано большое количество методик ее тестирования, испытания и даже искусственного старения. Некоторые из этих методов используются

в историческом материаловедении и предреставрационных исследованиях (анализ бумаги по волокну и т.д.), другие малоинформативны для исторических исследований или требуют отбора проб значительного размера, что делает их недопустимыми для изучения объектов историко-культурного значения. Кроме того, активно внедряются методы спектроскопии, сканирующая электронная микроскопия, поляризационная микроскопия.

Для исследований с применением естественнонаучных методов базы данных особенно необходимы, так как редко один специалист владеет всеми методами: чаще образец проходит серию исследований у разных специалистов разными методами. В результате информация рассредоточивается, и необходимо свести ее воедино, чтобы получить обобщенные сведения об образце. В Лаборатории комплексного исследования рукописных памятников СПбИИ РАН была разработана и создана такая база данных для хранения максимально полной информации об исторических образцах бумаги.

База данных представляет собой приложение, которое включает в себя саму реляционную SQL базу данных и сайт для управления и администрирования. Приложение реализовано с помощью высокоуровневого фреймворка Django, который работает на языке Python. Можно выделить несколько причин выбора именно Django среди остальных фреймворков и в первую очередь это наличие открытого исходного кода, наличие бесплатной поддержки и открытый доступ к обучающим материалам и документации, удобство в использовании, безопасность и умеренная гибкость кода. В Django реализуется как frontend (интерфейс и взаимодействие с пользователем), так и backend (внутренняя часть продукта на сервере) разработка, благодаря чему появляется возможность создавать и управлять сайтом и базой данных в одном месте, что значительно упрощает работу разработчика.

Объекты хранятся в реляционной базе данных PostgreSQL на локальном сервере. Доступ к базе предоставляется с помощью окружения PgAdmin4 и различных SQL запросов. Каждая строка в таблице представляет собой отдельный объект (лист бумаги), а столбцы — его описание и характеристики.

С помощью моделей во фреймворке Django создаются характеристики объекта и каждому полю присваивается свой тип: строка, целочисленные значения, значения выбора, подсчет через формулу, гиперссылка, фотография или файл. База данных хранит в себе как исторические сведения (шифр, краткая историческая справка) о каждом объекте и описание (оттенок бумаги, филигрань, контрмарка и пр.) так и результаты естественнонаучных исследований

с применением различных методов (анализ бумаги по волокну, поляризационная микроскопия, элементный состав, сканирующая электронная микроскопия, ИК-Фурье спектроскопия и пр.). Используя различные «формы» (код с командами), информация выводится на сайте, где пользователи могут просматривать информацию об имеющихся объектах базы данных, а также добавлять новые объекты. Запрос с сайта передается в базу данных PostgreSQL через Django. Веб-разработка также проводится в пределах Django: отображение разметки сайта языком HTML, подключаемые стили — CSS и взаимодействие с пользователем через JavaScript.

В разработке также находится процесс регистрации пользователей, ограничение доступа к редактированию и добавлению объектов, а также стилевые доработки сайта.

Е.И. Носова
к.и.н., зав. Лабораторией комплексного исследования
рукописных памятников СПбИИ РАН
К.А. Смирнов
м.н.с. Лаборатории комплексного исследования
рукописных памятников СПбИИ РАН

Разработка метода гиперспектральной съемки для фиксации водяных знаков документов, выполненных сажевыми чернилами

Значение водяных знаков для решения задач датировки и локализации рукописей трудно переоценить. Основы этого метода были сформулированы давно (*Лантев И.П.* Опыт в старинной русской дипломатике или способ узнавать по бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824; *Тромонин К.Я.* Изъяснение знаков ...М., 1844; *Briquet Ch.-M.* De la valeur des filigranes du papier comme moyen de déterminer l'âge et la provenance de documents non datés. Genève, 1892), но только создание крупных подборок (*Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1–3. СПб., 1899; *Briquet Ch.-M.* Les filigranes, dictionnaire historique des marques de papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. 4 vols. Genève, 1907) позволило эффективно применять его на практике. Затем крупные опубликованные подборки стали переводить в онлайн-формат. Наконец, произошел переход от отдельных баз данных к их объединению на платформе Bernstein.Memory of Paper.

Однако даже такие крупные подборки не покрывают всего многообразия филиграней, пополнение баз данных филиграней

по-прежнему актуально. Одной из основных задач в этом процессе является фиксация филиграни. Для этого было разработано большое количество методик от перевода вручную с помощью кальки до использования бета-радиографии. Последний способ дает хорошие результаты, но сложен и требует значительных расходов и соблюдения особой техники безопасности (*Эрастов Д.П.* Бета-радиографический метод воспроизведения филиграней // Доклады и сообщения на совещании по вопросам консервации и реставрации художественных ценностей / под ред. Л.А. Беляковой. М.: На боевом посту, 1960. Ч. 2. С. 55–60). Наиболее проста и эффективна фотосъемка на просвет (*Уханова Е.В., Бережная М.А.* База данных водяных знаков средневековой бумаги отдела рукописей Государственного исторического музея в рамках международного проекта «Бернштейн — память бумаги»: результаты сотрудничества и перспективы развития // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей. М.: Этерна, 2015. С. 328–339).

Для того чтобы избежать присутствия чернил, которые препятствуют восприятию деталей филиграни, используют съемку на просвет в инфракрасном диапазоне (*Тыпкин Д.О.* Optico-Electronic Methods in the Study of Mediaeval Paper in the Manuscript Division of the National Library of Russia // *Bibliologia*. 2019. V. 19. P. 243–253; *Калашиникова А.А.* Техника съемки русских актов XV–XVII вв. в ближнем инфракрасном диапазоне // *Фотография. Изображение. Документ*. 2019–2020. Вып. 9 (9). С. 42–46). Этот метод позволяет снизить видимость железо-галловых чернил, так как они прозрачны в ИК диапазоне. К сожалению, другие виды чернил, в частности, выполненные с использованием сажи, не поддаются фотофиксации этим способом. Для них необходимо разработать другие методы. Особую важность эта задача имеет в связи с тем, что на основе сажи делались чернила для печатных текстов. Фиксация филиграней печатных книг имеет первостепенное значение, так как они чаще бывают датированы и локализованы, чем рукописные.

На сегодняшний день всё более популярным становится исследование документов, представляющих историческую ценность, при помощи гиперспектральной визуализации. Она позволяет относительно удобно и быстро произвести необходимые действия с документом для получения гиперспектральных данных, при этом не подвергая сам документ излишним нагрузкам и воздействиям, которые могут навредить ему. Обычное цветное изображение является результатом объединения 3 изображений в оттенках серого, где каждое такое изображение отвечает или за красный, или за зеленый

или за синий цветовой канал. То есть цветное изображение состоит из 3 каналов. Считается, что изображение, число каналов которого не превышает 10, называется мультиспектральным, а если число каналов больше 10, то оно называется гиперспектральным. Следовательно, можно ожидать, что содержание информации в гиперспектральном изображении будет очень большим, и чтобы собрать и обработать всю эту информацию необходимо воспользоваться методами статистической обработки данных.

Наиболее популярным методом работы с многомерными данными является метод главных компонент или PCA. Помимо широкого применения PCA для многомерного анализа его часто используют в качестве исследовательского инструмента для гиперспектральных изображений. При помощи PCA получают максимальное количество информации от гиперспектральных данных в адаптированном под восприятие человека виде. То есть, после использования PCA вместо большого количества каналов, из которых состоит гиперспектральное изображение, получают небольшое количество каналов, где вся информация из каналов гиперспектрального изображения «концентрирована» в каналы, полученные PCA. PCA сокращает количество времени, которое необходимо на анализ, объединяя разрозненные данные на одном изображении.

В итоге, при помощи гиперспектральной камеры Specim IQ, которая получает данные в диапазоне примерно от 400 нм до 1000 нм, снимается документ, содержащий филигрань. Документ снимается на просвет, причем освещается только предполагаемая область филигранны, создавая контраст, который помогает далее выделить филигрань. Полученные данные обрабатываются методом PCA, и получаются новые 11 каналов вместо 204 каналов камеры. Из полученных 11 каналов выбираются 3, где филигрань видна наиболее четко. Выбранные 3 канала объединяются в псевдоцветное изображение, которое аккумулирует в себе лучшие результаты метода PCA и позволяет снизить влияние чернил при анализе филигранны.

*З.Е. Оборнева
к.и.н., н.с. ИРЯ*

Неучтенные греческие документы РГАДА: 1625–1635 гг.

При работе над каталогом греческих документов РГАДА, первый том которого практически завершил Борис Львович Фонкич, в делах фонда 52 обнаружилось несколько неучтенных греческих документов. Пока нам удалось посмотреть документы до 1633 г.

Эти документы не были обозначены и в книге «Переводчики с греческого языка Посольского приказа 1613–1645 гг.», так как для них не было обнаружено соответствующих русских переводов, между тем в процессе работы русский перевод для одного или двух из них все же удалось найти. Прежде всего, это челобитная архимандрита Григория на греческом языке (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 20 Л. 17), которая, по всей вероятности, попала в это дело случайно и прежде была в деле о приезде 23 сентября 1629 г. Зихновского Архангельского монастыря митрополита Неофита для вечного в России пребывания (Там же. 1630 г. № 6), где и обнаружился перевод челобитной. Архимандрит Григорий как-то освободил двух рабов (пленников), за что турки заточили архимандрита в тюрьму. За архимандрита вступились некие христиане и дали за него 28 тысяч аспров, и теперь он задолжал им, о чем имеет грамоту от иерусалимского патриарха Феофана. Он поехал с зихновским митрополитом Неофитом к царю, и на них напали литовские люди, заточили и ограбили на 80 ефимков. Митрополит остался без средств к существованию, и архимандрит Григорий содержал его на свои деньги, пока митрополит не умер в благословенной русской православной земле. Он обращается к царю и патриарху с просьбой о денежной помощи ради уплаты долгов и возвращения в монастырь, чтобы молиться за царя и блаженной памяти зихновского митрополита. Также Григорий имеет устное распоряжение от митрополита к верейскому митрополиту Аверкию присматривать за Григорием, что написано в его завещании, которое он готов передать. Последнее не имеет соответствия в русском переводе. По челобитной архимандриту выдали 82 рубля с полтиной, о чем свидетельствует помета и указ о выдаче жалования. Деньги были переданы с переводчиком Борисом Богомольцевым в конце декабря 1629 г. — начале января 1630 г.

Еще один документ — это записка о вещах монаха Митрофана (там же. 1631 г. № 5. Л. 38), который приехал с архимандритами Кириллом и Григорием в 1625 г., и по просьбе иерусалимского патриарха Феофана вскоре был сослан в Соловецкий монастырь, откуда был освобожден по просьбе константинопольского патриарха Кирилла в 1630 г., взят в Москве и отправлен через Англию в Константинополь 17 мая 1631 г. Записка скорее всего относится к делу о приезде монаха Митрофана, где имеется перевод-пересказ этого документа (там же. 1626 г. № 2. Л. 21). По всей вероятности, ее мог написать архимандрит Кирилл. Одной из причин, по которой записка могла попасть в другое дело — учет имущества Митрофана перед отъездом из России.

Существует также документ, датировать которой пока не представляется возможным: он попал в дело, в котором он находится, совершенно случайно (там же. 1628 г. № 1. Л. 25). В самом деле находятся исключительно документы о приезде в Россию митрополита Неофита из Успенского монастыря города Корцы с архимандритом Мелетием и греченина Селунской области города Костория Георгия, которые приехали ради милостыни. Рассматриваемый же документ написан от лица Панагиота из Константинопольского района Кондоскали, у которого турки отобрали 5 тысяч флоринов и захотели отуречить. Осталось (заплатить?) еще 540 (флоринов?), пока дети в заложниках. Панагиот просит о помощи, делая приписку после челобитной, что ему дают по 2 копейки (поденного корма?). Причина того, что документ оказался не на своем месте может состоять в следующем: на следующем листе дела идет этот же документ, переписанный рукой 19 века. Очевидно, документ послужил для тренировки при изучении греческого языка или палеографии. Показательно, что некоторые буквы «переписчику» остались непонятны: встречаются ошибки, а в сомнительных случаях — многоточие под буквой и вариант буквы над строкой.

Не вызывает вопросов лишь греческий документ, представляющий собой целое дело (там же. 1635 г. № 3). Это расписка архимандрита Игнатия из Ватопедского монастыря в получении от послов Ивана Коробьина и Сергея Матвеева царской милостыни в размере 80 золотых в виде мягкой рухляди (3 сорока соболей), написанная собственноручно получателем жалованья, с печатью монастыря, подписью архимандрита и датой. Недостаёт лишь русского перевода расписки, который может быть обнаружен в делах посольства.

О.В. Окунева
доктор ун-та Париж-Сорбонна,
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Возвращаясь к напечатанному, или Новая интерпретация изображения Бразилии на карте Атлантического океана Пьера де Во (1613 г.)

В докладе будет представлена новая гипотеза, связанная с изображением Бразилии на карте Атлантического океана Пьера де Во (1613 г.). Общая характеристика этой весьма примечательной рукописной карты нормандского картографа, насыщенной значимыми символами — частновладельческими и государственными гербами, надписями крупным шрифтом, позолотой и яркими цветовыми пятнами,

жанровыми сценами внутри контура континента, — была мною дана на XXXII международной научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» в 2019 г. (Окунева О.В. Географическая карта как способ заявить о своих притязаниях: карта Атлантического океана Пьера де Во и изображение Южной Америки (1613 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. М., 2019. С. 306–307). Тогда же при рассмотрении составных элементов карты обращалось внимание на странный анахронизм: картограф из Нормандии — французской провинции, традиционно связанной с трансатлантическими экспедициями, — разместил на видном месте внутри контура Бразилии надпись крупным шрифтом «Антарктическая Франция», отсылающую к названию первой французской колонии в Южной Америке, «забыв» при этом, что она уже почти полвека как перестала существовать и, тем самым, не имеет оснований для указания на карте. При этом надпись визуально связана с изображением французского герба, который своей нижней частью «вмонтирован» в нее и составляет с ней единый блок. Картограф «ошибся» не только со временем существования, но и с местом расположения «Антарктической Франции»: положение надписи внутри контура Бразилии не соответствует исторически засвидетельствованному месту основания колонии.

В докладе 2019 г. рассматривались возможные причины такой «забывчивости» и делался вывод о ее преднамеренном характере, так как несколькими десятилетиями раньше брат картографа, Жак де Во де Клэ, создал рукописную топографическую карту отдельного участка бразильского побережья, где сведения об «Антарктической Франции» уже приводились в прошедшем времени. Сейчас вывод о преднамеренности анахронизма П. де Во подтверждается новыми находками, но уже в рамках внутренней критики источника.

Поскольку карта 1613 г. не сопровождается никаким текстовым комментарием, проясняющим позицию автора, о мотивах его «картографического высказывания» остается только строить предположения. Новая гипотеза связана с анализом уже не надписей, но изображений внутри контура Бразилии. В ходе работы с картой был выявлен источник заимствований для трех жанровых сцен из жизни индейцев (стрельба из лука, отдых в гамаке, перенос на плечах ствола дерева *пау бразил*): им оказалась «Фигура бразильцев» — гравюра, сопровождавшая описание торжественного въезда французского короля Генриха II в Руан в 1550 г. (в ходе церемонии королю был показан так называемый «бразильский спектакль» с участием

настоящих индейцев). В 1550 г. речь шла о демонстрации успехов нормандцев в деле установления дружеских и торговых связей с коренными жителями атлантического побережья Бразилии: считается, что «бразильский спектакль» вдохновил Генриха II и повлиял на его решение пятью годами позже поддержать основание французской колонии в Бразилии (той самой «Антарктической Франции»). Однако воспроизведение элементов гравюры 1550 г. более чем полвека спустя на карте 1613 г. в изменившихся политических условиях подчёркивает намеренное обращение картографа к истории первой французской колонии в Бразилии и по совокупности признаков переводит его высказывание в регистр «воображаемой картографии» или изображения желаемой (но не существующей в реальности) действительности.

В докладе будет поставлен вопрос о совмещении двух планов — воображаемого / желаемого и реального — в рамках одной карты. Будет также проведено сопоставление карты П. де Во с малоизвестными произведениями его нормандских современников.

Д.М. Омельченко
к.и.н., СПбИИ РАН

Signum regis и хризмон в грамоте Альфонсо VII (из коллекции Н.П. Лихачёва) как элементы визуального оформления власти «императора всей Испании»

В Западноевропейской секции научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН. ЗЕС. Колл. 13. Карт. 290, № 7) хранится дарственная грамота короля Леона и Кастилии Альфонсо VII (1126–1157). Она дана в Бургосе в апреле 1137 г. (1175 г. Испанской эры). В ней король и его супруга Беренгария утверждают наследственное право на местность Вальдерама за своим майордомом Гутьерро Фернандесом, Петром Гонсалесом и их жёнами.

Альфонсо VII был первым королём Леона и Кастилии из Бургундской династии. В ходе ряда успешных походов он при поддержке части дворянства завладел довольно обширными территориями до р. Эбро. Это позволило ему заявить о своих претензиях на титул главы единого христианского государства на Иберийском полуострове и предводителя Реконкисты. В мае 1135 г. он короновался в соборе Леона как «император всей Испании» («Imperator totius Hispaniae»), хотя реальных рычагов управления обширными территориями у него не было.

Ещё до коронации Альфонсо начал упорядочивать систему государственного управления. Одним из результатов стало учреждение в 1128 г. должности канцлера, которому подчинялись нотариусы. В 1135 г. Альфонсо пригласил из Франции нотариусов Хиральда (Girald) и Уго (Hugo). Именно с ними исследователи связывают унификацию делопроизводства и окончательный переход к каролингскому минускулу в королевской канцелярии (*Galende Díaz J.C. Diplomática real medieval castellano-leonesa: cartas abiertas*. P. 51–69. URL: 446-2013-08-22-4 dipl real.pdf — Яндекс.Документы (yandex.ru). Дата обращения — 14.01.2023). Имена нотариуса Хиральда и канцлера Уго фигурируют в конце рассматриваемой дарственной грамоты.

Документы канцелярии Альфонсо VII, относящиеся к разным периодам его правления, являют любопытный пример поиска способов выражения визуальной идентичности правителя (*Calleja Puerta M. La Impaginatio en los documentos de Alfonso VII, expresión simbólica del poder real // Impaginatio en las inscripciones medievales / Coord. por E. Martín López, V. García Lobo*. 2012. P. 133–154). В какой-то степени этой задаче отвечала символическая инвокация. В левом верхнем углу текст рассматриваемой грамоты предваряет монограмма Христа (хризмон). Она состоит из букв XPTS, а также A и ω, подвешенных к верхним концам буквы X. Тильда находится под овалом буквы P. Хризмон, в соответствии с распространённой в канцелярии Альфонсо VII практикой, вписан в прямоугольник и интегрирован в текст, сдвинув его первые три строки на 3 см вправо.

Самые динамичные изменения претерпевал во времена Альфонсо VII *signum regis* — знак короля, который и до этого использовался в кастильско-леонских королевских документах (*Lucas Álvarez. El reino de León en la Alta Edad Media, V. Las cancellerías reales (1109–1230)*. León, 1993. P. 110; *Martín Fuertes J.A. El signum regis en el reino de León (1157–1239): notas sobre su simbolismo // Graphische Symbole im mittelalterlichen Urkunden. Beiträge zur diplomatischen Semiotik / Ed. P. Rück, Sigmaringen J. Thorbecke*, 1996. P. 463–478). Он располагался под основным текстом, в окружении колонок списка свидетелей, сбоку или под ними и не всегда чётко по центру. После коронации 1135 г. в *signum regis* появился латинский крест, что означало превращение знака из личной идентификации в территориальную. В данном случае мы имеем дело с ранней версией императорского знака. Подпись императора представляет собой разделённый на три части горизонтальный прямоугольник с латинским крестом в средней секции. Знак располагается между третьей и четвёртой колонками списка свидетелей. В боковые секции вписаны слова «*Signum*» и «*imperatoris*», по сторонам четырёхугольника располагаются два разнонаправленных

завитка. Императору необходимо было нарисовать крест или (скорее всего) поставить 4 точки вокруг перекрестья.

Знак, отсылающий к личному присутствию короля при составлении документа, в данной дарственной грамоте пока ещё не слишком велик по отношению к объёму текста. Однако в последующие годы правления Альфонсо VII *signum regis* станет выступать в качестве организующего элемента текста документа и, постоянно видоизменяясь, будет увеличиваться в размерах.

Т.А. Опарина
к.и.н., проф. РАЖВиЗ Ильи Глазунова,
с.н.с. ИРИ РАН

«Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе

Смоленская война активизировала миграцию «греков» в Россию. Для достижения своей цели подданные султана зачастую использовали как наиболее безопасный способ, присоединения к русским посольствам. Уже на завершающем этапе войны к Ивану Гавриловичу Коробьину и Сергею Матвееву (1634–1635) (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. № 1) обратилось с просьбой о помощи добраться до Москвы трое «гречан»: Аргир Захарьев, Михаил Поликострицкий и Иван Петров (Дмитриев) (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634. № 5. Ч. 1. Л. 161). Осуществлять контакты с членами миссии на греческом языке они могли при постредничестве переводчика Мануила Матвеева Филаденского (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. № 1. Л. 90, 92, 95, 98. *Опарина Т.А.* Мануил Филаденский в Нижегородском Печерском монастыре (К вопросу о социальном статусе иммигрантов в России) // Вестник церковной истории. Выпуск 1–2 (29–30). 2013. С. 198), а на турецком — толмачей Федота Ельчина (*Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. 1645–1682. М., 2017. С. 300) и Алмакая Иванова Альшева (*Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Рукопись диссертации на соискания ученой степени кандидата исторических наук. 07.00.02. ИРИ РАН. Брянск. 2007. С. 444).

При возвращении на родину дипломаты 13 сентября 1635 г. доехали до первого русского города — Воронежа. Иван Гаврилович Коробьин и Сергей Матвеев попросили воеводу Максима Семеновича Языкова предоставить «гречанам» отдельные подводы, а также выплатить средства на пропитание (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634. № 5. Ч. 1. Л. 161). Но глава администрации города не смог первоначально обеспечить иммигрантов транспортными средствами, составившись на

их отсутствие на тот момент. Потребовалось вмешательство руководства Посольского приказа и его отдельное распоряжение (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634. № 5. Ч. 1. Л. 172, 173). После этого «гречане» получили возможность отправиться в Москву (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1634. № 5. Ч. 1. Л. 174).

Прибыв с дипломатами в столицу, иммигранты в Посольском приказе дали показания о происхождении и мотивах миграции: «Аргир Захарьев сказал: отец его был у турецкого в Будумском городе воевода; и как де отца его не стало, и его хотели обусурманить; и не хотя де он отбыть христианской веры, выехал на государево имя» (Русская историческая библиотека Т. 8. № 10, XXXII, С. 205–233). Начался процесс принятия русского подданства. За «выезд» Аргир Захарьев был вознагражден камкой, сукном и 7 рублями (Русская историческая библиотека Т. 8. № 10, XXXII, С. 205–233). Видимо, были выявлены и отступления от веры. «Греченина» возвратили в православие через миропомазание или же повторное крещение (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 101, Л. 531, 537). Затем его вновь направили в Польском приказе, где произошло верстание. Аргиру Захарьеву назначили поместно-денежный оклад в 250 чети и 12 рублей (Русская историческая библиотека Т. 8. № 10, XXXII, С. 205–233), поденный корм по 2 алтына на день, что явно не соответствовало статусу сына воеводы.

После оформления русского подданства Аргира Захарьева определили в службу в Иноземском приказе, где к этому времени уже существовала особая «греческая» рота. 25 мая 1636 г. он фиксируется в числе прочих «греческих» иммигрантов, прибывших с несколькими посольствами (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 136). Аргир Захарьев в том же году был направлен на Тулу (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 136). Видимо, он исправно выполнял все свои обязанности, в результате чего поместный оклад ему был повышен до 300 чети (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 17–17 об.; Оп. 6. Кн. 50. Л. 56). На военном смотре в 1641 г. Аргир Захарьев предстал «на коне с саблею в саадаке да с пистолью» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 374) и вновь был отправлен на Тулу (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139. Л. 423).

В 1642 г. Аргир Захарьев, как и большинство его сослуживцев, оказался втянут в конфликт двух кланов «греческого» сообщества: Альбертусов-Далмацких и Алибеевых-Макидонских (*Опарина Т.А.* Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича

Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176). В числе кормовых «гречан» он стал жертвой давления своего ротмистра. Юрий Трапезундский, оставая интересы Альбертусов-Далмацких, требовал от подчиненных подписаться под коллективной челобитной. Как он объяснял, это была поручная запись в защиту Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Но вскоре выяснилось, что документ стал изветом против Алибеевых-Макидонских. Стремясь откреститься от обвинений в его подготовке, «гречане» подавали явочные челобитные. Аргир Захарьев не смог самостоятельно составить собственное прошение. Он присоединился к группе рядовых военных «греческой» роты, очевидно, являвшихся также его соседями. В челобитной утверждалось, что ротмистр «пришел с бумагою», наиболее вероятно, в Греческую слободу, угрожая в случае отказа лишением денежных выплат (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 97). По словам авторов челобитной, Юрий Трапезундский вынудил их подписаться под чистыми листами, они же ничего ранее не знали о биографии Алибеевых-Макидонских.

Челобитная показывает, что Аргир Захарьев был неграмотным. За него на извете подписался Михаил Поликострицкий, приехавший с ним в одно посольство; при подаче следующей челобитной — Остафий Власий; а во время судебного процесса — Николай Дмитриев (Селунский?) и Константин Ангирский. После подачи челобитной, Аргир Захарьев был вызван на очную ставку с авторами извета, продолжая настаивать на своей невиновности. В конечном счете, он и его сослуживцы были оправданы, продолжив службу в Иноземском приказе (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1054. Л. 52). Последнее упоминание об Аргире Захареве относится к сведениям о направлении на Тульскую службу в 1646 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 204. Л. 69). Далее его имя пропадает из источников Иноземского приказа.

*И.А. Орецкая
к.и., с.н.с., ГИИ*

Греческие иллюстрированные рукописи конца XIII века и палеологовский ренессанс

Говоря о палеологовском ренессансе, мы чаще всего вспоминаем мозаики первой четверти XIV в. в монастыре Хора и церкви Богоматери Паммакарistos; о рукописях конца XIII — начала XIV в. обычно почти не говорят в этом контексте. Значительное место среди великолепно украшенных кодексов конца XIII в. занимают рукописи, связанные с Феодорой Рауленой Палеологиной. В посвященной этой

группе манускриптов монографии Х. Бельтинг и Х. Бухталь отметили, что для миниатюр некоторых из них были взяты за образец изображения евангелистов из знаменитого Четвероевангелия, хранящегося в монастыре Ставроникиты на Афоне (cod. 43) (*Buchthal H. and Belting H. Patronage in thirteenth-century Constantinople* (Dumbarton Oaks Studies, 16). Washington D.C., 1978. P. 102). Эта рукопись, как, вероятно, и другие, не дошедшие до нас, послужившие моделями для миниатюристов конца XIII в., были написаны и украшены миниатюрами в императорском скриптории в Константинополе в эпоху македонского ренессанса. Известны и другие случаи использования в качестве образцов изображений из манускриптов, созданных около середины X в., например, Парижской псалтири — в рукописи из монастыря св. Екатерины на Синае (cod. 38), свитка Иисуса Навина — в нескольких миниатюрах Октатевха из монастыря Ватопед (cod. 602). Подобно тому, как в эпоху македонского ренессанса художники, очевидно, обращались далеко не всегда к памятникам эпохи античности и раннего христианства, а, скорее всего, по большей части к произведениям времени императора Юстиниана, в конце XIII в. мастера выбирали для подражания образы из далекого и славного прошлого, каковым они, вероятно, воспринимали тоже совсем не эпоху античности, а период правления Льва Мудрого и Константина Багрянородного (в отличие, например, от мозаичистов, работавших в монастыре Хора, в творчестве которых влияние античного искусства ощущается гораздо сильнее). При этом писцы подражали не своим далеким предшественникам, жившим в X в., а тем, кто работал в XI — начале XII в. и писал «жемчужным письмом». Таким образом, писцы и художники, работая рядом, в стенах одного скриптория, воспринимали как наиболее совершенные и достойные подражания рукописи разного времени: художники — изображения первой половины X в., выполненные на основе классических художественных канонов; писцы — почерка второй половины XI — начала XII в., периода высочайшего расцвета книжной культуры в Византии.

А.Д. Паскаль
к.и.н., в.н.с. РГБ

Неизвестная редакция Сказания о Феодоре Сантаварине в славяно-молдавском Сборнике 1616 г. (Овч. 793)

В составе славянского рукописного Сборника слов и житий 1616 г. молдавского происхождения (РГБ, Ф. 209. № 793) (далее — Овч. 793) на л. 278 об.–279 об. находится короткий текст

(далее — Сказание), рассказывающий о Феодоре Сантаварине (Santabarenos, Sandabarenos, Θεόδωρος Σανταβαρηνός) (? — между 913 и 920 гг.), который был одним из приближенных патриарха Фотия (858–867; 877–886), игуменом Студийского монастыря, а в 80-х гг. IX в. был архиепископом Евхаетским: *Ѡ ѡтѡпиѡца. Вѡ днѣхъ Василѣа иже ѡ Македонѣхъ цѣрѣствовавшаго. вѡ нѣкъи инѡкъ именовемъ Демѡръ порекломъ Сандаваринѡмъ, новѣи Аманъ, многѣ прѣлѣцаа и прѣлѣцѣаемъ. тако бѣгоговѣина оубо и твораца чюдеса и прозрителѣно имаца, Фѡтѣе патрѣархѣ сего цѣрѣви ходатаиствоуеъ и гавлена творить. цѣрѣ же оубо гдѣ себѣ видѣвъ имѣше и вѡ чѣсти многѣ, инѡкъ же желанѣемъ его належаше. печалѣжѣ же цѣрѣю за оумершаго своего сѣа Кѡнстантина любве ради жѣке кѡзъ немѣ имѣше. прѣлѣцааше того инѡкъ и ѡбѣщѣаа показати его живѣа, еже и сѣтвори. вѡ мѣстѣ бѡ нѣкъомъ мимо ходацѣ цѣрѣю, мѣчтанѣе срѣте гадѣаце. златотканножѣ ѡдеждежѣ вѡ видѣни сѣа его Кѡнстантина. цѣрѣ же, и очима видѣвъ его, и ѡбъемѣ его и цѣлоба. и бывшѣ безѣ вѣсти томѣ Кѡнстантинѣ. цѣрѣ видѣти его нецѣвѣааше пакы, и тако не прѣлѣстѣа е. тѣмъ же и обитѣль сѣзда тамѣ, именѡва стѣго Кѡнстантина.*

В славянской книжности этот сюжет, связанный с Феодором, как волхве и маге, сумевшем показать византийскому императору Василию I его умершего сына — Константина, как живого человека, которого император даже смог обнять и поцеловать, достаточно хорошо известен и помещен в целом ряде исторических хроник. Заголовок киноварью *Ѡ ѡтѡпиѡца* найденного Сказания Овч. 793 на первый взгляд предполагает в качестве возможного источника какую-то летопись или хронограф, откуда был взят этот текст.

Среди возможных вариантов такой хроники, с которой мог бы быть знаком молдавский книжник — Хроника Константина Манассии, Хроника Георгия Амартола, Хроника Симеона Логофета, и один из славянских источников румынского Хронографа Моксы (этот же сюжет о Сантаварине, помещенный с иллюстрациями в Летописном своде «Лицевой хронограф», 60–70-е гг. XVI в. (РНБ. F.IV.151. Л. 1038 об.–1039) здесь не рассматривается). Однако тексты, помещенные в указанных хрониках, отличаются от Сказания из Овч. 793 не только тем, что сюжет о видении Василию I его умершего сына «встроен» в последовательную канву повествования и не выделен отдельно, но и как подробностями этого сюжета, так и композиционным его построением.

Обращение же к поздней румынской версии жития св. Феофании императрицы (память 16 декабря), в которой также присутствует подобный сюжет о Сантаварине, показывает, что вероятно источником для нее послужили Четьи минеи Дмитрия Ростовского, а никак не Сказание из Овч. 793.

Как оказалось, аналогичный текст Сказания присутствует в качестве самостоятельного произведения в составе одного из русских списков сборника постоянного состава, так называемого «Просветитель» (Лончакова Г.А. Сборники с посланием о земном рае Новгородского архиепископа Василия Калики: к проблеме прочтения памятника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 8. С. 47–48) на л. 526 из собрания Е. Е. Егорова № 66 (далее — Егор. 66). Это Сборник втор. четв. XVII в. (Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 1: № 1–100. М., 2017. С. 82).

Текст, помещенный в этом сборнике, также выделен как отдельное произведение с собственным киноварным заголовком и практически полностью, не считая отчасти русифицированной орфографии, совпадает с найденным нами: *Ѡ ѡтѡписца. Во днеѡ Васиѡна иже ѡ Македонїа црѣтѡвавашаго вѣ нѣкїи инокъ многи прѣѡцаа и прѣѡцгае^м. ѡко бѡгоговїина оубо и тѡраца чюдеса и прозрителное имѡца, Фотїе патрїархъ црѣви сего ходатаїствова явлена сотвори, црѣ же оубо^ана се видѣвѣз имѡвша в чести велицѣи, инокъ же кѣ желанїе^м его належаше. печалѡбюцѣ * црѣо за оумершаго своего сѣа Констанѡтина любуе радї ѡ^ж кѣ немѡ имаше. прѣѡцаше того инокъ і ѡвѣцаше показати его жива, еже и сотвори. в мѣстѣ во нѣкое^м мїмо ходацѣ црѣо, мечтанїе сретѣ ѡздаца. златописанною одѣано одеждою в видѣнїи сѣа его Констанѡтина. црѣ же і очїма его видѣ і ѡвѣемѣ его цѣлова, и вывшѣ вѣ^з вѣсти томѣ Констанѡтинѣ. црѣ же видѣти его мнаше пакї. і ѡко не прѣстїнса есть. тѣ^м же і црѣкѡвѣ сзѣа тѣ, именовѣ тѣ стїго Ко^нста^нтина.*

Принципиальное отличие Сказания из Егор. 66 от Сказания из Овч. 793 — это отсутствие имени Сантаварина: именем *Θεω^νρ*ь порекломь Сандаваринѡвсь, новїи Амань. Очевидно, это что опущенное в Егор. 66 указанное сравнение Сантаварина с библейским негативным персонажем Аманом, царедворцем персидского царя Артаксеркса (Есф.1, 3–10), должно было подчеркнуть его роль, как злодея в истории византийского двора, и позволяет отнести составителя редакции Сказания из Овч. 793 к противникам Сантаварина (возможно, из окружения будущего императора Льва VI Мудрого).

К сожалению, в других известных нам русских списках «Просветителя», включая не указанные еще в библиографии список втор. четв. XVII в. (РГБ. Ф. 247. № 564) и список XVII в. (РГБ. Ф. 98. № 761), количество глав меньше, чем в Егор. 66 (содержит 123 главы), поэтому повесть о Сантаварине, помещенная в Егор. 66 в главе 122, отсутствует во всех остальных известных нам списках «Просветителя».

Вероятно, в будущем могут быть найдены и другие списки редакции Сказания, аналогичные Овч. 793, который, как и Егор. 66, судя по всему, имели какой-то общий южнославянский протограф,

восходящий к греческой византийской исторической традиции, которые позволят более детально прояснить текстологическую историю Сказания. Отметим лишь, что как в Овч. 793, так и в Егор. 66 тематически Сказание помещено в окружении статей, посвященных лже-пророкам, волхвам и чародеям.

Н.И. Петров
к.и.н., доц., гл.н.с. научного отдела
Санкт-Петербургской Духовной Академии

Император Павел I и петербургский культ св. Павла Константинопольского

Существование синкретической практики почитания всех своих святых тезок князьями домонгольской Руси было убедительно показано А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским. Однако остаётся неясным, насколько длительным было дальнейшее существование подобной традиции. Представляется, что в качестве образца спорадического её бытования в Российской империи можно рассматривать локальный петербургский культ св. Павла Константинопольского (Исповедника), архиепископа, жившего в IV в.

Формирование данного культа было обусловлено восшествием Павла I на престол в день памяти святого (6 ноября 1796 г.) и актуализировано тезоимённостью императора этому святителю. Св. Павлу Константинопольскому был посвящён домовый храм Морского кадетского корпуса, освящённый 15 марта 1797 г. Протоиерей Капитон Белявский, описывая его иконостас и подчеркивая, что он «со всеми его украшениями и Св. иконами... и до сих пор остался тот же, что был 100 лет тому назад», так характеризует храмовый образ этого святого: «на груди... на золотой цепочке, изображен привешенный, по преданию, по желанию самого Императора, небольшой орденский знак Св. Анны... сверху — надпись: “Архиепископ Павел”, а внизу — подпись: “День всерадостного восшествия на престол Его Императорского Величества, 6-го Ноября, 1796 года”» (*Протоиерей К. Белявский. Очерк Истории Церкви Морского Кадетского Корпуса. СПб., 1900. С. 72–75, 79*). Столь необычная деталь данной иконы — орден св. Анны, изображенный поверх омофора святителя — самой своей странностью подтверждает предание о желании самого Павла I «наградить» подобным образом св. Павла Константинопольского.

Именно в павловское царствование получило распространение награждение духовных лиц императорскими орденами (в день коронации, 5 апреля 1797 г. Павел I наградил орденом св. Анны «первого

класса» трех епископов — Никифора (Феотоки), Виктора (Ониси-мова), Афанасия (Иванова)). При этом следует обратить внимание на многочисленные свидетельства сопряженности орденов — именно как предметов, артефактов — с областью сакрального в русском обществе первого столетия синодальной эпохи; ордена и медали неоднократно упоминаются в качестве votivных привесок к почитаемым иконам в текстах XIX в.

Детально прояснить обстоятельства появления изображения ордена св. Анны на рассматриваемой иконе не представляется возможным. Думается, однако, что в целом речь должна идти о некоем «изломе» сакрального и игрового дискурсов павловского времени, порождавшем в ту пору столь странные явления (например, коронавание эксгумированных останков Петра III), что на их фоне приведенные выше сведения не выглядят чем-то из ряда вон выходящим. Не исключено, что этот инициированный Павлом I иконографический эпатаж следует поставить в связь с известным неприятием митрополитом Платоном (Левшиным) награждением его орденом св. ап. Андрея Первозванного. Возможно, в качестве отражения схожего круга представлений надо рассматривать появление на посмертном портрете С.Н. Марина (О.А. Кипренский, 1819 г.) изображения ордена св. Владимира, который тот так и не получил при жизни. Обстоятельства, побудившие портретиста совершить подобную вольность, неясны, однако, так или иначе, оказывается, что практика изображения орденов на портретах в России начала XIX в. вполне могла выходить за пределы рутинного следования действительности.

Петербургский культ св. Павла Константинопольского пережили императора Павла I. Обращение к комплекту документов 1857–1858 гг. (РГИА. Ф. 472. Оп. 35. Внутр. оп. 145/982. Д. 51), связанных с устройством второй церкви в Михайловском замке (в спальне императора, где он был убит), показывает, что общеизвестному посвящению данного храма свв. апп. Петру и Павлу предшествовало намерение посвятить его св. Павлу Константинопольскому (Исповеднику) (Л. 5, 7, 8). Посвящение же этого храма свв. апп. Петру и Павлу обнаруживается лишь в заглавии отчёта от 11 января 1858 г. «по постройке церкви во имя Святых Апостолов Петра и Павла, для кондукторов Николаевского Инженерного училища, и к ней Ротонды» (Л. 11). Любопытно, что непосредственно в наличествующем в данном отчёте разделе «Живописные работы» образ «Св. Павла исповедника» упоминается (сразу же вслед за образом св. ап. Петра), а образ св. ап. Павла — нет (Л. 14–14 об.). И лишь в дополнительном перечне расходов (Л. 17–17 об.), перечисляемых уже после первого указания итога (Л. 16 об.), отмечен расход «за образ Св. Апостола Павла».

Актуализация культа св. Павла Константинопольского в XIX в. могла быть связана с одной деталью, отмеченной в описаниях убийства Павла I — удушением монарха офицерским шарфом. Дело в том, что описание обстоятельств убийства св. Павла Константинопольского в его житии содержит схожую подробность: «...Блаженный Павел на заточение в Кукусы арменския послан, и в храмине затворен бысть, иде же единою служащу ему Божественную литургию, нападоша на него ариане, и оудавиша его омофором его, и тако предаде душу свою Господу» (*Свт. Димитрий Ростовский. Книга житий святых на три месяца первыя, еже есть: Септемврий, Октоврий, и Ноемврий. Киев, 1764. Л. 315 об.*). Возможно, в омофоре св. Павла Константинопольского, ставшем орудием его убийства, был по прошествии времени усмотрен некий прообраз того шарфа, которым был задушен Павел I. Впрочем, мемуаристы по-разному указывают принадлежность последнего и характеризуют его и как «висевший над кроватью собственный шарф императора» (Н.А. Саблуков), и как шарф одного из участников цареубийства (А.Н. Вельяминов-Зернов). Эта разноречивость позволяет задаться вопросом: не являются ли сами по себе данные упоминания шарфа всего лишь своего рода «откликом» на повествование об удушении св. Павла Константинопольского?

М.С. Петрова
д.и.н., доц. по спец. «всеобщая история»,
гл.н.с. ИВИ РАН

Артефакт как просопографическое свидетельство частной жизни

В докладе обсуждается возможность привлечения и использования сведений просопографического характера (в данном случае — артефактов) с целью реконструкции отдельных эпизодов из жизни Эйнхарда (ок. 770 г. — 14 марта 840 г.), а также его личных качеств — трудолюбия, различных умений, приверженности искусству, склонности к коллекционированию. Анализируются прозвища Эйнхарда, в числе которых «Веселеил», указывающее на уподобление Эйнхарда библейскому Веселеилу — мудрому строителю Скинии, искусному в работе по металлу, обработке дерева и огранке камня (Исх 31:2–5; 35:30; 38:22). Учитываются подобные свидетельства о причастности Эйнхарда к искусствам, его репутации умельца, имеющиеся у Алкуина (Alc. Ep. 101. Ad domn. reg. [a. 800] // PL 100, 315A), Валафрида Страба (Strab. Vers. in Aquisgr... De Einh. vv. 1–3 // PL 114, 1094D),

Рабана Мавра (Rab. Maur. Epit. vv. 13–14 // PL 112, 1669BC). Выявляются артефакты, которые могут быть связаны с именем Эйнхарда: 1) архитектурные сооружения, к которым Эйнхард мог иметь непосредственное отношение (Einh. Translat. I, 1); 2) сохранившаяся часть миниатюрной триумфальной арки из серебра, украшенная резьбой (Henderson 1994, 261; Dutton 1998, IV, 63–68); 3) дошедшие до наших дней предметы прикладного искусства (литье на дверях базилики Ахена, декоративные металлические решетки на окнах) (Henderson 1994, 261; Lasko 1972, 23–24). Рассматриваются материальные объекты и предметы рукотворного творчества, которые могут быть приписаны Эйнхарду с большей уверенностью. Отмечается склонность Эйнхарда к собиранию латинских рукописей (Serv. Lup. 5 Ep. II: Ad eumdem // PL 119, 436B; Idem. 1 Ep. Prima: Ad Eginh. // PL 119, 431D — 436A). В заключение, с учетом просопографического материала, реконструируются личные качества Эйнхарда и его поведенческие мотивы.

*С.А. Пешехонов
магистрант РГГУ*

Тенденции советской топонимии архипелага Земля Франца-Иосифа

Земля Франца-Иосифа — архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане, самая северная территория Российской Федерации. Архипелаг состоит из более чем 200 островов, общей площадью более 16000 квадратных километров. С момента открытия, которое произошло 30 августа 1873 г. австро-венгерской экспедицией под руководством Карла Вейпрехта и Юлиуса Пайера, и до включения его в 1926 г. в состав Советского Союза, острова не принадлежали ни одной стране, а изучением, и соответственно наименованием данной территории занимались в основном иностранные исследователи.

К моменту присоединения к СССР на архипелаге имелось большое количество наименований, данных предшествующими иностранными экспедициями и посвящённых монархам и членам их семей (императору Францу-Иосифу и кронпринцу Рудольфу; английскому королю Георгу V; королеве Александре, супруге Эдуарда VII и др.), западным политическим и военным деятелям (военному министру США Расселу Эджеру, британскому политическому деятелю Джону Диллону, английскому премьер-министру Роберту Артуру Солсбери и др.), учёным (австрийцам барону Вюллерсторфу-Урбаиру, барону

Каэтану Фельдери, американцам Генри Притчетту, Генри Уолшу, норвежцу Микаэлю Сарсу и многим другим).

В связи с этим большой интерес вызывает топонимическая традиция, сложившаяся с приходом советских исследователей. Например, на Земле Императора Николая II (ныне Северная Земля) наперекор дореволюционным топонимам появилось большое количество названий, отражающих новый, коммунистический курс страны.

Советский период освоения архипелага Земля Франца-Иосифа можно разделить на два этапа:

– довоенный — начало освоения территории Советским Союзом, борьба с норвежскими притязаниями, при этом многие проекты на архипелаге (появление метеостанций, полярных и дрейфующих станций, аэродромов) осуществлялись впервые, а уровень изученности и доступности был довольно низок.

– послевоенный этап — Советский Союз окончательно закрепился в Арктике, исследования становятся масштабнее, а доступность региона повышается.

В течение первого этапа появилось 20 новых топонимов, при этом наименований коммунистическо-пропагандистской направленности всего четыре: ледник Кирова, острова Комсомольские, Луначарского, Октябрята. 11 посвящены учёным и полярным исследователям, в том числе двум иностранцам: итальянскому учёному Густаву Понтремоли, погибшему в 1928 г. при катастрофе дирижабля «Италия» недалеко от архипелага, и Бернту Бентсену, матросу американской экспедиции У. Уэлмана, погибшему на Земле Франца-Иосифа.

На втором этапе из 133-х выявленных новых топонимов основная масса — 110 — относится к учёным и полярным исследователям, в том числе трём иностранным: это названия в честь шведского полярника и воздухоплователя Соломона Андрэ, погибшего в 1897 году при попытке достичь Северного Полюса на аэростате, французского географа Шарля Рабо, работавшего вместе с советским географом и полярным исследователем П.В. Виттенбургом над книгой «Полярные страны 1914–1924» и итальянского полярника Умберто Каньи, достигшего рекордной на 1900 год широты 86°34'. Вторая по численности (12 топонимов) категория названий относится к полярным судам, причём как современным для наименователей («Красин», «Гидросевер» и др.), так и уже легендарным (нансеновский «Фрам», «Святой Фока» Георгия Седова и др.). К патриотическим советским топонимам этого периода можно отнести разве что мыс Чкалова.

Также выделяется группа названий, относящихся к трём пропавшим экспедициям 1913 года — трагическая судьба капитана одной и гибель практически всех участников двух других была хорошо известна советским полярникам. На картах присутствуют имена всех трёх руководителей этих экспедиций: Г.Л. Брусилова, Г.Я. Седова и В.А. Русанова, а также шести участников тех плаваний: В.И. Альбанова — штурмана со «Святой Анны» экспедиции Брусилова; А.Э. Конрада — матроса той же экспедиции, вместе с Альбановым достигшего Земли Франца-Иосифа; В. Губанова — машиниста со «Святой Анны»; Е.А. Жданко — женщины-врача экспедиции; О. Нильсена — ещё одного спутника Брусилова; И.А. Зандера — механика «Святого Фоки» экспедиции Седова; А.С. Кучина — капитана «Геркулеса» экспедиции Русанова. Также один топоним посвящён кораблю экспедиции Седова — «Святому Фоке».

Стоит отметить сравнительно небольшое количество переименований ранее названных объектов. В 1930-х гг. это залив Чемберлена, названный Ф. Джексонем в честь английского политического деятеля Джозефа Чемберлена (1836–1914) и переименованный в залив Географов, и острова Хейса (в честь американского полярника А.И. Хейса), переименованные в Комсомольские. В 1950–1960-х гг. это остров Нила, переименованный в остров Леваневского, мыс Песчаный, переименованный в мыс Семерых, фьорд Норденшёльда, переименованный в бухту Суrowая, и бухта Черепкова, ставшая бухтой Ширшова. При этом эти переименования практически не имеют политического подтекста, а связаны чаще всего либо с не прижившимися названиями, либо с уточнением карт.

Таким образом, для топонимии Земли Франца-Иосифа в большей степени характерны названия, связанные с полярными исследователями и учёными. Они составляют примерно 82,7% от общего количества топонимов в послевоенный период и 55% в довоенный. При этом в данном регионе, в отличие от Северной Земли, не наблюдалось ни бума переименований, ни проявления антимонархической (или антизападной) тенденции, выраженной, например, в переименованиях, отражающих пропагандистские тенденции советской идеологии. Всё это говорит о том, что советские полярники высоко ценили труды своих предшественников, что выражалось, с одной стороны, в увековечивании памяти отечественных исследователей, а, с другой, в случае иностранцев в практически полном отсутствии переименований (если советское правительство было готово терпеть на карте Арктики столь нехарактерные для страны названия, инициатив снизу не появлялось).

Д.Г. Полонский
к.и.н., н.с. Института славяноведения РАН
Е. Славкович
библиотекарь Библиотеки Сербской Патриархии,
докторант Белградского университета

«Слова крестные» в новонайденном сербском рукописном Четвероевангелии 1548 г.

В октябре 2022 г. в ходе исследований в Библиотеке Сербской Патриархии (Белград) нами был обнаружен кодекс сербского Четвероевангелия XVI в., который считался утерянным более полувека. Согласно пространной выходной записи, рукопись была создана пресвитером Вуком во время правления Сулеймана Великолепного по повелению архиепископа Белградского и Сремского Логина в мае–августе 1548 г. в селении Буджановцы в области Срем. В течение следующих столетий, как явствует из других записей, кодекс сменил нескольких владельцев. В частности, в XVIII в. он был преподнесен митрополиту Карловацкому Павлу Ненадовичу (1699–†1768), а в XX в. Буджановацкое Четвероевангелие (далее БЧ) оказалось в личном собрании сербского патриарха Гавриила Дожича (1881–†1950), после кончины которого судьба рукописи оставалась неизвестной.

Ранее об этом памятнике не раз упоминалось в историографии, но до сих пор единственным исследователем, недолго изучавшим БЧ *de visu* в 1937 г., был историк и литературовед Джордже Радойчич (1905–1970), который опубликовал и прокомментировал выходную записку пресвитера Вука (*Радойчић Ђ. Сп. О штампарији Црнојевића // Гласник Скопског научног друштва. 1938. Т. XIX. С. 166–171; Idem. Карактер и главни моменти из прошлости старих српских штампарија (XV–XVII века) // Историски записи. Цетиње, 1950. Књ. VI. Св. 7–9. С. 8*). Он же издал краткое описание кодекса (*Радойчић Ђ. Сп. Две старе српске рукописне књиге из Војводине // Библиотекар. Књ. 3–4. Београд, 1956. С. 171–185*). История изучения и бытования памятника освещена в недавней монографии профессора Новосадского университета Светланы Томин, которая также привела фотоснимки 27 листов БЧ, сохранившиеся в исследовательском архиве Радойчича (*Томин С. Где је Буђановачко јеванђеље? Нови Сад, 2021*). Подробное исследование самой рукописи, в которой насчитывается 293 листа, готовится авторами настоящего доклада только теперь благодаря обнаружению кодекса.

Кроме характерного почерка и орнаментики, свидетельствующих, что к 1548 г. пресвитер Вук был уже опытным книгописцем, БЧ имеет несколько уникальных особенностей в ряду других примерно 200 целостно сохранившихся кодексов сербских Четвероевангелий XV–XVI в., созданных во время османского завоевания Балкан и находящихся в различных библиотеках государств бывшей Югославии (количественная оценка по данным: *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији: (XI–XVII века). Београд, 1982. С. 127–138).

Во-первых, в БЧ под выходной записью Вука им же сделана приписка: «си(і) извођь от форми Црњоевићъ / от съложеніа Макаріева». Дж. Сп. Радойчич счел это примечание важнейшим доказательством того, что Вук переписал БЧ с печатного издания – несохранившейся к нашему времени инкунабулы, выпущенной в 1495/1496 г. первой южнославянской типографией, основанной правителем княжества Зета Джураджем Черноевичем в монастыре Цетине, где работал печатник иеромонах Макарий (*Радойчић Ђ. Сп.* О штампарији Црнојевића... С. 166–171). Мнение Радойчича оспорил Е.Л. Немировский, полагавший, что примечание Вука не доказывает издания цетинского Четвероевангелия, а писец имел в виду, что в выходной записи БЧ им использован формуляр выходных данных другой книги – Евангелия 1512 г., отпечатанного тем же Макарием в столице Валахии Тырговиште (*Немировски Е.Л.* Да ли је постојало штампано Четворојеванђеље из штампарије Турђа Црнојевића // *Историјски записи.* Бр. 1–4. Подгорица, 1993. С. 7–15). Однако эта интерпретация не объясняет, почему Вук упоминал «форму» Черноевича, если валашское Евангелие 1512 г., как указано в выходных данных книги, было издано «повелением» господара Ионы Нягое Басараба. В настоящее время большинство сербских исследователей разделяет мнение Радойчича (об этом: *Томин С.* *Op. cit.* С. 86–129).

Во-вторых, в БЧ на первых двух листах находится перечень «слов крестных» – список криптограмм с толкованиями: от «дддд • добро дрѣво діаволу досада» до «врхр • възноситес(е) радуетес(е) хр(и) сіанскї род(ъ)». Они расположены вне алфавитного порядка. Всего в перечне 36 аббревиатур (одна повторена дважды и вычеркнута), в том числе 16 на одну букву алфавита; из 36 одна пятибуквенная, две трехбуквенные («ннн • невидими непостижими неизгла(д)нїи» и «бсм • бѣсовска сила мала»), остальные 33 состоят из четырех букв. Как известно, подобные криптограммы, которым придавалось магическое и мистическое значение «крестной силы», встречаются как в западной, так и восточной письменности (*Яцимирский А.И.* Апокрифы и легенды. Вып. I. Пг., 1915. С. 220–225; *Покровский Н.В.*

Евангелие в памятниках иконографии. М., 2001. С. 445–446). Такие аббревиатуры (без толкований) иногда помещались по сторонам изображений Голгофского креста: так, к миниатюрам, сохранившимся в старших древнерусских рукописях, относится рисунок в следованной Псалтири XV в. (ОР РГБ. Ф. 304/1. № 314. Л. 1). Аналогичные примеры известны из изображений на сербских церковных фресках; также несколько «слов крестных» помещено на гравюре в Праздничной Минее, изданной Божидаром Вуковичем в Венеции в 1538 г. (Вујичић Р. О неким иконографским особеностима илустрација Божидача Вуковића и њиховим одјецима у нашем сакралном сликарству // Штампарска и књижевна дјелатност Божидача Вуковића Подгоричанина. Титоград, 1986. С. 111–115). В кодексе БЧ 1548 г. изображение Голгофского креста отсутствует, однако перечень «слов крестных» полнее и разнообразнее, чем в какой-либо из известных нам более ранних славянских рукописей, как сербских, так и древнерусских, и в этом отношении сопоставим только с русским «Подлинником иконописным» XVII в., изданным С.Т. Большаковым (М., 1903. С. 12–13). Возможно, что пресвитер Вук, поместив перед Буджановацким Четвероевангелием обширный перечень «слов крестных», надеялся их магической силой защитить кодекс от повреждений и иных неприятностей.

*И.Г. Пономарева
к.и.н., доц. МГЛУ*

Уточнения к датировке рождения митрополита Киевского и всея Руси Алексия

Рассказ «О Алексии митрополите» содержит противоречивую косвенную информацию о времени его рождения, из-за чего историками предложены разные датировки. Наиболее развернутые обоснования принадлежат Н.С. Борисову, А.А. Горскому и А.А. Турилову.

Согласно рассказу, будущий митрополит родился «в княжение великое в тферское Михаилово Ярославича при митрополите Максиме, до убиения Акинфа Тферскаго, старее сыи князя великаго Семена 17 лет, крести же его, еще младенца суща, князь Иван Данилович, еще сый не в великом княжении... Въ чернци пострижесе двадесяти лет, а в чернечестве поживе 40 лет, а в митрополиты поставлен бысть 60 лет, а пребысть в митрополитех 24 лета и бысть всех дней и жития его лет 85» (ПРСЛ. Т. 18. С. 120–121).

Из даты рождения Семена — 7 сентября 1317 г. (ПРСЛ. Т. 18. С. 88), получается 1300 г. Исходя из продолжительности жизни

митрополита — 1493 г. Н.С. Борисов эту дату отвергает, т.к. до 15 лет Иван Данилович не мог выступать восприемником при его крещении. Если же он достиг необходимого возраста, то должен был родиться не позднее 1278 г. и быть старше родившегося около 1281 г. брата Юрия, что исключено. Н.С. Борисов отнес рождение Алексия к 1300 г., считая, что цифра 85 возникла из сложения округленных сроков этапов жизни митрополита (*Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV в.)* М., 1999. С. 100–101).

А.А. Горский рассмотрел все варианты, внося в них уточнения. По датировке 1493 г. он отметил, что с учетом смерти Алексия 12 февраля правильнее говорить о 1292 — начале 1293 г. Он согласился с выводом об округлении в рассказе сроков вех жизни митрополита. Если исходить из информации о лицах и событиях, соотносимых с рождением, то, по мнению А.А. Горского, его следует отнести к периоду между смертью великого князя владимирского Андрея Городецкого 27 июля 1304 г. и гибелью Акинфа весной — летом 1305 г. Бой под Переяславлем состоялся до приезда из Орды Михаила Тверского с ярлыком на владимирское великое княжение, до 20 октября (*Кучкин В.А. Житие Софьи, сестры Михаила Ярославича Тверского // Религии мира и современность. История и современность.* 2002. М., 2002. С. 137). 17-летнюю разницу в возрасте с Семеном А.А. Горский объяснил наблюдением современников, услышанным автором рассказа от митрополита или его близких. Он отдал предпочтение 1300 г., находя, что это не противоречит словам ряда летописей «о великом княжении Михаила» владимирском, так как в ряде летописей фигурирует вариант «великое княжение тверское» (Рогожский и Владимирский летописцы, Симеоновская летопись). А.А. Горский допускает, что составитель рассказа ошибочно отнес начало великого княжения Михаила во Владимире к более раннему времени (*Горский А.А. Москва и Орда.* М., 2016. С. 30–31).

А.А. Турилов, также не доверяя хронологическим выкладкам летописца, не принимает датировку около 1293 г. Информацию о том, что Алексей старше князя Семена на 17 лет, он связывает с ошибкой внутреннего диктанта («Семена» — «семнадцать» вместо «тринадцать»), отвергая 1300 г. и увязывая рождение будущего митрополита только с информацией о лицах и событиях. Оба вывода представляются верными. Поход на Переяславль, в котором погиб боярин Акинф, А.А. Турилов относит к зиме 1304/05 г. (*Православная энциклопедия.* Т. 1. С. 637). Он датирует рождение Алексия предположительно со знаком вопроса: конец лета — осень 1304 г.?

Алексий родился при великом князе владимирском Михаиле Ярославиче (после 27 июля 1304 г.), до смерти митрополита Максима

(6 или 16 декабря 1305 г.), до Переяславского боя, состоявшегося 8 июня (*Кузьмин А.В.* На пути в Москву Т. I. М., 2014. С. 285). Полу-чаем период между 27 июля 1304 г. и 8 июня 1305 г. Последнюю дату с учетом перемещения князя Ивана из Москвы в Переяславль и его 4-х дневной осады можно сдвинуть на несколько дней — до июня 1305 г.

Попытки уточнить день рождения предприняли на основании мирских имен митрополита Н.С. Борисов и А.А. Турилов. По разным источникам известно о двух его именах: Елевферий и Симеон, причем, оба в источниках названы крестильными.

Н.С. Борисов исходит из того, что крещение проходило на 40-й день после рождения, во всяком случае, не позднее. Память свщмч. Елевферия праздновалась 15 декабря. За 40 дней до этого нет памяти св. Симеона, но далее в соседстве есть память преп. Симеона Ветхого (25 января) и Симеона Богоприимца (3 февраля). По одному из этих Симеонов, полагает историк, новорожденному было дано крестильное имя. Он мог родиться накануне дня памяти пророка Даниила и Трех Отроков, который по большинству месящеловов падает на 17 декабря (возможны варианты: 15 или 16). Имя одного из Отроков — Анания, определило выбор восприемником при крещении будущего митрополита княжича Ивана, родившегося, по мнению Н.С. Борисова, в день памяти Анании 1 октября (*Борисов Н.С.* Указ. соч. С. 101–102. Прим. 48; *Он же.* Иван Калита. М., 2005. С. 36–38).

А.А. Турилов, не обращаясь к выводам Н.С. Борисова, называет другие дни памяти тезоименитых будущему митрополиту святых, полагая возможным крещение и ранее 40 дней: Симеон, юродивый Палестинский — мч. Елевферий (21 июля и 4 августа); Симеон, сродник Господень — Елевферий, умученный с Дионисием Ареопажитом (18 сентября и 3 октября).

Дни памяти святых, смерти Андрея Городецкого и Акинфа определяют рождение Алексия в 1304 г., исключая 21 июля. Пара 18 сентября и 3 октября маловероятна, так как 40-й день приходится на 27 октября. Идеальная пара: 17 декабря и 25 января, где 25 января — ровно 40-й день от рождения. Скорее всего, митрополит Алексий родился 17 декабря 1304 г. и получил имя Елевферий, при крещении 25 января 1305 г. был наречен Симеоном. По частоте использования имя Елевферий многократно уступало Симеону, в миру будущего митрополита могли назвать этим именем, что видимо и сподвигло автора рассказа о нем соотнести его возраст с возрастом Семена Гордого.

Некоторые особенности шведской корреспонденции в период шведской оккупации Новгорода начала XVII в.

Период шведской оккупации Новгорода начала XVII в. исследователи изучают, преимущественно, на основании источников, сохранившихся в Новгородском оккупационном архиве, а также его неотъемлемой части, которая хранится в архиве СПБНИИ РАН в коллекции С.В. Соловьева. Безусловно, такой подход является верным, т.к. это богатейший актовый материал, который может сформировать наиболее объективную модель русско-шведской администрации, сложившейся в начале XVII в. в Новгороде. Однако для наибольшего погружения в детали, понимания действий конкретных участников событий, в том числе, стоит обратиться к письмам, которые отправляли друг другу представители Шведского королевства.

Наиболее значимой фигурой упомянутых выше событий был шведский фельдмаршал граф Якоб Делагарди. Сохранилась довольно обширная коллекция писем Делагарди к разным людям и полученные им ответы и обращения, которые написаны на разных языках: преимущественно на шведском, частично на немецком и русском. В настоящий момент письма хранятся в отделе древних рукописей библиотеки Тартуского университета. Работа с этими документами осложнена двумя обстоятельствами: во-первых, ввиду нынешней геополитической обстановки российским исследователям проблематично получить доступ к документам из-за их нахождения на территории Эстонии, во-вторых, как отмечали многие как отечественные, так и зарубежные исследователи, большинство документов написано четким почерком, шведской скорописью XVII в., которая довольно сложна для понимания. Ввиду имеющихся временных повреждений и выцветаний чернил, письма так и остаются не введенными в научный оборот и не переведенными на русский язык. Данное письмо относится к периоду становления и развития письменного шведского языка, что по-шведски звучит как «riksskriftsspråket» — «государственный письменный язык». Более-менее серьезные попытки изучения и систематизация писем Делагарди из архива Тартуской библиотеки уходят корнями в XIX в.: к ним относятся работы Й. Лоссиуса и В. Кордта, которые были сотрудниками библиотеки Тартуского университета. Выборку писем на русском языке опубликовал Г. Саблер, представив ее в виде небольшого сборника документов с предисловием и краткой аннотацией к каждому тексту.

Небольшая часть писем Якоба Делагарди хранится в РГАДА. Это, так называемые, «перенятые» русскими людьми письма шведского военачальника, которых в папке насчитывается 6 единиц. Мы уже обращались к ним в одном из своих докладов. Они также написаны шведской скорописью XVII в., на каждом письме в правом нижнем углу присутствует подпись Якоба Делагарди. Благодаря сделанному в XVIII в. Карлом Мерлиным кратким описаниям, удастся понять примерный смысл писем. На некоторых письмах также сделаны более ранние пометы на русском языке, относящиеся к XVII в., вероятно — дело рук русских переводчиков, получивших «перехваченные письма». Стоит отметить, что записи весьма скудные и дают лишь слабое представление о тексте самого письма. Из всего списка явно выбивается и обращает на себя внимание письмо, написанное жене Ганса Боие — Анне, которое можно однозначно отнести в категорию личных. Все остальные письма представляют собой ценные источники не только по истории шведской оккупации Новгорода, но и деятельности Якоба Делагарди в целом. Конкретно к ситуации в Новгороде, вероятнее всего, имеют отношение два письма шведского военачальника.

И, наконец, важной частью шведской корреспонденции являются письма к рейхсканцлеру Акселю Оксенштерне. Письма распределены по томам, разбитым в соответствии с отправителями. Письма были опубликованы в XIX в., однако оригинальные книги хранятся в городском архиве Таллина. В настоящий момент некоторые тома оцифрованы или представлены в виде репринтов. В нашем распоряжении имеются письма Густава II Адольфа (623 единицы) и письма Якоба Делагарди (283 единицы) к рейхсканцлеру (последние являются частью коллекции графов Делагарди из Тартуской библиотеки). Хронологические рамки корреспонденции со шведским королем — 1612–1632 гг., с Якобом Делагарди — 1611–1650 гг. Благодаря этим репринтам мы можем выявить некоторые особенности шведского эпистолярного жанра начала XVII в. Стоит отметить, что данные документы были написаны в период начала формирования формуляров шведского письма:

1) письма шведского короля начинаются с титула: «Gustaf Adolph med Gudz nåde, Sveriges, Göthes och Vendes uthvalde Konung och Arfffurste, Storfurste till Finland, Hettrigh till Esthland och Wessmanneland &c. Однако чаще встречается более краткая формула «Gustaf Adolph etc.». Якоб Делагарди, не начиная свои письма с описания своих регалий.

2) Оба отправителя кратко или более пространно выражают добрые пожелания адресату, преимущественно здоровья, божьего благословения и т.д.

3) Упоминается адресат, к которому обращается отправитель письма, с употреблением его личного имени. В данном случае все письма были адресованы исключительно к рейхсканцлеру Акселю Оксенштерне. Густав Адольф использует нейтральное уважительное обращение «her» — «господин». Якоб Деллагарди использует другое обращение, т.к. они с рейхсканцлером были ровесниками и между ними были довольно теплые отношения. Чаще всего он использует «Käre her», «Käre broder», «Käre b.», «Käre brog», т.е. «дорогой мой», «дорогой брат» и т.д.

4) Изложение дела: постановка проблемы письма. Тексты писем написаны сложными предложениями, с довольно большим количеством союзов внутри текста. В избытке представлена запятая как знак препинания, которая чаще всего служит и разделительным знаком, и обособляющей единицей придаточных предложений. Точки в тексте встречаются гораздо реже.

5) Заключительная часть письма также содержит теплые пожелания в адрес получателя.

6) Письмо завершается указанием места и времени написания. Однако встречаются письма без даты (чаще у Якоба Деллагарди).

7) В конце ставилась личная подпись отправителями, в опубликованной версии также приводится сокращение «t.p.» — *mapu pgoria*.

В.П. Пушков

к.и.н., с.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова

Женские покупки в книжной лавке Московского печатного двора в 1636/37 г. (по архиву Приказа книгопечатного дела)

По базе данных «Книжный рынок Москвы (1636/37) года» (*Пушков В.П., Пушков Л.В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Фёдоровские чтения — 2005. М., 2005. С. 356–368 (БД построена по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29))* в 1636/37 г. 24 женщины (15 светских и 9 монахинь) посещали типографскую лавку на Никольской улице 26 дней (в среднем один раз в две недели). За это время ими было сделано 42 покупки, в результате чего было приобретено 84 церковные книги пяти названий, из которых более половины (по 26 экз.) пришлись на Требники и Евангелия напрестольные, причем первые покупались только светскими лицами, и лишь пять Евангелий было взято монахинями. Двум лидерам немного уступали 24 Псалтыри с воследованием (по 12 экз. у светских и монахинь). Гораздо реже покупались Минеи служебные

декабрьские и Канонники: 6 — 1 и 1 — 0 экз., соответственно. Всего светские женщины приобрели 66, а монахини 18 книг. В среднем же одна покупательница брала по 3,5 экз. (4,4 светская и 2,0 монахиня), а средний размер разовой покупки составил 2 экз.

Светские покупательницы резко опережали монахинь по числу покупок и приобретенных книг: 30 против 12 и 66 против 18, соответственно. Их известные дворянские фамилии убеждают, что приобретение дорогих церковных книг было доступно лишь очень состоятельным женщинам. Это 11 княгинь: Афимья (Офимья) Барятинская, боярыня Ульяна Ивановна Голицына, боярыня Ульяна Федоровна Головина, «царевичева» Мария Кайбулина, боярыня Мария Захаровна Лобанова-Ростовская, Мария Ивановна Пронская, Мария Татеева, боярыня Анна Трубецкая, Мария Туренина, Василиса Григорьевна Тюфякина и Анна Урусова. Кроме княгинь, среди светских покупательниц была «боярыня» Ирина Никитична Романова (!) и еще три женщины из известных московских нетитулованных родов: Матрена Епанчина (Епончина), Марфа Нагая и Анастасия (Настасья) Пил(ь)мова. Таким образом, по чинам и званиям своих мужей (из экономии места их ИО мы опускаем) среди светских покупательниц оказалось: 11 княгинь и 5 боярынь (в том числе 4 княгини), причем по семейному положению большинство из них (8) записались «вдовами», а остальные как «жены», т.е. вдовый статус знатных дворянок способствовал их книжным приобретениям.

Все 9 монахинь представляли 6 известных монастырей: 5 московских (кремлевский Вознесенский, Алексеевский, Георгиевский, Ивановский и Новодевичий), а также Суздальский Покровский. Из них только Вознесенский и Новодевичий дали 3 и 2 покупательницы, соответственно, тогда как остальные обитатели ограничились лишь одной. По фамилиям и монашеским чинам среди таких покупательниц преобладают знатные и высокопоставленные насельницы. Это 4 игуменьи: Вознесенского монастыря Анастасия (Настасья) Сабурова (Собурова), Алексеевского (ее имя не указано), Новодевичьего — Дионисия и Покровского Суздальского — Елена. Кроме них, оказалось 5 «старicc»: две из Вознесенского (Анфиса и Улита Дашкова), а также Анна из Ивановского, Евпраксия из Георгиевского и Елена Морозова из Новодевичьего монастыря.

Самой заметной книжницей оказалась Мария Захаровна Лобанова-Ростовская, которая за 6 посещений лавки, приобрела 13 книг. По 3 покупки сделали Ульяна Ивановна Головина — 8 книг, Анастасия Пилемова — 3 книги и игуменья Вознесенского монастыря Анастасия Сабурова — 5 книг. Максимальную же разовую покупку в восьми Требников в понедельник 3 октября 1636 г. сделала боярыня

Ирина Никитична Романова, которая, спустя немногим более месяца, в среду 10 ноября больше других за одну покупку приобрела 5 Псалтырей с воследованием. Самой же активной книжницей из монахинь была игуменья Вознесенского монастыря Анастасия Сабурова, которая за 3 посещения лавки приобрела 5 книг. Всего же на долю ее монастыря пришлась половина покупок (6) и около половины проданных монахиням книг — 8 из 18 (44%).

Книги покупались во все месяцы года за исключением трех: января, апреля и мая. Наиболее заметными покупки были в начале года осенью (все три месяца), на которые пришлась ровно половина покупных дней (13), большинство покупок и, собственно, книг: 22 раза и 54 экз., или 55% и 64%, соответственно. При этом весьма показателен последовательный рост числа продаж: за 3 торговых дня в сентябре было сделано 5 покупок — 10 книг, за 4 дня в октябре 5 — 17 и за 5 ноябрьских — 12 — 27, т.е. осенью книги в среднем приобретались один раз в неделю, причем в сентябре–октябре покупались только Требники (за исключением одной Псалтири с воследованием), а в ноябре в основном Псалтыри. Все ноябрьские покупки, видимо, согласно традиции, были сделаны до начала Рождественского поста.

После декабрьско-январского спада покупательской активности женские книжные покупки стали резко возрастать в последнюю неделю февраля (Великий пост в 1637 г. начался в понедельник 27 февраля, а Пасха была 9 апреля), когда всего за 4 дня в результате 7 покупок с 21-го по 26-е число было взято 15 книг. В это время была отмечена единственная в году трехдневная покупная серия 24–26 февраля. Показательно, что все купленные в эти дни книги были Евангелиями на престольными. Как видим, аналогично ноябрьским, основные февральские покупки также были сделаны накануне поста. Возможно, за таким порядком скрывается и другой обычай — вклада святых книг в церкви и монастыри на помин души близких родственников, потому что, судя по дошедшим до нас соответствующим вкладным записям, чаще всего они делались именно в дни Великого поста в марте месяце (*Пушков В.П.* Калужские книжные записи на московских изданиях первой половины XVII в. (по собраниям РГАДА) // История и культура Ростовской земли — 2021. Ростов, 2022. С. 117, 118), когда тоже покупались только Евангелия на престольные, наилучшим образом подходящие для таких целей (к тому же эти книги в основном покупали вдовы). Женщины совершенно не покупали книги в апреле–июне, а в июле и августе было сделано лишь по одной покупке, т.е. летние церковные посты (Петровский и Успенский) никакого влияния на женский книжный интерес не оказали.

Эмблематический контекст печати петербургской Академии наук 1735 года

25 ноября 1734 г. президент петербургской Академии наук барон И.-А. фон Корф, незадолго до этого приступивший к своим обязанностям, на заседании Академической конференции обозначил задачу создания для Академии новой печати. На ней должна была быть отражена символика Академии, условно говоря, её герб (чего раньше не было). Дело поручили профессору публичной юриспруденции Иоганну Симону Бекенштейну, который хотя и был правоведом, в России оказался «геральдистом поневоле». Как известно, он составил первый систематический курс геральдики в России, изданный на немецком языке в 1731 г., принимал участие в создании гербов для знамён слободских полков и тому подобном. Бекенштейн представил несколько проектов рисунка печати, и после обсуждения в конце декабря того же года работа была завершена. Доклад Академии наук о новой печати получил высочайшее одобрение императрицы Анны Иоанновны 4 февраля 1735 г. Работавшие при Академии художники-супруги Георг и Доротея-Мария Гзелль создали рисунок, по которому в марте 1735 г. печать и была вырезана литерным мастером И. Купи.

На ней помещён государственный двуглавый орёл, согласно описанию, чёрный в золотом поле, на груди которого красный фигурный щит-картуш. В нём изображена сидящая Паллада в шлеме, с горгонейоном на груди, с копьём и со щитом, а у её ног извивается символ мудрости — змея. Одеяния Паллады бело(серебряно)-голубые. Нетрудно заметить, что по своему колориту это изображение вторит государственному гербу, где на груди орла также располагался красный щит с Георгием Победоносцем в бело-голубых одеяниях. Существенно также, что в описании печати богиня мудрости именуется Палладой, а не Минервой, отсылая, тем самым, не к Древнему Риму, а к Древней Греции, где, собственно, и возникла самая первая в мире Академия.

Паллада-Минерва не в первый раз появлялась в отечественном академическом контексте. Уже на виньетке самого первого издания петербургской Академии — речей на первом публичном заседании 27 декабря 1725 г. — был представлен двуглавый орёл с эмблематическим круглым картушем на груди, по сторонам которого стояли Церера и Минерва. Атрибутом Минервы при этом была не змея, а сова, сидевшая рядом с нею. Однако композиция с орлом, по словам

Г.-Ф. Миллера, академиком не понравилась, и впоследствии была разработана композиция с Минервой, авторство которой Миллер, впрочем, приписывает конференц-секретарю Академии, математику Х. фон Гольдбаху. Иными словами, Минерва как бы «перешла» из разряда «щитодержателей» в центральный картуш на груди орла. Впрочем, издание речей, опубликованное в 1726 г., и создание печати в 1734 г. разделяет почти десятилетие. Тем не менее, показательно, что символом мудрости Минервы на печати стала не более традиционная сова, а менее популярная применительно к Минерве в изобразительном искусстве того времени змея.

Однако эмблематика российских академических изданий неизбежно ориентировалась на аналогичные издания западноевропейских Академий. Так, виньетка «Записок» петербургской Академии со всей очевидностью восходит к аналогичной виньетке трудов Академии французской. А в изданиях Французской Академии наук традиционно помещался фронтиспис, где центральной фигурой как раз была Минерва, державшая портрет того или иного короля. Эту Минерву окружали атрибуты различных наук, весьма разнообразные, а символом мудрости самой богини выступала сова, со временем занявшая место на её шлеме. Французский фронтиспис повлиял и на фронтиспис издания трудов («мисцелланий») Королевского научного общества в Берлине, где Минерве также принадлежало центральное место в сложной композиции, переполненной разными научными деталями, а сова всё так же сидела на её шлеме. Нет сомнений, что оформление всех этих изданий, безусловно, знакомое петербургским академиком, могло также повлиять и на эмблематику академической печати.

Ещё один немаловажный аспект заключается в том, что с Минервой устойчиво ассоциировались российские императрицы. Эта традиция началась с Екатерины I, сохранялась при Анне и Елизавете, а при Екатерине II образы государыни и Минервы и вовсе слились воедино. При Анне Минерва, в частности, известна в медальерном искусстве, призванном прославлять правителя. Женское лицо российской монархии XVIII в. как нельзя лучше подходило к образу Минервы, как покровительницы наук и искусств (петербургская Академия в то время была и Академией художеств), что и отразилось в композиции печати, главной идеей которой было показать, что «Академия или науки под Всемилостивейшим защищением Вашего Императорского Величества безпрестанно продолжатися и процветати будут» (на это указывал и девиз).

И здесь вновь очевидна аналогия с государственной геральдикой. Всадник-драконоборец, занимавший место на груди двуглавого орла, традиционно сопоставлялся именно с фигурой государя. Это

был государь в образе святого, защищающий веру и свою страну от врагов. Также и Минерва на груди орла символизировала не только богиню мудрости, но и государыню в её образе покровительницы наук и искусств.

Т.А. Пьянова
гл. библиотекарь ЦУНБ им. Н.А. Некрасова

Записные книжки А.А. Покровского в фонде Центральной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова

Александр Александрович Покровский (1879 г., Нижний Новгород — 1942 г., Чарджоу) — советский библиотековед и библиограф, основатель Московской центральной публичной библиотеки, ныне — Центральной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова. Подробно о жизни, библиотечной работе и научных взглядах Покровского можно прочитать в монографии, написанной его коллегой Ю.В. Григорьевым (*Григорьев Ю.В. А.А. Покровский (1879–1942)*). М., 1965).

На протяжении многих лет Александр Александрович Покровский вел записные книжки. Более 30 записных книжек хранятся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, комплекс датируется 1907–1942 гг. Материалами из них пользовался Ю.В. Григорьев во время работы над биографией Покровского. На их исключительную ценность как исторических источников и художественное своеобразие обратила внимание историк книги О.В. Андреева (*Андреева О.В. Книга в России 1917–1941 гг. (Источники изучения)*). М., 2004. С. 66–69).

Три записные книжки Покровского ранее не привлекали внимания исследователей, они хранятся в библиотеке им. Н.А. Некрасова. Их порядковые номера, проставленные, вероятно, самим Покровским — 9, 10 и 11, записи в них относятся к 1918–1920 гг. Внешне они отличаются друг от друга. Девятая книжка имеет цельнотканевый переплет с блинтовым и золотым тиснением, есть карман для бумаг и петля для карандаша на нижней крышке (размер 16×10,5 см). Записная книжка № 10 — в цельнобумажном переплете с блинтовым и бумажным тиснением, есть карман для бумаг (размер 14,3×8,5 см). Записная книжка № 11 похожа на записные книжки, хранящиеся в РГБ, заключена в ледериновый переплет (размер 17,5×11 см).

Если по внешнему виду эти записные книжки различаются, то по содержанию они похожи. Покровский записывал стихотворения, цитаты из художественных произведений и высказывания

политических деятелей. Можно встретить и слова, услышанные от прохожих: «“Довольно они на нас поездили, теперь мы на них поездим” (на улице)» (Записная книжка № 9. С. 6). Автор пишет на нескольких языках — не только на русском, но и на французском, немецком, английском и латинском. К собственным записям присоединяет вырезки из газет.

Как и в записных книжках, описанных О.В. Андреевой, в тех, что хранятся в библиотеке им. Н.А. Некрасова можно найти записи, раскрывающие историю отечественной библиотечной науки и практики. Упоминаются библиотечный семинарий при Народном комиссариате просвещения (например: Записная книжка № 10. С. 8), курсы для подготовки технических работников в библиотеках (Там же. С. 23), курсы при Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского (Там же. С. 54). Библиотека им. А.С. Пушкина и другие библиотеки Москвы (Записная книжка № 9. С. 11). Покровский отмечает даты своих выступлений в различных учреждениях города и страны и записывает основные тезисы. Так, например, в одиннадцатой записной книжке есть тезисы к докладу «10 качеств хорошего библиотекаря», среди которых, кроме специальной подготовки и общей работоспособности, приведены такие качества, как «хороший характер или такт» и «привычка много, быстро, разнообразно читать» (Записная книжка № 11. С. 56). Для истории библиотеки им. Н.А. Некрасова особенно ценна запись об открытии библиотеки 1 января 1919 г. в 12 часов дня (Записная книжка № 9. С. 131). В десятой записной книжке на странице 16 можно увидеть отпечаток библиотечного штампа.

Важной частью всех трех документов являются цветные и черно-белые иллюстрации. Присутствуют собственные рисунки Покровского и печатные изображения (вырезки из журналов и газет). Покровский любил рисовать пейзажи (Записная книжка № 9. С. 23, 35). Гораздо реже встречаются в его записных книжках портреты (Записная книжка № 11. С. 67, 130). В оформлении страниц обращают на себя внимание элементы, характерные для книжного декора — заставки и инициалы (Записная книжка № 11. С. 11, 55, 65).

В статьях о Покровском, выпущенных уже после его смерти, упоминается, что Александр Александрович имел художественный талант. По воспоминаниям коллег, «он был прекрасным знатоком литературы, музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, хорошо рисовал» (*Галкина Л., Доблер Ф.* и др. Жизнь, отданная библиотечному делу (Памяти А.А. Покровского) // Библиотекарь. 1958. № 3. С. 62).

Рисунки Александра Александровича хранятся также в ГА РФ в совместном фонде А.А. Покровского и его гражданской жены

Л.И. Галкиной. Изучая этот фонд, можно узнать, что Покровский рисовал даже на своей собственной визитной карточке (ГА РФ. Ф. 8065. Д. 1. Ед. хр. 31. Л. 19) и на открытке, отправленной Л.И. Галкиной (Там же. Л. 1а). Исследование этих материалов, а также записных книжек Покровского подтверждает, что рисование было его естественным и любимым занятием.

Записные книжки А.А. Покровского не являются обычными записными книжками в прямом смысле этого слова. Как пишет О.В. Андреева, «типологически этот источник занимает пограничное положение между записными книжками и дневником» (*Андреева О.В.* Указ. соч. С. 67). Изобразительная составляющая в них является такой же интересной и информативной, как и текстовая часть. В этом смысле три записные книжки, хранящиеся в Центральной универсальной научной библиотеке имени Н.А. Некрасова, по своему содержанию органично дополняют уже известный массив документов и должны быть учтены в дальнейших исследованиях, посвященных как самому А.А. Покровскому, так и истории книжной культуры его времени.

Я.Н. Рабинович
к.и.н., доц., Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Князя и княжны Гагарины в Смутное время: неизвестные страницы биографии и родословной

История рода князей Гагариных, представители которого живы в наше время, изучена крайне неравномерно. В родословной князей Гагариных, живших в Смутное время, существует еще несколько белых пятен. Нет в родословной новгородца Водской пятины князя Гаврилы Дмитриевича Гагарина, хорошо известного по документам Новгородского оккупационного архива, в 1619 г. бывшего всего лишь дворовым (служил по дворовому списку) с окладом в 400 чети и получавшего деньги с городом в размере 10 руб. (он даже не был четвертиком). После Смуты в 1625–1627 гг. мы видим его осадным головой в Старой Ладогe. Он так и не пробился в ряды московского дворянства. Его подробная биография ранее рассматривалась мною в одной из статей (*Рабинович Я.Н.* Князь Гагарины в Смутное время: историография вопроса // Роль Политехнического университета и политехников на Псковщине: Шестая научно-практическая конференция в Холмках 25–26 апреля 2014 года. СПб., 2014. С. 35–56).

Прозвище одного из князей Гагариных было не Косарь, как обычно указывают в родословных, начиная с князя П.В. Долгорукова, а Карась. В родословной записано: «У Андрея Федоровича сын князь Иван по прозванию Карась... А у князь Ивановы дети Карасевы князь Иван Большой Борода...» (Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (А–К) / публикация Л.Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 10. М., 2021. С. 150). Иван Карась — праправнук Юрия Михайловича Гагары (Юрий Гагара — Дмитрий — Федор — Андрей — Иван Карась). Его потомки хорошо известны на Порховской земле (Андрей Григорьевич и Андрей Петрович Гагарины), а также в Саратове (губернатор Сергей Павлович Гагарин в 1869–1870 гг.).

Биография одного из героев Смутного времени Григория Ивановича Гагарина-Гусева, правнука Юрия Михайловича Гагары (Юрий Гагара — Данила — Иван Гусь — Григорий), вообще не изучена, в отличие от его сына — Данилы Григорьевича Короба и братьев — Романа и Силы.

В публикациях, посвященных Тихвинскому монастырю в Смутное время (*Рабинович Я.Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013), говорится о старице (царице) Дарье, которая была 4-й женой Ивана Грозного. Это Анна Алексеевна Колтовская, дочь Алексея Игнатьевича Колтовского (Михаил Сорокоум — Глеб — Кузьма — Андрей Дурной — Иван — Михаил — Игнатий — Алексей — Анна) (Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII века. Дополнение (Б, Г, Е, К–Я) / публикация Л.Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск 11 / гл. ред. А.В. Матисон. М., 2022. С. 262–263).

Старица Дарья вместе с племянницами княжнами Гагариными в 1613 г. бежала от шведов из Тихвина на Устюжну, а после прекращения осады монастыря они вернулись и восстанавливали с другими насельницами разоренный Введенский монастырь. В источниках приводятся имена этих племянниц царицы — Александра и Леонида. Исследователи рода Гагариных не смогли выяснить, чьи это были дочери, хотя источники позволяют ответить на этот вопрос.

Оказывается, кроме упомянутого ранее Данилы Короба у Григория Ивановича Гагарина-Гусева были две дочери. В источниках в 1626 г. неоднократно упоминаются эти старицы Тихвинского Введенского монастыря Александра и Леонида Гагарины. В одном из документов подчеркнуто, что они были дочерьми Григория Гагарина: «...пожаловали мы...игуменью Огафью да дву стариц княжну Леваниду да княжну Олександрю **княж Григорьевых дочерей Гагарина** с сестрами...». В другом месте вновь подчеркивается отчество этих

сестер Гагариных. В документе сказано, что царица Дарья в 1626 г. перед своей смертью «...отходя сего света, отказала дати в свое обещанье в монастырь к Введенью Пречистые Богородицы, что на Тихвине, игуменье Огафье да своим племянницам княжне Леваниде да княжне Олександре **княж Григорьевым дочерям Гагарина**» (Тарханная грамота Тихвинскому Введенскому монастырю. 1626, июня 29 // АИ. СПб., 1841. Т. 3, № 142. С. 230–232). Видимо, княжны Гагарины были еще очень молоды в Смутное время, во всяком случае, это можно точно сказать по отношению к младшей сестре — старице Александре). Последний раз царица инокиня Дарья упомянута в источниках в январе–феврале 1626 г. 3 января 1626 г. ей в Тихвинский Введенский монастырь была отправлена царская жалованная грамота на пустоши Бурково и Селище (Царская жалованная грамота Царице инокине Дарье Алексеевне, на пожалованные в отчину Тихвинскому Введенскому монастырю пустоши Бурково и Селище. 1626, января 3 // АИ. СПб., 1841. Т. 3. № 139. С. 227–228). 5 февраля 1626 г. состоялась вторая свадьба царя Михаила Романова с Евдокией Лукьяновной Стрешневой. В Дворцовых разрядах указано, что в Тихвин к царице Дарье «убрусец и ширинка и коровай и сыр» были посланы со стольником князем Данилой Григорьевичем Гагариным (Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). Стб. 774). Видимо, не случайно выбор пал на родственника (племянника) царицы Дарьи. Данила Григорьевич Гагарин привез эти вещи в Тихвин с царской свадьбы в феврале 1626 г. и возможно, еще застал царицу Дарью в живых. Тогда же он встретился со своими родными сестрами, старицами Леонидой и Александрой.

Если предположить, что речь идет о родных племянницах царицы Дарьи, то тогда выходит, что вдова князя Григория Ивановича Гагарина-Гусева была из рода Колтовских. Известно имя этой вдовы — Василиса. В приложении к Осадному списку 1618 г. говорится, что одна из вотчин Г.И. Гагарина, которая была ему пожалована за Московское осадное сидение при Василии Шуйском, находилась в Тверском уезде (волость Шостка), а после смерти Григория Гагарина перешли его вдове Василисе и сыну, Даниле Григорьевичу (Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 408).

Скорее всего, эта вдова Василиса Алексеевна Колтовская-Гагарина была младшей сестрой царицы Дарьи (Анны Алексеевны Колтовской). Что касается племянниц царицы Дарьи, то старицы Леонида

и Александра Гагарины были еще живы в 1646 г., а в 1677 г. в Тихвинском Введенском монастыре проживала еще старица Александра (Леонида к тому времени уже умерла) (Тарханная грамота Тихвинскому Введенскому монастырю. 1626, июня 29 // АИ. СПб., 1841. Т. 3, № 142. С. 230–232).

Д.Н. Рамазанова
к.и.н., доц., РГБ, с.н.с. ИСл РАН

Научное наследие Б.Л. Фонкича и новые находки рукописей лихудовского круга

Современное «лихудоведение», понимаемое как направление исследований, связанных с изучением деятельности как самих греческих ученых Иоанникия и Софрония Лихудов, так и их учеников, многим обязано Б.Л. Фонкичу. Без сомнения, исследователи, изучая источники о жизни и трудах Лихудов, с необходимостью основываются на выводах Бориса Львовича. Несомненно, что многие из работ этого направления были инициированы его исследованиями почерков Лихудов.

В области лихудоведения Борис Львович увидел новую для историографии того времени проблематику: отождествление автографов братьев Лихудов и определение характерных для них палеографических особенностей, того динамического стереотипа письма, который свойственен почеркам Иоанникия и Софрония Лихудов. Такой подход создал основу для последующего выявления рукописей с автографами ученых дидаскалов. Этому кругу проблем посвящена основополагающая статья Б.Л. Фонкича, опубликованная в 1988 г. (*Фонкич Б.Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1987. М., 1988. С. 61–70). Впоследствии эта статья была переиздана в книге (*Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 335–345). В этой небольшой по объему работе сконцентрированы результаты длительных наблюдений Фонкича над почерками Лихудов: ведь первые подписи исследователя в листах использования лихудовских рукописей, хранящихся в отделе рукописей РГБ, относятся к 1964–1965 гг.

В своем обобщающем исследовании Б.Л. Фонкич представил обширный перечень выявленных им автографов Иоанникия и Софрония Лихудов. Кроме того, важный вывод Б.Л. Фонкича заключался в том, что каждый из братьев Лихудов не только обладал особой каллиграфией, но и обучал ей своих учеников, которые копировали

почерки учителей. На основе этих выводов Бориса Львовича строились все последующие находки и исследования рукописей Лихудов, в том числе и результаты, представленные в настоящей работе.

В значительной мере новые рукописи, которые можно связать с кругом учеников Лихудов, содержат произведения Иоанникия и Софрония или другие учебные сочинения, которые могли использоваться в процессе преподавания в Славяно-греко-латинской Академии, Московской или Новгородской школах братьев Лихудов. Однако ранее обнаруженные рукописи не всегда относились к учебным пособиям, кодексы содержали тексты и иных жанров (например: *Рамазанова Д.Н.* Неизвестные греческие рукописи круга учеников Лихудов (по материалам Национальной библиотеки Греции и Библиотеки Румынской Академии наук) // Палеография, кодикология, дипломатика... М., 2013. С. 268–278).

В последнее время нам удалось выявить еще несколько греческих рукописей, связанных с кругом учеников Лихудов. Все обнаруженные списки содержат учебные тексты.

Первый кодекс находится в собрании редких книг и рукописей Владимиро-Суздальского Музея-заповедника (ВСМЗ). Рукопись (В 5636/424) формата в 4-ю часть листа (21,2×16,0 см), состоит из 146 л.; в переплете из досок, обтянутых коричневой кожей с использованием золотого тиснения. Кодекс происходит из собрания Флорищевой пустыни, о чем свидетельствует запись, расположенная по нижнему полю л. [2]–[5], 1–5: «Книга / Сѣа / м(о)н(а)ст(ы)рѣа / Успенїа / Прес(вя)тыѣа / Б(огоро)д(и)цы / Фролищевы / горы / казеннаѣа».

Рукопись ранее была известна по описанию в Т. Георгиевского (*Георгиевский В.* Флорищева пустынь. Вязники, 1896. Приложение. Описание рукописей и каталог старопечатных книг Флорищевой пустыни. № 16. С. 178–179). В каталоге она фигурирует под названием «Греческая грамматика на греческом и славяно-русском языках, в вопросах и ответах. Книга вторая». Далее указано, что А.Е. Викторова предполагает, что эта грамматика составлена братьями Лихудами. Полное название «Γῆς Γραμματικῆς μεθόδου βιβλίον β' περὶ συντάξεως — Грамматического искусства книга 2. О счинении», т.е. словосочинении» (Там же. С. 178). Вследствие изучения рукописи мы можем уверенно подтвердить предположение известного археографа XIX в. А.Е. Викторова (1827–1883): рукопись действительно содержит вторую часть Греческой грамматики Иоанникия и Софрония Лихудов Московской редакции (согласно классификации Д.А. Яламаса), и написана одним из учеников Лихудов. Она представляет собой редкий пример перевода на славянский язык второй части Греческой грамматики Лихудов Московской редакции.

Еще один кодекс хранится в фонде редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки (НГОУНБ. Р-73; ф. 1, оп. 1, № 72). Рукопись значится в каталоге как «Грамматика греческого языка. Конец 17–18 вв.» (*Нестеров И.В.* Каталог рукописных книг из собрания НГОУНБ. Часть 1. XV–XVII вв. Н. Новгород, 1999. С. 85). В кодексе отсутствует титульный и несколько первых листов, однако наше исследование de visu позволило атрибутировать кодекс и уточнить содержание: это первая книга Греческой грамматики братьев Лихудов Московской редакции. Кодекс форматом в 8-ю часть листа (16,5x10,2 см), состоит из 88 л.; переплет из досок в коричневой коже с тиснением по периметру крышек переплета. Текст выполнен одним из учеников Лихудов, связанных, по-видимому, с московским периодом преподавательской деятельности греческих дидакалов. Рукопись происходит из собрания Нижегородской духовной семинарии (штампы на первом сохранившемся листе и л. 10 кодекса).

Выводы Б.Л. Фонкича касались палеографических особенностей греческих почерков Лихудов и их учеников. Вместе с тем наличие в славянских рукописях даже небольших фрагментов греческого текста, характерных для каллиграфии школ Лихудов, позволяет выявлять особенности славянских почерков учеников Иоанникия и Софрония, а также расширять круг кодексов, связанных с их деятельностью. Примером этому является выявленная нами рукопись славянского списка так называемой Риторике Михаила Усачева, хранящаяся в собрании Библиотеки Матицы Сербской в Нови-Саде (PP II 147; описание (без атрибуции): *Грбић Д., Станковић Р.* Тирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске. Књ. 18, Уџбеници и приручници. Нови Сад, 2018. С. 57–67). Как показало исследование греческих фрагментов текста, обладающих признаками каллиграфии Софрония Лихуда, рукопись связана с кругом его учеников (подробнее о рукописи: *Рамзанова Д.Н.* Два сочинения по риторике из рукописей учеников «лихудовского круга»: новые данные // Лихудовские чтения–2022: материалы научной конференции «Пятое Лихудовские чтения». Великий Новгород, 14–15 апреля 2022 г. Вел. Новгород, 2022. С. 131–138).

Итак, выявленные новые рукописи круга учеников Иоанникия и Софрония Лихудов, с одной стороны, позволяют расширить наши представления о географии распространения учебных пособий, составленных греческими дидакалами; с другой стороны, обнаружение греко-славянских рукописей дает возможность лучше понять, какие именно палеографические особенности были присущи славянским почеркам учеников Лихудов.

**Прп. Паисий Величковский как переводчик
редких византийских текстов: к истории создания
церковнославянской версии сочинений Каллиста Ангеликуда**

Каллист Ангеликуд — византийский богослов-исихаст, о котором до 30-х гг. XX в. не было известно практически ничего. Его сочинения в рукописях надписаны разными именами: автор их представлен и как Каллист Катафигиот, и как Каллист патриарх, а само его фамильное прозвище (Ангеликуд) подвергается различным искажениям: Антиликуд, Тиликуд, Ликуд. Из-за этого долгие годы исследователи византийской богословской литературы полагали, что речь идет о разных авторах. Лишь в XX в. благодаря разысканиям кардинала Джованни Меркати, архимандрита Симеона (Куцаса) и Антонио Риго удалось установить, что тексты, надписанные столь по-разному, принадлежат, тем не менее, одному и тому же человеку, и это — Каллист Ангеликуд Меленикеот. В 1370–1380-е гг. этот подвижник руководил небольшим монастырем в городе Меленикон в Македонии (ныне — Мелник в Болгарии). Монастырь Каллиста Ангеликуда в Мелениконе носил название Катафигион (отсюда и прозвище Катафигиот, упомянутое ранее; одно из собраний глав Ангеликуда, по-видимому, еще при жизни автора надписывалась именем Каллиста Катафигиота). Расцвет деятельности Каллиста Ангеликуда, вероятно, приходится на 1360–1380-е гг. (во всяком случае, рукописи, которые признаются современными исследователями автографическими, а также те манускрипты, что несут следы авторской правки, созданы именно в этот период).

Тексты Каллиста Ангеликуда дошли до нас в составе рукописей, хранящихся в библиотеках Ватикана, Лондона, Афона, Афин, Патмоса, Ясс. Два крупных произведения Каллиста Ангеликуда, упомянутых им в предисловии к одному из наиболее объемных сборников, «Исихастское обучение» и «Исихастское утешение», дошли до нас лишь в ватиканских и лондонской рукописях (Vat. gr. 736, Barb. gr. 420 и 592, Arundel. 520), причем первое, по-видимому, не полностью: автографические кодексы из собрания Барберини имеют утраты, подчас значительные. Лишь Слово 22 получило сравнительно широкое распространение и дошло до нас в составе аскетических сборников, хранящихся в различных библиотеках, по преимуществу, Греции и было включено в греческое «Добротолубие» (1782).

Собрания глав переписывались не слишком интенсивно, однако в XVIII в. попали в поле зрения собирателей святоотеческих

рукописей, вследствие чего часть их была напечатана в венецианской «Филокалии», часть же оказалась опубликована лишь значительно позже, в 1893 г., во втором издании этой святоотеческой антологии. Для нас представляет особый интерес то, что прп. Паисий Величковский обратил внимание на эти сочинения, казалось бы, никому не известного автора, и перевел их, причем впервые сделал это еще до знакомства с греческим изданием.

Так, Паисий Величковский перевел известные ему по греческой рукописи 115 глав Каллиста Ангеликуда. Протографом послужила, очевидно, рукопись из собрания афонского Иверского монастыря № 506, вышедшая из скриптория обителя св. Каллиста и написанная в 1360-е гг., но Паисий, скорее всего, пользовался списком с нее. В целом сходство перевода с текстом Иверской рукописи со всеми ее особенностями убеждает нас, что использованный прп. Паисием список был сделан именно с этого кодекса.

Перевод этих глав распространился весьма широко, благодаря чему во всем православном славянском мире изучающие святоотеческое аскетическое предание могли читать одно из наиболее интересных творений Каллиста Ангеликуда задолго до того, как исследователи смогли познакомиться с ним в оригинале.

Перевод на церковнославянский язык «Глав Каллиста Катафигиота» дошел до нас в двух редакциях. Первая редакция основана на рукописном тексте, полученном Паисием Величковским еще до выхода в свет венецианской антологии «Добротолубие» (Нямецкая рукопись № 199, содержащая эту редакцию, датируется 1778 г.). Вторая создана уже после ознакомления переводчика с греческим «Добротолубием», о чем свидетельствуют включение в состав Нямецкой рукописи № 258 жизнеописания Каллиста, заимствованного из «Добротолубия», а также многочисленные указания на печатную книгу на полях. Рукопись BMN 258 особенно ценна, поскольку это автограф прп. Паисия Величковского, содержащий множество исправлений, вариантов на полях, греческих глосс и т.п., что отчасти позволяет заглянуть в «творческую лабораторию» переводчика. Старец Паисий временами отдает предпочтение чтением рукописи (видимо, той самой, что использовалась при создании первой редакции перевода). Это делает его версию более близкой к изначальному греческому тексту, сохраненному, в частности, в кодексе из собрания афонского монастыря Ватопед (№ 610). Различия в славянских рукописях свидетельствуют о большой близости первой редакции перевода к тексту, сохраненному кодексом Vator. 610. В частности, в рукописи BMN 199 обнаруживается то место, что было опущено в Каракальском кодексе № 72 (списке с Vator. 610, сделанном

в 1776 г.; на нем было основано печатное издание, которое воспроизвело пропуск). Первая редакция церковнославянского перевода была осуществлена Паисием Величковским на основе или непосредственно кодекса Vator. 610, или его копии, весьма точной, но, по-видимому, не сохранившейся до сего дня; вторая редакция церковнославянского перевода учитывает венецианское издание «Филокалии», но воспроизводит в случае пропусков в последнем чтении рукописи; «Главы Каллиста Катафигиота» («О божественном единении») в 4-й части славянского «Добротолюбия» (вероятно, выпущенной в свет в Москве ок. 1798 г.) изданы на основе первой редакции церковнославянского перевода и подверглись минимальной редакторской правке (в отдельных случаях — ошибочной), возможно, без обращения к оригинальному греческому тексту по венецианскому изданию.

Остается добавить, что Слово 22 Каллиста Ангеликуда («Господина Каллиста Тиликуди, О безмолвничестве обучении») переведено уже непосредственно по греческому «Добротолюбию», о чем свидетельствует и запись на поле: «От книги греческия нарицаемая Филокалия, страницы 1103».

П.А. Рылик
к.ф.н., н.с. Афинский университет
С.К. Севастьянова
д.ф.н., доц., в.н.с., ИФ СО РАН
А.Г. Бондач
спец. 1-й кат. РГАДА

Греческие рукописи Книги о соборе Паисия Лигарида

Хиосский грек, непревзойденный писатель, богослов и ученый своего времени Газский митрополит Паисий Лигарид, проживавший в Москве с 1662 г., был активнейшим организатором самого крупного события второй половины XVII в. — суда над патриархом Никоном. Это событие, как и все подготовительные мероприятия, в мельчайших подробностях он изложил на греческом языке практически сразу по окончании процесса (в апреле 1667г.) в своем сочинении «Βιβλίον συνοδικὸν περιέχον τὰ κατὰ Νίκωνος πατριάρχου Μοσχολίας ὑπὸ Παΐσιου μητροπολίτου Γάζης, ἀνατεθὲν τῷ αὐτοκράτορι πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν Ἀλεξίῳ Μιχαήλοβιτς, ἐν ἔτει 1668» («Книга о соборе, содержащая сочинение Паисия, митрополита Газского, против Никона, патриарха Московского, представленная императору всея России Алексею Михайловичу в лето 1668») (далее — *Книга о соборе*). Перевод на русский язык был представлен царю Алексею Михайловичу уже в 1668 г.

Оригинал рукописи с автографом Лигарида, как и подлинник с ее первым переложением на русский язык на данный момент не выявлены.

Б.Л. Фонкичем было уставлено четыре греческих списка *Книги о соборе*, которые находятся в рукописных хранилищах Москвы — ГИМ. Синодальное собр. греч. ркп. № 409 (1674–1675 гг.), Бухареста — Библиотека Румынской академии. № 371 (675) (1710-е — начало 1720-х гг.), Афин — Геннадиевская библиотека. Mss. 260 (29433) (первая треть XVIII в., судя по почерку и филиграммам; в неопубликованном описании, сделанном Б.Л. Фонкичем и находящемся в личном архиве ученого) и Санкт-Петербурга — РНБ. Ф. 253 (А.А. Дмитриевский). № 231 (конец XIX в.).

Б.Л. Фонкич предположил, что *Московская копия* была изготовлена в Киеве в 1674–1675 г. напрямую с автографа сочинения Лигарида, откуда затем увезена на Восток и с 1710-го по 1853 г. она хранилась в Александрийской Патриаршей библиотеке. В 1853 г. московская рукопись принадлежала Александрийскому патриарху Иерофею II Сифниоту († 1858) — тогда по просьбе к святителю А.Н. Муравьева (1806–1874), известного собирателя рукописных раритетов, она прислана ему для копирования. Однако в августе 1855 г. во исполнение просьбы Иерофея II этот ценнейший манускрипт, содержащий важнейший для русской истории памятник, передан в Синодальную библиотеку.

Бухарестский манускрипт был изготовлен анонимным профессиональным писцом из круга переводчика и дидакала, профессора Бухарестской академии Георгия Хрисогона (Трапезундского) († 1739) со списка, выполненного, вероятнее всего, каллиграфом Иоанном Сакулисом в 1667–1669 гг. в Москве перед его отправлением вместе с Александрийским патриархом Паисием через Молдовалахию на Восток. На рукописи стоят штампы Библиотеки Коллегии Св. Саввы, где манускрипт находился до его передачи в Археологический музей Бухареста, который в свою очередь передал его в Библиотеку Румынской Академии в феврале 1903 г. согласно библиотечной наклейке на первом чистом листе рукописи.

Афинский список представляется наиболее поздним из трех. Благодаря пометам на рукописи ее историю удалось проследить до начала XIX в., до Англии, коллекции филэллина Frederick’a North’a (1766–1827), известной также как «Коллекция Гилфорда». У него в 1833 г. через одного из крупнейших лондонских букинистов 2-й четв. XIX в. Thomas’a Thorpe’a (1791–1851) этот манускрипт выкупил библиофил Thomas Phillipps (1792–1872), после смерти которого список был приобретен афинской Геннадиевской библиотекой на аукционе Sotheby’s 8ого июля 1975 г. В ходе изучения бытования

Афинского списка выяснилось, что в каталоге 1837 г. английского библиофила Thomas'a Phillipps'a рукопись датируется XVIII в., а в описании манускрипта в обнаруженном нами каталоге Sotheby от 8ого июля 1975 г. рукопись датируется началом XVIII в. Из этого достаточно обширного описания выяснилось, что на тот момент известно было о существовании только двух списков *Книги о соборе*: Московском и Афинском, а также подтвердилось наше предположение о том, что британский богослов W. Palmer свой перевод на английский язык в 1873 г. выполнил, пользуясь именно Московским списком, хранящимся в Синодальной библиотеке. На данный момент протограф Афинского списка выяснить пока не удалось.

Борис Львович Фонкич выполнил достаточно детальное кодико-логическое и палеографическое описание всех трех списков, но описание Афинского и Бухарестского манускриптов не было опубликовано и сохранилось только в его рукописных записях. При непосредственном знакомстве с основными греческими манускриптами нам удалось дополнить наблюдения Б.Л. Фонкича о происхождении и бытовании рукописей, реконструировать историю каждой книги. Кроме того, нам удалось провести детальное структурное и текстологическое (фрагментарно) сравнение манускриптов, приблизивших нас к выявлению протографа и позволивших нам сделать ряд выводов. Нет сомнений в том, что речь идет о трех независимых рукописях, которые восходят каждая к своему протографу. На основе структурного и текстологического анализа рукописей возникло предположение, что Афинский список мог быть изготовлен с нескольких рукописей, поскольку имеет общие черты как с Московским, так и с Бухарестским списком. Как объем, так и строго упорядоченная структура Бухарестской рукописи, что особенно заметно в первой части, выделяют ее среди нам известных. Детальное сравнение состава списков показало отсутствие нескольких глав в первой части *Книги о соборе* именно в Бухарестской рукописи, а меньшее количество глав в Московском и Афинском списках связано с нарушением нумерации глав, что вызвало путаницу в числовом обозначении глав в русском переводе.

На *Петербургский список*, о котором известно только из личных записей ученого, Б.Л. Фонкич не обратил особого внимания, поскольку он является копией Московской рукописи Синодальной библиотеки, выполненной по указанию А.А. Дмитриевского для его личной библиотеки. В свете сравнительного и текстологического анализа всех греческих рукописей нам этот список представляется важным для реконструкции протографа и истории бытования рукописи, и работа с ним только предстоит.

Передача книжных коллекций на государственное хранение: на примере книжного собрания М.Ф. Готман

Работа с книжными коллекциями, часто называемыми личными библиотеками, — важная составляющая книжной культуры. В последние годы ценный вклад в ее изучение внесли О.Н. Ильина (*Ильина О.Н. Личные библиотеки в России: терминология и историография.* Санкт-Петербург, 2022), Е.Э. Вишневская и многие другие специалисты, посвятившие этой сфере профессиональную часть своей жизни. Проблеме личных библиотек посвящен ряд кандидатских диссертаций последних лет (А.Г. Айнбиндер, О.В. Захаровой, Е.И. Полтавской и др.). В условиях цифровизации значение работы с личными книжными коллекциями будет только возрастать соразмерно эволюции роли книги как таковой, и исчерпать эту тему практически невозможно.

Данный материал посвящен книжной коллекции преподавателя немецкого языка Марии Фридриховны Готман (1918–2009), переданной ее семьей в научную библиотеку Петрозаводского госуниверситета в 2009 г. Ее архив частично уже был объектом исследования (*Савицкий И.В. Мемуары крымских немцев Готманов как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития.* М., 2015). Цель данной статьи утилитарна — анализ основных шагов по меморизации личности путем передачи книг в региональную библиотеку.

М.Ф. Готман была потомком «крымских немцев», обосновавшихся в России в конце XVIII в. благодаря политике Екатерины II. Репрессивная политика XX в. разбросала семью по всей стране, что помешало сохранить целостность первоначального книжного собрания. До 1944 г. М.Ф. Готман жила и работала в Сыктывкаре, где поступила в эвакуированный Карело-Финский государственный университет и в том же году переехала с ним в Петрозаводск. С тех пор ее жизнь была связана с Карелией: она работала переводчиком в МИД КФССР, старшим преподавателем ПетрГУ, активно занималась партийной и общественной деятельностью (в том числе в обществе дружбы СССР — ГДР), часто выезжала за границу. Собранная ею библиотека в целом отражала профессиональные интересы владельца.

Исходя из опыта передачи книжной коллекции М.Ф. Готман на государственное хранение, можно выделить несколько важных

особенностей этого процесса, полезных для желающих передать свои собрания в библиотеки. Необходимо понимать, что региональные хранилища плохо приспособлены для хранения мемориальных собраний. Это не архивы, и личных фондов в них нет. Так, в библиотеке ПетрГУ сохранились книги из собраний преподавателей Петрозаводского и Санкт-Петербургского университетов В.М. Морозова (около 4 тысяч томов), А.В. Предтеченского (935 томов, включая конволюты), А.Г. Манькова, А.А. Гавриленко, А.Я. Кокина, О.Л. Вайнштейна, Н.И. Кареева, М.М. Гина, Б.С. Попкова, Л.Л. Одынца, И.П. Лупановой, но большинство находится в разрозненном состоянии. Это требует дополнительной работы для сохранения памяти о составителе библиотеки.

Прежде всего, это создание экслибрисов. Проблема этичности создания экслибрисов без участия владельца библиотеки или даже после его смерти видится надуманной; основная функция этого визуального атрибута — обозначение принадлежности книги, и в данном контексте время его создания не имеет значения. Так, экслибрисы для мемориальной библиотеки профессора А.В. Предтеченского (1893–1966) были тиражированы и помещены на книги лишь при их передаче в библиотеку в 2000 г. Другое дело, насколько корректно такой экслибрис отражает личность бывшего владельца; чтобы избежать лишних дискуссий, основным элементом экслибриса М.Ф. Готман стала ее личная подпись, выполненная в 2008 г. в типографии по методике печати визитных карточек — горячее тиснение на глянце-вом картоне молочного цвета.

Во-вторых, это создание полного списка книг (каталогом его не назвать), предназначенных к передаче. Необходимо учесть, что библиотека преследует свои цели и не может принять всю коллекцию во избежание пополнения своих фондов дублетными и малоценными экземплярами. Она принимает редкие книги (антикварные и малотиражные издания, экземпляры с экслибрисами, дарственными надписями и т.д.), справочную литературу и ранее отсутствовавшие материалы, соответствующие профилю библиотеки. Для сверки принятых и возвращенных книг необходим их первоначальный список.

В случае с книгами М.Ф. Готман библиотека приняла на хранение всего 19 наименований, из которых 8 — немецкие издания Ф. Шиллера, Г. Гейне и других авторов 1873–1883 гг. с золотым тиснением на обложке. Большинство книг выполнены готическим шрифтом. Остальные издания представлены словарями немецкого языка (в том числе по авиации и электронике), а также книгами, приобретенными за пределами СССР; непринятые библиотекой издания разошлись по кафедрам университета. В библиотеку не была принята

и известная в свое время книга о Карелии, являющаяся самой значительной публикацией М.Ф. Готман как переводчика.

В-третьих, необходимо создание элементов научно-справочного аппарата. Кроме списка книг, принятых на хранение, в библиотеку передаются все материалы, способные сохранить память о владельце. В данном случае это биография М.Ф. Готман, коллекция атрибутированных фотокопий ее фотографий (в том числе первых послереволюционных лет), а также пополняемое собрание публикаций СМИ как о бывшем владельце, так и о самой коллекции. Эти материалы уже использовались для тематических выставок. Кроме того, важно проконтролировать, чтобы при внесении наименований в электронный каталог сохранялась пометка о прежнем владельце; в этом случае появится возможность в любой момент увидеть электронный список нужных книг.

Таким образом, составление книжных коллекций и их передача на библиотечное хранение — важный и во многом творческий процесс, требующий от дарителя определенной подготовки. Достижение компромисса между интересами дарителя и библиотеки — неременное условие для сохранения памяти об ушедшей личности и пополнения региональных библиотечных фондов редкими изданиями.

Н.В. Салоников
к.и.н., доц. НовГУ

К.В. Суториус
к.и.н., доц. НИУ ВШЭ СПб

Источники по истории Новгородской архиерейской школы в Петровское время

В последние десятилетия история Новгородской архиерейской школы, основанной в 1706 г. митрополитом Иовом (1697–1716), стала объектом постоянного внимания ученых. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в истории отечественной культуры петровского времени Новгородская школа занимает особое место, будучи одним из немногих великорусских центров образования и науки. Школа давала по меркам своего времени образование среднее. В период своего наивысшего подъема, при архиепископе Феодосии (Яновском) (1721–1725), здесь преподавалась грамматика церковнославянского языка, языки греческий и латинский, а также риторика и поэтика. Значение Новгородской школы в истории отечественной культуры заключается не только в том, что она была успешным образовательным проектом, но и в том, что новгородским архиереям удалось собрать вокруг

школы значительные интеллектуальные ресурсы (переводчики, преподаватели языков, богословы). Благодаря этому Новгородская школа невидимыми нитями оказалась связанной с самыми разными сторонами культурной жизни России.

Несмотря на возросший исследовательский интерес, многие стороны деятельности школы остаются сегодня малоизученными. Основная причина этого — плохая сохранность источников. Основной комплекс документов по истории школы должен был отложиться в архиве Новгородской духовной консистории, хранившимся в Великом Новгороде. Архив сильно пострадал после революции и в годы Второй мировой войны. Сегодня его остатки содержат лишь несколько десятков делопроизводственных документов по истории школы (ГАНО. Ф. 480. Новгородская духовная консистория). Другой комплекс документов, связанных с деятельностью Новгородской духовной консистории, сохранился в РГИА (Ф. 796. Канцелярия Синода). В его составе есть информация и об архиерейской школе. Отдельные документы по истории школы выявлены в фондах НИА СПбИИ РАН, РГАВМФ и РГАДА.

На сегодняшний день основным источником для реконструкции раннего периода истории школы (1706–1716 гг.) являются письма митрополита Иова. Известно пять сборников с корреспонденцией митрополита за 1700–1713 и 1715 гг. — письма самого митрополита, письма ему адресованные и письма людей, которых современники рассматривали как лиц особенно для митрополита значимых, например, братьев Лихудов, (ОР РНБ. Соф. собр. №№ 1425–1427; РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 31; ОР ГИМ. Собр. Барсова. № 505). Несмотря на то, что корреспонденция митрополита Иова — самый ранний источник по истории школы, однако источник этот имеет особенности, которые затрудняют его интерпретацию и ограничивают его использование. Тема школы не присутствует в письмах постоянно, а каких-то подробностей о школе в них сообщается очень мало. К раннему периоду в истории школы относится комплекс документов об обучении в Новгородской школе дворянских недорослей в 1715–1722 гг. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 183. Оп. 1. Д. 651, 660, 668; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1 (1715 г.). Д. 102; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 100, Ф. 212. Оп. 10. Отд. 1. Д. 2, Оп. 11. Д. 48, Ф. 233. Оп. 1. Д. 108; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 29).

Более полно представлены документы, относящиеся ко второму периоду в истории школы (1716–1726 гг.). В основном это делопроизводственные документы — указы, доношения, доклады, отчеты, ведомости, прошения, письма и т.д. — раскрывающие различные стороны жизни административной, учебной и хозяйственной деятельности архиерейских школ. Часть этих документов может быть

сгруппирована в тематические разделы: об издании грамматики Федора Максимова в 1723 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 439); о деятельности епархиальных школ в Новгородской епархии в 1721–1726 гг. (НИА СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 1, Колл. 115. Оп. 1. Д. 70, 71; РГИА. Ф. 815. Оп. 4 (1721 г.). Д. 204, 213); о подготовке в Новгороде учителей для других епархий (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 192; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 668); об открытии при Новгородском архиерейском доме цифирной школы (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 57, 109, 129; НИА СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 4. Д. 1, Ф. 183. Оп. 1. Д. 660; РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11 (1719 г.). Д. 4а, Оп. 11 (1720 г.). Д. 48, Оп. 11 (1722 г.). Д. 58; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 300, Оп. 2. Д. 378, Оп. 4. Д. 440); документы о судьбах учеников архиерейской школы (НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114, Ф. 183. Оп. 1. Д. 707; РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 402, Ф. 815. Оп. 4 (1720 г.). Д. 15, Оп. 4 (1721 г.). Д. 204, Оп. 4 (1723 г.). Д. 147, Оп. 4 (1724 г.). Д. 44).

Чрезвычайно важным видом источников по истории школы являются ведомости об успеваемости учащихся. В настоящее время известны 11 ведомостей об учащихся греческой, славянской и латинской архиерейских школ, датированных 1718, 1723, 1725, 1726 гг. (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 33, 107; НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114). Помимо этих ведомостей известны две ведомости о партикулярной Розважской школе, составленные в конце 1723 г. и конце 1725 г. (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107; НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 114), а также ведомости о трех епархиальных школах — Старорусской, Валдайской и Каргопольской, содержащие сведения об учениках за октябрь–декабрь 1723 г. (ГАНУ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 107). Особняком стоит ведомость, составленная во второй половине 1727 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 223). Она содержит сведения об учениках всех школ, включая партикулярные и епархиальные, с 1706 по 1726 г.

Источниками по истории школы, заслуживающими специального изучения, являются учебные пособия по грамматике, риторике и поэтике, использовавшиеся в процессе преподавания. Такого рода рукописи обнаружены в книго- и архивохранилищах Санкт-Петербурга (РНБ, БАН, РГИА), Москвы (РГБ, ГИМ), Великого Новгорода (Отдел письменных источников НГОМЗ) и Твери (ТГОМ). Однако выпускники архиерейской школы и ее ученики переписывали не только учебные пособия, но и разного рода другие литературные произведения. Так, например, два из известных списков новгородской Погодинской летописи были переписаны учениками архиерейской школы. Таким образом, при школе или при архиерейском доме, которые были тесно связаны между собой, существовало что-то наподобие скриптория.

А.Ю. Самарин
д.и.н., доц., зам. ген. дир. РГБ,
з.н.с. ИИЕТ РАН

Дарственные надписи академика Н.П. Лихачева коллегам-историкам на современных антикварных аукционах

Научное наследие выдающегося русского историка, специалиста по вспомогательным историческим дисциплинам, библиографа, библиофила и коллекционера, академика АН СССР Николая Петровича Лихачева (1862–1936) — его собственные печатные и оставшиеся в рукописях труды (*Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: судьба и книги. Библиографический указатель. Изд. 2-е, доп. СПб., 2002), а также собранные им коллекции книг, памятников письменности на различных носителях икон, монет, утвари, — постоянно находится в зоне внимания исследователей.

Н.П. Лихачев был вовлечен в широкую научную и коллекционерскую коммуникацию, ведя переписку с учеными, антикварами, букинистами в России и многих странах мира. Еще одной формой научных контактов был обмен научными трудами (монографиями, брошюрами, оттисками и вырезками статей), которые часто сопровождались дарственными надписями.

Только в библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН было выявлено 682 книги, которые 324 различных автора подарили в Н.П. Лихачеву за полвека (с 1881 по 1930 год) (*Панченко Е.З.* Книги с автографами в библиотеке Н.П. Лихачева: Статистический обзор // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 260–267).

Естественно, сам Н.П. Лихачев также дарил свои труды коллегам-историкам, знакомым библиофилам, коллекционерам, антикварам, родственникам. Сегодня книги с дарственными надписями ученого регулярно встречаются на антикварном рынке. Для выявления информации о книгах с инскриптами Н.П. Лихачева был использован онлайн-портал Vidspirit, на котором размещены архивы десятков антикварно-букинистических аукционов, проводившихся в последние годы.

Небольшая книга Н.П. Лихачева ««Государев родословец» и род Адашевых» (СПб., 1897) имеет на обложке дарственную надпись: «Уважаемому Сергею Спиридоновичу Татищеву от автора». Она продавалась на торгах аукциона «Антиквариум» 21 декабря 2014 г. и была реализована за 440 у.е. Адресат надписи — историк С.С. Татищев (1846–1906), автор фундаментальной биографии Александра II и множества журнальных публикаций.

Экземпляр первой большой монографии Н.П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования» (СПб., 1888) с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Хрисанфу Мефодиевичу Лопареву от автора» не был продан на аукционе «В Никитском» 21 декабря 2017 г. при стартовой цене 35 тысяч рублей. Повторно предлагался за ту же цену 17 мая 2019 г. на аукционе «Антикварный Книжный Клуб» и вновь не нашел покупателя. В данном случае подарок Лихачева предназначался Х.Ф. Лопареву (1862–1918) — палеографу, автору трудов по древнерусской и византийской литературе, библиографу, многолетнему сотруднику Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Экземпляр книги Н.П. Лихачева «Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографий: Обстоятельный каталог книг и листов Казанской печати из коллекции Н.П. Лихачева, выставленных на Первой Всероссийской выставке печатного дела в С.-Петербурге» (СПб., 1895) был продан на торгах аукциона «Среда», проходивших 17 января 2018 г. за 42 тысячи рублей. На его обложке имеется автограф: «Глубокоуважаемому Петру Андреевичу Гильтебрандту от Н. Лихачева». Он свидетельствует о том, что владельцем книги был П.А. Гильтебрандт (1840–1905) — литератор, историк, археолог, палеограф, издатель фольклора.

Экземпляр брошюры Н.П. Лихачева «Царский «изограф» Иосиф и его иконы» (СПб., 1897) с автографом: «Николаю Ивановичу Репникову на память от Н. Лихачева» был продан на аукционе «Город муз», проходившем 24 апреля 2018 г., за 3 тысячи рублей. Н.И. Репников (1882–1940) — археолог. До революции был сотрудником Русского музея, а после нее — Государственной академии истории материальной культуры.

Комплект из книги Н.П. Лихачева «Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки» и «Приложения (Издание для родных и друзей)» (СПб., 1913) продавался на аукционе «Литфонд» 27 октября 2018 г. Лот не был продан при эстимейте в 45 тысяч рублей. В описании приводился автограф: «Глубокоуважаемому Оскару Фердинандовичу Вальдгауэру от Н. Лихачева». Речь идет о крупном историке античного искусства и искусствоведе, многолетнем сотруднике Эрмитажа (в 1927–1928 гг. временно исполнявшем обязанности директора) О.Ф. Вальдгауэре (1883–1935).

«Каталог летучих изданий и их перепечаток: манифесты, указы и другие правительственные распоряжения в отдельных изданиях и перепечатках. Разные отдельные листы и брошюры (коллекция листов и их перепечаток из собрания Н.П. Лихачева; была выставлена на Первой Всероссийской выставке Печатного дела

в Санкт-Петербурге)» (СПб., 1895) продавался на аукционе «Литфонд» 25 мая 2019 г. Экземпляр не был продан при старте в 20 тысяч рублей. Вероятно, сказался тот факт, что книга имела атрибуты Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и одной из латвийских библиотек. На титульном листе дарственная надпись: «Его Высокопревосходительству Григорию Кузьмичу Репинскому с глубоким уважением от автора». Сенатор Г.К. Репинский (1832–1906) был известен не только как юрист, но так же как историк и публицист.

Как видим, дарственные надписи академика Н.П. Лихачева, выявленные в антикварной продаже последних лет, свидетельствуют о широком круге его контактов с коллегами-историками разных поколений и научных интересов. Многие современные антикварные аукционы уже не выпускают печатных каталогов, а информация в сети Интернет имеет свойство исчезать. Сами экземпляры книг могут больше не «всплыть» в публичном пространстве. Ценность книг с автографами выдающихся деятелей науки и культуры давно осознана (*Самарин А.Ю. История отдела редких книг ГБЛ в свете регламентирующих документов (1920-е — середина 1950-х годов) // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. М., 2011. Вып. 2. С. 10–36*), а потому необходимо вводить сведения о них в научный оборот.

*И.В. Сахаров
к.геогр.н., РНБ,
президент Русского генеалогического общества*

Безобразное издание первого тома труда Н.Ф. Иконникова «La noblesse de Russie» в переводе на русский язык

Как известно, выдающийся русский генеалог Н.Ф. Иконников (1885–1970) в эмиграции с 1957 по 1966 гг. в 51 томе опубликовал вторым, существенно расширенным изданием, сборник поколенных росписей российских дворян. Летом 2022 г. Институт истории СПб гос. университета выпустил первый том этого монументального издания в переводе на русский язык (*Иконников Н. Дворянство России. Т. 1. СПб., 2023*), включающий такие фамилии, как Абазы, Алфераки, Аминовы, Апраксины, Араповы, Аршеневские и Арсеньевы.

Даже беглое знакомство с опубликованной книгой приводит квалифицированного читателя к выводу о том, что и качество перевода, и общий подход к этому проекту, и принятая его структура поистине ужасают.

Осуществить сколько-нибудь полный и всесторонний анализ этого издания, ввиду обилия и разнообразия моих критических замечаний, в неизбежно краткой форме, принятой в сборнике тезисов на конференции по вспомогательным историческим дисциплинам, практически невозможно, поэтому ниже я остановлюсь только на наиболее возмутительных примерах (подробный анализ рецензируемого тома см. в моей статье: *Сахаров И.В.* Брак, перерастающий в катастрофу // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 39. СПб., 2022. С. 233–258).

Публикаторы этого тома по надуманным причинам не поместили в нем содержащееся в оригинале весьма важное по своему содержанию предисловие самого Н.Ф. Иконникова (между прочим, в книге ни разу не упомянуто его отчество), заменив его предисловием некоего А.Г. Столярова (к этому предисловию у меня есть ряд претензий, на которых здесь нет места остановиться).

В помещенном в рецензируемом томе списке дворянских фамилий, поколенные росписи которых было запланировано поместить в многотомнике в целом, эти фамилии помещены в алфавите французского языка (соответственно, например, фамилии, начинающиеся на «Ш», предшествуют тем, которые начинаются на «В», «Г», «Д» и так далее), что крайне затрудняет знакомство с этим списком. Но главное состоит в том, что более 10% (!) приведенных фамилий (их общее число превышает 700) написаны с ужасающими ошибками (графы Борши вместо Борхов, Шереметьевы вместо Шереметевых, Гиерсы место Гирсов, Халлы вместо Галлов, Хероисы (!?) вместо Геруа, Коегтерицы вместо Кеттрицов, князя Кутушевы вместо Кугушевых, Лерши вместо Лерхе, Лутке вместо Лютке, бароны Местмашеры вместо Местмахеров, Опотвины (!) вместо Опочининых, графы Подорижани вместо Подгоричани, невыговариваемые Пукжкины (!!)) вместо Пушкиных, Родзиенко вместо Родзянко, Савелевы вместо Савёловых, Тьеполты вместо баронов Типольтов, Циплетовы вместо Цыплетевых, Вольенские вместо Волжинских, Вонлиарларские вместо Вонлярлярских и так далее...), а в тексте росписей, кроме того, – Альфераки вместо Алфераки, Бабикиов вместо Бибикова, Бовет вместо Бове, Ианов вместо Янова, Ильяченко вместо Ильяшенко, Искюль вместо Иксюль, Каминин вместо Камынина, Ликошины вместо Лыкошиных, Лукин вместо Лушина, баронесса Розенская вместо Розен, Сокунин вместо Бакунина, Тевенард вместо Севенарда, Хевкингет (конечное «ет» – это сросшийся с неправильно написанной фамилией следующий за ней предлог французского языка «et»!) вместо Гейкинга, Ясновская вместо Ягновской, известный генеалог М.П. Чернявский назван Черниевским...

Переводчики, судя по многочисленным ошибкам, недостаточно владеют не только французским (равно как и немецким), но и русским языками. Достаточно сказать, что многочисленных дочерей князей они называют не княжнами, а княгинями! Кроме того, поскольку весь труд Н.Ф. Иконникова посвящен российским родам, он неизбежно насыщен такими словами, которые сам составитель затруднялся адекватно переводить на французский язык (некоторые понятия, такие, как, например, «поколенная роспись», «писцовые книги», «десятины» и «чети» (мера земли), «предводители дворянства губерний», «городские головы» или градоначальники и многие другие вообще на иные языки непереводимы, и для удобства франкоязычных читателей составитель заменял их такими словами, как, соответственно, «registre», «cadastre», «hectar», «le Grand Marechal», «maigre». Однако при обратном переводе этих слов с французского на русский этим словам следовало возвращать первоначальные написания. Переводчики же, не задумываясь об этом, сохраняли неуместные французские слова «регистр», «кадастр», «гектар» (в старину не употреблявшиеся), «Великий (!) предводитель дворянства», «мэр» и так далее. Кроме того, в тексте весьма многочисленны упоминания о помещичьей земельной собственности, которая, разумеется, в основном находилась в сельской местности тех или иных уездов. Затрудняясь отразить это обстоятельство по-французски, Н.Ф. Иконников, не мудрствуя лукаво, заменял названия уездов названиями городов – центров соответствующих уездов. Переводчики же не удосуживались принять это обстоятельство во внимание, и, в результате, в русском тексте появились обширные земельные владения, скажем, не в Тульском уезде, а в городе Тула!

Более того, к сожалению, русский язык в рецензируемой книге в целом вообще небрежен и неаккуратен. При этом здесь и там встречается множество других неточностей и неверных переводов. Герцог Лейхтенбергский титулован графом, принц Ольденбургский — князем. А.Д. Сагин назван капитаном фрегата, хотя этот французский чин по-русски означает капитан 2 ранга. Кинешемский уезд назван Кинешманским, министерство путей сообщения переведено как министерство связи. Сражение *при* Чигирине обозначено как компания (sic!) *против* Чигирина, а лейб-компания названа лейб-компанией. Варвара Арсеньева, будучи пострижена в монахини, «получила обратно свою свободу» (!). Департамент герольдии назван Департаментом геральдики! Фамилии, упоминаемые не в именительном падеже, то и дело мужские не склоняются, а женские склоняются! Камер-пажи переведены как «пажи при покоях». Таможенная охрана названа таможенной гвардией. Переводчики не поняли, что во

французском тексте сокращение S.H.S. означало Королевство *сербов, хорватов и словенцев*. Академия художеств названа Академией изящных искусств. Земские управы постоянно переводятся как земские канцелярии. Статские советники то и дело именуются государственными советниками. Эрик Пуртон оказывается *подданным* Франции, хотя в это время он был французским *гражданином*.

Выше я привел только некоторые немногие примеры негодного перевода, но следует знать, что таких примеров в рецензируемом тексте — великое множество: в моем личном его экземпляре едва ли не на каждой странице по десятку моих критических замечаний. Поэтому в заключение я приведу еще лишь два примера, которые настолько абсурдны, что кажутся неправдоподобными.

На с. 22 французского текста (здесь и ниже я указываю страницы, чтобы читатель не подумал, что я это выдумал) Франсиска Браше упоминается как католичка. На с. a22 (вторая пагинация) русскоязычного текста написано не католичка, а ... «каталог» (*sic!*, причем в мужском роде!).

На с. 204 французского текста представлен действительный статский советник Александр Васильевич Арсеньев (1782–1840) — в 1812 г. вице-директор, позже — директор театров в Москве. На с. a208 (вторая пагинация) русскоязычного текста его последняя должность переведена, как ни трудно в это поверить, как «директор Театра военных действий в Москве»!

Сказанное выше заставляет думать, что взявшиеся за перевод труда Н.Ф. Иконникова лица мало того, что пользовались одной из существующих (и всегда несовершенных) автоматических переводческих программ (что в данном случае, имея в виду значимость и самого составителя, и его монументального опуса, недопустимо), но и не только не редактировали, но даже совсем не считывали окончательный полученный текст.

Таков прискорбный результат начатого проекта. Как сказал один мой коллега по Русскому генеалогическому обществу, весь нераспроданный тираж обозреваемого тома следовало бы уничтожить и переиздать с учетом сделанных в рецензии замечаний. Однако очевидно, что те, кто задумал этот проект, не имеют морального права его продолжать. Этим следовало бы заняться профессиональным генеалогам, которые не только разбираются в генеалогии как специальной исторической дисциплине и владеют языками, но и уважают отечественное (это относится и к российской генеалогии, развивающейся за рубежом) научное наследие. Впрочем, не знаю, стоит ли вообще думать о продолжении такого проекта — не лучше ли было бы переиздать опус Н.Ф. Иконникова как таковой, на языке оригинала, но на более

совершенной полиграфической базе? Впрочем, не мне этот вопрос решать. Ни мне, ни моим даже более молодым коллегам не дожить до завершения такого проекта, мне же лично не дожить даже до принятия какого-либо решения по этому вопросу.

*А.И. Свиридонова
асп. каф-ры ВИДиА ИАИ РГГУ*

Соборное урегулирование книгоиздательства в период «золотого века старообрядчества»

Старообрядцы нуждались в правильных по содержанию книгах для ведения богослужений, обучения подрастающего поколения и самостоятельных чтения и молитвы. Право свободно открывать свои типографии было дано старообрядцам по Указу 17 апреля 1906 г. До указа старообрядческие книги печатались или подпольно, или за границей, что подразумевало под собой определенные сложности: нелегальность и высокую цену (*Боченков В.В. Подпольные старообрядческие типографии в Калужской губернии... // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. С. 123–130.*

12 февраля 1820 г. Синод подписал указ об открытии Московской единоверческой типографии (*Починская И.В. Из истории организации единоверческой типографии в Москве // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 150–151.* Старообрядцы пользовались этими изданиями, хотя и критиковали их за некоторые вольности (*Старообрядческая типография // Церковь. 1908. № 25. С. 834.*

В 1906 г. стараниями епископа Арсения в Уральске была создана первая в России легальная частная старообрядческая типография купца Андрея Васильевича Симакова (*Арсений // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 419–420.* К 1908 г. ассортимент изданных книг насчитывал десяток наименований. Симаковские издания ценили, в том числе, и за эстетическую сторону. (*Старообрядческая типография // Церковь. 1908. № 25. С. 834.*

Однако не все выпускаемые книги удовлетворяли старообрядческих архиереев по причине наличия в них ошибок. (*Арсений, уральский старообрядческий «епископ», как исправитель старопечатных книг // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 23. С. 90.*

25 сентября 1906 г. Собор сделал попечителям Рогожского богаделенного дома предложение — открыть при Рогожском кладбище типографию «для печатания нужных церковно-богослужебных и учебных книг и редких древних христианских отеческих

памятников, хранящихся в книгохранилище Рогожского богаделенного дома» (Постановления Освященных Соборов... М., 1913. С. 65).

27 июля 1907 г. архиепископ Иоанн возбудил на Соборе вопрос об издании церковно-богослужебных книг в типографии Симакова в Уральске под редакцией епископа Арсения. Книги типографии Симакова Собор хотел отвергнуть «за непоследование древлеотеческим патриашим книгам». Однако часть священников считала отвержение Собора неверным, а использование данных книг — возможным. Другие же члены Собора, наоборот, изначально нашли в Симаковских изданиях массу ошибок.

Активные старообрядцы, согласные с запрещением на использование ряда книг, писали на Собор, что эти книги требуется не просто запретить, а изъять из употребления. (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 47. Л. 138–139, Д. 273. Л. 71об.–72).

25–30 июля 1908 г. Собор вновь обсуждал дело о типографии Симакова. (Собор старообрядческих епископов // Голос Москвы. 1908. № 176. С. 3). Была избрана комиссия из 2 епископов, 13 священников и 7 мирян для проверки книг, изданных под редакцией Арсения. (Освященный собор // Церковь. 1908. № 31. С. 995). Среди членов комиссии был проведен опрос, согласны ли они теперь с решением Собора и защищают ли до сих пор эти книги. (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 79. Л. 42).

Выступая на Освященном Соборе с докладом, архиепископ Иоанн отмечал низкое качество издаваемых ныне книг, их несоответствие древним образцам и необходимость открытия своей типографии, находившейся бы всецело в ведении Освященного Собора. (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 26. Л. 118–119 об.).

Обсуждалось, нужна ли все-таки своя типография на Рогожском или возможно только проверять издания «коммерсантов». Епископ Александр нашел в «Стоглаве» доказательство в пользу собственной типографии. Священник А. Старков и епископ Иннокентий дискутировали о том, гарантирует ли проверка архиепископом текстов издание правильных книг. (Освященный Собор Старообрядческой Церкви // Старообрядцы. 1908. № 8–9. С. 747–752).

С 1906 г. Собор неоднократно намеревался устроить типографию на Рогожском кладбище. (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 26. Л. 130; Д. 21. Л. 58–59). Но «никто ничего не делал» из-за отсутствия средств, в размер которых, по предложению священника Г. Карабиновича, следовало также включить «содержание лица, которому будет поручено печатание, корректура и т. д.». (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 121. Л. 49, Д. 194. Л. 60–61 об.).

21–23 февраля 1909 г. архиепископ Иоанн нанес архипастырский визит в г. Уральск. В рамках программы было запланировано посещение типографии А. Симакова. Архиепископ осматривал типографию в сопровождении двух диаконов и председателя местной общины Ф.В. Першина. Он посетил практически все отделения, кроме штамповального и стереотипного: наборную, корректурную, переплетную, машинное отделение, взял каталог готовой продукции, благословил сотрудников. Владелец типографии Симаков преподнес архиепископу Праздничную Минею в особом переплете с золотым обрезом, вызолоченными застёжками и заставицами и дарственной надписью. Предстоятель остался «весьма доволен» осмотром типографии: «Я никак не думал, что в Уральске такая обширная типография, ну, дай вам Бог трудиться и работать». (Приезд владыки // Церковь. 1909. № 12. С. 419).

В 1910 г. архиепископ Иоанн напомнил Совету Рогожской общины об организации на кладбище типографии, подчиненной непосредственно Собору. (РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 89. Л. 63–64 об.).

12 сентября 1910 г. типография при московской архиепископии была освящена. Она расположилась в прежней квартире архиепископа по адресу Николо-Ямской тупик, дом 6. При открытии в распоряжении типографии находились только одна ручная машина и один шрифт, точная копия со шрифта времен патриарха Иосифа, заказанный священником Иоанном Власовым, специалистом по древним книгам. Типография была организована на паёх и на пожертвования по подписке. Первой изданной в ней книгой была учебная Псалтырь. (Открытие новой типографии // Церковь. 1910. № 38. С. 953).

2 июля 1911 г. один из экземпляров Псалтыри был подарен на 25-летие служения в священном сане епископу Мелетию. (Преосвященный Мелетий... // Церковь. 1911. № 34. С. 822–823).

Л.Л. Селиванова
ИВИ РАН

Загадочная киренская драхма в коллекции герцога Девонширского

Нумизматика редко даёт артефакты, представляющие взаимный научный интерес. Тем увлекательней находить и исследовать такого рода казусы. Истоки этой вспомогательной исторической дисциплины берут своё начало с эпохи Возрождения, когда в начале XV в. в Италии очень популярным увлечением стало коллекционирование монет. Тогда же появились и первые труды с подробным описанием

монетных изображений и легенд. В XVIII в. были предприняты первые попытки систематизировать эти материалы, а в 1738 г. Иоаанн Генрих Шульце (1687–1744), немецкий химик, физик, врач и выдающийся нумизмат прочитал в университете Галле первую лекцию об истории и чеканке монет. Окончательно нумизматика как наука оформилась в XIX в., были опубликованы основополагающие труды по всем разделам этой дисциплины, составлены первые каталоги, разработана классификация. Огромнейший вклад в её развитие внесли учёные-просветители И.И. Эккель (исследовал античные монеты), Г. Гротте и И. Мадер (изучали средневековые монеты). «Отцом» нумизматики считается Иоганн Иосиф Иларий Эккель (1737–1798), австрийский священник-иезуит, с 1774 г. директор Собрания антиков Венского мюнцкабинета и профессор археологии Венского университета. Именно в мюнцкабинетах Парижа, Лондона, Петербурга, Вены и Берлина, при которых имелись хорошие библиотеки, родилась научная нумизматика. Главной задачей новой науки эпохи Просвещения стала борьба с дилетантизмом, которому необходимо было противопоставить строгую классификацию накопленного материала. Её и предложил Эккель в своём главном 8-томном труде «Наука о древних монетах». В этом монографическом издании, над которым учёный работал около восьми лет, систематизированы научные исследования прошлых веков в области нумизматики. Применённый им географический принцип классификации античных монет стал общепризнанным и сохраняет своё значение до сих пор. Эккель разделил монеты на греческие и римские и распределил их по городам чеканки в географическом порядке: по северному побережью Средиземного моря от Испании до Сирии и обратно по берегам Африки. Внутри этой схемы монеты располагались в строго хронологическом порядке. В классификации Эккеля присутствует более 70 тысяч видов монет.

В культуре европейского Просвещения приоритет принадлежал Англии, где в XVII в. трудами Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса, Исаака Ньютона и Джона Локка начала формироваться идеология Века Разума. Именно в Англии была опубликована первая серьёзная работа о греческих монетах, правда, на итальянском языке. Автор её — Никола Франческо Хейм родился в Риме в 1678 г. в семье музыкантов немецкого происхождения. В 1701 г. по приглашению Ризли Рассела, маркиза Тавистока (впоследствии герцога Бедфорда) он приехал в Лондон в качестве профессионального виолончелиста, а также либреттиста некоторых опер Генделя и Джованни Бонончини. В 1722–1728 гг. он служил секретарём Королевской академии музыки и своим музыкальным творчеством сумел привить англичанам вкус к итальянской опере. Кроме того, Хейм коллекционировал картины и редкие

книги, а также прославился как один из пионеров итальянской библиографии, опубликовав в 1725 г. «Biblioteca Italiana, o sia Notizia de' Libri Rari nella lingua Italiana». Но этим его интересы не ограничивались. В 1719 г. для типографии Тонсона в Лондоне он составил каталог древнегреческих и римских монет и медалей «Tesoro Britannico overo Il Museo Nummario», проиллюстрировав его собственными рисунками. Своё исследование Хейм начал в 1715 г., получив доступ к восемнадцати крупнейшим английским коллекциям монет того времени, в том числе принадлежавшим герцогу Девонширскому и графу Пемброку. Опубликованные им подборки из различных собраний были оценены по достоинству и в 1762 г. перепечатаны в Вене на немецком языке. Об одной древней киренской монете, сыгравшей огромную роль в развитии нумизматики благодаря Хейму, и идёт речь в докладе.

В коллекции герцога Девонширского Н.Ф. Хейм обнаружил золотую киренскую монету с изображением странного маленького зверька рядом с сильфием, растительным символом древней Кирены. Это вызвало междисциплинарный интерес в эпоху английского Просвещения. Предметом исследования являются подобные монеты Кирены, задачей — анализ их иконографии, а именно: идентификация «зверушки» и предположение возможной причины её изображения вместе с сильфием.

Д.В. Сень
д.и.н., проф. Института истории
и международных отношений ЮФУ

Мировщики во взаимоотношениях Войска Донского и османского Азова

На протяжении второй половины XVI в. — 1736 г. (с перерывом в 1696 г. — начале 1712 г.) Войско Донское и османский Азов активно взаимодействовали друг с другом не только в пространстве конфронтации. Стороны сумели создать особую культуру пограничного диалога, являвшуюся органичной частью вековых азово-казачьих отношений и их межкультурной коммуникации. Эта культура относилась к числу устойчивых факторов, обеспечивавших как существование донского казачества, так и функционирование пограничного Азова на протяжении весьма длительного времени. Неотъемлемой частью данной культуры является традиционное для донцов и азовцев (включая различные категории населения Азова, но не только янычар) историко-правовое явление — «замирение/розмирение» (*Сень Д.В.* Вынужденное соседство: традиции

«замирения/розмирения» Войска Донского и османского Азова // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Ростов н/Д., 2001. С. 170–187). Оно включало в себя различные формы взаимной вербальной и невербальной коммуникации (устные переговоры; шертование — включая клятвы и обряды; обмен «мировыми» и «розмирными» грамотами и пр.). Перед нами — сложноорганизованная система взаимной коммуникации казаков и турок-османов, представленная многочисленными организаторами, посредниками и участниками; ее элементы функционировали во взаимоотношениях сторон даже после 1712 г. В свое время В.Д. Сухоруков верно отметил, что «дело обыкновенно начиналось тем, что в Главное Войско приезжали мировщики (из Азова. — Д.С.) склонять казаков к прекращению войны, а когда успевали в том, то поставляли условия договора, утверждаемые со стороны казаков присягою лучших атаманов, а со стороны азовцев шертованием старейшин города» (*Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д., 2001. С. 413*). Мировщики не только «запускали» многоступенчатый переговорный процесс, но также влияли на его последующий ход. Когда «посол» Ф. Кантакузин в 1637 г. появился в Азове перед «Николиным днем» (6. XII с. ст.), то «казаки с Озовцы мирилися, и мировщики учели съезжатца перед Николиным же днем» (*Донские дела. СПб., 1898. Кн.1. Стб. 554*).

Опираясь на собранный материал (главным образом, на российскую делопроизводственную документацию), выскажем некоторые суждения по данной малоизученной исследовательской проблеме. Особую роль в реализации пограничного переговорного процесса между казаками и азовцами играли т.н. мировщики, выбор которых порой становился камнем преткновения для сторон. Истоки «замирения/розмирения» уходят корнями во 2-ю половину XVI в. и, как минимум, в 1-ю половину 1580-х гг. Правда, еще в 1565 г. санджак-бей Кафы (в ведении которого тогда находился Азов), заключил перемирие с донскими казаками. В 1584 г. по царскому повелению донцы должны были отправить в Азов для замирения «*своих атаманов*» (*Сухоруков В.Д. Указ. соч. С. 73*). Уже в 1592 г. замирение азовцев и донцов осуществлялось «по прежнему обычаю». Со стороны Войска мировщиками тогда выступили атаманы *Семен Воейков* и *Смирной Федоров*; на Дон из Азова отправились «азовские люди» и «греческий поп». Важно отметить, что мировщиками с обеих сторон становились, как правило, «лучшие люди». Данное обстоятельство не раз отмечено современниками. В 1616 г. мировщиками в Азов отправились атаман *Василий Черный*, *Гаврила Стародуб* (ранее был

атаманом легкой станицы, Василий Болдырь, принявшие шерть у «азовцов лутчих людей». В 1631 г. среди казаков-мировщиков находим Алексея Лома, Самойлика Ефремова с товарищами. В декабре 1685 г. мировщиками от Войска выступили К.М. Чурносов, В. Волошинин, П. Сергеев, О. Чеботарь (РГАДА. Ф.111. Оп. 1. 1686 г. Д. 3. Л. 6), половина (как минимум!) которых (К.М. Чурносов и П. Сергеев) пользовалась на Дону немалым авторитетом.

Азовцы, как правило, первыми запрашивали казаков о мире (после очередного «розмирья» — что тоже влияло на выбор османской стороной своих мировщиков). Азовцы регулярно пользовались услугами местных «татар» (ногайцев) и представителей т.н. азовских жильцов, т.е. представителей местного (торгового?) городского населения. В августе 1622 г. к донским казакам отправился из Азова мировщик Мустафа Картавий. Оказалось, что он — «старой азовской мировщик, и наперед сего донских казаков всегда с азовцы миривал» (Служба донских казаков XVII век: материалы по истории и генеалогии казачества / авт.-сост. В.А. Гусев. Волгоград, 2015. С. 30). Донцы не поверили тогда Мустафе «в мирном постановленье, а сказали, что за его миром азовцы николи с ними в миру не устаивают, и мир свой нарушают, и оставили его у себя» (Там же. С. 30). В Азов отправились атаман В. Черный и толмач И. Скора — для переговоров с турками-османами «о миру говорить, и в заклад дали лутчих азовских людей, кому можно верить, и за кем бы был мир крепок» (Там же. С. 30). Переговоры о мире продолжались между 8 и 15 августа 1622 г. Для этого на Дон приезжали лучшие азовские татары, «а в Азов ездили атаманы и казаки лутчие ж». 4 сентября 1630 г. «азовской Умер-бей, и чербачей, и кадыи, и аги» направили на Дон азовского жильца Дергатку — «на договор х казаком о миру» (Там же. С. 56). Войско настаивало на присылке «мировщиков, которые с ними миривались наперед сего» (Там же. С. 56). Присланный же из Азова 8 сентября «мужик» (т.е. жилец), знакомый донцам по прежним замирениям, их не устроил: «...а с тем мужиком им не мириватца потому, что преж сево у них за миром тово мужика азовцы многих казаков побили, и они ему не верят». Казаки требовали уже зарекомендовавшего себя мировщика — татарина Мармалейку, «о котором они писали наперед того». Мармалейко выехал в Войско 11 сентября 1630 г., а два казака-мировщика — в Азов, вернувшиеся на Дон 18 сентября и сказавшие, что они с азовцами помирились. В тех сентябрьских событиях мировщиками от Войска Донского выступили казаки Тимоха Плюхин и некий Лямка (Там же. С. 54). В 1643 г. азовский Реджеп-ага отправил на Дон мировщиком азовского татарина Арслана.

А.В. Сергеев
к.и.н., зав. каф. ЧОУ ДПО
«Институт промышленной безопасности,
охраны труда и социального партнерства»

Землевладельцы Романовского уезда 1550–1630 гг.

Особенность Романовского уезда в плане изучения эволюции состава землевладельцев заключается в возможности проследить ее по нескольким хронологическим «срезам», что осуществимо далеко не для всех районов Московского государства XVI–XVII вв.

Романовский удел был выделен из Ярославского княжества во второй половине XIV в. младшему сыну князя Василия Давыдовича — Роману. По административно-территориальному делению в нем были станы: Васильевский, Городской, Воздвиженский, Здоровецкий, Ильинский, Колохоцкий, Спасский (*Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. М., 1906. С. 588–589). Краткая история этого района изложена в книге И.А. Воротниковой, В.М. Неделина (*Воротникова И.А., Неделин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости центральной России. М., 2013. С. 543–544).

Полнее всего состав землевладельцев Романовского уезда приведен в писцовой книге 1626–28 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 376, 377; ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.448). Описание содержания указанных памятников есть в издании М.Ю. Зенченко (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 4. Писцовые книги Верхнего Заволжья. М., 2010. С. 272–281). Изменения в составе землевладельцев могут быть прослежены по Дворовой тетради (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 145–146) и дозорной книге 1592–94 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 379; *Антонов А.В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601).

В писцовой книге 1626–1628 гг. описаны 467 владений (жирным шрифтом выделены фамилии, отмеченные в «дозорной» книге 1592–94 гг.). Среди землевладельцев выделены следующие группы: князья (**Вяземские**, **Козловские**, Ф.Ф. Волконский, Д.Г. Гагарин, Львов И.А., **Нерыцкие**, **Пронские**); нетитулованные землевладельцы (Бабчиков Т., Бангилдеев Ф., Башмаков Я.Ю., **Берегова Д.**, **Берсеневы**, Бобарыкин Т.И., Борков А.С., Булычёв Ф.П., Верещагины, **Власьевы**, **Воиновы**, Волков П.И., Волынский П.В., Воронцов Б.П., **Восков И.И.**, Всеволоцкая А., **Греченины**, **Григорковы**, Девлекеев Д.,

Дедюлин Б.С., Дунилов Т.И., **Есиповы**, Жеребцов С.А., **Ивановы**, Кармышев У., Карфунов И.А., Клеушев Н.З., Константинов С., **Коржавины**, **Кузьмины**, Кутузов М.И., **Левашевы**, **Лопотов Г.И.**, Мандрькин С.Г., Мартемьянов М., **Мерлеев И.И.**, **Николаев Л.Д.**, **Милюков И.И.**, **Михалков В.Ф.**, **Мячковы**, Наговы, **Павлов (Сербенин) И.Ф.**, **Пасынковы**, Поленов П.А., Порошин И.В., Ратаев Б.И., Сабакин Т.А., Сапины, Сахарников И., **Севрюковы**, Селунский Г.И., Сербенины, **Сикорские (Сигорские)**, Скуратов П.Д., **Сорохтины**, **Стенин И.К.**, **Суковы**, **Сумароковы**, Талызин Л.Л., **Теляковские**, Тимоновы, **Тишинины**, Труфантьевы, Турбаев Л., Тургенев А.Д., **Ушаковы**, **Филиповы**, Харитонов И., Хлоповы, Цвилленев Л.С., Чернцов К.Ч.); роды татар и «новокрещенов» (Исуповы (Юсуповы), Кутумовы и др.); церковные и монастырские земли (вотчины Спасо-Ярославского (в Городском и Васильевском станах), Толгского, Островского монастырей, Соборной церкви Воздвижения Честного и Животворящего креста, церкви Леонтия Ростовского Чудотворца, Соборной церкви Успения Богородицы, 13 церковных Погостов).

У ряда фамилий владения располагались в двух-четырёх станах и только у князей Козловских во всех 7. Среди землевладельцев выделяются «семейные гнезда»: Берсеновых, Власьевых, Гречениных, Григорковых, Есиповых, Мячковых, Наговых, Пасынковых, Теляковских, Тишининых, Ушаковых, а также князей Вяземских, Козловских, Нерыцких.

Из фамилий, отмеченных в Дворовой тетради «по Романову», владения здесь в 1620-х гг. сохранили только выехавшие из Литвы князья Козловские, Нерыцкие, Вяземские. К началу 1590-х гг. потомки князя Романа Васильевича (Морткины, Бельские, Шехонские, Деевы, Львовы, Охлябинины, Хворостинины) в составе землевладельцев этого уезда отсутствовали. Время и обстоятельства удаления их из «родового гнезда» предстоит выяснить. Пока можно отметить, что еще в 1550-х гг. «по Романову» числились почти все состоявшие тогда на службе князя Львовы. В 1590-х гг. среди Романовских землевладельцев они уже не значились. Получение здесь небольшого поместья князем И.А. Львовым в 1620-х гг. было обусловлено родством с князьями Козловскими.

Важным обстоятельством является пребывание в XVI в. в составе Романовского уезда Пошехонья (*Грязнов А.Л.* Белозерские акты XIV–XVI вв. Исследование и перечень. Вологда, 2019. С. 170, 172, 174, 175, 199, 301, 312, 326, 328, 330, 334, 343, 344, 351 и др.). Из этого факта следует, что часть записанных «по Романову» в Дворовой тетради лиц, могли быть «пошехонцами». Только князей Вяземских, Козловских, Нерыцких, Бабичевых можно однозначно

считать «романовцами», а случаи князей Львовых и других лиц остаются спорными. Еще одним вопросом является время обособления Пошехонья от Романовского уезда. Пока известно, что разделение этих районов относится к 1563 г., когда Иван Грозный «променил» удельному князю В.А. Старицкому «город Романов на Волге и с уездом, опричь Рыбные слободы и Пошехония» (Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 372). Не известно, закрепилось это отделение в дальнейшем или нет, и в какой мере Пошехонье сохраняло «обособленность» в период пребывания в составе «Романова». В начале 1560-х происходило расселение на землях Романовского уезда выехавших из Ногайской орды Иль-Мурзы Юсуфова (Исупова, Юсупова), Алей-Мурзы, Айдар-Мурзы Кутумовых, Шейдяковых, а также «послужильцев» указанных князей (Писцовые книги Верхнего Заволжья... С. 274; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 1. С. 397–398).

Таким образом, в конце XV в. земли бывшего удела князя Романа Васильевича стали собственностью великого князя Московского и были использованы для расселения князей, переходивших из Литвы на московскую службу в ходе войн конца XV — начала XVI в., а позднее — ногайских татар, приехавших служить Московскому государю. Прежние вотчинники из потомков князя Романа (возможно, кроме князей Львовых) оказались за пределами уезда.

И.И. Синчук
науч. консульт. изд-ва
«Белорусская энциклопедия»

«Ведомость Витебской таможенной заставы» как памятник исторической хронологии начала XVII века

В 1883 г. был опубликован перевод отчета «Regestr wybirania myta starego na przykomorku Witebskim przez mie, Eusthaphia Mereckiego poczawszy od iedynastego dnia Janiŕna^o DNI: 1605» [последняя часть с обычными сокращениями под титлом и с выносной буквой «о» читается как «jedynastego dnia Januarii Anno Domini 1605» — И.С.] (Витебская старина. Т. 1. Витебск, 1883. С. 321–337, вкл. С. 320). «Ведомость о взимании мною, Евстафием Мерецким старых таможенных пошлин на Витебской таможенной заставе 11 января 1605 года» начинается с 11 января 1605 г. (как точно указано в названии оригинала) и кончается 11 января 1606 г. (что следует из текста). Это уточнение позволяет не рассматривать возможность случайной первой записи именно 11 января 1605 г.

Ранее отмечалось использование в ведомости архаичного трехфракционного денежного счета на копы-гроши-пенязи вместо декларированного унификационной денежной реформой Стефана Батория еще в 1580 г. трехфракционного золотого счета (*Синчук И.И.* Денежный счет Ведомости Витебской таможенной заставы 1605 г. // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 21–25 апреля 1997 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1997. С. 53–55).

Так же необычна система датирования документа: 1) используется счет лет от Рождества Христова, который ассоциируется в это время с католической и протестантской Западной Европой с григорианским календарем, 2) «финансовый» год документа начинается и оканчивается 11 января следующего года, 3) календарный год документа начинается с 1 января, 4) разница между ними составляет 10 дней — именно 10 дней в XVII в. составляла разница между старым юлианским и новым григорианским календарями (в 1605 г. 11 января по григорианскому календарю соответствовало 1 января по юлианскому календарю), 5) юлианский календарь ассоциируется для этого времени с использующими его униатами и православными Речи Посполитой. Очевидно, что в документе использована некая эклектическая календарная система.

Ранее отмечалось, что документы, созданные на территории Речи Посполитой, в частности, на территории современной Беларуси, часто требуют иных приемов перевода к принятому в Российской империи юлианскому и, с 1918 г., григорианскому календарю РСФСР (*Горбачевский Н.* Краткие таблицы, необходимые для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований и в частности для разбора древних актов и грамот Западного края России и Царства Польского. Вильна, 1867. С. [3]; *Пронштейн А.П.* *Кияшко В.Я.* Хронология: Учебное пособие. М., 1981. С. 94; *Белецкий С.В., Воронцова И.В., Дмитриева З.В. и др.* Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 199).

Поликонфессиональная Речь Посполитая перешла на григорианский календарь 4 (15) октября 1582 г., подданные «греческой веры» с королевского разрешения 1585 г. придерживались старого календаря, после подтверждения акта 1595 г. о присоединении к Римско-католической церкви на Брестском церковном соборе 1596 г. была создана Русская Униатская Церковь (поместная католическая церковь греческого обряда), однако восточнокатолическая церковь византийской литургической традиции придерживались в богослужении православного месяцеслова.

Архаичный юлианский календарь на территории «вновь приобретенного» Западного края Российской империи в качестве гражданского вводился взамен более точного григорианского по мере присоединения новых территорий в результате разделов Речи Посполитой. В монографических исследованиях, учебных и справочных пособиях, защищенной диссертационной работе по белорусской хронологии отсутствуют упоминания об изменении календарей в XVIII в. и реалиях их применения в результате разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 гг. как в гражданском документообороте, так и в конфессиональной практике на территории Беларуси в современных границах, поле остается открытым для исследований.

Стоит упомянуть, что в Речи Посполитой и присоединенных Российской империей землях использовались и иные календари: иудеев, караимов (несколько отличный от иудейского), мусульман. Например, в кагальных актах (кахал, ивр. *קהל*, дословно толпа, собрание народа, сход — орган еврейского общинного самоуправления) и синагогальной практике использовался лунно-солнечный иудейский календарь с эрой от сотворения мира 3761 г. до н.э. (по эре от Рождества Христова), с «плавающим» Новым годом (Рош ха-Шана), приходящимся на сентябрь или октябрь христианских календарей, то есть принципиально отличный от солнечных юлианского и григорианского календарей, используемых христианами. Об его использовании свидетельствуют документы минского кагала к XVIII — нач. XIX в. (*Брафман Я.* Книга Кагала: Материалы для изучения еврейского быта. Вильна, 1869; *Брафман Я.* Книга Кагала. Ч. II. СПб., 1875; *Ермолаев И.П.* Историческая хронология. Казань, 1980. С. 197–209). К сожалению, ныне неизвестно какая сфера употребления осталась за иудейским календарем после упразднения кагальной системы в Российской империи в 1844 г.

Можно ожидать в будущем появления ориентированных на белорусские земли исследований используемых календарных систем и их взаимодействия.

В документе 1605 г. был выявлен неизвестный ранее гибридной «аппликационной» конструкции календарь. Существенно, что это памятник не частного обращения, но отчет перед вышестоящей державной инстанцией. На базовый старый календарь, используемый верующими восточного обряда после введения нового календаря в 1582 г., наложился новый католическо-протестантский официальный григорианский календарь финансовой отчетности.

А.В. Смирнов
ассистент каф. судебной медицины
Медицинского института ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»

О юбилейной медали в честь И.В. Буяльского 1864 г.

Жизнь и деятельность Ильи Васильевича Буяльского (1789–1866), блестящего хирурга и анатома первой половины XIX в., хорошо известна не только специалистам с медицинским образованием, но и гуманитариям, что свидетельствует о его большом вкладе в отечественную науку и культуру. Его многолетняя дружба и тесное сотрудничество с деятелями искусства, его популярность в петербургском обществе предопределили появление многочисленных прижизненных изображений врача, в числе которых имеются произведения живописи, графики, скульптуры и медальерного искусства

20 августа 1864 г. исполнялось 50 лет служения И.В. Буяльского на ниве отечественной медицины. По сложившейся к тому времени традиции, Конференция Медико-хирургическая академия (далее — ИМХА) приняла решение торжественно отметить этот юбилей. 10 сентября 1864 г. Конференция ИМХА направила отношение в Конференцию Императорской Академии художеств с просьбой о содействии в сборе денежных средств для празднования торжества и изготовлении памятной медали в честь Буяльского:

«В августе месяце сего года кончился срок 50-летней службы Заслуженного профессора и Академика Императорской Медико-Хирургической Академии Тайного Советника Буяльского, начавшего поприще своей ученой и учебной деятельности в этой Академии, где он окончил курс наук в 1814 году, преподавал Анатомию 30 лет, состоит и ныне почетным членом Академии. ... Осознавая важность заслуг Г. Буяльского, посвятившего полвека труду для пользы науки и человечества, Конференция исходатайствовала Высочайшее соизволение праздновать юбилей 50-летней службы его 20 сего Сентября с выбитием особой медали по тому случаю, и открытием между врачами подписки для празднования этого юбилея. Конференция Академии, имея ввиду, что Заслуженный Профессор Г. Буяльский состоит по настоящее время преподавателем в Академии Художеств, имеет честь сообщить Конференции оной с тем, не благоугодно ли будет кому-либо из членов оной принять участие в подписке для празднования юбилея, известив при этом, что сбор делается для выбития медали и поднесения ее юбиляру на серебряном подносе...» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Лит. Б. Д. 91. Ч. 1. Л. 29–30).

На просьбу откликнулись К.А. Тон, Ф.А. Бруни, А.П. Брюллов, П.К. Клодт, А.Т. Марков, Т.А. Нефф, сделавшие пожертвования (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Лит. Б. Д. 91. Ч. 1. Л. 31–31 об.). Вскоре на собранные по подписке деньги медальером П.Л. Брусницким (1816–1871) по высочайше утвержденному эскизу была изготовлена модель, на основе которой на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканили памятные медали в золоте, серебре и бронзе.

В русской нумизматической литературе она была впервые описана Ю.Б. Иверсеном в 1880 г. (*Иверсен Ю.Б.* Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. Т. 1. СПб., 1880. С. 77–78), однако в Германии медаль в честь И.В. Буяльского стала известна уже во второй половине 1860-х гг. (*Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde.* Bd 3. Berlin: Schneider, 1866. S. 117).

Диаметр медали — 62 мм. На аверсе по окружности расположена надпись: «ОТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ И РОССІЙСКАГО МЕДИЦИНСКАГО СОСЛОВІЯ». Внутри — профильный погрудный портрет Буяльского в парадном мундире тайного советника с эполетами, орденой лентой и знаками ордена Св. Анны 1 степени (пожалован в 1856 году) — крестом и звездой на правой стороне груди, а также с крестом ордена Св. Станислава на шейной ленте. В обрезе плеча подпись: «П. БРУСНИЦЫНЪ Р». На реверсе по окружности изображены полувенки из листьев (слева лавра, справа — дуба), которые внизу связаны лентой. В вершине венка разрыв, в нем шестиконечная звезда с лучами, под дной десятистрочная надпись: «1864 | ІЮЛЯ 24 ДНЯ, | СЪ ВЫСОЧАЙШАГО | СОИЗВОЛЕНІЯ, | ЗАСЛУЖЕННОМУ ПРОФЕСОРУ | ИЛІЪ ВАСИЛ. БУЯЛЬСКОМУ | ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ | ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ | НА ПОПРИЩѢ СЛУЖБЫ | И НАУКИ».

Изображение Буяльского на аверсе медали восходит к профильному барельефному портрету из воска, который был выполнен в 1843 г. вице-президентом Императорской Академии художеств графом Ф.П. Толстым (1783–1873). В настоящее время он хранится в Государственном историческом музее (Инв. ИЗО ГИМ ИВ-1282). Многочисленные бронзовые отливки с воскового оригинала 1843 г. находятся собраниях Государственного Эрмитажа, Государственного музея А.С. Пушкина, Военно-медицинского музея, а также в частных коллекциях.

Торжество состоялось 20 сентября на квартире Буяльского на Сергиевской ул., где собрались коллеги Ильи Васильевича по ИМХА, представители Медицинского совета МВД, Военно-медицинского ученого комитета, Медицинского управления морского университета, Гвардейского корпуса и военно-учебных заведений,

2-го Военно-сухопутного госпиталя, Петербургского и Московского Обществ русских врачей. Торжество открыл президент ИМХА профессор П.А. Дубовицкий (1815–1868). После прочтения поздравительного письма товарища министра внутренних дел А.Г. Тройницкого, он поднёс юбиляру выбитую в его честь золотую медаль и от имени Академии обратился к нему с приветственной речью. В ней он, в частности, сказал: «Конференция императорской медико-хирургической академии, считая священным долгом своим почтить многочисленные заслуги вашего превосходительства на поприще врачебном, ученом и учебном, исходатайствовала высочайшее разрешение, последовавшее 3-го апреля сего года, праздновать ваш 50-ти летний юбилей и в память его выбить медаль по высочайше утвержденному 15-го мая рисунку. ... Ваш праздник есть праздник и самой академии, ибо в лице вашем она празднует заслуги воспитанника своего, в течение 30 лет бывшего одним из самых полезных деятелей ученого ее сословия, способствовавшего распространению в России анатомических и в особенности хирургических сведений, занявшего почетное место в русской медицинской литературе и получившего заслуженную известность на поприще практической хирургии» (Юбилей 50-летней медицинской службы тайного советника, доктора медицины и хирургии и заслуженного профессора Ильи Васильевича Буяльского 1864 года, сентября 20. СПб., 1865. С. 5).

Впоследствии медаль, преподнесенная И.В. Буяльскому, вошла в музейное собрание ИМХА, а затем при учреждении Военно-медицинского музея (1942 г.) была передана в его научные фонды одновременно с частью предметов из личного собрания академика.

*Н.В. Соколова
к.и.н., с.н.с., Институт славяноведения РАН,
Отдел археографии (Археографическая комиссия)*

Преамбулы описных книг вотчин патриарха (1701–1703 гг.) и «типовой» наказ Монастырского приказа переписчику: общее и особенное в структуре, формулах, содержании

Описание церковно-монастырского имущества и вотчин производилось во исполнение именного указа Петра I от 31 января 1701 г. Посланным для этого в уезды стольникам, дворянам и стряпчим из Монастырского приказа были даны указы. Текст, предваряющий описные книги переписчиков, традиционно называют преамбулой. В 2008 г. мною была высказана гипотеза, «что содержание наказов нашло косвенное отражение в преамбулах монастырских описных

книг». Анализ описей нижегородских монастырей показал, что «трем типам объектов описания — монастырь, церковь в селе, вотчина (село и тянущие к нему деревни) — соответствуют три типа преамбул». Изучение соотношения в преамбулах заимствований из гипотетического «типового» наказа и новелл позволило сделать вывод, что «в преамбуле оказывалась в концентрированном виде изложена не столько даже программа, сколько реальная процедура конкретного описания» (*Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века. Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: сб. науч. тр. Калининград, 2008. С. 55–56).

Настоящее исследование стало продолжением той работы на новых источниках. Его задачей является сравнительный анализ формул и структуры преамбул описных книг патриарших вотчин (РГАДА. Ф. 236. Д. 119) и недавно выявленного в ГАВО списка «образцового» (или «типового») наказа (опубликован: *Баинин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 565–566).

Из 33 описных книг, входящих в «патриарший» конволют (2⁰, 1007 лл.), преамбулы есть в 25. Порядок параллельных фрагментов во всех преамбулах изоморфен, что позволяет вычлениить семь элементов их структуры: 1) дата; 2) источник полномочий переписчика; 3) имя переписчика; 4) объект описания; 5) «программа» описания; 6) источники информации для составления описных книг; 7) заключительная формула. Все семь элементов одновременно присутствуют в преамбулах 18 описных книг. Первые четыре элемента, восходящие к начальному протоколу «типового» наказа, есть во всех 25 преамбулах.

Элемент «дата» обычно фиксирует время составления книг уже в новом формате. Двойная датировка («Лета от сотворения мира 7210 году, а от Рождества Христова 1701-го году в декабре месяце») употреблена единственный раз — в описной книге Московского у. А.А. Юшкова. В большинстве преамбул указан не только месяц, но и день.

Второй элемент представляет собой формулу, имеющуюся и в начальном протоколе наказа — «по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по наказу из Монастырского приказу». Некоторые отличия в этой части преамбулы наблюдаются в трех описных книгах.

Третий элемент содержит сведения о переписчике, часто более детализированные, чем в скрепах по листам описи. Как правило, он назван с полной формой отчества на «-вич», с указанием чина и, при наличии, титула.

Еще один элемент преамбулы — «объект описания» — в «типовом» наказе прописан в виде нескольких блоков: 1) архиерейский дом или монастырь (церкви, имущество, люди, хозяйство), 2) вотчины (подворные описи населения, рента, владельческое хозяйств, оброчные статьи), 3) церкви, 4) городские дворы. В «патриаршем» конволюте представлены преамбулы, восходящие к двум из них: а) предваряющие описи церкви, б) села и патриаршего хозяйства в нем, в) церкви и села — с общей преамбулой. «Объект» назван с указанием его административно-территориальной принадлежности (уезда, стана, волости). Степень детализации различна: от обобщенного «в Можайском уезде в розных станех и в волостях домовые святейшаго патриарха вотчины села и деревни» до подробного перечисления всех поселений, порой с добавлением тех или иных не предусмотренных наказом сведений (например, о прежнем владельческом статусе или местных гидронимах).

Пятый элемент преамбулы неразрывно связан с предыдущим, поскольку уже в наказе «объект» в значительной мере предопределял содержание описания, его «программу». Для него также характерна вариативность, особенно бросающаяся в глаза в формулах, используемых в связи с учетом населения и ренты. Важным, хотя, как и предыдущий, необязательным элементом преамбул были сведения об источниках описных книг. Необязательными их делало то, что «заказчику» наказ, а, следовательно, и процедура описания были хорошо известны. Тем не менее, в ряде преамбул фигурируют «скаски» (приказчиков, крестьян, священников) как основа для составления книг. В качестве приправочных документов использовались «перечневые списки» с переписных книг 1678 г., упоминающиеся как в «типовом» наказе, так и в описях. В «патриаршем» конволюте два из трех упоминаний их приходятся на преамбулы.

Последним элементом преамбулы была формула о том, что далее в рукописи следуют результаты исполнения переписчиком полученного наказа («и то все писано в сих книгах имянно по статьям», «и то писано ниже сего порознь по статьям»). Неявная отсылка к начальному протоколу наказа («и учинить по статьям, каковы писаны ниже сего») представляется очевидной.

Таким образом, общая идея 2008 г., согласно которой, «поскольку наказ, скорее всего, был единым для описания не только самого монастыря, но и его вотчин, целесообразно рассматривать преамбулы как

состоящие из блоков, имеющих определенное соответствие в разных местах протографа», находит подтверждение в новых источниках. Как показал анализ описей вотчин патриарха и «вологодского» списка «типового» наказа, структура и многие формулы преамбул, безусловно, основаны на наказе из Монастырского приказа. Но новеллы, прежде всего в 4 и 5 элементах преамбулы, показывают, что простой «калькой» наказа она не была. Следовательно, и заменить его в исследовании — не сможет.

Я.Г. Солодкин
д.и.н., проф. Нижневартковского ГУ

К датировке «Утвержденной грамоты» Земского собора 1598 г.

«Утвержденная грамота» (далее — УГ) — основной документ Земского собора, санкционировавшего возведение Бориса Годунова на царство, — в историографии последних десятилетий зачастую относится к первым месяцам 1599 г. (*Павлов А.П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1978. Вып. 10. С. 213–214, 220–223, 225; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 140, 141, 281; *Солодкин Я.Г.* Московское государство накануне Смуты. Спорные проблемы политической истории рубежа XVI–XVII вв. Нижневартовск, 2013. С. 50, 117–119, и др.). Обращение к перечням жильцов, московских и выборных дворян из завершающих этот пространственный документ «росписи» участников «избирательного» собора (хотя бы гипотетических) и их «рукоприкладств» позволяет уточнить приведенный вывод.

Под рубрикой «у жилцов» (такое же обозначение имеется в боярском списке конца 1598 г.) в УГ названы 13 лиц: князя Федор, Яков, Михаил, Иван Барятинские (в этом чине все они служили и десятилетием ранее, см.: Боярские списки последней четверти XVI–начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 111, 117, 183) — сыновья ранее упомянутого в той же «избирательной грамоте» дворянина московского П.И. Барятинского (младший сын которого Никита являлся в начале царствования Бориса Федоровича стряпчим с платьем), А.В. Безобразов, И.Н. Салтыков, И.Л. Мосальский, М.Ф. Аксаков, И.Ш. Бибиков, А.О. Пушкин, Ф.И. Кузьмин, М.С. Дмитриев, П.Г. Совин. (Позднее вслед за дворцовыми ключниками в УГ перечислены еще 43 жильца.)

11 из упомянутых лиц — князь Ф.П. Барятинский и его братья (кроме младшего), за которых он «руку приложил», И.Ш. Бибиков,

А.В. Безобразов, И.Н. Салтыков, И.Л. Мосальский, Ф.И. Кузьмин (за двух последних, как и Т.В. Грязного и Я.И. Старкова, расписался столичный дворянин В.Я. Кузьмин — дядя Федора Иванова сына), А.О. Пушкин и входивший в конце 1580-х гг. в состав можайских выборных М.Ф. Аксаков — в конце «реестра» «рукоприкладств» значатся уже дворянами московскими, а числившийся в 70–80-х гг. XVI в. выборным по Мещевску П.Г. Совин и М.С. Дмитриев отнесены к «выбору» (ААЭ. СПб., 1836. Т. II. С. 43, 44, 50–53). Полагать, что Ф.П. Барятинский подписал УГ «в качестве жильца» (*Солодкин Я.Г.* Первые воеводы и головы Сургутского уезда // *Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург, 1999. Вып. II. С. 5*), таким образом, не стоит, как и считать этого князя, назначенного в 1601 г. третьим воеводой Царева-Борисова, одновременно жильцом и предположительно дворянином московским (*Анхимюк Ю.В.* К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царев-Борисов в конце XVI — начале XVII в. // *Российское государство в XVI — начале XVIII веков. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М., 2022. С. 343*).

Таким образом, за время, разделяющее появление «росписи» участников соборных заседаний (вернее, представленных таковыми составителями УГ) и их «рукоприкладств» чиновный статус 13 упомянутых вначале среди жильцов лиц существенно изменился.

Заметим, что перечень выборных дворян разрывается в интересующем нас документе списком стрелецких голов, а князь Ф.П. Барятинский (накануне управлявший, хотя и недолго, только что основанным Сургутом) расписался на УГ и за дворянина московского, ранее дорогобужского выборного Д.М. Истленьева, а И.Ш. Бибиков — за столичного дворянина Г.А. Нащокина. Говорить о том, что «первая служба» Ф.П. Барятинского приходится на 1588 г. (*Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 579), следует только предположительно. Ведь, по наблюдениям С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, боярский список того времени, где впервые, насколько известно, упомянут будущий тушинский боярин, воеводствовал в Ярославле и Новгороде Северском, перестал использоваться в делопроизводстве Разрядного приказа лишь незадолго до середины декабря 1589 г. (Вступительная статья // *Боярские списки ... Ч. 1. С. 30, и др.*). Кстати, утверждение Я.В. Леонтьева, будто «князь Яков (Барятинский. — Я.С.) ... подписался на грамоте об избрании на царство Бориса Годунова», неточно, а мнение, что будущий соратник знаменитого боярина М.В. Скопина-Шуйского стал нести службу позднее старшего брата — в 1589 г., когда участвовал в «немецком» походе Федора Ивановича к Ругодиву

или Нарве (*Леонтьев Я.В.* «Предаст же брат брата на смерть...» (воевода князя Скопина-Шуйского Я.П. Барятинский и тушинский воевода в Ярославле Ф.П. Барятинский) // *Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.)*. М., 2012. С. 279, 280), должно считаться гадательным.

В боярском списке, составленном в конце 1598 г. (после 26 октября), — по определению С.П. Мордовиной и А.Л. Станиславского, перечне лиц, служивших тогда в Москве, единственным среди жильцов числится А.В. Безобразов, а князь Ф.П. Барятинский с братьями, кроме младшего, М.С. Дмитриев, И.Ш. Бибиков и А.О. Пушкин названы последними среди столичных дворян (Боярские списки ... Ч. 1. С. 183, 186). Этот боярский список, получается, возник какое-то время спустя и «рописи» принявших участие в Земском соборе (хотя бы номинально), и их «рукоприкладств». Стало быть, начало создания УГ (две рукописи которой передали в «царские хранилища» и Успенский собор московского Кремля, см.: ААЭ. Т. II. С. 46, 152–153, ср.: С. 41) можно приурочить к первым неделям осени 1598 г., — вероятно, тем, которые последовали за коронацией Бориса Федоровича 3 сентября. (Царем же он считался, в частности, еще 8 августа того же года, см.: Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Изд. Археографическою Комиссиею под ред. члена Комиссии Н. Калачева. СПб., 1864. Т. II. Стб. 771).

Н.Е. Соничева
к.и.н., доц. РГГУ

Пространство и время как естественные факторы социокультурного развития в исторической концепции Г.В. Вернадского

Использование естественнонаучных методов в подходе к историческому процессу существовали уже достаточно давно. Примером этому может служить творчество историка Г.В. Вернадского. В частности, им был использован закон соотношения времени и пространства, возникший под влиянием идей его отца, В.И. Вернадского. Знаменитый естествоиспытатель свои взгляды сформулировал так: «Одной из самых важных и плодотворных идей [современной науки] является признание, что время и пространство неразрывно связаны между собой и неразделимы в природных явлениях» (Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 348). Эта идея

Вернадского-старшего нашла отражение во взглядах его сына, распространившего принцип пространственно-временной неразрывности на социальные и культурные явления: «Русская история есть история общества, занявшего огромное пространство. Философия значения этого пространства в историческом процессе есть философия всей русской истории» (*Вернадский Г.В.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. М., 1914. № 1. С. 57–58).

Взаимодействие пространственных и временных категорий рассматривались историком на примере колонизации Сибири. Изучение продвижения русского народа вглубь материка, ученый исследовал синхронический и диахронический аспекты этого процесса. Неразрывность пространства способствовала непрерывному стихийному движению русского народа вглубь евразийского континента. Обобщение результатов сравнительно-исторического анализа Европейской России и Сибири позволило Вернадскому сформулировать закон соотношения исторического времени и пространства: «Социальное явление для данной местности измеряется во времени. Для данного момента времени социальное явление различно при перемене пространства... Удаляясь в пространство, мы можем догнать эти убегающие круги... 1000 верст на север или восток от социального центра могут иметь для исследователя такое же значение, как 100 лет вглубь времен» (*Вернадский Г.В.* Против Солнца... С. 57). Вернадский не придает этому закону статуса всеобщего, наоборот, указывает на ограниченность его применения, и, тем не менее, видит в его действии одну из важнейших причин своеобразия истории России, учитывая ее огромные территориальные пространства.

В своей дальнейшей исследовательской практике историк продолжал оперировать понятиями «время» и «пространство», рассуждая о проблеме смены месторазвитий на территории Евразии. Устанавливая систему сменяющихся типов месторазвитий, Вернадский стремился показать, как с течением времени локальные (мелкие) месторазвития (Днепровско-Киевское, Волжско-Болгарское), объединяя на своей территории отдельные племена и народы, к концу XIX в. слилось в одно большое месторазвитие — Евразию (*Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Ч. 1. Прага, 1927. С. 9). Историк стремился подчеркнуть, что система смены нескольких мелких месторазвитий на одно, более крупное, в рамках «цельного географического мира» и есть неизбежное взаимодействие времени и пространства.

Влияние пространственного фактора Вернадский находил и в развитии хозяйства России. Русское население постепенно

перемещалось по территории страны на восток из-за быстрого оскудения почвы. Охотники прокладывали дорогу земледельцам, обеспечивая постоянный поток населения (*Вернадский Г.В.* Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 352).

Вернадский делал попытки рассмотреть соотношение времени и пространства и применительно к истории религии. Многообразии исторических форм христианства ученый объяснял пространственно-временным видоизменением первозданного образца этой религии, который сложился в ее историческом центре (Ближний Восток и Византия). «В разные стороны от этого центра, по мере уменьшения его влияния, распространялись боковые (со всемирной, для средневековой истории, точки зрения) ветви христианства: на Западе, в мире романо-германской Европы — латинство; на Востоке, в мире иранской Азии и турецкой и монгольской степи — несторианство» (*Вернадский Г.В.* Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж, 1927. Вып. 5. С. 160). Следует отметить, что историк не назвал еще южную «ветвь» (монофизиты Сирии, Египта и Эфиопии) и северную (православные народы России). Роль последней он предпочитал трактовать с позиций идеи «Третьего Рима».

Взгляды Вернадского на роль факторов пространства и времени в историческом развитии России не исчерпываются рассмотренными выше тезисами из его работ. Хронологическую последовательность исторических явлений, происходивших на определенном участке пространства, историк обычно исследовал более конкретно, в связи с индивидуальными природными и историческими особенностями месторазвития.

По мнению историка, последствия влияния на историю и культуру России закона соотношения времени и пространства, оказалось значительнее, чем, к примеру, на страны Западной Европы. Русская история развивалась на столь больших пространствах, что в нашей стране в большей степени наблюдалось синхронное сочетание таких социальных и культурных явлений, которые в других странах разделены временными интервалами.

В заключении следует отметить, что некоторые выводы Вернадского остались на уровне гипотез. Историк не стал возвращаться к этой теме, требующей серьезного научного исследования. Закон соотношения времени и пространства он не пытался применить к истории России в целом. Не все положения Вернадского были бесспорными, однако попытки использования методов естественных наук применительно к истории и культуре России, указывают на попытки создания междисциплинарных исследований.

Гербы и знаки пивоваров: от Средневековья к современности

Подобно представителям других гильдий, средневековые пивовары предпочитали использовать в качестве знаков визуальной репрезентации орудия своего труда: черпаки, лопатки, вилки для перемешивания сушла, сусловарочные котлы, бочки и прочие. Другой пласт визуальной репрезентации пивоваров представлен сырьем для изготовления пива: в первую очередь ячменем и хмелем.

Так, например, Гильдия пивоваров Лондона (Worshipful Company of Brewers), основанная в XIII в. получила свой герб в 1468 г., позже он был несколько изменён в 1544 г., но используется организацией с тех самых пор [Официальный сайт Гильдии пивоваров Лондона. [Электронный ресурс] URL: <https://www.brewershall.co.uk/the-company/history-treasures/coat-of-arms> (дата обращения: 5.01.2023)]. Блазон герба следующий: В красном поле серебряное зазубренное стропило, обремененное тремя черными пивными бочками с золотыми обручами, три пары накосо перекрещенных снопов ячменя того же металла (2,1) (Gules on a chevron engrailed argent three kilderkins sable hooped or between three pairs of barley garbs in saltire of the same).

Для эмблем гильдий пивоваров немецкий городов характерен мотив «букета» из тех же орудий для приготовления пива и колосьев злаков либо плодов хмеля, вырастающих из деревянной кадки, в разных комбинациях (*Trum M. Historische Darstellungen, Zunftzeichen und Symbole des Brauer- und Mälzerhandwerks. Weihenstephan 2002 (Diplomarbeit, TU München)* [Электронный ресурс] URL: <https://www.schlenkerla.de/biergeschichte/brauerstern/html/brauerdarstellungene.html> (дата обращения: 8.01.2023).

Подобная репрезентация была широко распространена и представлена значительным объёмом источников. Однако, помимо таких очевидных способов представления себя и своей профессии в визуальном пространстве средневекового города, пивовары пользовались и еще одним, довольно неожиданным знаком.

«Звезда пивовара» — эмблема, часто сопровождающая изображения пивоваров или пивных домов (в основной массе немецких, но не только их) — визуально неотличима от звезды Давида, то есть представляет собой шестиконечную звезду, получаемую при совмещении двух треугольников с разнонаправленными вершинами. Однако указывает она вовсе не на этническую принадлежность пивовара,

а именно на его ремесло. Теоретическая основа использования знака заключается в том, что он складывается из алхимических знаков четырех элементов: воды, огня, воздуха и земли. Все эти элементы используются в приготовлении пива, очищают и преобразуют воду, делают напиток безопасным для питья. Таким образом, пивоварение ставится практически в один ряд с Великим деланием. (*Freimark P. Davidschild und Brauerstern. Zur Synonomie eines Symbols // Festgabe für Hans-Rudolf Singer: zum 65. Geburtstag am 6. April 1990 überreicht von seinen Freunden und Kollegen, Hrsg. M. Forstner. Frankfurt a. M. [u.a.], 1991. S. 629–648*).

Современные пивовары с большим интересом и уважением относятся к историческим эмблемам ремесла. И речь идет, конечно же, не о тех пивоварнях Старой Европы, которые непрерывно работают уже несколько сотен лет, лишь заменив свое производство на более современное, но сохранив рецепты и, соответственно, эмблемы. Так называемая «крафтовая революция» в пивоваренной индустрии, начавшаяся в 1965 г., привела к появлению по всему миру большого числа маленьких местных пивоварен, часто продающих свое пиво исключительно в баре при производстве (как это, кстати сказать, и было в Средние века). И каждая из них столкнулась с необходимостью визуализации как в виде логотипа и торговой марки, так и в виде уличной вывески.

Интересно, что многие из них обратились именно к историческим знакам, но не все смогли правильно их интерпретировать. Так, например, американская пивоварня Sixpoint Brewery («Шестиконечная пивоварня») содержит намек на Звезду пивовара как в названии, так и в логотипе, но почему-то она в нем перевернута на 90 градусов и похожа больше на розу ветров, чем на звезду Давида. Другая американская пивоварня Three Floyds использовала вариацию на темы немецкой гильдейской эмблематики, сделав из кадки с вырастающими из нее инструментами пивоварения (ковшом, вилами для размешивания сусла и лопатки) корону для черепа, а в стилизованном изображении этих орудий уже с трудом угадывается их назначение.

Главный технолог отечественной Selfmade А. Громов о выборе логотипа для своей пивоварни заявил буквально следующее: «Он простой и понятный, но со своим подтекстом. Дело в том, что рука держит пивной ключ — мало кто знает, что это символ профессионализма. [...] Пивной ключ на нашем логотипе — способ передать информацию не столько нашим потребителям, сколько нашим коллегам по индустрии. При общении с пивоварами из других стран это дает нам определенные плюсы. Хотя и у потребителя сама железка в руке в теории должна вызывать интерес». (Интервью Craft Depot

[Электронный ресурс] — Режим доступа: URL.: <https://craftdepot.ru/selfmade-brewery-interview/> (дата обращения: 6.01.2023), тем самым подчеркнув основную функцию и суть гильдейских знаков и пивоваренных эмблем: простоту и узнаваемость, в первую очередь в профессиональном сообществе. В изобразительном отношении он лишь заменил «инструмент ремесла» на более современный.

Л.В. Столярова
д.и.н, г.н.с. ИВИ РАН

О направлениях в развитии славяно-русской палеографии в России

Отдельные случаи применения навыков практической палеографии зафиксированы в русских источниках, начиная с XV в. и касаются либо выявления актовых фальсификатов, либо упоминаются в связи с наказаниями фальсификаторов. Началом палеографии в России принято считать разоблачения А. Денисовым, М. Петровым и Л. Федосеевым подложного «Соборного деяния на еретика арменина, на мниха Мартина» (1717), «Требника митрополита Феоноста», выдававшиеся противниками старообрядчества за подлинники XII и XIV вв. Аргументы старообрядцев еще не выходили за рамки практической палеографии. В перв. пол. XVIII в. возник интерес к тексту как предмету и объекту исследования. Однако наблюдения над формой древнерусских памятников письменности оставались за пределами научного знания. Как наука с особым предметом, объектом и методами исследования славяно-русская палеография получила развитие только во второй четверти XIX в. вместе с изданием первых описаний рукописей (К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, А.Х. Востоков). Мощным толчком к развитию палеографии в России стала трагедия пожара Москвы 1812 г., уничтожившего ряд крупных библиотечных собраний и рукописей, не имевших на момент гибели научного описания.

В то время как западноевропейские палеографы изучали главным образом письмо рукописей, русский купец И. Лаптев впервые в мире обратил серьезное внимание на бумажные водяные знаки, а в 1824 г. опубликовал 28 таблиц с изображением 152 филигранных. В 1844 г. художник К. Тромонин издал уже 1827 водяных знаков, положив начало систематическому выявлению и изучению филиграней как важнейшего датирующего и локализирующего признака. В 1820–1850-е гг. появились труды, посвященные анализу датированных пергаменных книг и актов. А.Х. Востоков (1842) впервые разработал

принципы научного описания рукописей. В 1850–1860-е гг. в России появились их многочисленные «обозрения». Новым этапом в развитии славяно-русской палеографии стало описание рукописей Синодальной (б. Патриаршей) библиотеки, осуществленное А.В. Горским и К.И. Невоструевым (1855–1869, 1917). Накопление фактических сведений о языке и графике памятников письменности Руси привело к созданию обобщающих трудов по их палеографии. Первым из них стал университетский курс И.И. Срезневского (1885). В 1888 г. увидели свет «Лекции» А.И. Соболевского. Параллельно с созданием университетских курсов с сер. 1860-х гг. издавались альбомы «снимков с рукописей». И.А. Шляпкин впервые применил методы палеографии к изучению надписей на твердом материале, а П.А. Лавров создал первое пособие по югославянской палеографии (1904).

В СССР вопрос о технике письма книг в основном ограничился установлением социального статуса древнерусских писцов и описанием их почерков. Отчасти это связано с введением в научный оборот граффити и берестяных грамот, изменивших представление о распространении грамотности на Руси в основном среди духовенства. Преодоление этого направления вылилось в попытки подтвердить преимущественно светский характер древнерусской письменности. Эта тенденция отчетливо прослеживается уже в первом советском учебнике палеографии Н.С. Чаева и Л.В. Черепнина (1946). В кон. 1950-х — втор. пол. 1960-х гг. в СССР наблюдается подъем в исследовании графики кириллических текстов. Этот период ознаменован появлением двух учебников русской палеографии — Л.В. Черепнина (1956), М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева (1966), а также переизданием учебного курса В.Н. Щепкина (1967). Черепнин поддержал концепцию последовательной смены одного графического типа кирилловского письма другим, но указал на появление элементов скорописи уже в древнейший период славянской письменности. В 1970–1990 гг. интенсифицировалось изучение филиграней (С.А. Клепиков, А.А. Гераклитов, Т.В. Дианова и др.). Разрабатывались приемы анализа всего комплекса водяных знаков листа — не только филиграни как таковой, но и линий, оставленных сеткой черпальной формы. Расстояния между понтюзо рассматривались как важный датирующий признак (С.М. Каштанов). Параллельно изучалось происхождение бумаги в связи с политической историей Европы (время и цель употребления определенных эмблем в качестве филиграней). Исследовались почерки рукописных сборников и устанавливалась их связь с почерками подлинников и списков грамот. Важным направлением в палеографии бумажных рукописей стало уточнение методики анализа сборников разных форматов. В кон. XX — нач. XXI в. появились

труды, посвященные монографическому изучению отдельных кодексов. Созданы фундаментальные труды по истории древненовгородского диалекта, предложена принципиально новая методика палеографической датировки берестяных грамот (А.А. Зализняк). Увидели свет Сводные каталоги рукописных книг. Однако в методическом отношении славяно-русская палеография в основном развивалась в русле заимствований приемов исследований, разработанных в греческой и латинской палеографии. В современной славяно-русской палеографии особое внимание уделяется исследованию внешней формы датированных подлинников. Изучается происхождение кодексов и их групп, выявляются признаки скрипториев, производится датирование и идентификация отрывков, и атрибуция анонимных кодексов. Методы палеографического исследования применяются в дипломатике для датирования недатированных актов, идентификации почерков, а также в исследовании древнейших подлинников грамот для изучения истории канцелярий светских и церковных властей (особенно — в структуре аппарата власти и управления эпохи Средневековья). Задачей новейших исследований стало установление соотношения книжного и актового письма, а также внеканцелярского происхождения актов в протоканцелярский период становления институтов власти. Наиболее актуальны исследования, направленные на разработку методов идентификации уставных почерков, априори затрудненных подгонкой индивидуального динамического стереотипа средневекового пишущего под определенные эстетические критерии, нивелирующие его особенности.

И.Е. Суриков
д.и.н., г.н.с. ИВИ РАН, проф. РГГУ

Кому принадлежит первое упоминание Рима?

Ясно, что первое в нарративной традиции упоминание Рима должно принадлежать не римлянину, а эллину: будущий «Вечный город» начинает появляться на страницах сочинений греческих авторов задолго до того, как латинские авторы вообще появляются. Но кто же этот грек?

Считается, что данный вопрос давно получил ответ, причем такой ответ, который приводится даже в учебниках, — иными словами, признается окончательным. Например: «...первое упоминание о Риме встречается у Гелланика Лесбосского» (История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. 3 изд. М., 1993. С. 8). Видный историк Гелланик (ок. 496–406 до н.э.) считается единственным автором

V в. до н.э., от которого дошла информация о Риме (*Forte B. Rome and the Romans as the Greeks Saw them. Rome, 1972. P. 5*). Попытка датировать (сугубо предположительно) первой половиной этого же столетия некоего Промифиона, фигурирующего у Плутарха (*Plut. Rom. 2*) в связи с легендой о Ромуле (*Wiseman T.P. The Prehistory of Roman Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 1. P. 68*), абсолютно бездоказательна, на этой гипотезе не настаивает даже и сам ее автор.

Соответствующее свидетельство Гелланика (*Hellan. FGrHist. 4. F84*) происходит, как обычно пишут, из его знаменитого трактата «Жрицы Геры, что в Аргосе», посвященного проблемам хронологии и опубликованного после 423 г. до н.э. (*Jacoby F. Hellanikos // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Stuttgart, 1912. Hbd. 15. Sp. 148*). Речь во фрагменте идет об основании Рима, причем последнее приписывается, что интересно, непосредственно Энею, бежавшему из Трои. Перед нами редкий вариант легенды — и, судя по всему, более древний, чем основной, утвердившийся впоследствии у самих римлян (с Ромулом как основателем). Гелланик о Ромуле еще ничего не знает, а название города производит от имени одной из троянок.

Так, казалось бы, зачем возвращаться к проблеме, которая уже решена? Но на самом деле все не так-то просто и однозначно. Существует еще совершенно игнорируемое в литературе упоминание Рима, тоже принадлежащее историку, писавшему в V в. до н.э. Это Антиох Сиракузский, основоположник сицилийской школы греческого историописания, имевший тоже очень высокую репутацию (его использовали как источник, например, Фукидид, Аристотель в «Политике» и др.).

У Антиоха (*Antioch. FGrHist. 555. F6*), цитату из которого сохранил Дионисий Галикарнасский (*Dion. Hal. Ant. Rom. I. 73*), сказано следующее: «А когда Итал состарился, царем стал Моргет; при нем же прибыл из Рима (курсив наш. — *И.С.*) муж-изгнанник; Сикел имя ему». Это, подчеркнем, именно дословная цитата (такие фрагменты особенно ценятся, но их, понятно, мало), в отличие от фрагмента Гелланика, о котором речь шла выше; тот донесен до нас тем же Дионисием (*Dion. Hal. Ant. Rom. I. 72*), но в пересказе.

Итал — один из древнейших царей Италии (естественно, мифологический персонаж), давший стране название; Моргет — его преемник; Сикел — эпоним Сицилии. Все они фигурируют и в ряде других фрагментов Антиоха Сиракузского, но в этом появляется новая, совершенно неожиданная деталь — Сикел пришел из Рима, о котором, получается, Антиох знал. Но что именно он мог знать о Риме, во второй половине V в. до н.э. еще отнюдь не являвшемся значительным

центром, породившим собственную историческую традицию, в которой как раз наиболее значимое место занимал вопрос о возникновении Города? Антиох, в отличие от Гелланика, не упоминает не только Ромула, но и Энея, а Рим, похоже, мыслит существовавшим еще до Троянской войны. Во всяком случае, у Гелланика Сикел переправляется на Сицилию «в третьем поколении до троянских событий» (Hellan. FGrHist. 4. F79b).

Но в настоящем докладе мы будем заниматься только датировкой свидетельства Антиоха. Здесь нас подстерегают проблемы. Интересующий нас историк оставил два трактата: «Сицилийские дела» (в девяти книгах) и «Об Италии» (скорее всего, в одной книге). В первом из них изложение, начинаясь с времен легендарных, доводилось до 424/423 г. до н.э. (Diod. XII. 71. 2), — скорее всего, до известного Гелойского конгресса, имевшего место как раз в этом году (*Vattuone R. Western Greek Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography*. P. 191), что дает *terminus post quem*. Когда был написан второй, предшествовал ли он первому или следовал за ним, — ничего нельзя сказать с уверенностью.

Равным образом неизвестно, к какому из двух сочинений Антиоха принадлежит вышеприведенный фрагмент о Сикеле, пришедшем из Рима. Дионисий Галикарнасский цитирует его без ссылки на конкретный труд, а исходя чисто из содержания можно ведь отнести его как к «Сицилийским делам» (упоминается Сикел), так и к трактату «Об Италии» (упоминается Итал). С другой стороны, нет полной гарантии и того, что фрагмент Гелланика о Риме происходит именно из «Жриц Геры»; нельзя исключать его принадлежность к другому сочинению, «Троянским делам» (в нем подробно рассказывалась история Энея), созданному значительно раньше, — по нашим расчетам, в 450-х гг. до н.э. (*Суриков И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // ВДИ. 2021. Т. 81. № 4. С. 859*).

Одним словом, невозможно в точности установить, кто из двух авторов, о которых идет речь, написал о Риме раньше. Если фрагмент Гелланика — из «Жриц Геры», а фрагмент Антиоха — из «Сицилийских дел», то оба упоминания вообще одновременны (Ф. Якоби, впрочем, считал, что «Сицилийские дела» вышли раньше «Жриц» и использовались Геллаником). Если фрагмент Антиоха — из трактата «Об Италии», а он написан раньше «Сицилийских дел», то приоритет за Антиохом. Если фрагмент Гелланика — из «Троянских дел», то приоритет за Геллаником.

Таким образом, наиболее взвешенным и осторожным будет выразиться так: первые *сохранившиеся* упоминания Рима принадлежат Антиоху Сиракузскому и Гелланику Лесбосскому. Специально

подчеркиваем слово «сохранившиеся»: Рим упоминался, несомненно, уже Гекатеем Милетским в перигезе конца VI в. до н.э. и весьма вероятно — также Скилаком Кариандским в перипле того же времени, но эти пассажи до нас не дошли.

Т.Н. Таценко
к.и.н., с.н.с. СПбИИ РАН

Влияние художественных стилей на немецкий неоготический курсив: ренессанс, барокко, классицизм (по материалам Архива СПбИИ РАН)

Развитие немецкой письменной графики в Новое время приняло особый характер. В отличие от других европейских стран латинского алфавита, где на письме постепенно распространялись округлые формы гуманистической традиции, письмо родного языка в Германских землях продолжило свою эволюцию на основе национальных готических форм. В научной литературе оно получило название «неоготическое письмо».

Складывание знаковых неоготических форм букв относится к первой половине XVI в., оно происходило в курсивном письме, которое явилось своеобразной питательной средой для выработки новых форм. Главным двигателем изменений, приведших к появлению неоготических курсивных форм явилось стремление к увеличению скорости выписывания букв, к беглости письма.

Эти изменения осуществлялись на основе позднесредневекового курсива путем преодоления готических изломов, упрощения связок между буквами внутри слов, развития размашистых выносных элементов букв. Превращение готических изломов в петельки в нижней части вертикалей ряда корпусных букв приводило к своеобразному расщеплению или раздвоению вертикалей (*Schaftverdoppelung*) и появлению классических неоготических форм *r, v, w, k, p, y*. Готический излом видоизменялся в петельку и в месте соединения окружности и вертикали в буквах *a, o, g, q*. При этом петелька из-за торопливого движения не всегда замыкала окружность. Таким образом, возникли знаковые для неоготического курсива формы букв с «открытой» окружностью. Упрощение связок между буквами внутри слов привело к возникновению таких знаковых неоготических форм букв как *e*, напоминающей букву *n*, и формы *c* в виде заостренного с обоих концов штришка. Размашистость быстрого движения руки писца привела к возникновению самобытной и неповторимой неоготической формы *h*: ее правый, «стоявший» на строке элемент постепенно

распрямлялся и уходил под строку, превратившись в нижнюю выносную и удлинняя букву. Наряду с *h* своеобразное впечатление от неоготического курсива определяли также «длинные» буквы *f* и *s*.

Бытование сложившихся в XVI в. неоготических форм букв продолжалось до середины XX в. В основе своей они не менялись, изменялись лишь стилистические характеристики неоготического курсива. Палеографы связывают их с художественными стилями, которые господствовали в «большом» искусстве: ренессанс, барокко, классицизм (К. Dülfer, Fr. Beck). XVI в. рассматривается как время влияния на письмо эстетики ренессанса: в курсивных почерках преобладают акценты на горизонтали, проявлявшиеся в растянутости корпусов букв (их ширина превышала высоту в 1,5–2 раза), широких петлях выносных, большом весе письма (ширина утолщенных штрихов могла достигать до 0,6–1 мм), сравнительно небольших междустрочных пространствах (6–7 мм). Некоторые исследователи даже находили сходство между растянутыми плотными формами неоготического курсива XVI в. и широкими фасадами и арочными перекрытиями немецких замков эпохи Ренессанса (К. Dülfer). По нашим наблюдениям подобные почерки относятся, главным образом к первой половине XVI в.

Ведь уже со второй половины XVI в. вид неоготического курсива меняется. Прежде всего, речь идет о пропорциях. Корпусные буквы заметно уменьшились относительно выносных и во многих почерках ассоциируются с мелким бисером, они больше не растянуты, их пропорции близки к квадратным. Штрихи и линии стали более тонкими (вес 0,3–0,4 мм), сильно удлинились нижние выносные, особенно *s*, *f*, *p* (8–10 мм). Даже при возросшей величине междустрочного пространства (до 10–12 мм) выносные нередко пересекают следующую строку, внося в картину письма сумбур и хаос. Характерные особенности неоготических форм букв выступают полнее и выразительнее. Прежде всего петельки в местах бывших изломов становятся шире и свободнее. Они заимствуются и большими буквами, где становятся предметом декоративной стилизации. В почерках второй половины XVI в. все больше используются живописные, прихотливые, изящные формы букв, свидетельствующие о распространении примет искусства барокко.

Его влияние захватывает весь XVII — вплоть до начала XVIII в., воздействуя на громадное разнообразие парадных и повседневных канцелярских почерков, письмо деловых бумаг и личных записей. В документах можно увидеть самые различные стилизации курсива, в разной степени придающие ему прихотливость и даже аффектированную вычурность. Особенно распространены были извивы

в формах букв, добавление завитков и эффектных изгибов в окончаниях слов, всевозможные вычурные петли выносных. Свойственная барокко эстетика контрастов проявлялась в моде писать одну из букв в середине слова в заглавной форме или выписывать иностранные слова в немецком неоготическом тексте утрированно округлым письмом. Даже динамизм и подвижность барочных курсивных почерков с раскидистыми петлями и частоколом выносных становятся объектом стилизаций.

Период с XVIII до середины XX в. стоит под знаком классицистических тенденций к ясности и упорядочиванию письма, подчинения его нормирующим влияниям государственной власти. Важную роль здесь сыграл изданный в 1714 г. в Берлине учебник письма прусского чиновника Хильмара Кураса «*Calligraphia Regia*». В пособии сформулированы главные достоинства письма: единообразие, аккуратность и четкость в противоположность барочному разнообразию почерков и своеволию писцов. Курас представляет образец строгого и упорядоченного прямостоящего курсива, в котором неоготические особенности форм букв выражены с особой четкостью и даже утрированно: петли в основаниях *r*, *v*, *w*, раскрытые окружности, аккуратные и стройные длинные острые вертикали и узкие петли выносных, не пересекающие, однако, соседние строки, заостренность буквенных штрихов. Обладая королевской привилегией, учебник Кураса многократно переиздавался в Пруссии, а также в других областях Германии. Он имел важное значение для унификации немецкого делового письма и во многом определил вид неоготического курсива XVIII–XIX вв. Даже неоготический курсив Sütterlin, законодательно введенный в Германии в 1911 г. для всеобщего обучения, все еще сохранял основные принципы образцов Кураса.

О.И. Тогоева

д.и.н., гл. науч. сотр. ИВИ РАН

«Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти: рукописи и их читатели

«Оправдание герцога Бургундского» — трактат доктора теологии Жана Пти, с которым он 8 марта 1408 г. выступил в королевском дворце Сен-Поль в защиту Жана Бесстрашного, обвиненного в убийстве Людовика Орлеанского, родного брата Карла VI.

В действительности, как известно, существовало три различных документа, извиняющие действия Жана Бесстрашного. Первый из них был составлен Симоном де Со, канцлером герцога, уже

в декабре 1407 г. и тогда же зачитан им в Генте, где собрались члены семьи и приближенные герцога. До нас этот текст, к сожалению, не дошел, однако, возможно, он послужил основой для второго варианта «Оправдания».

Еще один текст, также не доживший до наших дней, писался уже группой авторов, в которую, помимо Симона де Со, входили Жан Пти, Андре Котен, Николая де Савиньи, Пьер де Мариньи и Гийом Эври — советники Жана Бесстрашного. В первой половине января 1408 г. их совместное заявление было заслушано в Амьене на встрече герцога с его дядями Людовиком Анжуйским и Жаном Беррийским, согласившимися стать посредниками между ним и королевской семьей. По мнению Альфреда Ковиля, главным автором этого сочинения являлся Жан Пти, а потому именно ему Жан Бесстрашный поручил создание последнего, третьего, «Оправдания», которое и было зачитано во дворце Сен-Поль в Париже.

Полный текст «Оправдания» до сих пор остается неизданным, однако историки обращаются к нему регулярно, исследуя предложенные в нем политико-правовые обоснования убийства герцога Людовика Орлеанского, среди которых прежде всего выделяют склонность к тираническому управлению страной, т.е. попытку полного отстранения Карла VI от власти.

Трактат Жана Пти получил огромную известность: до нас дошло пятнадцать его рукописей, две из которых являлись парадными и были, по всей видимости, заказаны герцогом Бургундским для себя лично и для членов его семьи. Одна из них хранится ныне в Национальной библиотеке Франции (BNF. Ms. fr. 5733), вторая — в Австрийской национальной библиотеке (Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657). Обе датируются 1408 г.

Именно рукописи «Оправдания герцога Бургундского» будут находиться в центре моего внимания. Трактат Жана Пти уже в XV ст. вызвал во Франции весьма неоднозначную реакцию. С его критикой выступали самые известные интеллектуалы той эпохи: Жан Жерсон, Николая де Кламанж, Жан де Монтрей, Алан Шартье. Их реакцию на «Оправдание» можно легко проследить по их собственным многочисленным сочинениям, появившимся в период 1408–1419 гг.

Существовали, однако, и иные читатели трактата Жана Пти — те, о ком мы практически ничего не знаем, но кто оставил свои пометы в сохранившихся до наших дней рукописях «Оправдания». Именно об этих пометах — исправлениях, дополнениях, маргинальных рисунках и подписях — речь и пойдет в докладе. На основе данного материала я попытаюсь проанализировать, кого привлекало

данное сочинение: какие сюжеты, затронутые в нем, были особенно интересны читателям, как они выражали свое согласие или несогласие с прочитанным, каких политических взглядов придерживались.

А.С. Усачев
д.и.н., проф. каф. истории
и теории исторической науки РГГУ

Эволюция состава церковной элиты в России XVI века

Если мы располагаем сведениями о составе светской элиты Русского государства эпохи Средневековья и раннего Нового времени, то ситуация с изучением элиты церковной иная. Несмотря на появление биографий ряда руководителей Церкви она еще не рассматривалась как целостный феномен. До сих пор остается неясным целый ряд закономерностей в истории ее формирования. Стремясь частично заполнить эту лагуну в историографии, ниже на доступном нам материале XVI в. мы обратим внимание на некоторые тенденции, характерные для процесса складывания церковной элиты в первого столетия существования единого государства.

Многие ученые не без оснований отмечали, что значимую роль в управлении Русской церковью играла принадлежность к влиятельным внутрицерковным группам. Среди них особое внимание уделялось сообществу иноков обители Иосифа, давших около двух десятков архиереев XVI в. Существовали и иные влиятельные группы — из стен обителей Кирилла и Сергия за это столетие вышло примерно по десятку архиереев. Итоги рассмотрения хронологического распределения выходцев из этих и иных обителей дают возможность обратить внимание на любопытную закономерность. Но прежде приведем данные о духовном происхождении (порой предполагаемом) архиереев, поставленных митрополитами, длительное время занимавшими Всероссийскую кафедру.

К эпохе митрополита Симона (1495–1511), ранее возглавлявшего Троицу, относится поставление на кафедры ряда выходцев из нее — Серапиона I (1506–1509, Новгородская), Протасия (1496–1515, Рязанская), Евфимия Подреза (1496–1499) и Досифея Забелы (1508–1544) (оба — Крутицкая), а также, возможно, Митрофана (1507–1518, Коломенская). Коломенскую кафедру занял выходец из Павлова Обнорского монастыря Никон (1502–1504), Крутицкую — из столичного Богоявленского Трифон (1499–1507), Тверскую — происходивший из него же Нил (1509–1521), Ростовскую — пострижник боровского Пафнутьева Вассиан (Санин) (1506–1515),

Суздальскую — происходивший, вероятно, отсюда же Семион (Стремоухов) (1509–1515), Пермскую — глушицкий игумен Никон (1502–1514).

В период пребывания на Всероссийской кафедре выходца из обители Иосифа Даниила (1522–1539) на кафедры были поставлены происходившие отсюда же Вассиан (Топорков) (1525–1542, Коломенская), Акакий (1522–1567, Тверская) и Савва (Слепушкин) (1536–1538, Смоленская). Новгородским владыкой стал постриженник обители Пафнутия Макарий (1526–1542), пермским — кирилловский настоятель Алексей (1525–1545), ростовским — игумен суздальского Спасо-Евфимьева Кирилл (1526–1538), рязанским — выходец из владимирского Никольского Волосова Иона (1522–1547).

Эпоха Макария (1542–1563) отмечена поставлением на кафедры ряда выходцев из обителей: а) Иосифа — Феодосия (1542–1551, Новгородская), Гурия (Руготина) (1555–1563, Казанская), Трифона (Ступишина) (1549–1551, 1563–1565, Суздальская, Полоцкая), Саввы Черного (1544–1554, Крутицкая), Нифонта (Кормилицына) (1554–1558, Крутицкая); б) Кирилла — Пимена (1552–1570, Новгородская), Семиона (1555–1568, Смоленская), Кассиана (1551–1554, Рязанская), Афанасия (1551–1564, 1566–1568, Суздальская, Полоцкая), Матвея (1559–1564, Крутицкая); в) Сергия — Серапиона II (Курцева) (1551–1552, Новгородская), Алексея (1543–1548, Ростовская) и Никандра (1549–1566, Ростовская). Также архиереями стали настоятель новоспасский Феодосий (1542–1559, Коломенская), чудовские — Иона Собина (1544–1548, Суздальская) и Михаил (1548–1551, Рязанская), симоновский — Филофей (1562–1569, Рязанская), богоявленский — Киприан (ок. 1546–1562, Пермская) и выходец из Лужецкого монастыря Гурий (1554–1562, Рязанская).

В период Иова (1586–1605) на Новгородскую кафедру был поставлен Варлаам (1592–1601), вероятно, принявший постриг в обители Иосифа. Его преемник Исидор (1603–1619) являлся постриженником Соловецкого монастыря. Гермоген (1589–1606) на Казанскую кафедру был поставлен из архимандритов казанского Спасо-Преображенского монастыря. Ростовский митрополит Варлаам (Рогов) (1587–1603) в различные периоды своей жизни был связан с целым рядом обителей Севера и Центра страны, но наиболее сильной была его связь с Кирилловым. Суздальский владыка Галактион (1594–1609), вероятно, сформировался в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. Крутицкий митрополит Пафнутий (1605–1611) являлся постриженником Павлова Обнорского монастыря. Рязанский архиепископ Митрофан (1588–1598) был из Троицы. Происхождение

вологодского (1588–1603), ростовского (1603 — между 1604 и 1605) владыки Ионы (Думина) было связано с владимирским Рождественским монастырем. Его преемником на Вологодской кафедре стал кирилловский постриженник Иоасаф (1603–1609). Ростовскую кафедру занял Кирилл (Завидов) (1605–1606), происходивший из новгородского Антоньева монастыря. Мисаил (1589–1592) стал псковским епископом из архимандритов новгородского Юрьева монастыря; Геннадий (1594–1608) — из игуменов псковского Снеготорского монастыря. В 1599–1610 занимавший Карельскую кафедру Сильвестр ранее являлся архимандритом Симонова. Тверскую кафедру в 1603–1609 занимал Феоктист поставленный из игуменов Герасимова Болдина монастыря.

Приведенные выше данные показывают, что, во-первых, к концу XVI в. время доминирования внутрицерковных групп — волоколамской, кирилловской и троицкой — ушло. Во-вторых, при Иове была существенно расширена география монастырей, из которых избирали кандидатов на замещение различных кафедр. За этими, казалось бы, частными наблюдениями проступают контуры процесса эволюции церковной элиты.

По третью четверть XVI в. включительно она в значительной мере формировалась выходцами из обителей, связанных с великокняжеским семейством с XIV — начала XVI в. По сути, в период существования единого Русского государства, простиравшегося от Белого моря до низовий Волги, от Смоленска до Вятки, большинство архиереев по-прежнему выходило из монастырей Московского княжества и великокняжеского домена в их границах на конец XIV в. В эпоху Иова ситуация изменилась. Это определялось рядом факторов. Ключевых было два. Во-первых, очевидно желание Иова, напрямую не принадлежавшего ни к одной из влиятельных групп, ослабить прочие группы, которые к тому же серьезно пострадали от эпидемий в 1570-е. Во-вторых, обратим внимание на угасание династии (последний ее дееспособный представитель скончался в 1584 г.), с которой долгие годы были связаны Чудов, Симонов, Богоявленский, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Иосифо-Волоколамский монастыри. Для набиравших политический вес костромичей и вязьмичей Годуновых в отличие от их изрядно ослабевших противников (кн. Мстиславских, Романовых и др.) лишившиеся своего главного покровителя данные обители в полной мере «своими» не являлись. Этим во многом и определялись тектонические сдвиги в структуре русского епископата. Он *de facto* стал общерусским.

Динамика власти архимандритов Троице-Сергиева монастыря на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам настольных грамот)

Масштабные изменения в системе церковно-государственных отношений, произошедшие в середине XVII в. в результате церковной реформы и серии последующих церковных соборов 1660–1680-х гг., длительная дискуссия о соотношении власти царя и патриарха в русском обществе сопровождались не менее важным, хотя часто не столь очевидными, латентными и растянутыми во времени изменениями в положении представителей русского духовенства, представлениях о наборе прав и обязанностей пастырей разного уровня — патриарха, епископата, носителей сана архимандрита и игумена. Эти процессы в целом коррелируют развитием тенденций конфессионализации в России в рассматриваемый период (см.: *Башигин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 107–130).

Одним из источников, наглядно демонстрирующих эти явления могут служить настольные грамоты представителей высшего духовенства, текст которых в короткие сроки подвергся серьезным изменениям в части фиксации прав и обязанностей носителей духовной власти. Наиболее интенсивными такие изменения стали в конце XVII — начале XVIII в. Если сохранность корпуса настольных грамот носителей епископского сана довольно низка в силу общей разрозненности архивных комплексов архиерейских домов, то в крупных монастырях настольные грамоты архимандритов сохранились более компактно. Подобным примером служит комплекс настольных грамот архимандритов Троице-Сергиева монастыря. Научный интерес к этим источникам появился довольно давно — Троицкие архимандричьи грамоты были опубликованы Арсением в «Истории русской иерархии» (*Амвросий (Орнатский), еп.* История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1. С. 127–144). Однако специальное текстологическое исследование этих документов не проводилось. Между тем сравнительно-текстологическое изучение настольных грамот Троицких архимандритов рубежа XVII–XVIII вв. (грамоты архимандритов Евфимия 6 июня 1697 г., Илариона (Властевинского) 6 января 1701 г. (ОР РГБ. Ф. 303.1. Д. 896а, 897), Сильвестра 1704 г. (Древняя

российская вивлиофика. М., 1791. Ч. 18. С. 137–142), позволяет проследить изменения в объеме прав и обязанностей этих духовных лиц за весьма краткий период времени. Их можно обобщить следующим образом. Прежде всего изменились формулировки, посвященные моменту поставления архимандрита. В 1697 г., при поставлении Евфимия, сказано, что настоятель был поставлен «*согласием* [курсив авт. — И.У.] ... царя и великаго князя Петра Алексеевича», а патриарх Адриана его «*благословихом и преведохом*». В грамотах же, выданных в 1701 и 1704 г. Илариону и Сильвестру указано уже другое: «*наш самодержец <...> повеле с советом священнаго собора, между патриаршеством присутствующих в царствующем граде Москве преосвященных архиереев*» (ОР РГБ. Ф. 303.1. Д. 897; ДРВ. Ч. 18. С. 138). Представляется, что такое изменение объясняется не только отсутствием после 1700 г. патриарха, но и окончательным пересмотром баланса духовной и светской власти в пользу последней.

Важные подвижки наблюдаются и в фиксации задач архимандрита в деле управления крупнейшим монастырем страны. В тексте грамоты 1697 г. содержится весьма обширное богословское введение об усердном труде и добродетели нового архимандрита. Спустя три года — в грамоте 1701 г. и затем в грамоте 1704 г. внимание смещено на утилитарную задачу немедленного замещения пустующего места настоятеля монастыря. Поспешность подробно обосновывается тем, что «*в Царствах Цари, во странах правители, во всяком месте начальники, жити всем законными правилами ... малому и великому*» (ДРВ. Ч. 18. С. 137–138). В текст грамоты 1701 г. введен отрывок о необходимости молитв за государя: «*и о его царскаго пресветлаго величества особое призрение имать премногою во веки непрестанно да помнят, и молят Господа Бога и вся святыя о его государском здравии и спасении, и о всем его государском доме, и о всех служителях и людех его непрестанно. Да подаст ему благочестивейшему нашему Царю ... Господь повсюду во вся дни мир и благополучие, и на враги победу и одоление, и по многолетстве здешняго жития вечное со святыми в небесех блаженство*» (ОР РГБ. Ф. 303.1. Д. 897). Так, обязательное моление о государе из непреложной традиции, существовавшей веками, превратилось в зафиксированную в публичном документе должностную обязанность Троицкого архимандрита.

Наиболее важным изменением в отношении объема власти архимандритов представляется появление в грамотах 1701 и 1704 г. отсутствовавшей ранее санкционной части: «*аже же вознерадит о себе, каковый либо соблазн или зазор в братию и во вся люди творя, и о стаде ему врученном в духовное пасение не будет пещися, яко подобает, восприимет зде правильное осуждение и несключимаго*

евангельского раба от Христа Господа неприплодившего данного таланта мучение» (ОР РГБ. Ф. 303.1. Д. 897; ДРВ. Ч. 18. С. 140). Санкционная часть грамоты амбивалентна — в отношении непокорной архимандриту паствы также предусмотрено наказание (ранее отсутствовало): «непокаряющиеся же ему, преслушающие и враждующии ... на него ради злого своего обычая, или лукаваго вымысла ... восприимут запрещение; от Царскаго Пресветлаго Величества жестокое наказание zde, в будущем же вѣце от Господа Бога муками лютыми будут подлоге» (ОР РГБ. Ф. 303.1. № 897).

Итак, на рубеже XVII–XVIII вв. происходит процесс фиксации, бюрократизации объема, пределов и границ духовной власти Троицких архимандритов, которое зафиксировано в их настоятельных грамотах. Являясь продолжением дискуссий о духовной власти второй половины XVII в., эти изменения вполне согласуются и с тенденциями правительственных преобразований начала XVIII в. Эти тенденции вполне согласуются с общей логикой первых лет реформ Петра I.

Е.В. Уханова

к.и.н., с.н.с., ГИМ

А.В. Андреев

гл. спец., Институт космических исследований РАН

М.Н. Жижин

к.ф.-м.н., гл. спец., Институт космических исследований РАН

А.А. Пойда

к.ф.-м.н., НИЦ «Курчатовский институт»

**Возможности определения поновлений миниатюр
Хлудовской Псалтири середины IX в.
(ГИМ, Хлуд. Д. 129) с помощью мультиспектральной съемки
и последующей программной обработкой методом СVA**

Выполненная в Константинополе в середине IX в. Хлудовская Псалтирь является одним из первых памятников византийского искусства, созданных после победы иконопочитания (843 г.) и обильно украшенных маргинальными миниатюрами. Наряду с написанными в то же время Псалтирью Пантократора (Athos, Pantokr.gr. 61) и фрагментом Парижской Псалтири (Paris, BNF, Gr. 20) она входит в группу выдающихся рукописей, миниатюры которых воспроизводили как ранние прототипы, так и новые веяния постиконоборческой эпохи. Во всех трех кодексах красочный слой изображений сильно поврежден: из-за масштабных осыпей от многих миниатюр остался лишь рисунок контура железо-галловыми чернилами, который к тому же в

ряде случаев угас. В основном тексте Хлудовской Псалтири чернила также со временем угасли (представление ряда исследователей о том, что этот манускрипт является палимпсестом, ошибочно), поэтому он был поновлен почти полностью. Б.Л. Фонкич по палеографическим приметам отнес почерк верхнего слоя к XIV в. (Фонкич Б.Л. Хлудовская Псалтирь: кодикология и палеография; история рукописи // Образ Византии. Сб. статей в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 577–586). В это же время были поновлены и миниатюры. В историографии уже длительное время ведется дискуссия о том, в какой мере Хлудовская Псалтирь сохранила оригинальную живопись IX в.: ряд исследователей отказывает ей в этом, другие, напротив, обосновывают полное отсутствие инородных вторжений в живопись (Быкова Г.З., Добрынина Э.Н. О времени создания миниатюр Хлудовской Псалтири: результаты исследования в процессе реставрации // Монфокок: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М, 2017. С. 72–79).

Сотрудничество специалистов Отдела рукописей Исторического музея (ГИМ) и Института космических исследований (ИКИ) РАН в работе над визуализацией угасших текстов и миниатюр в средневековых рукописях методом мультиспектральной фотосъемки с последующей программной обработкой позволило получить новые, объективные данные о масштабах вмешательства «реставраторов» XIV в. в оригинальную живопись кодекса середины IX в. В результате проведенных исследований был выявлен режим мультиспектральной съемки, который позволял увидеть неоднородность красочного слоя. Им стал ИК-диапазон (730 нм), а также использование макросъемки. В выбранном диапазоне на полученных фотографиях миниатюр часть живописных участков практически не видна, но зато отчетливо фиксируется написанный углеродистыми чернилами минускульный текст XIV в. и контурная обводка отдельных участков изображений, выполненная ими же. При этом участки живописи, сопровождающие эту обводку и фиксирующиеся в ИК-диапазоне 730 нм, также могут рассматриваться как позднейшее вмешательство. Кроме того, полученные изображения были обработаны методом CVA (программой Palimpsest, язык программирования Matlab). При разных вариациях обработки одни и те же пигменты изменялись одинаково, что говорит о спектральной идентичности и позволяет их уверенно отождествлять на разных изображениях.

Наше исследование подтвердило одну из гипотез историков искусства. В.Н. Лазарев писал, что оригинальные миниатюры Хлудовской Псалтири были выполнены в легкой живописной манере. Фигуры не были обведены грубыми контурными линиями, выделяясь

на фоне пергамена в виде мягких пятен, не утративших еще связи с традициями античного импрессионизма. Колорит строился на нежных, деликатных красках, среди которых преобладали бледно-лиловые, синие, розовато-красные, зеленые и песочно-желтые тона. (*Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 59). Позднее поверх них были нанесены более плотные краски — ультрамарин, золото и др. Исследователь считал, что практически все миниатюры были переписаны. Однако их мультиспектральная съемка и последующая программная обработка методом СВА показала, что миниатюр с первоначальной раскраской сохранилось достаточно много (именно она не видна в диапазоне ИК 730 нм), а полностью поновленных изображений крайне мало. Большинство сдержит как оригинальную живопись, так и более поздние наслоения. При этом степень вмешательства художников XIV в. в древний памятник в каждом случае индивидуально и часто сводится лишь к обводке отдельных участков контура фигур — глаз, носа, овала лица, волос, выреза туники, пальцев, стоп, иногда небольших деталей. Сравнение с оригинальными миниатюрами Парижской Псалтири и с подвергшимся поновлениям XIII в. миниатюрами Псалтири Пантократора помогает судить об оригинальном замысле художника середины IX в. Восстанавливать утраты крупных фрагментов миниатюр позволяет применение метода «диффузионной проявки» (*Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В.* Новые результаты визуализации утраченных миниатюр Хлудовской Псалтири середины IX в. естественнонаучными методами // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 11 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб, 2021. С. 244–255). В целом, мы считаем перспективным выбранный нами комплекс естественнонаучных методов в изучении иллюминированных средневековых рукописей с серьезными утратами оригинальной живописи.

А.В. Ушаков
м.н.с., ассистент НовГУ им. Ярослава Мудрого

Торговля «новгородских гостей» в письмах магистрата Любека к совету Ревеля второй половины XV века (из Таллиннского городского архива)

Предпринимательская деятельность корпорации «новгородских гостей» Любека — специализированного купеческого объединения любекских бюргеров, заинтересованных в торговле с городами Ливонии и русского Северо-Запада, — во второй половине XV в.

переживала период своего бурного подъема. Учитывая, что к рассматриваемому времени в полной степени сложилась специфичная система русско-ганзейской торговли, при которой любечане не имели возможности торговать с русскими напрямую и совершали сделки исключительно при посредничестве ливонских купцов (*Tiberg E. Moskau, Livland und die Hanse // Hansische Geschichtsblätter. 1975. Bd. 93. S. 23*), «новгородские гости» Любека стремились к видоизменению подобной системы товарообмена, что непременно вызывало острую реакцию со стороны магистрата Ревеля (*Ушаков А.В. Особенности торговой стратегии «новгородских гостей» Любека в XV веке // Россия—Германия в образовательном, научном и культурном диалоге. 2021. С. 152–158*). В данной ситуации важно обратить внимание на то, что «новгородские гости» относились к крайне состоятельной части любекского купечества, активно участвовавшей в судьбе города, к примеру, знаменитый бургомистр Юрген Вулленвевер происходил из числа «новгородских гостей» и был олдерменом корпорации (*Friedland K. Kaufmannstum und Ratspolitik im späthansischen Lübeck // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. 1963. Bd. 43. S. 11*). Таким образом, можно предположить, что «новгородские гости» пользовались значительной поддержкой магистрата Любека, так как их сотрудничество было взаимовыгодным: расширение торговой деятельности «новгородских гостей» способствовало усилению роли Любека, номинально считавшегося главой Ганзейского союза, однако в данный период времени не обладавшего какой-либо полной распорядительной властью (о положении Любека среди ганзейских городов см. подробнее: *Jahnke C. Lübeck and the Hanse: a queen without body // The Routledge handbook of maritime trade around Europe. 1300–1600. 2017. P. 231–247*), в то же время поддержка любекских ратманов зачастую гарантировала «новгородским гостям» возможность вести более выгодную торговлю за счет получения отдельных привилегий. В этой связи представляется весьма интересным проследить участие магистрата Любека в предпринимательской деятельности «новгородских гостей», ориентируясь на коллекцию писем любекских ратманов к городскому совету Ревеля (*Tallinna Linnaarhiiv, f. 230, BB 40 I–XVI*). В настоящий момент коллекция разделена на 16 томов, ее хронологический охват около 200 лет (1400–1600 гг.).

В процессе работы над данной коллекцией были выявлены следующие документы, посвященные торговле «новгородских гостей» Любека:

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 17 июня 1467 г., в котором содержится информация о том, что «новгородские гости» отправили из Любека корабли с товарами, на

которые для обеспечения безопасности были наняты солдаты, которым следует выплатить надлежащее жалование (TLA, f. 230, BB 40 II, fol. 26v.–26r.). Является сопроводительным письмом к письму «новгородских гостей» к магистрату Ревеля от 18 июня 1467 г. (опубликовано: Hansisches Urkundebuch. Leipzig, 1903. Bd. 9. № 379).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 13 марта 1469 г., связанное с крушением судна шкипера Генриха Фроме. Любекские ратманы сообщают, что спасенные после кораблекрушения товары необходимо отправить с судном Генриха Гуштровена, нанятым «новгородскими гостями» (TLA, f. 230, BB 40 II, fol. 47v.–47r.).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 26 августа 1486 г., содержащее призыв не отправлять суда, зафрахтованные «новгородскими гостями» в обратный путь, так как активизировались готландские пираты (TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 82v.–82r.).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 18 марта 1490 г., в котором ратманы обращали внимание на просьбу «олдерменов новгородских и ливонских гостей» не препятствовать торговле любекских купцов в ливонских городах (TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 115v.–115r.).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 19 марта 1490 г., содержащее просьбу «новгородских гостей» отправлять зафрахтованные любекскими купцами суда в обратный путь исключительно в составе флотилий в связи с активностью готландских пиратов (TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 116v.–116r.).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 21 июля 1490 г., содержащее не только информацию о необходимости охраны перевозимых по морю грузов в связи с деятельностью пиратов, но и пожелание поспособствовать четырем купцам, отправленным «новгородскими гостями», обустроиться в Ревеле для разрешения различных вопросов, связанных с торговлей корпорации (TLA, f. 230, BB 40 III, fol. 122v.–122r.).

– письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 22 января 1495 г., в котором ратманы передают просьбу «новгородских гостей» и других любекских купцов, торговавших в Ливонии, о необходимости отправки оставшихся на зимовку кораблей, зафрахтованных «новгородскими гостями», весной при первой же возможности, но исключительно в составе флотилий во избежание возможных убытков (TLA, f. 230, BB 40 IV, fol. 51v.–51r.).

Вышеперечисленные документы могут оказаться полезны не только для расширения общих представлений о характере ганзейской торговли в Ливонии во второй половине XV в., но и для выяснения

особенностей функционирования товарообмена в условиях перманентной пиратской угрозы и непрекращающегося конфликта между городскими советами Любека и Ревеля за торговую гегемонию в регионе, что особенно актуально в контексте современного ганзееведения.

С. Франклин
д-р философии, проф., Кембриджский университет

Об источниках и развитии риторических приемов в русских заграничных паспортах XVII — первой половины XVIII в.

В XVII–XVIII вв. заграничный паспорт обычно выдавался не в качестве удостоверения личности и не в виде книжки, а как открытое, обычно однолистное (рукописное или печатное) письмо или обращение правителя или уполномоченного лица с просьбой пропустить названного носителя беспрепятственно. В паспортах некоторых современных государств текст обращения до сих пор воспроизводится, хотя фактически это реликтовый элемент без реальной функции. Иногда в таких текстах хранятся явно архаичные выражения, которые восходят к запасу риторических приемов, достаточно распространенных в европейских паспортах XVI–XVIII вв. В настоящем обзоре прослеживается эволюция ранней русской паспортной словесной и визуальной риторики середины XVII — первой четверти XVIII в. в ее взаимодействии с европейской практикой.

Допетровскую традицию можно представить на примере рукописного паспорта, выданного англичанину Джону Гебдону в 1652 г. В этом длинном и многословном документе сама паспортная функция упоминается лишь в просьбе «пропускать [Гебдона] везде без задержания». Но эта короткая фраза почти незаметна посреди роскошной визуальной и словесной риторики, рассчитанной на подчеркивание статуса эмитента, т.е. царя. Прежде всего импонируют вычурная декоративная заставка и большой, длиной на шесть строк рукописного текста, лже-инициал, который состоит из букв слова «божиею», написанных вязью. Все это выделено золотом. В начале основного текста — полное, тоже на шесть строк, перечисление царских титулов и атрибутов.

Представителем промежуточного звена можно считать паспорт, который в начале 1697 г. Петр выдал самому себе — в лице фиктивного «Петра Михайлова». С одной стороны, тут еще доминируют и парадность оформления, и нагромождение титулов. Зато практическая паспортная просьба изложена не только более подробно, чем в паспорте Гебдона, но и при помощи некоторых выражений, которые

явно отражают европейские риторические приемы. Особенно примечательно употребление ритмичных выражений с двумя или тремя полу-синонимами: «всем вопче и коеждому», «ни у кого препятя и озлобления и никакой досады», «всякое вспоможение и повольность и благоприятствование»).

Переход к новому виду документа как будто завершается в петровских печатных заграничных паспортах или, точнее, в паспортах, которые производились в виде печатных бланков. Нам в настоящий момент известно всего два таких бланка. Оба датируются 1719 г. Первый выдается инженеру Георгу Вильгельму де Геннингу, а второй — подростку Якову Шафирову, который отправляется «для наук во европейские государства». По сравнению с паспортами XVII в., тут радикально изменилась и визуальная, и словесная риторика. Нет золота, нет ни заставки, ни вязи. Остался лишь один довольно скромный декоративный инициал. Нет и подробного перечисления царских титулов. Документ в целом стал значительно короче и проще. Теперь в центре внимания не торжественность подачи, а именно функциональность основного текста, в котором видное место занимают как раз двухчленные ритмичные формулы («чина и достоинства», «воинским и гражданским», «людьми и вещми», «свободно и без задержания», «благоволение и вспоможение»). Петровские бланки похожи на современные им западноевропейские печатные паспорта и по оформлению, и по формуляру. Это конечно, не случайно. Петр заведомо воспринимал европейские образцы. В какой-то мере этот новый вид паспорта можно рассматривать как перевод. Например, можно сравнить петровский документ с паспортными бланками, выданными Людовиком XIV в Версале: заглавие предельно просто: «de par le roi» («от короля»), а в самом начале текста — предложение как раз с двумя парными выражениями: «laisser seurement et librement passer et repasser» («разрешить надежно и свободно проезжать и еще проезжать»).

Это еще не конец процесса. Дело в том, что к русским бланкам прилагались как бы обратные переводы на западноевропейские языки. К середине XVIII в. переводы (как правило, на немецкий язык) тоже печатались, но переводы петровских паспортов — рукописные. На обратной стороне паспорта де Геннинга от руки написана немецкая версия, а паспорт молодого Шафирова переведен на латинский язык. Анализ немецкого и латинского текстов дает несколько неожиданный результат. Как оказывается, переводы не всегда точно передают оригинал. Основной смысл не меняется, но местами русский текст адаптируется. В частности, в переводах усиливается трафаретная риторичность, вводятся дополнительные выражения из

традиционного запаса словесных приемов данного жанра. Например, в немецкой версии паспорта де Геннинга три раза одно слово в оригинале превращается в риторический дублет: «все» дважды становится «alle und jede» («все и каждый»), а в более радикальной адаптации «пропускать» передается как «pass- und repassieren [zu lassen]» («разрешить проезжать и еще проезжать», т.е. туда и обратно), так что фраза с одним риторическим дублетом «свободно и без задержания везде пропускать» превращается в сочетаний двух парных выражений («frei und ungehindert pass- und repassieren zu lassen», что слово в слово соответствует вышеприведенной фразе на французском языке из паспортов Людовика XIV). Таким образом, уже заведомо европеизированный русский паспорт еще сильнее европеизируется в переводе на язык его вероятных европейских читателей. Это не единственный случай. Аналогичная стилистическая адаптация наблюдается и в латинском переводе паспорта Шафирова.

Итак, в конце XVII — первой трети XVIII в. можно проследить процесс неравномерного преобразования паспортного жанра. Послепетровские заграничные паспорта — как печатные, так и рукописные — оформлялись примерно по такому же образцу. Соотношения между русским и немецким текстами стабилизировались.

С.И. Хазанова
к.и.н., вед. специалист РГАДА

Новелла о похищении царевны в сборнике XVII в., содержащем сведения из Пчелы

В древнерусской книжности много легенд и сказаний о царе Соломоне. В большинстве своем они восходят к талмудическим преданиям. Но происхождение некоторых остается неясным. Такова новелла о похищении бесами царевны для Соломона. Новелла эта неоднократно публиковалась в XIX и в XX вв. Содержание легенды следующее: царь Соломон посватался к некоей царевне и ему отказали. Тогда Соломон приказал бесам похитить царевну. Бесы исполнили приказание. По пути царевна видит три загадочных явления: человек пьет воду, а она опять вытекает из тела; человек бродит в воде и просит пить; человек жнет сено, а два козла, идущие за ним, съедают все сжатое им. На вопросы царевны бесы неизменно отвечают, что ей все поведаст тот, к кому ее везут (БЛДР. СПб., 1999. Т. 3. С. 188). Когда царевну привозят, бес сообщает об этом Соломону. Тот садится на коня и едет на берег моря встречать невесту. Царевна просит объяснить загадки. Царь Соломон все истолковывает. Человек,

пьющий воду, из тела которого вода течет обратно, это царский дом. Вторая загадка о муже, который в воде бродит и воды просит, это царский слуга: «тяжу судить, а другой ищет, абы ему чимь царю добро сердце створити». Загадка о человеке, который жнет сено, а два козла съедают все плоды его трудов — это человек, взявший жену с чужими детьми (Там же. С. 190). Конец новеллы: после разрешения Соломоном всех загадок царевна стала его женой. Происхождение легенды о похищенной царевне не вполне ясно. К.В. Бондарь полагает ее парафразом истории о женитьбе на дочери фараона (*Бондарь К.В. Повести Соломонова цикла: из славяно-еврейского диалога культур*. Харьков, 2011. С. 75). Источником преданий о женитьбе Соломон на дочери фараона могла быть Библия, где говорится, что Соломон породнился с фараоном, царем египетским, и взял за себя его дочь (3Цар. 3). О сватовстве Соломона к дочери фараона упомянуто и в списке Палеи, опубликованном Н.С. Тихонравовым (*Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы*. СПб., 1863. Т. I. С. 269–270). Помимо него, о женитьбе Соломона на дочери египетского царя есть сведения в хронографе 3-й редакции (Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. II. С. 187). Во всех остальных опубликованных списках новеллы сюжета о происхождении царевны нет. В начале легенды в Румянцевской и Креховской Палеях говорится о том, что жены склонили Соломона к служению чужим богам: «И быс во время старости Соломоне, и увражися на жены чужаа сердце его, въ след богъ чюжихъ» (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 3. С. 53). Это место восходит к Библии: в старости Соломона жены склонили его к чужим богам (3Цар. 11). В одном греческом апокрифе о Соломоне сказано, что царь после строительства храма набрал себе жен без числа и пожелал взять девицу из евусеев. Жрецы поставили ему условием поклониться их богам Гафану и Молоху. Соломон сначала отказался, но потом, под влиянием любви к девице, согласился. После этого от него отступили вся слава и мудрость, и он принужден был построить храм языческим богам (ЖМНП, 1896. Т. 6. С. 56–57). Возможно, новелла о женитьбе царя Соломона на похищенной царевне пришла в древнерусскую письменность из греческих апокрифов. В сборнике XVII в. встречается статья о царевне, которая несколько отличается от опубликованных текстов. Царевна там названа дочерью персидского царя Дария: «Соломонъ просиль у Дария царя царевны за себя» (РГАДА. Ф. 381. Д. 394 л. 44 об.). Такая версия могла появиться как объединение двух статей: о загадке царя Дария и о царевне. Первая часто помещалась в сборниках перед новеллой о похищении царевны. Царь Дарий прислал царю Соломону загадку и обещал за ее решение три кади серебра. В одном

позднем сборнике сказано, что царь Соломон посватался к персидской царевне, отправил к ней послов с епистолией о своей премудрости. Персидский царь, испытывая мудрость Соломона, послал ему загадку. (ОР РГБ. Ф.178. Д. 1841. 1760 г. Л. 169). Бесы помогли царю отгадать ее. В обеих легендах фигурируют бесы как помощники царя Соломона. В начале рассказов о Соломоне в дополнительных статьях к Новгородской II летописи есть деталь: «Поведасть неции о Соломоне царе, яко бь ему служахоу 30 бесовь» (ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1841. Л. 169). Представление о Соломоне как о повелителе демонов встречается и в греческих апокрифах. А.Н. Веселовский привел пример греческого апокрифа «Завещание Соломона». В нем через арх. Михаила Господь посылает Соломону перстень, подчиняющий ему всех демонов, которые здесь помогают Соломону в строительстве храма (*Веселовский А.Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 134–137). Новелла о похищенной царевне в сборнике XVII в. из РГАДА, кроме версии о том, что царевна была дочерью персидского царя Дария, имеет незначительные текстологические расхождения с прочими списками, ее конец также немного отличается: «И таковою виною бысть невеста царю и веде ю въ полату свою» (РГАДА. Ф. 381. Д. 394. Л. 45 об.). В других же списках Соломон обращается к невесте: «Ныне же поиди, невесто, в мою полату». И далее следует заключение: «И тако бысть ему жена» (БЛДР. Т. 3. СПб., 1999. С. 190). В хронографе третьей редакции толкование Соломоном загадки о суде пространнее, чем в других сборниках. А.Н. Веселовский отметил, что загадки царевны сложились под влиянием таких памятников, как «Беседа трех святителей» (*Веселовский А.Н.* Ук. соч. Примеч. 1. С. 219). Исследователь приводит загадки о коне из «Беседы трех святителей», которые напоминают загадку о судьбе, берущем взятки. Загадку о царском слуге напоминает и другая загадка «Беседы трех святителей» о коне: Что есть: стоит конь на гумне, а трава у него по самое чрево, а на траву зря изсе? Богатый человекъ въ велицемъ богатстве живеть, а на богаство зря изсохъ» (ПСРЛ. Вып. 3. М., 1862. С. 176). Пространное толкование загадки о царском слуге в статье хронографа взято из «Беседы трех святителей». Легенда о похищенной царевне в сборнике из РГАДА представляет собой особую редакцию. Помимо него, она читается в еще одном позднем сборнике. Ее отличие от остальных списков: царевна в ней дочь персидского царя Дария, наблюдаются также некоторые текстологические разночтения.

Новелла о царевне не имеет прямого оригинала в византийской или талмудической литературе. Возможно, он не дошел до нас. Но

легенды о демонах, помогающих царю Соломону, встречаются и в греческих апокрифах. Новелла о царице восходит к упоминанию Библии о женитьбе Соломона на дочери египетского фараона. В похищении царицы для Соломона бесами нашли отражения предания о Соломоне как повелителе демонов. Эпизод с загадками царицы сложился под влиянием легенды о царице Савской (*Веселовский А.Н.* Ук. соч. Примеч. 1. С. 219). Сами же загадки взяты из «Бесед трех святителей» и тому подобных памятников. В поздних сборниках сказание о царице несколько изменилось по сравнению с более ранними рукописями: царица была названа дочерью персидского царя Дария, имеются и некоторые текстологические отличия.

Р.Е. Харьков
магистрант исторического факультета ГАУГН

Германские гербовники-некрологии XIV–XV вв.: постановка проблемы

Средневековые германские гербовники-некрологии — необычный геральдический источник, пока, к сожалению, порождающий больше вопросов, чем ответов. И, несмотря на то, что сейчас к ним приковано внимание исследователей, наши знания о них остаются достаточно поверхностными. С какой целью создавались подобные собрания гербов? Насколько данная традиция была распространена среди монашеских орденов? В чем их отличительные черты? Имеет ли смысл выделить их в отдельный тип гербовников, и по каким критериям?

Прежде всего хотелось бы остановиться на ряде проблем, которые являются препятствием при работе с данными геральдическими источниками. Следует отметить немногочисленность их. Это прежде всего связано с относительно малым количеством дошедших до нас рукописей. Что, и в какой степени повлияло на данное обстоятельство — до сих пор вопрос отдельного исследования, однако нельзя не заметить, что в той или иной степени своё влияние оказала Реформация, на что указывает как географические рамки создания гербовников-некрологиев (Франкония, Бавария, Австрия и отчасти Швейцария), так и мнения отдельных исследователей и упоминаемые ими обстоятельства (например, перемещения монастыря; смена функции гербовника, связанная с передачей его из рук духовной конгрегации в руки бюргеров; утрата других, связанных с монастырями источников, таких как фресок и предметов церковного убранства, декоративного искусства) их утраты (*Graf K.* Das wappengeschmückte Totenbuch

des Franziskanerklosters Coburg // *Heraldica Nova: Medieval and Early Modern Heraldry from the Perspective of Cultural History*. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL.: https://heraldica.hypotheses.org/4733#identifier_10_4733 (дата обращения: 19.05.2022)). Другим препятствием для исследователей является проблема поисков новых источников и их издание, связанная с тем, что описание большинства подобных рукописей не содержит информации о геральдической составляющей и порой она открывается исследователями довольно поздно. Очевидно, это указывает на необходимость комплексного исследования уже известных гербовников-некрологиев, часть из которых уже доступна широкому кругу исследователей, а другие пока известны лишь по месту хранения. Так, Некрологий францисканского монастыря в Кобурге, основанного в середине XIII в. и упразднённого в 1525–1526 гг., в настоящее время хранится как Ms. 125 в евангелической церковной библиотеке Нойштадта-андер-Айш и была открыта только в 1990 г. отличным изданием архивариуса Клауса Фрейхеппа фон Андриан-Вербурга (*Das Totenbuch des Franziskanerklosters in Coburg ca. 1257–1525* (1600). Bearbeitet von Klaus Freiherr von Andrian-Werburg (=Veröffentlichungen der Gesellschaft für Fränkische Geschichte IV. Reihe Bd. 10). Neustadt an der Aisch: Kommissionsverlag Degener & Co. 1990), в котором, однако, отсутствовали цветные изображения, а точное количество гербов до сих пор неизвестно.

Что из себя представляют сами гербовники-некрологии? Прежде всего это *libri memorialis*, поминальные книги — состоящие из записей, посвящённых умершим покровителям монастыря, а также отмечающие людей, похороненных на территории монастыря, в которых практически каждая запись сопровождается гербовым щитом. Гербы одного рода могут повторяться несколько раз за год, могут не повторяться, иногда запись не сопровождается гербом. Запись велась зачастую в течение нескольких столетий, разными писцами. Вопрос, выполняли ли они также и гербы, или это делали профессиональные художники (в ряде случаев гербы приписываются исследователями вполне конкретному автору), остаётся открытым.

Большинство гербовников-некрологиев выполнены во второй половине XV в. и продолжались с разной интенсивностью вплоть до упразднения монастырей. Примечательно, что большинство некрологиев, наполненных гербами, относятся к ордену францисканцев, которых представляет Вена (конец XIV в.), Ландсхут (с примерно 1420 г.), Мюнхен (заложен в 1424 г. Германом Саком) — содержит 169 гербов и 60 миниатюрных портретов, Кобург (с середины XV в.),

Регенсбург (около 1460 г.) и Бамберг (около 1490 г.). Францисканцы явно выделяются, и исследователи до сих пор не знают причин.

Встречаются некрологии и других монашеских конгрегаций, например, Книга Основателей доминиканцев Эрфурта (Пергамент, 63 листа), продолжавшаяся с начала XV в. до 1520-х гг., содержащая около 250 записей в учреждении и украшенная многочисленными гербами-миниатюрами семейств. О социальном составе представленных в гербовниках людей судить сложно, практически всегда присутствуют гербы довольно известных родов Франконии, Австрии, Баварии, однако статус большей части не установлен.

В заключение хочется остановиться на вопросе исследования данных гербовников-некрологиев. Поиски рукописей, их анализ и интерпретация будут неполны без учёта мест и обстоятельств, в которых они хранились и демонстрировались. Так, уникальным можно считать Некрологий венских братьев-миноритов, так как помимо иллюстрированной рукописи, гербы покровителей присутствуют в интерьерах монастырской церкви в качестве фризов. Разумеется, количество гербов отлично от содержащихся в рукописи, однако в целом гербы идентичны. С чем связано подобное дублирование герба в рукописи и интерьерах церкви? Присутствовала ли подобная практика в других монастырях, связанных с некрологиями? Без введения новых гербовников-некрологиев и комплексного анализа уже имеющихся, дать ответы на все эти вопросы невозможно. И хотя пока данный геральдический источник, на мой взгляд, нельзя выделить в отдельный тип гербовников, несомненно в них достаточно уникальных особенностей и отличительных черт, чтобы можно было предположить подобное в будущем.

Ю.М. Ходько
канд. искусствоведения,
в.н.с. Государственного Русского музея

Неизвестные греческие антиминсы московских граверов братьев Ивана и Алексея Зубовых

В декабре 1729 г. в Синод обратился митрополит Александрийской православной церкви Арсений Фиваидский с просьбой разрешить заказать в Москве три доски для антиминсов в подарок Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому патриархам, ибо «в тамошних странах художников» хороших «не имеется» (РГИА. Ф. 796. Оп. 10. Д. 457). Синод дал разрешение, но условием, чтобы антиминсы с тех досок в России не печатать. Вероятно, этим

распоряжением можно объяснить практически полное отсутствие данных гравюр в отечественных музейных собраниях.

Единственный оттиск, который пока удалось обнаружить, хранится в музее-заповеднике «Ростовский Кремль». Под изображением награвирована греческая надпись, свидетельствующая о том, что антиминс был сделан иждивением Арсения Фиваидского в 1730 году. А по четырем краям вырезан текст, соответствующий греческой формуле освящения антиминса. Судя по тексту и по символу евангелиста Марка (основателя Александрийской церкви), помещенному внизу рамы, гравюра была сделана для Александрийского патриарха. Композиция «Положение во гроб» в среднике и рисунок рамы полностью соответствуют так называемому «Большому антиминсу», награвированному в 1722 г. московским мастером Иваном Зубовым и повторенному в 1724 и 1745 гг. его братом Алексеем.

В то время, когда Арсений Фиваидский заказывал антиминсные доски в Москве, оба брата Зубовых были крупнейшими и самыми надежными, с точки зрения Синода, московскими граверами, так как до 1727–1728 гг. они работали в двух подчиненных Синоду типографиях. Только у них был опыт работы над антиминсными гравюрами. Все это не оставляет сомнения в авторстве антиминса из Ростовского музея.

Антиохийский и Иерусалимский антиминсы братьев Зубовых пока обнаружить не удалось. Известны только более поздние многочисленные греческие копии с первоначальных зубовских досок. Самая ранняя из известных мне копий может быть датирована второй половиной 1760-х гг., а самая поздняя — началом XX столетия. По композиции они абсолютно идентичны Александрийскому антиминсу из Ростовского музея. В Иерусалимском антиминсе в нижней части рамы вместо льва святого Марка помещено изображение храма гроба Господня. А в Антиохийском — Тайная вечеря и апостолы Петр и Павел. Это напоминание о споре между апостолами Петром и Павлом о возможности совместного участия в причастии уверовавших во Христа иудеев и уверовавших во Христа язычников (Гал 2:11-12). По-видимому, воспоминания об этом событии стали особенно актуальными в первой половине XVIII века, когда Антиохийская церковь переживала жесточайший раскол между униатами и православными. Возможно, образы апостолов Петра и Павла и таинства Евхаристии на антиминсе, на котором происходило пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову, напоминало о чаемом восстановлении единства всех братьев во Христе через причастие святых Христовых таинств.

Итак, с большой долей вероятности к наследию крупнейших мастеров петровского времени братьев Зубовых следует добавить три новые антиминсные гравюры, одна из которых известна на сегодняшний момент в единственном оттиске, а облик двух других можно гипотетически восстановить по сохранившимся копиям.

О.Р. Хромов
д. иск., проф. МДА РПЦ

О первых изданиях антиминсов на Московском печатном дворе

Изучение экземпляров ранних московских антиминсов позволило выявить два варианта надписей по нижнему полю антиминса с титулами царя Алексея Михайловича и патриарха. В первом варианте в титуле указано «... Великия и Малыя Росии», во втором — «... Великия и Малыя и Белья Росии». Прибавление к титулу «Белья» России могло произойти только после указа 3 сентября 1655 г. Появление в титуле «Малыя» России произошло после 14 марта 1654 г. Таким образом, первое издание антиминса могло быть осуществлено с марта 1654 г. по сентябрь 1655 г. Самые ранние известные антиминсы, освященные в 1655–1656 гг., содержат надписи только с указанием в титуле «Малой» России.

Важные сведения для понимания истории издания антиминса содержатся в Деяниях соборов 1654 и 1655 гг. и в сочинении архидиакона Павла Алеппского, который сообщает, как об одном из результатов деяний Собора 1655 г., что патриарх Никон велел «напечатать более 15000 антиминсов... разослал их по всем церквам». По всей видимости, тираж был преувеличен. Однако важен факт указания на издание антиминса после Собора 1655 г., который проходил с 25 по 31 марта, поэтому можно сузить датировку первого издания с апреля по сентябрь 1655 г.

Ранний московский антиминс с точки зрения техники изготовления представляет собой гравюру на дереве (ксилографию). По типу печати ксилография относится к высокой, как и типографский набор, поэтому ксилография легко совмещается с типографским набором в одной печатной форме, что позволяло в разных изданиях антиминсов заменять элементы типографского набора в боковых рамках (дата освящения, начальные цифры, например, «71...»), типографские украшения). Различные варианты наборов указывают на разные издания антиминсов.

Еще одна особенность печатной формы антиминсов: на оттисках заметны тонкие вертикальные светлые линии от углов рамки с центральным изображением. Аналогичные линии можно видеть в гравированных фронтисписах с образами евангелистов Марка и Иоанна в московском издании Евангелия 29 августа 1657 г. В верхней части фронтисписов были вырезаны символы евангелистов и заменены новыми: у Марка — Лев, у Иоанна — Орел. Следы врезки и вклейки в виде тонких светлых линий ясно просматриваются в следующем издании 18 января 1663 г. и показывают границы врезки нового фрагмента. В антиминсах наличие аналогичных линий указывает на то, что рамка, обрамляющая композицию «Оплакивания», могла заменяться в процессе издания антиминсов. При рассмотрении нижней части антиминса с надписями с титулами царя и патриарха заметна выступающая за границу часть рамки с текстом и светлые вертикальные линии по ее сторонам, что указывает на замену рамки с текстом, ее вставку. Изучение и сравнение средника антиминса с композицией «Оплакивания» в различных изданиях ранних антиминсов показывает их абсолютную идентичность. Все это указывает на то, что для двух вариантов антиминса (с разными титулами) использовалась одна и та же гравированная доска, а в печатной форме антиминса заменяли нижнюю часть с надписью.

Таким образом, первые издания антиминсов печатались с одной гравированной доски. В изданиях после сентября 1655 г. была заменена нижняя часть рамки с текстом с титулами царя и патриарха. Эта же гравированная доска использовалась в изданиях, так называемых, «локальных» антиминсах, в которых внизу рамки так же заменялась дощечка с текстом на соответствующую гравированную дощечку с указанием имени архиерея, заказавшего антиминс. Из документов Приказа книгопечатного дела следует, что заказчиком антиминсов выступал не только патриарх, но и епархиальные архиереи. Они оплачивали работу по изданию антиминсов, которые печатались иногда на их холстах.

Относительно второго варианта антиминса (с титулом царя и патриарха «...Великия и Малыя и Белья Росии») можно полагать, что к нему относится сведения о первом упоминании антиминса в документах Приказа книгопечатного дела в 1657 г. Подтверждают это известные экземпляры, самые ранние из которых имеют дату освящения 1657 г.

Среди ранних антиминсов известен тип, отпечатанный с другой доски, отличной от первой изображением Св. Духа в «голубине» виде в фас. Этот тип встречается с начала 1670-х гг., экземпляры с более ранними датами освящения в настоящее время не известны.

Следующее после 1657 г. упоминание в документах Приказа книгопечатного дела об антиминсах относится к 1667 г. 22 июня патриарх Иоасаф указал издать антиминс, а деньги на это выдать из «своей патриаршей казны». 17 сентября 1667 г. наборщик Леонтий Васильев взял «припасы» для издания антиминса. Из документов следует, что на подготовку и издание антиминса ушло около трех месяцев. Этот срок можно назвать минимальным.

Среди документов Приказа книгопечатного дела сохранился фрагмент дела о выдаче жалованья «резцу» Московского печатного двора Алексею Нефедьеву, который состоит из выписок об оплате его и других «резцов» Печатного двора работ. Одна из выписок сообщает, что «Во 175 (1667) году ему Алексею за рез, что он вырезал вселенским патриархом папе и патриарху Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому патриарху антиминс на цке. В приказ 50 рублев» (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 3. № 273. Л. 1).

Опись Московского печатного двора 1667 г. сообщает о наличии двух антиминсных досок, среди которых «одна греческая». Очевидно, что «греческая доска» представляла собой антиминс 1667 г. работы Алексея Нефедьева. Поскольку работы по изданию антиминса оплачивались из казны патриарха Иоасафа, доска осталась на Московском печатном дворе, а патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий получили оттиски антиминса в качестве «милостыни».

По всей видимости, эта доска после дополнительной обработки, замены греческих (?) текстов с именами заказчиков, на что указывает отсутствие нижней границы рамки с текстом, использовалась для печати антиминсов по заказу Московского патриарха и епархиальных архиереев.

Антиминсы, отпечатанные с этой доски, можно считать вторым типом первых антиминсов, отпечатанных на Московском печатном дворе.

К.С. Худин

к.и.н., РГГУ, ИВИ РАН, РГАДА

Бабуин Сидорка, слоны и охотничьи собаки: зоонимы в зверинцах России XVIII века

Материал для настоящего доклада обнаружился достаточно неожиданно, когда мы с коллегами по проекту Европейского Университета «Растения и люди в Российской Империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик» (руководитель Коваленко К.И.) готовили статью о кормлении, лечении и содержании животных в дворцовых

зверинцах (*Пироговская М., Худин К., Колосова В., Куприянов А.* Подданные поневоле: содержание животных Дворцового ведомства в России первой половины XVIII века // *Cahiers du Monde russe.* 2023 (в печати)). В ходе этой работы совместными усилиями удалось выявить клички (зоонимы) различных групп животных. В настоящих тезисах будут изложены краткие результаты этой работы, не получившие развитие в вышеуказанной статье, и сделаны предварительные выводы.

Во-первых, помимо вполне очевидных для собак кличек, удалось также обнаружить клички и у других животных, причем в том числе у тех, которых не вполне можно отнести к домашним: у обезьяны (бабуина) Сидорки и у нескольких слонов (Тахтер Аван, Алекбаш, Настрат, Сала), которых присылал персидский шах в 1740–1760 гг. (Летопись Кунсткамеры. С. 157, 165, 183, 218, 291). Всего в настоящий момент выявлено 43 зоонима.

Во-вторых, мы можем сгруппировать зоонимы по нескольким классификационным признакам: 1) по их языковой принадлежности; 2) по их семантике. Так, к примеру, все слоны имеют зоонимы тюркского происхождения, тогда как обезьяна получает вполне русское прозвище, причем, в форме человеческого полуимени (Сидорка — полное: Исидор). Охотничьи собаки выписывались из разных стран Англии, Франции, немецких княжеств, и при них состояли «служители» (пикеры) из этих стран (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 43. Д. 72. Л. 2; *Кутенов Н.И.* Царская и императорская охота на Руси. Т. 3 Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. Примечания. С. 14. Сноска 37). Клички собак происходят из разных языков, что, вероятно, связано с географическим происхождением конкретного животного, либо языковой принадлежностью его хозяина (или пикера): английского (Лезетка), немецкого (Галт-Фест — «Halt-Fest» — «держи крепче!»), французского (Визирь — фр. *visière*, через нем. *Visier* — «мишень»), греческого (Ектор (Гектор — герой Троянской войны)) тюркского (Балмас — «дурак, болван, нахал»), а также, русского (Говор — просторечное «болтун, пустомеля; краснобай») Лиходей — просторечное «лихой, злой человек; злодей, враг»). Возможно выделение и других языков происхождения.

В-третьих, (и это прослеживается по наиболее многочисленной группе кличек у собак) мы наблюдаем связь между семантикой клички и функцией, которое выполняло животное. На эти принципы указывали разные авторы на материале XVIII–XX вв. (*Пчелов Е.В.* Собачка царицы: образ в искусстве // Е.Р. Дашкова и Екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности / Моск. гуманит. ин-т им. Е.Р. Дашковой. М., 2011. С. 302–303; *Локтева А.А.* «Вспоминую моего милого, верного Камчатку». Национальные особенности

упоминаний домашних питомцев в России второй половины XIX — начала XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2020. С. 255). Так, к примеру, одна из собачьих кличек звучит как «Камас» (Кутепов Н.И. Указ. соч. С. 243), что означало «областное, сибирское название шкуры с ног оленя, лося, используемая на изготовление рукавиц, обуви, подбивку лыж; изделие из такой шкуры (Словарь русских народных говоров (далее — СРНГ) Вып. 13. Л., 1977. С. 14; Словарь русского языка XVIII века (далее СРЯ XVIII в.). Вып. 9. СПб, 1997. С. 217). Поскольку известно, что в дворцовой псовой охоте существовала специализация собак на травле зайцев, травле оленей и пр. (Кутепов. С. 201), мы склонны полагать, что кличку «Камас» носила именно собака, специализировавшаяся на травле оленей.

Так, в частности, среди прозвищ собак мы можем выделить следующие семантические группы (возможно выделение и других групп):

Антропонимические клички (Лезетка)

Именованное по другому животному: здесь обращает на себя внимание обилие «птичьих» имен (Соловей, Ворон, Скворец, Грач, (с некоторыми оговорками к этой группе могут быть также отнесены клички Дубровка и Свистун (СРНГ. Вып. 8. Л., 1972. С. 239; СРНГ. Вып. 36. СПб., 2002. С. 301) а также Змей, который, впрочем, может быть отнесен и к следующей группе)

Мифологические имена (Змей, Ектор)

Просторечные прозвища с негативной коннотацией (Балмас, Говор («болтун, пустомеля; краснобай» (СРЯ XVIII в. Вып. 5. Л. 1989. С. 148)), Журило («ворчун, брюзга» (СРНГ. Вып. 9. Л., 1972. С. 231)), Крутила («нетерпеливый, торопливый, беспокойный человек, непоседа» (СРНГ. Вып. 15. Л., 1979. С. 326)), Лиходей («лихой, злой человек; злодей, враг» (СРЯ XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000. С. 195)), Нахал («тот, кто приходит незванным; бесцеремонный, беззастенчивый человек, наглец» (СРЯ XVIII в. Вып. 14. СПб., 2004. С. 91)), Скосырка («наглый, удалой, вспыльчивый; косоглазый» (СРНГ. Вып. 38. СПб., 2004. С. 113)).

Таким образом, изучение личных зоонимов с точки зрения семантики этих слов позволяет лучше понять географическое происхождение животных (или их хозяев), а также те функции, которые (в особенности) охотничьи животные могли выполнять. Также, безусловно, принципы имянаречения животных проливают свет на сферы интересов их хозяев, которые через эти клички себя выражали.

О хронологии новгородо-суздальского конфликта конца 30-х гг. XII в.

5 марта 1139 г. произошло знаменательное событие: киевский княжеский стол впервые за более чем полувековой срок оказался в руках черниговской династии, князя Всеволода Ольговича (*Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 138–139; *Цыб С.В.* Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. С. 364–366). Воскресенская летопись связывает с этим новгородо-суздальский конфликт, излагая в начальной части статьи 6646 г. следующий рассказ, заимствованный, несомненно, из северо-западного летописания: узнав о том, что в Киеве взял верх представитель черниговской династии, суздальский князь Юрий Владимирович решил, якобы, вмешаться в борьбу за отцовский стол и для этого призвал себе на подмогу новгородцев. Они же не только отказали Юрию в помощи, но еще и прогнали из города княжившего здесь Ростислава, сына суздальского князя. Решив наказать непослушных соседей, Юрий завоевал Новый Торг, что заставило новгородцев обратиться к Всеволоду с просьбой направить к ним его брата Святослава, и эта просьба нашла вроде бы отклик в душе киевского князя. Далее, однако, летопись пишет о том, что «Всеволодъ же обѣщаея послати брата Новугороду, и не посла тогда, *нача бо замышляти на Володимеричи*». Выделенные мной слова показывают размышления редактора, который стремился механически соединить новгородо-суздальский эпизод с рассказом другого источника, который начинает излагать историю княжения Всеволода в Киеве с того, что «сѣде Олговичъ в Киевѣ · и нача замышлати на Володимеричъ · и на Мстиславичъ · хотѣ сам всю землю держати» (текст образца Лаврентьевской летописи). Как раз поэтому составитель текста «воскресенского» образца вслед за рассказом о конфликте Юрия с новгородцами поместил повторное сообщение о смене власти в Киеве: «Того же лѣта Всеволодъ Олговичъ сѣде въ Киевѣ (ранее уже было: «Всеволодъ же Олговичъ бѣ въ Киевѣ на столѣ, слышавъ же то Юриі Володимеричъ...»), и нача замышляти ...» (ПСРЛ. Т. 7. С. 32).

Родственные тексты (Львовская и Ермолинская летописи, а также Тверской сборник) «сглаживают» механику «сшивки» двух различных летописных рассказов, плавно переводя северный эпизод в южнорусский (ПСРЛ. Т. 20. С. 106; Т. 23. С. 31; Т. 15. Стб. 202), но их изначальную раздробленность подчеркивает Московский свод

конца XV в., помещая каждое из них в разные летописные статьи (6647 и 6648 гг.) (ПСРЛ. Т. 25. С. 34). Иными словами, синхронизация новгородо-суздальских событий с началом киевского княжения Всеволода по версии Воскресенской летописи представляется искусственной. Мы, конечно же, можем оценить политический кругозор московского редактора (составителя Воскресенской летописи), знавшего о давнем противостоянии двух княжеских династий (Мономаховичей и Ольговичей), но при этом не можем поддержать его стремления связать между собой разновременные события для иллюстрации этого противоборства. Разрешить вопрос о синхронности северо- и южнорусских событий конца 30-х гг. XII в. позволяют показания памятников новгородской традиции.

Новгородская 1-я летопись в описании событий конца 30-х — начала 40-х гг. последовательно придерживается весеннего начала годов и, как показывают номера индиктов в статьях 6644 и 6645 гг. и точная дата солнечного затмения 20 марта 6648 (1140) г. (НПЛ. С. 23–26), это были мартовские годы константинопольской эры от С. М., и такая хронологическая стабильность данного памятника дает надежные основания для датирования изменений на местном княжеском столе. Бегство Ростислава Юрьевича из Новгорода в Смоленск, где находился тогда его отец, по этой схеме произошло 1 сентября 1139 г., значит, попытки Юрия вовлечь новгородцев в антикиевскую коалицию происходили не ранее лета, а захват им Торжка случился, вероятнее всего, в первой половине осени того же года. Понятно, почему после этого суздальский князь отказался от желания осуществить давно задуманный южный поход: на это решение повлияла не столько позиция новгородцев, но в большей степени дошедшее с юга известие о замирении Киева с переяславскими и волынскими родственниками Юрия. Тогда же, осенью 1139 г. начались киево-новгородские переговоры об отправке на берега Волхова Святослава Ольговича; однако, «Святослав дълго не бяше», и только «мѣсяца декабря въ 25», т.е. в день Рождества Христова 1139 г. некогда изгнанный со скандалом из Новгорода князь вернулся сюда.

Эту четкую хронологическую версию ставит под сомнение неожиданное показание Синодального списка о том, что Ростислав ушел из Новгорода «сѣдѣвъ 8 лѣт и 4 мѣсяци», хотя нам уже известно, что началом его пребывания здесь была весна 1138 г. (НПЛ. С. 25; *Цыб С.В.* Указ. соч. Табл. 21-9). Явную ошибку исправляют все списки младшего извода Новгородской первой летописи («сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци» (НПЛ. С. 211), что идеально согласуется с установленными нами ориентирами пребывания Ростислава на Северо-Западе. Тот же срок подтверждают и перечни Комиссионного списка: «И тѣ

(Ростислав) сѣдѣ лѣто и 4 мѣсяци, и бѣжа из города, и введо^{<ш>}а Святослава, сына Олгова, опять» (НПЛ. С. 161, 470). По всей видимости, появление неправильной относительной даты объясняет разночтение списков Новгородской 4-й летописи. В Академическом и Голицинском списках срок пребывания Ростислава в Новгороде определяется как «лѣто и 4 мѣсяцѣ», а в Строевском – «лѣтъ 8 (так в публикации, а в оригинале «лѣтъ ·и·») и 4 мѣсяцѣ» (ПСРЛ. Т. 4. С. 149, прим. 58, 59); вероятно, на каком-то этапе переписки старинного текста союз «и», следующий за словом «лѣто», был принят за цифру «·и·».

Ипатьевская летопись помещает в годовую статью 6648 г., т.е. в тот же самый год, когда Всеволод начал княжить в Киеве, а новгородцы сменили князя, и известие об очередном изгнании из Новгорода злополучного Святослава Ольговича, связав его с предыдущими сообщениями относительной пометкой «по малѣ же времени». Эта редакторская ремарка выглядит, однако, неубедительной, потому как новгородские летописи, которые, как мы знаем, отличаются здесь последовательной хронологической связью событий, продлевают второе новгородское княжение «злобного» князя на срок более года (с 25 декабря 6647 г. до весны 6649 г., т.е. с декабря 1139 г. по весну 1141 г.). Относительно долгое пребывание Ольговича в Словенской земле подтверждают и перечни Новгородской 1-й летописи: «...тои (Святослав) сѣдѣ годъ до года и бѣжа из города (во втором перечне Комиссионного списка: «...сѣдивъ год...»)» (НПЛ. С. 161, прим. 45, 470). «Малое время» понадобилось составителю Киевской летописи для того, чтобы выровнять две линии датирования, отмечающиеся в этой части памятника (эра 5509 лет от С. М. и эра 5511 лет) (Цыб С.В. Указ. соч. С. 361–363), что и заставило его соединить события двух лет в одну летописную статью (6648 г.), после чего летосчисление южнорусского источника начинает в общих чертах совпадать с константинопольским счетом северо-восточных и новгородских летописей. Таким образом, в датировании второго изгнания Святослава Ольговича с новгородского стола мы склонны более доверять информации северо-западных летописных произведений.

М.С. Черкасова
д.и.н., проф., Вологодский ГУ

Ономастика в источниках Московской Руси

Актовые и кадастровые источники (писцовые и переписные книги) представляют значительный интерес для историков и лингвистов. Историки изучают по ним различные проблемы

социально-экономической и демографической истории, лингвисты же — богатейшие сведения по ономастике. В предлагаемых тезисах речь пойдёт выборочно о двух группах сведений по ней — зоонимических антропонимах и матронимах.

В качестве прозвищ людей использовались слова, обозначающие животных: Баран, Бык, Волк, Выдра, Козёл, Конь, Крот, Крыса, Куница, Лисица, Лось, Медведь, Олень, Хомяк, Хорь; из птиц — Голубь, Гогара, Дрозд, Лебедь, Орёл, Попугай, Синица, Соловей, Чайко; из рыб — Ёрш, Карась, Палтус, Рыба, Щука; из насекомых — Блоха, Жук, Комар, Муравей, Торокан. Помимо общеизвестных Большой / Меньшой при указании на старших и младших братьев, они играли идентифицирующую для человека функцию в составе широкой семейно-родственной группы.

В их бытовании не было жёсткой социальной обусловленности, они прилагались как к верхам общества (Бутурлины, Волконские, Милославские, Милоковы, Щепины-Волынские, Плещеевы и мн. др.), так и к податным сословиям. Князь Ф.Ф. Волконский прозвищем был Мерин, П.Ф. Волконский — Меринок, И.В. Волконский — Лось, Т.Ф. Бутурлин — Воронёнок, И.П. Щепин-Волынский — Птица, Д.Т. Милославский — Козёл, И.В. Милоков — Гусь, кн. И.В. Гагарин — Гусь, И.Д. Плещеев — Заяц, И.Ю. Плещеев — Лисица (*Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: Просопографическое исследование. СПб., 2019. Т. 2. С. 322–323; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв. М., 1994. С. 143, 162, 185, 219, 221; *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. С. 254, 294). В переписной книге Вологды 1678 г. фигурируют — каждый в своём дворе: посадский человек Тимошка Никифоров с. Палтус и его брат, бобыль Якушка Никифоров с. Палтус (Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII в. М., 2008. Т. 1. С. 144).

В качестве прозвищ иногда использовались слова, обозначающие степени родства: «девка Прасковьяца, прозвище Мама, Патракиева дочь», «Онисья Васильева дочь, прозвище Дочь» (*Соловьёва Т.Б.* Русская антропонимическая лексика конца XV–XVI в. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. Материалы XII Всеросс. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.». Архангельск, 2002. С. 276–281). Братья Мачехины — Иванко и Михалко — отмечены среди воротников в писцовой книге Торопца 1540 г. Из монашеских имен укажем на старца суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Ивана Мачехина, а из светских лиц — на Осипа Мачехина (Акты

суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. № 77, 188, 197; Акты служилых землевладельцев. Т. 4. № 545). Правда, в двух последних случаях мать, судя по всему, была не родная. В духовной крупного вологодского купца Г.М. Фетиева 1683 г. упомянут посадский человек Иван Никитин с. Матушкин, а в переписных книгах 1680-х гг. Василий Иванов с. Матушкин (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 746 об.; *Черкасова М.С.* Купец Г.М. Фетиев: Исследование и архив. Вологда, 2020. С. 190, 195). В той же духовной фигурирует некая «Сторублевикова жена с дочерью Козлом». Возможно, эта не названная по имени женщина (либо её муж) были должны Фетиеву 100 руб., либо купили что-то у него на эту сумму? Дочь же её, также не названная, указана с помощью мужского зоонима.

Чаще в образовании фамилии напрямую угадываются женские имена — Марфа, Мамелфа, Ирина, Наталья. Наиболее известный матроним шёл от новгородской посадницы Марфы: Димитрий сын Марфин, Феодор Дурень Марфин сын (Русская ономастика и ономастика России. Словарь. М., 1994. С. 189; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей. М., 2006. С. 331). В одной грамоте Спасо-Евфимьева монастыря 1549/50 г. упоминается Харлам Иванов с. Мамелфин, а в Сотной на Каргополь 1561–1564 гг. Меншичко Дмитриев Натальин и Павлик Иринин Луник. В выборной записи Куростровской волости 1589 г. указан Никифор Яковлев сын Иринин, а некий Кека Марфин — в явочной записи 1599 г. (Северный Археографический сборник. Вологда, 1971. Вып. 1. С. 414, 416, 420; Вып. 2. Вологда, 1972. С. 296, 298; Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. С. 170).

Некоторые фамилии восходили к священно- и церковнослужителям. Помимо общеизвестных Поповых или Дьяконовых / Протодьяконовых, укажем на Григория Попадьяина, Пашку Проскурница / Проскурнина (Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 56; Т. 3. С. 219; САС. Вып. 2. С. 238, 414). Вероятно, мать первого была вдовой попадьей, во второго — проскурницей в церкви. В Устюге в 1660–1670-х гг. известен «пристав Непряха» и стрелец «Кунавихин муж», поименованный исходя из женского некалендарного личного имени Кунавка (*Смольников С.Н.* Пристав Кузя, стрелец Кунавихин муж и другие в «издержечных» книгах XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 228, 234–236).

К патрилокальному принципу образования можно отнести прозвище Внук Григорьев с. Желтухин (АСЗ. Т. 4. № 545). В Сотной на г. Каргополь 1561–1564 гг. в Бозаевой ул. отмечены братья «Папа да Овсяник Петровы дети» (САС. Вып. 2. С. 294). Прозвища типа Внук,

Дед, Племянник, были выявлены Т.Б. Соловьёвой по генеалогическому материалу новгородского дворянства (*Соловьёва Т.Б.* Русская антропонимическая лексика... С. 279).

В писцовой книге Устюжского у. 1623–1626 гг. удалось заметить топонимы явно женского происхождения: Олисин новолок, дер. Любавинская; а в писцовой книге Тотемского у. в вол. Моле — дер. Мамочкина на р. Моле (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 746 об.). В дозорной книге дворцовых земель Вологодского у. 1589/90 г. отмечены «деревня Старик на рч. Мачехе» и дер. Батюшкино (САС. Вып. 2. С. 20, 61).

А.П. Черных
к.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Надгробие Аликс и Иоланды (утраченный бретонский памятник XIII в.)

Близ Нанта существует аббатство Нотр-Дам де Вильнёв (основано в 1228 г.), частично разрушенное во время Французской революции. Находившиеся там гробницы XIII–XIV вв. были осквернены, прах развеян. Среди них и надгробие герцогини Бретонской Аликс де Туар (1201–† 1221) и её дочери Иоланды Бретонской (1218–† 1272), одно из красивейших в Европе.

Металлические надгробия во Франции отмечены с конца XII в. Надгробия с геральдическими изображениями распространились в XIII — начале XIV в. Существовало около 50 медных надгробий с лиможской эмалью, из которых сохранилось не более пяти. (Gisants émaillés // Centre de la Culture du Limousin Médiéval [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.: <https://www.limousin-medieval.com/gisants-en-emaux-de-limoges>).

Надгробие Аликс и Иоланды известно по акварелям Луи Будана (1687–† 1709); три из коллекции де Гэньера, один рисунок Ж. Шаперона. Сохранились описания надгробия 1636 г. и 1711 г. В 1859 г. на основе рисунков была сделана эффектная хромолитография с изображением надгробия.

Двойное надгробие было изготовлено после 1272 г., оно покрыто щитами с гербами брачных союзов и сеньорий. Щитки делались отдельно и крепились на клёпках или на винтах. На верхней и боковых сторонах надгробия насчитывалось более 300 гербовых щитов. Многие гербы повторяются. Предполагаю, что повторения не случайны: они связаны с повторением поводов для появления этих гербов.

Аликс де Туар (Alix de Thouars) (1200–† 1221) — дочь герцогини Бретани Констанции и Ги де Туара. В 1203 г. бретонская знать и клир избрали Аликс герцогиней, положив начало новой бретонской герцогской династии. Король Франции Филипп-Август отдал её в супруги Пьеру Моклерку. Пьер де Дрё (Pierre de Dreux, dit Mauclerc) (ок. 1187–† 1250) происходил из Капетингов. В 1212 г. он женился на бретонской наследнице Аликс, которой было тогда 11 лет. Это был важный шаг в присоединении Бретани к Франции. Молодая Аликс умерла при родах и в 1225 г. была похоронена под роскошным надгробием из позолоченной меди с эмалью, заказанным её дочерью Иоландой.

Эта Иоланда Бретонская (1218–† 1272) в 1236 г. сочеталась браком с Гуго XI сиром де Лузиньян (1221–† 1250), известном также как граф д'Ангулем (с 1246 г.) Гуго II Коричневый (Hugues II, dit le Brun) и как граф де Ла Марш (с 1249 г.) Гуго VI, он же единоутробный брат короля Англии Генриха III. В приданое за нею Пьер Моклерк отдал графство Пентьевр, так что она обладательница и этого титула. Иоланда умерла после долгого вдовства и тоже погребена в основном её матерью и бабушкой аббатстве.

Обе дамы имели и свои сеньории, и обретенные по браку. Исследователи считают, что Иоланда формировала новый круг герцогской генеалогии. На надгробии из английского родства — 44 герба, французского — 30 гербов, Лузиньянов — 34, бретонских — 22, гербы других крупных родов и сеньорий. Отдельных семейств идентифицированных гербов 180, неидентифицированных — 40 (*Sory J.-Y. La revendication bretonne du trône de France (1213–1358)*. Paris, 2016. P. 130, 145). Это гербы разных уровней, и в детали легитимности и значения каждого герба на надгробии я не планирую входить, но очевидно, что привлечены брачные и наследственные связи и с родами «первого уровня важности», и с прочими, значение которых меньше. Эти связи вообще ничем, кроме гербов, не было возможности показать. Разумеется, вся геральдическая демонстрация — это плод умственных усилий не упокоенных дам. То есть это не их личная инициатива или амбиции, а политическое предприятие.

На надгробии Аликс де Дрё, герцогини Бретонской, виконтессы де Туар, дамы де Монлеон и де Тальмон видны гербы родов Дрё (шахматный с красной каймой и вольной четвертью горностая) и де Туар (усеянный геральдическими лилиями в кантоне). Тут же уссеянный геральдическими лилиями (Франция), три леопарда (Англия), красные клинья с белкой (сеньоры де Бельвиль), перевязь (Шампань),

противообращённые рыбы (Бар) внутренняя кайма из мерлетт (возможно, Шемилли). В серебряном поле три красных стропила — это гербы рода де Машекуль (Machesoul), младшей ветви капетингского дома Дрё в Бретани.

Рядом покоится её дочь Иоланда — соответственно, герцогиня Бретонская, дама де Лузиньян, графиня де Ла Марш, имеющая право на материнские, отцовские гербы и оные супруга. Она изображена покоящейся на покрывале из ромбовидных по форме гербов Франции, Англии, Лузиньянов и Дрё. Независимо от формы на надгробии нет никаких «дамских» гербов, это всё «нормальные» сеньориальные гербы.

В разветвлённом роду Лузиньянов бытовало, как принято, несколько гербов. Основной их герб — чередование серебряных и синих поясов. Герб с серебряно-синим чередованием и внутренней каймой из 10 красных мерлетт поверх всего — герб сеньоров де Валенс графов Пемброк с 1247 по 1324 гг. У той ветви Лузиньянов, что были королями Кипра, поверх чередования был красный восстающий лев в золотой короне.

В надгробии Аликс и Иоланды геральдика Дрё, Бретани и Лузиньянов перемешана с английской и французской конца XII — конца XIII вв. Часть гербов уверенно не идентифицируется и какова их связь с надгробием — пока непонятно. Количество гербов, у каждого из которых можно проследить историю и основания попадания в надгробную геральдическую репрезентацию, исключает поспешные толкования в сторону деталей и подробностей.

Гербы — не намёки, гербы — точный идентификатор брачных, наследственных и сеньориальных связей, не всегда, увы, известный в желанной мере. Гербами представлены все имена и земли, к которым имели отношение обе дамы из новой герцогской династии. Надгробие — совокупность огромного количества гербов — каждый со своей собственной историей и своей историей попадания на это надгробие — являет собой истинную демонстрацию сеньориальных достижений и притязаний, известных и малоизвестных, демонстрацию прав на имена и сеньории, комплекс доказательств на основе прошлого рода. По выражению Л. Абло «геральдические знаки материализуют геополитическую реальность» (*Hablot L. Briser les hermines. Les armoiries des vicomtes et vicomtesses de Limoges de la maison de Bretagne // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2019. Т. 126, N 2. P. 171*). В этом смысл помещения всех этих гербов на надгробие. Главная цель — визуализация их в общедоступном пространстве храма — то есть в социальном пространстве. Это касается всех

геральдизированных надгробий XIII в. К началу XVII в. герб перестал быть главной частью репрезентативного погребения, а в Средние века подобное надгробие было единственным местом, где всем можно было увидеть выраженные гербами титул, статус и даже генеалогию сеньора.

Н.П. Чеснокова
к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН

Предсказание о Константинополе в контексте хронологии и астрологии нач. XVIII в.

Предсказание о судьбе Константинополя, обретенное по преданию на гробе Константина Великого и расшифрованное Константинопольским патриархом Схоларием, состоит из неких букв, которые якобы дают возможность реконструировать пророчество, и собственно текста. Отдельные списки русского перевода предсказания появляются только в XVII в. На начало XX в. было известно четыре таких перевода: 1640/1641, 1650, 1651 и 1698 гг. (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVIII веков. СПб., 1903. С. 361). Нами были обнаружены еще два списка 1640/1641 г. из Приказа тайных дел (Чеснокова Н.П. *Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов)*. М.: Индрик, 2011. С. 163–164). В царствование царя Алексея Михайловича идеи предсказания, известного русским книжникам и представителям высшей знати, стали одним из элементов политической мысли, поэтому логично, что тексты пророчества были обнаружены среди документов Тайного приказа, бывшего личной канцелярией государя.

В середине XVII в. тема предсказания возникала в связи с призывами к царю освободить православные народы Высокой Порты от османского владычества. При этом особый акцент в тексте делался на миссии русого рода, под которым в славянских списках обычно понимали русских, но о реальных военных действиях против турок тогда речь не шла.

Однако в последней трети XVII в. содержание предсказания все более приобретало черты реального политического прогноза. Согласно документам, последний по времени перевод пророчества, был сделан Парфением, митрополитом Лаодикийским, в 1698 г. Он заканчивался виршами самого Парфения, в которых тот обращался к патриарху Геннадию, а завершались стихи словами: «Бог Отец,

Сын и Дух Свят присно везде помогает силно великому государю царю и великому князю Петру Алексиевичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу». И это не случайно. Вместе с переводом пророчества в списках текстов, принадлежащих митрополиту Лаодикий, присутствует стихотворное сочинение, посвященное взятию царем Петром Азова, которое, по мысли автора, предвосхищает освобождение Константинополя: «Великий царю московский, ты изгнал турки азовский, Петре, будешь победити и до конца сокрушити... Рукою же ти державства избави люд от насилства, христиан, в неволе сущых, и от турков измученных».

Но еще более конкретным предсказание выглядит в комментариях к списку 1702 г. из сборника конца XVII — начала XVIII в., хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 256. № 365). Весь комплекс текстов, сопровождающих его, представляется не случайной подборкой писца сборника, а сознательным выбором комментатора и подтверждает основную идею сочинения — близкий приход времени, когда пророчество о Константинополе должно быть исполнено.

Анонимный толкователь не только связывает древнее предсказание с современной ему политической ситуацией, но с помощью хронологических подсчетов и астрономических наблюдений пытается по годам определить этапы в освобождении Греческого государства, которые в предсказании обозначены индиктами. отождествляя с индиктами 28-летние круг солнца, он полагал, что 29 мая 1453 г. — дата взятия Мехмедом Завоевателем Константинополя — является 17-м годом первого индикта, окончание которого пришлось на 1464 г. Прочие шесть индиктов, в которые турки, согласно предсказанию, победив императорский род Палеологов, овладели многими государствами и распространили свою державу вплоть до Черного моря и Дуная, закончились в 1632 г. В восьмой индикт, указанный в предсказании (по расчетам комментатора это период с 1632 г. по 1660 г.) османы овладели Пелопоннесом, т.е. Мореей. Здесь автор допускает неточность, так как покорение всего Пелопоннеса завершилось к концу XV в. Очевидно, таковы были его представления об истории османского завоевания территорий бывшей Восточной Римской империи. В девятый индикт (1660–1688 гг.) турки воевали с северными странами, которые комментатор предсказания называет «нашими». В десятый индикт, когда турки должны быть окончательно побеждены, согласно подсчетам, продлится с 1688 г. по 1716 г. Таким образом, от времени создания комментария, «нынешнего 1702 года», до конечной даты победы над мусульманами и совершения предсказания

оставалось только 14 лет, «вняже конечно, надеюся, сим сего предсказателя словесем исполниться».

Трактуя пророчество о том, что битва с турками будет длиться «до пятого часа», автор пишет: «а до пятого часа, мню, до пяти лет», т.к. астрологи часом называют «в сферах градусы», а «по времени часы годами именуют». При этом он ссылается на некоего европейского астролога, истолковавшего появление двух комет в 1633 г., а третьей — в 1677 г. Кометы появились в одной и той же части неба и при одинаковом положении солнца, что должно означать некие великие дела. Особое значение имеет появление третьей кометы, «о которой явлено сказал (астролог — *Н.Ч.*), яко от Москвы являет началу оныя победительныя на турка воины», и которая, по мысли нашего комментатора, предсказала военные победы Петра I под Азовом. С именем же царя Петра, предназначенного для «такового великого дела» самим Богом, автор комментария связывает свои надежды и на будущие победы России над Османской империей.

И.С. Чиж
гл. библиотекарь РГБИ

Паспорт издания как источник изучения деятельности издательства «Искусство»

Издательство «Искусство», основанное в 1936 г. на базе нескольких книгоиздательских организаций и редакций («Изогиз», «Музгиз», «Всекохудожник», журнал «Театральная декада» и др.) с целью устранения репертуарного параллелизма, со временем стало отраслевым лидером и оказало значительное влияние на отечественную культуру. Его деятельность охватила практически две трети XX столетия, в течение которых оно выпускало самую разнообразную печатную продукцию: книги и брошюры, периодические издания, нотные материалы, документы производственно-практического содержания (инструкции и пр.). Значительную часть репертуара издательства составляли изоматериалы: картины, открытки, плакаты, «призывы» и т.п. Изучение этого массива требует особого подхода, и наряду с другими историко-книжными источниками большой интерес для исследователя представляет паспорт издания.

Выдающийся российский книговед Аркадий Эммануилович Мильчин (1924–2014), посвятивший 15 лет редакторской работе в издательстве «Искусство» (с 1949 г. по 1964 г.), в своих работах отождествлял понятия «паспорт издания» и «учетная карточка издания»

(Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М., 2003. URL: https://access.rusneb.ru?id=000199_000009_002382728 (дата обращения: 09.01.2023)). По его мнению, паспорт издания — это карточка, содержащая основные сведения о нём и его движении по этапам редакционно-издательского процесса. Причем, по наблюдению А.Э. Мильчина, крупные книгоиздательские структуры располагают картотеками из учетных карточек как в самой редакции, так и в планово-экономическом и производственном отделах, а в небольших издательствах ведется, как правило, общая картотека.

В карточке зафиксированы личные сведения об авторе (других участниках) и их контактная информация; обязательным было указание названия издания, даты заключения и номера авторского договора, сроков поступления оригинала от автора (если это договор заказа), размера авторского вознаграждения. Важными сведениями являются данные о тираже, сроке одобрения (если он предусмотрен договором), размере и графике выплат. Отдельные графы и строки карточки сообщают о том, как перемещается оригинал внутри издательства до сдачи в типографию; когда, куда и в каком составе поступают корректурные и пробные оттиски; как происходит корректурный обмен между издательством и типографией до получения и утверждения сигнального экземпляра. Таким образом, каждая учетная карточка сначала выполняет функцию документа внутреннего пользования, а со временем становится ценным по содержанию источником изучения как отдельного издания, так репертуара издательства в целом.

«Паспорта к изданию» и «паспорта к рукописи» (а именно под такими названиями сохранились подобные документы в архиве издательства) редакторы «Искусства» вели уже в первые годы своей деятельности. К примеру, в 1938 г. появились паспорта по настенным картинам. По форме эти документы представляют собой бланк, в котором указывались как сведения, приведенные выше (по Мильчину), так и данные о способе полиграфического воспроизведения, формате. Обязательным элементом являлась аннотация, содержащая характеристику печатного продукта и краткое изложение его содержания (художественное описание), значение и отличие от аналогичных изданий, целевое и читательское назначение. Часто аннотацию сопровождали примечания, содержащие не просто интересную, но и важную информацию.

Подобным примером является паспорт на настенную картину «Новая Москва» кисти художника Ю.И. Пименова, написанную летом 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 8. Д. 122. Л. 17). По словам

современного искусствоведа Е.В. Воронович, в роковой и страшный для страны год «Пименов создает уникальную работу — талантливую, искреннюю и полную оптимизма. <...> В идеальном измерении личного взгляда автора возникает омытый летним дождем, утопающий в жемчужном сиянии праздничный город — пространство надежды и веры в будущее <...>» (Воронович Е.В. Юрий Пименов. Новая Москва. М., 2017. С. 12). Паспорт этого издательства, помимо регистрационного номера, названия подразделения (отдел художественной репродукции), фамилии редактора, способа воспроизведения (цветная автотипия), тиража (25 тыс. экз.), формата (1/2 печатного листа), раскрывает еще ряд любопытных для исследователя деталей. Так, после наименования работы «Новая Москва» в скобках содержится помета, что название будет уточнено, а из примечания к аннотации узнаем, что было использовано клише из альбома «Советская живопись» к Международной выставке в Нью-Йорке, не вошедшее в альбом из-за несоответствия размеров. Паспорт был составлен 2 декабря 1938 г., при этом срок выпуска тиража планировался к празднику 8 Марта.

Паспорт на картину «Собака нашла преступника» (художник Трагер?), кроме аналогичных общих данных, сообщает, что она была выпущена по заказу Политуправления московской милиции (РГАЛИ. Ф. 652. Оп. 8. Д. 122. Л. 36 об.). Причем договор был заключен ещё с «Изогизом» (на этот момент уже слитым с «Искусством»), и по его условиям из тиража в 20000 экземпляров заказчик забирал 5000, хотя гонорар в размере 4000 рублей был полностью им выплачен. Подобные тематические заказы на картины поступали в «Искусство» и от Музея НКВД. Это подтверждает, в частности, паспорт на настенную картину «Задержание контрабандистской шхуны» художника Г.Г. Нисского (Там же. Л. 7). В отличие от предыдущего случая, весь запланированный тираж в 4000 экземпляров полностью передавался заказчику.

Среди паспортов на настенные картины обнаружены и бланки с названием «паспорт к рукописи» на альбомы, которые издательство готовило к Нью-Йоркской выставке, также заслуживающие тщательного изучения. Таким образом, паспорт издания (рукописи) выступает уникальным источником изучения не только репертуара, но организации производственного процесса издательства «Искусство».

Т.В. Чумакова
д.филос.н., проф. кафедры
философии религии и религиоведения СПбГУ

Вспомогательные исторические дисциплины в трудах Саввы (Тихомирова)

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-28-00862

Архиепископ Тверской и Кашинский Савва (И.М. Тихомиров) (1819–1896) оставил после себя значительное научное наследие, которое до сих пор не утратило актуальности. Самыми известными его работами, созданными во время его работы в должности синодального ризничего, являются «Указатель Московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы и библиотеки» (первое издание: М., 1855) и «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI–XVII века» (СПб., 1863). Особенно тяжело ему пришлось во время работы над описанием синодальных коллекций, поскольку никакого специального образования он не получил (хотя наверняка какие-то навыки он получил в годы учебы в семинарии и академии, где он много общался с А.В. Горским), и занялся этой работой почти сразу после окончания Московской Духовной академии. М.Н. Сперанский отмечал, что Савва (Тихомиров) самостоятельно, обращаясь к немногочисленным российским изданиям «выработал себе приемы описания, так что, если бы сам автор не заявил о своей неопытности и если бы мы не знали, что это первый его труд по археологии, никогда бы нам не пришлось в голову видеть новичка-автора в книге с твердо установленной методой описаний, с богатой археологической номенклатурой, с авторитетными указаниями на время, характер работы и значение того или другого из описываемых предметов» (*Сперанский М.Н. Археологические и палеографические труды преосв. Саввы. М., 1898. С. 2.*). Большой интерес для изучения истории отечественных вспомогательных исторических дисциплин представляет много-томная «Хроника моей жизни» (Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев, 1898–1911. 9 тт.), которая представляет, по сути, летопись жизни архиепископа, от детства и до конца дней. Это автобиографическое произведение, написанное в жанре интеллектуальной биографии, существенно отличается от большинства мемуаров тем, что автор стремился по возможности не пересказывать какие-то беседы или переписку, а подкреплять текст

документами (в первую очередь письмами, и это не только многочисленная деловая переписка, но и личные письма). «Хроника» является уникальным источником по истории духовного образования и истории повседневности, а также по истории науки: Савва (Тихомиров) тщательно описывает весь процесс работы над описанием ризницы и издание палеографических снимков от появления замысла, до вопроса о финансировании изданий, прохождении цензуры и распространения уже изданных книг. Все эти темы были отнюдь не второстепенными, поскольку продажи «Указателя» были необходимы для финансирования работы над палеографическим изданием. Во втором тому «Хроники» детально расписаны особенности научной коммуникации между российскими и западными учеными. Сын лидера Оксфордского движения Эдварда Пьюзи (1800–1882) Ф.Э. Пьюзи (1830–1880), палеограф и переводчик на английский язык текстов Кирилла Александрийского, для сличения рукописей приехал в 1856 г. в Москву, в Синодальную библиотеку. Савва хорошо знал французский язык (он сам перевел на этот язык текст своего «Указателя»), это был один из двух современных языков, который могли по выбору учить студенты духовных семинарий, Пьюзи немного знал русский, но говорить свободно не мог. Латинское произношение было столь различно, что единственным средством коммуникации в середине XIX в. стала переписка на латыни. Савва (Тихомиров) способствовал тому, что Ф. Пьюзи получил доступ к рукописям Синайского монастыря. Переписка с Пьюзи, в которой они обсуждали возможность диалога между православными церквями и Церковью Англии, и публикация документов, которые тот присылал Савве, являются ценным источником по истории Оксфордского движения и межрелигиозного диалога.

Говоря о Савве (Тихомирове) как источниковеведе, нельзя не упомянуть опубликованные им сборники документов: «Письма Филарета, митрополита Московского», а также «Сборник писем духовных лиц XVIII в. к преосвященному Арсению (Верещагину)».

Труды Саввы (Тихомирова) были известны современниками, о чем говорит множество рецензий в российских и иностранных изданиях XIX в. В многочисленных мемориальных текстах, написанных после смерти архиепископа, отмечались то, что его работы многое сделали для поднятия престижа российской «церковной науки», которая в 60-е годы сделала рывок, и именно труды по вспомогательным историческим дисциплинам сыграли в этом огромную роль. Для церковно-исторической науки и духовного образования последней четверти XIX в. его труды были очень значимы, поскольку в этот период началось реформирование университетов (не только в Российской

империи, но и во всем мире), и начался переход от модели «обучающего университета» к модели «исследовательского университета» (Wittrock, B. The modern university: The three transformations // The European and American University since 1800 / Ed. by S. Rothblatt & B. Wittrock. Cambridge, 1993. P. 309). Для Российской империи это имело особое значение, поскольку государство стремилось, привлекая молодежь к занятиям наукой, отвлечь ее от политического активизма. Для духовной школы это было актуально также и по другой причине: выходцы из среды духовенства теперь имели возможность выбора, и лучшие студенты поступали в светские университеты, а не в духовные академии.

*Е.К. Шадуни
с.н.с., Переславский государственный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник*

К истории эпиграфических исследований в России: разыскания древних надписей в Переславском уезде в XVIII — начале XX века

Причиной академического интереса к эпиграфике стала поставленная Императрицей Екатериной II задача составления географического атласа и описания истории Российской. Разосланные в 1760 г. вместе с указами из Правительствующего Сената в губернии анкеты Академии наук включали запрос на «верные копии» летописцев, если такие найдутся в городах и монастырях. Представленные Переславской провинциальной канцелярией в Академию наук 16 ноября 1764г. краткие летописные сведения из книги Торжественник из Преображенского собора (*Бакмейстер Л.И.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1772. Т. 1. Ч. 2. С. 98), сохранились еще в одном документе конца XIX в., оригинал источника утрачен.

В 1792 г. обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода А.И. Мусин-Пушкин рассылает всем епархиальным архиереям и ставропигиальным монастырям указ Императрицы о доставлении известий о надписях на кладбищах и стенах церковных с известиями о знатнейших особах. Переславское духовное правление представило в Суздальскую консисторию списки с 9 надписей, найденных в Даниловом и Феодоровском монастырях, а также в Преображенском соборе и Преображенской церкви с. Нагорье (РсФ ГАЯО. Ф. 271. Оп.1. Д.184), которые впоследствии были опубликованы

в соответствии с орфографией документа (*Загорский М.В.* Разбор и описание дел Переславского Духовного Правления // ВУАК. Труды. 1902. Кн. 4. С. 32–38).

До настоящего времени *in situ* сохранилась единственная из них, находящаяся в сильно поврежденном состоянии, — эпитафия И.П. Барятинского на вкладном камне в стену Похвальской церкви Троице-Данилова монастыря. Уцелевшие строки в нижней части плиты показывают, что список был сделан с сохранением разбивки на строки и правильным прочтением дат, в отличие от публикации А.И. Свирелина (*Свирелин А.И.* Надписи, имеющиеся в г. Переславле-Залесском. Труды седьмого археологического съезда в Ярославле 1887. М., 1892. Т. 3. Приложение. С. 34).

Летописные известия о дате основания городского собора и похороненных в нем переславских князьях, найденные «в книгохранильнице» Преображенской церкви, вероятно, были скопированы из книги, названной в известиях 1764 г. Торжественником. Хотя рукописный сборник с таким названием не отмечен в описании Спасо-Преображенского собора 1701 г., он мог быть среди упомянутых 28 ветхих старых письменных книг либо значиться под названием «Книга минея общая» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 60. Л. 13 об.–15). Приведенное в списке с надписи фамильное прозвище великих князей Димитрия Александровича и Ивана Дмитриевича — Невские — присутствует в описи убранства их гробниц 1701 г. Опубликованные летописные записи представляют интерес для анализа текста и его возможной датировки по формуляру, учитывая дату первого известия об этой книге.

Интересно, что игумен Никитского монастыря не сообщает ничего о надписях на стене паперти Никитского собора о «совершении» каменной соборной церкви, где упоминаются имена царя и великого князя Иоанна Васильевича и преосвященного митрополита Афанасия. Это косвенно подтверждает вывод А.Г. Авдеева о том, что две опубликованные в XIX в. храмозданные надписи были составлены не ранее второй половины XVIII в. (*Авдеев А.Г.* Заметки о памятниках монументальной эпиграфики Переславля Залесского XVII–XVIII вв. // Сборник материалов I и II научно-практической конференций «Роль монастырей в формировании социокультурного пространства малых городов». Переславль-Залесский, 2021. С. 12–48).

Общественный интерес к памятникам древности, возникший в первой половине XIX в., послужил публикации в 1848 г. надписей, обнаруженных на иконах в Преображенском соборе. Недоступные

взгляду посетителя вкладные надписи на церковной утвари и книгах включают в описания Переславских монастырей и церквей, первое из которых было издано архимандритом Троице-Данилова монастыря Павлом (Подлипским) в 1834 году.

Системный поиск древних надписей возобновился рассылкой Императорской Академией художеств «Метрик для получения верных сведений о древне-православных храмах» в виде анкет. Священники не всегда воспроизводили надписи на утвари, надгробиях и стенах верно, что видно из метрики Успенского собора Горицкого монастыря, где помещена вкладная надпись XVI в. на паникадиле, находившемся под хорами (ГАВО. Ф. 556. Оп. 6. д. 65. Л. 10). Надпись в изложении протоиерея А. Дилигенского: «В Переславль-Залесский по своим родителям Иван Васильев Кирсанов. Поставил паникадило в дом. Лета 7068 Марта месяца в 31 день при Царе и Великом князи Иване Васильевиче всея Руси при митрополите Макарии». В 1919 г. паникадило поступило в Переславский музей из ризницы Успенского собора, и надпись была прочитана М.И. Смирновым следующим образом: «Пречистой на Горе в Переславль-Залесском по своим родителям Иван Васильевич Корсаков постави паникадило в дом лета 7060 осмаго м-ца марта в 16 день при царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при мит. Макарии...» (*Смирнов М.И.* Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края XIV–XVI вв. // Доклады ПЕЗАНПРОБ. Переславль-Залесский, 1924. Т. 12). Обе записи не воспроизводят надпись на предмете, являясь авторским переложением текста.

Большинство надписей (эпитафий и граффити), о которых сообщают статьи в периодике середины XIX в., были обнаружены случайно и впоследствии утрачены. Передача старорусских текстов в этих публикациях не учитывала особенности написания, однако сохранила сведения, восполняющие лакуны в документах. Точное воспроизведение надписей, по-видимому, не входило в задачу составителей первых Переславских эпиграфических сводок, систематизированных по расположению (надписи на предметах и эпиграфика) и хронологии. Ведущуюся в настоящее время рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» работу по исследованию сохранившейся эпиграфики необходимо дополнить уточненным списком опубликованных до 1928 г. древних надписей.

Анализ сведений русских источников по исторической географии Малой Ногайской Орды в XVI в.

В нашем исследовании будут проанализированы русские источники на предмет выявления всех имеющихся в них сведений, относящихся к исторической географии Малой Ногайской Орды, или Казыева улуса второй половины XVI века. В первую очередь, следует обратиться к обширным материалам дипломатической переписки и приказного делопроизводства, объединенных в хронологическом порядке в посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. Именно они являются основным источником по изучению истории ногаев и, в частности, по исторической географии ногайских орд.

Впервые сведения об основателе Малой Ногайской Орды — Гази б. Ураке, встречаются в четвертой посольской книге по связям России с Ногайской Ордой (1551–1556). Они относятся к весне 1551 года и сообщают об «Ахматовых горах» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста. Казань, 2006. С. 68). Этому сообщению нами было посвящено отдельное исследование (*Шалак М.Е. К постановке проблемы идентификации «Ахматовых гор» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019. С. 439–441*).

Следующее сообщение относится к 1552 году. Это грамота ногайского Исмаил мирзы к Ивану IV. В ней Исмаил писал, что люди Казы мирзы расположились на «промежке» для нападения на торговые караваны (Посольские книги. 2006. С. 86). Судя по контексту сообщения, в котором Исмаил предлагал русскому царю ловить казыевцев от Переволоки вверх по Волге, а вниз по реке их будут стеречь большие ногаи, «промежком» назывались степи между (промеж) Волгой и Доном.

В пятой посольской книге за 1557–1561 гг. есть уточняющее сообщение большеногайского бия Исмаила от 1560 г., в котором говорится, что Гази мирза «повоевал» купцов, шедших с товарами из Азова в Астрахань (Посольские книги. 2006. С. 313). В ответной грамоте Ивана IV нападения Гази мирзы на торговцев, следующих из Азова в Астрахань, представляются уже систематическим явлением (Посольские книги. 2006. С. 316). Следовательно, «промежком» можно считать степи междуречья Дона и Волги по линии Азов—Астрахань.

В грамоте Исмаила, прочитанной в Москве 18 ноября 1560 г., бий Большой Ногайской Орды сообщает своему союзнику Ивану IV, что Девлет-Гирей и Гази мирза договорились о каких-то совместных действиях в районе устья Северского Донца (Посольские книги. 2006. С. 325). При этом Исмаил сетует на то, что Гази со своими людьми занял очень стратегически удачное место «на промежке» и многократно просит русского царя выбить казыевцев с «того места с промежка» (Посольские книги. 2006. С. 326).

В шестой посольской книге (1561–1564) бий Исмаил в своих грамотах 1562 г., вновь многократно просит Ивана IV выбить Гази мирзу «с того места», «с того промежка». Причем для усиления своей просьбы Исмаил пишет, что молит Бога «чтоб он на том месте не был» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг. Публикация текста. Казань, 2018. С. 31). Только после того, как Гази будет выбит «с того промежка», Исмаил обещает русскому царю взять Крым. При этом ногайский бий советует Ивану IV послать приказ к черкесам, у которых любит укрываться Гази со своими людьми в случае опасности («в крепостных местах», «места крепки, без пушек и без пищалей взяти его не мочно»), чтобы они либо схватили предводителя малых ногаев, либо прогнали его (Посольские книги. 2018. С. 33, 61, 63).

В грамоте к астраханскому воеводе Ф.В. Сисееву от 28 октября 1562 г., сказано о том, что казыевцы свободно приезжали в Астрахань, останавливались там у астраханских татар и закупали различные запасы. Оттуда они совершали грабительские рейды на улусы больших ногаев, отгоняя у них лошадей. Иван IV запрещал астраханскому воеводе впредь пускать в город малых ногаев (Посольские книги. 2018. С. 60–61).

В наказной памяти 1562 г. послу в Большую Ногайскую Орду Михаилу Колупаеву говорится о том, что кочевья Гази б. Урака располагались около черкесов (Посольские книги. 2018. С. 79).

Сам основатель Казыева улуса писал к Ивану IV в 1563 г., что он и его улусные люди живут «на лихом месте», «живем есмя на поле» (Посольские книги. 2018. С. 117).

Сменивший Исмаила в 1564 г. бий Дин-Ахмед так же продолжал просить московского государя согнать Казыя с «промежка» (Посольские книги. 2018. С. 119). В мае 1565 г. Иван Грозный писал новому бию Большой Ногайской Орды, что он не велел посылать своих гонцов к Гази мирзе в «Черкасы» из-за того, что малонагайские мирзы писали к нему «невежливо» (Посольские книги. 2018. С. 185). Следовательно, можно предположить, что одна из ставок малонагайских

предводителей — Гази мирзы, Якшисаат мирзы и Ислам-Гази мирзы, располагалась на территории собственно Черкесии.

В 70-х гг. XVI в. малые ногаи всё чаще начинают упоминаться в связи с Азовом и азовскими людьми (Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. С. 6, 33, 34). И если в 50–60-е гг. XVI в. главным центром притяжения казыевцев выступала Астрахань, то начиная с 70-х гг. этим центром становится Азов. Поэтому обоснованным выглядит суждение, что основные кочевья Малой Ногайской Орды с течением времени отодвигались всё дальше на запад (*Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2020. С. 543–544).

В восьмой посольской книге (1577–1579) прямо говорится, что Гази мирза и Якшисаат мирза, который после гибели основателя Казыева улуса станет бием Малой Ногайской Орды, располагаются в Азове (Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. 11. С. 213, 273).

Такова информация об исторической географии Малой Ногайской Орды во второй половине XVI в., содержащаяся в посольских книгах по связям России с Ногайской Ордой. Как видим, она крайне расплывчата и нуждается в уточнении из других источников. По крайней мере, мы можем достаточно уверенно говорить, что первоначально кочевья Казыева улуса располагались в степном Предкавказье, ограниченном на севере междуречьем Дона и Волги по линии Азов—Астрахань, а на юге горной Черкесией. Постепенно центр притяжения малых ногаев смещался на запад, от Астрахани к Азову.

С.М. Шамин
д.и.н., в.н.с. ИРИ РАН
И.Н. Шамина
к.и.н., н.с. ИРИ РАН

«Учение», учитель и школа в трудах священника Саввы Дугина

В последние годы личность священника Саввы Дугина (казнен в 1732 г., подробнее о нем см.: *Шамин С.М.* «Доношения» священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 97–147; *Аллатов С.В.* Фольклорные и литературные компоненты видений священника С.И. Дугина // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2 (53/54). С. 221–227; *Медведева Т.В.* Неизвестный труд князя Н.В. Голицына о священнике Савве Дугине // Вестник церковной истории. 2022.

№ 1/2 (65/66). С. 344–368 и др.) привлекает все большее внимание исследователей.

Его труды («Книга известительный доклад» и «Книга устав христианского жития») включают размышления о вопросах веры, государственного устройства, законодательства и повседневной жизни. Значимое место в его «книгах», особенно в «Уставе христианского жития», занимает тема «учения». Причину множества существующих в российском обществе проблем Дугин видит в том, что люди «не учены». По его мнению, характеристика «учительный» — обязательна для всех людей священного сана. Она входит как в определение архиереев «не сребролюбец, но весьма учительный и не гордый», так и протопопов — «добрый, учительный, не гордый».

Цель «учения» для Дугина — «чтоб народ... в несоблазное житие приведен был», в противном случае «будет воровство». При этом учимый должен не только усвоить сказанное, но и действовать соответствующим образом. К примеру, об архиереях он говорит: «И учение ево слушать и соблюдать, сиречь, чему учит, то творить безленосно», т.е. «учить» — не только наставлять о вере, но и о повседневном поведении. Средством «учения», по мнению Дугина, являются слово, а также личный пример и помощь властей против «непокорников».

Тема борьбы с «непокорниками» в «книгах» Дугина поднимается неоднократно. «Учение» должно их искоренять. Дугин даже вводит специальное выражение «архиерейские учительские трубы», отсылая при этом к трубам архангелов, которые вострубят перед Страшным судом (Откр 8–11): «И архиерейские учительские трубы вопить будут непрестанно в церквах и в сонмищах. То во истинну на всех грешниках будет страх наяве от казни гражданской, а в тайне — от церковной. И не хотя придут в човство». Т.е. для тех, кто не захочет слушать учителей, учительские слова будут звуком, предвещающим «личный конец света».

Учащий священник оказывается в положении отца по отношению к учимому: «ибо воистину отец — рождает крещением и учит закону». В случае же если обязанный учить пренебрегает своими обязанностями, его наказывают: «Аще... будет сонмище игралищное, то тои слободы... старейших людие собрать всех. И у церкви при народе учинить им наказание — бить плетми в рубахе всякому человеку... Дабы они впредь детей своих и домочадцов учили и на игралище не пускали».

Складывается впечатление, что, по мнению Дугина, эффективность «учения» зависит в том числе и от сана учащего. Так, он считает необходимым прибавить число епископов: «едва бы не во всяком граде был бы епископ... велия бы мольба была к Богу и учение

людem». Т.е. требуется не просто увеличение числа людей, которые могли бы учить, а именно епископов. От понижения же сана архиерея «учение» страдает: «метрополюи места в епископские обратили и, зависти ради, белые клубуки сняли, и весма учение пресекаетца, и слава Божия умоляетца». Как видим, в последнем случае речь идет не о смене персоналий или уменьшении числа архиереев, а именно о понижении их статуса.

Учащие выстраиваются у Дугина в иерархическую систему — архиерей учит всех, живущих в его епархии, настоятель — братию, люди старшего поколения — младших и т.д. В связи с этим встает вопрос о том, какое место автор отводил лично себе? С одной стороны, он — один из священников. С другой — «Устав христианского жития» Дугин называет «учением»: «Того ради сице и сочинил вкратце учение». «Устав» действительно содержит элементы описанного выше «учения» в дугинском понимании — изложение вопросов веры, описание того, как людям нужно себя вести, как должно работать государство и его законы и т.д. Как видим, священник пытается выступить учителем для всей страны. Правда, понимая, что в его книге могут быть недостатки, Дугин предлагает «освидетельствовать» ее «учетельми российскими». Позднее, пройдя через следствие, застенки Тайной канцелярии, лишение сана, пытки, вырывание ноздрей и ссылку на каторгу, бывший священник переосмыслил свою роль. В последнем письме императрице он писал о себе: «ученик и сострадалец Господа».

Как видим, Дугин имел весьма целостное представление о том, что такое «учение». Однако у него же встречаем понимание учительства в качестве простой передачи знаний и умений. В «Прилоге» к «Уставу христианского жития», который призывает выслать иноземцев из России, иностранцы рассматриваются как наемные учителя, которых отправляют восвояси по выполнении ими необходимой работы: «Шляхтич природной призывает учителя детем своим, которой, пришед, научает книжной премудрости и всякому искусству и чесному обхождению. А когда будут дети в науке, то учителю не даецца та честь ко владению наследия, но, получа честь и цену учительства своего, возвращается восвояси. Тако довлееет разсудить о иноземцах».

Знал Дугин и о том, как обстоят дела с образованием в его родной Рязанской епархии. О рязанской архиерейской школе, а также о ее главе и «цифирном» учителе Степане Петрове священник пишет: «Велено по Раглементу при архиереиских домех быть школам для наученне детем поповых и всякого духовного причта. И таких детей со всеи области собрав, и теми школниками приказные

люди — Степан, прозванием Вострая сабля, и прочие, сена на них кашевали, пруды строили... И от нестерпимого мучения множество померло». Т.е. школа выступает здесь не как образовательное учреждение, а как место жестокой эксплуатации детей. Создателя этой школы, Гавриила (Бужинского), который написал множество проповедей и (в качестве синодального советника) руководил ранее всеми российскими школами, Дугин упоминает среди плохих архиереев, которые «обогащены были богатством и народу не учили».

Как видим священник, хорошо представлял себе петровские новации в сфере образования, но, радея об «учении» в своем, ориентированном на средневековую традицию, понимании этого слова, не принял их.

Г.В. Шебалдина
к.и.н., доцент РГГУ

Новый источник по истории издания карты Ф.И. Страленберга

В реляциях чрезвычайного посланника в Стокгольме графа Н.Ф. Головина за 1728 г. находятся документы, связанные со знаменитым трудом бывшего шведского военнопленного подполковника Ф.И. фон Страленберга. История создания карты и историко-географического описания Сибири неплохо изучена (в частности: *Новлянская М.Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966; *Страленберг Ф.И.* Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. [Перевод]. Л., 1985–1986, Т. 1–2). Тем более интересной представляется возможность введения в научный оборот новых источников.

Получив от Н.Ф. Головина сведения о том, что подполковник Страленберг «карту и географическое описание намерены печатать сего лета и к тому здесь субскрипцию (подписку — Г.Ш.) сочиняют», русские власти распорядились внимательно проверить, не содержится ли в этих документах «чего предосудительного». И если ничего такого нет, то они готовы их купить, предложив автору 50 червонных за 50 экземпляров (АВПРИ. Ф. 96 Оп. 1. 1728 г. № 4. Л. 303 об.–304). Выполняя приказ, Головин сначала побеседовал с самим «Штраленбергом», а затем с гоф секретарем фон Гепкеным. Они уверили, что «ничего опасного там нет, но русский министр этим не ограничился и прислал в Коллегию иностранных дел не только страницы

рекламного проспекта, но и приложил перевод, сделанный его переводчиком Иваном Пановым.

Титульный лист начинается следующими словами: «Краткое и новое географическое описание Северо-восточной части света которая все российское Государство С сибирью, також великую тартарию и их пограничныя земли, в себе содержит». Какое отношение этот документ имеет к истории публикации карты и труда Страленберга?

Из его писем к И.Ф. Брейне известно, что он объявлял подписку на издание карты и Описания уже в 1723 г. и обещал подписчикам предоставить ее в следующем 1724 году. Ясно также и то, что он не уложился в срок, поскольку обработка материала потребовала больше времени, а также, возможно потому, что расходы потребовали большего количества подписчиков. Следующий эпизод появления авторских упоминаний о грядущей публикации исследователи связывают с появлением в 1725 г. «Предупреждения о подготовленном к печати сочинении о Великой Татарии и Царстве Сибирском с приложением Великой России» (*Новлянская М.Г.* Филипп Иоганн Страленберг. С. 48–49). Недостаток средств для завершения работы подтолкнул Страленберга к выпуску ещё одного варианта брошюры, рекламирующего его труд, которую его брат Мартин отправил в Санкт Петербург. Е.А. Савельева ссылается на сведения, подтверждающие, что «к 1728 г. основной тираж книги был уже напечатан», но был задержан по некоторым причинам до 1730 г. (*Савельева Е.А.* Русские переводы книги Ф.-И. Страленберга в первой половине XVIII в. // *Страленберг Ф.И.* Записки. Т. 2. С. 225).

Но вот что интересно: текст титульного листа, обнаруженного нами в донесениях дипломата Н.Ф. Головина, не совпадает ни с одним из известных на сегодняшний день. Возможно, перед нами некий неизвестный вариант своего рода рекламной брошюры.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Головин написал, что Страленберг отверг его предложение сначала отправить в КИД экземпляры, а уж потом получить за них деньги. Вместе с тем русские власти сразу поняли всю значимость предложения и особенно заинтересовались «сибирской ланткартой». Уже 3 октября из Санкт-Петербурга Головину сообщили об отправке векселя на оплату требуемой суммы, но произошла какая-то «путаница», и его отказались обналичивать (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1728 г. № 4. Л. 401–402). Любопытно то, что объявленная автором стоимость одного экземпляра составила 1 золотой червонный, что равнялось примерно 2 рублям, что чуть больше той цены, которую предлагал своим покупателям Страленберг в 1723 году.

Следующее упоминание «географского» описания и карты мы встречаем практически через год, в реляции Головина от 26 сентября 1729 года. Он сообщает, что Страленберг «для печатания оного отправился в Германию» и сейчас находится в Берлине, обещая вернуться к ноябрю (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1729 г. № 6. Л. 143 об.). Это соответствует данным *Bibliothèque Germanique*, которые приводит Новлянская (Новлянская М.Н. Филипп Иоганн Страленберг. С. 49). Через несколько месяцев, а точнее, в секретной реляции от 8 июня 1730 г., русские власти грозно спрашивают у Головина, почему, «к немалому нашему удивлению», до сих пор не получили обещанных экземпляров. Они указали выслать их немедленно, надписав на полях: «если оные в печать отданы, купи» (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1730 г. № 4. Л. 30–31). Граф попытался оправдаться тем, что Страленберг обещал вернуться к Пасхе, но задержался в «малберге при кампаменте» (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1730 г. № 4. Л. 55 об.).

В реляции из Санкт-Петербурга от 11 марта 1731 г. ему было велено, несмотря на то, что «ныне такие ландкарты в России у других явились», все же отправить их в Россию. 9 апреля Головин написал, что подполковник Страленберг скоро приедет из Лейпцига (где печаталось Описание. — Г.Ш.), а ландкарты уже получено «несколько сот экземпляров» (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1731 г. № 6. Л. 161–161 об.). И действительно, 15 мая 1731 г. в Стокгольм приехал Ф.И. Страленберг и выдал Головину его заказ. Уже 24 мая русский посланник отправил 49 экземпляров в Санкт Петербург, сопроводив их письмом к почт-директору Ф. Ашу, чтобы тот немедленно все отправил ко двору (АВПРИ. Ф. 96. Оп. 1. 1731 г. № 6. Л. 263–264).

Подводя итог, следует отметить, что обнаруженные в дипломатической переписке Н.Ф. Головина документы, связанные с публикацией знаменитой карты Сибири и ее историко-географического описания Ф.И. Страленберга, представляют несомненный интерес и заслуживают дальнейшего изучения.

С.Ю. Шокарев
к.и.н., Лаборатория древнерусской культуры
ШАГИ РАНХиГС

Уникальный автограф князя Андрея Васильевича Большого Углицкого

Одна из подлинных грамот князя Андрея Васильевича Большого Углицкого (1446–1493) обладает уникальной особенностью: в конце грамоты почерком, отличным от основного, написано: «А подписал

аз княз Андрѣ Василевич самъ». По содержанию подписи можно с уверенностью предположить, что перед нами автограф самого князя Андрея. Грамота является жалованной в Троице-Сергиев монастырь на десятую часть добычи с еза на реке Шексне и датируется 1474–1478 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Карт. 4. Л. 4). Данный документ был в последний раз опубликован в 1952 г. в составе «Актів социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV в. — начала XVI в.». Публикаторы акта (скорее всего, А.А. Зимин) в археографическом описании указали, что подпись выполнена иным почерком, нежели основной текст (АСЭИ. Т. 1. № 434. С. 325). Это обстоятельство, однако, до недавнего времени не обращало на себя внимание.

На жалованных и данных грамотах великих и удельных князей на обороте присутствуют т.н. княжеские подписи. Такое наименование, принятое в литературе, не соответствует буквальному значению слова «подпись» (автограф). Подписи принадлежали руке дьяков, уполномоченных на это действие. Дополнениями к ним были монограммы дьяков и княжеские печати. Эти элементы удостоверяли акт, делая его правомочным (*Грязнов А.Л.* Организация работы канцелярий князей Московского дома в середине — второй половине XV в. // *Источниковедение в современной медиевистике: Сб. материалов Всерос. научной конференции, Москва 2020–2021 гг.* М., 2020. С. 117).

Наблюдения на троицкими актами (учитывались только подлинные акты) показывают, что в первой трети XV в. вместо княжеской подписи ставилось имя администратора («Василей Борисович», «Иван Дмитриевич» и др.), очевидно, действовавшего по княжескому поручению и руководившего выдачей акта. Подписи с именами бояр встречаются с 1411 г. по 1451 г. (АСЭИ. Т. 1. С. 41, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 71, 92, 121, 125, 152; АСЭИ. Т. 2. С. 93, 107). Первая грамота с надписью «князь велики» относится к периоду с 1417 г. (?) по 1425 г. (АСЭИ. Т. 1. С. 44). С 1432/1433 г. такие подписи все чаще появляются на оборотах грамот, первоначально, Василия II, затем, с 1442 г. — удельных князей («князь Иванъ Андреевичъ», «князь Василей Ярославичъ») и великих княгинь Софии Витовтовны и Марии Ярославны («княгиня велика») (АСЭИ. Т. 1. С. 66, 67, 70, 71, 81, 90, 103, 105, 107, 122, 126, 130, 135, 136, 138, 145, 151, 160, 161, 167, 171–173, 175, 176, 179, 189, 190–192, 200, 201, 215, 222, 226, 227, 232, 233, 234, 237, 244, 245 и др.). С 1485 г. формула великокняжеской подписи меняется на «князь великии Иван Васильевич всея Руси» или «князь велики всея Руси» (АСЭИ. Т. 1. С. 391, 407, 408, 409, 410, 411, 426, 445, 447, 500, 522, 544, 550). Все грамоты князя Андрея Углицкого, кроме вышеупомянутой, содержат

подписи: «князь Андрей Василевич» (АСЭИ. Т. 1. С. 233, 266, 267, 268, 272, 325, 350, 351, 379, 385, 410).

А.Л. Грязнов и Л.В. Мошкова установили, что авторами княжеских подписей Андрея Углицкого были его дьяки Семен Васильевич, Микифор, князь Иван Волк Ухтомский и еще два неизвестных. В ряде случаев, вместе с именем князя присутствует дьяческая монограмма (*Грязнов А.Л., Мошкова Л.В.* Канцелярия угличского князя Андрея Васильевича Большого // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 38–43).

В связи с этим, автограф Андрея Углицкого представляется уникалом. Однако он не одинок. Родич князя Андрея, внук Василия Ярославича Серпуховского, князь Федор Иванович Ярославич, живший в Литве, лично написал девять жалованных грамот. По мнению А.И. Груши, это была неординарная форма выражения благочестия князя (*Груша А.И.* Князь Федор Иванович Ярославич. Правитель, писавший документы своей рукой // Белорусское Полесье как историко-культурный феномен. М-лы Междунар. научного семинара. Пинск, 29 мая 2019 г. Минск–М., 2019. С. 37–48). Однако делопроизводственные эксперименты князя Федора, скорее всего, не имеют общего с московской традицией: он был эмигрантом во втором поколении. Другой случай также не ординарен. Царь Мухаммед-Эмин, владевший Каширой, согласно списку XVI в., подписал грамоту в Троицкий Белопесочный монастырь (1498 г.), «своею рукою по-русски и по-татарски» (АСЭИ. Т. 1. С. 531).

Автографы дарителей и собственноручно написанные жалованные и данные грамоты в XV в. известны, хотя и редки. Но для князя это единственный прецедент. Представляется, что ключ к его пониманию в процессе заверения грамот и терминологии. Среди актов белозерских князей встречаются подписи: «сам князь Ондреи Дмитриевичь», «сам князь Михал Андреевичь». Обе сопровождаются именами и монограммами дьяков (АСЭИ. Т. 2. С. 35, 44; также: С. 45, 92, 98). Вероятно, эта формула отражает процесс переоформления подписи с имени боярина на имя князя. Сначала так помечались грамоты, выданные по личному распоряжению князя, затем имена бояр исчезли из актов. Термин «подписал» относился к монограмме и обозначал заверение грамоты. Грамота князя Михаила Белозерского (1484–1485 гг.) завершается словами «а подписал дяк Иван Ципля» рядом с монограммой (на лицевой стороне) (АСЭИ. Т. 2). Остальные упоминания дьяков («подписал дяк» такой-то) относятся к подтверждениям грамот на обороте.

Исходя из этого, предполагаю, что князь Андрей Углицкий по какой-то причине лично выступил распорядителем дарения,

инициатором оформления акта и его заверителем. Возможно, это связано с тем, что князь Андрей в 1473 г. получил Шексну во владение от матери и поспешил обозначить свои права лично. Его подпись располагается на лицевой стороне, а не на обороте грамоты (как в случае с монограммой И. Ципли). Вторым элементом заверения является печать.

Вероятно, нечто похожее содержит грамота князя Семена Юрьевича Бохтюжского в Дионисиево-Глушицкий монастырь (1452 г.) (благодарю за это указание Н.В. Башнина). Последние слова текста «дал есмь» выполнены другим почерком (*Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 515; фото на вклейке).

Благодарю Н.В. Башнина, А.Л. Грязнова и Л.В. Мошкову за консультации при подготовке данного текста.

Э.В. Шульгина

к.и.н., зав. отделом

рукописей и старопечатных книг ГИМ

Деятельность переплетной мастерской Троице-Сергиевой лавры в XVI — первой половине XVII в.

К сожалению, до наших дней не дошли архивные свидетельства о работе монастырской переплетной и книгописной мастерских, так как большая часть архива сгорела во время пожара 1746 года.

Занимаясь историей создания и составом Великих Миней-Четких успенского списка митрополита Макария, я заинтересовалась историей создания переплетов миней и обратилась к работам известного филограноведа и исследователя по средневековым переплетам Клепикова С.А. В своих работах он отмечал наличие переплетных мастерских в Чудовом монастыре, при Успенском соборе и Троице-Сергиевом Лавре. Имея возможность мною было просмотрены все переплеты Чудовского и Успенского собраний, в каждом собрании просматривается свой комплекс переплетов с особенностями присущими конкретной мастерской, но переплетов типа Успенских миней в собраниях не оказалось. Они нашли в рукописном собрании Троице-Сергиевской Лавре.

В работах Клепикова С.А. отмечается роль этой мастерской в развитии художественного оформления русского переплета, он писал, что переплетная мастерская Лавры была первой среди русских мастерских, введшей крупное тиснение клише — средник, уголки, а также накатки (*Клепиков С.А.* Из истории русского художественного

переплета // Книга Исследования и материалы. М., 1959. С. 98–166). Необыкновенное мастерство композиции и редкое умение рассчитать и расположить несколько рядом сделанных оттисков басмы, чтобы они производили эффект непрерывного орнамента, было характерно для мастеров Лавры. Эта же мастерская ввела в обычай в своих переплетах помещать средник крупного рисунка особой формы — растительного орнамента, служившего как бы фирменным знаком этой мастерской, этот знак впервые появляется на нижней крышке подносного экземпляра царского Апостола 1564 года с изображением Ивана Грозного (ГИМ ОР Цар. А. № 15). Из других известных ранних переплетов этой мастерской Клепиков отмечает серию переплетов миней четых Успенского списка (Там же). Исследуя переплеты Великих Миней Четых и царского Апостола, у Клепикова не возникает никаких сомнений о их создании в Торице и о их подлинности. Клепиков пишет о работе лаврской переплетной мастерской, указывая конкретные памятники, но не ссылается на рукописи, созданные в самой лавре, он не приводит в пример ни одного переплета Троице-Сергиевского рукописного собрания.

Рассматривая переплет Апостола, мы видим на нижней крышке тот же крупный средник — цветок лилии, как и на верхней крышке переплетов миней-четых, они идентичны не только по рисунку, но и по штриховке на листьях и по размеру. Везде в рисунке прослеживаются следы золота. На Апостоле он появляется не впервые, мы видим его в более ранних переплетах. Этот же знак есть в переплете безвыходного узкошрифтного Евангелие 1553 г. (ГИМ ОР Хлуд. печ. № 15 Протасьева Т.Н.)

Миней четы (ГИМ ОР Син. № 986–997. Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева. Ч. 1) представляют собой рукописи в большой александрийский лист, объемные листы склеены по вертикали; доски из дуба толщиной 1,5–2 см.; кожа на переплетах сплошного кроя — коричневого цвета. Тип корешка глухой, форма прямая, чуть округлая. На корешках бинты 4–5 в зависимости от объема книги. (в прокладках под бинты использован пергамент, внутри на полосках виден текст). Каптал сплетен из суровых ниток, приклеен к верхним нижним концам крышек переплета, частично утрачен. Обрез закрашен синей красой, черными чернилами написан месяц миней.

Структура украшений переплетов продиктована большим вкусом и чувством меры. Переплеты миней по их технике изготовления идентичны: крышки переплета слегка выступают над блоком, их поверхности имеют небольшие скосы к наружному краю со стороны торцов и по центру. На верхней крышке переплета в центре

орнаментальной композиции доминирует средник — крупный цветок Лилии во круг цветка отдельно стоящие басмы без рамок: трех видов — восьмилепестковая розетка, лев с поднятой лапой, дерево. Тончайшее кружево цветочного и растительного орнамента (в виде листа аканта, византийской ветки, вьюна) обрамляют края крышек.

На нижней крышке — все пространство заполнено тиснением растительного характера и плетением в виде косички. Прямоугольные рамки обрамления, состоящие из отделено плотно стоящих басм или роллерных накатов перекликаются с цветочными рамками лицевых рукописей, обрамляющих изображения Евангелистов или Апостолов в лицевых рукописях XVI–XVII вв.

В басмах и накатках в переплетах преобладает цветочно-растительный орнамент. Сюжетного орнамента нет. Все двенадцать томов облачены в переплеты не только одного стиля, но и одной композиции с применением непрерывных орнаментальных бордюров из басм, мелких басм в виде розетки, цветка и льва, неограниченных рамам и крупного по центру средника. Теснение на переплетах глубокого рисунка хорошей сохранности. На нижних досках десяти переплетов сохранилось по четыре наугольники в виде сдвоенных лепестков, выполненные из меди. Все переплеты сопровождалась двумя застежками, большая часть из них в настоящее время утрачены, что при таком объеме рукописей вполне объяснимо

Мною были просмотрены все переплеты на рукописях Троице-Сергиевского собрания и действительно мне удалось выявить 16 переплетов на рукописях XVI–XVII вв. часть из которых идентичны макарьевским минаям, а часть имеет общий для всех переплетов средник и аналогичные скосы. **Самый ранний** переплет: Псалтырь толковая (РГБ, фонд 304, № 86); Синодики Троице-Сергеевой Лавры (РГБ, фонд 304, № 41, № 42); Псалтырь (РГБ, фонд 304, № 51); Апостол (РГБ, фонд 304, № 72); Апостол (РГБ, фонд 304, № 78); Книга пророков (РГБ, фонд 304, № 89); Евангелие толковое (РГБ, фонд 304, № 115); Миная служебная (РГБ, фонд 304, № 564); Миная служебная (РГБ, фонд 304, № 593); Трифологий русским святым (РГБ, фонд 304, № 626); Миная ноябрь (РГБ, фонд 304, № 671); Миная февраль (РГБ, фонд 304, № 674); Жития святых (РГБ, фонд 304, № 689); Сборник (РГБ, фонд 304, № 763).

Идентичность переплетов дает возможность отнести их создание к одной переплетной мастерской, а высокий уровень их изготовления и художественного оформления указывают на крупнейшую мастерскую того времени, обладающую большими возможностями. Такой крупной мастерской и была Троице-Сергиевская мастерская. За период с середины XVI в. по середину XVII в. от ее деятельности

только в двух крупных рукописных хранилищах: отдела рукописей ГИМ и отдела рукописей РГБ (при не полном просмотре) было зафиксировано более 30 памятников с сохранившимися переплетами созданными Троицкими мастерами.

Ю.Э. Шустова
к.и.н., доц. РГГУ; РГБ

Исследования Б.Л. Фонкича греческих документов из архива Львовского Успенского братства

Исследования Б.Л. Фонкича в области греческой палеографии позволили сделать важнейшие выводы как о самих греческих рукописях и документах, их атрибуции, бытования, так и о взаимоотношениях между людьми, институциями, государствами Христианского Востока. Фонкич обращался к собраниям греческих документов, хранящихся в разных архивохранилищах разных городов и стран. Одним из интереснейших является значительный комплекс греческих грамот конца XVI–XVII вв., отложившихся в архиве Львовского Успенского Ставропигийского братства. Практически все греческие грамоты, адресованные братству, регламентирующие его права и привилегии, при поступлении переводились на украинский язык. В архиве хранятся как оригиналы, так и современные им переводы. Большинство этих документов (оригиналы и переводы) были опубликованы, их содержание многократно изучалось историками, однако палеографическое изучение этих источников впервые было предпринято Б.Л. Фонкичем. Он планировал издать каталог греческих грамот из архива Львовского братства, однако эта работа так и осталась не осуществленной. Но целый ряд очень важных наблюдений и выводов он опубликовал в ряде работ.

Важные выводы об атрибуции нескольких грамот константинопольского патриарха Иеремии II руке одного писца, в том числе грамоты 1592 г. о предоставлении Львовскому братству ставропигиального права (непосредственного подчинения патриарху) (ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 210. Л. 1), позволили уточнить место и время создания весьма важного документа — списка *Notitiae episcopatum*, — хранящегося в РНБ (собр. А.И. Пападопуло-Керамевса, рук. греч. № 716), написанного тем же писцом. Это список епархий Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов и небольшой трактат о синкеллах иерусалимского патриархата. Таким образом, Фонкич сделал вывод о его создании в канцелярии вселенского патриарха во второй

половине XVI в., но не позднее 1589 г., когда был основан Московский патриархат (*Фонкич Б.Л.* Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // *Византийский временник*. 1975. Т. 36. С. 35).

В рецензии на книгу М.И. Мануссакаса Б.Л. Фонкич продолжает палеографическое исследование опубликованных греческим ученым грамот и показывает роль работы Мануссакса в развитии новогреческой дипломатики и значении этого труда для исследования греческих грамот в разных архивохранилищах. Б.Л. Фонкич уточняет некоторые арибуции писцов Мануссакаса, а также расширяет круг документов, написанных греческими писцами из архива Венецианского братства. Так, Фонкич не только уточняет писца грамоты 1590 г. Венецианскому братству, но и указывает на три грамоты из архива Львовского братства, написанные той же рукой. Речь идет о великом логофете Великой церкви Иераксе. Фонкич атрибутирует этому знаменитому константинопольскому писцу грамоты константинопольского патриарха Иеремии II об утверждении прав и привилегий Львовского братства от 2 декабря 1587 г., Львовскому епископу Гедону Балабану с призывом о прекращении притеснения и преследования братства под угрозой отлучения от церкви от ноября 1 индикта 1587 г. и киевскому митрополиту Михаилу Рогозе и всем верующим о непринятии григорианского календаря (ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 90, 89, 169). Еще один блок грамот, включая венецианскую 1594 г. и львовские грамоты патриарха Иеремии II 1589–1591 гг., последние четыре с небольшим строки грамоты мая 1591 г. (Там же. Д. 114, 118, 119, 170, 169), а также грамота и отдельные листы рукописи их собраний Санкт-Петербурга писаны патриаршим писцом, имя которого не установлено. Этот писец, как считал Фонкич, приезжал в июле 1588 г. в свите Иеремии II в Москву и в январе 1589 г. принимал участие в поставлении первого русского патриарха и в мае того же года покинул Россию. К автографам александрийского патриарха Мелетия Пигаса Б.Л. Фонкич отнес первые четыре строки грамоты 1593 г., адресованной царю Федору Иоанновичу и весь текст послания Мелетия 1597 г. (Там же. Д. 209, 312), а еще одну группу грамот Мелетия Пигаса Фонкич атрибутирует писцу архидиакону Александрии Максиму, это грамоты 1596 и 1600 гг. (Там же. Д. 325, 364) (*Фонкич Б.Л.* Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода // *Византийский временник*. 1975. Т. 36. С. 194, 196–197).

Работа по выявлению автографов греческих писцов была обобщена в отдельной работе (*Фонкич Б.Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения // *Византийский временник*. М., 1981. Т. 42. С. 124–128). Документы из архива Львовского братства, как установил Фонкич, написаны следующими писцами: анонимным писцом константинопольского

писца Иеремии II (ЦГИА Украины, г. Львов. Ф. 129. Оп. 1. Д. 114, 117–120, 169, 170); Арсением Елассонским (Там же. Д. 81, 77); Мелетием Пигасом (Там же. Д. 209, 312). Рукописи и документы, созданные этими писцами, представлены и в других собраниях СССР.

Изучение греческих документов из собраний Львова, Киева и Венеции позволили Б.Л. Фонкичу сделать важные выводы о происхождении списка Хроники Михаила Глики из Библиотеки Академии наук (Q № 7), определить круг писцов, которым обязана жизнью эта рукопись. Исследователь делает выводы, что она была написана в конце XVI в. либо в Афинах, либо в другом месте, но афинским писцом. К писцам афинского круга, наряду с Хроникой Глики, он отнес киевский список Жития Луки Стириота в переводе на новогреческий, выполненном диаконом из Афин Нафанаилом Эмборосом и переписанной в конце XVI в. двумя писцами, а также грамоту константинопольского патриарха Иеремии II киевскому митрополиту Михаилу Рогозе от 17 мая 1591 г. (Там же. Д. 167). Делаются выводы о группе писцов-профессионалов, вышедших из одной афинской школы письма и занимавшихся в 80–90-х гг. XVI в. и в первой четверти XVII в. составлением документов и книгописанием, один из которых был нотарием константинопольской патриархии (*Фонкич Б.Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // Памятники культуры. Новые открытия. 1981. Л., 1983. С. 19–24.*

Особенности грамоты Мелетия Пигаса царю Федору Иоанновичу Б.Л. Фонкич рассматривает в специальной работе (*Фонкич Б.Л. К истории текста одного из посланий александрийского патриарха Мелетия Пигаса к царю Федору Ивановичу // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 105–111.*) Он отмечает, что 9 известных посланий Мелетия Пигаса в Россию сохранились в виде копий. Единственным исключением является послание патриарха московскому царю от 21 (22) июня 1593 г., в котором речь идет о материальном воспомоществовании Львовскому братству на реставрацию Успенской церкви. Текст этой грамоты имеется в двух подлинных грамотах, а также копии в составе Иерусалимского и Патмосского сборников писем патриарха. Грамота, сохранившаяся в архиве братства, написана рукой самого патриарха (первые четыре строки строки) и другим писцом — остальной текст. Вторая грамота, дошедшая в составе собрания М.П. Погодина в РНБ полностью написана рукой патриарха и датирована днем позже, чем львовская, а текст имеет незначительные расхождения. Видимо, Погодин приобрел грамоту во время посещения Львова в 1842 г. Б.Л. Фонкич делает вывод о том, что обе подлинные грамоты были направлены братству с целью доставить их московскому царю, однако они не были отправлены.

Б.Л. Фонкичем были сделаны важнейшие выводы, касающиеся истории происхождения и бытования одного из интереснейших памятников по истории Львовского братства — так называемого «Альбома» Ставропигийского института. Кодекс был создан в 80–90-х гг. XVI в. и считался членами братства одним из основных документов его архива. Изучив графику греческих текстов «Альбома», Б.Л. Фонкич пришел к выводу, что все они были написаны двумя писцами. Их почерк исключительно близок к почерку Арсения Элассонского, который прибыл во Львов в 1586 г. и остался здесь в качестве ректора братской школы. В книге имеются также три подлинных грамоты константинопольских патриархов. Причем это не вставленные в книгу листы, а грамоты, написанные на бумаге кодекса. Б.Л. Фонкич делает вывод о том, что кодекс в 1638–1642 гг. трижды возили в Константинополь, где грамоты с подтверждением прав и привилегий братства вписывались непосредственно в книгу (*Фонкич Б.Л. «Кодекс» Львовского Успенского братства // Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2003. С. 56–57.*)

Итоги изучения 59 львовских грамот за 1561–1669 гг. Б.Л. Фонкич подводит специальной в работе (*Фонкич Б.Л. Палеография греческих грамот Львовского братства // Palaeoslavica. X. 2002. № 2. Р. 282–292.*) Он обращает внимание прежде всего на палеографические особенности документов, что позволило ему идентифицировать писцов греческих грамот по почерку, определить их принадлежность к школам письма. Палеографическое изучение греческих грамот, отложившихся в архиве Львовского братства, позволяет, как отмечает Б.Л. Фонкич, «не только извлекать известные факты, выявлять нюансы в отношениях православных христиан Западной Руси с восточными патриархами в XVI–XVII вв., но и получать важные дополнения для греческой палеографии указанного времени» (*Ibid. Р. 283.*)

Выводы историка позволяют по-новому рассматривать взаимоотношения братства с восточными патриархами и осознать его роль в истории Христианского Востока.

Ю.Э. Шустова
к.и.н., доц. РГГУ; РГБ

Работы В.К. Тредиаковского по хронологии (малоизвестная рукопись «Пасхальный кругили церковное счисление» 1747 г.)

Наследие В.К. Тредиаковского весьма разнообразно, но его исследования в области хронологии мало изучены, а работы не опубликованы. Он занимался разработкой математических методов

исчисления пасхалии и историей календаря (*Невская Н.И.* Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984).

Интерес к этим вопросам возник у него в 1737 г. и был связан с системой календарных расчетов по руке, «которое у великороссиан называется Богословьею рукою, а у малороссиан Дамаскиновою» Он отмечал, что знающие эту систему не всякому ее объясняют и «содержат... за великую мудрость». Однако «Сей их счет мне, не умеющему его, показался весьма удивительным, как и подлинно он достоин удивления, и подал причину к изобретению всего того арифметическими правилами самому от себя». Освоение способа ручной пасхалии казалось сложным для Третьяковского, и он ставит перед собой задачу «переложить» все расчеты на математический язык. Этому посвящена его работа, а «какия ни вымышлял я положения на моей руке, все оныя весьма далеки были от истины, для того, что я и ныне ни мало не умею делать сего по составам левыя руки» (ОР РГБ. Ф. 152. № 133. С. 4–5, 408).

Основным источником в этой работе стали пасхальные таблицы, содержащиеся в Псалтирях с воследованием, в которых, как он отмечал, нет объяснений ни самим элементам пасхалии, ни способам их вычисления. Но работа вышла за рамки способов расчета пасхалии. Она стала, по сути, первой в отечественной науке работой по хронологии, истории календаря. Обширные историко-научные «наблюдения» содержали объяснения названий месяцев и дней недели, календарно-хронологических циклов, истории праздников церковного календаря, биографии исторических деятелей и сведения об истории календарных систем у разных народов. Для этого он использовал сочинения европейских авторов, в их числе Николая Бион, Дюпен, Августин Кальмет и др. (*Bion N.* L'usage des globes celestes et terrestres, et des spheres. Amsterdam, 1700; Dupin. Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques. Paris, 1691–1715; *Calmet A.* Dictionnaire historique, critique chronologique, géographique, et littéral de la Bible. Paris, 1730), сочинения отцов церкви и Библию. Третьяковский обращался к коллегам по Академии наук с просьбами помочь ему разобраться в вычислении некоторых календарно-хронологических циклов. Известно его письмо от 4 августа 1746 г. к астроному Христиану-Николаю Винштейму с просьбой разъяснения способов расчета високосных годов (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 52–53).

Работа над рукописью была закончена в 1747 г. Титульный лист содержит следующие сведения: «Пасхальный круг или церковное счисление, изобретающее число Пасхи по старому и новому стилю, определяющее все числа в пасхальные таблицы и доказывающее справедливость положенных в оные ныне вновь умноженное

разными наблюдениями в пользу любопытным через Василия Тредиаковского, профессора елоквенции и члена Санкт-Петербургския императорския академии наук. В Санкт-Петербурге».

Копии сочинения были подарены автором президенту Академии наук, архиепископу Санкт-Петербургскому и одному священнослужителю. Однако рукопись не была напечатана. Тредиаковский несколько сократил первоначальный текст и в 1748 г. вновь представил ее Академии наук, но и в таком виде она не была издана. В 1758 г. им была предпринята последняя попытка опубликовать «Пасхальный круг...», рукопись еще раз подверглась изменению, были добавлены вычисления по новому стилю и опущены некоторые материалы, но и это не помогло изданию труда. В XIX в. попытку опубликовать сочинение Тредиаковского предпринял Л. Н. Майков. Он обратился с просьбой дать отзыв о ней к В.М. Ундольскому и П.В. Хавскому, которые отметили ряд незначительных ошибок, но работа так и осталась не опубликованной.

Сегодня известно несколько списков труда Тредиаковского в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, представляющие все три его редакции. В ОР РГБ хранится три рукописи. Две — в фонде В.М. Ундольского: 1) «Пасхалия по старому и новому стилю, пред симъ за 11 лет в правилах счисления простаго самага представленная, а ныне вновь высмотренная и исправленная Василием Тредиаковским» (СПб., 1758) с собственноручными записями, правками и пометами автора (третья редакция труда); 2) писарская рукопись XIX в., видимо, выполненная по просьбе Л.Н. Майкова (ОР РГБ. Ф. 310. № 456, 1150). В собрании И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича хранится экземпляр первой редакции 1747 г. Она происходит из коллекции материалов из архива Разумовских Маркевича. Перед смертью он продал часть своего рукописного собрания Лукашевичу, которое впоследствии поступило в Румянцевскую библиотеку. Эта рукопись, как сочинение в первоначальной редакции, представляет особый интерес и позволяет составить представление о труде, посвященном церковному календарю, в том виде, как его задумал Тредиаковский изначально.

Рукопись имеет картонный в красном бархате переплет, форзацные листы — из золотистой шпалерной бумаги с тисненым орнаментом, форматом in quarto (20×16,2 см), состоит из 430 страниц. На форзацном листе имеется гербовый экслибрис «Московского Публичного и Румянцевскаго Музеев № 1095» и помета: «Лукаш. № 1095 1870 г.», свидетельствующая о поступлении собрания Лукашевича в библиотеку. В конце книги вклеен листочек с надписью: «Сию собственноручно писанную книгу поднес в 1747 году сочинитель графу Кирилу

Григорьевичу Разумовскому, президенту Академии Наук» (ОР РГБ. Ф. 152 № 133, после С. 430).

Сочинение построено в виде задач, для вычисления которых предлагается текущий 1747 г., и примеров, как данную задачу можно решить. Также каждый раздел дополнен «Наблюдениями», в которых автор касается самых разных аспектов истории календаря, пасхалии, церковных праздников, жизни и деятельности некоторых важных для истории календаря имен. Например, «Наблюдение 33» посвящено понятию месяца, где говорится: «Месяц есть двоякой, гражданской и астрономической. Астрономической есть также двоякой, солнечной и лунной». Дается характеристика каждого этого понятия, а указывая разную продолжительность гражданских месяцев, Третьяковский приводит для лучшего запоминания четверостишие (видимо, его перевод известного в латинской традиции): «Тридцать дней Сентябрь, / Июнь, Апрель, Ноябрь, / Двадцать восемь в феврале, / Тридцать одним прочи все».

В труде, посвященном пасхалии, Третьяковский дал четкое определение всем календарным и астрономическим терминам, изложил историю всех используемых понятий, впервые предложил математический способ вычисления всех составляющих пасхалии, следуя форме математических сочинений Эйлера и других своих коллег по Академии наук. К сожалению, этот первый в русской науке труд по хронологии так и не получил должной оценки и до сих пор остается не известным.

*М.А. Шуткина
к.иск., с.н.с. Отдела нумизматики ГИМ*

Медальный портрет эпохи Просвещения

Русский XVIII век традиционно считается «золотым веком» портрета. Как и в Европе, в России увлечение портретной живописью становится не просто модой, но и знаком развития художественных вкусов общества и возникающего в этот период подчеркнутого интереса к внутреннему миру человека. По сравнению с живописным, медальный портрет как западноевропейский, так и русский, — сложная и пока еще не полностью исследованная тема.

Вероятно, одной из отправных точек для перехода от парсуны к портрету можно назвать первое европейское путешествие Петра I («Великое посольство») в 1697–1698 гг. Хотя в числе основных целей этой поездки было, прежде всего, освоение различных ремесел и уровня научного и технического развития Европы, не осталось

в стороне и знакомство с западноевропейским барочным портретом. В результате, к 1710-м годам с появлением работ Ивана Никитина в истории русского искусства явственно наметились признаки развития жанра портрета в русле европейского искусства.

Становление и существование русского медального портрета привлекает внимание ученых, в основном, в аспекте принадлежности тому или иному времени, школе или автору. В то же время место медального портрета в общем прогрессе изобразительных искусств той или иной страны, его бытование в контексте развития философских и стилистических проблем современного ему общества не слишком часто анализируется исследователями. Проблема эта многогранная и обширная, и требует рассмотрения с самых различных точек зрения.

Разумеется, в рамках одной статьи ответить на множество связанных с темой медального портрета вопросов невозможно. Нам хотелось бы обратить внимание на следующую грань его бытования — соотношение философии Просвещения, литературы и живописных портретов второй половины XVIII в. с русскими медальными портретами того же периода.

Принято говорить об обобщенности и известной сдержанности медальных портретов, называть их геральдичными, обращаться к технико-технологическим подробностям исполнения, мало уделяя внимания внутреннему, переданному художником состоянию модели. Это объяснимо — до конца XIX в. вряд ли можно найти более официальное по характеру искусство, имевшее, казалось бы, раз и навсегда утвержденные каноны.

В то же время, рассматривая творчество мастеров этого периода — художников, скульпторов, медальеров, литераторов и так далее — можно выделить некий, объединяющий их портреты, момент. Т. Иванов, С. Юдин, Ф. Рокотов, Ф. Шубин, Г. Державин — каждый из этих авторов, характеризуя свою модель, почти обязательно пользуется понятием «приятность», именно тогда вошедшем в моду. Это хорошо видно, например, в работах такого известнейшего гравера как Тимофей Иванов. Четкие и суховатые медальные портреты его ранних работ («В память установления исправной монеты», 1763 г.) сменяются произведениями с более мягкой лепкой и совершенно иным выражением лица («В память мира со Швецией», 1790 г.). Такие же изменения можно увидеть в работах известнейшего медальера Карла Леберехта. Его портреты Александра I на монетах 1801–1810 гг. демонстрируют поэтапное изменения в восприятии модели автором и отражение этого процесса в медальных портретах, что объяснялось не только изменением творческой манеры мастера.

Традиционно, веком Просвещения называют вторую половину XVIII и начало XIX в. Пришедшие тогда из Европы представления о том, что цивилизованность социума зависит от уровня распространенных в нем знаний, а человек цивилизованный — это человек, прежде всего, просвещенный и прямое следствие невежества — это утрата им своего достоинства и социального положения утверждается, пусть и с некоторой задержкой, и в русской среде. Возможности дальнейшего развития общества начинают напрямую связывать с просвещением самого общества во всех отношениях. Важным частью этого процесса становится признание изобразительных искусств как одного из основных составляющих Просвещения, дающего знания об окружающем мире. И главное, теперь в России искусство воспринимают как существенный фактор влияния, который, используя свои художественные средства, должен формировать публичное мировоззрение, эстетические и художественные вкусы.

Идеи Просвещения жили в самых различных направлениях изобразительного искусства и литературы второй половины XVIII века — в классицизме, сентиментализме, романтизме и даже в просветительском реализме. И у всех этих художественных направлений была определенная единая идея — «человек просвещенный», живущий в «естественном» единении с природой. Конечно же, медальерное искусство не могло не откликаться на современные запросы общества. Не оставаясь в стороне от существующих в обществе идей, оно вырабатывает собственный, соответствующий моменту язык.

Возможно, результат эпохи Просвещения и не был столь значителен, как от него ожидали. Тем не менее, он сыграл большую роль в истории развития художественной культуры и искусства. И только изменения во внешних обстоятельствах — нашествие Наполеона — сводит на нет характеристичные черты Века Просвещения. На смену ему приходит ампиризм с совершенно другими философскими и эстетическими пристрастиями. Изменившееся время изменяет и медальный портрет.

А.Д. Щеглов
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Проект договора об унии Швеции, Дании и Норвегии от 1436 г. по Санкт-Петербургской рукописи

В истории Дании, Швеции и Норвегии период с конца XIV по начало XVI в. — особое время. Сохраняя самоуправление, королевства заключили в 1397 г. союз под властью общего монарха — Кальмарскую унию. Попытки определить принципы взаимоотношений

нашли выражение в договорах и проектах. В числе примечательных документов — проект союзного договора, созданный около 1436 г.

Летом 1397 г. в Кальмаре было созвано собрание государственных советников и других аристократов трех стран. Были созданы акт о коронации союзного монарха Эрика Померанского и соглашение о союзе скандинавских государств. Первый документ надлежащим образом оформлен, записан на пергамене и скреплен множеством печатей. Второй явно носил предварительный характер и содержал ошибки и исправления. У Кальмарской встречи в формальном отношении оказалось два результата: личная уния и юридически спорная, не скрепленная полноценным договором бессрочная уния.

Политика Эрика Померанского неоднократно вызывала недовольство у шведов, норвежцев, а подчас и у датчан. Около 1434 г. в Швеции вспыхнуло т.н. восстание Энгельбректа Энгельбектссона. Аристократы, фактически возглавив движение, вступили в переговоры. По-видимому, в этой связи скандинавские магнаты создали проект, в котором была предпринята попытка восстановить унию.

Документ выполнял функцию предварительного протокола и содержал образец соглашения. Авторы заявляют, что намерены сохранить союз Швеции, Дании и Норвегии. Как и ранее, оговаривалось: каждое королевство должно жить по своим законам. Вместе с тем проект содержал новшества. Были обозначены полномочия должностных лиц — дротса (верховного судьи), марска (верховного военачальника), гофмейстера, верховного канцлера. Регламентировались выборы нового короля после смерти суверена. В выборах должны были участвовать по 40 человек от каждого королевства — духовных лиц, рыцарей, бюргеров и крестьян. Если у умершего короля не имелось сына, надлежало жребием определить, из какого королевства будет избран король.

Как можно заключить, авторы проекта преследовали следующие цели: 1) соблюсти интересы аристократов; 2) обеспечить формальное равенство стран — участниц унии; 3) устранить причины разногласий. Вероятно, значительную роль в создании документа играли шведы: в списках документа шведы как выборщики короля указаны в первую очередь; о Готланд, предмет споров между Швецией и Данией, упомянут как владение Швеции.

Проект от 1436 г. сохранился в списках. В некоторых рукописях он обозначен как договор об унии, созданный в конце XIV в. Эту ошибку допустил и реформатор, богослов и историк Олаус Петри. В историческом сочинении — «Шведской хронике» он указал, что текст представляет собой договор, заключенный в 1397 г. в Кальмаре.

Ошибка была устранена на рубеже XVI–XVII вв., когда А. Витфельд обнаружил и опубликовал договор 1397 г.

Проект тем не менее остался в поле зрения ученых. В 1676 г. Ю. Хадорф опубликовал памятник. В XIX в. документ был издан У.С. Рюдбергом; в основе издания — рукописный текст из кодекса В 9 (Государственный архив Швеции). Для критического аппарата Рюдберг использовал списки, вошедшие в сборники копий, созданные в конце XVI в. и хранящиеся в Государственном архиве Швеции (RA В 9, В 1, В 13, В 7, В 8) и Уппсальской университетской библиотеке (UUB E 131), а также в Дании. Рюдберг не упоминает о каких-либо списках проекта, хранящихся за пределами указанных стран. В этой связи интерес представляет тот факт, что рукопись, содержащая текст документа, имеется в Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Текст проекта договора от 1436 г. содержится в рукописной книге *in folio* под шифром Швед. F. IV. 2. Указанная книга перешла к Публичной библиотеке из собрания П.К. Сухтелена. Почти все тексты рукописи выполнены одним и тем же писцом примерно в конце XVI в. В качестве материала использована бумага; письмо — неоготический курсив. Главным текстом, входящим в кодекс, является список «Шведской хроники» Олауса Петри.

Содержание кодекса Швед. F. IV. 2 впервые было описано А.Ю. Желтухиным. Однако он не отметил, что в кодексе присутствует, в числе прочего, список проекта договора между Швецией, Данией и Норвегией. Впервые об указанном списке упомянул автор этих строк в статье, посвященной шведским манускриптам Российской Национальной библиотеки.

Список проекта договора находится на страницах 473–480 кодекса Швед. F. IV. 2. Как и прочие памятники, входящие в указанный кодекс, данный текст написан неоготическим курсивом. Он выполнен писцом, который изготовил списки большинства текстов, содержащихся в кодексе.

Сравнивая текст документа по данной рукописи с текстом, опубликованным Рюдбергом, с критическим аппаратом его издания и с рядом рукописей, я сделал вывод, что петербургский список близок особой группе списков, хранящихся в Стокгольме и Уппсале (рукописи В 1, В 7 и В 8 из Государственного архива Швеции и рукопись E 131 из Уппсальской университетской библиотеки), а также списку, использованному Хадорфом.

Из особенностей петербургской рукописи (и в целом указанной группы списков) интересно дополнение к разделу об обязанностях

дротса: он должен делать устные предупреждения королю, если тот не выполняет свои обязательства.

Специфические черты имеет и положение о поездках короля. В петербургском списке сказано: «Когда он пожелает таким образом ехать из одного королевства в другое, он должен брать с собой по три советника от каждого королевства <...> Особенно же — на тот случай, если придут высокопоставленные лица или их посланники в связи с какими-то делами, касающимися всех трех королевств». Во многих списках фраза звучит иначе: «Особенно на тот случай, если возникнут какие-то дела, или придут иноземные государи или их посланники».

В силу этих и других особенностей текста петербургский список, который, повторим, долго не был известен, представляет исторический и источниковедческий интерес.

Л.И. Щеголева
к.ф.н., с.н.с. ИВИ РАН

Поэмы Гесиода в пересказе для учащихся Карла Фридриха Гроссгейнриха (РГБ. Ф. 201, № 30, 31)

В 1998 г. Борис Львович Фонкич опубликовал краткий обзор собрания греческих рукописей выдающегося деятеля русского просвещения, науки и культуры первой половины — середины XIX в. Авраама Сергеевича Норова (*Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи А.С. Норова // Православный Палестинский сборник. Вып. 98. СПб., 1998. С. 123–131). Огромная библиотека А.С. Норова — одна из лучших в Европе ([*Срезневский С.И.*] Библиотека Авраама Сергеевича Норова (Bibliothèque de Mr. Abraham de Norov). Ч. 1. СПб, 1868. [рецензия] // Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке. Год 7-й (1869). № 4. М., 1870. Стб. 065) вместе с собранием рукописных книг и архивных материалов в 1863 г. была передана владельцем в Московский Публичный и Румянцевский музеи (Отчет по Московскому Публичному Музею от времени основания его до 1 января 1864 г. Представлен бывшим директором музея свиты Е. И. В. генерал-майором Н.В. Исаковым. СПб., 1864. С. 65). В том же году библиотека «по высочайшему повелению» перешла в собственность Музеев и была размещена в отдельном зале под именем А.С. Норова (Там же. С. 39–40).

Собрание рукописей (РГБ. Ф. 201) включает в себя 47 рукописных книг и отрывков на русском, греческом, латинском, итальянском, немецком, арабском и турецком языках. В составе собрания находятся

15 греческих рукописей (Ф. 201. № 18.1–2, 19–31), самые ранние из которых — Псалтирь на греческом языке (Ф. 201. № 18.2) и отрывок Псалтири на греческом, арабском и сирийском языках (Ф. 201. № 18.1) датируются IX в., а самые поздние — поэмы Гесиода на греческом и латинском языках (Ф. 201. № 30, 31) написаны предположительно в 1857 г. Остальные рукописи относятся к XI — первой половине XIX в.

Рукописи № 30 и 31 являются автографами филолога-классика, учителя греческого языка Карла-Фридриха Гроссгейнриха (1783–1860). Б.Л. Фонкич упоминает о них в своем обзоре греческих рукописей А.С. Норова: «В 1857 г. Норову были подарены две рукописи поэм Гесиода, в которых греческий текст «Теогонии» и «Трудов и дней» сопровождается подстрочным латинским переводом, выполненным Карлом Гроссхайнрихом (Ф. 201. № 30 и 31). На обеих рукописях имеются посвящения переводчика Норову, в одном из томов (№ 30) находится сопроводительное письмо Гроссхайнриха от 10 апреля 1857 г.» (Фонкич Б.Л. Греческие рукописи А.С. Норова // Православный Палестинский сборник. Вып. 98. СПб., 1998. С. 127).

В настоящее время мы можем уточнить и дополнить сведения, указанные в обзоре Б.Л. Фонкича. Греческий текст в обеих рукописях является не оригинальным сочинением Гесиода, а переработкой поэм Гесиода, выполненной К.-Ф. Гроссгейнрихом. Язык Гесиода был адаптирован для учащихся, для чего из него были убраны черты гомеровского диалекта, на котором написаны «Теогония» и «Труды и дни». Приведем для примера начало «Теогонии». В оригинальном тексте: Μουσάων Ἐλικωνιάδων ἀρχόμεθ' αἰεΐειν..., в адаптированном тексте: Μουσῶν Ἐλικωνιάδων ἀρχόμεθα ἄδειν... Изменена форма мн.ч. род.п. существительного: Μουσάων → Μουσῶν и инфинитив глагола: αἰεΐειν → ἄδειν. Таким образом, перед нами не оригинальные сочинения Гесиода, а пересказ его поэм на «классическом» аттическом диалекте.

Что касается перевода поэм Гесиода на латинский язык, то он не принадлежит Гроссгейнриху. Lehrs, F. S. (Franz Siegfried, 1806–1843). Перевод был опубликован в двуязычном издании поэм Гесиода на греческом и латинском языках, которое осуществил немецкий филолог классик Franz Siegfried Lehrs (1806–1843) (Hesiodi carmina, *Apollonii Argonautica*, *Museai carmen de Herone et Leandro*, *Coluthi Raptus Helenae*, *Quinti Posthomericæ, Tryphiodori Excidium Ilii*, *Tzetzae Antehomericæ*, etc. graece et latine / ed. F. S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis / adjecit Friedrich Dübner. Parisiis, 1841. P. 1–20, 31–46).

В письме, приложенном к рукописи № 30, К.-Ф. Гроссгейнрих обращается к А.С. Норову как к своему «покровителю» и просит принять его труд в качестве подарка к празднику Пасхи.

*И.Н. Юркин
д.и.н., г.н.с. ИИЕТ РАН*

Картографические материалы в документах проекта возобновления Ивановского канала (начало XIX века)

Строительство Ивановского канала, начатое в 1701 г., продолжалось в течение двух десятилетий, но завершено не было. Попытка его достроить, предпринятая в начале XIX в. по инициативе Департамента водяных коммуникаций, также потерпела неудачу — работы были остановлены задолго до их завершения. Оставшиеся от канала шлюзы в конце XIX — начале XX в. разобрали, заготавливая камень, из которого они были сложены. В настоящее время изучение остатков гидротехнических сооружений упирается в задачу установления мест, где они находились.

Способствовать ее решению может анализ картографических источников. К сожалению, наиболее ранняя, относящаяся к петровскому периоду, картография канала не выявлена. Из более поздних материалов представляется перспективным обращение к документам, связанным с работами начала XIX в. (РГИА. Ф. 1487. Оп. 15. Д. 34, 38, 39, 45–47, 57, 58).

Шлюзы, которые тогда готовились строить, изображены на чертеже под названием «Детальные планы шлюзам и плотинам, предполагаемым к построению по рекам Дону и Шате» (д. 39). На листе в одинаковом масштабе изображены планы 19 шлюзов: 6 — на р. Шат и 13 — на Дону. Планы пронумерованы, в названиях сообщено, что изображена часть реки при таком-то населенном пункте «с показанием прожекта для построения шлюзов и плотин». Планы не подписаны, даты отсутствуют.

По этим проектам было построено всего три шлюза, соответственно, только их планы и могут быть использованы для определения их положения на местности. Но ценность серии определяется еще и тем, что на всех планах показана исходная и новая формы речного русла, а на 7 планах еще и гидротехнические объекты (мельницы), уже существовавшие там, где готовились строить шлюзы. Это облегчает интерпретацию итогового рельефа, особенно сложного, если мельницам предшествовали шлюзы петровского времени. Кроме того, анализ наложения шлюзов на существовавшие объекты

искусственного происхождения позволяет реконструировать подход проектировщиков к использованию элементов рельефа.

Но изображенные на этих планах участки русла коротки, что затрудняет их привязку к местности. Данного недостатка лишен другой комплект планов — тех, где показаны границы помещичьих владений в районе трех шлюзов, которые намечалось строить первыми (д. 45–47). На листах в одинаковом масштабе представлено русло реки Шат, мосты, детали рельефа, проектируемый шлюз и находящиеся поблизости постройки: деревянные и каменные сараи, печи для обжига кирпича, крестьянские строения, огороды. Все три плана подписаны инженером-майором Лебедевым и уездным землемером губернским секретарем Лошкиным.

Участки русла на этих трех планах длиннее, чем на листе «Детальные планы...». Это позволяет уверенно привязать их к местности. Кроме того, по ним можно установить, как изменилось русло реки за столетия, прошедшие после постройки шлюзов.

Дата на планах обоих комплектов не указана. Из цитированных надписей ясно, что первый — это проектные чертежи. Определиться со вторым (с границами помещичьих владений) труднее. Шлюзы на планах этой серии изображены как существующие. Но, если перед нами фиксационные чертежи (к чему мы склоняемся), то показ на них границ владений избыточен — решения вопросов, связанных с землеотводом, естественно ждать до начала строительства.

Из других графических листов отметим две карты, на которых изображены русла рек, по которым проходил водный путь.

Название первого (д. 57) — «Карта реки Дона от истока его из Ивана-озера до города Донкова, объясняющая прожект возстановления первобытной коммуникации между Доном и Волгою». Лист подписан автором проекта генерал-майором Трузсоном. Имеется масштабная линейка. Дата отсутствует. Крайний левый лист утрачен. Изображение охватывает участок от с. Козлово (выше Епифани), где должен был появиться шлюз, обозначенный № 4, до с. Никольского со шлюзом № 11.

От второго плана (д. 58) остались два не стыкующихся листа, название, масштаб, подпись и дата на которых отсутствуют. Шат попал на сохранившийся фрагмент практически полностью. От русла Дона дошла лишь малая часть: участок, начинающийся вблизи устья р. Смолки и заканчивающийся за д. Гаи. На первом фрагменте отмечены места шлюзов № 1–7, на второй — одного шлюза № 10. В отличие от «Карты реки Дона», на которой изображено только русло, на втором плане в виде врезок присутствуют проектные чертежи отдельных шлюзов. Для Шата это шлюзы № 5–7 (первые построенные),

для Дона — № 6 и 9. Существенных отличий от изображений этих объектов на листе «Детальные планы» не выявлено; повторяются и названия. Различий два. Во-первых, на шатском листе имеется отсутствующая в «Детальных планах» врезка «Частной план местоположению Иван-озера с показанием прожекта для построений плотине». Во-вторых, на листе д. 58 помещен прогнозируемый профиль горизонта воды по руслу канала.

Помимо описанных существует карта, на которой изображен участок водного пути от устья Упы до Лебедяни. Места шлюзов отмечены и на нем. Показан масштаб, однако общего названия, даты и подписей карта не имеет. Их отчасти заменяют карандашные пометы. Так, на левой части (от устья Упы до предместий Тулы) написано «Специальная карта течению реки Упы до впадению ея в реку Оку». Врезок с планами шлюзов нет, кроме врезки с планом без названия, помещенной у правой границы карты. Кроме того, вдоль нижней линии обводки изображен профиль горизонта вод по руслу рек; он охватывает участок от д. Кошенская на Шате до Лебедяни на Дону.

Вероятно, к началу XIX в. относится и «План Иван-Озеру с частию канала, по повелению блаженной памяти Государя Императора Петра I-го учрежденнаго». Большая часть территории, изображенной на нем, ныне затоплена Шатским водохранилищем.

Таким образом, планы и карты начала XIX в. позволяют точно локализовать места всех поздних шлюзов, дают полезные сведения о некоторых участках трассы водного пути, позволяют предполагать, чем руководствовались гидростроители, выбирая места для постройки шлюзов.

А.О. Ястребов
к.и.н. PhD, с.н.с. ИРИ РАН

Две попытки царя Петра защитить греческую церковь в Венеции

Отношения Московского государства и Филадельфийской митрополии константинопольского патриархата с кафедрой в Венеции продлились более двух веков — с конца XVI до конца XVIII веков.

Эти контакты, восходящие к основанию православной епископской кафедры (1577 г.), всегда носили характер взаимного уважения и заинтересованности, но лишь в петровский период они приобрели систематический характер, когда российское правительство начало активно вовлекать венецианских греков в сферу своих политических и коммерческих интересов.

На рубеже XVII–XVIII веков на Филадельфийской кафедре в Венеции находился митрополит Мелетий Типальд, вначале тайно, а затем и публично исповедовавший католичество (См.: *Γεδεών Μ. Τυπάλδου, Στή συμφορά (1686–1712). Σημείωμα περί των εν Βενετία θρησκευτικῶν ταραχῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. № 33 (1913). S. 266–320*). Он применил насилие к православным членам общины и в начале 1708 г. при помощи светских властей завладел храмом святого Георгия Победоносца. Греки были вынуждены обратиться за помощью к царю Петру (См.: *Ястребов А.О. Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики (публ., вступ. статья, коммент. А.О. Ястребов) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 123–140*).

Государь откликнулся и в 1710 г. написал обращение к властям республики с просьбой вернуть храм православным. При этом, помимо заботы о единоверцах, царь преследовал вполне утилитарные цели, а именно — он, покровительствуя их духовным нуждам, рассчитывал на помощь греков и славян в уже начавшейся очередной войне с османской империей.

Письмо было подкреплено открытием российского консульства и неформальной дипломатической резидентуры (*Дучич Й. Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. Пер. с сербского В.Н. Соколова. СПб.: Скифия, 2009. С. 152–162*).

Ответа дожа и сената на послание царя не последовало, мир с Портой был заключен на неблагоприятных для России условиях, «второй фронт» на Балканах, как следствие, был свернут, и дальнейших шагов в направлении поддержки греков предпринято не было.

Следующий эпизод связан с миссией игумена Герасима Фоки, священника венецианского прихода, приехавшего в 1722 г. вновь просить Петра о помощи (Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 41. Сношения России с Венецией. 1722. Оп. 1. Ед.хр. 2. Л. 34 Краткое упоминание об его приезде см.: *Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Т. 2. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1896. С. 217*). Фока был кефалонийцем, в Венеции оказался по личным делам, но в 1718 г. занял место капеллана в церкви святого Георгия и возглавил там православную партию (*Βελοῦδης Ι. Ἐλλήνων ὀρθοδόξων ἀποικία ἐν Βενετία, 2 ἐκδόση, Βενετία: τυπογραφεῖον Φοῖνιξ 1893. S. 182, Μανούσακας Μ., Γ. Σκουλάς Ι. Τα ληξιαρχικά βιβλία τῆς ἐλληνικῆς ἀδελφότητος Βενετίας. Α'. S. νς' εἰσαγωγή. За два года настоятельства имеется всего четыре*

его записи в книге венчаний). Претерпел гонения по доносам греко-католиков и был изгнан из пределов республики, направившись через Дунайские княжества в Россию.

В архивном деле имеется проект указа Петра от 25 июля 1722 г., из которого явствует, что было решено возвести Фоку в сан архимандрита, после чего он должен был отправиться в Венецию вместе с резидентом, чтобы отправлять богослужения в его домовую церковь, «доколе тое церковь по желанию своему получат» (АВПРИ. Там же. 15–15 об.).

Таким образом, прошению Фоки дали ход на самом высшем уровне. Резиденту же надлежало по прибытии в Венецию прилагать все усилия, чтобы вернуть церковь православным грекам (АВПРИ. Ф. 41. 1722. Оп. 1 Ед. хр. 3. 1722 апрель 24 — июль 23. Отправление (не состоявшееся) в Венецию галерного лейтенанта Ивана Алексеева в чине резидента. Л. 13–15).

Однако этому проекту также не суждено было сбыться. Формальной причиной его отмены стало отсутствие уведомительного письма нового дожа Себастьяно Мочениго о своем избрании. Герасим, пробыв в России полтора года, вынужден был уехать назад ни с чем.

Итак, и первом, и во втором случае с ходатайством за венецианских греков действия царя были продиктованы обстоятельствами политического свойства.

Если послание 1710 года, формально будучи обращенным к венецианскому сенату, на деле призывало к общей борьбе греков и славян против османского владычества, то проект с отправлением резидента носил характер миссии государства-победителя, поднявшегося на уровень империи и с этой высоты пытавшегося влиять на европейскую политику.

Сама кандидатура резидента, военно-морского офицера Ивана Алексеева, должна была прибавить веса действиям императора, который по-прежнему рассчитывал на греков и славян как в политической, так и в коммерческой сферах, а его ходатайство должно было еще выше поднять престиж России в глазах единоверцев и европейцев. Обе попытки оказались неудачными, в первом случае в связи с неблагоприятным для России исходом дел на главном театре военных действий, во втором — в связи с противодействием венецианских властей, не желавших возобновлять конфликт между православной и католической партиями греческой общины города.

Нормализация же церковной жизни в Венеции отложилась на несколько десятилетий. Когда во главе храма будет вновь стоять Филадельфийский митрополит, в лагуне появится наконец и полноценный

российский представитель в статусе «полномочного министра». При посольстве будет учреждена домовая церковь, которая, правда, про-
существует чуть больше 10 лет.

С.А. Яцык
к.и.н., н.с. Лаборатория медиевистических
исследований НИУ «ВШЭ» /
СНАМ, Национальный центр научных исследований,
(Франция)

«Breviloquium de virtutibus» Иоанна Уэльского: применение анализа социальных сетей при изучении рукописной традиции

Наследие Иоанна Уэльского (ум. 1285), францисканского богослова и проповедника, состоит из 18 трактатов, сборников *exempla* и и экзегетических текстов, а также четырех сотен проповедей. «Breviloquium de virtutibus» представляет собой работу, открывающую цикл из четырех трактатов Иоанна, известных как *-loquia*. Несмотря на то, что «Breviloquium» не был обращен к какому-то конкретному молодому правителю, в прологе к этому тексту Иоанн объявил, что ставит своей задачей просвещение и наставление князей. Кроме того, он поставил перед собой задачу обеспечить проповедников материалом для вероучительных бесед с людьми всех возрастов и социальных слоев.

В историографии нет единого мнения относительно жанра этого текста: одни исследователи утверждают, что это зеркало для принцев или флорилегий, другие видят в нем трактат о кардинальных добродетелях, собрание *exempla* или протогуманистическую антологию классических текстов. Чтобы выяснить жанровую природу «Breviloquium», представляется интересным выяснить, как он воспринимался современниками, в каких сборниках циркулировал и как эти рукописи использовались.

Для того, чтобы изучить состав сборников, в которые входил «Breviloquium», была создана реляционная база данных, включающая кодикологическое описание рукописей (на сегодняшний день их насчитывается 253), а также сведения об их составе. Собранные данные были экспортированы в виде набора таблиц .csv и проанализированы с помощью языка R.

В качестве метода анализа был выбран анализ социальных сетей. Он опирается на теорию графов и основан на идее, что данные о взаимоотношениях между любыми исследуемыми объектами могут быть

визуализированы в виде сети. Например, текст можно рассматривать как ребро, соединяющее две рукописи, если он присутствует в обеих. Чем больше текстов можно найти в обеих рукописях, тем сильнее будет связь. Историки успешно используют этот метод: в основном для изучения социальных отношений, финансовых и матримониальных связей, однако он применим и для исследования рукописей. Примером такого исследования является, к сожалению, пока еще неопубликованная диссертация Октава Жюлиана (*Julien O. Lire, écrire, relier: la composition des recueils vernaculaires français et anglais de la fin du Moyen âge. Soutenue le 29/10/2016 sous la direction de Jean-Philippe Genet à Paris 1*).

В настоящем выступлении будут продемонстрированы графы, позволяющие разделить формирующие корпус рукописи на группы и кластеры, будет предложена оценка эффективности классификации рукописей с помощью анализа сетей, и будет выдвинута гипотеза относительно того, как менялось представление о жанре «*Breviloquium de virtutibus*» между XIII и XVI веками. Также будут затронуты вопросы об ограничениях, которые влечет за собой применение этого метода к анализу манускриптов: так, степень каждой вершины, то есть количество связей, которые рукопись имеет с соседями, может зависеть от ее объема.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Доклады	
<i>Абеленцева О.А.</i> К вопросу о наименования документов в монастырском судебном делопроизводстве (по материалам архива Успенского Тихвинского монастыря конца 1640–1650-х годов)	7
<i>Абрамян Р.М.</i> Генеалогия в Советской Армении	9
<i>Авдеев А.Г., Энговатова А.В., Яганов А.В.</i> Редкая находка бронзовой пряжки на городище в г. Верее Московской области	11
<i>Авдеев А.Г.</i> Эпиграфическое «наследие» архимандрита Троицкого Ипатьевского монастыря Феодосия III	13
<i>Авчухов А.Ю.</i> Акция парходного общества «Новое Азовское парходство»	14
<i>Агишев С.Ю.</i> Генеалогическое планирование «в роду Сверрира»: к постановке проблемы	16
<i>Акимова Л.И.</i> К пониманию образа Эроta в искусстве Южной Италии	18
<i>Алексеевко Н.А.</i> Denier tournois крестоносцев французской Эллады из окрестностей Бахчисарая: Ещё раз об обращении иноземной монеты в средневековой Таврике	21
<i>Амерханова Э.И., Лифшиц А.Л.</i> Неизвестные пергаменные фрагменты, принадлежавшие В.И. Григоровичу	24
<i>Андреева О.В.</i> Материалы следственных дел 1930-х г. как источник по истории книги	25
<i>Антонец Е.В.</i> Письмо глосс в позднеантичных латинских копиях	27
<i>Антонюк П.Н., Симонов Р.А.</i> Новые (математические) данные, устанавливающие точность хронологических расчетов Кирика	29
<i>Артамонов Ю.А.</i> К вопросу о городах во владении древнерусской церкви	31
<i>Ауров О.В.</i> Годы правления римских и византийских императоров в хронологии «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого	33
<i>Афонин Г.А.</i> История и современное состояние некрополистики в Республике Казахстан	36
<i>Базарова Т.А.</i> Рукописная копия трактата «О коронах» из библиотеки Феофана Прокоповича	38

<i>Баранов А.Г.</i> Бумажные заменители монет в России в 1915–1919 гг. К истории выпуска	40
<i>Бароне В.А.</i> «Волшебный ирис цвел под лягушачьей стражей»: о происхождении французских геральдических лилий	43
<i>Безверхий Д.В.</i> Новые сведения о генеалогии семьи архитектора В.И. Баженова	45
<i>Белоусов М.Р.</i> Опыт реконструкции комплекса делопроизводственных документов конного смотра служилых людей московских чинов Государева двора июня 7161/1653 г.	48
<i>Беляев Л.А., Баранова С.И.</i> Изучение деревянного дворца в Коломенском П.Д. Барановским: неизвестные материалы	50
<i>Беляков А.В.</i> К созданию большой государственной печати 1667 г.	53
<i>Бибиков М.В.</i> Вспоминая Б.Л. Фонкича	55
<i>Блескина О.Н.</i> Каролингский Сакраментарий из собрания Залуских: кодикология, палеография, история	59
<i>Богданов А.А.</i> Использование дореволюционных наработок при создании советских банкнот в 1920-е гг.	61
<i>Болдырева Н.А.</i> Книжная деятельность духовника царя Алексея Михайловича Андрея Савинова Постникова	63
<i>Бондач А.Г.</i> Грамматика или грамота? О судьбе одной «греческой рукописи»	66
<i>Борисов М.Ю.</i> Опыт реконструкции бытования московских Евангелий 1630–1640-х гг. на базе маргиналий и документов архива Приказа книгопечатного дела.	69
<i>Бочарников Б.Н.</i> Геральдический декор в творчестве архитектора Бернхарда Симона на примере дворцов Нарышкиных на Фонтанке и Воронцовых-Дашковых в Быкове	71
<i>Булычева Е.В.</i> Надписи об аренде священных земель в Афинах второй половины IV в. до н.э. как источник для изучения правовых отношений в древнегреческом полисе	74
<i>Валева Н.Т.</i> Проблема удвоения согласных в написании иноязычных слов: история и современное состояние	76
<i>Валькова О.А.</i> К вопросу о палеографическом анализе русскоязычной рукописи середины — второй половины XX в.	78
<i>Вернер И.В.</i> Греческие рукописи Арсения Суханова в библейской справе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского	81
<i>Виноградов М.А.</i> Топонимия одной можайской деревни: Заполье или Шкули?	83
<i>Вознесенская И.А.</i> Переводы толкований молитвы «Отче наш...» начала XVIII в.	86

<i>Волкова У.М.</i> Образ столицы Российской империи на медалях XVIII — начала XX в.	87
<i>Вревская Н.А.</i> Потенциал технологического исследования русской бумаги первой четверти XVIII в. для локализации ее производства на материале «петровской» книги	89
<i>Гвоздева Т.Б.</i> Панафинейские игры в Афинах по данным эпиграфики	91
<i>Гёзалов П.</i> Понятие знамени и различие государственного и национального знамени	94
<i>Голованова О.И.</i> Деловая письменность как отражение регионального управления и проблемы эффективности власти в России (на материале документов Тюменской воеводской канцелярии в период бунта Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.)	96
<i>Горбатов Е.Н.</i> Титулованное дворянство в «подлинных» боярских списках 1626–1633 гг.	99
<i>Гришин Е.С., Крутов Д.А.</i> Способы построения дазиметрических карт населенности региона по исторических источникам	101
<i>Грязнов А.Л.</i> Состав судебных и писцовых комиссий в XV — начале XVI в.	104
<i>Гуськов А.Г.</i> Толмач Посольского приказа Данила Леншин	106
<i>Денисов А.О.</i> Готы на средневековых картах	109
<i>Джаксон Т.Н.</i> Где жили великаны? Исландские саги об обитателях Крайнего Севера	111
<i>Джиоева А.Р.</i> Филигрань «Двуглавый орел» на материалах рукописных карт БАН первой четверти XVIII века	114
<i>Евдокимова А.А.</i> Особенности палеографии граффити из Каппадокии. Предварительные замечания	116
<i>Елохин К.А.</i> Восприятие изобразительных девизов итальянскими интеллектуалами в XVI–XVII веках	119
<i>Емелин И.Б.</i> Герб Череповца: происхождение и символика	122
<i>Ермолова И.Е.</i> О Рифейских горах в поздней античности	124
<i>Ерусалимский К.Ю.</i> Итинерарий Ивана Грозного: реляции европейских путешественников о посольских приемах в России	127
<i>Жуков А.Е.</i> Второе южнославянское влияние как революция славянской письменности (к постановке проблемы)	129
<i>Захарчук П.А.</i> Реализация отечественных археографических проектов по публикации научных сочинений эпохи Нового времени по истории металлургии в первой половине XX века	131

<i>Звездина Ю.Н.</i> Особенности изображения Страшного суда в картинах нидерландских живописцев XVI века «Святой Иероним в келье»	134
<i>Зверев С.В.</i> Московский кружок нумизматов (1884–1888)	136
<i>Иванов В.И.</i> Карта благочиний Кавказской епархии 1858 г., составленная по инициативе святителя Игнатия (Брянчанинова)	139
<i>Иванов К.В.</i> Отображение межина в русском географическом чертеже в XVII веке	141
<i>Иванова Н.П.</i> Историография хронологии древнерусского летописания	143
<i>Илизаров С.С.</i> Отец и сын Арендты в Московском археологическом институте	146
<i>Илларионова Л.И.</i> Карта Палестины 1893 года: инструмент реализации задач ИППО	148
<i>Казбекова Е.В.</i> Палеография экземпляра Библии Гутенберга в РГБ	150
<i>Казимова Г.А.</i> К вопросу о сербском компоненте в рукописи Иосифо-Волоколамского монастыря (РГБ, ф. 113 собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 659)	151
<i>Кайгородова Т.В., Цыб С.В.</i> О дате погребения князя Александра Невского	155
<i>Калашикова А.А.</i> Вкладные и данные грамоты: сходства и различия	158
<i>Калинина Т.М.</i> Румийа — город в Ираке	160
<i>Каретников А.Л.</i> Сара или Гда? Об историческом названии главного притока озера Неро	162
<i>Кириллова Д.А.</i> Погон архимандрита Исаакия (Виноградова) ..	165
<i>Кирпичников И.А.</i> Трансформация рязанского выборного дворянства в первой трети XVII века	167
<i>Клейтман А.Л.</i> Европейские карты XVII–XVIII вв. как источник по истории Волго-Донского канала Селима II	169
<i>Козлова А.Ю.</i> К вопросу о сокращенных списках Толковой Палеи	172
<i>Колесов В.И.</i> Через генеалогию к семейным историям и сетевым связям джегонасских горских евреев	174
<i>Комочев Н.А.</i> Источники по истории преподавания дипломатики в собрании кафедры ВИДиА ИАИ РГГУ	177
<i>Коновалова И.Г.</i> Исламские карты Каспийского моря X–XI веков	180

<i>Конякина Т.Ю., Крамарева И.В.</i> Опыт генеалогического исследования рода Журавлевых из с. Утевка Нефтегорского района Самарской области	182
<i>Корзинин А.Л.</i> О датировке «Списка дворовых, приказных и служилых людей разных чинов» последней четверти XVI в.	185
<i>Королева А.В.</i> Просопографическое изучение мемуаров в истории семьи: мемуары Ф.П. Рысь как источник по истории семьи	187
<i>Кручинин А.С.</i> Флаг, герб или игра фантазии?	189
<i>Кузьмин А.В.</i> О достоверности источников о происхождении и времени выезда на службу в Москву предков рода Загряжских	192
<i>Кузьмин А.В.</i> Дополнения к истории «О вращениях небесных сфер» (К 550-летию юбилею Н. Коперника в 2023 году)	195
<i>Кулаковская О.Ю.</i> Генеалогия в контексте фамилистики	198
<i>Курусканова Н.П.</i> Нелегальные журналы сибирских учащихся-эсеров (дофевральский период)	200
<i>Курьшева М.А.</i> Б.Л. Фонкич и датирование греческих рукописей	203
<i>Курьшева М.А., Цыпкин Д.О.</i> К вопросу о древнерусских монокондильных композициях	206
<i>Лавренев В.И.</i> «О тверских козлах и рязанских косопузах...». Региональные прозвища как культурный ресурс для создания музея	208
<i>Лаврентьев А.В.</i> К истории речных и сухопутных путей юга Руси в XIV веке	211
<i>Леонов М.В.</i> О некоторых цифровых коллекциях архивных артефактов Московского университета	214
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.</i> К реконструкции логики имянаречения в XVI в. Два имени окольного Головина	216
<i>Литвинов А.С.</i> Гербы XII–XIII веков (по данным печатей средневековой Вестфалии)	219
<i>Литовских Е.В.</i> Палеографические особенности рукописи АМ 107 fol	221
<i>Лобанов Д.В.</i> Усыпальница Первушиных в Донском монастыре.	223
<i>Логотова М.Г.</i> Рукописный молитвенник конца XV в. (шифр: Lat.O.v.I.206) в собрании Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербург	225
<i>Локтева А.А.</i> Имена и виды. Особенности наименования владельцами из обеспеченных слоев общества своих домашних питомцев (XIX — начало XX вв.)	228

<i>Мажуга В.И.</i> О рисунках, иллюминации и глоссах в Петербургском списке комментария Бартоло да Сассоферрато к <i>Digestum novum</i> (Научный архив СПбИИ РАН, карт. 590, п. 1)	230
<i>Майко В.В.</i> Генеалогические исследования феномена «сахарных королей» российской промышленности конца XIX — начала XX в.	231
<i>Матисон А.В.</i> К биографии археографа Сергея Александровича Шумакова	234
<i>Медведев М.Ю.</i> Аугментации в геральдике: исследовательские проблемы	236
<i>Мельник А.Г.</i> Надписи на шитых палицах, находившихся в Новоторжском Борисоглебском монастыре	239
<i>Мининков Н.А., Кринко Е.В.</i> Рукопись, не ставшая книгой: из творческого наследия донского историка П.П. Сахарова	241
<i>Митрофанов А.А.</i> Иконоборчество в эмблематическом пространстве Франции в эпоху Реставрации	244
<i>Моисеев М.В.</i> Источники по генеалогии и просопографии знати Крымского ханства и Ногайской Орды в XVI веке	246
<i>Мокерова Е.Ю.</i> Печать игумена Агафангела конца XIX — начала XX в.	249
<i>Мурзин-Гундоров В.В.</i> Бытование княжеского титула на отрезке XVII–XVIII веков в роду дворян Волынских, потомков Дмитрия Михайловича Боброка	251
<i>Незговорова В.В.</i> «Шильдеровский отдел» в музее лейб-гвардии Сапёрного батальона	253
<i>Нисенбаум С.Я.</i> Штетл. Культурно-географический феномен еврейского местечка	256
<i>Носова Е.И., Корчилава А.В.</i> База данных как инструмент для изучения истории бумаги: задачи, структура и разработка.	258
<i>Носова Е.И., Смирнов К.А.</i> Разработка метода гиперспектральной съемки для фиксации водяных знаков документов, выполненных сажевыми чернилами	260
<i>Оборнева З.Е.</i> Неучтенные греческие документы РГАДА: 1625–1635 гг.	262
<i>Окунева О.В.</i> Возвращаясь к напечатанному, или Новая интерпретация изображения Бразилии на карте Атлантического океана Пьера де Во (1613 г.)	264
<i>Омельченко Д.М.</i> <i>Signum regis</i> и хризмон в грамоте Альфонсо VII (из коллекции Н.П. Лихачёва) как элементы визуального оформления власти «императора всей Испании»	266

<i>Опарина Т.А.</i> «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе	268
<i>Орецкая И.А.</i> Греческие иллюстрированные рукописи конца XIII века и палеологовский ренессанс	270
<i>Паскаль А.Д.</i> Неизвестная редакция Сказания о Феодоре Сантварине в славяно-молдавском Сборнике 1616 г. (Овч. 793) ...	271
<i>Петров Н.И.</i> Император Павел I и петербургский культ св. Павла Константинопольского	274
<i>Петрова М.С.</i> Артефакт как просопографическое свидетельство частной жизни	276
<i>Пешехонов С.А.</i> Тенденции советской топонимии архипелага Земля Франца-Иосифа	277
<i>Полонский Д.Г., Славкович Е.</i> «Слова крестные» в новонайденном сербском рукописном Четвероевангелии 1548 г.	280
<i>Пономарева И.Г.</i> Уточнения к датировке рождения митрополита Киевского и всея Руси Алексия	282
<i>Попова Е.М.</i> Некоторые особенности шведской корреспонденции в период шведской оккупации Новгорода начала XVII в.	285
<i>Пушков В.П.</i> Женские покупки в книжной лавке Московского печатного двора в 1636/37 г. (по архиву Приказа книгопечатного дела)	287
<i>Пчелов Е.В.</i> Эмблематический контекст печати петербургской Академии наук 1735 года	290
<i>Пьянова Т.А.</i> Записные книжки А.А. Покровского в фонде Центральной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова	292
<i>Рабинович Я.Н.</i> Князя и княжны Гагарины в Смутное время: неизвестные страницы биографии и родословной	294
<i>Рамазанова Д.Н.</i> Научное наследие Б.Л. Фонкича и новые находки рукописей лихудовского круга	297
<i>Родионов О.А.</i> Прп. Паисий Величковский как переводчик редких византийских текстов: к истории создания церковнославянской версии сочинений Каллиста Ангеликуда	300
<i>Рылик П.А., Севастьянова С.К., Бондач А.Г.</i> Греческие рукописи Книги о соборе Паисия Лигарида	302
<i>Савицкий И.В.</i> Передача книжных коллекций на государственное хранение: на примере книжного собрания М.Ф. Готман	305
<i>Салоники Н.В., Суториус К.В.</i> Источники по истории Новгородской архиерейской школы в Петровское время	307

<i>Самарин А.Ю.</i> Дарственные надписи академика Н.П. Лихачева коллегам-историкам на современных антикварных аукционах	310
<i>Сахаров И.В.</i> Безобразное издание первого тома труда Н.Ф. Иконникова «La noblesse de Russie» в переводе на русский язык	312
<i>Свиридонова А.И.</i> Соборное урегулирование книгоиздательства в период «золотого века старообрядчества»	316
<i>Селиванова Л.Л.</i> Загадочная киренская драхма в коллекции герцога Девонширского	318
<i>Сень Д.В.</i> Мировщики во взаимоотношениях Войска Донского и османского Азова	320
<i>Сергеев А.В.</i> Землевладельцы Романовского уезда 1550–1630 гг.	323
<i>Синчук И.И.</i> «Ведомость Витебской таможенной заставы» как памятник исторической хронологии начала XVII века	325
<i>Смирнов А.В.</i> О юбилейной медали в честь И.В. Буяльского 1864 г.	328
<i>Соколова Н.В.</i> Преамбулы описных книг вотчин патриарха (1701–1703 гг.) и «типовой» наказ Монастырского приказа переписчику: общее и особенное в структуре, формулах, содержании	330
<i>Солодкин Я.Г.</i> К датировке «Утвержденной грамоты» Земского собора 1598 г.	333
<i>Соницева Н.Е.</i> Пространство и время как естественные факторы социокультурного развития в исторической концепции Г.В. Вернадского	335
<i>Староскольская Д.С.</i> Гербы и знаки пивоваров: от Средневековья к современности	338
<i>Столярова Л.В.</i> О направлениях в развитии славяно-русской палеографии в России	340
<i>Суриков И.Е.</i> Кому принадлежит первое упоминание Рима?	342
<i>Таценко Т.Н.</i> Влияние художественных стилей на немецкий неоготический курсив: ренессанс, барокко, классицизм (по материалам Архива СПбИИ РАН)	345
<i>Тогоева О.И.</i> «Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти: рукописи и их читатели	347
<i>Усачев А.С.</i> Эволюция состава церковной элиты в России XVI века	349
<i>Устинова И.А.</i> Динамика власти архимандритов Троице-Сергиева монастыря на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам настольных грамот)	352

<i>Уханова Е.В., Андреев А.В., Жижин М.Н., Пойда А.А.</i> Возможности определения поновлений миниатюр Хлудовской Псалтири середины IX в. (ГИМ, Хлуд. Д. 129) с помощью мультиспектральной съемки и последующей программной обработкой методом СВА	354
<i>Ушаков А.В.</i> Торговля «новгородских гостей» в письмах магистрата Любека к совету Ревеля второй половины XV века (из Таллиннского городского архива)	356
<i>Франклин С.</i> Об источниках и развитии риторических приемов в русских заграничных паспортах XVII — первой половины XVIII в.	359
<i>Хазанова С.И.</i> Новелла о похищении царевны в сборнике XVII в., содержащем сведения из Пчелы	361
<i>Харьков Р.Е.</i> Германские гербовники-некрологии XIV–XV вв.: постановка проблемы	364
<i>Ходько Ю.М.</i> Неизвестные греческие антиминсы московских граверов братьев Ивана и Алексея Зубовых	366
<i>Хромов О.Р.</i> О первых изданиях антиминсов на Московском печатном дворе	368
<i>Худин К.С.</i> Бабуин Сидорка, слоны и охотничьи собаки: зоонимы в зверинцах России XVIII века	370
<i>Цыб С.В.</i> О хронологии новгородо-суздальского конфликта конца 30-х гг. XII в.	373
<i>Черкасова М.С.</i> Ономастика в источниках Московской Руси	375
<i>Черных А.П.</i> Надгробие Аликс и Иоланды (утраченный бретонский памятник XIII в.)	378
<i>Чеснокова Н.П.</i> Предсказание о Константинополе в контексте хронологии и астрологии нач. XVIII в.	381
<i>Чиж И.С.</i> Паспорт издания как источник изучения деятельности издательства «Искусство»	383
<i>Чумакова Т.В.</i> Вспомогательные исторические дисциплины в трудах Саввы (Тихомирова)	386
<i>Шадунц Е.К.</i> К истории эпиграфических исследований в России: разыскания древних надписей в Переславском уезде в XVIII — начале XX века	388
<i>Шалак М.Е.</i> Анализ сведений русских источников по исторической географии Малой Ногайской Орды в XVI в.	391
<i>Шамин С.М., Шамина И.Н.</i> «Учение», учитель и школа в трудах священника Саввы Дугина	393
<i>Шебалдина Г.В.</i> Новый источник по истории издания карты Ф.И. Страленберга	396

<i>Шокарев С.Ю.</i> Уникальный автограф князя Андрея Васильевича Большого Углицкого	398
<i>Шульгина Э.В.</i> Деятельность переплетной мастерской Троице-Сергиевой лавры в XVI — первой половине XVII в.	401
<i>Шустова Ю.Э.</i> Исследования Б.Л. Фонкича греческих документов из архива Львовского Успенского братства	404
<i>Шустова Ю.Э.</i> Работы В.К. Третьяковского по хронологии (малоизвестная рукопись «Пасхальный кругили церковное счисление» 1747 г.)	407
<i>Шуткина М.А.</i> Медальный портрет эпохи Просвещения	410
<i>Щеглов А.Д.</i> Проект договора об унии Швеции, Дании и Норвегии от 1436 г. по Санкт-Петербургской рукописи	412
<i>Щеголева Л.И.</i> Поэмы Гесиода в пересказе для учащихся Карла Фридриха Гроссгейнриха (РГБ. Ф. 201, № 30, 31)	415
<i>Юркин И.Н.</i> Картографические материалы в документах проекта возобновления Ивановского канала (начало XIX века) ...	417
<i>Ястребов А.О.</i> Две попытки царя Петра защитить греческую церковь в Венеции	419
<i>Яцык С.А.</i> «Breviloquium de virtutibus» Иоанна Уэльского: применение анализа социальных сетей при изучении рукописной традиции	422

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXV Всероссийской научной конференции
с международным участием
Москва, 6–7 апреля 2023 года

Отв. редакторы:
И.Г. Коновалова
Е.В. Пчелов

Оригинал-макет
Ю.В. Степанова

Подписано к печати 03.04.2023
Формат 60x84¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 27. Тираж 300 экз.
Тип зак. № __

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

